VISIT…

Pax
Britannica

Давид Юм

АНГЛИЯ ПОД ВЛАСТЬЮ ДОМА СТЮАРТОВ

Pax Britannica

David Hume

ENGLAND
UNDER THE HOUSE OF STUARTS

Volume I

Aletheia
Publishing House
St. Petersburg
2001

Pax Britannica

Давид Юм

АНГЛИЯ ПОД ВЛАСТЬЮ ДОМА СТЮАРТОВ

Том I

Перевод с английского *А. А. Васильева*
Под общей редакцией *С. Е. Федорова*

Издательство
«Алетейя»
Санкт-Петербург
2001

ББК Т3(4Вл)512
УДК 942.066
Ю 41

Д. Юм
Ю 41 Англия под властью дома Стюартов. Т. 1 / Пер. с англ. А. А. Васильева; под общ. ред. С. Е. Федорова. — СПб.: Алетейя, 2001. — 563 с. — (Pax Britannica)
ISBN 5-89329-355-X

Редколлегия:

Лабутина Т. Л., Муха М. В., Репина Л. П., Сергеева Л. П., Федоров С. Е., Чамеев А. А.

Издание представляет собой первый русский перевод итоговой части восьмитомного труда по истории Англии крупнейшего представителя шотландского Просвещения, философа, историка, экономиста и публициста Давида Юма (1711–1776).

Первый том охватывает период с момента восшествия Якова VI (I) Стюарта на английский престол (1603 г.) до казни Карла I Стюарта (1649 г.).

Для историков, философов, а также всех тех, кто интересуется английской историей раннего нового времени.

Данное издание выпущено в рамках программы Центрально-Европейского Университета «Translation Project» при поддержке Центра по развитию издательской деятельности (OSI — Budapest) и Института «Открытое общество. Фонд содействия» (OSIAF — Moscow).

ISBN 5-89329-355-X

© Издательство «Алетейя» (СПб), 2001 г.
© А. А. Васильев, перевод на русский язык, 2001 г.
© С. Е. Федоров, комментарии, 2001 г.

Глава I

ЯКОВ I

Введение. — Первые события царствования Якова. — Положение дел в Европе. Переговоры с маркизом де Рони. — Заговор Рэли. — Конференция в Гемптон-Корте. — Парламент. — Мир с Испанией.

ВВЕДЕНИЕ

Английская корона никогда не переходила от отца к сыну так мирно и спокойно, как перешла она к дому Стюартов от дома Тюдоров [1]*. В продолжение всего царствования Елизаветы взоры ее подданных были заняты поиском преемника; когда же преклонный возраст приблизил перспективу ее смерти, выяснилось, что, кроме шотландского короля, уже никто не способен предъявить сколько-нибудь обоснованные права или притязания на английский престол. Он был правнуком Маргариты, старшей дочери Генриха VII [2], и по пресечении мужской линии династии Тюдоров его наследственные права стали неоспоримыми. Если вероисповедание шотландской королевы Марии и прочие предрассудки на ее счет и создавали какие-либо важные помехи для наследования ею английского трона, то эти препятствия, будучи всецело личного свойства, к ее сыну отношения не имели [3]. К тому же люди принимали в расчет, что хотя права, основанные на кровном родстве, после нормандского завоевания нередко нарушались, подобные отклонения проистекали скорее из интриг или насилия, нежели из каких-либо ясных и продуманных принципов правления. В конечном счете каждый раз торжествовал прямой наследник, между тем

* Сноски в скобках — примечания научного редактора. См. с. 520–562. (Прим. *Издателя*).

как отстранение его от власти, так и последующее восстановление в правах сопровождались обыкновенно такими потрясениями, которые были вполне достаточными, чтобы предостеречь любого благоразумного человека от подобного рода безрассудств. И хотя завещание Генриха VIII, утвержденное актом парламента, молчаливо подразумевало отстранение шотландской ветви от английского престолонаследия[4], тиранические наклонности и капризное непостоянство этого монарха были столь очевидными, что подобное решение, не опиравшееся на сколько-нибудь разумные и справедливые основания, не могло иметь для народа никакого авторитета.

К тому же сама королева Елизавета признала на смертном одре бесспорные права своего родственника Якова [5], и, казалось, вся нация готова была встретить его с искренней радостью и весельем [6]. Он родился в чужой стране и вырос среди враждебного народа, но репутация человека сдержанного и рассудительного позволяла надеяться, что он сможет усвоить принципы английского монарха, и потому люди благоразумные рассчитывали, что выгоды от союза с Шотландией окажутся значительнее, нежели возможные неудобства от подчинения государю-шотландцу. Радостное нетерпение, с которым ожидали англичане наследника, показалось Елизавете столь откровенным, что вместе с иными обстоятельствами повергло королеву в глубочайшее уныние: эта мудрая государыня, чей опыт и острый ум позволяли ей прежде с необыкновенной тонкостью судить о делах человеческих, так и не сумела в достаточной мере оценить неблагодарность придворных и легкомыслие народа.

ПЕРВЫЕ СОБЫТИЯ ЦАРСТВОВАНИЯ ЯКОВА

Правлению этой королевы сопутствовали победы за границей и мир внутри страны, а потому она оставила государство в столь цветущем состоянии, что ее преемник, вступив на английский престол, получил все мыслимые преимущества, и лишь сравнение с прославленным именем Елизаветы было для него невыгодным. Путешествие короля из Эдинбурга в Лондон тотчас же представило пытливым умам повод для сопоставлений, которые, даже при всей естественной симпатии подданных к новому монарху, никак нельзя было истолковать в его пользу. Он ехал в Лондон, и люди всех званий, влекомые личной выгодой или простым любопытством, стекались к нему отовсюду. Все вокруг веселились, искренние приветствия гремели со всех сторон; при этом каждый мог припомнить, каким образом среди ликующей толпы подданных обнаруживала свой открытый нрав и простые манеры покойная королева. Между тем Яков,

общительный и любезный с друзьями и придворными, терпеть не мог шум и суматоху разношерстной толпы и хотя отнюдь не был врагом лести, предпочитал все же покой и тишину. Он издал прокламацию [7], запрещавшую подобные стечения народа, ибо они, как утверждал король, неизбежно влекут за собой недостаток съестных припасов и множество иных неудобств[1].

Впрочем, король Яков не остался совершенно равнодушен к столь бурным проявлениям любви со стороны своих новых подданных и, будучи по натуре человеком доброжелательным и мягким, поспешил, насколько мы можем судить, ответить на них знаками любезности и внимания. Кажется, именно этим побуждением и следует объяснять необыкновенную щедрость короля в раздаче титулов, которой отмечено начало его царствования, когда за полтора месяца после своего приезда в Англию он успел возвести в рыцарское достоинство не менее двухсот тридцати семи лиц [8]. Свойственная Елизавете крайняя сдержанность в жаловании почестей и денег прежде вызывала ропот, однако теперь ее оценили по достоинству, ибо каждый чувствовал, что своими поспешными и чрезмерными милостями король так и не сумел привязать к себе тех самых особ, на которых они изливались. Всевозможные титулы, превратившись в нечто общедоступное, почти перестали служить знаками истинного отличия, а поскольку раздавались они весьма необдуманно и неразборчиво, лицам, совершенно государю неизвестным, то видели в них скорее доказательство добродушия и снисходительности самого Якова, нежели свидетельство подлинного уважения и дружеских чувств к определенным людям [9].

Тогда же на стене храма Св. Павла появился пасквиль, обещавший научить всех лиц со слабой памятью чрезвычайно важному искусству запоминать имена новой знати[2].

Можно предположить, что англичане не стали бы так сурово порицать щедрость короля в расточении всевозможных милостей, если бы последние изливались только на их нацию, а не распределялись в слишком неравных пропорциях в пользу его прежних подданных. Яков, в продолжение своего царствования следовавший скорее склонностям и настроению, нежели законам политического благоразумия, привез с собой в Англию великое множество придворных-шотландцев [10], чьи нетерпение и назойливость во многих случаях действительно могли взять верх над податливым нравом их владыки и добиться от него желанных милостей, а это, разумеется, должно было вызывать громкий ропот английских подданных Якова. Герцог Леннокс, граф Марр, лорд Юм, лорд Кинлос, сэр Джордж Юм, государственный секретарь Элфистоун[3] были тотчас же введены в состав английского Тайного совета [11]. Сэр Джордж Юм, коему Яков присвоил титул графа Данбара, до конца своих дней оставался признанным фаворитом короля; он был одним из самых мудрых и честных, хотя и наименее влиятельным из всех, кого монарх когда-либо почтил этим отличием. Некоторое время спустя Хэй был удостоен титула викон-

та Донкастера, затем графа Карлайла и получил от короны громадные богатства, которые расточал с истинным блеском и великолепием. Рамси добился титула графа Голдернесса [12]; многие другие лица, внезапно вознесенные на вершину знатности, высокомерием своим лишь усиливали ту естественную зависть, которую возбуждали они как чужеземцы и старинные враги.

Следует, однако, признать, отдавая должное Якову, что почти все важнейшие посты он оставил в руках елизаветинских министров [13], а ведение государственных дел, как иностранных, так и внутренних, доверил своим английским подданным. Среди последних его первым министром и главным советником всегда считался государственный секретарь Сесил, получивший один за другим титулы лорда Эссендена, виконта Кранборна и графа Солсбери [14]. Способности и острый ум этого министра были достаточно известны, и однако милость, оказанная ему королем по восшествии на престол, вызвала удивление. Тайная переписка, в которую вступил он когда-то с Яковом и которая в немалой степени способствовала благосклонному приему короля в Англии, положила начало влиянию Сесиля, и в то время как все его прежние соратники — сэр Уолтер Рэли, лорд Грей, лорд Кобем, вследствие своей вражды с Эссексом и по иным причинам утратили расположение монарха [15], Сесил продолжал занимать свой пост, пользуясь величайшим доверием и уважением.

Дипломатические таланты Якова и его министров тотчас же подверглись важному испытанию: в Лондон явились послы почти от всех европейских держав и государей, желавшие поздравить английского короля со вступлением на престол и заключить с ним новые договоры и союзы. Кроме представителей Венеции, Дании и Пфальца прибыл посол Соединенных Провинций Генрих Фридрих Нассаусский в сопровождении Барневелта, великого пенсионария Голландии [16]. Эрцгерцог Альберт направил в Лондон Аремберга, в скором времени ожидалось прибытие из Испании Таксиса, но тем человеком, который как собственными заслугами, так и достоинствами своего владыки возбуждал наибольший интерес, был маркиз де Рони, впоследствии герцог де Сюлли [17], первый министр и фаворит короля Франции Генриха IV.

ПОЛОЖЕНИЕ ДЕЛ В ЕВРОПЕ. ПЕРЕГОВОРЫ С МАРКИЗОМ ДЕ РОНИ

После того как владения дома Габсбургов перешли к Филиппу II [18], всю Европу поразил ужас при мысли о том, что мощь династии, вознесенной некогда благодаря счастливой судьбе, может теперь достигнуть небывалой высоты стараниями и мудрым правлением этого государя. Но никогда еще человеческие опасения не оказывались столь безосновательны-

ми. Медлительный без благоразумия, честолюбивый без предприимчивости, лживый и вероломный, но неспособный кого-либо обмануть, хитрый и утонченный, но не обладавший подлинной рассудительностью, — таким был характер Филиппа, и подобный отпечаток при его жизни и после его смерти получила вся испанская политика. Восставшие или обезлюдевшие провинции, недовольные или праздные жители — такое зрелище явили эти владения, разбросанные по всему свету, новому королю Испании Филиппу III, государю слабому и неспособному, и герцогу Лерма, министру слабому и отвратительному [19]. Но хотя выучка и дисциплина, по-прежнему сохранявшиеся в испанской армии, оставались тем единственным, что сообщало какую-то видимость жизни и энергии этому дряхлеющему телу, страх, порожденный прежней мощью и амбициями Габсбургов, был столь велик, что ослабление этого дома превратилось в главный предмет желаний всех христианских государств. Люди тогда еще не поняли, что французская держава, объединенная внутренним миром и управляемая самым храбрым и очаровательным из государей, украшающих современную историю, сама по себе стала достаточным противовесом испанской силе. Вероятно, и сам французский король этого не видел, когда через своего посла предлагал Якову заключить союз и вместе с Венецией, Соединенными Провинциями и северными королевствами напасть со всех сторон на владения Габсбургов, чтобы ослабить непомерное могущество этой честолюбивой династии[4]. Но характер английского монарха совершенно не соответствовал столь обширным предприятиям. Главной его страстью была любовь к миру, и, благодаря счастливому для Якова стечению обстоятельств, предмет желаний короля оказался чрезвычайно выгодным и полезным для его народа.

Таким образом, послу Франции пришлось оставить эти далеко идущие планы и вести с Яковом переговоры о средствах обеспечения безопасности Соединенных провинций; впрочем, и этот предмет не был вполне свободен от трудностей. До своего восшествия на английский престол Яков питал известные сомнения по поводу восстания в Нидерландах [20] и, будучи обыкновенно человеком открытым и искренним[5], нередко даже именовал голландцев «бунтовщиками»[6], однако при более близком знакомстве с английскими министрами и придворными обнаружил, что их привязанность к этой республике столь велика, а убеждение в общности интересов столь прочно, что вынужден был пожертвовать политике собственным чувством справедливости — чувством для монарха редким и достойным уважения даже тогда, когда оно ошибочно. Итак, Яков договорился с маркизом де Рони о том, что, действуя заодно с королем Франции, он будет оказывать тайную поддержку Генеральным штатам [21], дабы слабость и отчаяние не заставили их покориться прежнему владыке. В статьях договора, ясных и немногочисленных, было предусмотрено, что оба монарха предоставят голландцам право набирать в своих королевствах войска, а на их оплату секретно ассигнуют республике один миллион четыреста тысяч ливров ежегодно, причем полную сумму внесет французский ко-

роль, однако третья ее часть будет вычтена из его долга королеве Елизавете; кроме того оба государя обязывались оказать друг другу помощь (Генрих — десятью, Яков — шестью тысячами солдат), если один из них подвергнется нападению со стороны короля Испании. Этот договор, один из самых разумных и справедливых договоров, заключенных в правление Якова, был в большей мере делом самого государя, нежели кого-либо из его министров[7].

ЗАГОВОР РЭЛИ

Среди прочного мира, как внутреннего, так и внешнего, коим наслаждалась тогда английская нация, ничто не могло показаться более неожиданным, чем раскрытие заговора с целью свержения правительства и возведения на трон Арабеллы Стюарт [22], близкой родственницы короля по семейству Ленноксов [23] и, как и Яков, происходившей от Генриха VII. Все в этом заговоре по-прежнему остается таинственным, и история не может дать нам никакого ключа к его разгадке. Обвинения были предъявлены Уотсону и Кларку — двум католическим священникам; лорду Грею, пуританину; лорду Кобему, легкомысленному человеку, не имевшему каких-либо твердых принципов; сэру Уолтеру Рэли, подозревавшемуся в принадлежности к той философской секте, члены которой, тогда еще весьма редкие в Англии, впоследствии получили название «свободомыслящих», а кроме того — м-ру Броку, брату лорда Кобема; сэру Гриффину Маркему, м-ру Копли и сэру Эдуарду Пархему [24]. Какие узы могли соединить столь несходных по своим взглядам лиц в столь рискованном предприятии, какова была их действительная цель, какие средства предполагали они употребить для ее достижения, — все это не ясно до сих пор, и даже догадки на этот счет строить не так уж просто. Считалось, что после смерти Елизаветы Рэли, Грей и Кобем возражали против признания нового короля до заключения с ним особых договоренностей; по этой причине они были в высшей степени ненавистны двору и министрам, и поначалу люди склонялись к мысли, что весь этот заговор сочинил государственный секретарь [25] Сесил, желавший таким образом избавиться от своих прежних союзников, ныне превратившихся в заклятых врагов. Однако суд и признания обвиняемых развеяли все сомнения[8]. И хотя никаких следов общего плана действий никто так и не сумел обнаружить, выяснилось, что люди честолюбивые и неистовые, часто собираясь вместе и полагая весь свет таким же недовольным, как они сами, строили некие преступные козни и даже (по крайней мере некоторые из них) вошли в переписку с послом эрцгерцога Фландрии Арембергом с целью помешать вступлению на престол нового короля.

Оба священника[9] и Брок[10] были казнены; Кобем, Грей и Маркем — помилованы[11] (после того, как их головы уже коснулись плахи)[12]; Рэли

получил отсрочку в исполнении приговора, хотя помилован не был и еще много лет оставался в заключении

Как явствует из мемуаров Сюлли, Рэли тайно предлагал свои услуги французскому послу, и мы вправе допустить, что, получив с этой стороны решительный отказ, он обратился с теми же безрассудными предложениями к посланнику эрцгерцога Фландрии Подобные догадки мы можем строить сейчас, следует, однако, признать, что в ходе самого процесса не обнаружилось, судя по всему, никаких прямых доказательств этой интриги, равно как и серьезных улик, способных оправдать столь суровый приговор Обвинил Рэли один лишь Кобем, причем сделал это в приступе ярости, когда узнал, что во время допроса Рэли открыл некоторые обстоятельства, способные обнаружить и доказать виновность самого Кобема Затем он отрекся от своего обвинения, а вскоре взял назад собственное отречение И, однако, на основе письменных показаний этого единственного свидетеля, человека бесчестного и недалекого, не имевшего очной ставки с Рэли и столь откровенно противоречившего самому себе, показаний, не подтвержденных какими-либо другими уликами, присяжные вопреки всякому закону и справедливости признали этого славного мужа виновным Имя Рэли было тогда в высшей степени ненавистно для англичан, и потому каждый с величайшей охотой согласился бы подать свой голос против человека, который был главным врагом народного любимца Эссекса

Интересы короны в ходе процесса представлял сэр Эдуард Кок[26], знаменитый юрист и тогдашний генеральный атторней, необыкновенно грубые оскорбления, которыми осыпал он Рэли, бросают тень не только на память самого Кока, но даже до известной степени и на общие нравы эпохи «Изменник», «чудовище», «адский змий», «мерзкий паук» — столь изящные выражения употреблял он в адрес одного из самых прославленных людей в государстве, человека, который, оказавшись под судом, перед угрозой потери состояния и самой жизни, защищался с изумительным спокойствием, мужеством и красноречием[13]

КОНФЕРЕНЦИЯ В ГЕМПТОН-КОРТЕ. 1604

Занятие, коему посвятил себя король впоследствии, доставило его душе полнейшее удовлетворение он диктовал свою волю богословам, призванным для разбора некоторых вопросов вероучения и церковного устройства, и получал от этих благочестивых особ громкие похвалы за великое свое усердие и необыкновенную ученость Религиозные споры между англиканской церковью и пуританами побудили его созвать в Гемптон-корте конференцию, дабы изыскать средства к примирению обеих сторон

Суровые меры, принятые Елизаветой в отношении католиков, весьма ослабили эту партию, чей дух явно противоречил преобладающим настроениям английской нации, однако подобные же строгости так мало подействовали на пуритан, этими самыми настроениями поощряемых, что не менее 750 священников упомянутой партии подписали петицию к королю[27] по восшествии его на престол, и, вероятно, еще большее число склонно было ее одобрить[14] Все они надеялись, что Яков, воспитанный в Шотландии и выражавший порой симпатии к тамошней государственной церкви, пожелает, по крайней мере, смягчить суровые законы, принятые против пуритан и в поддержку англиканской обрядности, а может быть, и вовсе удостоит эту секту особых милостей Однако мысли и поступки короля приняли совершенно иное направление чем ближе знакомился он с пуританскими священниками, тем менее благосклонно к ним относился В их шотландских собратьях он уже успел заметить яростный республиканский дух и фанатичную преданность гражданской свободе — качества, неотделимые от двигавшего ими религиозного исступления Он обнаружил, что люди эти по большей части незнатные, плохо образованные и дурно воспитанные, а потому высокомерная самонадеянность, свойственная их фамильярным обращениям к небесному Творцу, чьими особенными любимцами они себя посчитали, побуждает их к непростительным дерзостям и в отношении земного суверена И как монарх, и как теолог Яков уже имел случай почувствовать, сколь мало почтения склонны были эти люди оказывать его персоне они ограничивали его власть, оспаривали его религиозные принципы и перед лицом всей нации открыто осуждали его действия и образ мыслей И если когда-то он подчинился унизительной необходимости перед ними заискивать, то тем бóльшую злобу таил он против них теперь, твердо решив дать им когда-нибудь почувствовать всю тяжесть своей власти Прежде ему часто приходилось сталкиваться с сопротивлением, интригами и упрямством шотландского дворянства, однако никакой вражды к этому сословию он не питал и даже оказывал ему в Англии больше милостей, чем это можно было оправдать соображениями здравой и разумной политики, зато с тем влиянием, которого добилось над ним пресвитерианское духовенство [28], монархическая гордость Якова так и не смогла совершенно смириться[15]

Яков страшился также влияния подобных лиц на простой народ обоих королевств Во многих религиях принято воображать, будто бесполезный аскетизм и бессмысленное самоограничение делают нас особенно угодными благому Существу, создавшему нас единственно лишь для радости и счастья, и Яков мог заметить, что грубая суровость этих священников и всей их секты сообщала им в глазах толпы вид людей святых и добродетельных Сам весьма склонный к веселью, вину и всякого рода забавам, он предчувствовал, что эти люди станут жестоко порицать его вольный образ жизни, и потому, испытывая как по личным, так и по политическим причинам сильнейшую неприязнь к секте пуритан, он решил воспрепят-

ствовать, насколько возможно, дальнейшему ее распространению в Англии [30].

Но в продолжение всего царствования Якова планы его отличались скорее мудростью и справедливостью целей, нежели благоразумной расчетливостью средств. Он верно понял, что ни одна часть гражданской администрации не требует более неусыпной заботы и трезвого суждения, чем дела религиозных партий, но он не заметил, что насколько понимание этой, практической стороны богословия является для монарха необходимым, настолько же интерес к умозрительным тонкостям есть для него дело низкое и даже опасное. С необыкновенным пылом вмешавшись в пустые споры, король придал им ту видимость достоинства и важности, которую они бы никогда не получили иным путем, а коль скоро он сам стал участником богословской перебранки, то уже не мог прибегнуть к насмешке и пренебрежению, единственному способу положить ей конец. В то время англиканская церковь еще не отказалась от строгой доктрины благодати и предопределения, а пуритане еще не успели отделиться от церкви и открыто отвергнуть ее епископальное устройство. И хотя эти партии существенно отличались по своему общему духу, явными предметами спора были тогда лишь крестное знамение при крещении, обмен кольцами при бракосочетании, стихарь и поклон при имени Христа. Именно эти глубокомысленные вопросы и обсуждались с величайшей важностью и горячностью в присутствии короля и его министров на конференции в Гемптонкорте, в которой участвовали, с одной стороны, несколько епископов и прочих видных представителей клира, а с другой — некоторые вожди пуританской партии[16].

Пуритане оказались настолько безрассудны, что пожаловались на пристрастное и несправедливое ведение диспута (4 января), — как если бы целью подобных совещаний хоть в какой-то мере являлся поиск истины и как будто совершенную беспристрастность, столь редкую даже среди частных лиц, исследующих вопросы философские, можно было всерьез ожидать в теологической дискуссии с участием государей и прелатов. Следует, впрочем, согласиться, что уже с самого начала конференции король обнаружил явное расположение к государственной церкви и упорно проповедовал принцип, который, хотя он и не является совершенно ложным, нужно принимать с большими оговорками: НЕ БУДЕТ ЕПИСКОПА — НЕ БУДЕТ И КОРОЛЯ. Епископы, в свою очередь, расточали щедрые похвалы августейшему диспутанту; архиепископ же Кентерберийский заявил, что Его Величество, вне всякого сомнения, говорил через особое содействие Духа Божьего[17]. В конце концов было решено внести кое-какие мелкие изменения в литургию, после чего обе стороны разошлись, чрезвычайно недовольные друг другом.

У английских пуритан прежде существовал обычай устраивать особые собрания, именовавшиеся на их языке пророчествами, во время коих эти люди, как бы движимые духом, поочередно выказывали свое рвение, молились и проповедовали, доводя таким образом до высшей точки как

собственное исступление, так и энтузиазм слушателей, причем совершалось это благодаря заразительной силе настроения толпы, столь неотразимо действующей на слишком пылких праведников, а также своеобразному соревнованию, возникавшему на этих турнирах религиозного красноречия Елизавета запретила подобного рода опасные сходки, и на конференции в Гемптон-корте пуританские священники ходатайствовали перед королем об их возобновлении Но Яков ответил им весьма резко «Если вы добиваетесь шотландской пресвитерии, то знайте с монархией согласуется она так же хорошо, как Бог с дьяволом Джек и Том, Билл и Дик будут там собираться, чтобы осуждать меня и мой совет Итак, я повторяю прежние слова Le Roi s'avisera[31] Потерпите, прошу вас, с вашим ходатайством еще семь лет, и тогда, если обнаружится, что я стал тучным и страдаю одышкой, я, быть может, и выслушаю вас снова Но только мне кажется, что правление в вашей стране не оставит меня без движения»[18] Подобные политические соображения определяли выбор короля в споре враждующих религиозных партий

ПАРЛАМЕНТ

На следующем собрании, где король Яков имел случай показать свою ученость и красноречие, дух свободы обнаружился в большей степени, нежели среди епископов и богословов Уже готов был собраться парламент (19 марта), так долго откладывавшийся из-за вспыхнувшей в Лондоне чумы, которая свирепствовала с такой силой, что, согласно подсчетам, унесла свыше тридцати тысяч жизней, притом что общее население города составляло тогда немногим более ста пятидесяти тысяч человек

Речь, которую произнес король при открытии парламента, вполне отражает его характер, доказывая, что Яков обладал скорее обширной эрудицией и литературными способностями, нежели политическим благоразумием и сколько-нибудь верным чувством приличия и такта[19] И хотя немногие произведения эпохи превосходят это сочинение изяществом слога и глубокомыслием, ему все же недостает величественной краткости и благородной сдержанности, столь подобающих королю в его обращении к высшему совету нации Тем не менее мы находим здесь следы замечательного прямодушия — в том месте, где Яков искренне признает свою чрезмерную уступчивость к ходатайствам всевозможных просителей[20], слабость, которую он обещает исправить, но которая осталась с ним до конца его правления, доставляя ему немало неприятностей и хлопот

Первый вопрос, коим занялась палата общин, имел огромную важность для защиты ее привилегий, и здесь депутаты не обнаружили недостатка ни в твердости духа, ни в хладнокровной решимости

В более ранние периоды английской истории влияние палаты общин на весах конституции было столь невелико, что ни корона, ни народ, ни

даже сама палата не придавали особого значения вопросу о порядке избрания и продления полномочий ее членов. Обычно после того как парламент распускался на каникулы, канцлер, пользуясь своей дискреционной властью, по собственному усмотрению назначал новые выборы для замены тех членов, которые, на его взгляд, были неспособны посещать парламент в следующую сессию ввиду забот по службе, болезни или иных препятствий. Подобная практика предоставляла этому министру, а следовательно, и государю неограниченную возможность по собственной воле формировать состав представителей нации; и однако она вызывала так мало подозрений, что сами же общины, без всякого нажима или интриг со стороны двора и вопреки некоторым своим прежним постановлениям, одобрили ее в двадцать третий год правления Елизаветы[21]. Некоторые депутаты, прежде замещенные по болезни и затем поправившие свое здоровье, явились тогда в палату и потребовали восстановления своих прав, но авторитет канцлера был столь велик, что из одного лишь уважения к этому лицу решение его было исполнено и новые члены сохранили свои места. Корона таким образом получила опаснейшую прерогативу, и однако — и это превосходно характеризует дух века или, скорее, те каналы, по которым циркулировала тогда реальная власть, — корона видела в этом полномочии так мало ценности, что уже через два дня канцлер сам уступил его общинам, предоставив им право в каждом отдельном случае решать вопрос о вакантных местах в своей палате. Когда же в конце сессии опять встал вопрос о распоряжениях канцлера о новых выборах, общины были так мало встревожены описанным прецедентом, что, хотя и вернули в свой состав некоторых прежних членов, чьи места освободились по причине легких недомоганий, тем не менее подтвердили решение канцлера относительно тех случаев, где болезнь казалась опасной или неизлечимой[22]. В защите своих привилегий они ограничились постановлением о том, что во время сессии парламента ни одно распоряжение о новых выборах или о законности избрания какого-либо члена не может быть издано без согласия самой палаты. Но в правление Елизаветы, как и в предшествующие царствования, сессии парламента не превышали по своей продолжительности двенадцатой части его вакаций, и таким образом на время последних власть канцлера, если ему было угодно ее употребить, подтверждалась или, по крайней мере, сохранялась упомянутым постановлением в прежнем, ничем не ограниченном виде.

В следующем парламенте самовластие королевы проявилось еще более откровенно и впервые внушило общинам тревогу. При полном отсутствии вакансий канцлер издал распоряжение о новых выборах; когда же этот инцидент вызвал споры, королева направила в палату послание, указав ее членам, что их вмешательство в подобные предметы есть недопустимая дерзость. Эти вопросы, объявила королева, находятся в исключительном ведении канцлера; для разрешения же всех споров по поводу выборов ему предписано устраивать особые совещания с судьями. Через несколько дней общины имели мужество постановить, что «если после

законного избрания двух рыцарей от какого-либо графства будет издано без согласия самой палаты распоряжение о новых выборах, то этот акт надлежит считать опаснейшим прецедентом; что обсуждение и окончательное разрешение этого и подобных ему споров относятся к исключительному ведению палаты и что лорд-канцлер не должен получать никаких посланий, даже с целью осведомления о том, что он уже успел предпринять по данному вопросу, ибо такой образ действий есть нарушение прав и привилегий палаты»[23]. Перед нами самый важный и едва ли не единственный пример смелой защиты парламентом своих прав, который можно встретить в царствование этой государыни.

Людей, ограниченных в правах по причине долгов или правонарушений, судьи[24] объявили неспособными к занятию мест в палате, где эти лица сами должны быть законодателями; но это решение суда нередко игнорировалось. Однако я обнаруживаю, что когда возник вопрос о соответствующих правах Вогена[25] и последний доказал, что все его долги были взяты под залог и большей частью честно погашены, ему разрешили сохранить место в парламенте ввиду этих смягчающих обстоятельств, из чего с ясностью следует, что при отсутствии таковых оно бы освободилось по причине ограничения депутата в правах[26].

Созвав этот парламент, Яков издал прокламацию[27], где среди многих советов и увещаний, коими монарх, как добрый наставник, щедро награждал свой народ, он строго ему запрещает избирать в палату общин ограниченных в правах лиц. Он добавляет: «Если кто-либо, не будучи избран законным образом, в согласии с существующими на сей счет актами и статутами и в соответствии с целями, содержанием и истинным смыслом настоящей прокламации, осмелится занять в парламенте место рыцаря или горожанина, то всякий подобный нарушитель закона должен быть подвергнут денежному штрафу или тюремному заключению». Королевская прокламация недвусмысленно приравнивалась здесь к закону, причем в столь важном пункте, как право быть избранным, и это обстоятельство можно было бы счесть весьма тревожным, не будь у нас причин думать, что данная мера, принятая уже в самом начале правления Якова, проистекала скорее из неловкой поспешности и неверного расчета, нежели из какого-либо серьезного умысла посягнуть на привилегии парламента[28].

Сэр Френсис Гудвин стал членом палаты общин от графства Бекингемшир; вопрос о законности его избрания был, как обычно, передан на рассмотрение лорда-канцлера [32]. Канцлер, признав сэра Френсиса ограниченным в правах, назначил новые выборы[29], и вместо Гудвина от Бекингемшира был избран сэр Джон Фортескью. Однако палата первым же своим актом аннулировала решение канцлера и вернула депутатское место сэру Френсису. Лорды, действуя по внушению короля, предложили провести конференцию палат [33] по этому вопросу, но встретили категорический отказ общин, сославшихся на то, что данный предмет всецело относится к их собственным привилегиям[30]. При этом общины решили предоставить королю через своего спикера [34] особую ремонстрацию [35], где

утверждалось, что, хотя согласно форме вопросы о результате выборов передаются в канцлерский суд[36], исключительное право судить о законности избрания депутатов принадлежит самой палате, а не канцлеру[31]. Рассерженный Яков приказал созвать конференцию с участием палаты и судей, чье мнение по данному вопросу совершенно расходилось с позицией общин.

Устроить эту конференцию, заявил Яков, он велит в качестве абсолютного короля[32], — эпитет, надо полагать, не слишком приятный для английских ушей, однако уже ставший для них до некоторой степени привычным благодаря речам королевы Елизаветы[33]. Он добавил, что все их привилегии происходят из королевского пожалования, и выразил надежду, что они не будут обращены против монарха[34], — мнение, которое, судя по ее образу действий, разделяла также и королева Елизавета и которое было руководящим принципом для ее министров и придворных, равно как и главной пружиной всей системы ее правления.

Общины пришли в некоторое замешательство. Теперь их глаза открылись, и они ясно увидели последствия этой власти, присвоенной некогда канцлером; власти, которой их предшественники в известных случаях слепо подчинялись. «Подобные действия, — заявил один из членов, — уничтожают свободу выборов в графствах, поскольку отныне избран может быть лишь тот, кто угоден королю и совету. А значит, нам следует с твердостью, искренностью и благоразумием встать на защиту нашей привилегии. И это не должно быть истолковано как неуважение к власти; нет, это лишь законное стремление сохранить наши общие права, которые унаследовали мы от предков и которые мы по всей справедливости обязаны передать потомкам»[35]. Другой депутат сказал[36]: «Это можно назвать quo warranto[43] для будущих посягательств на все наши свободы». «Такой образ действий, — добавил третий, — позволит канцлеру получить парламент, составленный из угодных ему людей. Любое внушение от любого лица может стать поводом для указа о новых выборах. Итак, дело сводится к следующему простому вопросу: кто должен обладать властью — парламент или суд лорда-канцлера?»[37]

Несмотря на этот ревностный дух свободы, обнаружившийся теперь в палате общин, их почтение к монарху было так велико, что они назначили особый комитет для совещания с судьями в присутствии короля и совета. В ходе этой конференции вопрос о законности оспариваемой практики показался Якову несколько более сложным, чем это представлялось ему вначале, и чтобы выйти из затруднения с некоторым достоинством, король предложил палате освободить места обоих депутатов, Гудвина и Фортескью, и назначить новые выборы. Гудвин не возражал, и общины согласились на эту меру, но так, что, выказывая всевозможное почтение королю, они тем не менее гарантировали на будущее свободное владение своими местами и закрепляли за собой исключительное право судить о выборах и о законности их результатов[38].

Подобного рода право, весьма важное для осуществления всех других прав парламента, которые сами по себе столь необходимы для защиты

народных свобод, нельзя счесть незаконным покушением со стороны общин в нем следует видеть неотъемлемую привилегию, счастливо избавленную от двусмысленного положения, в котором оказалась она из-за небрежности предшествующих парламентов

Тогда же в связи с делом сэра Томаса Шерли[44] общины утвердили за собой право наказывать тех, по чьим доносам кто-либо из членов палаты будет арестован, а также должностных лиц, которые подвергнут депутата аресту или заключат под стражу По поводу защиты общинами данной привилегии можно повторить сказанное выше[39]

В это время по всей Европе и особенно в Англии в человеческих умах произошел постепенный, но полный переворот Правда, словесность возродилась еще в предшествующем веке, однако прежде занимались ею главным образом лица, далекие от мирских забот, и лишь теперь интерес к ней стал распространяться среди людей света Искусства, как механические, так и свободные, совершенствовались день ото дня, мореплавание распространилось по всему земному шару, путешествия стали приятными и безопасными, а общая система европейской политики приобрела более сложный и универсальный характер

Вследствие этого повсеместного брожения человеческие понятия расширились, и отдельные части средневековых государственных устройств, долгое время, казалось, пребывавшие в косной неподвижности, всюду начали действовать и приходить в столкновение друг с другом. На континенте, где потребность в дисциплинированном и обученном войске вызвала к жизни постоянные армии, государи силой или хитростью брали верх над народными свободами и, как правило, добивались неограниченной власти В Англии же любовь к свободе, которая при отсутствии внешних препятствий расцветает в благородных натурах до необыкновенной степени, обрела новую силу, но теперь ею руководили более широкие взгляды, подобающие развитому уму, который день ото дня становился все более обычным среди людей знатных и хорошо воспитанных Близкое знакомство с драгоценным наследием древности внушало благородным сердцам любовь к более свободному государственному устройству, порождая в них честолюбивое стремление подражать тем мужественным добродетелям, которые, в столь живых образцах и столь волнующих выражениях, прославили греческие и римские авторы Строгое, хотя и популярное правление Елизаветы стеснило этот поднимающийся дух весьма узкими пределами, но когда трон унаследовала династия новая и чужеземная, государь, которого меньше боялись и меньше любили, нация тотчас же обнаружила признаки более свободного и независимого образа мыслей.

К счастью, государь этот не обладал ни достаточной проницательностью, чтобы заметить указанные перемены, ни достаточной ловкостью и энергией, чтобы остановить их уже в самом начале Сознавая недостаток личной популярности и потому ревниво заботясь о привилегиях короны, он создал в своем уме отвлеченную теорию абсолютной монархии, кото-

рую, как он искренне полагал, лишь немногие из его подданных — исключительно изменники и бунтовщики — поколеблются с чистой совестью принять Куда бы ни обращал он свой взгляд, все вокруг лишь укрепляло его предрассудки Сравнивая себя с другими наследственными государями Европы, Яков вообразил, что, обладая тем же титулом, он имеет право на те же прерогативы, совершенно не приняв в расчет ни недавних новшеств, *введенных этими государями, ни военной силы, на которую опиралось* их могущество Почти абсолютную власть монарха, существовавшую в Англии более столетия и особенно обширную в последнее царствование, он объяснял исключительно королевским саном и происхождением, а вовсе не характером и образом действий отдельных монархов или сложившимися тогда обстоятельствами Даже оппозиция, с которой пришлось ему бороться в Шотландии, еще более утвердила короля в его стремлениях, ибо там он мог наблюдать, как сопротивление власти монарха в то же самое время попирает всякий закон и порядок, открывая путь бесчинствам полудикой знати или еще более возмутительным дерзостям мятежных проповедников А потому он считал, что, согласно наследственному и божественному праву, вся законная власть сосредоточена в его особе, и мнение это могло бы оказаться опасным и даже губительным для английской свободы, если бы его кажущаяся очевидность и твердое убеждение короля в собственной правоте не побудили Якова полагаться только на свое право, не предпринимая ни малейших мер, военных или политических, для того чтобы это право поддержать

Таковы были противоположные воззрения парламента и короля по восшествии на престол шотландской династии, причем в парламенте они только начали зарождаться и ясно обнаруживаться[40], тогда как в государе твердо укрепились и исповедовались им совершенно открыто [48]

Твердость и благоразумие палаты общин проявились не только в защите собственных привилегий, но и в попытке (в тот раз, впрочем, безуспешной) освободить английскую торговлю от оков, которые наложила на нее Елизавета своей монаршей прерогативой, или, было бы лучше сказать в данном случае, своим неразумным деспотизмом

Король Яков уже отменил по собственному почину все многочисленные монопольные патенты [49], пожалованные его предшественницей и чрезвычайно стеснявшие все отрасли отечественной промышленности, в Англии, однако, продолжали существовать привилегированные компании[50], и еще одна разновидность монополии, по вине которой почти вся торговля с заграницей (кроме французской) оказалась в руках кучки жадных оптовиков, а любые надежды на будущее улучшение дел в коммерции навсегда приносились в жертву мелким и преходящим выгодам государя Компании эти отбирались совершенно произвольно, однако их привилегии были столь обширны, что почти вся английская торговля сосредоточилась в Лондоне, и мы обнаруживаем, что таможенные сборы лондонского порта составляли 110 тысяч фунтов в год, тогда как все прочие порты королевства давали лишь 17 тысяч фунтов[41] Более того, всю лондонскую

торговлю контролировали около двухсот горожан[42], которым было совсем нетрудно, сговорившись между собой, устанавливать выгодные им цены на любые предметы вывоза и ввоза. Комитет, назначенный для расследования этого чудовищного злоупотребления, одного из величайших в английской истории, упоминает как об известном и бесспорном факте (хотя и противоречащем нынешнему общепринятому мнению) о том, что в течение всего предшествующего царствования английское судоходство и торговый флот постепенно приходили в упадок[43]. И хотя нет ничего более обыкновенного, даже в самые цветущие эпохи, чем жалобы на упадок торговли, однако упомянутое недовольство могло быть естественным следствием подобных произвольных установлений, действовавших в то самое время, когда во всех других государствах Европы, кроме Шотландии, торговля пользовалась полной свободой и поощрением.

Стремясь таким образом освободить от стеснений торговые и промышленные слои, общины попытались также избавить земельную собственность от бремени опеки[44] и уничтожить остатки феодального права, от которых все еще страдала нация. Интересы короны в этом деле были должным образом учтены, а предложенное средство рассматривалось не как вопрос права, но как предмет милости и доброй воли монарха. Был подсчитан общий доход короля от права опеки и вассальных повинностей [51]; отказ от этих прерогатив предполагалось возместить отдельным надежным источником денежных поступлений. Но после дебатов в палате и конференций с лордами обнаружилось, что данный вопрос заключает в себе больше затруднений, чем их можно было с легкостью преодолеть в то время, и ни к какому определенному решению стороны тогда так и не пришли.

Та же судьба ожидала сходного рода попытку освободить нацию от неудобств, связанных с преимущественным правом короля приобретать товары по льготным ценам. Прерогативой этой чрезвычайно злоупотребляли поставщики двора[45], и общины изъявили намерение предложить королю 50 000 фунтов в год за ее отмену [52].

При обсуждении другого важнейшего вопроса, поставленного перед парламентом, общины выказали скорее упрямство, нежели сколько-нибудь верное понимание национальных интересов. С величайшим усердием и даже нетерпением король добивался унии [53] двух королевств[46]. Особым счастьем, выпавшим его правлению, Яков по справедливости считал то, что ему удалось положить конец кровавой вражде соперничающих народов и объединить под одной властью весь остров, наслаждавшийся теперь внутренним миром и надежно защищенный от любых вторжений извне. Он надеялся, что его подданные в обоих королевствах, вспомнив о прежних бедствиях, не только преисполнятся любви и благодарности к его драгоценной особе, но и почувствуют сильнейшее желание навсегда застраховать себя от подобных несчастий через полное объединение парламентов, законов и привилегий Англии и Шотландии. Яков не учел, что память о прошлом все еще действует на человеческие предрассудки пря-

мо противоположным образом, поддерживая между обеими нациями ту ненависть, которая в прежние времена доходила до крайности и не могла ослабеть так быстро. И чем упорнее добивался король принятия столь полезной меры, тем неохотнее шел ему навстречу английский парламент: необыкновенное рвение монарха парламент приписывал его пристрастию к прежним подданным, на которое, по мнению депутатов, они имели повод сетовать в других случаях. А потому их почтительность к королю не пошла дальше создания специальной комиссии из 44 англичан, которые должны были встретиться с 31 шотландским представителем для обсуждения условий унии; комиссии, не имевшей, однако, никаких полномочий ставить вопрос о ее принятии[47].

Тот же дух независимости и, пожалуй, ничуть не больше здравомыслия палата общин проявила и тогда, когда некоторые ее члены, близкие ко двору, поставили вопрос об ассигнованиях короне. Тщетно указывали депутатам на то, что хотя король и получил субсидию, утвержденную парламентом для Елизаветы, но так и не собранную до ее кончины, субсидия эта была обременена долгами королевы, равными ее полной сумме; что мир с Испанией все еще по-настоящему не заключен, а Ирландия по-прежнему обходится королю очень дорого; что переезд из Шотландии короля, а затем королевы и королевской семьи, сопровождавшиеся громадным стечением народа, вовлекли монарха в немалые расходы; и что подобно тому, как придворные, ожидавшие от короля по восшествии его на престол бóльших, чем обычно, милостей, добились своего и не были разочарованы щедростью Якова, так и государь, в свою очередь, вправе рассчитывать на некоторые знаки преданности и любви со стороны народа и на известное внимание к собственным нуждам. Все эти речи не произвели на палату общин никакого впечатления; стало очевидно, что большинство палаты твердо решило отказать королю в любых субсидиях. Между тем бремя правительства было тогда для народа удивительно легким, и то самое обстоятельство, которое нам сейчас может показаться побуждением к известной щедрости, явилось истинной причиной того, что парламент неизменно выказывал поразительную сдержанность и экономность. Общины еще не привыкли раскошеливаться так же великодушно, как это научились делать их преемники, чтобы удовлетворить потребности своего суверена, и самая скромная просьба, сколь угодно обоснованная, казалась им неразумной и чрезмерной претензией. По-видимому, общины стремились ввергнуть корону в еще бóльшую нужду: они отклонили билль, представленный в нижнюю палату лордами и предусматривавший навечное закрепление коронных земель за наследниками короля без права отчуждения[48]. Вероятно, щедрая раздача этих земель Елизаветой убедила Якова в необходимости такого закона, общинам же открыла глаза на то, как выгодно им будет отказать королю в его принятии.

Желая скрыть свою досаду по поводу субсидий, которая могла быть не лучшим образом истолкована как в Англии, так и за границей, Яков направил в палату специальное послание[49] (7 июля); он заявил депута-

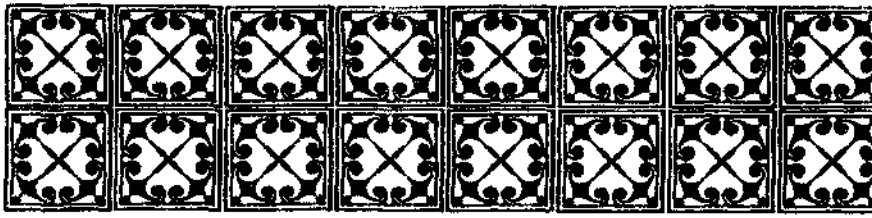
там, что ни в каких субсидиях не нуждается, слишком поспешно отказываясь от того, чего ему никто не предлагал. Вскоре он объявил перерыв в работе парламента, обнаружив при этом в своей речи явные знаки неудовольствия. Уже в самом начале своего правления король нашел повод публично сетовать на дерзко-беспокойный дух пуританской партии и на то недоброжелательство к особе монарха, которое стремилась она внушить общинам. Эти жалобы не были лишены оснований, а пуритане действительно обладали немалым весом в парламенте, ибо, едва почувствовав себя свободными от деспотической власти Елизаветы, общины подали прошение о конференции с лордами, а также особую петицию к королю, причем цель обоих документов заключалась в том, чтобы добиться смягчения церковных законов к выгоде пуритан[50]. Главным предметом недовольства были крестное знамение при крещении и стихарь, однако решения, судя по всему, ожидали исключительно от монаршей прерогативы делать изъятия (54) из существующих законов[51]. В парламентских бумагах, которые содержат упомянутые прошение и петицию, мы находим свидетельства неистовой злобы общин против католиков, а также свойственного этому собранию духа крайней нетерпимости[52].

МИР С ИСПАНИЕЙ

Летом 1604 был окончательно заключен мир с Испанией: 18 августа его подписали испанские посланники в Лондоне[53]. На предшествовавших заключению договора переговорах выяснилось, что у обеих наций очень мало претензий друг к другу, и потому, если не считать вопроса об английской помощи Нидерландам, могло показаться, что война продолжалась скорее из-за личной вражды между Филиппом и Елизаветой (55), нежели каких-либо противоречий между политическими интересами их подданных. Некоторые статьи договора, на первый взгляд направленные против Голландской республики, никогда Яковом не исполнялись, а поскольку сами испанцы ни разу не выражали недовольства на сей счет, то мы можем заключить, что по особому секретному соглашению английский король оставил за собой право оказывать помощь голландцам[54]. Чтобы скрепить мирный договор печатью, в Лондон прибыл коннетабль Кастилии, из Англии в Нидерланды с той же целью отправился граф Гертфорд (56), а в Испанию — лорд-адмирал граф Ноттингем (57). Свита последнего была на редкость многочисленной и великолепной; рассказывают даже, что испанцы пришли в великое изумление, увидев цветущие лица и изящные манеры англичан, — тех самых людей, которых испанский фанатизм, всячески разжигаемый католическими священниками, рисовал не иначе как в облике адских демонов и чудовищ.

Хотя в последние годы испанской войны Англия, благодаря своему флоту, находилась в полной безопасности, король Яков выказал нетерпе-

ливое желание положить конец военным действиям и вскоре после восшествия на престол, еще до того, как условия мира были согласованы или хотя бы предложены Испанией, аннулировал все каперские свидетельства, выданные королевой Елизаветой[55]. Некоторые сходные меры предпринял вначале эрцгерцог Альберт, что и побудило короля сделать этот дружественный шаг[56]. Но вот что замечательно: в своей прокламации Яков очевидным образом исходит из того, что поскольку сам он, будучи королем Шотландии, всегда жил в мире с Испанией, то и нынешний мир связан исключительно с его персоной, иначе говоря, самим фактом своего восшествия на английский престол, без каких-либо специальных договоров и соглашений, он и положил конец войне между двумя королевствами[57]. Подобное незнание основ международного права может показаться удивительным для государя тридцати шести лет от роду и с детства правившего своей страной, если, конечно, не принять в расчет, что король Шотландии, живущий в тесной дружбе с Англией, не часто ведет дела с иностранными государями и просто не имеет возможности приобрести соответствующий опыт. К несчастью для Якова, его робость, лень, предрассудки и любовь к развлечениям (особенно к охоте, которой он был предан всей душой) помешали ему и в дальнейшем сделать какие-либо успехи в теории и практике иностранной политики, быстро уменьшив то уважение, которым пользовалась Англия со стороны всех соседних держав в царствование его предшественницы[58].



Глава II

Пороховой заговор. — Парламент. — Перемирие между Испанией и Соединенными провинциями. — Парламент. — Смерть короля Франции. — Арминианство. — Положение дел в Ирландии.

Теперь нам предстоит рассказать об одном из самых достопамятных событий, которые сохранила для потомства история Англии; о событии, заключающем в себе единственное в своем роде доказательство как силы, так и слабости человеческого духа, его поразительного отступления от всех законов нравственности и его упорнейшей привязанности к религиозным предрассудкам. Речь пойдет о Пороховом заговоре — факте, который является настолько же достоверным, насколько он может показаться невероятным.

ПОРОХОВОЙ ЗАГОВОР

По восшествии Якова на английский престол католики ожидали для себя больших милостей и послаблений — как потому, что новый король происходил от Марии Шотландской, чья жизнь, как они думали, была принесена в жертву их делу, так и потому, что сам Яков, по их убеждению, обнаруживал в ранней юности известную симпатию к католикам, которую, как им казалось, сдерживали впоследствии лишь суровая необходимость и государственный интерес. Утверждалось даже, что он дал положительные обязательства отнестись к их религии с полной терпимостью, как только станет английским королем; возможно, доверчивость католиков истолковала в этом смысле какие-то любезные речи Якова, а может быть, он действительно использовал подобную уловку, чтобы обеспечить их благосклонность[59]. Очень скоро они обнаружили свою ошибку и пришли одновременно в изумление и ярость, видя, что Яков при всяком удобном случае выражает твердую решимость в точности исполнять законы против католиков [58], ни в чем не отступая от суровой политики Елизаветы. Кэтсби, даровитый джентльмен из старинного рода, первый задумал необыкновенный способ мести, он открыл свои намерения Перси, потомку знаменитого дома Нортумберлендов [59]. Во время одной из бесед о бед-

ственном положении английских католиков, когда у Перси в приступе гнева вырвались слова об убийстве короля, Кэтсби воспользовался случаем, чтобы открыть ему иной, более обширный и замечательный план измены, который не только обеспечивал верное и неотвратимое возмездие, но и давал известные надежды на восстановление католической религии в Англии. «Тщетно, — говорил Кэтсби, — тщетно лишите вы жизни короля: у Якова есть дети, которые унаследуют и его корону, и принципы его правления. Напрасно истребите вы всю королевскую фамилию: знать, дворянство, парламент — все они, зараженные одной ересью, смогут возвести на престол другого государя и другую династию, которыми, помимо ненависти к нашей религии, будет двигать жажда мести за страшную смерть их предшественников. А значит, чтобы добиться настоящего успеха, мы должны одним ударом уничтожить короля, королевскую семью, лордов и общины, похоронив всех наших врагов под одними развалинами. К счастью, все они собираются на первом заседании парламента, предоставляя нам отличную возможность совершить славную и полезную месть. Особых приготовлений не требуется: некоторые из нас могут сделать подкоп под тем зданием, где они сойдутся вместе, и, улучив момент, когда король обратится с речью к обеим палатам, предать гибели этих заклятых врагов всякой веры и благочестия. Мы же, находясь поодаль, в полной безопасности и вне подозрений, будем торжествовать, чувствуя себя орудиями Божьего гнева и с ликованием наблюдая, как эти святотатственные стены, в которых были приняты указы, осудившие нашу церковь и обрекшие на безжалостную бойню верных ее чад, разлетаются на тысячу кусков, а их нечестивые обитатели, в эту самую минуту, быть может, умышлявшие против нас новые гонения, низвергаются из пламени земного в пламя адское, дабы нести там вечные муки за свои страшные грехи»[60].

План Кэтсби совершенно очаровал Перси, они решили посвятить в него еще нескольких лиц, среди прочих — Томаса Винтера, которого затем отправили во Фландрию за Фоксом, офицером на испанской службе, чьи рвение и отвага были им всем хорошо известны[60]. При вербовке каждого нового заговорщика, желая принудить его к сохранению тайны, они использовали не только клятву, но и причастие, священнейший обряд своей религии[61]. И, что замечательно, ни один из этих благочестивых фанатиков так и не почувствовал ни малейших угрызений совести по поводу столь ужасного замысла — устроить кровавую бойню для всех выдающихся и значительных лиц государства. Некоторых из них смущала лишь мысль о том, что в здании парламента должно будет присутствовать немало католиков (зрителей, людей из королевской свиты, членов палаты лордов), однако Тесмонд, иезуит, и Гарнет, глава ордена в Англии[61], рассеяли эти сомнения, ясно доказав, что высшие интересы религии требуют принести в жертву вместе с виновными несколько невинных людей.

Все это происходило весной и летом 1604 года, тогда же заговорщики сняли на имя Перси дом, примыкавший к тому зданию, где должен был собраться парламент. В конце года они начали действовать. Чтобы реже

отвлекаться и внушать меньше подозрений соседям, они запаслись провизией и работали без остановки. Фанатично преданные своему делу, укрепляемые страстью, принципом и взаимными увещаниями, они больше страшились неудачи, чем смерти, и, имея при себе не только инструменты своего труда, но и оружие, твердо решили умереть на месте в случае разоблачения. Упорство продвигало работу, и вскоре они проделали отверстие в стене (толщиной в три ярда), однако, приблизившись к противоположной стороне, были несколько озадачены, услышав непонятные звуки. Наведя справки, заговорщики выяснили, что шум доносится из подвала, расположенного непосредственно под палатой лордов; что там устроен склад угля и что, когда весь уголь будет распродан, подвал сдадут внаем на торгах. Этой возможностью тотчас же воспользовались: помещение снял Перси, в него перенесли тридцать шесть бочек с порохом, забросав их сверху хворостом и поленьями; дверь в подвал смело распахнули настежь и впускали туда всех подряд, как будто ничего особенного в подвале не было.

Уверенные в успехе, заговорщики начали теперь задумываться о последующих шагах, разрабатывая дальнейшую часть своего плана. Король, королева, принц Генри[62] — все они должны были явиться на открытие парламента; герцог же Йоркский[63] по причине нежного возраста не должен был присутствовать; и заговорщики решили, что Перси захватит его или убьет. Принцесса Елизавета[64], также еще дитя, жила в доме лорда Гаррингтона[65] в Уорикшире; сэр Эверард Дигби, Руквуд и Грант, посвященные в план заговора, обязались под предлогом охоты собрать своих друзей и, захватив принцессу, тотчас же провозгласить ее королевой. Эти люди были настолько увлечены гневом против своих врагов и до такой степени очарованы перспективой мести, что совершенно не заботились о собственной безопасности; полагаясь на всеобщее смятение, которое должно было последовать за столь неожиданным ударом, они не предвидели того, что ярость народа, уже не обуздываемая никакой законной властью, непременно обрушится на них самих и, вероятно, вполне насытится лишь всеобщим избиением всех католиков в Англии.

И вот приблизился долгожданный день, на который было назначено открытие парламента. Ужасный замысел, известный более чем двадцати лицам, почти полтора года удавалось сохранять в строжайшей тайне. Ни совесть, ни сострадание, ни страх перед карой, ни надежда на награду — ничто не смогло до сих пор заставить хотя бы одного-единственного заговорщика отказаться от этого предприятия или донести о нем властям. Религиозное бешенство погасило в их сердцах всякое иное чувство, и только неловкая неосторожность, проистекавшая в сущности из тех же фанатических предрассудков и страстей, спасла в последний момент нацию.

За десять дней до открытия парламента лорд Монтигл (католик, сын лорда Морли) получил следующее письмо[66], доставленное его слуге неизвестным лицом: «Любовь к некоторым из ваших друзей, милорд, внушает

мне заботу о вашем спасении А потому я хочу дать вам совет если вам дорога собственная жизнь, выдумайте какой-нибудь предлог, чтобы уклониться от присутствия в этом парламенте, ибо и Господь, и люди решили сообща покарать грехи века нашего Не пренебрегайте же предупреждением, но удалитесь в свое поместье, где вы сможете в полной безопасности ожидать исхода событий, ибо хотя, на первый взгляд, все вокруг спокойно, можете мне поверить этот парламент получит страшный удар (blow) и даже не узнает, чья рука его нанесла Советом моим не должно пренебрегать, ведь он может принести вам пользу и не способен причинить вреда, ибо, как только вы сожжете настоящее письмо, всякая опасность останется позади Надеюсь, вы сделаете из него правильное употребление, и да поможет вам в том милость Господа нашего, чьему святому покровительству я вас ныне и поручаю»[62]

Монтигл не знал, что и подумать об этом письме, склоняясь к мысли, что это лишь глупая попытка его напугать или выставить на посмешище, он, однако, нашел более безопасным передать письмо государственному секретарю лорду Солсбери Хотя Солсбери также не был расположен принимать его всерьез, он счел нужным вручить письмо королю, прибывшему в Лондон через несколько дней Якову же дело не показалось столь пустячным, по искреннему и серьезному тону письма он заключил, что речь здесь идет о чем-то действительно важном и угрожающем Страшный удар (взрыв) — и притом виновники его останутся неизвестными, опасность совершенно нежданная и притом столь громадная, — все эти детали указывали, похоже, на некий злой умысел, связанный с употреблением пороха, а потому было сочтено целесообразным тщательно осмотреть все подвалы под обеими палатами парламента Заняться этим должен был лорд-чемберлен граф Суффолк[(67)], он намеренно отложил обыск до самого последнего дня перед собранием парламента Суффолк обнаружил огромные штабеля дров и множество вязанок хвороста, лежавших в подвале под верхней палатой, а в темном углу заметил Фокса, который выдавал себя за слугу Перси Твердость и дерзкая отвага, отличавшие этого заговорщика даже среди прочих героев злодейства, были ясно написаны на его лице и не остались незамеченными лордом-чемберленом[63] К тому же столь громадное количество дров казалось немного странным для человека, лишь недавно приехавшего в город[64], и по сопоставлении всех обстоятельств было решено устроить еще более тщательный осмотр Около полуночи на место прибыл мировой судья Томас Невет с надлежащей охраной, встретив перед входом в подвал Фокса, только что закончившего последние приготовления, он немедленно его арестовал, а затем, разбросав вязанки хвороста, обнаружил порох В карманах Фокса нашли спички и все необходимое для того, чтобы поджечь несколько бочек с порохом, сам же Фокс, понимая, что вина его теперь совершенно бесспорна, и не видя иного спасения, кроме отчаянной дерзости, выразил величайшую досаду из-за того, что упустил случай сразу же поджечь порох, усладив собственную гибель смертью своих врагов[65] На допросе в Тайном со-

вете Фокс обнаружил такую же бесстрашную твердость, смешанную даже с некоторой надменностью и презрением; он отказался выдать сообщников и думал лишь о неудаче своего предприятия[66]. Упорство это продолжалось два или три дня, но когда Фоксу, брошенному в Тауэр и оставленному один на один с мыслями о своей вине и об угрожающей опасности, показали дыбу, его мужество, обессиленное столь долгим напряжением и не имевшее опоры в надежде или в человеческом обществе, наконец изменило ему, и Фокс назвал имена всех заговорщиков[67].

Хотя Кэтсби, Перси и другие находившиеся в Лондоне участники заговора слышали о вызванной письмом к Монтиглу тревоге и знали об обыске, который устроил лорд-чемберлен, они решили идти до конца, не оставляя надежд на успех[68]. Но, узнав об аресте Фокса, они спешно направились в Уорикшир, где сэр Эдуард Дигби, вполне уверенный в успехе своих сообщников, уже готовился захватить принцессу Елизавету. Принцесса бежала в Ковентри, а заговорщикам пришлось думать о защите от жителей графства, поднятых по тревоге и вооруженных шерифом. Со всеми своими слугами участники заговора насчитывали не более восьмидесяти человек и, будучи окруженными со всех сторон, уже не могли надеяться ни на победу, ни на спасение. И потому, исповедовавшись и получив отпущение грехов, они смело готовились к смерти, решив как можно дороже продать свои жизни врагам. Но даже в этом жалком утешении им было отказано: часть их пороха загорелась, и сопротивление стало невозможным[69]. Последовала яростная атака, Перси и Кэтсби были убиты первыми же выстрелами, Дигби, Руквуд, Винтер и другие были схвачены и преданы суду; они признали свою вину и приняли смерть, как и Гарнет, от руки палача. Несмотря на весь ужас преступления, фанатичные католики боготворили Гарнета настолько, что вообразили, будто кровь его творит чудеса[70], а в Испании его считали мучеником[71].

Нельзя сказать, что к этому предприятию их толкнуло отчаяние или что прежняя беспутная жизнь подготовила их к столь великому злодейству. Напротив, до этой дерзкой попытки поведение их казалось в целом безупречным. Кэтсби заслужил столь высокую репутацию, что Руквуд и Дигби пошли на преступление, обманутые слепой верой в его слова; они заявили, что из одной лишь дружбы к нему были готовы в любую минуту пожертвовать жизнью[72]. Сам Дигби пользовался всеобщим уважением и любовью, как ни один другой человек в Англии; королева Елизавета ценила его необычайно высоко[73]. Таким образом, один лишь исступленный фанатизм — самый нелепый из предрассудков, скрывающихся под маской разума, самая преступная из страстей, прикрытых личиной долга, — только это и ничто другое толкнуло их к действиям, которые погубили их самих и едва не оказались роковыми для их отечества[74].

Лорды Мордант и Стортон [68], два католика, были подвергнуты штрафу Звездной палатой [69], первый — в размере 10 000, второй — 4000 фунтов: их неприсутствие в парламенте заставило подозревать, что они знали о заговоре. Граф Нортумберленд был оштрафован на 30 000 фунтов и

несколько лет содержался под стражей в Тауэре, поскольку (не говоря уже о прочих поводах для подозрений) стало известно, что, принимая когда-то Перси в королевскую гвардию, граф не взял с него необходимой присяги[75]

Король в своей речи к парламенту заметил, что хотя к столь греховному предприятию толкнула заговорщиков их религия, не должно считать виновными всех католиков или думать, будто все они в равной мере способны на столь бесчеловечные деяния Многие благочестивые и добродетельные люди, сказал король, в том числе и наши предки, соглашаясь по неразумию со схоластическими теориями этой церкви, тем не менее никогда не разделяли ее мятежно-подстрекательских принципов относительно права папы низлагать королей или освящать убийство Гнев Божий карает преступления, однако невинное заблуждение вправе уповать на милость неба, а потому не может быть ничего более отвратительного, чем жестокосердие пуритан, призывающих вечные муки на головы даже самых безобидных приверженцев папизма Что до меня, добавил король, то этот заговор, при всей своей гнусности и жестокости, нисколько не изменит образ моего правления одной рукой я намерен карать вину, а другой — защищать и поддерживать невинность[76] После этой речи он распустил парламент до 22 января[77]

Умеренность и, можно сказать, великодушие короля, только что едва избегшего смерти от руки гнусных заговорщиков, вовсе не пришлись по вкусу его подданным Их враждебность к папизму достигла высокой степени еще до этого вызывающего акта, и со стороны Якова было бы, пожалуй, благоразумнее прибегнуть к некоторому притворству и в чем-то ей уступить К счастью, теологическая ученость короля, укрепленная религиозными спорами, прочно утвердила его рассудок в протестантской вере, однако сердце Якова было не вполне равнодушно к обольщениям Рима, и король остался бы доволен, если бы с помощью неких авансов ему удалось добиться объединения с этой древней церковью-матерью [70] Он всячески старался ослабить ненависть своих подданных к религии их отцов — и в итоге сам стал предметом их отвращения и недоверия Какие бы меры он ни предпринимал — пытался ли ввести епископальное устройство в Шотландии, обеспечить авторитет государственной церкви в Англии или поддержать ее обряды и церемонии — все это истолковывалось как движение в сторону папизма и изображалось пуританами в качестве явных признаков суеверия и идолопоклонства Не задумываясь о последствиях или не желая жертвовать политике своими пристрастиями, которые он называл своей совестью, король упрямо держался прежнего образа действий, почти в равной мере жалуя чинами и милостями своих католических и протестантских подданных Обнаружив, что как человек и как король он менее ненавистен римской церкви, чем Елизавета, Яков постепенно ослаблял строгость законов, принятых против этой церкви и столь милых сердцу его фанатичных подданных Впрочем, влияние этих действий на обе стороны оставалось не слишком заметным вплоть до конца его правления

ПАРЛАМЕНТ

А в это время казалось, что даже у своих английских подданных Яков пользуется любовью, а также немалым уважением и авторитетом. До сих пор их жалобы относились преимущественно к чрезмерной привязанности короля к старинным друзьям — качеству, которое, сопровождайся оно большей экономностью в расходах, люди мудрые могли бы извинить, а люди чистосердечные даже одобрить. Его немалые способности и обширная ученость, превозносимые до небес при дворе и в университетах и все еще не испытанные на каком-либо сложном деле (для которого он был непригоден), создали высокое мнение о нем, и не всегда из одной только лести или лицемерия называли Якова вторым Соломоном [71]. Слух об убийстве короля, внезапно распространившийся около этого времени, поверг в явный ужас людей всякого звания[78]. Даже общины несколько умерили на этой сессии крайнюю свою бережливость и вотировали денежное пособие королю, каковое надлежало выплатить за четыре года в виде трех субсидий и шести «пятнадцатых»; согласно тому, что говорил в палате сэр Френсис Бэкон[79], их сумма составляла 400 000 фунтов, и на сей раз король и парламент расстались, полные дружеских чувств и взаимного расположения. Еще дороже для своего народа король стал в это время из-за очевидной ненависти, которую питали к нему католики. Единственным важным обстоятельством, вызывавшим неудовольствие короля против общин, было их неизменное покровительство пуританам, в чьих интересах палата желала устроить конференцию с лордами[80], однако получила отказ.

Главным вопросом следующей сессии (18 ноября) стала предполагаемая уния двух королевств[81]. Страстное увлечение короля этим замечательным проектом могло сравниться лишь с предубеждением и упрямством парламента. Сохранились две превосходные речи в пользу унии — короля[82] и сэра Фрэнсиса Бэкона, — которые было бы вполне уместно поставить рядом. Тот, кто по всякому поводу спешит выразить презрение к талантам Якова, будет удивлен, обнаружив, что как по основательности аргументов, так и по изяществу композиции его рассуждение немногим уступает речи того человека, который был, несомненно, одним из величайших гениев тогдашней Европы. Несколько мелких неловкостей и не совсем удачных резких выражений, свойственных публичным речам этого монарха, лишь доказывают, что перед нами подлинное произведение Якова. В целом же опрометчивой неловкостью можно назвать всю эту удивительно прямую и откровенную декларацию в пользу унии, поскольку король совершенно не позаботился о том, чтобы обеспечить ее успех какими-либо предварительными мерами или интригами. Искусство манипулировать парламентами через эгоистические интересы клик или частных лиц, в котором прежде не было особой пользы или нужды, еще не успело стать частью английской политики. При обычном ходе дел управление го-

сударством можно было осуществлять без помощи парламентов; когда же короне требовалось их содействие, она добивалась его (исключая времена больших смут и беспорядков), как правило, без особых усилий.

Шотландский же парламент — кажется, благодаря влиянию короля — делал искренние шаги навстречу унии. Преимущества, которых могли ожидать от подобной меры шотландцы, были существеннее, однако и поводы для возражений со стороны этого королевства представлялись более серьезными и очевидными. Англия должна была получить немалые выгоды благодаря росту своей силы и новым гарантиям безопасности, а поскольку англичане были народом гораздо более многочисленным и именно в Англии находилось правительство, то никаких обоснованных препятствий со стороны их самолюбия или зависти возникнуть не могло. А потому казалось, что английским парламентом в этом деле движет одна только вульгарная национальная злоба. Парламент с таким упорством цеплялся за свои предрассудки, что все усилия короля добиться более тесного союза и объединения двух государств имели своим следствием лишь отмену законов, принятых когда-то в обоих королевствах на случай войны между ними[83].

Некоторые опрометчивые шаги, сделанные королем в пользу своего любимого проекта вскоре после восшествия на престол, принесли ему в Англии, как оказалось, больше вреда, чем пользы. Собственной властью он принял титул короля Великобритании, а на всех монетах, знаменах и вымпелах велел изображать рядом с английским шотландский герб. Он также побудил судей объявить, что всякий родившийся после унии корон в любом из двух королевств, становится тем самым подданным каждого из них. С точки зрения тогдашних понятий это был чрезвычайно сложный вопрос, допускавший весьма тонкие доводы с обеих сторон. Король был один, парламенты — разные, а значит, чтобы мыслить единым народ, нам приходится предположить, что главным носителем верховной власти являлся государь, народные же собрания созывались преимущественно для помощи короне деньгами и советами и не обладали какими-либо контролирующими полномочиями или реальными правами в деле управления страной. «Совершенно очевидно, — говорил Бэкон в прениях по этому вопросу, — что все прочие государства, кроме монархий, могут существовать лишь благодаря предшествующим законам. Ибо там, где власть разделена между многими правителями, каковые являются не пожизненными, но временными, и полномочия свои получают только через выборы (причем правом голоса на этих выборах наделены лишь некоторые люди), мы имеем весьма сложные и непрочные формы правления, для руководства коими непременно требуется предшествующий закон, писаный или неписаный. Зато в монархиях, особенно в монархиях наследственных, где многие семьи или поколения подчиняются одной династии, королевской либо императорской, повиновение является более простым и естественным; через последующий закон оно совершенствуется и приобретает более упорядоченную форму, но изначальная его основа — в природе ве-

щей»[84]. Из этого рассуждения можно сделать вывод, что хотя понятие наследственной неограниченной монархии и подразумевалось опосредованным образом во многих государственных делах, едва ли какой-либо английский юрист или политик имел о ней в то время ясное и точное представление.

Если не считать упрямства в вопросе об унии и посягательств на церковную юрисдикцию короля[85], парламент в ходе этой сессии вел себя весьма любезно и почтительно, хотя по-прежнему обнаруживал дух бдительности и неусыпную заботу о правах нации. Принятые общинами решения свидетельствуют также о том, что немалого влияния в палате добились пуритане[86], которые, помимо предрассудков религиозных, проповедовали политические идеи, более сообразные с республиканской, нежели монархической формой правления. Естественная жажда власти заставляла общины охотно внимать любой доктрине, оправдывавшей расширение их собственных прав и полномочий.

Нижняя палата представила петицию о более строгом исполнении законов против рекузантов-папистов (72) и о смягчении мер по отношению к тем протестантским священникам, чья совесть не позволяла в точности придерживаться обрядов государственной церкви. Оба эти пункта были одинаково неприемлемы для короля, и он велел палате прекратить дальнейшее обсуждение данного вопроса. Поначалу общины склонны были счесть этот приказ нарушением парламентской привилегии, но вскоре, когда им было заявлено, что король в данном случае опирается на многочисленные прецеденты эпохи правления Елизаветы, они подчинились. Если бы общины обнаруживали постоянную готовность превращать прецеденты этого царствования в руководящий принцип для собственного образа действий, то у них никогда бы не возникало поводов для разногласий со своими монархами.

Английские купцы громко жаловались на грабежи и нападения со стороны испанцев[87]. Нижняя палата направила послание лордам (5 июня), предложив созвать конференцию, дабы представить королю совместную петицию по данному предмету. Лорды ответили не сразу, ибо, как они заявили, упомянутый вопрос является весьма важным и исключительным. Вероятно, вначале им пришло на ум, что вмешательство парламента в дела внешней политики может показаться чем-то странным и совершенно небывалым; но затем, желая доказать, что руководит ими здесь отнюдь не влияние двора, лорды, посовещавшись, дали согласие на конференцию.

Палата общин чувствовала себя теперь столь важным органом, что по предложению сэра Эдвина Сэндиза, весьма влиятельного депутата, впервые распорядилась вести регулярные протоколы своих заседаний[88]. Когда со всеми делами было покончено, король объявил перерыв в работе парламента.

Примерно в это же время в Нортгемптоншире происходили волнения сельских жителей (73) во главе с неким Рейнольдсом, человеком низкого происхождения. Крестьяне принялись разрушать изгороди, но любых

иных беззаконии тщательно избегали Беспорядки были с легкостью подавлены (4 июля), и хотя в целом к смутьянам отнеслись весьма милосердно, некоторые из их вожаков были казнены Главная причина этого мелкого бунта сама по себе представляется отнюдь не мелкой дело в том, что в тогдашней Англии по-прежнему выводили из употребления пахотные земли, огораживая их под пастбища Вследствие подобной практики население государства уменьшалось или, во всяком случае, не увеличивалось настолько, насколько этого можно было ожидать при постоянном росте торговли и промышленности

ПЕРЕМИРИЕ МЕЖДУ ИСПАНИЕЙ И СОЕДИНЕННЫМИ ПРОВИНЦИЯМИ. 1609

1608 год не принес ничего замечательного, зато весной следующего, 1609 года после долгих переговоров было заключено 12-летнее перемирие, положившее конец войне, которую в течение полувека с необыкновенным ожесточением вели Испания и Соединенные провинции Никогда еще ни один спор не казался вначале столь неравным, и никогда еще подобная борьба не завершалась с большей честью для слабейшего из противников На стороне Испании было численное преимущество, громадные богатства, влияние, воинская дисциплина, на стороне восставших провинций — преданность свободе и религиозный энтузиазм Благодаря своим морским предприятиям республика содержала сухопутную армию, а соединив прилежание в мирных ремеслах с воинской доблестью, она смогла защитить себя собственными силами, все в меньшей степени полагаясь на соседних государей, чья враждебность к Испании заставляла их поначалу оказывать поддержку восставшим голландцам Непомерная гордыня долгое время брала верх над действительными интересами этой монархии, не желавшей и слышать о каких-либо условиях примирения с мятежными подданными Но убедившись в том, что военный флот штатов сделал невозможной всякую связь между ее владениями, Испания, наконец согласилась признать голландцев свободной нацией и официально отказаться от любых притязаний на господство над ними

После того как удалось решить этот главный вопрос, мирный договор был легко заключен (30 марта) при совместном посредничестве и гарантиях Франции и Англии [74] При этом всех внешних знаков почета в равной мере удостоились обе короны, однако чувства, которые Генеральные штаты, как и вся Европа, питали к государям, их носившим, были весьма различными Бережливость, сила и энергия — главные качества, обеспечивающие монархам уважение чужеземных народов, — столь же ярко выделялись в характере Генриха, сколь очевидно отсутствовали они у Якова Кажется, что к общему пренебрежению английским королем Генрих

потрудился добавить изрядную долю подозрительности и недоверия, причем без всяких к тому оснований. Во всех своих сношениях с союзниками Яков вел себя честно и справедливо[89], однако из тогдашних мемуаров явствует, что каждая из сторон считала его неравнодушным к своему противнику, воображая, будто Яков вступил с ним в некую тайную сделку в ущерб ее интересам[90]. Столь превратно судят люди о своих собственных делах, и столь невыгодной оказалась полная беспристрастность, к которой стремился английский король!

ПАРЛАМЕНТ. 1610

Равнодушие Якова к внешней политике превращает внутренние дела, и в особенности парламентские, в самую интересную часть его правления. Весной открылась новая сессия (9 февраля); король был полон надежд получить субсидию, общины — ограничить его прерогативу. Граф Солсбери, произведенный в государственные казначеи [(75)] после смерти графа Дорсета [(76)], подробно изложил нужды короля, сначала — пэрам, а затем — комитету нижней палаты[91]. Он настойчиво говорил о неизбежных расходах, связанных с содержанием флота и подавлением недавнего ирландского мятежа; он упомянул о трех многочисленных дворах, которые должен содержать король (свой собственный, королевы и принца Уэльского); он заметил, что королева Елизавета, хотя и не была замужем, в последние годы перед своей кончиной получала весьма значительные ассигнования; он указал, что в течение своего царствования Елизавета продала немало коронных земель — средство, которое позволяло удовлетворять ее текущие потребности, не обременяя народ, однако чрезвычайно увеличило нужду ее преемника. По всем этим причинам, продолжал Солсбери, не следует удивляться, если утвержденные и регулярные расходы короля превышают его доходы на громадную сумму в 81 000 фунтов, и это без учета непредвиденных издержек, каковые всегда надлежит оценивать в четвертую часть годового расхода. А поскольку в настоящее время корона отягощена срочными долговыми обязательствами на 300 000 фунтов, то отсюда, заключил Солсбери, вытекает абсолютная необходимость крупной и безотлагательной субсидии со стороны нации. Несмотря на все эти аргументы, которые приводил и сам Яков в речи к обеим палатам (21 марта), общины остались непреклонны; однако, не желая оскорблять короля безоговорочным отказом, все же вотировали одну субсидию и одну «пятнадцатую», размер которых едва достигал 100 000 фунтов. Яков же испытал горькую обиду от того, что напрасно открыл всю свою нужду и тщетно молил о помощи собственных подданных, так и не пожелавших проявить к нему должное уважение или снисходительность.

Среди разнообразных причин вражды и взаимного недоверия между государем и парламентом, умножавшихся теперь с каждым днем, денеж-

ный вопрос следует отнести к самым серьезным. После открытия и завоевания Америки в Англии, как и в остальной Европе, постоянно увеличивалось количество золота и серебра, и в итоге цены на товары и продукты поднялись на такую высоту, какой не достигали они со времен упадка Римской империи. А поскольку доходы короны не выросли в соответствующей пропорции[92], то государь, постепенно бедневший посреди всеобщего процветания своих подданных, нуждался теперь в дополнительных средствах, чтобы поддержать силу и великолепие монаршей власти, существовавшие при прежних английских королях. И здесь стоит отметить, что в то самое время, когда в Англию мощным потоком хлынули драгоценные металлы — и, вероятно, именно по этой причине, — искусство и ремесла получили сильнейший толчок к развитию, а изящный вкус ко всякого рода удовольствиям жизни распространился среди людей всякого звания. Лица, состоявшие на королевской службе, как гражданской, так и военной, королевские министры, придворные, уже не довольствуясь той простой и скромной жизнью, которая удовлетворяла их предков, требовали от обедневшего государя все более крупного содержания. Да и сам государь начал думать, что рост пышности и великолепия совершенно необходим для того, чтобы поддержать достоинство королевского сана и сохранить должное превосходство над своими подданными, коим обладали его предшественники на английском троне [(77)]. С его стороны было также вполне естественно желать известного равенства и соразмерности с прочими государями Европы, а поскольку все они умножили свои доходы и увеличили налоги, то английский король считал, что его подданные — как правило, не уступавшие в богатстве подданным монархов континента, — поступят разумно, если с терпением отнесутся к некоторым новым податям и обложениям.

К несчастью для короля, эти самые богатства вместе с расширившимся кругозором вызвали у его подданных прямо противоположные чувства и, породив дух свободы и независимости, подвигли не обращать особого внимания ни на просьбы, ни на угрозы своего владыки. В прежние времена бароны, обладавшие громадными поместьями и обширными судебными полномочиями, при всяком поводе для недовольства готовы были угрожать своему монарху, приводя в полное расстройство управление страной; но подобные смуты нередко оказывались весьма выгодными для монарха, побуждая нацию вновь ему подчиняться, дабы восстановить в государстве правосудие и мир. Когда же отчуждение королевских земель вместе с ростом торговли изменили баланс собственности в пользу общин, новому положению дел и состоянию умов стало соответствовать более свободное и упорядоченное государственное устройство, при котором законы опирались бы не только на авторитет суверена. И хотя в этот период — после упадка прежней знати и до того, как почувствовал свою силу народ, — государи присвоили себе огромную власть и почти совершенно свели на нет конституцию собственной прерогативой, но как только общины вышли из состояния летаргии, они, пораженные существую-

щей опасностью, твердо решили оградить свободу более прочными и надежными стенами, чем те, коими успели ее окружить их предки.

Если бы Якову была свойственна строжайшая бережливость, он смог бы несколько отсрочить этот кризис и, терпеливо ожидая благоприятного момента для того чтобы увеличить свои доходы и сделать их постоянными, сумел бы, пожалуй, сохранить унаследованные от предшественников обширные полномочия. С другой стороны, если бы общины обнаружили больше щедрости и доброжелательности в отношениях со своим государем, они, вероятно, смогли бы обратить его нужду к собственной выгоде, побудив Якова за известное вознаграждение добровольно отказаться от самых опасных для нации пунктов королевской прерогативы. Но он был чужеземец, совершенно несведущий в искусстве нравиться народу, а они были озлоблены религиозными предрассудками и не желали расставаться со своими деньгами, а потому не удивительно, что во всем этом царствовании едва ли найдется хотя бы один краткий период взаимного доверия и согласия между парламентом и государем.

Несколькими годами ранее король собственной властью изменил ставки таможенных пошлин, установив более высокие налоги на некоторые виды товаров. Нам подобный акт должен, естественно, казаться деспотическим и незаконным, однако с точки зрения обычаев и понятий того времени он мог найти известное оправдание. В первый раз потонный и пофунтовый сборы были предоставлены короне постановлением парламента и на ограниченный срок, а так как впоследствии он нередко продлевался парламентом же, то никаких сомнений по поводу того, откуда происходит право короля взимать эти сборы, возникнуть не могло: данный налог, подобно всем остальным, имел своим источником добровольное согласие народа. Но поскольку Генриху V и всем последующим королям соответствующие доходы предоставлялись пожизненно, то государи, так долго собирая эти пошлины, постепенно привыкли видеть в них свое безусловное право и наследственное достояние, а постановления парламента стали считать чистой формальностью, которая скорее означала признание народом монаршей прерогативы, нежели предоставляла монарху право на какой-то новый налог или сбор.

Когда парламент впервые разрешил короне взимать пофунтовый сбор, он не установил никаких точных норм в денежном отношении: платили по шиллингу с фунта, или пять процентов со всех товаров. Сам король и его Тайный совет, пользуясь справками тех купцов, к которым они сочтут нужным обратиться, должны были определить стоимость товаров, а значит, и размер пошлины, но поскольку стоимость эта была зафиксирована еще до открытия Америки, то по сравнению с реальной ценой почти всех товаров на европейских рынках она резко упала, а следовательно, пошлины на многие товары, хотя и считавшиеся пятипроцентными, на самом деле были значительно ниже. И потому Яков пришел к вполне естественной мысли, что размер налога, теперь уже явно не соответствовавший действительности, следует изменить[93]; что оценка стоимости товаров,

установленная одним указом Тайного совета, может быть исправлена другим; что если право на пофунтовый сбор является неотъемлемым достоянием короны, то он, как король, должен также обладать правом устранять несообразности в его применении; если же право на этот налог исходит от народа, то король должен, по крайней мере, поступать согласно духу закона, устанавливая новые и более точные цены на все товары. Но помимо этих логических доводов — кажется, не лишенных смысла и даже вполне основательных, — король в своих произвольных действиях опирался на прямые прецеденты, относившиеся к правлению королевы Марии и к началу царствования Елизаветы[94]. Обе государыни без согласия парламента изменяли размер пошлин, а поскольку установленным ими налогам безропотно подчинялись и пошлины эти взимались по-прежнему, то у короля не было причин опасаться, что дальнейшее использование того же права может подать повод к каким-либо жалобам. Чтобы возбудить еще меньше неудовольствия, король проявил умеренность в установленных им новых тарифах: за все время его правления пошлины увеличились с 127 000 лишь до 190 000 фунтов в год, хотя наряду с увеличением пошлин в этот период произошел заметный рост торговли и промышленности; кроме того, все товары, которые могли служить пропитанием для народа или сырьем для мануфактур, были освобождены Яковом от нового обложения[95]. Однако вся эта мягкость и осторожность так и не смогли предотвратить жалобы общин. Дух свободы уже завладел палатой, выдающиеся ее члены, люди широких взглядов и независимого ума, стали соразмерять свои мнения и замыслы скорее с теми последствиями, которые предвидели они в будущем, нежели с прецедентами прошлого, на которые ссылались их противники; они стремились в большей степени не к сохранению старинной конституции, но к созданию новой, лучшей и более свободной. В своих ремонстрациях королю по данному поводу они указывали, что, согласно общему убеждению, аргументами, лежащими в основе подобной практики, можно было бы оправдать и вещи гораздо более серьезные, вплоть до эпохи полного уничтожения древних свобод королевства, равно как и права собственности подданных короля на свои земли и имущества[96]. И хотя король прямо запретил им посягать на его прерогативу, общины приняли отменяющий эти пошлины билль, отвергнутый затем палатой лордов.

В другом обращении к королю они протестовали против обычая брать взаймы под гарантию малой государственной печати [78] и выразили желание, чтобы подданных более не принуждали ни к займам Его Величеству, ни к объяснению причин отказа таковые предоставить. В палате прозвучали также голоса недовольства вновь учрежденной монополией на выдачу разрешений виноторговцам[97]. Следует признать, что практика монополий и принудительных займов, хотя и противоречившая явным образом всем принципам свободного правления, опиралась на многочисленные прецеденты как старинные, так и относительно недавние[98].

Кроме того палата выказала известное недовольство по поводу королевских прокламаций [81]. Яков ответил ей, что *хотя он хорошо знал о*

том, что, согласно конституции[82] *и обычаям королевства, прокламации не обладают равной силой с законами, тем не менее он счел своим прямым долгом и неотъемлемым правом короны предотвратить и смягчить бедствия и неудобства, возраставшие, как он ясно видел, в государстве, против которых не существовало никаких наличных законов и которые могли бы причинить огромный ущерб его подданным, если бы до созыва следующего парламента не было принято никаких мер. Этой прерогативой,* добавляет Яков, *предшественники наши обладали и пользовались во все времена*[99] Отметим, что перерывы между сессиями нередко были весьма продолжительными, и это делало необходимым использование монархом своей прерогативы. Легальность этих актов верховной власти, утвержденная на неизменном и неоспариваемом обычае, признавалась даже юристами, которые, однако, проводили следующее различие между законами и прокламациями: авторитет первых был постоянным, тогда как последние теряли силу после смерти издавшего их монарха[100]. Однако никакие правила разума и принципы политики, кажется, не способны нам объяснить, что за авторитет, отличный от авторитета законов и низший по отношению к нему, мог бы тем не менее иметь обязательную силу для подданных; на данном примере, как и на многих других, легко видеть, сколь неточной и неопределенной оставалась английская конституция до того, как парламент посредством непрерывных захватов и присвоений новых прав сумел утвердить ее на ясных и непреложных принципах свободы.

Та обширная ветвь власти, которая относилась к делам церковным, после Реформации осталась без владельца и, казалось, принадлежала первому, кто ее себе присвоит; Генрих VIII не преминул ее тотчас же захватить и воспользоваться ею самым тираническим образом[83]. Эту власть унаследовал Эдуард, после Марии ее вернула себе Елизавета; честолюбивая государыня столь ревниво оберегала это украшение своей короны, что всякий раз, когда парламент осмеливался вмешиваться в церковные вопросы, делала ему строгие внушения; парламент же испытывал перед ней такой благоговейный страх, что непременно изъявлял свою покорность и просил у Елизаветы прощения. Зато парламенты короля Яковы были гораздо менее послушными: они отважились поднять голову и обратить пристальный взор на эту прерогативу. Они увидели обширную область управления, находившуюся под исключительным контролем короля и едва ли как-либо связанную с парламентом. Они чувствовали, что с точностью определить границы этой области невозможно. Они уже осознали, что в прежние века римский первосвященник под предлогом интересов религии, постепенно вел дело к тому, чтобы узурпировать всю гражданскую власть. И теперь они опасались, что притязания их собственного суверена, который жил среди них и во многих иных отношениях уже обладал подобного рода неограниченной властью, могут иметь еще более опасные последствия. А потому коммонеры сочли абсолютно необходимым ограничить эту ветвь монаршей прерогативы и соответственно на предшеству-

ющей сессии приняли билль, воспрещавший введение каких-либо новых церковных канонов без согласия парламента[101]. Но палата лордов встала, как обычно, на защиту трона и отклонила билль.

На сессии 1610 года, повторно приняв тот же билль, общины заявили протест против действий суда Высокой комиссии[102]. Не требовалось особой проницательности, чтобы понять, сколь громадную опасность для свободы представляют при монархическом правлении обширные дискреционные полномочия этого органа (84). Но Яков не пожелал удовлетворить прошение общин. Вероятно, он чувствовал, что помимо ограничения его власти, отмена дискреционных полномочий всех должностных лиц и судей неизбежно повлечет за собой множество затруднений и неудобств; и что законы, даже сколь угодно тщательно продуманные и сформулированные, не способны предусмотреть все возможные случаи и обстоятельства, тем более там, где они сами еще не достигли надлежащей степени точности и совершенства.

Но главным вопросом, занимавшим в ходе этой сессии общины, была отмена королевской опеки и права поставщиков двора закупать товары по льготным ценам — привилегий, которых коммонеры так или иначе касались на каждой сессии парламента в течение всего царствования Якова. В этом деле общины прибегли к верному средству, позволявшему надеяться на успех: в качестве компенсации за те полномочия, от которых должен был отказаться король, ему предложили постоянный годовой доход, и король выразил готовность обсудить условия. После долгих споров он согласился уступить данные прерогативы за 200 000 фунтов в год, а общины согласились их ему предоставить[103]. Для окончательного заключения сделки общинам оставалось теперь лишь определить, из каких источников будет собрана эта сумма. Однако сессия продолжалась уже слишком долго, времени на решение столь сложной задачи не было, и хотя парламент опять собрался в конце года и вновь занялся данным вопросом, он так и не сумел завершить дело, в котором, казалось, был чрезвычайно заинтересован. Протоколы этой сессии не сохранились, а поскольку историки царствования Якова проявляли крайнюю небрежность в изложении парламентских дел, важность которых не могли в достаточной мере оценить, то нам неизвестна точная причина этой неудачи. Известно лишь, что король остался весьма недоволен поведением парламента и вскоре его распустил. Это был его первый парламент, и заседал он около семи лет.

Посреди всех этих атак на королевскую прерогативу, то более, то менее решительных, король по-прежнему высказывал свои возвышенные представления о монархии и о власти государя, делая это, как обычно, с полнейшей откровенностью и прямотой. Даже в той речи к парламенту, где он просил о субсидии и должен был, казалось, пустить в ход любую хитрость, чтобы снискать расположение этого собрания, король выразился так: «Вопрос о полномочиях королей я заключаю следующей аксиомой теологии: подобно тому, как спор о том, что вправе или не вправе совершить Бог, есть богохульство, и лишь о том, что Бог хочет совершить, мо-

гут законным образом спорить и рассуждать богословы, так и со стороны подданных спор о том, что вправе сделать король на вершине своей власти, есть бунт. Но справедливые короли, не желающие навлечь на себя Божье проклятие, всегда охотно объявят, что они намерены предпринять. Я не позволю спорить о моей власти, однако я всегда готов объяснить причину моих поступков и сообразовывать мои действия с моими законами»[104]. Несмотря на широкий объем тогдашней королевской прерогативы, подобные речи звучали, вероятно, до некоторой степени вызывающе. Здесь, однако, можно отметить, что если королевский деспотизм был тогда скорее умозрительным, нежели практическим, то свободомыслие общин отличалось противоположным характером и хотя находило мощную поддержку в их нынешнем положении и настроениях, все еще оставалось слишком новым явлением, чтобы обрести опору в каких-либо систематических теориях или устоявшихся взглядах[105].

СМЕРТЬ КОРОЛЯ ФРАНЦИИ

Этот год был ознаменован достопамятным событием, чрезвычайно встревожившим и взволновавшим Англию: от кинжала изувера Равальяка погиб французский монарх (3 мая). С его смертью слава французской монархии на несколько лет померкла, и так как это государство оказалось под властью правителей слабых, бездарных и фанатичных, а страну охватили смуты и беспорядки, то мощь Габсбургов вновь начала внушать ужас Европе. В Англии же после этого трагического события опять пробудилась ненависть к католикам, и некоторые законы, принятые когда-то для устрашения этой секты, стали теперь исполняться с большей точностью и строгостью[106].

АРМИНИАНСТВО. 1611

Свойственные Якову робость и лень в продолжение большей части царствования удерживали его в весьма благоразумном безразличии к иностранным делам, однако в этом году в Европе произошло событие, последствия коего оказались настолько громадными, что смогли вывести короля из состояния летаргии, пробудив все его усердие и решительность. Профессор теологии по имени Ворстиус, ученик Арминия [86], был приглашен из одного немецкого в один голландский университет, а поскольку он расходился с Его Британским Величеством в некоторых весьма тонких вопросах касательно сокровенной сущности и неведомых предначертаний Господа Бога, то его сочли опасным соперником по части ученой славы, и

в конце концов Ворстиусу пришлось капитулировать перед легионами августейшего доктора, чьи силлогизмы он, вероятно, смог бы опровергнуть. Если в прочих делах Якову недоставало смелости, то здесь он повел себя даже с некоторой дерзостью и высокомерием, и в итоге после нескольких его протестов Генеральные штаты были вынуждены лишить Ворстиуса кафедры и выслать из страны[107]. В своей вражде к профессору король дальше не пошел, хотя несколько ранее сделал штатам намек, полный редкого человеколюбия. Что же касается сожжения Ворстиуса за его богохульство и атеизм, то этот вопрос он оставляет на усмотрение их христианской мудрости, хотя, бесспорно, не существовало на свете еретика, который заслуживал бы костра в большей степени[108]. Следует отметить, что в ту эпоху по всей Европе, и даже в протестантских странах (за исключением Голландии), по-прежнему сжигали еретиков; происходило подобное и в Англии в правление короля Якова.

Чтобы представить Якова в более выгодном свете, мы должны взглянуть на него как на законодателя Ирландии, а поскольку большинство учреждений и законов, созданных им для цивилизования этого королевства, появилось примерно в этот период, то было бы уместно немного рассказать о них сейчас. Свое управление Ирландией Яков часто восхваляет как вершину искусства, и при ближайшем рассмотрении оказывается, что в данном пункте его гордость и тщеславие не вполне лишены оснований.

ПОЛОЖЕНИЕ ДЕЛ В ИРЛАНДИИ. 1612

После покорения Ирландии Елизаветой [87] другая, более сложная задача по-прежнему оставалась нерешенной: нужно было цивилизовать местных жителей, привить им любовь к труду и уважение к закону, сделать их подчинение английской короне прочным и полезным. Яков трудился над этим упорно и целенаправленно, в согласии с хорошо продуманным планом, и, по словам сэра Джона Дэвиса, за девять лет достиг бóльших успехов в преобразовании Ирландии, чем его предшественники за четыреста сорок лет, прошедших со времени первой попытки англичан завоевать остров[109].

Прежде всего необходимо было покончить с ирландскими обычаями, действовавшими вместо законов, обычаями, из-за которых этот народ мог навеки остаться в состоянии варварства и дикости.

Согласно брегонским законам [88] и обычаям, карой за любое, даже самое чудовищное злодеяние служила не смерть, но штраф, или денежная пеня, взыскиваемая с преступника. Как и у всех варварских народов древности, даже преднамеренное убийство искупалось подобным способом; любой человек имел, соответственно своему положению, особенную стоимость, или цену, и каждый, кто готов был ее заплатить, мог без всякой опаски прикончить своего врага. Называлась эта цена эрик. Когда сэр

Уильям Фитцвильямс, лорд-наместник Ирландии[89], сообщил Магиру, что намерен послать шерифа[90] в область Ферманна, незадолго до того превращенную в графство и подчиненную английским законам, Магир ответил ему так: «Вашего шерифа я приму с великой радостью, но только прежде сообщите мне его эрик, или цену за его голову, чтобы, если мои люди ее отрежут, я мог бы собрать деньги с жителей графства»[110]. Что же касается притеснений, вымогательств и прочих насилий, то на них обращали так мало внимания, что никакого штрафа не взыскивали вовсе, и получить удовлетворение за подобные обиды было совершенно невозможно.

Обычаи гавелькайнд и танистри[91], связанные с распределением собственности, отличались той же нелепостью. По обычаю гавелькайнд землю делили между всеми лицами мужского пола, принадлежавшими к септу (клану), или роду, как законными, так и побочными, а если после раздела кто-нибудь из них умирал, то вместо того чтобы раздать его часть сыновьям, вождь по собственному усмотрению производил повторный раздел всех земель септа, заново определяя долю каждого[111]. В силу этого обычая ни один человек не обладал постоянным правом собственности на какой-либо участок, а потому пахать, сеять, строить, огораживать или заниматься усовершенствованиями не имело ровно никакого смысла.

Вожди и танисты, хотя и происходившие из самых знатных родов, наследственными не были; они определялись с помощью выборов, а по сути — через насилие и принуждение. Власть их была почти абсолютной, и несмотря на то что их звание предполагало собственность на определенные земли, главным источником их доходов служили всевозможные вымогательства, поборы и платежи, которые взыскивались произвольным образом, без всяких определенных правил[112]. Отсюда — популярная среди ирландцев поговорка: «Мы обитаем к западу от закона, а закон действует по ту сторону реки Барроу» (имеется в виду населенная англичанами область, простиравшаяся не далее чем на двадцать миль вокруг Дублина)[113].

Уничтожив эти ирландские обычаи и поставив на их место английские законы, Яков принял всех туземцев под свою защиту и объявил свободными людьми; управлять ими он стал через регулярную администрацию, гражданскую и военную.

В Ирландии держали небольшую армию, за ее дисциплиной тщательно следили, а жалованье высылали из Англии, чтобы удержать солдат от грабежей местного населения, обычных в прежние царствования. Когда Одогерти поднял бунт[92], на остров направили подкрепления, и пламя мятежа было тотчас же погашено.

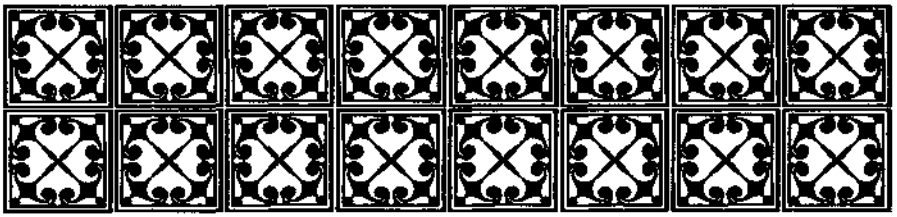
Всеобщая амнистия успокоила умы[114], в Ирландии начали действовать выездные сессии суда, отправлялось правосудие, притеснения со стороны вождей кланов были запрещены, всякого рода преступления и беспорядки сурово карались[115]. Поскольку почти все ирландцы участвовали в восстании против Елизаветы, от них потребовали безусловного отказа от

прав на особую юрисдикцию, пожалованных в прежние времена; теперь в Ирландии признавалась только одна власть — власть короля и закона[116]. Ирландцев также принудили отказаться от прав на частные поместья; когда же эти земли были возвращены хозяевам, прежние собственники получили их на новых условиях, которые должны были сделать невозможными в будущем акты тирании и жестокое притеснение простого народа. Был точно определен размер обычных платежей, которые получала со своих вассалов ирландская знать, а всякие произвольные поборы были запрещены под страхом суровых наказаний[117].

Так как вся провинция Ольстер ввиду лишения бунтовщиков гражданских и имущественных прав поступила в распоряжение короны, в Лондоне была учреждена специальная компания для колонизации этого плодородного края [93]. Землю разделили на небольшие по размерам участки, не более двух тысяч акров каждый, арендаторов везли из Англии и Шотландии, ирландцев сгоняли с гор, холмов и труднодоступных мест и селили на равнинах [94], им обеспечивали постоянные места жительства, их обучали земледелию и ремеслам, разбой и воровство строго наказывались — и вскоре с помощью подобных мер Ольстер превратился из самой дикой и буйной ирландской провинции в самую цивилизованную и цветущую часть страны[118].

Таким путем приучал Яков к гуманности и правосудию народ, прозябавший дотоле в глубочайшем варварстве. Это был достойный труд, бесконечно превосходящий преступную и суетную славу завоевателей, требующий, однако, многих веков упорства и настойчивости, чтобы довести до конца столь удачно начатое дело.

Примерно в это время в Англии совершился похвальный акт правосудия в отношении шотландского аристократа лорда Сэнкхира, виновного в подлом убийстве Тернера, учителя фехтования. Англичане, в большинстве своем не любившие шотландцев, были взбешены этим злодеянием, столь же гнусным, сколь зверским, но Яков успокоил их гнев, поставив строгость закона выше ходатайств друзей и родственников преступника[119].



Глава III

Смерть принца Генри. — Брак принцессы Елизаветы с курфюрстом Пфальцским. — Возвышение Сомерсета. — Его женитьба. — Возвращение залоговых городов. — Отравление Овербери. — Падение Сомерсета. — Возвышение Бекингема. — Взятые в залог города возвращены голландцам. — События в Шотландии.

СМЕРТЬ ПРИНЦА ГЕНРИ

В этом же году всю нацию глубоко опечалила неожиданная смерть Генри, принца Уэльского (8 ноября). Хотя молодость и королевское происхождение — качества, сами по себе весьма притягательные — сильнейшим образом располагают людей в пользу юных государей, следует отметить, что о принце Генри историки говорят с особенной любовью, и он, похоже, обладал достоинствами во всех отношениях выдающимися. Еще не достигнув восемнадцати лет, он отличался более благородными манерами и внушал больше почтения, чем его отец при всем своем опыте, учености и солидном возрасте. Ни молодость, ни высокий сан не увлекли принца к беспутным забавам; жажда славы и деятельности была, казалось, единственной его страстью. Склонности и любимые занятия Генри относились к воинскому искусству. Когда французский посол, прощаясь с принцем, спросил, что ему будет угодно передать французам, Генри, упражнявшийся в этот момент с пикой, ответил: «Расскажите вашему королю, за каким занятием вы меня оставили»[120]. Величайшее уважение и симпатию принц питал к доблестному сэру Уолтеру Рэли. Он часто повторял: «Право, ни один король на свете, кроме моего родителя, не стал бы держать подобную птицу в клетке»[121]. Кажется, он и в самом деле слишком презирал короля за малодушие и педантизм, поощряя таким образом воинственный и беспокойный дух английской нации. И если бы Генри прожил дольше, то, пожалуй, сумел бы многое совершить для славы, но отнюдь не для благополучия своего народа[(95)]. Злосчастная симпатия, которую люди обычно питают к дерзкому честолюбию, мужеству, отваге и

прочим воинственным добродетелям, побуждает возвышенные натуры, неизменно любящие славу, к таким предприятиям, которые губят их собственный душевный мир и лишают покоя остальное человечество.

Упорно распространялись слухи о том, что Генри был отравлен, однако врачи, вскрыв его тело, не обнаружили никаких признаков, подтверждающих это мнение[122]. Дерзкая и преступная злоба людских уст и перьев не пощадила в данном случае даже короля. Но характер этого государя грешил скорее избытком мягкости и добродушия, нежели чрезмерной жестокостью и бессердечием. Он был весьма снисходителен к принцу, а назначив ему уже в столь юном возрасте крупное независимое содержание, поступил, пожалуй, не вполне благоразумно.

БРАК ПРИНЦЕССЫ ЕЛИЗАВЕТЫ С КУРФЮРСТОМ ПФАЛЬЦСКИМ. 14 ФЕВРАЛЯ 1613

Брак принцессы Елизаветы с курфюрстом Пфальцским Фридрихом, заключенный через некоторое время после кончины принца, рассеял скорбь, вызванную этим печальным событием[96]. Но хотя брак этот был отпразднован с великой помпой и весельем, он не принес счастья ни королю, ни его зятю и имел самые скверные последствия для репутации и положения обоих. Полагаясь на столь внушительного союзника, курфюрст ввязался в предприятия, намного превосходившие его силы, а король, не способный помочь зятю в беде, утратил в конце жизни остатки любви и уважения собственных подданных.

ВОЗВЫШЕНИЕ СОМЕРСЕТА

Если исключить периоды сессий парламента, историю этого царствования правильнее было бы называть историей двора, нежели историей нации. В течение нескольких лет внимание придворных приковывал к себе весьма занимательный объект — это был обожаемый королем фаворит, к которому Яков питал привязанность пылкую и безграничную, не оставлявшую места для соперников или конкурентов.

В конце 1609 года, проведя некоторое время в путешествиях, в Лондон прибыл Роберт Карр[97], молодой человек двадцати лет от роду, происходивший из хорошей шотландской фамилии. Все его природные достоинства заключались в миловидности, а все благоприобретенные совершенства — в изящных манерах и непринужденном обращении. Он имел при себе рекомендательные письма к своему соотечественнику лорду Хэю, и этот вельможа мгновенно распознал в юноше таланты, вполне достаточ-

ные для того, чтобы уже в скором времени рассчитывать на важную роль в правительстве Зная о пристрастии короля к молодости, красоте и наружному блеску, он задумался о том, как следует повести дело, чтобы сей новый предмет произвел на Якова самое сильное впечатление Не упоминая о нем при дворе, Хэй подыскал для юноши подходящую службу он должен был подавать королю щит во время турнира и таким образом, как надеялся лорд, привлечь к себе внимание монарха Судьба улыбнулась его замыслу — благодаря происшествию, которое поначалу приняло не самый удачный оборот В тот момент, когда Карр готовился исполнить свою обязанность, строптивая лошадь сбросила его с седла, и он сломал ногу в присутствии короля Яков, полный жалости и участия, приблизился к юноше, молодость и красота Карра пробудили в его сердце нежные чувства, и государь велел тотчас же перенести его во дворец и окружить всяческой заботой После турнира Яков лично посетил Карра в его покоях, а затем часто навещал, пока тот оставался прикованным к постели Простодушное невежество и наивность юноши окончательно покорили сердце монарха, тронутое вначале его очаровательной внешностью Другие государи также предпочитали выбирать себе фаворитов среди подданных низшего звания и относились к ним с безграничной нежностью и совершенным доверием по той причине, что всеми почестями и богатствами предмет их выбора был обязан исключительно монаршей милости Якову же хотелось, чтобы его любимец получил от него еще и все свои познания, разум и опыт Будучи весьма высокого мнения о собственном уме, он тешился мечтами о том, как благодаря его урокам и поучениям этот несведущий юноша сравнится вскоре с мудрейшими из его министров и в совершенстве постигнет глубокие тайны искусства правления, коему сам король придавал необыкновенную важность А так как это существо было его творением в более полном смысле, чем какое-либо иное, то к своему смазливому фавориту он относился с безграничной нежностью и снисходительностью и, кажется, любил его больше, чем собственных детей Вскоре он произвел Карра в рыцари, затем даровал ему титул виконта Рочестера, пожаловал орден Подвязки [98], ввел в состав Тайного совета и, хотя не предоставил поначалу никакой особой должности, передал ему высшее руководство всеми государственными делами Стремительному росту доверия и потоку всевозможных почестей и отличий сопутствовали богатства, коими был осыпан нищий фаворит, и пока Солсбери вместе с умнейшими из министров с трудом изыскивал необходимые средства, чтобы поддержать едва работавшую машину правительства, Яков щедрой рукою расточал сокровища перед этим пустым и ничтожным созданием [123]

Рассказывают, что королевский воспитанник оказался настолько необразованным, что не имел даже самых элементарных сведений в латинском языке, и потому монарх, отложив в сторону скипетр, взял в свою августейшую десницу розги и принялся обучать его основам грамматики Перерывы в столь возвышенных занятиях посвящались делам государственным, и тогда юноша, благодаря приобретенному им влиянию, полу-

чал возможность вознаградить короля политическими советами за то, что усвоил от него в грамматической науке. Подобные сцены кажутся скорее смешными, нежели отвратительными, ибо увлечение Якова не имело в себе, насколько можно судить, ничего греховного или постыдного. О чудовищных преступлениях, а тем более о великих добродетелях рода человеческого история повествует весьма охотно, но она, похоже, опускается ниже своего достоинства, когда бывает вынуждена подробно останавливаться на столь нелепых эпизодах и ничтожных особах.

Поначалу фаворит не был опьянен успехами до такой степени, чтобы совершенно забыть о собственном невежестве и неопытности. Он прибег к помощи и советам друга, и выбор его оказался удачнее, чем у большинства подобных баловней судьбы. В лице сэра Томаса Овербери [99] он нашел честного и здравомыслящего наставника, который, связывая все надежды на собственное возвышение с успехами юного фаворита, стремился привить тому благоразумие и скромность. Карру рекомендовали оказывать усердные услуги всем и каждому, чтобы ослабить таким образом зависть, которую мог возбудить его стремительный взлет; отдавая предпочтение англичанам, он учился избегать действия предрассудков, враждебных его стране. И до тех пор, пока ему было угодно руководствоваться дружескими советами Овербери, Карр, что случается весьма редко, пользовался исключительным благоволением короля, не вызывая при этом ненависти со стороны народа.

Чтобы исполнить меру изысканного придворного счастья, Карру недоставало теперь лишь блестящей подруги; там же, где богатству и высокому положению сопутствуют все чары молодости и красоты, обзавестись таковой совсем нетрудно. Но именно здесь встретился фаворит с подводными камнями, на которых его фортуна потерпела полное крушение, погрузив его навеки в пучину греха, бесчестья и страданий.

Взойдя на английский престол, Яков тотчас же вспомнил о своей дружбе с несчастными семействами Говардов и Девере [100], пострадавшими за преданность делу королевы Марии и его собственному. Восстановив юного Эссекса в его наследственных правах и пожаловав титулы графов Суффолка и Нортгемптона двум братьям из рода Норфолков [101], он задумал совершить новое благодеяние, соединив эти фамилии через брак графа Эссекса с леди Френсис Говард, дочерью графа Суффолка. Ей было всего лишь тринадцать, ему — четырнадцать, а потому решили, что до достижения обоими возраста зрелости Эссекс отправится за границу и проведет некоторое время в путешествиях[124]. После четырехлетнего отсутствия он вернулся в Англию и с радостью обнаружил, что его графиня находится в расцвете красоты и служит предметом любви и восхищения для всего двора. Но когда граф сделал следующий шаг и пожелал вступить в права супруга, он не встретил ничего, кроме признаков сильнейшего отвращения и решительного отказа в какой-либо близости. Он обратился к ее родителям, которые заставили дочь отправиться с графом в деревню, чтобы разделить с ним ложе, однако ничто не могло побороть ее

упрямство и суровую непреклонность, и она по-прежнему покидала супружескую постель, так и не познав радостей брака. Возмущенный многократными отказами, граф наконец прекратил свои попытки и, разъехавшись с женой, предоставил ее отныне собственному ее благоразумию

Подобная холодность и отвращение к мужу возникли в душе леди Эссекс не без влияния чувств к другому предмету Дело в том, что за ней начал ухаживать фаворит, и не без успеха. на нежное сердце юной графини он произвел сильнейшее впечатление[125]. Она вообразила, что до тех пор, пока она уклоняется от объятий Эссекса, ее нельзя считать женой графа, и что раздельное жительство и развод по-прежнему в силах открыть ей путь к новому браку с обожаемым Рочестером[126]. Хотя страсть их была столь бурной, а возможности для встреч столь частыми, что они уже успели насладиться всеми радостями любви, они по-прежнему сетовали на свою горестную судьбу, ведь союз их еще не стал полным и нерасторжимым. И потому любовникам не терпелось увенчать свой взаимный пыл браком.

Нельзя было решиться на столь важное дело, не спросив прежде совета у Овербери, с которым Рочестер привык делиться всеми своими тайнами Пока этот верный друг видел в привязанности своего покровителя к графине Эссекс обычную интригу, он всячески поощрял ее, и сами ухаживания Рочестера имели такой успех отчасти благодаря умным и страстным письмам, которые сочинял Овербери. Как опытный придворный он понимал, что подобного рода победа придаст новый блеск юному фавориту и сделает его еще милее для Якова, который обожал слушать рассказы о любовных приключениях и галантных интригах своих приближенных. Но когда Рочестер сообщил ему о своем намерении жениться на графине, Овербери чрезвычайно встревожился и пустил в ход все средства, чтобы отговорить друга от столь безрассудного плана. Он твердил о том, как трудно будет добиться для нее развода, сколько вражды и злобы вызовет это предприятие, сколь опасно принимать в свое ложе распутную женщину, которая, выйдя замуж за молодого блестящего аристократа, не постыдилась опозорить собственную репутацию, подарив свою благосклонность предмету капризной и мимолетной страсти. В искреннем пылу дружбы он зашел так далеко, что даже пригрозил Рочестеру навсегда его оставить, если тот забудет о своей чести и о своих интересах настолько, чтобы и далее домогаться задуманного брака[127].

Рочестер имел глупость сообщить об этой беседе графине Эссекс, когда же она разразилась против Овербери яростным гневом, он имел слабость присоединиться к ее планам мщения и поклялся отомстить своему другу за то, что явилось наивысшим свидетельством его верной дружбы. Для осуществления их замысла потребовалась известная доля хитрости. Рочестер обратился к королю и, посетовав на то, что его чрезмерная снисходительность к Овербери породила в этом человеке некоторую самонадеянность, в высшей степени неприятную, попросил отправить Овербери с посольством в Россию, представив эту миссию как своего рода почет-

ную и прибыльную отставку. Когда же сам Овербери пожелал узнать его мнение, Рочестер настойчиво его убеждал не принимать это предложение, пообещав успокоить короля, если тот как-либо выразит недовольство отказом[128]. Перед королем же он всячески подчеркивал дерзость поведения Овербери и в конце концов добился ордера на его арест и заключение в Тауэр (2 апреля) — меру, которую Яков считал легким наказанием за непокорность. Комендант Тауэра был человеком Рочестера, назначенным на должность недавно и именно ради этой цели; он держал Овербери в чрезвычайной строгости: в течение шести месяцев, которые провел в тюрьме несчастный узник, ему не позволяли видеться даже с ближайшими родственниками, полностью лишив его всякой связи с миром.

Устранив это препятствие, любовники принялись за осуществление своего замысла, и сам король, забыв о достоинстве монаршего сана и о дружбе с семейством Эссексов, усердно хлопотал о том, чтобы устроить для графини развод. Эссекс также был не прочь навсегда расстаться с ненавидевшей его распутной женщиной и потому выразил готовность содействовать успеху их плана любыми достойными средствами. Предлогом для развода стала его неспособность исполнять супружеские обязанности; он согласился объявить, что сознает за собой подобный недостаток в отношениях с графиней, хотя никогда не замечал его с другими женщинами. Графиню же в ходе судебного освидетельствования коллегией почтенных матрон[102] заменяла, как рассказывают, юная девственница в маске. После подобного процесса, успеху коего способствовали влияние двора и нелепая вера в магию и колдовство, суд объявил брак между Эссексом и его женой расторгнутым[129]. А в довершение всего король, весьма озабоченный тем, чтобы эта дама вследствие нового замужества ничего не потеряла в знатности, пожаловал своему любимцу титул графа Сомерсета.

ОТРАВЛЕНИЕ ОВЕРБЕРИ

Однако этот успех не удовлетворил графиню Сомерсет, и потому, желая до конца утолить жажду мщения, она вовлекла своего мужа, а с ним и своего дядю, графа Нортгемптона, в чудовищный замысел — погубить Овербери тайно, с помощью яда [103]. Последовало несколько неудачных попыток — яд оказывался слишком слабым, — но в конце концов Овербери получил столь сильный и быстродействующий яд (16 сентября), что признаки отравления были очевидными для каждого, кто приближался к его телу[130]. Похоронили его с величайшей поспешностью, и хотя в обществе тотчас же возникли сильные подозрения, бесспорные доказательства злодеяния обнаружились лишь несколько лет спустя.

Страшная смерть Овербери усилила или породила слухи о том, что и жизнь принца Уэльского унес яд Сомерсета [104]. Люди не замечали, что

как раз противоположный вывод был бы гораздо более обоснованным. Сомерсет показал себя полнейшим новичком в этом омерзительном искусстве: человека, который в течение пяти месяцев был его пленником и не общался ни с кем, кроме его агентов, он едва сумел отправить на тот свет, причем столь топорным и неловким образом; но если так, то неужели мы вправе думать, что юный принц, живущий посреди собственного двора, в окружении слуг и друзей, мог оказаться совершенно беззащитным перед покушениями Сомерсета и что его можно было свести в могилу столь искусно составленным ядом (если таковой вообще существует), действия которого не сумели бы распознать даже самые опытные медики?

Граф Солсбери, самый способный из всех министров, которые когда-либо были у Якова, уже умер[131]; его сменил Суффолк, человек не слишком даровитый, и теперь на нем лежала эта нелегкая задача — удовлетворять из истощенной казны расточительные наклонности короля и его молодого фаворита. В продажу поступил титул баронета[(105)], который изобрел Солсбери, и двести патентов на этот род личного дворянства удалось сбыть, выручив за них 200 000 фунтов; каждый ранг знатности также получил свою цену[132], займы под гарантию государственной печати составили 200 000 фунтов, добровольных пожертвований было затребовано на сумму в 52 000 фунтов[133], учредили также несколько монополий, не слишком, впрочем, доходных для короны. Но хотя Яков и начал задумываться о некотором сокращении своих расходов[134], все эти меры оказались недостаточными для того, чтобы удовлетворить потребности короля. В общем, при всей мизерности надежд на успех, пришлось созвать очередной парламент и вновь испытать это средство, ставшее теперь весьма рискованным.

ПАРЛАМЕНТ

Собравшись на свое первое заседание (5 апреля), общины проявили крайнюю обеспокоенность по поводу слухов о так называемых поручителях[135]. Утверждалось, что несколько преданных королю лиц вступили в сговор, составили регулярный план действий на новые выборы и, распределив свои усилия и влияние по всей Англии, поручились перед двором за то, что обеспечат ему большинство в парламенте. Общины оказались столь невежественными, что не сумели распознать в этом событии первый верный знак упрочившейся свободы. Ведь если бы они строго следовали правилам своих предшественников, которые, как говорил последнему парламенту граф Солсбери, лишь три раза за шестьсот лет отказали монарху в субсидии[136], им бы никогда не пришлось страшиться того, что корона может заинтересоваться их выборами. Прежде короли даже прямо требовали, чтобы придворных не избирали в парламент, и хотя впоследствии соответствующая хартия была объявлена недействительной,

Генрих VI из великой своей милости к городу Йорку даровал его жителям особую привилегию, избавив их от этой обузы[137]. Хорошо известно, что в прежние времена место в палате общин считалось тягостным бременем, не приносившим ни выгоды, ни чести, а потому графства и представленные в парламенте города должны были платить своим депутатам особое вознаграждение. В описываемую нами эпоху место в парламенте начали воспринимать как нечто почетное, и сельские джентльмены уже соперничали за него, хотя обычай собирать плату депутатам исчез еще не полностью. Лишь много времени спустя, когда свобода по-настоящему упрочилась и народные собрания стали влиять на все отрасли общественных дел, члены парламента присоединили к почету выгоду, а корона нашла нужным распределять среди них все важнейшие посты в государстве.

В царствование Якова двор располагал столь ограниченными средствами влиять на исход выборов (106) (или проявил в этом так мало искусства), что в новой палате дух свободы обнаружился, пожалуй, еще сильнее, чем в предшествующей, и вместо того чтобы заняться вопросом субсидий, о чем настоятельно просил король, несколько раз выказывавший общинам знаки своего расположения[138], они тотчас же вернулись к вопросу, который был поставлен прошлым парламентом, и стали оспаривать право Его Величества вводить новые пошлины и налоги в силу одной лишь королевской прерогативы. Характерно, что в прениях по данному предмету приверженцы двора нередко ссылались в качестве прецедента на пример всех других наследственных монархов Европы и, в частности, упоминали королей Франции и Испании, причем подобные аргументы не вызывали в палате ни гнева, ни удивления[139]. Сторонники противной партии либо довольствовались тем, что отрицали справедливость вывода, либо подвергали сомнению истинность исходной посылки[140]. А один патриотически настроенный член палаты, сэр Роджер Оуэн, приводя доводы против произвольных обложений, тем не менее откровенно признал, что английский король обладает столь же обширными правами и полномочиями, как и любой другой христианский государь[141]. Отметим, что в ту эпоху народы континента все еще сохраняли какие-то малые остатки прежних свобод и что у англичан их было ненамного больше.

Общины предложили лордам устроить конференцию по поводу новых налогов. Резкие слова Нила, епископа Линкольнского, в адрес нижней палаты вызвали пререкания между общинами и пэрами[142], и негодующий король тотчас же (6 июля) воспользовался случаем, чтобы распустить этот парламент, который обнаружил столь твердую решимость ограничить его прерогативу, однако не пожелал взамен выделить даже самой малой субсидии для удовлетворения его нужд. В своем гневе Яков зашел так далеко, что велел заключить в тюрьму нескольких депутатов, наиболее энергично противившихся его действиям[143]. В оправдание же своего насильственного акта он тщетно ссылался на пример Елизаветы и других государей из династий Тюдоров и Плантагенетов (107). Ни с одним из этих прецедентов, сколь угодно древних и привычных, народ и парламент

не могли бы смириться, не отказавшись навеки от всех своих вольностей и прав. Но даже признав авторитет подобных прецедентов, из них, самое большее, можно было вывести лишь то, что тогдашняя английская конституция [108] представляла собой внутренне противоречивую систему, нестройные и несогласные элементы которой должны были вскоре разрушить друг друга и на развалинах старой формы правления породить новую, более упорядоченную и единообразную.

В публичных действиях короля и палаты общин в продолжение всего этого царствования мы находим достаточно причин для ссор и взаимного недовольства, однако не следует думать, что это был единственный источник подозрительности в их отношениях. В ходе прений в нижней палате нередко случалось так, что кто-то из депутатов, более страстный и горячий, чем остальные, обнаруживал в своих речах крайнее свободомыслие; общины довольствовались тем, что молча и с кажущимся одобрением их выслушивали, а король, извещенный об этих пылких разглагольствованиях, делал вывод, что вся палата заражена теми же принципами и уже составила некий заговор против его прерогативы. Сам же король хотя и держался весьма высокого мнения о своем искусстве правителя и, вероятно, не был совершенно лишен способности к притворству, даром скрытности обладал в наименьшей степени: за столом, в каком угодно обществе, он готов был без всякого стеснения проповедовать твердо усвоенные им монархические идеи. Однажды в присутствии многочисленных слушателей он крайне пренебрежительно отозвался об английском общем праве [109], отдав предпочтение праву гражданскому [110], и за этот неблагоразумный поступок ему пришлось затем оправдываться в речи перед последним парламентом[144]. В качестве примера обычной для короля откровенности можно привести историю (хотя и относящуюся к более позднему времени), которую мы находим в жизнеописании Уоллера [111] и *которую сам поэт нередко рассказывал друзьям. Как-то раз молодой Уоллер* имел любопытство посетить двор, во время обеда он расположился в кругу зрителей и наблюдал за Яковом; за столом же среди прочих гостей сидели епископы Нил и Эндрюс. Король громко задал вопрос: вправе ли он, если случится такая нужда, брать у своих подданных деньги без всех этих парламентских формальностей? Нил ответил: «Боже вас избави поступить иначе, ведь вы — дыхание ноздрей наших». Эндрюс поначалу уклонился от ответа, сославшись на то, что он-де не сведущ в парламентских делах, но когда король стал настаивать, заявив, что отговорок не потерпит, епископ шутливо отвечал: «Ну что ж, в таком случае Ваше Величество может законным образом взять деньги моего брата Нила, ведь он их сам предлагает»[145].

ПАДЕНИЕ СОМЕРСЕТА. 1615

До сих пор фаворит ускользал от правосудия, но он не смог укрыться от того тихого голоса, который заставит себя услышать посреди всей придворной суеты и лести, удручая преступника безжалостно-точным описанием его самых тайных злодейств. Мысль об убийстве друга не давала покоя Сомерсету, и его уже не могли утешить ни радости любви, ни высочайшее благоволение государя. Очарование его молодости постепенно исчезло, веселый нрав потускнел, утонченную любезность обхождения сменила мрачная замкнутость. И король, чью привязанность к Сомерсету поддерживали именно эти внешние достоинства, начал отдаляться от человека, который уже ничем не мог его позабавить и развлечь.

Проницательные придворные быстро заметили первые признаки этого отчуждения, а недруги Сомерсета тотчас же использовали удобный момент, чтобы представить королю нового любимца. Джордж Вильерс [112], юноша двадцати одного года, младший сын из хорошей семьи, возвратился в это время из путешествий. Он имел приятную наружность, изысканные манеры и по моде одевался, каковые достоинства не остались незамеченными. На представлении одной комедии его нарочно посадили так, чтобы Яков мог налюбоваться им вполне — Джордж тотчас же завладел вниманием монарха и покорил его сердце[146]. Устыдившись этого внезапного чувства, король попытался, но тщетно, скрыть свою симпатию к очаровательному незнакомцу; он пустил в ход тончайшие уловки великого своего глубокомыслия, чтобы оставить Вильерса у себя на службе, но не подать виду, что ему самому этого хочется. Яков объявил о своем решении не назначать его ни на какую должность, если не попросит о том королева; он утверждал, что лишь из уважения к ее выбору может он согласиться допустить молодого человека к своей особе. Немедленно обратились к королеве, но она, отлично зная, до каких крайностей доходит в подобных привязанностях король, вначале не пожелала отнестись к его новой страсти благосклонно. Лишь после настойчивых упрашиваний архиепископа Кентерберийского Эббота [113] (весьма достойного прелата и большого недоброжелателя Сомерсета) она согласилась доставить удовольствие супругу, попросив его оказать покровительство Вильерсу[147]. И король, искренне полагая, что все приличия теперь соблюдены, не стал больше сдерживать свои чувства и немедленно назначил молодого Вильерса на должность виночерпия.

Весь двор раскололся на партии между королевскими любимцами: одни пытались содействовать возвышению Вильерса, другие находили более надежным опираться на уже утвердившееся влияние Сомерсета. Сам король, влекомый в разные стороны чувством и приличием, усиливал колебания своих придворных, а угрюмая недоброжелательность прежнего фаворита, отвергавшего любые дружеские авансы со стороны соперника, порождала бесконечные раздоры между их приверженцами. Но рас-

крытие виновности Сомерсета в убийстве Овербери решило наконец этот спор и обрекло фаворита на вполне заслуженное падение и бесчестие.

Некий ученик аптекаря, участвовавший в составлении яда, переехал во Флиссинген и принялся болтать о своей тайне; в конце концов дело дошло до ушей Трамбела, королевского посланника в Нидерландах. Тот дал знать государственному секретарю сэру Ральфу Уинвуду, а последний немедленно сообщил обо всем Якову. Король, изумленный и потрясенный тем, что столь громадная вина лежит на человеке, которого он сделал некогда своим ближайшим другом, призвал главного судью сэра Эдуарда Кока и решительно потребовал провести самое строгое и беспристрастное расследование. Приказ короля был исполнен с величайшим усердием и суровостью: все нити злодеяния были тщательным образом распутаны, вначале привлекли к суду и вынесли приговор менее значительным преступникам — коменданту Тауэра[115] сэру Джервису Элвису, Франклину, Уэстону и миссис Тернер; графа Сомерсета и его супругу признали виновными позднее; смерть незадолго до процесса спасла от подобной участи Нортгемптона.

Стоит, вероятно, отметить, что в ходе слушания дела миссис Тернер Кок заявил, что она повинна в семи смертных грехах, будучи сводней, блудницей, колдуньей, ворожеей, паписткой, уголовной преступницей и убийцей[148]. И, что может показаться нам еще более удивительным, Бэкон, тогдашний генеральный атторней, не преминул уточнить, что отравление — это папистский прием[149]. Таковы были господствующие предрассудки эпохи: отравление не казалось достаточно гнусным само по себе, если не изобразить его необходимым атрибутом папизма. Стоу сообщает, что когда король, впервые вступивший в пределы Англии, прибыл в Ньюкасл, он освободил всех заключенных, кроме тех, кто сидел в тюрьме за измену, убийство и папизм. Если принять в расчет эти обстоятельства, бешеное исступление католиков, ярко проявившееся в пороховом заговоре, покажется менее удивительным.

Все лица, замешанные в убийстве Овербери, понесли заслуженное наказание, но главных виновников, Сомерсета и графиню, король помиловал. Нужно согласиться, что Яков проявил бы в высшей степени похвальную твердость, если бы осуществил свое первоначальное намерение сурово наказать всех преступников, однако не следует слишком строго его порицать, если в роковую минуту он не решился передать в руки палача тех, к кому питал когда-то нежную привязанность. Желая облегчить их жестокую судьбу, он вернул им свободу после нескольких лет заключения и даже назначил пенсию, с которой они удалились от света и до старости влачили жалкое существование в позоре и безвестности. Их преступная любовь превратилась в смертельную ненависть: много лет прожили они в одном доме, совершенно не разговаривая и не общаясь друг с другом[150].

Описывая эти события, некоторые историки[151] много говорили о лицемерии и притворстве в поведении Якова, когда он отдавал Сомерсета в

руки главного судьи, о дерзких угрозах этого преступника, о его категорическом отказе предстать перед судом и о крайнем беспокойстве, которое обнаруживал король в ходе всего этого дела. Даже если допустить, что все указанные обстоятельства вполне соответствуют действительности — между тем иные из них весьма сомнительны или даже явным образом ложны[152], — достаточным для них объяснением могут послужить остатки нежных чувств, которые Яков по-прежнему испытывал к Сомерсету. Фаворит был человеком гордым и мужественным, готовым предпочесть смерть ожидавшему его позору. Яков же сознавал, что помилование столь страшного преступника, само по себе возмутительное своей несправедливостью, вызовет еще больше недовольства, если своей надменностью и упрямством в ходе процесса Сомерсет усилит всеобщую ненависть к нему[153]. Как бы то ни было, неограниченное доверие короля, коим пользовался фаворит в течение нескольких лет, могло сделать Сомерсета обладателем столь многих тайн, что мы, не имея иных достоверных сведений, не вправе приписывать какие-либо особые причины тому крайнему высокомерию, с которым, как утверждают, держался он во время суда.

ВОЗВЫШЕНИЕ БЕКИНГЕМА

Падение Сомерсета и его удаление от двора тотчас же открыли Вильерсу путь на самую вершину почестей и богатств. Если бы пристрастия Якова подчинялись обычным правилам благоразумия, то должность виночерпия привязала бы Вильерса к его особе и могла бы вполне удовлетворить человека его возраста и происхождения, и тогда, пожалуй, никто, кроме людей безжалостно-строгих, словно древние киники, не стал бы слишком порицать ту странность, которую проявляет король в выборе друзей и фаворитов. Но Яков готовил для своего любимца гораздо более высокую судьбу (116). За несколько лет он сделал его виконтом Вильерсом, графом, маркизом и герцогом Бекингемом, кавалером ордена Подвязки, королевским шталмейстером, главным судьей выездной сессии королевского суда, лордом-инспектором Пяти Портов, главным клерком Суда королевской скамьи, стюардом Вестминстера, констеблем Виндзорского замка и лордом-адмиралом Англии[154]. Его мать получила титул графини Бекингем, брат стал виконтом Пурбеком, а целая толпа бедных родственников добилась власти и влияния (117). Так любвеобильный государь, желая сыграть роль наставника своего фаворита, воспитать его в правилах строгого благоразумия и обучить политической премудрости, избрал самый верный способ для того, чтобы, осыпав Бекингема преждевременными и чрезмерными почестями, навсегда превратить его в человека безрассудного, опрометчивого и надменного.

Удовлетворять жажду удовольствий молодого любимца, одаривать сокровищами его нуждающееся семейство — для пустой казны Якова это

были непосильные задачи, и чтобы раздобыть немного денег, пришлось возвратить голландцам взятые в залог города. Данную меру сурово порицали почти все историки, но, осмелюсь утверждать, осуждали гораздо сильнее, чем она того заслуживала по своему действительному смыслу и значению.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ВЗЯТЫХ В ЗАЛОГ ГОРОДОВ

Ссужая деньги для поддержки юной республики, королева Елизавета имела в виду не только собственную защиту от мощи и честолюбивых замыслов Испании: она рассчитывала получить обратно выделенные ею суммы, а потому добилась передачи в свои руки в качестве залога трех важных крепостей — Флиссингена, Бриля и Раммекинса. Учитывая бедственное финансовое положение Генеральных штатов, королева согласилась не требовать проценты с долга, особо оговорив, кроме того, что если Англия заключит отдельный мир с Испанией, то она будет платить жалованье гарнизонам указанных крепостей[155].

Когда между Испанией и Соединенными провинциями было заключено перемирие, штаты договорились с королем о том, что их долг, составлявший тогда 800 000 фунтов, будет погашаться через ежегодные выплаты 40 000 фунтов. По прошествии пяти лет долг уменьшился до 600 000 фунтов; через пятнадцать лет, при условии продления перемирия, его следовало погасить полностью[156]. Однако из этой суммы 26 000 фунтов расходовались ежегодно на содержание гарнизонов и лишь 14 000 доставались непосредственно королю, а потому, взвесив данные обстоятельства, штаты решили, что они сделают Якову чрезвычайно заманчивое предложение, если изъявят готовность выплатить ему немедленно после передачи залоговых городов 250 000 фунтов, а английские гарнизоны включить в состав собственной армии. Сам король понимал, что ежегодная выплата 40 000 фунтов ничем ему не гарантирована, поскольку она зависит от того, будет ли продлено перемирие между Испанией и Голландской республикой: если бы вновь вспыхнула война, обязанность содержать гарнизоны лежала бы на одной лишь Англии, представляя собой бесполезное и слишком тяжелое бремя для скудных доходов государства; он принимал в расчет, что даже в период действия перемирия голландцы, поставленные в трудное положение прочими своими расходами, далеко не всегда производят выплаты регулярно, а гарнизоны уже сейчас готовы взбунтоваться из-за недостаточного содержания; что ежегодные 14 000 фунтов, т. е. все, что фактически оставалось королю от голландского долга, за пятнадцать лет составили бы не более 210 000 фунтов, тогда как сейчас ему предлагают немедленно 250 000 — сумму более крупную, а если исчислять ее из расчета 10% годовых, более чем вдвое превышающую то, что причиталось Англии[157]; что если бы он, король, решил ждать, пока долг не будет

погашен полностью, войска, составляющие гарнизоны крепостей, оставались бы для него тяжелым бременем, и их нельзя было бы распустить, не выплатив жалованья за прежнюю службу; что залоговые города сами по себе представляют лишь временную узду для голландцев, однако в нынешних обстоятельствах совпадение интересов Англии и республики является столь полным, что любые иные стимулы оказываются излишними, и голландцы, даже освободившись от зависимости по отношению к упомянутым гарнизонам, непременно оказали бы англичанам посильную поддержку; что казна республики опустела в настоящее время настолько, что теперь, когда Франция перестала платить голландцам субсидию, они с трудом поддерживают свою обороноспособность на том уровне, который необходим в период перемирия с Испанией; что испанцы постоянно добиваются от короля возвращения этих городов как принадлежащих их короне, и пока они остаются в руках англичан, искренний союз с Испанией невозможен[158]. Указанные причины вместе с крайней нуждой в средствах побудили короля принять предложение Карона (6 июня): он эвакуировал залоговые города, которые держали Генеральные штаты в определенной зависимости от Англии и в которых другой государь, более честолюбивый и предприимчивый, видел бы самое ценное свое достояние. С этого момента Голландская республика стала по-настоящему свободным государством.

ШОТЛАНДСКИЕ ДЕЛА. 1617

Когда английская корона перешла к Якову, шотландцы могли предвидеть, что независимость их королевства, за которую их предки пролили столько крови, будет теперь утрачена, и что если оба государства сохранят отдельные законы и парламенты, то слабейшее из них в большей мере почувствует свою зависимость, чем если бы его полностью покорили силой оружия. Впрочем, так думали далеко не все. Гордость от сознания того, что они дали государя своему могущественному врагу, выгоды нынешнего мира, богатые дары их щедрого владыки — все эти причины обеспечивали покорность шотландцев монарху, ежедневно выказывавшему им столь очевидные знаки своей дружбы и благоволения. Ни один король из тех, которые постоянно жили в их стране, не обладал такой прочной и твердой властью, как Яков, даже когда последний находился в Англии, а поскольку до сих пор в управлении государством господствовали порядок и спокойствие, в Шотландии не случилось ничего такого, что могло бы привлечь к ней наше внимание. Однако в мае 1617 года король решил посетить свою родину, чтобы возобновить старинные знакомства и дружеские связи и произвести столь желанные для него перемены в церковном устройстве. Расширить власть епископов, ввести несколько новых обрядов в богослужение, утвердить верховенство гражданского суда над цер-

ковным — таковы были три главные задачи этого рода, которые Яков предполагал решить во время своей поездки в Шотландию.

Но вся история, а история Якова и его преемника в особенности, доказывает, что когда религиозный дух сочетается с духом партийных раздоров, в нем обнаруживается нечто сверхъестественное и непостижимое, а в его влиянии на общество следствия соответствуют известным причинам в меньшей степени, чем в любой иной сфере политики. Данное обстоятельство дает право порицать тех государей, которые легкомысленно вводят новшества в столь опасной области, и одновременно служит оправданием для тех, кто, ввязавшись в подобное предприятие, терпит крах в своих начинаниях и не добивается ожидаемого результата.

Когда энтузиазм реформации, породивший вначале столько волнений и беспорядков, но оказавшийся чрезвычайно благотворным в своих последствиях, впервые завладел шотландским народом, местные проповедники вообразили себя чуть ли не пророками или апостолами и с негодованием отвергли всякое подчинение духовным руководителям церкви, которые противились их новшествам и карали за них. Доходы высшего клира, уже не считавшиеся неприкосновенными, были присвоены их тогдашними фактическими владельцами либо захвачены могущественными баронами, а то, что уцелело после безжалостного грабежа, перешло, согласно акту парламента, в собственность короны. Тем не менее прелаты и аббаты сохранили светскую юрисдикцию и места в парламенте, и хотя миряне получали порой церковные должности, по-прежнему считалось, несмотря на неоднократные торжественные опровержения самой церкви, что именно эти духовные лорды и представляют ее в собрании сословий королевства. После долгой борьбы король Яков (еще до своего восшествия на английский престол) приобрел достаточное влияние на шотландское духовенство, чтобы вырвать у него признание парламентских полномочий епископов, хотя последние и сопровождались многочисленными мерами предосторожности, призванными служить гарантией от епископских посягательств в духовной сфере[159]. Будучи уже королем Англии, он добился того, что шотландское духовенство — хотя опять-таки с явной неохотой — сделало еще один шаг и согласилось допустить епископов в свои церковные синоды в качестве постоянных председателей, или посредников; при этом шотландцы вновь заявили категорический протест против всякой духовной юрисдикции прелатов и против любого контроля с их стороны над пресвитерами[160]. Король льстил себя надеждой, что с помощью таких постепенных новшеств ему удастся мирно и спокойно ввести в Шотландии епископальную систему церковного управления, но поскольку конечная его цель была совершенно ясна уже с самого начала, каждый следующий шаг к ней порождал новые причины для недовольства и вместо того чтобы смягчать, лишь усиливал всеобщую ненависть к прелатству.

Попытки ввести в Шотландии некоторые обряды англиканской церкви, предпринимавшиеся королем в это же время, делали его замысел еще более очевидным: легко было понять, что вслед за подобными церемония-

ми придет черед и для всего остального Благочестивый пыл, порожденный новизной протестантской доктрины и воспламеняемый противодействием, до такой степени овладел умами шотландских реформаторов, что всякая церковная утварь, любые украшения и облачения и даже самый порядок богослужения были ими с презрением отвергнуты как бессмысленное и бесполезное бремя, которое сдерживает полет восторженного воображения и препятствует действию божественного духа, коим, по их убеждению, они были движимы В итоге в Шотландии установилась предельно простая и аскетичная форма культа, ничего не заимствовавшая из сферы чувств, но всецело основанная на созерцании той божественной сущности, которая открывается одному лишь разуму Подобный вид богопочитания, весьма достойный Верховного Существа, но, увы, так мало соответствующий слабости человеческой, вызывал в душах величайшую сумятицу и беспокойство, сводя на нет все обычные правила разумного поведения и образа жизни Устремляясь с напряжением всех сил к этим сверхъестественным восторгам, достигая их на краткий миг, а затем вновь падая на землю под грузом собственной немощи, отвергая при этом всякое содействие внешнего блеска или пышного великолепия обрядности, человек настолько погружался во внутреннюю жизнь собственной души, что начинал тяготиться всяким общением с себе подобными, избегал любых забав и удовольствий, которые могли бы смягчить его характер Для всех проницательных людей было очевидно, что под действием крайнего религиозного фанатизма в народе утверждается суровое и мрачное настроение, дух упрямый и опасный, буйный и строптивый, движимый одновременно презрением к авторитету и ненавистью ко всякой иной религии, в особенности католической Данное обстоятельство не укрылось от глаз короля, и потому, желая смягчить суровость подобных нравов, Яков попытался привнести в национальный культ малую долю обрядности, учредив такой порядок богослужения, который мог бы занять разум и одновременно доставить удовольствие чувствам, не слишком при этом удаляясь от характерной для реформированных церквей простоты Для украшения храмов были использованы изящные искусства (хотя в северных странах последние все еще оставались довольно примитивными), а в качестве образца для остальной нации была предложена королевская часовня, в которой разместили орган и выставили несколько картин и статуй Но звуки музыки были истинным мучением для предубежденного слуха шотландских пресвитериан, живопись и скульптура казались им орудиями идолопоклонства, стихарь — мерзким обрывком папизма, а всякое действие или жест, предписанные официальным церковным ритуалом, представляли собой шаг в сторону того духовного Вавилона, который внушал им величайшее отвращение и ужас Кощунство и нечестие они находили во всем, кроме собственных мистических толкований Библии, эту книгу они боготворили, а ее восточный пророческий слог использовали в любых обстоятельствах обыденной жизни

Нет особой нужды подробно описывать те обряды, которые с таким упорством стремился ввести король В течение известного времени по-

добные установления считаются либо слишком божественными, чтобы происходить от какого-то другого существа, кроме Верховного Творца вселенной, либо слишком сатанинскими, чтобы источником их мог быть кто-то иной, кроме владыки адских сил. Но как только страсть к спорам утихает, все ясно обнаруживают, что вещи это настолько маловажные, что посреди обычных человеческих дел о них даже едва ли удобно упоминать. Здесь же достаточно будет заметить, что введенные Яковом обряды относились к коленопреклонению перед алтарем, индивидуальному причастию и крещению, конфирмации детей, а также к Рождеству и некоторым другим праздникам[161]. Акты, установившие эти церемонии, стали впоследствии известны под именем Пертских статей, по названию города, где их утвердила Генеральная ассамблея шотландского духовенства (118).

Яков не мог рассчитывать на достижение своей конечной цели — установление единства культа и внутреннего устройства церквей Англии и Шотландии, — не добившись вначале признания своего высшего авторитета во всех духовных делах; между тем не было ничего более противоположного принципам и обычаям пресвитерианского духовенства. Церковные суды имели право отлучать от церкви, и этот приговор помимо сопровождавших его, как предполагалось, чисто духовных результатов влек за собой весьма серьезные непосредственные следствия. Все избегали отлученного как нечестивца и богохульника; недвижимое имущество подобного лица переходило в собственность государства на время его жизни, а движимое конфисковывалось навечно. Предшествующие юридические процедуры, необходимые для вынесения этого приговора, совершенно не соответствовали его суровости. Без обвинителя, без официальной повестки, без всякого следствия и разбирательства любой церковный суд даже самой низшей инстанции мог скорым порядком подвергнуть отлучению за какую угодно вину любого человека, хотя бы он жил вне пределов его прямой юрисдикции[162]. Таким путем в стране утверждалась самая настоящая тирания инквизиции, пусть даже и без свойственных последней формальностей.

Но шотландское духовенство не удовлетворилось неограниченными полномочиями в церковных делах: оно присвоило цензорскую власть во всех частях гражданской администрации, а во всех проповедях и даже молитвах, смешивая религию с политикой, внушало пастве в высшей степени мятежные и бунтовщические принципы. Блэк, священник храма Св. Андрея, дошел до того[163], что всех королей объявил в своей проповеди сынами дьявола, а королеву Англии назвал безбожницей; он говорил, что вероломство короля раскрылось теперь вполне, а в молитве о королеве выразился следующим образом: «Согласно установленному порядку мы обязаны за нее молиться, однако у нас нет оснований так поступать: королева никогда не сделает нам ничего доброго». Вызванный в Тайный совет, он отказался отвечать перед гражданским судом за что-либо, произнесенное им с церковной кафедры, хотя преступление, в котором его обвиняли, относилось к гражданским делам. Церковь встала на его защиту и подня-

ла мятеж в Эдинбурге[164]. Некоторое время король находился в руках разъяренной черни; и лишь проявив мужество и ловкость, смог он выпутаться из этого положения[165]. Несколько дней спустя какой-то священник, читая проповедь в главной церкви столицы, объявил, что в короля вселился дьявол, и что когда один бес был изгнан, семь других, еще более страшных, заняли его место[166]. К этому он присовокупил, что подданные имеют законное право восстать и вырвать меч из рук монарха. Даже самые темные времена католического суеверия едва ли представят такие примеры вмешательства духовенства в светские дела, какие являет нам история Шотландии той эпохи.

Из-за своих непомерных претензий и вследствие настойчивости и терпения Якова церковь начала терять авторитет еще до восшествия шотландского короля на английский трон, но как только это произошло, Яков дал почувствовать шотландскому духовенству, что теперь он правит большим государством и обладает громадной властью. Когда-то он остался бы вполне доволен, если бы ему удалось произвести справедливое разделение светской и духовной власти, однако теперь король твердо решил добиться высшей юрисдикции в церкви точно так же, как и в государстве, и положить конец мятежным действиям шотландского духовенства. В Абердине была созвана Генеральная ассамблея[167], но из-за своего путешествия в Лондон Яков отложил ее на следующий год. Некоторые священники отвергли верховенство монарха в церковных делах и, несмотря на его запрет, собрались в срок, назначенный в первый раз. Король приказал заключить их в тюрьму. Тех из них, кто покорился и признал свою вину, простили, прочих привлекли к суду и осудили за государственную измену. Король оставил им жизнь, но изгнал из страны. Этому наказанию подверглись шесть священников[168].

Впоследствии Генеральную ассамблею вынудили[169] признать право короля созывать церковные суды и заставили подчиниться епископской юрисдикции и визитациям[(119)]. Даже столь любимые шотландским духовенством приговоры об отлучении от церкви были объявлены не имеющими законной силы в том случае, если их не подтверждает Верховный гражданский суд. Король указал судам низшей инстанции, каких членов им следует избрать в эту ассамблею, и все дела в ней велись без особой видимости свободы[170].

Подобным же способом, воспользовавшись своей прерогативой (которой в данном случае он, кажется, злоупотребил), Яков учредил суд Высокой комиссии[171] по образцу уже существовавшего в Англии. Созванные королем епископы и несколько представителей духовенства с готовностью признали этот орган, и он немедленно приступил к делу, как будто его полномочия основывались на единодушном согласии всей законодательной власти страны.

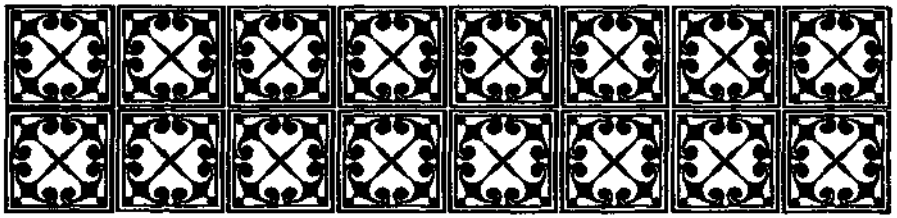
Но последний удар Яков откладывал до своего приезда в Шотландию. Созванному тогда парламенту он предложил постановить (13 июля), что «любое решение Его Величества, касающееся внешнего управления цер-

ковью, принятое с согласия архиепископов, епископов и достаточного числа священников, должно иметь силу закона»[172]. Какое именно число следует считать достаточным, не указывалось, право их назначения всецело предоставлялось королю, и таким образом, если бы этот билль прошел, церковная власть короля стала бы полной и неограниченной. Некоторые представители духовенства выразили протест. По их словам, они страшились того, что через новые полномочия монарха непорочная церковь Шотландии будет осквернена всеми обрядами и церемониями церкви английской. Опасаясь возмущения и ропота, Яков отозвал свой билль, уже одобренный лордами статей [120], заявив, что неотъемлемая прерогатива короны содержит более обширные права, чем те, которые в нем признавались. Спустя некоторое время (июль) он созвал в храме Св. Андрея собрание епископов и тридцати шести самых значительных представителей духовенства. Там он объявил о своем решении использовать королевскую прерогативу и собственной властью установить несколько обрядов, которые он уже рекомендовал им ранее. Священники умоляли Якова созвать Генеральную ассамблею и заручиться ее согласием на этот шаг. В итоге датой созыва ассамблеи было объявлено 25 ноября.

Однако эта ассамблея, собравшаяся после отъезда короля из Шотландии, уклонялась от удовлетворения любых его просьб, и лишь в следующем году Яков сумел добиться от нее одобрения предложенных им обрядов. Все то время, пока в парламенте и на генеральных ассамблеях решался данный вопрос, нация обнаруживала крайнее отвращение к упомянутым новшествам, и только благодаря упорству Якова и принуждению с его стороны удалось вырвать притворное согласие, которому прямо противоречили подлинные чувства всех слоев народа. Даже те немногие, над кем религиозные предрассудки не имели власти, сочли, что рабское подражание принятым в Англии формам культа оскорбляет честь шотландской нации. Все разумные люди единодушно осуждали образ действий короля, который, проявив неуместное рвение из-за маловажных обрядов, обнаружил, хотя и противоположным способом, ту же узость мысли, что и особы, к которым сам он относился с величайшим презрением. Разумные люди полагали, что если бы эти опасные настроения не возбуждались и не усиливались противодействием, если бы им позволили спокойно излиться, то они бы непременно пошли на убыль, во всяком случае остались бы в рамках закона и подчинения светской власти, а поскольку любому религиозному фанатизму свойственно стремление ограничивать число и богатство духовных лиц весьма узкими пределами, то, как только угасает его первоначальный пыл, он утрачивает свою власть над людьми, предоставляя их естественному и благотворному влиянию обязанностей гражданских и моральных.

Столь грубо оскорбляя религиозные принципы своих шотландских подданных, Яков в то же самое время действовал наперекор убеждениям подданных-англичан. Путешествуя по Англии, он заметил, что иудейски строгое соблюдение воскресного дня, главным образом благодаря усили-

ям пуритан, с каждым днем все шире распространяется по всему королевству и что под предлогом религии народу, вопреки прежним обычаям, запрещают игры и забавы, весьма полезные как для телесного, так и для душевного здоровья[173]. Праздничные дни, которые в других странах и в другие эпохи были посвящены частью церковной службе, частью — обществу и веселью, здесь всецело поглощались исполнением религиозных обязанностей, питая мрачные и унылые мысли, которым народ и сам по себе был столь злосчастным образом подвержен. Король вообразил, что этому угрюмому духу благочестия будет совсем нетрудно придать оттенок более светлый. Он издал прокламацию, дозволявшую и поощрявшую все виды законных игр и развлечений после церковной службы, попытавшись таким образом собственной властью утвердить обычай, в котором его подданные видели крайнюю степень нечестия и богохульства[174].



Глава IV

Экспедиция сэра Уолтера Рэли. — Казнь Рэли. — Восстание в Богемии. — Потеря. — Переговоры с Испанией. — Парламент. — Партии. — Падение Бэкона. — Разрыв между королем и общинами. — Протестация палаты общин.

ЭКСПЕДИЦИЯ СЭРА УОЛТЕРА РЭЛИ

К тому времени, когда сэр Уолтер Рэли был в первый раз заключен в Тауэр, надменный и необузданный нрав сделал его самым непопулярным человеком в Англии, и именно этой ненавистью общества главным образом и объяснялось его осуждение. Но за тринадцать лет, проведенные Рэли в тюрьме, отношение народа к нему заметно изменилось. Люди успели задуматься о суровости, чтобы не сказать — несправедливости приговора, они сожалели о том, что столь смелый и деятельный муж томится в жестоких условиях тюремного заключения, их поражала обширность талантов человека, который, получив образование посреди военных и морских предприятий, превзошел на литературном поприще даже тех, кто вел жизнь самую мирную и уединенную, наконец, они восхищались неизменной высотой его духа, которая — в его возрасте и положении — побудила Рэли предпринять и исполнить такой грандиозный труд, как «История мира». Чтобы усилить это благоприятное расположение умов, на котором он основывал надежды на свое освобождение, Рэли стал распространять слухи о золотых россыпях, якобы открытых им в Гвиане, которые, по его словам, могли бы не только обогатить всех искателей приключений, но и доставить несметные сокровища государству. Король не слишком верил этим головокружительным обещаниям: он считал, что россыпей, подобных описанным, нигде в природе не существует, а кроме того, он видел в Рэли человека, который оказался в отчаянном положении и потому стремится любыми средствами вернуть себе свободу и восстановить прежнее влияние и авторитет. Полагая, однако, что Рэли уже понес достаточно суровое наказание, король выпустил его из Тауэра, а когда его похвальба о золотых россыпях побудила множество народу присоединиться к нему,

король позволил им попытать удачи в этом предприятии и, по их просьбе, поручил Рэли начальство над прочими авантюристами. Тем не менее, несмотря на усиленные ходатайства, Яков по-прежнему отказывался даровать ему помилование — казалось бы, вполне естественное после того, как Рэли получил от короля власть и командование над людьми. Яков заявил, что все еще не доверяет намерениям Рэли; первоначальный приговор, объяснил король, остается в силе как средство, способное повлиять на его будущие действия.

Отлично зная, что захват испанских поселений вовсе не входит в планы короля, Рэли категорически отрицал, что в той части побережья, где находятся его россыпи, есть какие-либо колонии, основанные Испанией. Когда испанский посол Гондомар [121], встревоженный приготовлениями к экспедиции, выразил недовольство королю, Рэли вновь торжественно объявил о совершенной чистоте своих намерений, Яков же заверил Гондомара в том, что если Рэли осмелится предпринять какие-либо враждебные действия, то непременно заплатит за подобную дерзость собственной головой. Однако посол, заключив, что двенадцать боевых кораблей снаряжаются с целью какого-то набега, известил обо всем мадридский двор, который тотчас же распорядился укрепить и подготовить к обороне все испанские поселения, в особенности расположенные на побережье Гвианы.

После того как благодаря отваге и алчности испанцев и португальцев было открыто множество новых стран, эти нации вознамерились доказать, что покоренных ими дикарей-язычников они превосходят не только в искусстве и военном деле, но и в справедливом разрешении споров. Они обратились к Александру VI [122], занимавшему тогда папский престол, и тот великодушно даровал испанцам всю западную часть земного шара, а португальцам — всю его восточную половину. Более педантичные протестанты, не признававшие авторитет римского понтифика, основанием своего права собственности сделали факт первого открытия, и потому стоило лишь какому-нибудь пирату или искателю приключений протестантского исповедания оставить на берегу камень или воткнуть в песок палку в знак того, что он вступил во владение данной землей, как они заключали, что вся эта область принадлежит им, полагая себя вправе изгнать или истребить как незаконных захватчиков всех ее прежних хозяев и обитателей. Подобным способом примерно двадцатью пятью годами ранее сэр Уолтер Рэли приобрел для английской короны право претендовать на Гвиану, обширную страну, равную по своим размерам половине Европы, и хотя Рэли немедленно покинул гвианский берег, он продолжал утверждать, будто право Англии на всю эту территорию остается совершенно неоспоримым. Но впоследствии случилось так, что испанцы, ничего не ведавшие об этих сомнительных притязаниях или не желавшие их признавать, захватили часть Гвианы, основали колонию на реке Ориноко, построили форт, названный именем Св. Фомы, и принялись разрабатывать в этих местах небольшие рудники.

Именно туда и взял курс Рэли; с пятью самыми крупными кораблями он остановился в устье реки, прочие же, под командованием своего сына и капитана Кеймиса, человека всецело ему преданного, отправил к форту Св. Фомы. Ожидавшие нападения испанцы открыли огонь по высадившимся англичанам, но встретили отпор и были отброшены к городу. Рэли-младший, желая ободрить своих людей, воскликнул: «Это те самые россыпи, только глупец станет искать другие!» Он устремился на испанцев, но был сражен пулей, от которой скончался на месте. Кеймиса и остальных это не обескуражило: они продолжили атаку и завладели фортом, который затем сожгли дотла, не обнаружив в нем ничего ценного.

Рэли никогда не утверждал, будто собственными глазами видел россыпи, на поиски которых побудил отправиться столько людей; по его словам, их открыл Кеймис и именно последний принес ему якобы кусок породы, суливший несметные сокровища. Однако Кеймис, признававший, что находился на расстоянии двухчасового перехода от россыпей, под совершенно нелепым предлогом отказался предпринять какие-либо действительные шаги для того, чтобы добраться до золота; он тотчас же вернулся к Рэли с печальным известием о гибели его сына и неудаче всего предприятия. Устыдившись упреков Рэли и опасаясь кары за свои действия, Кеймис в отчаянии удалился в свою каюту и покончил с собой.

Прочие же авантюристы решили, что Рэли их обманывал; что о золотых россыпях, на поиски которых он якобы отправился, Рэли ничего не знал; что его единственной целью было разграбить форт Св. Фомы и, воодушевив свой отряд захваченной в нем добычей, напасть на другие испанские поселения; что этим дерзким предприятием он надеялся восстановить свое потерянное состояние; что благодаря сокровищам, которые он должен был приобрести в Гвиане, Рэли рассчитывал примириться с английским правительством либо, в случае неудачи подобного плана, собирался уехать в какую-то другую страну, где богатство могло бы обеспечить ему надежное убежище.

Скудная добыча, захваченная при разграблении форта Св. Фомы, отбила у спутников Рэли всякую охоту пускаться в подобные предприятия, хотя в мирном договоре и в недавних соглашениях между двумя государствами существовали многие пункты, способные толкнуть этих авантюристов к пиратской войне против испанцев.

Когда Англия заключала мир с Испанией, эти страны последовали примеру Генриха IV, который, обнаружив при выработке условий Вервенского договора [123], что уладить все вопросы, касавшиеся торговли с Америкой, весьма нелегко, согласился обойти данный пункт полным молчанием. Испанцы, издававшие все это время суровые указы, которые воспрещали любой европейской нации всякие сношения с их колониями, истолковали эту недомолвку в свою пользу, сочтя ее молчаливым согласием Англии с соответствующими испанскими законами. Англичане же, напротив, утверждали, что поскольку ни один договор не отстранял их формально от торговли с какой-либо частью владений испанского короля,

то они по-прежнему имеют законное право торговать как с испанскими поселениями в обеих Индиях, так и с владениями испанской короны в Европе. Пользуясь этой неопределенностью, многие морские авантюристы отправлялись из Англии в Испанскую Индию; будучи захваченными, они несли суровые наказания за то, что вели тайную торговлю с жителями колоний или принуждали к ней силой, а порой оказывали сопротивление испанским властям и даже совершали открытые грабежи. Подобного рода насилия и бесчинства, достигавшие широких размеров с обеих сторон, решено было предать совершенному забвению, так как покончить с ними, опираясь на какой-нибудь твердый и определенный принцип, оказалось делом весьма затруднительным.

Но поскольку между частными лицами, пускавшимися в авантюры на отдельных судах, и целым флотом, действующим с дозволения короля, существовало явное различие, спутники Рэли сочли наиболее безопасным немедленно возвратиться в Англию, захватив его с собой для того, чтобы он ответил за свои поступки. По-видимому, Рэли желал вначале склонить их к нападению на испанские поселения, а не преуспев в этом, пытался бежать во Францию, но все его многочисленные уловки оказались тщетными: он был выдан королю и вместе со своими товарищами подвергнут строгому допросу в Тайном совете. Расследовав дело, совет мог с уверенностью объявить, что прежние подозрения в отношении истинных целей Рэли оказались вполне обоснованными; что, описывая задуманную им экспедицию, Рэли обманул короля; что вопреки полученным инструкциям он совершил враждебные и оскорбительные действия против союзников Его Величества; наконец, что он умышленно сжег и разрушил город, принадлежавший королю Испании. Судить его могли либо в соответствии с обычными законами за пиратство и насилие, либо по военному праву за нарушение приказа, но поскольку Рэли уже был осужден и лишен всех прав за государственную измену, то его, согласно господствовавшим среди тогдашних юристов взглядам[175], нельзя было привлечь к новому суду за какое-то иное преступление. А потому, желая успокоить испанский двор, громко протестовавший против действий Рэли, король воспользовался правом, которое он намеренно оставил за собой ранее, и подписал приказ о приведении в исполнение первоначального приговора[176].

КАЗНЬ РЭЛИ

Убедившись в том, что гибель неизбежна, Рэли призвал на помощь все свое мужество, и хотя поначалу, желая затянуть следствие и найти способ к бегству, он прибегал ко многим жалким уловкам (притворялся сумасшедшим, симулировал всевозможные болезни и недомогания), теперь он решил встретить свою судьбу с твердостью и достоинством. Прикоснувшись к лезвию топора, которым ему должны были отрубить голо-

ву, Рэли сказал: «Это суровое, но верное средство от всех несчастий»[177]. Его обращение к народу было спокойным и красноречивым; делая категорические утверждения, которые мы вправе счесть, по меньшей мере, весьма сомнительными[178], он пытался отомстить за себя и внушить обществу ненависть к своим врагам. С совершенным хладнокровием Рэли положил голову на плаху и встретил роковой удар (29 октября), явив в час своей смерти тот же высокий, но беспорядочный дух, который обнаруживал он во всех делах и поступках своей жизни.

Ни одна мера в царствование Якова не вызвала в обществе больше недовольства, чем казнь сэра Уолтера Рэли. В исполнении приговора, изначально столь сурового, так долго откладывавшегося и, казалось бы, молчаливо отмененного в тот момент, когда король вновь облек Рэли своим доверием и предоставил ему важные полномочия, люди увидели акт жестокий и несправедливый. Принести в жертву тайному врагу Англии жизнь единственного в стране человека, славившегося своей доблестью и воинским опытом, значило, по мнению англичан, поступить низко и неразумно, а тесные связи, которые король намеревался завязать теперь с Испанией, связи, для всех в Англии отвратительные, делали это доказательство его услужливости еще более ненавистным.

Яков держался мнения (характерного именно для него и никем из его предшественников не разделявшегося), что любой брак ниже союза с семейством короля великой державы, был бы недостоин принца Уэльского, и, когда речь заходила о возможной партии для сына, он не желал и слышать о других принцессах, кроме дочерей французского или испанского монархов[179]. Эта его спесивая претензия, действительно свидетельствовавшая о некоторой ограниченности, коль скоро он полагал, будто брачный союз способен прибавить ему почета и уважения, была всем хорошо известна, и Испания рассчитывала сыграть на ней, чтобы в самых важных делах оказывать влияние на английского монарха, не слишком знаменитого своим благоразумием и политическим искусством. При жизни принца Генри король Испании намекал о возможности выдать за него свою старшую дочь, которая впоследствии стала супругой молодого французского короля Людовика XIII. Целью испанцев в тот момент было склонить Якова к нейтралитету в вопросе о Клевском наследстве, оспаривавшемся протестантской и папистской династиями[180], но тогда приманка не подействовала, и Яков, как союзник голландцев и Генриха IV Французского, отправил в Германию четырехтысячный отряд под начальством сэра Эдуарда Сесила[181], который, соединившись с войсками упомянутых держав, добился того, что герцогство Клевское перешло во владение курфюрста Бранденбургского и пфальцграфа Нейбургского[124].

В то время испанским послом в Англии был Гондомар, человек, чья лесть была тем более искусной, что прикрывалась видимостью чистосердечия и прямоты, а коварная политика — тем более опасной, что таилась под личиной шутки и веселья. Он предложил в жены принцу Карлу вторую дочь испанского короля, а чтобы сделать искушение совершенно

непреодолимым для нуждающегося монарха, внушил тому надежду на огромные богатства, которые инфанта должна была получить в приданое. Хотя испанский двор вовсе не собирался заключать брачный договор с еретиком[182], он начал с Яковом переговоры, которые ловко затягивал, посреди всех разочарований поддерживая в короле надежду на конечный успех[183]. А события в Германии, от которых в столь сильной степени зависела мощь Австрийского дома, давали новые мотивы для этого двуличного образа действий.

ВОССТАНИЕ В БОГЕМИИ

Единственными нациями, которые в эпоху великих перемен XVI–XVII веков удостоились высокой, хотя нередко весьма печальной чести встать на защиту своих гибнущих прав, были те, кого помимо принципов гражданской свободы одушевлял энтузиазм религиозных партий и доктрин. Кроме грозной силы постоянных армий европейские государи располагали еще и тем преимуществом, что они происходили из древних монарших династий, сохраняли старые названия своих магистратов и прежний вид гражданского управления и, внешне сообразуясь со всеми формами легальной администрации, могли постепенно и незаметно наложить иго на своих беспечных подданных. Даже немцы, разорвавшие когда-то римские цепи и возвратившие свободу человечеству, утратили теперь собственную свободу и с горечью наблюдали, как в их странах утверждается абсолютная власть монархов. В подобных обстоятельствах одно лишь религиозное рвение, пренебрегающее всеми мотивами человеческого благоразумия, могло внушить им надежу на то, что они сумеют сохранить унаследованные ими от предков вековые права и привилегии.

Во всех своих обширных владениях Австрийский дом неизменно превращал религию в предлог для захватов и посягательств. Теперь он столкнулся с противодействием, обусловленным сходным принципом; при этом католическая религия встала, как обычно, на сторону монархии, а протестантская — на сторону свободы. Чешские сословия, поднявшиеся на борьбу против императора Матвея, продолжили мятеж против его преемника Фердинанда[125]; они потребовали соблюдения всех указов, принятых в пользу новой веры, а также восстановления своих старинных законов и обычаев. Соседние земли — Силезия, Моравия, Лужицы, Австрия и даже Венгерское королевство — приняли участие в борьбе, и вскоре дух раздора и гражданского междоусобия охватил все эти многолюдные и воинственные провинции[184].

Фердинанд II, более энергичный и способный, хотя и не столь мягкий и сдержанный, как это свойственно обычно австрийским государям, принимал решительные меры для того, чтобы отстоять свою власть; он использовал содействие тех своих подданных, которые исповедовали ста-

рую религию, а кроме того привлек на свою сторону могущественных соседей. Все католические государи империи, и даже Саксония, самое сильное из протестантских княжеств, присоединились к нему, в его защиту выступила Польша[185], и, что важнее всего, испанский монарх, полагая, что его собственные выгоды тесно связаны с интересами младшей ветви Габсбургской фамилии, готовил крупные силы в Италии и Нидерландах, а также предоставил значительные суммы для поддержки дела католической религии и императора Фердинанда.

Встревоженные этими грозными приготовлениями чешские сословия также стали искать помощи за границей; и помимо той поддержки, которую получали они от Евангелической унии в Германии, попытались установить тесные связи с более могущественными государями. В первую очередь чехи обратили свои взоры на курфюрста Пфальцского Фридриха. Они приняли в расчет, что Фридрих располагал немалыми собственными силами, а кроме того приходился зятем английскому королю и племянником — принцу Морицу [126], чья власть в Соединенных провинциях стала тогда почти абсолютной. Они надеялись, что эти государи, движимые кровным родством, а также общностью веры, примут искреннее участие в его судьбе и окажут ему всяческую поддержку. А потому они предложили Фридриху корону чешского короля (которого считали выборным монархом), и побуждаемый честолюбием молодой пфальцграф, не посоветовавшись ни с Яковом[186], ни с Морицем, чьи возражения он мог предвидеть, немедленно согласился и двинул все свои войска в Богемию на выручку новым подданным.

Как только известия об этих событиях достигли Англии, все королевство загорелось желанием поскорее ввязаться в драку. Едва ли был сильнее тот энтузиазм, с которым все народы Европы устремлялись когда-то в Святую землю, дабы освободить ее от власти неверных. Англичане еще сохраняли преданность своим монархам, свою связь с пфальцграфом, женатым на дочери английского короля, считали чрезвычайно тесной и близкой, а потому, узнав, что католики воздвигли гонения и начали войну против протестантов, они решили, что это глубоко затрагивает их собственные интересы и что нейтралитет стал бы низкой изменой делу Бога и его святой религии. Ради этого дела они с радостью двинулись бы на противоположный край Европы, погрузились бы в хаос германской политики, пролили бы всю кровь и истратили бы все сокровища нации, сражаясь с Австрийским домом в том самом месте и в то самое время, где и когда он обладал огромным, почти неодолимым могуществом.

Но Якова, кроме того, что он был слишком робким человеком для столь обширных предприятий, сдерживал еще один мотив, имевший на него громадное влияние: он не желал покровительствовать подданным, восставшим против своего владыки. С самого начала Яков отказал своему зятю в титуле чешского короля[187], он запретил именовать его так в молитвах, и хотя король признавал, что сам он совершенно не знаком с требованиями, привилегиями и законами восставших сословий[188], его представление о

монаршей власти было столь возвышенным, что он пришел к следующему выводу: подданные всегда не правы, если они противятся тем, кто приобрел или присвоил титул «Его Величество». Таким образом, даже с теми своими действиями, которые основывались на вполне здравых политических идеях, Яков соединял множество узких предрассудков, подрывавших его авторитет и стоивших ему упреков в слабости и неразумии.

ПОТЕРЯ ПФАЛЬЦА. 1620

А между тем события всюду стремительно приближались к развязке. Фердинанд собрал большое войско под командованием герцога Баварского и графа Бюкуа [127] и двинулся на своих врагов в Богемии. Спинола сосредоточил в Нидерландах армию из тридцати тысяч ветеранов. Когда же Эдмондс, резидент английского короля в Брюсселе, подал протест эрцгерцогу Альберту, ему ответили, что приказ собрать эту вооруженную *силу поступил к Спиноле* [128] *из Мадрида и что ему одному известно ее* секретное назначение. Спинола же заявил посланнику, что полученные им распоряжения все еще не распечатаны, но если Эдмондсу будет угодно отправиться с его армией в Кобленц, то он, Спинола, вскроет там приказ и вполне удовлетворит его любопытство[189]. Разгадать его планы было легче, нежели воспрепятствовать их успеху. Почти одновременно в Англии стало известно о том, что Фридрих, разбитый в решающем сражении под Прагой, бежал со своим семейством в Голландию, а Спинола вторгся в Пфальц и, встретив сопротивление лишь со стороны нескольких князей — членов Унии [129] и одного английского полка из 2400 солдат под командованием храброго сэра Гораса Вера[190], быстро подчинил бо́льшую часть этого княжества [130].

Бездеятельность и нейтралитет короля вызвали теперь громкий ропот недовольства. Процветание и покой собственной страны уже не радовали англичан, когда задумывались они о страданиях и обидах своих братьев-протестантов в Германии. Англичане при этом не учитывали, что их вмешательство в войны на континенте, хотя и удовлетворявшее религиозный пыл, в то время не могло быть оправдано никакими принципами здравой политики; что какой бы громадной ни была мощь Австрии, угроза оставалась слишком далекой, чтобы внушить сколько-нибудь обоснованную тревогу Англии; что прежде чем склониться под ярмо Габсбургов, многие сильные и воинственные князья и государства Германии еще окажут им упорное сопротивление; что Франция, озабоченная ныне заключением двойного брачного союза с Австрийским домом, вскоре непременно выйдет из состояния летаргии и окажет противодействие успехам столь ненавистного ей соперника; что в ходе дальнейших завоеваний интересы двух ветвей этой властолюбивой династии должны столкнуться, породив взаимную подозрительность и вражду; что сухопутная война на

столь отдаленной территории поглотит кровь и средства английской нации, причем без всякой надежды на успех; что морская война против Испании, хотя ее и в самом деле можно вести в безопасности и с успехом, неспособна затронуть неприятеля в жизненно важных пунктах до такой степени, чтобы вынудить его остановить дальнейшее продвижение в Германии и отказаться от всех прежних захватов; и что поскольку никаких надежд на возвращение Пфальца в настоящий момент не существует, дело сводится к следующему простому вопросу: что предпочтительнее для Англии — мир и торговля с Испанией или неопределенная перспектива завоеваний и грабежей в Вест-Индии? — вопросу, который в начале царствования Якова уже был решен, и, кажется, вполне разумным образом, в пользу выгод, упомянутых первыми.

ПЕРЕГОВОРЫ С ИСПАНИЕЙ

Свою мирную политику Яков мог бы обосновать этими весьма убедительными доводами, но они, являясь главными, не были, очевидно, единственными мотивами, определявшими его поведение. Он полагал, что поскольку во всех недавних событиях так ярко проявились его справедливость и умеренность, то Австрийский дом, даже не испытывая страха перед могуществом Англии, из одного только уважения к великим добродетелям английского короля охотно подчинится столь беспристрастному третейскому суду. Яков льстил себя надеждой, что после того, как через брак своего сына он вступит в тесный союз с испанским монархом, возвращения Пфальца Фридриху можно будет добиться исключительно благодаря дружбе и личной симпатии. Яков не замечал, что его бездеятельные добродетели тем менее уважались, чем более превозносились. Он не понимал, что испанское сватовство само по себе связано с такими затруднениями, преодолеть которые едва ли способно все его искусство ведения переговоров, и что тем более неразумно рассчитывать на подобный брак как на средство обеспечить столь неслыханный результат. Невоинственность характера, с возрастом усилившаяся, еще более утвердила короля в его ложных взглядах, побудив добиваться восстановления прав зятя просьбами и протестами, доводами и посольствами, но не насилием и кровопролитием. Тот же недостаток мужества, который внушал Якову страх перед иностранными государствами, не позволил ему пойти наперекор предрассудкам собственных подданных и открыто признать, какие цели он перед собой ставит. Возможно, впрочем, что король рассчитывал использовать эти предрассудки к собственной выгоде и с их помощью побудить нацию предоставить ему субсидии, которые до сих пор из-за крайней бережливости англичан оставались чрезвычайно скудными и недостаточными[191].

ПАРЛАМЕНТ

Вначале, ссылаясь на то, что крайняя нужда не оставляет времени для любых иных мер, король попытался прибегнуть к старому средству — добровольным пожертвованиям, или доброхотным приношениям частных лиц, но ревность свободы уже пробудилась в Англии, и народ решил, что эти «добровольные пожертвования», какими бы старинными прецедентами они ни оправдывались, суть самые настоящие вымогательства, противоречащие закону и опасные для свободы. Стало ясно, что единственным источником крупных денежных поступлений является парламент, и потому был издан указ о созыве высшего совета нации[192].

В начале работы этого парламента (16 июня) общины проявляли единственно лишь чувство верноподданнического долга и покорности; казалось, они твердо решили пойти на любые жертвы ради того, чтобы сохранить добрые отношения со своим государем. Они не позволили поднять вопрос о новых пошлинах и налогах, столь бурно обсуждавшийся предыдущим парламентом[193]; некоторые депутаты, правда, выразили недовольство заключением в тюрьму членов парламента, однако под влиянием более благоразумной и осторожной части палаты эти жалобы были преданы забвению[194]; будучи же уведомлены о том, что король отправил несколько крупных сумм пфальцграфу, общины единогласно вотировали ему две субсидии[195], и этот акт, имевший место в самом начале сессии, также противоречил принципам, коим нередко следовали их предшественники.

Затем общины перешли к разбору жалоб, обнаружив, однако, и в этом деле чрезвычайную сдержанность и благоразумие. Они выяснили, что сэру Джайлзу Момсону и сэру Фрэнсису Мичелу были пожалованы патенты на монопольное право проверки постоялых дворов и пивных; что под предлогом этой проверки вымогались крупные суммы и что тем хозяевам гостиниц и кабатчикам, которые осмелились продолжать свое дело, не удовлетворив алчность монополистов, жестоко мстили штрафами, тюремным заключением и разорительными тяжбами. Те же лица, вместе с сэром Эдуардом Вильерсом (133), братом Бекингема, обзавелись патентом на монопольное изготовление золотых и серебряных нитей и кружев, получив исключительное право предотвращать любую конкуренцию в этом ремесле: они имели полномочия досматривать все изделия, выпущенные вопреки их патенту, и даже карать по собственной воле и усмотрению тех, кто производит, ввозит и продает подобные товары. Громадная власть этих монополистов многим причинила серьезный ущерб, между тем кружева, изготовленные обладателями патента, оказывались, как правило, фальсифицированными, поскольку меди в них было больше, чем драгоценных металлов.

Эти жалобы, поданные общинами королю, встретили с его стороны чрезвычайно милостивый прием. Казалось даже, что Яков благодарен парламенту за представленные сведения; он заявил, что ему совестно из-за

того, что в его администрацию незаметно вкрались подобные злоупотребления. «Уверяю вас, — сказал король, — если бы жалобы на эти вещи я услышал раньше, то непременно исполнил бы обязанность справедливого монарха и покарал бы за них помимо парламента столь же и, быть может, еще более сурово, чем это намерены сделать вы»[196]. Мичелю и Момсону был вынесен приговор[197]; по отношению к первому он был исполнен; второй бежал из тюрьмы и скрылся. Вильерса в это время нарочно отправили с поручением за границу, а так как вина его была не столь громадной или не столь явной, как у других, то благодаря протекции своего брата Бекингема он с легкостью ушел от наказания[198].

ПАДЕНИЕ БЭКОНА

Воодушевленные этим успехом, общины, сохраняя прежнюю почтительность, перешли к расследованию других важных злоупотреблений. Хранителем Большой королевской печати (134) был тогда знаменитый Бэкон, виконт Сент-Олбанс, человек, вызывавший всеобщее восхищение величием своего гения и всеобщую любовь — обходительностью и добротой нрава. Он был истинным украшением своего века и своей нации, и чтобы превратиться в украшение самой человеческой природы, Бэкону недоставало лишь силы духа, которая могла бы обуздать его чрезмерную страсть к высоким чинам, бессильным что-либо прибавить к его подлинному достоинству, а также умерить склонность к излишним тратам, вовсе не требовавшимся ни для его славы, ни для удовольствий. Недостаток бережливости и неразумное потворство слугам довели его до нужды, и чтобы возместить следствия собственной расточительности, он поддался искушению брать под видом подарков взятки, причем совершенно открыто, от истцов в канцлерском суде. По-видимому, принимать подарки было для прежних канцлеров делом вполне обычным, Бэкон же, хотя и следовал этой опасной традиции, в кресле судьи оставался, как утверждают, неподкупным и выносил справедливые приговоры тем самым лицам, с которых накануне брал мзду за лицеприятие. Жалобы по этому поводу становились все громче и, наконец, достигли палаты общин, которая возбудила против Бэкона обвинение в палате лордов (135). Канцлер, отдававший себе отчет в своих проступках, желал уйти от мести судей и, признав свою вину в целом, попытался таким образом избежать позора более строгого расследования. Однако лорды настаивали на том, чтобы он сознался в каждом отдельном акте взяточничества. В итоге Бэкон признал себя виновным по 28 пунктам и был приговорен к уплате 40 000 фунтов штрафа и заключению в Тауэр на срок, угодный королю; кроме того, его навсегда удалили от двора, лишили права заседать в парламенте и занимать какую-либо должность или пост.

После этого ужасного приговора — ужасного для человека, столь чувствительного к вопросам чести и репутации, — Бэкон прожил еще пять лет. Вскоре его выпустили из Тауэра. Гений Бэкона не был сломлен суровыми обстоятельствами и душевным унынием и с блеском проявил себя в литературных трудах, которые заставили потомство забыть или простить его вину (или его слабость). Из уважения к великим заслугам Бэкона король освободил его от уплаты штрафа и отменил все прочие пункты приговора, назначил ему крупную пенсию в 1800 фунтов в год и сделал все возможное, чтобы облегчить Бэкону бремя лет и несчастий. А сам великий философ наконец с горьким чувством понял, что он слишком долго пренебрегал истинным назначением возвышенного гения и что, всецело погрузившись в такие дела и заботы, для которых требуется гораздо меньше таланта, но больше душевной твердости, чем для трудов познания, он и обрек себя в итоге на столь тяжкие бедствия[199].

Общины всегда считали себя главными защитниками народа, полагая, что именно от них должно исходить исправление всяческих зол; данному принципу они и были более всего обязаны уважением и симпатией нации. Теперь же, исполняя этот долг, они стали внимательно прислушиваться к любым проявлениям недовольства и вошли в разбор многочисленных и часто не слишком важных жалоб, которых, однако, невозможно было коснуться, не задев при этом, и весьма чувствительно, короля и его министров. Казалось, что прерогатива испытывает ежеминутные посягательства и полномочия короля оспариваются в каждом пункте; между тем Яков, готовый исправлять злоупотребления своей власти, не желал терпеть, чтобы самое его власть кто-либо исследовал, подвергал сомнению или отрицал. В итоге после того, как палата, прозаседав шесть месяцев, не довела до полного завершения ни одного важного дела, король задумал прервать ее заседания под предлогом позднего времени года и известил парламент о своем решении объявить вскоре перерыв в его работе до будущей зимы. Общины обратились к лордам, предложив подать совместную петицию в пользу отсрочки упомянутого перерыва, на что верхняя палата не согласилась. В проекте совместной петиции король усмотрел дерзкую попытку вынудить его оставить свой план; он поблагодарил пэров за отказ участвовать в этом предприятии и заявил им, что, если бы они того пожелали, он бы отложил перерыв в работе парламента на более позднее время, однако по просьбе нижней палаты этого не сделает[200]. Так капризная раздражительность, которая в перебранках частных лиц пустячные недоразумения нередко превращает в крупные ссоры, породила взаимную отчужденность и вражду между королем и общинами в этих важных государственных делах.

СТОЛКНОВЕНИЕ МЕЖДУ КОРОЛЕМ И ПАЛАТОЙ ОБЩИН

Во время перерыва в работе парламента король употребил все средства, чтобы завоевать любовь нации и успокоить растущее недовольство ее представителей. Он сам предложил парламенту установить четкие границы прерогатив монарха и отменить на будущее право последнего жаловать монополии. Он признал недействительными все подобные патенты и удовлетворил все жалобы (числом тридцать семь), о которых когда-либо шла речь в палате общин[201]. Однако цели своей Яков не достиг: недоверие, проявившееся в момент прощания короля с парламентом, нельзя было рассеять так быстро. К тому же король выказал крайнее неблагоразумие, заключив в тюрьму сэра Эдвина Сэндиса[202] лишь за то, что последний деятельно и энергично исполнял обязанности члена парламента. И самое главное, событий в Германии, вместе с робкими мерами, проволочками и неудачными переговорами короля, оказалось достаточно, чтобы разжечь рвение чести и религии, овладевшее всей нацией[203]. Летом 1621 года курфюрст Пфальцский был объявлен Имперским сеймом вне закона, а исполнение данного приговора было поручено герцогу Баварскому[204]. Этот государь быстро завоевал Верхний Пфальц, в империи же предпринимались шаги для того, чтобы пожаловать ему курфюршеское достоинство, коего пфальцграф был лишен. Сам Фридрих со своим многочисленным семейством жил тогда, бедствуя и нуждаясь, либо в Голландии, либо в Седане у своего дяди герцога Бульонского, между тем новые успехи габсбургского оружия — в обоих Пфальцах, Богемии, Австрии и Лужицах — неизменно сопровождались суровыми и жестокими мерами в отношении лиц, исповедующих реформированную религию.

Как только общины вновь собрались на свои заседания (14 ноября), религиозный пыл заставил их немедленно приступить к обсуждению всех этих дел. Общины подготовили ремонстрацию, которую намеревались подать королю. Они указывали на то, что непомерный рост могущества Габсбургов грозит свободе европейских стран; что успехи католической религии в Англии внушают самые мрачные предчувствия на предмет того, что она может снова добиться преобладания в королевстве; что снисходительность Его Величества к лицам, эту религию исповедующим, лишь поощряет их дерзость и высокомерие; что безудержные захваты Австрийского дома в Германии порождают радужные надежды у английских папистов; и наконец, самое главное, что перспектива испанского брака опьянила их настолько, что они рассчитывают теперь на полную терпимость, если не на окончательное восстановление своей религии. А потому общины просили Его Величество о том, чтобы он принял срочные меры в защиту пфальцграфа и поддержал его силой оружия; чтобы король обратил свой меч против Испании, чьи армии и сокровища служат главной опорой католического влияния в Европе; чтобы он не вел переговоров о

браке сына с непротестантскими принцессами; чтобы детей папистов-рекузантов отнимали у родителей и отдавали на воспитание протестантским наставникам и учителям; и наконец, чтобы реквизиции и штрафы, коим католики подлежат по закону, взыскивались с величайшей строгостью[205].

Совершив этот дерзкий шаг, не имевший себе подобного в Англии в течение многих лет и в мирные времена, пожалуй, и вовсе неслыханный, общины разом подвергли критике все излюбленные максимы правления Якова: его осторожный и невоинственный образ действий, его мягкость по отношению к римско-католической религии, его приверженность проекту испанского брака, из которого он надеялся извлечь столь громадные выгоды. Но всего более возмутило монарха их, как ему казалось, наглое покушение на прерогативу и то обстоятельство, что под видом совета общины дерзнули направлять его действия в таких вещах, которые всегда считались исключительной сферой ведения государя. Яков в это время находился в Ньюмаркете, но, едва узнав о предполагаемой ремонстрации общин, он отправил спикеру письмо, в котором резко выбранил палату за то, что она осмелилась открыто обсуждать вопросы, далеко превышавшие ее разумение и компетенцию, и категорически запретил общинам вмешиваться в его правление и в глубокие государственные материи, в особенности же затрагивать брак его сына с дочерью короля Испании и посягать на честь этого монарха или любого из его друзей и союзников. Желая еще сильнее их запугать, король упомянул о факте заключения в тюрьму сэра Эдвина Сэндиса, и хотя он отрицал, что арест этого депутата вызван какими-либо неправильными действиями его в палате, он прямо заявил общинам, что полагает себя в полном праве наказывать за всякий проступок в парламенте как во время сессии, так и после роспуска, и что отныне он намерен карать всякого, чье дерзкое поведение в палате создает почву для нарушений закона[206].

Это гневное послание, в котором король хотя и действовал в согласии с имевшимися прецедентами, все же, как можно подумать, не только защищался, произвело эффект, который нетрудно было предвидеть: общины взволновались, но напуганы не были. Уверенные в собственной популярности, а также в том, что нация склонна будет одобрить войну с католиками за границей и преследования папистов в Англии, они не слишком страшились государя, не имевшего опоры в военной силе; государя, чей кроткий нрав сам по себе должен был вскоре обезоружить его нынешнюю суровость. А потому в новой ремонстрации общины с настойчивостью повторили свои прежние протесты и пожелания; они заявили, хотя и в весьма почтительных выражениях, что имеют право обсуждать любые вопросы правления; что полная свобода слова в прениях о государственных делах является их старинным и несомненным правом, унаследованным от предков; и что если какой-либо депутат злоупотребит этой привилегией, то одной лишь палате, свидетельнице этого проступка, подобает налагать на него должную кару[207].

Столь энергичный ответ не мог, разумеется, успокоить гнев короля. Рассказывают, что когда Якову доложили о приближении депутации, коей

поручено было вручить его текст королю, последний велел принести двенадцать кресел, ибо столько, по его словам, должно было явиться королей[208]. Ответ самого короля был быстрым и резким. Он указал общинам, что их ремонстрация больше похожа на объявление войны, чем на почтительный адрес, с которым обращаются верноподданные; что их претензия на право разбора всех без исключения государственных дел представляет собой абсолютную полноту власти, на которую никто из их предшественников, даже в царствования самых слабых монархов, никогда не осмеливался претендовать; что руководство политикой государства предполагает знакомство с чрезвычайно сложным сочетанием различных целей, связей и отношений, в коих они совершенно несведущи; что лучший для них способ проявить свою мудрость и верность долгу — это оставаться в пределах собственной компетенции[209], и что во всех вопросах, относящихся к его прерогативе, они вправе подавать свои советы лишь тогда, когда ему самому это будет угодно. В заключение король произнес следующие памятные слова: «Хотя мы не можем одобрить ваш язык, когда вы рассуждаете о вашем "старинном праве" и "наследственном достоянии", и хотя мы бы желали, чтобы источником ваших привилегий вы бы назвали нашу и наших предков милость и благоволение (ибо бóльшая их часть восходит к прецедентам, которые свидетельствуют скорее о милостивом разрешении, нежели об унаследованном достоянии), тем не менее нам угодно дать вам наше королевское заверение в том, что пока вы будете держать себя в границах ваших обязанностей, мы будем оберегать и охранять ваши законные вольности и привилегии так тщательно и заботливо, как не делал этого ни один из наших предшественников, более того — так же тщательно, как охраняем мы нашу собственную королевскую прерогативу»[210].

ПРОТЕСТАЦИЯ ПАЛАТЫ ОБЩИН

Как и следовало ожидать, эти открыто выраженные притязания короля внушили общинам сильнейшую тревогу. Они увидели, что все их права и привилегии если не прямо отрицаются, то во всяком случае объявляются сомнительными и необоснованными. Их можно утратить вследствие злоупотребления, между тем они, общины, уже злоупотребили ими. А потому палата сочла необходимым немедленно ответить притязанием на притязание. Общины составили протестацию (18 декабря), в которой повторили все свои прежние требования относительно свободы слова и не ограниченного права выносить суждения и подавать советы по любым вопросам. Они решительно заявили, что вольности, льготы, привилегии и юрисдикция парламента являются старинным и несомненным прирожденным правом и наследственным достоянием английских подданных[211].

Король, извещенный о растущем раздражении и недовольстве палаты, спешно прибыл в Лондон. Он тотчас же затребовал журнал общин и в

присутствии членов Тайного совета собственной рукой вырвал страницу с текстом протестации[212], а причины, по которым ему было угодно так поступить, велел внести в протокол совета. Протестация нижней палаты, заявил король, вызвала у него двоякое недовольство — тем способом, каким она была принята, и тем содержанием, которое она в себе заключала. Ее вотировали посреди шума и возбуждения, поздно ночью, в полупустой палате; а сформулирована она была в чрезвычайно неопределенных и двусмысленных выражениях, которые могли бы послужить поводом к самым чудовищным притязаниям и к самым беззаконным посягательствам на его прерогативу[213].

После столь резкого разрыва продолжать заседание палаты было бы рискованно: люди, находившиеся в подобном расположении духа, уже не могли довести до конца никакого дела. А потому король отсрочил заседание парламента, и вскоре распустил его своей прокламацией, в которой еще раз представил публике объяснение всех своих действий.

Ведущие члены палаты — сэр Эдуард Кок и сэр Роберт Филипс были заключены в Тауэр; Селден, Пим и Мэллори — в другие тюрьмы[214]. Сэра Дадли Диггса, сэра Томаса Крю, сэра Натаниэля Рича и сэра Джеймса Перрота [138] вместе с другими лицами отправили с поручением в Ирландию: это считалось наказанием более легким[215]. В ту эпоху король обладал или, по крайней мере, фактически пользовался исключительным правом употреблять любого человека, даже без его согласия, на любых постах государственной службы.

Сэра Джона Сэвилла [139], влиятельного коммонера и рьяного противника придворной партии, сделали придворным инспектором [140], членом Тайного совета, а вскоре и баронетом[216]. Событие чрезвычайно знаменательное, ибо это, пожалуй, первый случай во всей английской истории, когда король возвысил человека из-за того, что тот обладал весом в парламенте и противился его мерам. В подобной практике, при всей ее нерегулярности, политические мыслители должны видеть один из самых ранних и верных признаков упорядоченной и прочно утвердившейся свободы.

Когда король столь опрометчиво и безрассудно разорвал священную завесу, которая скрывала до тех пор английскую конституцию, оставляя ее во мраке, весьма выгодном для монаршей прерогативы, все увлеченно предались политическим умствованиям и исследованиям, а партии, зародившиеся в парламенте, распространили свое влияние по всей стране. Тщетно Яков издавал одну за другой прокламации, запрещавшие рассуждения о государственных делах[217] Эти прокламации, если они вообще производили какое-либо действие, скорее лишь возбуждали любопытство народа, и потому недавние события превратились в предмет споров и обсуждений во всяком обществе.

История мира, как и история Англии, утверждали приверженцы двора, полностью оправдывает взгляд короля на происхождение народных вольностей, и всякий разумный человек должен согласиться, что поскольку монархия есть самая простая форма правления, то именно она должна

была первой прийти на ум грубому и непросвещенному человечеству. Лишь затем были последовательно учреждены сложные и искусственные добавления в виде магистратов и законов; если же их навязали государю силой мятежные подданные, то по этой самой причине их происхождение должно казаться еще более двусмысленным и случайным. В Англии власть короля во всех внешних атрибутах правления и в обычном языке законодательства предстает верховной и совершенно неограниченной, да и подлинный дух конституции, как он неизменно обнаруживал себя на практике, не слишком далек от этой видимости. Парламент собирается по его воле, по его воле он распускается. Только воля короля, хотя и в соответствии с желанием обеих палат, способна сообщить силу и авторитет законам. Кажется, что и в представлении всех чужеземных народов одно лишь величество монарха заслуживает действительного внимания и уважения. Никто из подданных, навлекших на себя гнев короля, не может надеяться на безопасную жизнь в королевстве, и даже покинуть его без согласия своего владыки он, по закону, не имеет права. И если магистрат, обладающий такой силой и окруженный подобным блеском, сочтет свою власть священной, а себя самого помазанником божьим, то его притязания можно истолковать в весьма выгодном свете. Если же мы признаем их всего лишь благочестивым обманом, то нам не следует удивляться тому, что в наше беспокойное и любознательное время король Англии использует ту самую уловку, к которой прибегали Минос, Нума[141] и знаменитейшие законодатели древности. Подданные, даже собранные в парламенте, всегда остаются подданными, и к своему государю они по-прежнему должны относиться с почтительной покорностью и смирением. И хотя государь милостиво дарует им право рассказывать ему о своих домашних тяготах и печалях, известных им, надо полагать, лучше, чем самому государю, это отнюдь не позволяет подданным дерзко вторгаться во всякую область правления. Любой здравомыслящий наблюдатель непременно заключит, что «более вольное и менее почтительное использование признанных прав является нарушением долга в такой же степени, как и узурпация прав новых и прежде неизвестных».

Между тем приверженцы свободы рассуждали по-другому. Напрасно, говорили они, возводит король английскую форму правления к ее первоначалу, желая показать, что привилегии парламента вторичны и случайны: право давности и многовековой обычай задолго до нашего времени узаконили эти собрания, пусть даже их происхождение является не более величественным, чем то, которое приписывает им король. Если письменные памятники английской истории, как утверждается, изображают парламенты возникшими по воле и с разрешения монархов, то принципы человеческой природы, если мы проследим источники правительства несколько глубже, ясно нам продемонстрируют, что сами монархи всей своей властью обязаны добровольному подчинению народа. В действительности, однако, нельзя указать ни один век, когда бы английская форма правления представляла собой чистую и несмешанную монархию,

и если в какие-то периоды права нации попирались грозным иноземным вторжением или внутренней узурпацией, то возвышенный дух народа всякий раз пользовался первой же возможностью, чтобы восстановить старинную конституцию и образ правления. В языке законодательства и в обычных формулах администрации и суда королевская власть может изображаться священной и верховной, однако все, что безусловно необходимо для осуществления законодательной власти, следует считать столь же божественным и неприкосновенным. Если же проводить между ними в этом смысле какое-либо различие, то предпочтение, несомненно, следует отдать народным советам, чье вмешательство обуздывает крайности и беззакония деспотической власти и оберегает ту святую свободу, которую героические души во все века считали более драгоценной, чем сама жизнь. И недостаточно сказать, что кроткое и справедливое правление Якова дает мало или вовсе не дает поводов для недовольства. Как бы сдержанно ни пользовался король своей прерогативой, как бы строго ни соблюдал законы и конституцию, «но если он основывает свою власть на произвольных и опасных принципах, то за действиями его нужно следить столь же бдительно и противиться ему столь же энергично, как если бы он предавался всем бесчинствам жестокости и тирании».

Посреди этих споров люди мудрые и умеренные пытались, насколько возможно, сохранить беспристрастие, занимая нейтральную позицию между враждующими партиями, но чем больше размышляли они о ходе общественных дел, тем труднее им было составить твердое мнение на сей счет. С одной стороны, в самом возникновении партий они видели счастливое предвестие свободы, и они, разумеется, не могли рассчитывать на то, что при смешанной системе правления можно будет наслаждаться столь бесценным благом, не испытывая соответствующих неудобств, коими оно неизменно сопровождается в подобном государственном устройстве. Но, с другой стороны, когда задумывались они о неизбежных целях и стремлениях обеих партий, их смущали горестные предчувствия, и они не могли отыскать никакого реального средства примирить противников. Благодаря давно утвердившемуся обычаю, корона обладала теперь столь обширной прерогативой, что свободе было уже недостаточно по-прежнему держаться оборонительной тактики, пытаясь защитить оставшийся в ее распоряжении клочок земли: нужно было повести наступательную войну и ограничить власть суверена более узкими и точными пределами. Но после такого вызова любой государь, даже самый справедливый и умеренный, непременно должен был сделать попытку сломить своих противников, а поскольку он уже стоял на самом краю деспотической власти, то приходилось опасаться, что он опрометчиво и необдуманно переступит эти границы, к тому же весьма смутно обозначенные конституцией. Беспокойное английское правление, вечно колеблющееся между привилегией и прерогативой, предоставило бы множество исторических прецедентов, на которые могли бы ссылаться обе стороны. В столь сложных и запутанных вопросах нация непременно разделилась бы, а так как военные

силы государства по-прежнему находились в ее руках, то неизбежно вспыхнула бы гражданская война — война, ответственность за которую легла бы на обе партии (или ни на одну из них); война, в которой люди порядочные и добродетельные не знали бы, чего им желать и за что молиться, если бы любви к свободе, столь необходимой для совершенствования человеческого общества, не оказалось достаточно, чтобы склонить их симпатии на сторону ее защитников.

Глава V

Переговоры о браке наследника и о возвращении Пфальца. — Характер Бекингема. — Поездка принца в Испанию. — Расторжение брачного договора. — Парламент. — Возвращение Бристола. — Разрыв с Испанией. — Договор с Францией. — Экспедиция Мансфельда. — Кончина короля. — Его характер.

ПЕРЕГОВОРЫ О БРАКЕ НАСЛЕДНИКА И О ВОЗВРАЩЕНИИ ПФАЛЬЦА

Задача вырвать Пфальц из рук императора и герцога Баварского всегда должна была казаться чрезвычайно сложной для Англии, страны, управляемой таким невоинственным государем, как Яков; пока же он находился в ссоре с собственным парламентом, дело это было явно невозможным. И потому сколь искусно ни вел бы переговоры король, с ним теперь считались гораздо меньше, и уклониться от исполнения его просьб было не слишком трудно. Когда лорд Дигби, посол Якова при императоре, потребовал прекращения военных действий, его адресовали к герцогу Баварскому, командовавшему габсбургскими войсками. Герцог объявил послу, что заключать особый договор на сей счет нет никакой нужды. «Военные действия уже прекратились, — сказал герцог, — и я нисколько не сомневаюсь, что смогу предотвратить их возобновление, твердо удерживая Пфальц в своих руках до тех пор, пока стороны не придут к окончательному соглашению»[218]. Несмотря на эту обиду, Яков попытался продолжить обсуждение условий примирения пфальцграфа с императором и открыл в Брюсселе переговоры при посредничестве эрцгерцога Альберта, а после его смерти, последовавшей вскоре, при посредничестве инфанты; но когда стороны приступили к совещаниям, выяснилось, что упомянутые особы не обладают достаточной властью для решения спора. Теперь в Лондоне ждали имперского посла Шварценбурга, надеясь, что он прибудет с более широкими полномочиями, так как данное ему поручение всецело относилось к брюссельским переговорам. Король мог легко заметить, что император пренебрегает всеми его ходатайствами, но поскольку иных

средств в распоряжении короля не имелось, а постоянные напоминания о претензиях его зятя были, казалось, в интересах последнего, то Яков по-прежнему соглашался терпеть все уловки и отговорки Фердинанда. Король не был совершенно обескуражен даже тогда, когда имперский сейм в Ратисбоне, под влиянием или скорее под давлением императора, хотя и вопреки протесту курфюрста Саксонского и всех остальных протестантских князей и городов, перенес курфюршеское достоинство с пфальцграфа Рейнского на герцога Баварского.

Тем временем Фридрих предпринимал энергичные усилия для возвращения своих земель. По его распоряжению в Германии были набраны три армии под командованием герцога Христиана Брауншвейгского, князя Баден-Дурлахского и графа Мансфельда [142]. Первые два были разбиты графом Тилли [143] и имперцами; третий же, хотя его силы значительно уступали неприятельским, все еще продолжал военные действия. Он, однако, не получал необходимой денежной помощи ни от пфальцграфа, ни от английского короля и армию свою содержал главным образом благодаря грабежам и вольному постою на территории Пфальца. Поскольку габсбургским солдатам платили регулярно, дисциплина у них была более строгой, и Яков начал справедливо опасаться, что столь неравная борьба не просто опустошит наследственные владения пфальцграфа, но закончится тем, что подданные Фридриха совершенно охладеют к своему прежнему государю, который их грабит, и почувствуют привязанность к новым владыкам, которые их защищают[219]. А потому он убедил своего зятя прекратить военные действия под предлогом покорности и повиновения императору. Мансфельд был уволен со службы пфальцграфа, после чего этот знаменитый генерал отвел свою армию в Нидерланды, где поступил на службу к Генеральным штатам Соединенных провинций.

Как мало важности придавали переговорам Якова за границей, ясно показывает один забавный эпизод, упоминаемый всеми историками и потому заслуживающий упоминания и у нас. В одном фарсе, разыгранном в Брюсселе, был выведен курьер, доставляющий печальные вести о том, что Габсбургам суждено вскоре потерять Пфальц, ибо на выручку лишенному своих земель курфюрсту отовсюду спешат мощные подкрепления: король Дании согласился помочь ему сотней тысяч маринованных селедок, голландцы шлют сто тысяч бочек масла, а английский король — сто тысяч послов. В других случаях Якова изображали с ножнами, но без меча, или же с мечом, который никто не мог извлечь из ножен, хотя сразу несколько человек пытались его вытащить[220].

Впрочем, отнюдь не с этими переговорами с императором или с герцогом Баварским связывал Яков действительные надежды на успех своего проекта реставрации пфальцграфа — взоры его были всецело обращены к Испании, и он не сомневался, что если ему удастся женить сына на инфанте, то после заключения столь тесного родственного союза можно будет без труда достигнуть и другой цели. Испанский двор всегда вел переговоры с чрезвычайной неспешностью, а потому столь непроницательно-

му государю нелегко было уразуметь, действительными или мнимыми являются встретившиеся на его пути затруднения, и Яков с изумлением видел, что после пяти лет переговоров по, казалось бы, столь простому вопросу он находится в том же пункте, что и при их начале. Для замужества инфанты с протестантским государем требовалось специальное разрешение Рима, и король Испании, взявший на себя соответствующие ходатайства перед папой, получил таким образом возможность по собственному усмотрению задерживать или ускорять переговоры о браке и в то же время сохранять свои уловки в совершенном секрете от английского двора.

Чтобы устранить все помехи, Яков отправил послом к Филиппу IV [144], только что наследовавшему от отца испанскую корону, лорда Дигби, вскоре после этого возведенного в достоинство графа Бристола [145]. В качестве своего тайного агента в Риме он использовал Гейджа; выяснив с его помощью, что главным, если не единственным затруднением, замедлявшим брак, было различие вер, Яков решил, насколько возможно, ослабить это препятствие. Он велел освободить из заключения всех папистов-рекузантов, и англичане каждый день с ужасом ожидали, что король запретит *исполнять впредь любые законы, принятые против католиков. Король* потрудился представить особые аргументы в оправдание этой меры, столь противной непримиримому духу его подданных, и даже попытался объяснить ее своим великим рвением к делу реформированной религии. По его словам, он обращался ко всем иноземным государям с просьбой проявить некоторое снисхождение к несчастным протестантам, но ему всякий раз отказывали, ссылаясь на строгость английских законов против католиков[221]. Возможно, ему и вправду пришло на ум, что если крайности религиозного фанатизма христианских сект должны когда-нибудь смягчиться, то одной из них непременно следует сделать первый шаг на пути терпимости, и что нет ничего более почетного для Англии, чем опередить других в этом мудром и достойном предприятии.

Не одни лишь религиозные пуритане выражали недовольство этим актом терпимости со стороны короля: поклонники гражданской свободы также были встревожены подобным применением монаршей прерогативы. Следует, однако, заметить, что наряду с другими опасными полномочиями английские короли обладали в то время правом освобождать от обязанностей и наказаний, предусмотренных законом, во всяком случае постоянно им пользовались. Кроме того, хотя королевская прерогатива в гражданских делах была тогда весьма обширной, в последние царствования государи присвоили себе еще более широкую власть в церковных вопросах. И потому король не преминул изобразить терпимость к католикам как меру, всецело оправданную подобного рода аргументами.

Уступками в пользу католиков Яков добился своей цели. Те самые религиозные мотивы, которые до сих пор делали мадридское правительство столь неискренним во всех его шагах в связи с проектом брака, стали теперь главной причиной, способствующей его заключению. В Мадриде надеялись, что благодаря этому браку английские католики смогут в буду-

щем наслаждаться покоем и терпимостью, а инфанта станет тем благословенным орудием, которое наконец обеспечит католической церкви в Англии мирную жизнь после стольких жестоких гонений, обрушившихся на нее в прежние годы. Посол граф Бристол, человек весьма осторожный и проницательный, который ранее решительно возражал против любого брачного союза с католиками[222], теперь был совершенно убежден в искренности испанцев и уже готовился поздравить Якова с успешным осуществлением всех его планов[223]. Дочь испанского короля, особа, как он утверждал, превосходно воспитанная, вскоре, по его словам, должна была прибыть в Англию и привезти с собой громадное богатство — два миллиона песет, или 600 000 фунтов стерлингов — сумму, вчетверо большую, чем то, что Испания когда-либо давала в приданое за своих принцесс, и почти равную всем субсидиям, которые в течение этого царствования выделил королю парламент. Но еще более важным для чести и счастья Якова было то обстоятельство, что в предполагаемом браке Бристол видел верное предзнаменование скорой реставрации пфальцграфа, полагая, что Филипп никогда бы не отдал англичанам свою сестру и столь громадные богатства, если бы намеревался на следующий день вступить с ними в войну. Его осведомители, похвалялся Бристол, были столь точны в своих сообщениях, что даже самые секретные планы испанцев никогда не оставались для него тайной[224], и потому он выяснил, что возвращение Фридриху Пфальца и брак инфанты испанцы всегда рассматривали как меры тесно связанные или даже неотделимые одна от другой[225]. Как бы мало ни был способен Яков по своему характеру добиться от испанцев столь громадной уступки, какие бы неудачные средства ни употреблял он ради этой цели, английский посол не мог отрицать свидетельства фактов, ясно теперь доказывавших совершенную искренность намерений Филиппа.

Возможно также, что Бристол, как человек умный, понимал, что соображения государственного интереса, которые, как принято думать, только и имеют вес в советах монархов, не всегда в конечном счете берут там верх; что мотивы более бескорыстные — благодарность, честь, дружба, великодушие — у государей точно так же, как и у частных лиц, нередко способны уравновесить эти эгоистические побуждения; что справедливость и умеренность Якова, а также его полное доверие к Испании проявились во всем ходе переговоров с такой очевидностью, что ему наконец удалось добиться искреннего союза с этой нацией, столь знаменитой чувством верности и чести. Либо, если чисто политические мотивы следует все же считать определяющими во всех государственных делах, можно принять такое объяснение: морская мощь Англии была столь внушительной, а испанские владения — столь разбросанными по различным частям света, что советники Филиппа вполне могли склониться к тому мнению, что для завоевания искренней дружбы владычицы морей никакие уступки нельзя считать чрезмерными. А так как Якова в течение многих лет манили соблазнительными надеждами и другими торжественными обещаниями, а его народ в это время приходил в ярость из-за бесконечных задер-

жек и досадных разочарований, то, вероятно, должен был наступить такой момент, когда для двух наций уже не оставалось среднего пути между самой ожесточенной ненавистью и самым тесным союзом. Мы уже не говорим о том, что примерно в это же время политика французского двора вновь начала приобретать прежнюю энергию, а следовательно, для безопасности и величия испанского монарха дружба с Англией с каждым днем становилась все более необходимой.

Итак, стороны пришли к согласию по всем пунктам, и недоставало теперь лишь папского разрешения, которое, впрочем, можно было считать простой формальностью[225]. Король ликовал, видя успех своей миролюбивой политики, и, казалось, с полным правом похвалялся необыкновенным своим умом и проницательностью — как вдруг все эти головокружительные надежды были разрушены дерзкой опрометчивостью человека, которого Яков, на горе самому себе, своему семейству и своему народу, когда-то безрассудно возвысил над сферой частной жизни.

ХАРАКТЕР БЕКИНГЕМА

Со времени падения Сомерсета Бекингем пользовался неограниченным влиянием как при дворе, так и в государстве, и если бы Яков открыл глаза, он имел бы теперь полную возможность убедиться, насколько непригоден его фаворит для того высокого положения, на которое он оказался вознесен. Известными достоинствами придворного Бекингем обладал, талантов государственного мужа не было у него и в помине. Безудержный в своих страстях и равно неспособный к осторожности и притворству; прямой и откровенный больше от грубой несдержанности, нежели от подлинного чистосердечия, расточительный скорее от свалившегося на него богатства, чем от природной щедрости; горячий в дружбе, неистовый во вражде, но в обоих случаях лишенный всякой проницательности и умения разбираться в людях, — со всеми этими качествами он быстро достиг высшего положения и тотчас же обнаружил как дерзкую надменность, свойственную выскочкам, недавно добившимся славы и богатства, так и гневную запальчивость, характерную для особ высокородных и не привыкших к возражениям.

Среди тех, кто испытал на себе высокомерие всесильного фаворита, оказался даже принц Уэльский; по этой причине отношения между ними были чрезвычайно холодными, если не прямо враждебными. Бекингем, искавший способ привязать к себе принца и преодолеть его нерасположение и в то же время завидовавший огромному влиянию, которого в ходе переговоров с испанцами добился Бристол, придумал средство разом удовлетворить обе эти склонности. Он стал твердить Карлу на то, что лица его сана бывают особенно несчастливы в браке — а между тем это важнейшая часть жизни человеческой; что они обыкновенно получают невес-

ту, незнакомую для них, сами будучи ей совершенно чужды; невесту, которой родство душ не внушило любви, а знаки внимания — привязанности, чьей руки добивались единственно лишь с помощью переговоров, соглашений и политических расчетов; что, какими бы достоинствами ни обладала инфанта, она непременно должна видеть в себе печальную жертву государственных интересов и не может не думать с отвращением о том дне, когда ей придется разделить ложе с незнакомцем и, попав в чужую страну и новую семью, навеки распрощаться с отчим домом и родной землей; что принц в силах смягчить все эти горестные обстоятельства и оказать ей такие услуги, которые привяжут к нему самое равнодушное существо и пробудят теплые чувства в самом холодном сердце; что его путешествие в Мадрид станет актом совершенно неожиданной галантности, который не уступит любым фантазиям испанских рыцарских романов и, польстив страстному и смелому характеру этого народа, тотчас же явит его принцессе в привлекательном образе преданного своей даме кавалера и храброго искателя приключений; что переговоры о судьбе Пфальца, которые до сих пор так медленно велись министрами и послами, будут быстро завершены усилиями столь выдающегося посредника, коему посодействует своими просьбами и ходатайствами благодарная инфанта; что испанское великодушие, тронутое этим беспримерным актом доверия, сделает уступки, далеко превышающие те, которых можно ожидать от политических видов и расчетов; и что он, принц, скоро возвратится к королю с великой славой, ибо одним и тем же деянием восстановит на престоле несчастного пфальцграфа и завоюет руку и сердце испанской принцессы[227].

Возвышенно-романтический прожект Бекингема взволновал чистую душу юного принца, и он согласился просить короля его одобрить. Карл и Бекингем улучили момент, когда Яков находился в самом веселом и благодушном настроении, и скорее своим упорством, нежели силой доводов добились опрометчивого и необдуманного согласия на свое предприятие. Вырвав у короля обещание хранить их замысел в тайне, они покинули его, чтобы заняться приготовлениями к отъезду.

Едва король остался один, его характер, скорее осторожный, чем склонный к чрезмерному оптимизму, внушил ему совершенно иные мысли на сей счет, ясно представив все возможные затруднения и опасности. Он рассудил, что даже если люди простят эту юношескую выходку принцу, они никогда не смогут извинить самого короля, который — в его годы и с его опытностью! — мог отдать своего единственного сына, наследника его короны и опору его старости, в полную власть чужеземцев, не обеспечив для него даже такой слабой гарантии безопасности, как охранная грамота; что если испанский монарх искренен в своих заверениях, то уже через несколько месяцев договор о браке будет заключен и инфанта приедет в Англию; если же он неискренен, то предавать принца в его руки значило бы совершать еще более вопиющую глупость; что Филипп, обладая столь бесценным залогом, может предъявить более высокие требова-

ния и навязать англичанам более жесткие условия договора; что безрассудство этого предприятия столь очевидно, что даже самый успешный исход не сможет послужить для него оправданием, тогда как неудача покроет короля бесчестьем в глазах собственного народа и превратит в вечный предмет насмешек для потомства[228].

Как только принц и Бекингем возвратились к нему за инструкциями, король, совершенно истерзанный этими мыслями, представил им все доводы, заставившие его изменить свое решение, умоляя их отказаться от столь безрассудной авантюры. Принц встретил разочарование с печальной покорностью и безмолвными слезами, Бекингем же осмелился заговорить тем повелительным тоном, который, как он знал по опыту, всегда неотразимо действовал на его слишком мягкого и уступчивого государя. Он заявил королю, что впредь никто уже не поверит его словам, если он так быстро отречется от столь торжественного обещания; что ему совершенно ясно, откуда проистекает перемена в мыслях короля: Яков нарушил другое свое слово и рассказал обо всем какому-то мерзавцу, который и снабдил его этими жалкими доводами; что он, Бекингем, вне всякого сомнения, узнает имя этого советчика; что если король отступится от обещанного, то это будет столь неучтивым поступком по отношению к принцу, который, получив согласие Его Величества, страстно возжелал этой поездки, что принц уже никогда не сможет забыть подобную обиду и простить того человека, который стал ее причиной[229].

С чрезвычайной искренностью, подкрепляемой множеством клятв, король начал оправдываться, решительно отрицая, что он кому-либо сообщал об этом деле, но, осажденный назойливыми требованиями Бекингема и страстными мольбами своего сына, чьи просьбы по другим поводам до сих пор всегда были почтительными и никогда не становились слишком настойчивыми, он вновь имел слабость дать согласие на задуманное ими путешествие. Было решено, что сопровождать их будут лишь два человека — сэр Фрэнсис Коттингтон, секретарь принца, и Эндимион Портер, его постельничий[147]; первый из них в этот момент находился в прихожей, и король тотчас же велел его пригласить.

Яков сказал Коттингтону, что, поскольку тот всегда был честным человеком, он доверяет ему теперь дело исключительной важности, о котором Коттингтон не должен сообщать никому на свете. «Коттингтон, — добавил король, — вот крошка Карл и Стенни (этими нелепыми прозвищами он любил называть принца и Бекингема), им не терпится поскорее отправиться в Испанию за инфантой. С собой они согласны взять только двух спутников, и одним из них избраны вы. Что вы думаете об этой поездке?» Сэру Фрэнсису, человеку благоразумному, который к тому же провел несколько лет в Испании, выполняя поручения короля, тотчас же пришли на ум все очевидные возражения против подобной затеи, и он не поколебался открыто их высказать. «А ведь я уже говорил вам об этом!» — воскликнул король, бросившись на постель; он вновь разгневался, а потом зарыдал, горько сетуя на то, что теперь он погиб и что ему суждено навеки потерять крошку Карла.

Лишь по лицу принца было видно, что слова Коттингтона чрезвычайно его раздосадовали, зато Бекингем разразился открытым приступом гнева. «Король, — говорил сэру Френсису Бекингем, — спрашивал его мнение лишь о самой поездке и о наилучшем способе путешествия — вещах, в которых он мог послужить компетентным судьей, поскольку много раз ездил в Испанию на почтовых, однако он, Коттингтон, хотя никто его об этом не просил, имел наглость давать свои советы по государственным делам и против своего владыки, о чем ему еще придется раскаиваться до конца дней». Бекингем прибавил тысячу других упреков, причинивших бедному королю новые душевные муки из-за верного слуги, которому, как он предвидел, суждено немало пострадать за правдивый ответ монарху. После чего король в некотором волнении сказал: «Ах, Стенни! Видит Бог, грешно тебе так скверно с ним обращаться. Он прямо ответил на мой вопрос и сделал это честно и с умом. И ведь ты знаешь: он сказал то самое, что говорил тебе я перед тем, как его сюда позвали». Тем не менее после всех этих вспышек с обеих сторон Яков подтвердил свое согласие, и насчет поездки были сделаны надлежащие распоряжения. Король нисколько не смутился и тогда, когда узнал, что всю эту интригу с самого начала задумал Бекингем и что осуществлялась она благодаря его решительному и крутому нраву.

Эти подробности, столь удачно характеризующие действующих лиц, лорду Кларендону[148] (*у которого заимствовали их мы*) рассказал, по-видимому, сам Коттингтон; несмотря на свою незначительность, они заслуживают место в истории.

ПОЕЗДКА ПРИНЦА В ИСПАНИЮ

Принц и Бекингем вместе с двумя спутниками, а также сэром Ричардом Грэмом, шталмейстером Бекингема, переодетые и никем не узнанные, проехали через всю Францию; они даже осмелились посетить придворный бал в Париже, где Карл увидел принцессу Генриетту, которая находилась тогда в расцвете юности и красоты, а впоследствии стала его супругой. Через одиннадцать дней после отъезда из Лондона они прибыли в Мадрид, вызвав всеобщее изумление столь необычным для владетельных особ поступком. Испанский король немедленно нанес Карлу визит, выразил величайшую признательность за оказанное ему доверие и торжественно заявил, что питает подобное же доверие и дружеские чувства. Подчеркнутыми знаками самой изысканной вежливости он выказал свое уважение к августейшему гостю. Он вручил Карлу золотой ключ, отпиравший все его покои, дабы принц мог в любое время иметь к нему доступ без всякого предуведомления; он брал его за левую руку всюду, за исключением отведенных Карлу апартаментов, ибо там, говорил король, принц был у себя дома; во дворец Карла ввели с теми же пышными церемония-

ми, которыми сопровождается коронация испанского монарха; Государственный совет получил распоряжение повиноваться Карлу, как самому королю; даже Оливарес, испанский гранд, имевший право оставаться с покрытой головой перед своим королем, непременно снимал шляпу в присутствии принца[230]; все тюрьмы Испании были открыты и все узники получили свободу, как будто в стране произошло какое-то великое и счастливое событие[231], а действие всех ограничительных законов касательно роскоши в одежде на время пребывания Карла в Испании было приостановлено. Инфанту, однако, лишь показали ее поклоннику на публике: чрезвычайно строгие испанские понятия о приличиях не допускали более близкого общения до прибытия папского разрешения на брак[232].

Чувство чести у этого великодушного народа было столь тонким, что испанцы ни разу не попытались воспользоваться полученными ими преимуществами, чтобы навязать англичанам менее выгодные условия договора; в одном только случае благочестивое рвение побудило их потребовать новых уступок в религиозных вопросах, но, встретившись с возражениями Бристола, которые сопровождались легким укором, они тотчас же отказались от своей попытки. Однако папа, узнав о прибытии принца в Мадрид, внес в разрешение несколько новых пунктов [233], и теперь нужно было отправить статьи в Лондон, чтобы их мог утвердить английский король. Этот договор, который был предан гласности, состоял из нескольких статей, касавшихся преимущественно вопроса об исповедании католической религии инфантой и членами ее семьи. Разумных возражений он вызвать не мог — за исключением, пожалуй, одной статьи, где король обещал, что дети Карла будут воспитываться принцессой до десятилетнего возраста. Рим мог настаивать на этом условии только с одной целью — приучить их умы к католическим принципам, и хотя столь нежный возраст сам по себе казался достаточной защитой от действия богословских предрассудков, однако те самые причины, которые заставили папу внести эту статью, должны были бы побудить короля ее отвергнуть.

Кроме обнародованного договора существовали особые статьи, по которым король принес тайную присягу; в них он обещал приостановить действие законов против католиков, добиться их отмены в парламенте и разрешить исповедание католической религии в частных домах[234]. Если бы эти статьи стали известны публике, то они, надо думать, вызвали бы громкий ропот, ведь нам известно, что когда принц, примерно в это же время получивший чрезвычайно любезное послание от папы, вынужден был отправить столь же вежливый ответ, этот поступок ему вменили в вину как величайшее преступление[235].

Между тем Григорий XV, который дал разрешение на брак, скончался, и на его место был избран Урбан VIII [(149)]. Тогда папский нунций отказался вручать разрешение до того, как Урбан его официально подтвердит, а хитрый понтифик откладывал присылку нового разрешения в надежде, что, пока принц остается в Испании, вдруг обнаружится какой-нибудь способ обратить его в католическую веру. Английский король и сам принц

начали терять терпение. После первого же намека Карл получил позволение вернуться домой, и его отъезд Филипп обставил всеми знаками изысканной любезности и церемонной почтительности, коими сопровождалась встреча принца. На месте их прощания он даже воздвиг колонну, как некий памятник взаимной дружбы. Между тем принц, поклявшись соблюдать все статьи договора, отправился в путь и, прибыв в Сан-Андеро, взошел на один из кораблей английского флота. Личный характер Карла, который составляли благопристойность, сдержанность, скромность и трезвость — добродетели, столь близкие нравам испанцев; беспримерное доверие, с которым отнесся он к их нации; его рыцарская галантность в отношениях с их принцессой, — все эти обстоятельства, вместе с молодостью и приятной наружностью принца, очаровали весь мадридский двор и создали о нем самое выгодное мнение[236]. Но насколько принца любили и уважали, настолько же ненавидели и презирали Бекингема. Его манеры, сочетавшие английскую фамильярность и французскую горячность, вспышки его гнева, его непристойная вольность в обращении с принцем, его беспутные развлечения, его надменный и дерзкий нрав, который он не мог, да и не желал скрывать, — бóльшая часть подобных качеств нигде бы не снискали ему уважения, но у испанцев они вызывали особую антипатию[237]. Они были не в силах скрыть свое изумление тем, что столь молодой человек посмел вмешаться в переговоры, которые уже довел до конца такой опытный посол, как граф Бристол, и дерзнул присвоить себе всю их заслугу. Они сокрушались о судьбе инфанты, которая должна находиться рядом с мужчиной, чья наглость не признает, кажется, ни божьих, ни человеческих законов[238]. А когда они увидели, что он имел неосторожность оскорбить графа Оливареса, их первого министра, то каждый, кто желал добиться расположения фаворита испанского короля, стал всячески выказывать свое презрение к любимцу короля английского.

Герцог Бекингем заявил Оливаресу, что он чрезвычайно привязан к испанской нации и к испанскому королю, что он поддержит любые меры, способные укрепить дружбу между ними и Англией, и что всего сильнее он жаждет облегчить и ускорить брак принца с инфантой. «Но, — добавил Бекингем с откровенностью столь же дерзкой, сколь неблагоразумной, — *но что касается лично вас, сэр, то вам не следует считать меня своим другом; вы должны ожидать с моей стороны всевозможного противодействия и враждебности*». Граф с подобающим достоинством ответил, что он весьма охотно принимает то, что ему предложили; на этих условиях фавориты и расстались.

Чувствуя, каким ненавистным стал он теперь для испанцев, и опасаясь того влияния, которое приобрела бы эта нация после прибытия инфанты в Англию, Бекингем решил использовать весь свой вес для того, чтобы воспрепятствовать браку Карла. Какими доводами сумел он убедить принца нанести подобную обиду испанской нации, со стороны которой последний встретил столь великодушное обращение, какими лживыми предлогами смог он замаскировать неблагодарность и безрассудство

такого шага, — все это нам совершенно неизвестно. Мы можем лишь предполагать, что многочисленные и неизбежные причины, так долго задерживавшие прибытие папского разрешения, дали Бекингему повод для того, чтобы обвинить испанцев в неискренности, которую они якобы проявляли в ходе всех переговоров. Кажется также, что его бурный и деспотичный нрав приобрел полную власть над мягким и скромным характером Карла (власть, неизменно сохранявшуюся и впоследствии) и что, уже покидая Мадрид, принц, несмотря на все свои торжественные обещания, твердо решил разорвать договор с Испанией.

Однако едва ли Бекингем мог с такой же легкостью убедить Якова отказаться от проекта, который в течение многих лет был предметом всех его желаний и который теперь он неожиданно довел до счастливого завершения[239]. Разрыв с Испанией, потеря двух миллионов — такая перспектива не слишком улыбалась этому невоинственному и вечно нуждающемуся монарху. Но, обнаружив, что его единственный сын решительно настроен против брака, которому к тому же всегда противились его народ и парламент, король уступил перед трудностями, для преодоления коих ему недоставало глубины ума или силы духа. А потому принц Карл и Бекингем взяли на себя по прибытии в Лондон полное руководство переговорами и принялись искать предлоги, с помощью которых можно было оправдать задуманное ими нарушение договора.

Хотя возвращение Пфальца Фридриху неизменно рассматривалось Яковом в качестве естественного и необходимого следствия союза с Испанией, он всегда запрещал своим послам настаивать на этом пункте как на предварительном условии брачного договора. Яков принимал в расчет, что это княжество находилось теперь в руках императора и герцога Баварского и что король Испании уже не мог одним росчерком своего пера возвратить его прежнему владыке: тесный союз Испании с этими государями, думал Яков, вынуждает Филиппа смягчать столь неприятное требование искусным ведением переговоров, и решить такой сложный вопрос можно лишь после того, как будет улажено множество других спорных пунктов. Пока же, по мнению Якова, достаточно было убедиться в искренности намерений испанского двора, и потому, опасаясь дальнейших проволочек с заключением брака, он решил всецело доверить судьбу Пфальца будущим совещаниям и переговорам[240].

РАСТОРЖЕНИЕ ДОГОВОРА О БРАКЕ

Теперь же Бекингем совершенно изменил эту систему, отбросив все принципы, из которых исходили до сих пор участники переговоров. После многих бесплодных уловок, пущенных в ход с целью воспрепятствовать браку или отсрочить его, Бристол получил прямое распоряжение не использовать предоставленные ему для завершения переговоров полномо-

чия, пока не будет дана гарантия возвращения Пфальца Фридриху[241]. Филипп понял, что это означает. Он знал о гневе Бекингема и, считая его человеком, вполне способным принести в жертву своим необузданным страстям высшие интересы своего государя и своей страны, ожидал, что все свое безграничное влияние фаворит использует ради того, чтобы поссорить оба народа. Филипп, однако, хотел, чтобы вся вина за разрыв легла на англичан, а потому вручил Бристолу письменное обещание, по которому обязывался, убеждением или любым иным возможным способом, добиться возвращения Пфальца Фридриху; а когда король обнаружил, что эта уступка ни к чему не привела, он велел инфанте сложить с себя титул принцессы Уэльской, который носила она после прибытия из Рима разрешения на брак, и оставить изучение английского языка[242]. Полагая, кроме того, что опрометчивость и безрассудство, управлявшие теперь политикой английского двора, не остановятся на разрыве брачного договора, король распорядился немедленно начать приготовления к войне во всех своих владениях[243].

Так Яков, который с помощью средств, не объяснимых обычными законами политики, почти довел до почетного завершения проект женитьбы сына и реставрации зятя, в последний момент потерпел крах — по причинам столь же странным и необъяснимым.

Но хотя уловки, пущенные в ход Бекингемом, уже достаточно опозорили и его самого, и английскую нацию, чтобы добиться своей цели вполне, герцогу нужно было использовать средства еще более постыдные.

ПАРЛАМЕНТ. 1624

Порвав с Испанией, король вынужден был изменить новую политику, а без помощи парламента никаких действенных мер в этом смысле предпринять было невозможно. Добровольные пожертвования, которых в период между двумя парламентами настойчиво требовали от англичан в видах возвращения Пфальца, хотя и собирались ради столь популярной в обществе цели, доставили королю меньше денег, чем раздражения и недовольства со стороны подданных[244]. А потому, как бы ни смущали и ни обескураживали Якова ссоры с прежними парламентами, приходилось вновь созывать это собрание. На сей раз, однако, можно было надеяться, что поскольку проект испанского брака, вызвавший множество подозрений, теперь оставлен, общины отнесутся к политике короля с большей благожелательностью. В речи к обеим палатам (29 февраля) Яков обронил кое-какие намеки о причинах своего недовольства Испанией и милостиво снизошел до того, чтобы просить у парламента советов (которые он до сих пор неизменно отвергал) по столь важному делу, как женитьба сына[245]. Бекингем же представил комитету лордов и общин пространный отчет (полный и правдивый, как он заверял) о всех мерах, предпринятых в ходе

переговоров с Филиппом, но его рассказ, где одни факты умалчивались, а другие подавались в ложном свете, был всецело рассчитан на то, чтобы обмануть парламент и обвинить испанский двор в хитрости и неискренности. Так, он утверждал, что после многолетних переговоров король нисколько не приблизился к своей цели, а Бристол не продвинул дело договора дальше общих заявлений и неопределенных деклараций; что принц, усомнившись в добрых намерениях испанцев, решил, наконец, отправиться в Мадрид и подвергнуть их добросовестность самому решительному испытанию; что в Мадриде он столкнулся с величайшим лицемерием и лукавством и потому заключил, что все прежние шаги испанцев в деле о браке также были исполнены лжи и обмана; что о возвращении Пфальца, которое король всегда считал важнейшим предварительным условием, Испания никогда всерьез не помышляла; и наконец, что принц, претерпев самое дурное обращение, вынужден был вернуться в Англию, без всяких надежд на руку принцессы и на восстановление в правах курфюрста Пфальцского[246].

Подобный рассказ, если учесть серьезность момента и важность собрания, *которому он был представлен, заслуживает величайшего порицания*, однако присутствовавший в парламенте принц Уэльский поручился за его истинность, а сам король косвенно подтвердил его своим авторитетом, объявив парламенту, что всю историю этого дела Бекингем изложил депутатам по его личному распоряжению. Образ действий этих владетельных особ трудно оправдать вполне. Можно, пожалуй, сослаться на молодость и неопытность Карла — это, впрочем, весьма вероятно[247] — именно молодость и неопытность принца были действительной причиной его заблуждения, заставившей принять на веру лживые речи Бекингема. И хотя Якова в данном случае вынудили отказаться от собственных планов настойчивые домогательства других лиц, он не должен был позорить свой сан, подтверждая королевским словом прямые обманы или, по крайней мере, передержки и преувеличения своего фаворита, подозревать которые у него имелось столько оснований[248].

Рассказ Бекингема, пусть даже весьма искусно маскировавший ложь, заключал в себе достаточно противоречий, чтобы у всех разумных людей открылись глаза на истину, но он так сильно потворствовал страстям и предрассудкам парламента, что его приняли на веру без колебаний[249]. Обрадовавшись давно желанной и наконец представившейся возможности затеять войну с папистами, члены парламента не стали долго думать о последствиях, но тут же рекомендовали королю разорвать оба договора с Испанией — о браке наследника и о возвращении Пфальца[250]. Народ, который всегда жаждет войны, пока сам от нее не страдает, свой восторг перед этими безрассудными мерами обнаружил иллюминациями и бурными празднествами, а также оскорблениями в адрес испанских послов. Бекингем превратился теперь в любимца толпы и парламента; сэр Эдуард Кок назвал его в палате общин спасителем нации[251]. Всюду его превозносили до небес, а сам Бекингем, опьяненный популярностью, которой он

так недавно добился и так мало заслуживал, нарушил всякий долг по отношению к своему снисходительному государю и вступил в сговор с депутатами — пуританами, всегдашними противниками монаршей власти. Он даже поощрял проекты упразднения епископского сана и распродажи деканских и капитульских земель в оплату будущих расходов по испанской войне. А король, хотя он все еще надеялся выиграть время и договориться с Испанией, столкнулся со столь мощным потоком народных предрассудков, управляемых и подстрекаемых Бекингемом, что в конце концов вынужден был в своей речи к парламенту высказаться в пользу войны — с условием, что парламент пообещает ему свою поддержку[252]. Сомнения в искренности парламента — как показали дальнейшие события, отнюдь не беспочвенные, — были, вероятно, одной из причин его прежнего миролюбия и медлительности.

Свою речь король начал с горестных жалоб по поводу собственных печалей, ибо он, так долго гордившийся именем миролюбивого монарха, вынужден теперь, в столь преклонном возрасте, променять благодеяния мира на неминуемые бедствия войны. Он указал депутатам на то, что для содержания армии потребуются огромные и постоянные расходы, и помимо ассигнований, утверждаемых по мере надобности, просил предоставить ему шесть субсидий и двенадцать «пятнадцатых» — сумму, которой необходимо располагать уже к моменту начала военных действий. Он сообщил парламенту о своих громадных долгах, образовавшихся главным образом из-за денежной помощи пфальцграфу[253], однако добавил, что не настаивает на каких-либо ассигнованиях для себя лично, но будет вполне доволен, если парламент примет надлежащие меры во имя чести и безопасности государства. А чтобы устранить любые поводы для недоверия, Яков, всегда энергично защищавший свою прерогативу и даже превысивший ее в нескольких, как считалось, сомнительных пунктах, сделал теперь неосторожную уступку, последствия которой могли оказаться роковыми для монаршей власти: он добровольно предложил, чтобы вотируемые палатой средства поступали не в распоряжения короля, но передавались особому парламентскому комитету, каковой и должен был их расходовать[254]. Общины с готовностью приняли эту уступку, столь необычную для английского монарха, но вотировали ему только три субсидии и три «пятнадцатые»[255]; жалобы Якова на его собственное бедственное положение они оставили без внимания.

Взаимное согласие между королем и парламентом было использовано также для того, чтобы добиться утверждения билля против монополий, который прежде пользовался поддержкой короля, но не прошел из-за конфликта между ним и последней палатой общин. Билль этот был составлен в виде подробной декларации, и все монополии осуждались в нем как противные закону и общеизвестным народным вольностям. В его основе лежало представление о том, что любой английский подданный имеет полное право свободно распоряжаться своими поступками, при условии, что он не причиняет вреда другим подданным и что ограничить эту свободу

может лишь авторитет законов, но отнюдь не королевская прерогатива или власть какого-либо должностного лица. Полное осуществление этого замечательного принципа вместе со всеми естественно вытекающими из него следствиями и породило в конце концов, после долгой и упорной борьбы, ту единственную в своем роде счастливую систему правления, при которой живем мы ныне[256].

С помощью нового прецедента палата общин закрепила за собой одно важное полномочие — предъявлять внешним государственным чинам обвинение в государственном преступлении, которое двумя годами ранее было использовано ею в деле канцлера Бэкона и которое не применялось почти два века, кроме тех случаев, когда оно служило орудием монаршей мести. Граф Миддлсекс (150) благодаря покровительству Бекингема превратился из лондонского купца в лорда-казначея Англии и, судя по его ловкости и энергии, был вполне достоин этого возвышения. Но во время пребывания принца в Испании он навлек на себя гнев патрона, отказав тому в каких-то суммах или поколебавшись их предоставить; фаворит поклялся отомстить и употребил все свое влияние в палате общин, чтобы привлечь лорда-казначея к суду. Король был чрезвычайно недоволен этим шагом и предсказал принцу и герцогу, что они еще испытают в полной мере судебные преследования со стороны парламента[257]. В речи к парламенту он попытался оправдать Миддлсекса и смягчить обвинительный акт[258]. Однако общины по-прежнему требовали суда, и пэры признали лорда-казначея виновным, хотя его доказанные правонарушения не были ни слишком многочисленными, ни особенно тяжкими. Самым серьезным пунктом явилось то, что за два подписанных им патента Миддлсекс принял два подарка по 500 фунтов. Согласно приговору, он должен был заплатить 50 000 фунтов штрафа в пользу короля и подвергнуться тем же наказаниям, какие ранее были наложены на Бэкона. Впоследствии принц Карл, взойдя на престол, освободил его от штрафа.

На этой же сессии было принято весьма неприятное для короля обращение, в котором общины настойчиво просили о строгом исполнении законов против католиков. Ответ короля был мягким и снисходительным, хотя он и высказался против гонений как меры, неспособной уничтожить какую-либо религию, ибо, согласно общепризнанной максиме, кровь мучеников стала семенем церкви. Полную терпимость к католикам он также не одобрил и, кажется, рекомендовал средний путь как самый гуманный и благоразумный. Король зашел так далеко, что даже клятвенно утверждал, будто у него и в мыслях никогда не было даровать этим ханжам и фанатикам терпимость[259]. Свобода отправления католического культа в частных домах, на которую он дал тайное согласие в испанском договоре, не казалась ему заслуживающей этого имени — Яков, очевидно, полагал, что с помощью подобного истолкования он спасает свою репутацию. А поскольку Бекингем в своей речи[260] признал, что король действительно согласился на временную отмену законов против католиков, которую он отличал от «терпимости» — понятия, внушавшего тогда крайнюю нена-

висть, — то Яков, естественно, счел, что его истинные замыслы в достаточной мере разъяснены, и не страшился упреков в лживости или двуличности по поводу своего клятвенного заверения. После этого в работе парламента был назначен перерыв (29 мая), причем король дал понять, хотя и в весьма мягких выражениях, что его задело бессердечие общин, не пожелавших помочь ему в нужде[261].

Не способный противостоять столь мощной коалиции народа, парламента, фаворита и собственного сына, Яков был вынужден согласиться на такие меры, к которым он как по своему характеру, так и по разумному убеждению, всегда питал сильнейшее отвращение. Король скрыл свою досаду, однако начал постепенно отдаляться от Бекингема, которому он приписывал все эти безрассудные проекты и которого считал инициатором поездки принца в Испанию и главным виновником разрыва брачного договора. Теперь Яков с нетерпением ожидал приезда графа Бристола; с помощью этого министра, чей ум он высоко ценил и чьи взгляды одобрял, король рассчитывал со временем выпутаться из нынешних затруднений.

ВОЗВРАЩЕНИЕ БРИСТОЛА

Пока принц находился в Испании, этот искусный в ведении переговоров посол постоянно, хотя и безуспешно, противопоставлял свои мудрые и взвешенные советы тем безрассудно-решительным мерам, которые предлагал Бекингем. После отъезда Карла из Мадрида, когда в замыслах принца обнаружились первые признаки перемен, Бристол по-прежнему смело высказывал свои мнения, настойчиво утверждая, что испанцы ведут переговоры честно и что заключение договора с ними выгодно для англичан. Видя, что его успешные труды теряют теперь всякий смысл из-за прихотей и капризов наглого временщика, Бристол пришел в ярость, отказывался понимать любые намеки, и только прямой приказ короля мог заставить Бристола предъявить испанцам требование, которое, как он отлично понимал, должно было окончательно сорвать переговоры. А потому он ничуть не удивился, узнав, что Бекингем повел себя как его открытый враг и стал при всякой возможности осыпать его самой грубой хулой.

Для Бекингема же не существовало задачи более важной, чем держать Бристола подальше от короля и от парламента, чтобы сила истины в устах столь осведомленного человека не открыла их взорам картину, о которой первый лишь смутно догадывался, а последний до сих пор даже не подозревал. А потому Бекингем обратился к Якову, чье безволие, которое король, обманывая самого себя, называл тонкостью и деликатностью, стало теперь совершенно неизлечимым. Тотчас же по прибытии Бристола в Англию появился приказ о заключении его в Тауэр[262], и хотя вскоре он был освобожден, король велел ему удалиться в свое поместье и ни под

каким видом не являться на заседания парламента Бристол повиновался, однако решительно потребовал, чтобы ему позволили оправдаться и изложить королю мотивы всех своих действий При любой возможности он твердил о собственной невиновности, а ответственность за все неудачи возлагал на своего врага Бекингем и, по его наущению, принц Карл заявили, что они готовы примириться с Бристолом, если тот признает свои заблуждения и проступки, но гордый и мужественный граф, ревниво оберегавший свою честь, не пожелал купить их милость столь высокой ценой Якову достало чувства справедливости, чтобы назвать такое условие неслыханным тиранством, однако Бекингем не постыдился заявить с обычной для него дерзостью, что ни король, ни принц, ни он сам все еще не убеждены в невиновности Бристола[263]

В то время как привязанность принца к Бекингему, робость Якова или же чувство стыда при мысли о возможной перемене фаворита повергали в трепет весь английский двор, Инойоса, посол Испании, попытался открыть королю глаза и исцелить его от прежних страхов, внушив новые, еще более сильные Он незаметно передал ему некую бумагу, сделав знак прочесть ее без свидетелей В письме утверждалось, что английский король сейчас такой же пленник у себя в Лондоне, каким был некогда в Мадриде Франциск I[151], что принц и Бекингем составили заговор и привлекли на свою сторону весь двор, что интриги вожаков народной партии в парламенте наносят величайший ущерб его авторитету, что существует план запереть короля в одной из его охотничьих усадеб, а все управление передать Карлу, и что он, Яков, должен теперь одним решительным усилием отстоять свою власть и покарать тех, кто так долго и так нагло злоупотреблял его благосклонностью и дружбой[264]

РАЗРЫВ С ИСПАНИЕЙ

Насколько всему этому поверил Яков, сказать трудно Он лишь обнаружил кое-какие слабые знаки недовольства Бекингемом, но тотчас же от них отрекся Все его публичные действия и все союзы, в которые он вступил, основывались на системе, предполагавшей враждебность к Австрийскому дому и необходимость войны за возвращение Пфальца

Соединенными провинциями управлял тогда Мориц Оранский, этот честолюбивый принц, чувствуя, что в условиях мира его влияние в государстве ослабевает, по истечении срока 12-летнего перемирия возобновил войну с испанской монархией Его военные таланты сумели бы уравновесить численное преимущество противника, если бы командующим испанскими войсками не был Спинола, полководец столь же знаменитый искусством ведения операций и еще более — решительностью и энергией В данной ситуации для республики не могло быть ничего более выгодного и желанного, чем перспектива полного разрыва между Яковом и ка-

толическим королем, и голландцы, учитывая нынешнее стечение обстоятельств, а также естественную близость своих интересов с интересами Англии, льстили себя надеждой, что на выручку им скоро двинутся мощные подкрепления. И действительно, в Англии была набрана и отправлена в Голландию шеститысячная армия, которой командовали четверо молодых аристократов — Эссекс, Оксфорд, Саутгемптон и Уиллогби [152], жаждавшие отличиться в защите столь популярного в народе дела и приобрести военный опыт под началом такого прославленного полководца, как Мориц Оранский.

ДОГОВОР С ФРАНЦИЕЙ

Можно было с основанием ожидать, что подобно тому как религиозный пыл заставил англичан считать возвращение Пфальца вопросом столь необыкновенной важности, во Франции то же самое действие должны были произвести виды и интересы чисто политического свойства. Пока это княжество оставалось в руках Австрийского дома, французские земли были отовсюду окружены владениями этой честолюбивой династии и с любой стороны могли подвергнуться вторжению превосходящих сил неприятеля. А потому для короля Франции важно было помешать императору беспрепятственно утвердиться на вновь завоеванных территориях, между тем как географическое положение, так и могущество его государства предоставляли французскому монарху гораздо более серьезные возможности оказать помощь несчастному пфальцграфу, чем те, которыми располагал Яков[265]. Но хотя данные обстоятельства не укрылись ни от Людовика, ни от кардинала Ришелье [153], который начал теперь приобретать господствующее влияние при французском дворе, этот министр решил осуществлять свои замыслы постепенно: вначале сломить гугенотов и лишь затем, посредством хорошо продуманных и подготовленных мер, перейти к обузданию Австрийского дома. Впрочем, идея союза с Англией была тотчас же подхвачена французами, и любые предложения о браке Карла с принцессой Генриеттой встречали с их стороны всяческую поддержку.

Хотя Яков уже мог почувствовать на горьком опыте, сколь непреодолимое отвращение питают его подданные к брачному союзу с католиками, он по-прежнему упорно держался мысли, что сын его будет опозорен, если разделит ложе с принцессой некоролевской крови. Но после разрыва с Испанией не оставалось ничего другого, кроме брачного союза с Францией, и к этому двору Яков тотчас же и обратился[266]. Тех приманок, с помощью которых его так долго водили за нос во время переговоров с испанцами, здесь быть не могло, в приданое обещали гораздо меньше, и мирной реставрации пфальцграфа с этой стороны ожидать не приходилось. Но Яков боялся, что его сын может вовсе остаться без невесты, и потому как толь-

ко Людовик, во имя чести своей короны, потребовал тех же условий, которые были предложены ранее испанскому монарху, он уступил А поскольку принц, находясь в Испании, дал устное обещание разрешить инфанте воспитывать своих будущих детей до тринадцатилетнего возраста, эту статью также включили в договор, и именно этим опрометчивым поступком принято объяснять нынешнее бедственное положение потомков Карла Следует, впрочем, заметить, что английский двор даже в своих меморандумах французскому двору всегда утверждал, что все благоприятные для католиков условия были внесены в брачный договор единственно лишь в угоду папе и что по особому секретному соглашению с Францией строгое их исполнение было признано необязательным[267]

Насколько заключение брачного договора радовало короля, настолько же его огорчали любые военные операции — как ввиду чрезвычайной трудности того предприятия, в которое он ввязался, так и по причине его личной неспособности к деятельности подобного рода

Пока шли переговоры с испанцами, имперские войска взяли Гейдельберг и Мангейм и обложили со всех сторон Франкендейл, хотя его гарнизон состоял исключительно из англичан После неоднократных протестов Якова Испания, наконец, вмешалась, добившись прекращения военных действий на восемнадцать месяцев Но так как Франкендейл был единственным пунктом прежних владений Фридриха, все еще находившимся в руках курфюрста, Фердинанд, желавший вывести свои войска из Пфальца и обеспечить его безопасность, не хотел, чтобы столь важная крепость оставалась под контролем неприятеля В качестве компромисса было решено, что она будет секвестрована и передана инфанте как нейтральному лицу, с условием, что по истечении срока перемирия ее возвратят Фридриху, пусть даже к этому времени мир между ним и императором не будет заключен[268] Когда же после неожиданного разрыва с Испанией Яков потребовал исполнения договора, инфанта предложила ему мирно вступить во владение Франкендейлом и даже пообещала гарнизону охранную грамоту для следования через Испанские Нидерланды Однако между Нидерландами и Пфальцем находились имперские земли, а условия перехода через эти территории оговорены не были[269] Из-за этой уловки, которая наверняка не была бы пущена в ход, если бы дружеские отношения с Испанией сохранялись, пфальцграф окончательно лишился всех своих наследственных владений

ЭКСПЕДИЦИЯ МАНСФЕЛЬДА

Но английский народ и воинственные советники Якова не пали духом Они по-прежнему были полны решимости отвоевать Пфальц — княжество, расположенное посреди Германии, находившееся в полной власти императора и герцога Баварского, окруженное могущественными врага-

ми и лишенное всякого сообщения с Англией. На английскую службу приняли графа Мансфельда, посредством принудительного набора сформировали армию в двенадцать тысяч пехоты и две тысячи кавалерии. В ходе переговоров с Англией французский кабинет дал весьма обширные, хотя и выраженные в общих словах обещания: английские войска не только получат право свободного прохода через французскую территорию, но, кроме того, во время их марша к Пфальцу к ним присоединятся значительные подкрепления. В Англии все эти заверения были опрометчиво истолкованы как прямые обязательства. Войска под командованием Мансфельда погрузились на корабли в Дувре (декабрь), но, прибыв к Кале, обнаружили, что приказ об их допуске на французскую территорию еще не поступил. Проведя некоторое время в тщетном ожидании, они вынуждены были отплыть в сторону Зеландии, где также никто не позаботился принять надлежащие меры к их высадке; к тому же у Генеральных штатов вдруг возникли некоторые сомнения в связи с нехваткой провианта. Тем временем в английских войсках, так долго находившихся в невообразимой тесноте на маленьких судах, вспыхнула страшная эпидемия. Половина армии погибла, не успев сойти на берег, другая, ослабленная болезнями, показалась недостаточной для похода в Пфальц[270]. Так завершилась эта плохо подготовленная и бесплодная экспедиция — единственное большое несчастье, постигшее Англию в мирное и благополучное правление Якова.

СМЕРТЬ КОРОЛЯ

Между тем царствование Якова близилось к своему концу. Вместе с миром, который так страстно любил и так успешно оберегал этот монарх, заканчивалась и его жизнь. Весной на него напала трехдневная лихорадка, а когда придворные, желая его ободрить, вспомнили поговорку о том, что в это время года подобная болезнь предвещает королям здоровье, Яков ответил, что слова эти относятся к молодым королям. После нескольких приступов он почувствовал крайнюю слабость и призвал к себе принца, которого умолял нежно любить супругу, но хранить постоянство в вере, защищать англиканскую церковь и не оставлять своими попечениями несчастное семейство пфальцграфа[271]. Мужественно и благопристойно готовился он к своему последнему часу; умер Яков 27 марта в возрасте пятидесяти восьми лет. Англией он правил двадцать два года и несколько дней, шотландское царствование почти равнялось продолжительности его жизни. Во всей истории трудно найти царствование менее прославленное и, однако, более чистое и незапятнанное, чем правление Якова в обоих его королевствах.

ЕГО ХАРАКТЕР

Ни один правитель, столь же мягкий и непредприимчивый, как Яков, никогда не вызывал к себе в такой степени противоположного отношения — клеветы и лести, сатир и панегириков. Партии, возникшие в его эпоху, существуют и поныне, и они до сих пор спорят о его характере с таким жаром, какой бывает обычным лишь в дискуссиях о современных нам государях. Следует, впрочем, согласиться, что он действительно обладал многими добродетелями, но, пожалуй, ни одной из них — в чистом виде, свободном от примеси смежных пороков. Его щедрость граничила с расточительностью, ученость — с педантством, мирный нрав — с малодушием, ум — с пристрастием к мудреным тонкостям, дружелюбие — с легкомысленными увлечениями и ребяческой доверчивостью. Воображая, что он лишь отстаивает собственную власть, Яков, как мы, вероятно, вправе полагать, в иных своих действиях и во многих своих притязаниях отчасти покушался на вольности народа; пытаясь же с помощью строгого нейтралитета снискать благосклонность всех своих соседей, он не смог в полной мере сохранить уважение ни одного из них. Дарования его были обширными, но годились они скорее для рассуждений на общие темы, чем для практического руководства сложными делами; намерения его были благими, но полезными более в частной жизни, нежели в управлении государством. Непредставительный в своей наружности и неловкий в манерах, он не мог внушать особого почтения; пристрастный и неразборчивый в привязанностях, он не в силах был добиться всеобщей любви. Яков имел скорее безвольный характер, чем слабый ум; он смешон своим тщеславием, но не вызывает у нас ненависти, ибо оставался свободен от гордыни и высокомерия. В целом же о его характере можно сказать так: все его качества портила слабость и украшала гуманность. Политического мужества он был, конечно же, лишен, отсюда главным образом и проистекает невыгодное мнение о его личной храбрости, но, опираясь на всеобщий опыт, подобный способ умозаключения мы должны признать в высшей степени обманчивым.

Женат он был только один раз — на Анне Датской, женщине, ничем не знаменитой ни по своим добродетелям, ни по своим порокам [155], которая умерла 3 марта 1619 года в возрасте сорока четырех лет. Она любила пышные зрелища и дорогие развлечения, но в удовольствиях своих обнаруживала немного вкуса. Накануне ее смерти в небе видели большую комету, которую чернь сочла предвестником этого события: столько важности имеют в глазах простого народа даже самые непримечательные из владык.

Яков оставил после себя единственного сына, Карла, которому было тогда двадцать пять, и единственную дочь, Елизавету, супругу курфюрста Пфальцского. Ей было двадцать девять. Только эти двое и остались из шести его законных детей [156]. Незаконных он не имел и никогда не обнаруживал даже малейшей склонности обзавестись любовницей [157].

Архиепископами Кентерберийскими в его царствование были: Витгифт, умер в 1604; Бэнкрофт (1610) и Эббот, переживший короля. Канцлеры: лорд Эллесмер, вышел в отставку в 1617; Бэкон — вначале хранитель печати, в 1619 назначен канцлером, в 1621 смещен; канцлером вместо него стал Уильямс, епископ Линкольнский. Лорды-казначеи: граф Дорсет, умер в 1609; граф Солсбери (1612); граф Суффолк, приговорен к штрафу и уволен за взятки в 1618; лорд Мандевиль, ушел в отставку в 1624; его сменил граф Мальборо. Лорды-адмиралы: граф Ноттингем, в отставке с 1618; граф, затем герцог Бекингем. Государственные секретари: сэр Ральф Уинвуд, Нэнтон, Кельверт, лорд Конвей, сэр Альбертус Мортон.

В палате лордов первого парламента его царствования насчитывалось семьдесят восемь светских пэров, в первом парламенте Карла их было девяносто семь. Следовательно, число новых пэров, созданных за этот период Яковом, превысило количество умерших на девятнадцать[158].

Палата общин в его первом парламенте состояла из четырехсот шестидесяти семи членов. Очевидно, четыре бурга стали вновь пользоваться своими парламентскими правами, которыми ранее пренебрегали. А так как в первом парламенте Карла было четыреста девяносто четыре члена, то отсюда можно сделать вывод, что Яков создал десять новых бургов.

ЦАРСТВОВАНИЕ ЯКОВА I. ПРИЛОЖЕНИЕ

Гражданская администрация Англии в этот период. — Церковное правление. — Нравы. — Финансы. — Армия. — Флот. — Торговля. — Промышленность. — Колонии. — Науки и искусства.

В этом месте стоит, пожалуй, остановиться, чтобы обозреть общее состояние королевства в отношении системы правления, нравов, финансов, армии, торговли, наук и искусств. Без верного представления об этом история не может быть поучительной, а часто становится непонятной.

ГРАЖДАНСКАЯ АДМИНИСТРАЦИЯ АНГЛИИ [159]

Можно с уверенностью утверждать, что при восшествии на престол шотландской династии английская система правления являлась гораздо более деспотической, чем ныне, прерогатива была более широкой, а права подданных — не столь точно определенными и надежно гарантированными. Одного лишь существования судов Высокой комиссии и Звездной палаты, не говоря уже о прочем, было достаточно, чтобы поставить все королевство в полную зависимость от произвола государя.

Суд Высокой комиссии был учрежден Елизаветой в соответствии с парламентским актом, принятым в начале ее царствования; согласно этому акту решено было предоставить монарху широчайшие полномочия, чтобы во время великого религиозного переворота он мог пресекать и подавлять любое сопротивление. Все апелляции на решения нижестоящих церковных судов поступали в Высокую комиссию, и потому образ жизни и вероучение духовенства находились под ее непосредственным надзором. Любое нарушение Акта о единообразии, любой отказ от официально установленных обрядов был подсуден этой комиссии и наказывался при Елизавете лишением сана, штрафом, конфискацией и тюремным заключением. Яков довольствовался более мягкой карой — лишением сана, к тому же не все нарушители подвергались ей со всей строгостью. Архиепископ Спотсвуд сообщает, что, как рассказывал ему спустя несколько лет после восшествия короля на престол примас англиканской церкви Бэнкрофт [160],

не более сорока пяти священников были отстранены от должности. Все католики также должны были нести кары этого суда в том случае, если они отправляли какие-либо обряды своей религии или посылали за границу детей и иных родственников, чтобы те получили образование, которого они не могли им дать в своей собственной стране. Папистских священников бросали в тюрьмы, а по закону их могли приговорить к смертной казни, хотя Елизавета редко обращалась к этой жестокой мере, Яков же — почти никогда. Одним словом, свобода совести, которую мы по всей справедливости так высоко ценим ныне, в ту пору безжалостно подавлялась, и во всем королевстве был дозволен только один культ — государственный. Любое устное или письменное слово, клонившееся к ереси или схизме, подлежало каре со стороны Высокой комиссии или любых трех ее членов; только они были вправе судить, какие выражения имеют подобную тенденцию, в действиях своих они опирались не на достоверные сведения, а на слухи, подозрения и собственное разумение. Они ввели особую присягу, обязывавшую вызванных в их суд лиц отвечать на любые вопросы. Всякого, кто отказывался давать эту присягу, пусть даже он вполне справедливо ссылался на то, что его таким образом принуждают свидетельствовать против самого себя или своего лучшего друга, карали тюремным заключением, — в общем, в Англии появился самый настоящий трибунал инквизиции, со всеми его ужасами и беззакониями. Комиссия получила полные дискреционные полномочия в отношении следствия, судебного разбирательства и приговора; лишь ее право назначать телесные наказания было ограничено — ограничено грамотой монарха, учредившей этот суд, но не актом парламента, предоставившим соответствующую власть монарху. Ввиду неясности границ между церковными и гражданскими делами Высокая комиссия вела процессы по всем обвинениям в прелюбодеянии и кровосмешении, она же рассматривала все жалобы жен на своих мужей[272]. По сходным причинам в ее ведение могли передаваться любые дела, касавшиеся совести, иначе говоря — все дела без исключений.

Существовала, однако, серьезная причина, по которой король не слишком стремился злоупотреблять юрисдикцией этого суда: Звездная палата обладала теми же полномочиями в гражданских делах, а методы ее судопроизводства, не ограниченные никакими нормами, были столь же произвольными. История данного органа восходит к глубокой старине[273], хотя, как утверждается, впервые огромную юрисдикцию предоставил ему Генрих VII. Впрочем, надо признать, что властью он обладал во все времена, причем сфера его компетенции никогда не была точно определенной, а формы судопроизводства никогда не подчинялись какому-либо закону или статуту.

В настоящей истории мы уже упоминали (и еще не однажды будем иметь случай упомянуть) о праве короля делать изъятия из законов, заключать в тюрьму, требовать займы[274] и добровольные пожертвования, устраивать принудительные рекрутские наборы, размещать на постой солдат, изменять величину таможенных пошлин и учреждать монополии.

Нужно признать, что эти полномочия если не прямо противоречат принципам любого свободного правления, то, по крайней мере, угрожают свободе при монархической конституции, где к государю должно относиться с неизменной бдительностью и недоверием и где ему никогда не следует предоставлять какой-либо дискреционной власти, способной затронуть личную свободу и собственность подданных. Но английские короли пользовались этими правами почти постоянно; если же по какой-либо причине государь был вынужден на словах подчиняться принятым против них законам, то на практике он всякий раз избегал их действия и возвращался к прежнему деспотическому правлению. До восшествия на престол Якова, т. е. в продолжение почти трех столетий, власть короля во всех этих пунктах никогда не подвергалась сомнению.

Можно также отметить, что общие воззрения той эпохи были чрезвычайно благоприятными для монархии, поскольку приписывали ей почти абсолютный и неограниченный, священный и непреложный авторитет.

Созывы парламента были столь случайными, а его сессии по сравнению с каникулами столь непродолжительными, что когда люди обращали свои взоры вверх в поисках высшей власти, они могли видеть лишь короля как единственного постоянного магистрата, облеченного всем величием и авторитетом государства. Кроме того, из-за крайней уступчивости, которую в течение столь долгого времени проявляли парламенты, авторитет этих собраний, равно как и интерес к их деятельности, чрезвычайно упал, а поскольку все примеры сопротивления королевской прерогативе приходилось искать в далеком прошлом, то они оставались неизвестными для многих и обладали меньшим весом даже для тех, кто был о них хорошо осведомлен. К тому же в прежние эпохи эти вспышки свободолюбия сопровождались обыкновенно столькими насилиями, беспорядками, потрясениями и гражданскими междоусобицами, что для мыслящей части нации они являли зрелище не слишком привлекательное, не вызывавшее особого желания эти мрачные сцены воскресить. По этим причинам английская система правления была в представлении большинства чистой и несмешанной монархией, народные же собрания считались всего лишь неким орнаментом здания, который ни в коей мере не является необходимым для его существования и бытия[275]. Законоведы изображали прерогативы короны как нечто действительное и прочное, подобное тем вечным сущностям схоластиков, которые никакое время и никакая сила не могут изменить. Богословы же призывали на помощь высшую, религиозную санкцию, предполагая, что небесный монарх всячески стремится поддержать авторитет своего земного наместника. И хотя нередко говорят, что эти доктрины более открыто проповедовались и более энергично насаждались именно в эпоху Стюартов, придумали их в другие времена, при Стюартах же двор лишь обнаружил, что нуждается в них сильнее, чем прежде, поскольку пуританская партия начала тогда распространять противоположные учения[276].

Под влиянием столь возвышенного понятия о королевской власти многие считали, что, помимо прав, основанных на прецедентах, прерогатива обладает неистощимым запасом скрытых полномочий, каковые всегда могут быть использованы в случае крайней необходимости. Необходимость — если это необходимость действительная — превозмогает любые законы и ограничения при любой системе правления, однако в Англии считалось, что соображения выгоды и интереса сами по себе оправдывают любой чрезвычайный акт королевской власти и обязывают народ ему подчиняться. Отсюда — требование безусловного повиновения прокламациям, которое встречаем мы во все эпохи английской истории, и если Яков навлек на себя осуждение своими указами, то лишь потому, что слишком часто их издавал в то время, когда к ним уже перестали относиться с прежним почтением, а вовсе не оттого, что он якобы первым себе присвоил или необыкновенно расширил данное полномочие. О том, каких правил держался он в подобных случаях, можно судить по следующему характерному эпизоду.

Королева Елизавета назначила комиссию для инспекции тюрем, предоставив ей полное право, действуя по собственному усмотрению, улаживать любые споры между заключенными и кредиторами, частично погашать долги и освобождать тех должников, которых она сочтет честными и несостоятельными. Ввиду неопределенности и неясности английской конституции у многих возникло подозрение, что данная комиссия противозаконна, в подобном свете ее деятельность и представили Якову. По этой причине король не продлевал ее полномочий вплоть до пятнадцатого года своего царствования, когда жалобы на совершаемые в тюрьмах злоупотребления стали столь громкими, что он счел своим долгом, отложив всякие сомнения, назначить новых членов комиссии, наделив их той же дискреционной властью, которую когда-то предоставила им Елизавета[277].

В целом мы приходим к выводу, что по воцарении дома Стюартов английский монарх обладал весьма обширной властью — властью, по всеобщему убеждению, не имеющей ясных границ и, по убеждению некоторых, подобных в принципе границ не допускающей. При этом, однако, власть монарха опиралась лишь на мнение народа, которое определяли старинные примеры и прецеденты; ни деньги, ни сила оружия ее не поддерживали. И потому не следует удивляться, если государи этой династии так ревниво оберегали свою прерогативу: Стюарты чувствовали, что, лишившись подобных прав или притязаний, они утратят всякую возможность поддерживать свое достоинство или обеспечивать исполнение законов. Вследствие позднейших перемен права и свободы частных лиц стали более полными, прочными и совершенными, тогда как права и свободы общества в целом — более сомнительными и ненадежными. А потому кажется бесспорной, хотя, может быть, и печальной истиной, что при любом государственном устройстве высший магистрат, для того чтобы исполнять законы и поддерживать собственную власть, должен располагать либо обширными доходами и значительной военной силой, либо не имеющими четких пределов полномочиями.

ЦЕРКОВНОЕ ПРАВЛЕНИЕ

Мы уже так часто имели случай указывать на господствовавший в ту эпоху фанатизм, что нам не приходится искать какой-либо терпимости в отношениях между различными сектами. В этот период двух ариан сожгли на костре как еретиков, и с начала Реформации ни одно царствование не было свободно от подобных жестокостей. Стоу сообщает, что уже на месте казни упомянутым арианам предлагали помилование, если они отрекутся от своих мнений. Какого-то сумасшедшего, называвшего себя Святым Духом, приговорили к той же каре без всякого снисхождения к его безумию. С каждого, кто не посещал службу в государственной церкви, могли по закону взыскивать по двадцать фунтов ежемесячно. Правда, в этом суровом законе имелась смягчающая статья: сумма штрафа не должна была превышать двух третей годового дохода. Елизавета имела обыкновение не взимать этот штраф несколько лет подряд, а затем взыскивать всю накопившуюся сумму, обрекая таким образом на полное разорение тех католиков, которые навлекли на себя ее гнев. В этом отношении, как и во всех прочих, Яков был более гуманным правителем.

Пуритане в ту эпоху представляли собой секту, которая таилась в лоне официальной церкви, однако не притязала на особую организацию или культ[169]; любая попытка подобного рода была бы сочтена всеми чудовищным преступлением. И если бы король обнаружил склонность к полной терпимости, позволив пуританам — наряду с прочими сектами[170] — исповедовать отдельную религию, то, насколько можно судить по общему духу времени, сама же пуританская секта наверняка стала бы его за это ненавидеть и презирать, упрекая в непростительном равнодушии и холодности к делу религии. Пуритане утверждали, что только они составляют «чистую церковь», что их учения и культ следует признать официально и что никакие другие секты допускаться не должны. А потому позволительно усомниться в том, что тогдашнее правительство заслуживает определения «гонителей» в отношении пуритан. Правда, некоторые священники, отказывавшиеся соблюдать узаконенные обряды, лишались приходов, а в царствование Елизаветы подвергались порой и иным карам, но может ли человек претендовать на должность или жалованье в какой-либо организации, если он не желает подчиняться общеизвестным и твердым ее правилам? Пуритан, однако, никогда не наказывали за принадлежность к особым конгрегациям: таковых в королевстве просто не существовало, и ни один протестант не притязал на право их учреждать. Величайшие поклонники пуританской секты сами осудили бы образ действий, который в ту эпоху буквально всеми — государственными мужами и духовными лицами, философами и фанатиками — считался губительным для гражданского общества. Даже такой выдающийся мыслитель, как лорд Бэкон, полагал, что единообразие в религии абсолютно необходимо для устойчивости системы правления и что предоставлять сектантам терпимость весьма

опасно[278]. И лишь обвинение католической религии в идолопоклонстве способно было оправдать в глазах самих пуритан тот раскол, который в папистских странах произвели гугеноты [171] и иные протестанты.

Во все времена, не вполне исключая даже эпохи Греции и Рима, религиозные секты, ереси и расколы считались чрезвычайно опасными, если не совершенно губительными для гражданского правления и рассматривались как источник всевозможных смут, заговоров и беззаконий[279]. А потому высший магистрат брал на себя заботы по лечению этого недуга точно так же, как и любого иного, и, что вполне естественно, пытался с помощью жестоких законов уничтожить эти отдельные сообщества и покарать упорствующих нововводителей. Но после того как в теологических раздорах было пролито море крови, печальный опыт ясно доказал, что данная болезнь имеет совершенно особую природу: суровые лекарства лишь обостряют ее течение, еще быстрее распространяя ее по всему общественному организму. Отсюда (хотя и довольно поздно) возник парадоксальный принцип и благотворный обычай терпимости.

Свобода печатного слова была несовместима с господствовавшими *тогда воззрениями и политическими принципами, а потому оставалась* в ту эпоху совершенно неизвестной. Помимо использования двух грозных судебных органов, Звездной палаты и Высокой комиссии, наделенных неограниченными полномочиями, королева Елизавета употребляла свою власть, налагая на печать особые стеснения. Через Звездную палату, то есть по собственной воле и желанию, она издала указ, который позволял печатать книги только в Лондоне, Оксфорде и Кембридже[280], и еще один, воспрещавший под страхом суровых наказаний публиковать какие-либо книги или памфлеты, направленные против формы или смысла любого запрета или предписания, каковые содержатся либо будут содержаться в любом статуте или законе королевства, или в любом постановлении, изданном или принятом Ее Величеством или Тайным советом Ее Величества; а также против истинного смысла и цели любого запрещения, поручения или ордера на арест, скрепленного большой государственной печатью Англии[281]. Те же взыскания Яков распространил и на ввоз подобных книг из-за границы[282]. А впоследствии, чтобы сделать эти указы еще более действенными, он запретил печатать какие-либо книги без официального разрешения архиепископа Кентерберийского, архиепископа Йоркского, епископа Лондонского или вице-канцлера одного из университетов (либо назначенного ими лица)[283].

Сравнивая различные системы современной теологии, мы можем отметить, что доктрина абсолютного предопределения всегда была теснейшим образом связана с особым духом религиозного фанатизма, ибо тем, кто причисляет себя к избранникам Божьим, доктрина эта обещает высочайшее торжество и несказанное блаженство, бесконечно возвышая их над остальным человечеством. Эти принципы разделяли все первые реформаторы, а также янсенисты [172], фанатическая секта во Франции, не говоря уже о магометанах [173] в Азии, которые всегда держались подоб-

ных воззрений. Когда же основанная Лютером церковь подчинилась власти епископов, прежняя экзальтация постепенно угасла, и люди смогли заметить, насколько это нелепо — полагать, будто Господь карает вечными муками за то, к чему он сам предопределил от века непреложным образом. Воспитанный в кальвинистской вере, король Яков держался в это время доктрины абсолютного предопределения[174], однако, будучи ревностным сторонником епископата, к концу царствования как-то незаметно пришел к покровительству более умеренной теологической системе Арминия[175]. Таким образом, даже в столь выдающемся богослове дух религии взял верх над ее спекулятивными догмами, и вслед за королем весь клир постепенно отказался от строгих принципов абсолютного осуждения и безусловного предопределения Вначале эти новшества вызвали известный ропот, однако схоластические препирательства, тонувшие в неистовой ярости вспыхнувших затем партийных разногласий и гражданских войн, выглядели довольно жалко на фоне тех бурных споров о светской и церковной власти, которые волновали тогда нацию. А в эпоху Реставрации обнаружилось, что англиканская церковь, хотя и сохранившая прежние статьи символа веры[176], полностью изменила свои умозрительные доктрины и приняла теории, в большей мере соответствовавшие особенностям ее внутреннего устройства и культа, пусть даже мы и не в силах с точностью указать период, когда произошла эта перемена.

Нелишним, вероятно, будет упомянуть и о том, что король Яков, страстно желая оказать содействие успехам полемического богословия, основал в Челси специальную коллегию, двадцать членов коей должны были полностью себя посвятить делу опровержения папизма и пуританства[284]. Между тем великий Бэкон, несмотря на все свои усилия, так и не смог добиться создания особого учреждения для развития натуральной философии, а общества, которое бы занималось очищением и упорядочением нашего языка, не существует и поныне. Единственный пример поддержки, которую английские монархи когда-либо оказывали тому, что имеет видимость науки и знания, это недолговечная коллегия короля Якова — заведение совершенно излишнее, если учесть злосчастную страсть к теологическим спорам, владевшую тогда всей нацией.

НРАВЫ

Нравы народа соответствовали монархической форме правления и не заключали в себе той странной смеси, которая ныне отличает Англию от всех прочих стран. Поразительные сочетания противоположных свойств — трудолюбия и распущенности, бережливости и мотовства, любезности и неотесанности, фанатизма и скептицизма — оставались тогда неизвестными. Прямодушие, искренность, скромность — только эти черты являются общими для наших современников и англичан той эпохи

Тогда еще очень гордились своим происхождением, и именно достоинством и благородством манер джентри[177] и знать отличались от простого народа. Огромные богатства, приобретаемые благодаря коммерции, были более редкими, чем ныне, и еще не могли смешать все ранги и состояния, превратив деньги в главный источник различий между людьми. В обыденной жизни важную роль играл этикет, и лица высокопоставленные не терпели излишней фамильярности в обращении. Выгоды и преимущества, проистекающие из богатства, столь основательны и очевидны, что те, кто ими обладает, могут не страшиться тесного соприкосновения с людьми, стоящими ниже их, тогда как отличия, связанные с происхождением и знатностью, являются более внешними и воображаемыми, а потому быстро исчезают при близком знакомстве и общении.

Английские вельможи тратили свои состояния скорее на показную пышность и многочисленную свиту, чем на действительные жизненные удобства и истинные удовольствия. Графа Ноттингема в его испанском посольстве сопровождали пятьсот человек; граф Гертфорд, отправляясь с миссией в Брюссель, взял с собой триста дворян. Как заметил лорд Бэкон, английская знать в его время окружала себя бо́льшим числом слуг, чем аристократия любой другой нации, за исключением, пожалуй, поляков[285].

Гражданские почести, занимающие ныне первое место, ценились тогда гораздо ниже воинской славы. Молодые дворяне и аристократы страстно желали отличиться на войне, а безумие дуэлей распространилось в ту эпоху шире, чем в любую предшествующую или последующую[286]: именно такую форму принял рыцарский дух, коим прежде была столь знаменита английская нация.

Свобода общения между полами допускалась, но без всякой вольности и распущенности. Двор короля лишь в малой степени представлял собой исключение из этого правила. Сам Яков относился к женщинам скорее с отвращением и пренебрежением, а молодые придворные, столь милые его сердцу, не могли повлиять на прочно укоренившиеся нравы народа.

Первый паланкин, который когда-либо видели в Англии, появился в это царствование; пользовался им Бекингем — к великому возмущению народа, восклицавшего, что ближних своих герцог употребляет в роли бессловесных скотов.

Любовь к сельской жизни свойственна нынешним англичанам в большей степени, чем другим культурным нациям Европы, но в ту эпоху она была гораздо более характерна для всего сословия джентри. Развитие искусств и ремесел, вкус к удовольствиям и к тонким радостям общения едва начинали порождать склонность к городской жизни, более изысканной и цивилизованной. Этой перемене нравов король Яков противодействовал как только мог. Как сообщает лорд Бэкон, он имел обыкновение настойчиво требовать от сельских джентльменов, чтобы они покидали Лондон и отправлялись жить в свои поместья. А иногда он говорил им так: *Господа, в Лондоне вы подобны кораблям в море, которые совер-*

шенно незаметны, зато в своих деревнях вы подобны кораблям на реке, представляющим весьма внушительное зрелище[287].

Порицаниями и уговорами он не ограничивался. Королева Елизавета, с неудовольствием наблюдая рост Лондона, особыми прокламациями запретила всякое новое строительство, а король Яков, обнаружив, что горожане не повинуются этим указам во всей точности, часто их возобновлял, хотя строгого их исполнения, судя по всему, добиться по-прежнему не удавалось. По примеру своей предшественницы он также неоднократно издавал прокламации с суровыми угрозами в адрес тех дворян, которые жили в Лондоне[288]. Подобный образ действий противоречил политике всех государей, упорно стремившихся увеличить свою власть. Приманить знать ко двору монарха, вовлечь дворян в дорогие удовольствия или занятия, губительные для их состояния, усилить их зависимость от министров через присутствие в столице, ослабить их влияние в провинции через жизнь вдали от собственных поместий — таковы обычные приемы деспотических правительств. Но никаких замыслов расширить свою власть Яков, конечно же, не строил, а кроме того, он просто не имел необходимых средств, чтобы содержать великолепный двор и щедро жаловать многочисленную свиту из дворян и знати. Он также полагал, что, живя в тесном общении, они начинают лучше чувствовать собственную силу и, чего доброго, могут увлечься слишком дотошными изысканиями относительно государственных дел. Чтобы предотвратить подобное зло, он всячески стремился рассеять их по деревенским усадьбам, где, как он надеялся, они будут испытывать самую почтительную покорность к его власти и не смогут поддерживать друг друга так, как в городе. Вскоре, однако, обнаружились противоположные результаты. Богатства, накопленные во время их пребывания в родовых поместьях, принесли им независимость, а влияние, приобретенное благодаря гостеприимству, дало им силу. Подчиняться двору они не желали, командовать ими не было никакой возможности, и таким образом менее чем за сорок лет английская система правления испытала полную и внезапную перемену.

Рост торговли и ремесел способствовал в предшествующие царствования раздроблению громадных богатств баронов, делавших их некогда столь грозными как для государя, так и для народа. В результате дальнейших успехов коммерции и промышленности в правление Якова начали разоряться мелкие земельные собственники[289], и благодаря обоим этим процессам сила и влияние джентри, или того слоя дворянства, который был представлен в палате общин, значительно выросли. С появлением первых усовершенствований по части роскоши за них жадно ухватились дворяне более знатные, чьи состояния, ставившие их, казалось бы, выше всяких забот о бережливости или хотя бы о простой расчетливости, вскоре были расточены в дорогих удовольствиях. Наконец, подобные новшества стали доступны всем собственникам, и люди менее богатые (которые в то время нередко были особами весьма родовитыми), подражая тем, кто стоял на ступеньку выше, довели себя до полного оскудения. Их поместья

шли на продажу, увеличивая богатства тех, кто располагал достаточными средствами для трат по модному образу жизни, но при этом проявлял известную заботу о рачительном ведении своего хозяйства.

Тогдашнее джентри было избавлено от любых расходов, за исключением тех, которые предписывались обычаями деревенского радушия. Постоянные налоги не взимались, войны не велись, не требовалось посещать двор, а на выборах не нужно было давать взятки или проявлять чрезмерную щедрость[290]. И если счастье вообще доступно человеческой природе, то жизнь английского джентри при столь добром и милостивом государе могла бы, вероятно, заслужить это определение.

ФИНАНСЫ

Доходы короля, как они были заявлены в 1617 году, складывались из следующих источников[291]: коронные земли[178] — 80 000 фунтов, таможенные пошлины и новые налоги — около 190 000 фунтов, опека и прочие источники, помимо льготных поставок для нужд двора, — 180 000 фунтов. Общая сумма составила 450 000 фунтов. Согласно тому же отчету, обычные расходы короля превысили указанную сумму на 36 000 фунтов[292]. Все дополнительные суммы, которые Яков получил благодаря субсидиям, займам, продаже земель и титулов баронета, денежным поступлениям от голландских штатов и от короля Франции, добровольным пожертвованиям[179] и т. д. достигли 2 200 000 фунтов, в том числе примерно 775 000 фунтов от продажи коронных земель. Дополнительные расходы короля составили 2 000 000 фунтов, не считая более чем 400 000 фунтов, выданных в виде подарков. В общем, мы находим здесь достаточное объяснение того, почему король, отчасти ввиду неизбежных трат, отчасти из-за недостатка экономии, уже в самом начале своего царствования так сильно запутался в долгах и испытывал огромные трудности с покрытием расходов по управлению.

Сбором пошлин занимались тогда откупщики, а не специальные правительственные комиссары[180]. В самом деле, кажется вполне естественным, что, хотя второй метод и предпочтительнее, вначале всегда обращаются к первому. Когда речь идет об их личных интересах, люди находят сотню способов предотвратить мошенничества купцов; впоследствии государство может их учесть при установлении надлежащих правил для своих чиновников.

Таможенные пошлины должны были составлять пять процентов стоимости; взимались они как с ввозимых, так и с вывозимых товаров. Однако согласно дополнениям, сделанным Яковом, налог на отдельные предметы вывоза доходил до двадцати пяти процентов. Этот порядок, столь пагубный для промышленности, до сих пор действует во Франции, Испании и большинстве других стран. В 1604 году таможенные сборы дали 127 000 фунтов[293], к концу царствования они возросли до 190 000.

Обычный процент в это царствование равнялся десяти; в 1624 году он уменьшился до восьми. Столь высокая норма процента свидетельствует о громадных прибылях и о медленном развитии торговли.

Дополнительные ассигнования короне, утвержденные парламентом в продолжение всего царствования, не превысили 630 000 фунтов, что дает 30 000 фунтов ежегодно, если разделить эту сумму на 21 год. Я не включаю сюда 300 000 фунтов, которые предоставил королю последний парламент: эти средства поступили в распоряжение уполномоченных самого парламента, и расходы по испанской войне были более чем достаточными, чтобы их поглотить. В течение значительной части царствования Якова тяжелым бременем для него оставалось несчастное семейство пфальцграфа. Принято думать, что король не обладал бережливостью, которая бы соответствовала крайней скудости его доходов. Он, однако, не питал слабости ни к блестящим экипажам, ни к дорогой мебели, ни к роскошным яствам, ни к расточительным любовницам. Построенные им здания также не отличались пышностью и великолепием, хотя здесь следует упомянуть Банкетный дом [181] как архитектурный памятник, делающий честь его царствованию. Любимым его развлечением была охота, самое дешевое из удовольствий, которым предаются короли. В целом его траты являлись скорее следствием щедрости, нежели любви к роскошному образу жизни.

Рассказывают, что однажды, когда король стоял в окружении своих придворных, мимо него прошел слуга, нагруженный деньгами, которые он нес в казначейство. Король заметил, что Рич (впоследствии граф Голланд), один из его статных и миловидных фаворитов, что-то прошептал на ухо соседу. Осведомившись, Яков узнал, что Рич произнес следующие слова: «Сколько счастья принесли бы мне эти деньги!» Не колеблясь ни мгновения, Яков их ему подарил, хотя денег было 3000 фунтов. Он добавил: «Вы полагаете себя несказанно счастливым, получив столь крупную сумму, однако я еще более счастлив, ибо могу сделать приятное достойному человеку, которого люблю». Щедрость Якова объяснялась скорее его добродушным нравом или склонностью к легкомысленным причудам, нежели какими-либо разумными основаниями. Объектами ее становились те, кто умел угодить королю в часы безделья, а вовсе не лица, имевшие большие заслуги или обладавшие талантами и популярностью, вознаградив которые он мог бы укрепить свой авторитет в обществе.

Можно отметить, что тем самым преимуществом, которое когда-то, в период между упадком феодальной знати и возвышением общин, имела над народом корона, ныне обладал народ по отношению к короне. Государь уже лишился независимых источников дохода, благодаря которым он мог бы обойтись без регулярных субсидий парламента, но еще не приобрел средств на эти собрания влиять. Следствия подобного положения вещей, впервые обнаружившиеся с воцарением дома Стюартов, вскоре достигли высокой степени и продолжали обостряться при всех королях этой злосчастной династии.

Историки часто говорят о «субсидиях» и «пятнадцатых», но не сообщают нам с ясностью ни о величине этих налогов, ни о порядке их взимания. Очевидно, «пятнадцатая» соответствовала когда-то своему названию и означала пятнадцатую часть движимого имущества[294]. Однако оценка его стоимости была произведена еще в царствование Эдуарда III (182) и с тех пор не уточнялась; каждый город платил особую неизменную сумму, которую его жители сами раскладывали между собой. Тот же налог в городах, имевших самоуправление, назывался «одной десятой», поскольку там он вначале составлял десятую часть движимости. Во всем королевстве «десятая» и «пятнадцатая» (или просто «пятнадцатая», как ее называли для краткости) давали примерно 29 000 фунтов[295]. Размер субсидий, в отличие от «пятнадцатых», не был неизменным. В восьмой год правления Елизаветы он равнялся 120 000 фунтам, в сороковой год — не более чем 78 000 фунтов[296]. Затем он упал до 70 000 фунтов и в дальнейшем неуклонно уменьшался[297]. Причину этого несложно усмотреть в способе сбора данного налога. Из биллей о субсидиях явствует[298], что одну субсидию платили в графствах из расчета четыре шиллинга на фунт с земельных владений и два шиллинга восемь пенсов с движимости — довольно большой налог, если собирать его со всей строгостью. Но так обстояло дело лишь в первое время, а в царствование Якова платили не более двадцатой части этой суммы. Налог имел личный характер: человек платил его только в том графстве, где жил, даже если он владел собственностью в других графствах; оценка его имущества производилась весьма приблизительно, таким же выходило и обложение. Но чтобы сохранить какой-то порядок, было, кажется, принято учитывать итоги предшествующих оценок и облагать каждого теми суммами, какие обычно вносили его предки или же лица, чья собственность оценивалась примерно так же. Это в достаточной мере объясняет нам, почему субсидии не могли увеличиться, несмотря на огромный рост денежной массы и рентных платежей. Существовала, однако, и весьма очевидная причина их постоянного уменьшения. Частный интерес, как легко догадаться, всегда противоречил интересам короны, особенно в конце царствования Елизаветы, когда субсидии стали более многочисленными, а взимаемые суммы — более крупными. Хотя обычно оценщики принимали в расчет прежние данные, они не были обязаны соблюдать подобное правило и могли заново облагать любое лицо соответственно его нынешним доходам. Когда падали ренты или продавалась часть имущества, собственник непременно сообщал об этих потерях и добивался сокращения своей субсидии, если же ренты увеличивались или приобретались новые поместья, он держал это в тайне и платил не больше, чем прежде. А значит, каждое подобное изменение обращалось во вред короне, сама же корона не могла извлечь из них никакой пользы. И, что еще хуже, общие перемены в отношениях собственности были в ту эпоху невыгодными для короны. Мелкие собственники, т. е. лица с двадцатью фунтами дохода, постоянно разорялись, когда же их имущество приобретал собственник более крупный, его субсидии не увеличивались. Весь

метод раскладки субсидий был столь неупорядоченным, что удивляться приходилось не тому, что поступления от данного налога постоянно уменьшались, а скорее тому, что он вообще что-либо приносил короне. В конце концов он стал в высшей степени неразумным и несправедливым, и парламент вынужден был преобразовать его в земельный налог.

Цены на зерно и другие товары первой необходимости были в это царствование не ниже, а скорее даже выше нынешних. Согласно прокламации короля Якова, учредившей государственные хранилища, комиссары короны получали право закупать для них зерно всякий раз, когда цены опускались ниже тридцати двух шиллингов за четверть пшеницы, восемнадцати — за рожь и шестнадцати — за ячмень[299]. А значит, цены эти нужно считать низкими, хотя на наш теперешний взгляд они кажутся довольно высокими. В ту пору обычной пищей бедняков был ячменный хлеб[300]. Самая качественная шерсть бóльшую часть царствования Якова шла по тридцать три шиллинга за один mog (28 фунтов)[301]. В настоящее время ее цена не превышает двух третей этой суммы, хотя мы вправе допустить, что наш экспорт товаров из шерсти несколько увеличился. Благодаря успехам ремесел и промышленности изделия более тонкой работы также подешевели, несмотря на значительный рост денежной массы. У Шекспира хозяйка гостиницы говорит Фальстафу[183], что полотно для рубах, которые она ему покупает, стоит восемь шиллингов за ярд — высокая цена по нашим временам, даже если предположить (а это совершенно невероятно), что в ту пору самое лучшее полотно не уступало по качеству самому лучшему полотну, которое можно приобрести сегодня. Подобным же образом ярд бархата в середине царствования Елизаветы стоил двадцать два шиллинга. Из жизнеописания принца Генри[302] д-ра Берча явствует, что по контракту со своим мясником принц в течение года платил около четырех шиллингов за говядину и баранину, которые шли на стол его семейству. Следует далее учесть, что общей тенденцией эпохи, с которой ничего не могли поделать законы, было обращение пахотных земель в пастбища — бесспорное доказательство того, что последние приносили больше прибыли, а следовательно, что все сорта мяса и хлеба стоили дороже, чем ныне. Мы располагаем официально установленным прейскурантом на птицу и некоторые другие товары, относящимся к самому началу правления Карла I[303]. Цены в нем довольно высокие: индюк — четыре шиллинга шесть пенсов, индюшка — три шиллинга, фазан — шесть шиллингов, фазанья курочка — пять шиллингов, куропатка — один шиллинг, гусь — два шиллинга, каплун — два шиллинга шесть пенсов, курица — шиллинг шесть пенсов, кролик — восемь пенсов, дюжина голубей — шесть шиллингов[304]. Нужно помнить, что население современного Лондона превышает тогдашнее более чем в три раза — обстоятельство, которое весьма увеличивает цены на птицу и на все, что трудно доставлять издалека; мы уже не говорим о том, что установленные властями прейскуранты всегда имеют своей целью понизить, а не увеличить рыночные цены. Поставщикам провизии для флота правительство платило из расчета вось-

ми пенсов в день на продовольствие каждого матроса в гавани и семи с половиной пенсов — в море[305], чего было бы вполне достаточно и в наше время. Основное различие в расходах между тогдашней и нынешней эпохами состоит в искусственных человеческих потребностях, с тех пор до крайности умножившихся. Таковы главные причины того, что доходы, которыми располагал Яков, значили в реальности больше, чем те же деньги сейчас, *хотя разница здесь и не столь велика, как это обычно думают.*

АРМИЯ

Английский народ был совершенно свободен от расходов на постоянную армию и от связанных с ней опасностей. Превознося свое божественное наместничество и похваляясь величием своей прерогативы, Яков располагал одним-единственным полком гвардии [184], который мог бы столь обширные притязания поддержать, — а это в достаточной мере доказывает, что он искренне верил в обоснованность своих претензий, или, по крайней мере, дает нам веские причины думать, что подобные претензии опирались на аргументы, в его время считавшиеся убедительными. Единственной защитой английского королевства служило ополчение (милиция графств), доходившее до ста шестидесяти тысяч человек[306]. Судя по некоторым сведениям, в это царствование оно было в порядке[307]. Город Лондон выписывал офицеров, успевших послужить за границей, которые занимались муштровкой частей милиции в Артиллерийском парке, — обычай, исчезнувший после 1588 года. Все графства Англии, соревнуясь с Лондоном, любили демонстрировать собственную милицию, хорошо вышколенную и снаряженную. Казалось, что одной лишь естественной склонности мужчин к воинским зрелищам и упражнениям достаточно, чтобы, без всякой заботы со стороны государя, возбуждать и поддерживать этот дух в любом народе. В то время даже мальчишки, подражая старшим, организовывали собственные роты, выбирали офицеров и устраивали учения, примеры которых они могли видеть ежедневно[308]. В записке, составленной в начале следующего царствования, сэр Эдуард Гарвуд утверждает, что Англия так плохо обеспечена пригодными для армии лошадьми, что во всем королевстве едва ли можно посадить на коней две тысячи человек[309]. К настоящему времени коневодство чрезвычайно усовершенствовалось, и почти все лошади, используемые за плугом, в телегах или экипажах, подошли бы для этой цели.

Беспорядки в Ирландии вынуждали Якова держать там войска и вводили его в немалые расходы. Рядовой пехотинец получал обыкновенно восемь пенсов в день, лейтенант — два шиллинга, прапорщик — полтора шиллинга[310]. В ту эпоху европейские армии были не столь многочисленными, а рядовой состав вербовался из более высоких слоев населения, чем ныне, приближаясь в этом смысле к офицерскому.

В 1583 году в Англии был произведен общий смотр всех мужчин, годных к военной службе; таковых, согласно Рэли, оказалось один миллион сто семьдесят две тысячи человек[311]. За точность этих расчетов поручиться нельзя, или, скорее, мы можем с основанием предположить, что они не вполне верны. Но если они близки к истине, то население Англии с тех пор заметно увеличилось Громадным был рост Лондона как по числу жителей, так и по богатству и красоте. С 1600 года его население удваивалось каждые сорок лет[312], а значит, в 1680 году в Лондоне жило в четыре раза больше народу, чем в начале века. Лондон всегда был главным центром английской торговли и почти единственным местом в стране, где можно найти хорошее общество и изысканные развлечения. Привязанность англичан к сельской жизни делает провинциальные города не слишком привлекательными для джентри, и лишь соблазны столицы, усиленные тем обстоятельством, что она является резиденцией короля, а также местопребыванием парламента и всех судов справедливости, способны взять верх над пристрастием джентльменов к своим деревенским усадьбам.

В то время почти весь Лондон был деревянным и, несомненно, представлял собой зрелище во всех отношениях безобразное. Граф Эрандел[185] первым ввел в обычай строительство зданий из кирпича[313].

ФЛОТ

В эпоху Елизаветы английский военный флот считался весьма грозным, хотя состоял он всего лишь из тридцати трех кораблей (без учета полубаркасов)[314], самые крупные из которых не могли бы сравниться с нашими кораблями четвертого класса[186]. Рэли рекомендует не строить военных кораблей водоизмещением свыше шестисот тонн[315].

Король Яков не забывал о нуждах флота. За пять лет до 1623 года он построил десять новых кораблей, расходуя на морские силы по 50 000 фунтов в год, не считая корабельного леса, поставлявшегося из королевских владений на 36 000 фунтов в год[316]. Самый большой корабль, когда-либо сходивший с английских верфей, был построен в это царствование. Водоизмещение его составляло всего лишь тысячу четыреста тонн, а вооружение — шестьдесят четыре пушки[317]. Торговые суда в случае необходимости быстро превращались в военные. Английский флот, как утверждал в парламенте король, никогда еще не находился в столь превосходном состоянии[318].

ТОРГОВЛЯ

На каждой сессии парламента в это царствование мы встречаем горестные сетования по поводу упадка торговли и усиления папизма: столь свойственно людям жаловаться на свое время и испытывать вечную неудовлетворенность своим положением. Сам король был сбит с толку этими народными жалобами и никак не мог понять, почему же в стране нет денег, о чем ему без конца твердили в палате общин[319]. Мы, однако, вправе думать, что ни в один предшествующий период английской истории не происходило более заметного роста всех выгод, характерных для процветающего народа, чем в царствование этого монарха. Не говоря уже о том, что мир, который он сохранял, сам по себе весьма благоприятствовал торговле и промышленности, Яков по своему характеру был склонен всячески поощрять мирные занятия, а поскольку коммерция находилась тогда еще в младенческом состоянии, то все усовершенствования в этой области должны были казаться тем более очевидными для любого человека, чей взор не был ослеплен мрачными предрассудками[320].

Как явствует из отчета[321], который нам кажется весьма основательным и точным, общее количество моряков, служивших в торговом флоте, составляло тогда десять тысяч человек, что, вероятно, не превышает пятой части их нынешнего числа. По словам сэра Томаса Овербери, голландцы имели в три раза больше судов, чем англичане, однако их суда были меньше по тоннажу[322]. Согласно подсчету сэра Уильяма Монсона, английский флот почти или даже вовсе не уступал голландскому[323], но это явное преувеличение. Голландцы в торговле с Англией использовали тогда шестьсот судов, англичане же в торговле с Голландией — всего лишь шестьдесят[324].

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

Список производств, которыми славились тогда англичане, показался бы довольно жалким по сравнению с теми, которые процветают в Англии ныне. Почти все сложные и тонкие виды промышленности существовали лишь за границей, преимущественно в Италии и Нидерландах. Единственными отраслями, в которых выделялись англичане, были строительство судов и литье железных пушек. Кажется, только в Англии владели секретом последнего, и каждый парламент громко возмущался тем, что английские орудия вывозятся из страны.

Девять десятых английской торговли составляли изделия из шерсти[325]. Правда, экспортировать шерсть дозволялось лишь до девятнадцатого года царствования Якова, когда ее вывоз был запрещен особой прокламацией [1588], хотя указ этот никогда строго не исполнялся. Сукно вывозилось по

большей части необработанное; окрашивали и отделывали его голландцы, получавшие на этом производстве, как утверждают, до 700 000 фунтов в год[326]. Королевская прокламация, запрещавшая вывоз сукна в таком виде, из-за отказа голландцев покупать отделанные сукна приносила в течение года весьма скверные результаты и вызвала громкий ропот; в конце концов король отменил эту меру, на которую нация жаловалась как на верх безрассудства. Кажется, она и в самом деле была преждевременной.

Даже на родине английское тонкое сукно ценились столь низко, что король вынужден был прибегать к особым уловкам, чтобы заставить светских людей его носить[327]. Производство тонкого белья оставалось в Англии совершенно неизвестным[328].

Благодаря своему патенту компания «купцов-авантюристов» обладала монопольным правом на вывоз шерстяных изделий, хотя это был основной предмет английской торговли. Предпринятая в царствование Елизаветы попытка сделать этот важный вид коммерции общедоступным сопровождалась в течение некоторого времени отрицательными результатами, так как «купцы-авантюристы» [189] сговорились прекратить всякие закупки сукна, и королева немедленно вернула им патент.

Беспочвенная боязнь подобных последствий держала нацию в рабстве у этих монопольных компаний, так сильно стеснявших все отрасли торговли и промышленности. Правда, в третий год царствования Якова парламент аннулировал патент Испанской компании [190], и торговля с Испанией, поначалу весьма незначительная, быстро стала по своему объему самой важной в королевстве. Как ни странно, парламент не вдохновился данным обстоятельством и не упразднил все прочие монопольные компании; он лишь обязал их расширить свой состав и облегчить прием новых пайщиков.

В 1622 году Яков учредил торговую палату[329]. Одной из причин этой меры названы в королевском указе слишком низкие цены на шерсть, порождавшие жалобы на упадок шерстяного производства. Вероятнее все же, что к падению цен привел рост количества шерсти на рынке. Король также поручил членам палаты исследовать и выяснить вопрос, не окажутся ли полезными для нации более широкая свобода торговли и отмена всех ограничений, связанных с монопольными компаниями. В ту пору англичан сковывали их собственные предрассудки, и король справедливо опасался идти на столь смелый шаг, последствия которого невозможно было предугадать. Членам палаты рекомендовалось также подготовить навигационный акт (сходный по своей сути со знаменитым актом, принятым впоследствии парламентом Республики). Во всем образе действий данной комиссии с ясностью обнаруживаются неограниченные полномочия, которые имел тогда обыкновение произвольно присваивать себе Тайный совет.

Для производства шелка в Англии прежде не существовало возможностей, однако по распоряжению Якова в стране начали сажать шелковицу и разводить туговый шелкопряд[330]. Успеху этого проекта, кажется,

не слишком способствует климат. Значительно увеличились в это царствование насаждения хмеля.

Считается, что примерно в это время была открыта Гренландия; китовый промысел велся там с большим успехом, однако трудолюбие и ловкость голландцев, несмотря на все противодействие, вскоре лишили англичан этого источника доходов. Была основана компания для открытия Северо-Западного пролива[191], и ради этой цели было предпринято немало попыток, оказавшихся бесплодными. В столь благородных проектах не следует отчаиваться до тех пор, пока абсолютная невозможность успеха не будет доказана с полной очевидностью.

Путь в Ост-Индию открылся для англичан в царствование Елизаветы[192], но прочные торговые связи с этими землями были установлены лишь при Якове, когда Ост-Индская компания получила новый патент, увеличила свои капиталы до 1 500 000 фунтов[331] и снарядила для этого предприятия несколько судов. В 1609 году компания построила корабль водоизмещением в тысячу двести тонн — самое крупное торговое судно, которое когда-либо знала Англия. Судьба корабля оказалась печальной: он потерпел крушение и затонул. В 1611 году большой корабль Ост-Индской компании (вместе с полубаркасом) участвовал в пяти столкновениях с португальской эскадрой, одержав полную победу над значительно превосходящими силами. В последующие годы голландская Ост-Индская компания совершила немало несправедливостей по отношению к англичанам, изгоняя английских купцов и разрушая их фактории, однако на эти насилия правительство Англии ответило в надлежащем духе. Эскадра под командованием графа Оксфорда[332] вышла в море, чтобы встретить возвращавшийся из Ост-Индии голландский флот. Противные ветры помешали Оксфорду добиться цели, и голландцы смогли ускользнуть. Спустя некоторое время вице-адмирал Мервин захватил корабль с богатым грузом, после чего голландцы согласились выплатить английской Ост-Индской компании 70 000 фунтов компенсации за понесенные ею убытки[333]. Однако ни это соглашение, ни страх пред возмездием, ни дружба, существовавшая тогда между Англией и Соединенными провинциями, не могли обуздать алчность голландской компании и заставить ее вести себя справедливо по отношению к союзникам. Желая стать единственными хозяевами торговли пряностями, которую вели они тогда совместно с англичанами, голландцы присвоили себе юрисдикцию над английской факторией на острове Амбойна, под совершенно неправдоподобным и даже нелепым предлогом захватили всех торговцев вместе с их семьями и после самых бесчеловечных пыток предали их смерти. Эти печальные вести достигли Англии в тот момент, когда интриги фаворита и предрассудки подданных вынудили Якова разорвать с Испанией, и после нескольких бесплодных протестов ему пришлось смириться с оскорблением со стороны государства, союз с которым стал для него теперь необходимостью. Весьма характерно, что английская нация почти безропотно проглотила обиду, нанесенную ей протестантскими союзниками, — обиду, которая, не говоря

уже об отвратительной жестокости самого поступка, была гораздо важнее с точки зрения национальных интересов, чем все обиды со стороны Австрийского дома, за которые англичанам так не терпелось отомстить.

Общая сумма английского вывоза с рождества 1612 до рождества 1613 года исчислялась в 2 487 435 фунтов, сумма ввоза — в 2 141 151 фунт, таким образом положительный баланс в пользу Англии составил 346 284 фунта[334]. Однако в 1622 году вывоз равнялся 2 320 436 фунтам, а ввоз — 2 619 315, что дает отрицательный баланс в 298 879 фунтов[335]. С 1619 года в королевстве было отчеканено монеты на сумму 4 779 314 фунтов[336] — доказательство того, что в целом торговый баланс складывался со значительным превышением в пользу Англии. Поскольку совокупный объем ежегодного ввоза и вывоза вырос почти до пяти миллионов, а таможенные пошлины никогда не давали более 200 000 фунтов в год (часть которых приходилась на потонный сбор), то отсюда следует, что введенные Яковом тарифы составляли в среднем менее одного шиллинга за фунт, а значит, по-прежнему оставались ниже, чем это предполагалось согласно первоначальному постановлению парламента. Ост-Индская компания обычно вывозила третью часть своих грузов в виде товаров[337]. Одним из самых доходных видов коммерции была для Англии торговля с Турцией[338]. По-видимому, в это царствование начали чеканить медные полпенни и фартинги[339]. Лавочники вели розничную торговлю преимущественно посредством жетонов из свинца. Мелкие серебряные пенсы быстро терялись, и в это время их уже нельзя было нигде найти[193].

КОЛОНИИ

Царствование Якова более всего памятно основанием английских колоний в Америке, колоний, учрежденных на самых разумных принципах, которые были когда-либо известны какой-либо нации. Испанцы, первооткрыватели Нового Света, тотчас же завладели рудниками драгоценных металлов, обнаруженных ими в этих краях; очарованные громадными сокровищами, испанцы не устояли перед соблазном и в конце концов обезлюдили как свою собственную страну, так и страны, ими покоренные, прибавив еще один порок — лень — к алчности и варварской жестокости, коими отличались их конкистадоры в этих славных предприятиях. Между тем они совершенно пренебрегли изумительным побережьем от форта Св. Августина до острова Кейп-Бретон, которое лежит в зоне умеренного климата, орошается полноводными реками и может предоставить трудолюбивому земледельцу весьма плодородные почвы — правда, и ничего больше, кроме почв. Постепенно заселяемые прибывавшими из Англии бедными и нуждающимися людьми, которые, оставаясь на родине, не могли увеличить ни ее богатства, ни народонаселения, основанные в этой прибрежной полосе колонии способствовали развитию судоходства и

подъему промышленности и даже, вероятно, умножали число жителей метрополии. Дух независимости, пробуждавшийся тогда в Англии, здесь засверкал в полном блеске, обретя новую силу в смелости и предприимчивости тех, кто, не желая мириться с монархией и государственной церковью, отправлялся искать свободу посреди этих диких пустынь.

Королева Елизавета лишь дала имя Виргинии[194], и после того как она основала там одну небольшую колонию, вскоре пришедшую в упадок, эта область была совершенно покинута англичанами. Но когда мир положил конец военным предприятиям против Испании, лишив честолюбивых людей надежд на то, что они и впредь смогут так же стремительно продвигаться к почестям и сокровищам, нация начала поддерживать мирные замыслы своего монарха и искать более надежные, хотя и не столь быстрые способы приобрести богатство и славу. В 1606 году город Ньюпорт вывел колонию и основал поселение, а учрежденная королевским патентом для этой цели в Лондоне и Бристоле компания ежегодно обеспечивала его провиантом, орудиями труда и новыми партиями поселенцев[195]. Около 1609 года Аргал открыл более прямой и короткий путь в Виргинию; он отказался от маршрута прежних мореплавателей, которые сначала брали курс на юг к тропику, после чего, пользуясь пассатами, шли на запад, а затем поворачивали к северу и таким образом достигали английских поселений[196]. В том же году в Виргинию отправились пятьсот человек во главе с сэром Томасом Гейтсом и сэром Джорджем Сомерсом. Корабль Сомерса попал в шторм и был занесен к Бермудским островам, где его команда основала поселение. Впоследствии управление английскими колониями перешло к лорду Делавэру[197], однако несмотря на все его усилия, подкрепленные денежной помощью со стороны Якова, а также средствами, вырученными от первой в стране лотереи, освоение этих краев сопровождалось такими трудностями, что из всех отправленных туда поселенцев к 1614 году в живых оставалось не более четырехсот человек. Обеспечив себя продуктами, необходимыми для поддержания жизни, новые плантаторы начали разводить табак, и Яков, несмотря на свою нелюбовь к этому растению, губительному, как он утверждал, и для здоровья, и для добрых нравов[340], разрешил колонистам ввозить его в Англию, запретив особой прокламацией импорт табака из Испании[341]. Постепенно на этом континенте возникали новые колонии, давая новые имена тем местностям, где они появлялись, так что название Виргиния осталось лишь за первой заселенной англичанами территорией. В это царствование была также основана колония на острове Барбадос.

Мыслители, склонные к отвлеченным теориям, выдвигали тогда немало доводов против основания этих далеких колоний, предсказывая, что они, истощив население собственной метрополии, вскоре сбросят ее иго и учредят в Америке независимое правление, однако время доказало, что более основательных и справедливых взглядов держались те, кто всячески поощрял эти смелые и благородные предприятия. Благодаря мягкому правлению и сильному флоту Англия до сих пор сохраняет власть над

своими колониями и способна сохранять ее еще в течение некоторого времени. А судоходство и коммерция получают от них столько выгоды, что, согласно подсчетам, более четверти английских судов используется ныне в торговле с американскими поселениями.

В старину земледелие в Англии было довольно примитивным. Столь часто упоминаемые историками резкие скачки от самых низких до самых высоких цен на зерно, а также громадные колебания его стоимости в разные годы в достаточной мере доказывают, что урожай тогда всецело зависел от погоды и что искусство еще ничего не сделало, чтобы защитить поля от ниспосылаемых небесами бедствий. При Якове важные усовершенствования были произведены в большинстве искусств, в том числе и в этом, самом полезном из всех. Книги и брошюры о сельском хозяйстве, написанные в ту эпоху, могли бы составить обширный каталог. Однако в отношении хлеба насущного страна по-прежнему зависела от чужеземцев, и хотя в наше время, несмотря на вероятный рост народонаселения, вывоз зерна составляет важную отрасль ее торговли, в тот период зерно регулярно ввозилось из Прибалтики и Франции; когда же закупки его вдруг прекращались, Англия испытывала самые тяжелые последствия. Сэр Уолтер Рэли в своих «Замечаниях» подсчитал, что на зерно тратилось до двух миллионов в год. Вывоз хлеба из Англии был разрешен лишь в пятый год царствования Елизаветы, и, как указывает Кэмден, с этого момента сельское хозяйство стало развиваться с новой силой и энергией.

Усилия, предпринятые королем Яковом, а точнее, всей нацией, для содействия торговле и промышленности, увенчались бóльшим успехом, чем старания поощрить науки и словесность. Хотя этот век отнюдь не испытывал недостатка в выдающихся авторах, в целом тогда преобладал чрезвычайно дурной вкус, да и сам монарх был им заражен в немалой степени.

НАУКИ И ИСКУССТВА

В эпоху зарождения литературы у греков дух первых поэтов и ораторов отличался, как и следовало ожидать, изумительной простотой, которая, несмотря на сопутствующую ей порой грубоватость, столь удачно выражает подлинные движения природы и страстей, что проникнутые ею сочинения навсегда остаются драгоценными для сведущей части рода человеческого. Эффектные риторические фигуры, вычурные антитезы, неестественные образы, игра созвучиями — подобные ложные украшения не использовались древними авторами не потому, что те от них сознательно отказывались, а потому, что они едва ли приходили им на ум. Произведения их исполнены свободного и непринужденного чувства, хотя в то же время можно отметить, что посреди самой изящной простоты мысли и выражения мы порой с удивлением встречаем весьма скверные места,

попавшие в текст как бы против воли автора, который не смог их отвергнуть, ибо не приобрел еще необходимой тонкости критического суждения[342]. За эти суетные прикрасы жадно хватается дурной вкус, а иногда, пожалуй, и хороший — пока не пресытится ими вполне; в модных сочинениях они множатся с каждым днем, природа и здравый смысл оказываются в опале, вымученные искусственные украшения вызывают восторг, и в конце концов совершенная порча слога и языка открывает дорогу варварству и невежеству. Отсюда — азиатская манера, так далеко уклонившаяся от афинской ясности и простоты; отсюда же — заметная у многих римских авторов риторическая мишура, от которой не вполне свободен сам Цицерон и которая столь явно преобладает у Овидия, Сенеки, Лукана, Марциала и обоих Плиниев[201].

В начальный период возрождения словесности, пока вкус общества остается грубым и непросвещенным, этот ложный блеск очаровывает взоры, не оставляя места ни в поэзии, ни в красноречии для истинных красот здравой мысли и живого чувства. Господствующий дух этого времени прямо противоположен тому, который царил в древности, в эпоху возникновения искусств. Совершенно очевидно, что итальянские писатели, даже самые прославленные, не достигли надлежащей простоты мысли и слога; неестественные образы и пустая игра ума слишком явно преобладают у Петрарки, Тассо и Гварини[202]. Период, в течение которого у итальянцев свободно развивалась литература, оказался столь кратким, что они едва ли могли исправить этот испорченный вкус.

Подобного упрека заслуживают и ранние французские авторы. Вуатюр, Бальзак и даже Корнель[203] были слишком неравнодушны к этим претенциозным украшениям, коих образы доставляли им в таком изобилии итальянцы, а также те из древних, кто менее всего отличался ясностью и простотой. И лишь совсем недавно благодаря размышлению и наблюдению у этого изящного народа наметился поворот к более естественному складу мысли и речи.

То же самое можно сказать и о первых английских авторах, творивших в царствования Елизаветы и Якова и даже в гораздо более поздние времена. Науки и искусства, возродившись на нашем острове, облеклись в те странные одеяния, которые носили они у греков и римлян в эпоху своего упадка. К тому же, и это можно счесть великим несчастьем, английские авторы обладали гением еще до того, как появилось у них сколько-нибудь вкуса, и потому как бы освятили и узаконили своим дарованием столь любимые ими неестественные обороты. Их уродливые образы и дикие выражения проникнуты, однако, такой силой духа, что создавшей их фантазией мы восхищаемся в такой же мере, в какой порицаем недостаток здравого суждения, из-за которого они не были отвергнуты. Тщательный критический разбор писателей той эпохи вышел бы за пределы наших намерений, однако краткая характеристика самых выдающихся, представленная с той же откровенностью, с какой трактует история о королях и министрах, кажется, не будет излишней. Возможно, господству-

ющие национальные предрассудки сделают первый вид беспристрастия не вполне безопасным для автора

Если рассматривать Шекспира как ЧЕЛОВЕКА, родившегося в грубую эпоху, получившего самое низкое воспитание, не просвещенного знакомством с книгами и с миром, то его можно счесть чудом; если же взглянуть на него как на ПОЭТА, который призван доставлять истинное наслаждение публике умной и тонкой, то славословия в его адрес придется сильно умерить Мы с грустью видим, что многочисленные неправильности и даже нелепости в его пьесах так часто обезображивают перемешанные с ними великолепные картины, исполненные страсти и истинного одушевления, и в то же время мы, пожалуй, еще сильнее восхищаемся этими красотами оттого, что встречаем их в окружении подобных уродств Как бы по вдохновению Шекспир нередко улавливает и передает поразительную оригинальность чувства, свойственную необыкновенным характерам, однако спокойная точность мысли не дается ему никогда. Он изобилует сильными выражениями и живописными описаниями, но тщетно стали бы мы искать у него ясности и простоты поэтического слога. Совершенное незнание им всяких законов театрального искусства есть важный изъян, но поскольку задевает он скорее зрителя, нежели читателя, то мы можем простить его с большей легкостью, чем недостаток вкуса, который так часто дает о себе знать в его произведениях и лишь временами отступает перед яркими вспышками гениальности. Несомненно, он обладал огромным и плодовитым талантом, одинаково пригодным и к трагическому, и к комическому роду, и все же именно Шекспира следует приводить в доказательство того, сколь рискованно полагать, будто эти преимущества сами по себе позволяют достичь совершенства в изящных искусствах[343]. И у нас может даже остаться сомнение, не преувеличиваем ли мы истинные размеры его гения, ведь уродливые и бесформенные тела часто кажутся более громадными, чем они есть на самом деле Умер он в 1616 году в возрасте пятидесяти трех лет.

Джонсон [205] обладал всей той эрудицией, которая отсутствовала у Шекспира, но был напрочь лишен таланта, коим обладал последний. Изящества и вкуса, правильности и гармонии им обоим недоставало в равной мере. Рабский подражатель древним, Джонсон перевел скверным английским языком прекрасные фрагменты греческих и римских авторов, нисколько не приспособив их к нравам своего века и своей страны. Заслуги Джонсона совершенно померкли перед достоинствами Шекспира, чей грубый гений восторжествовал над грубым искусством его современника. С тех пор английский театр носит на себе сильнейший отпечаток духа и стиля Шекспира, и потому английская нация слышит от всех своих соседей упреки в варварстве, от которых в противном случае могли бы ее избавить ценные произведения в других родах знания и словесности Джонсон получал от короля пенсию в сто марок, впоследствии увеличенную Карлом до ста фунтов. Умер он в 1637 году в возрасте шестидесяти трех лет

Ферфакс перевел Тассо [206] и сделал это с изяществом, легкостью и вместе с тем точностью, для той эпохи воистину удивительными. Каждая строка оригинала верно предается соответствующей строкой перевода. Перевод Ариосто, выполненный Гаррингтоном [207] также не лишен достоинств. Жаль только, что упомянутые поэты старались копировать итальянскую строфу с ее многословием и однообразием, неприятными в больших произведениях. В остальном же они, как и их предшественник Спенсер [208], сильно способствовали тому, чтобы английский стих стал более чистым и изящным.

В сатирах Донна [209], если тщательно их рассмотреть, можно обнаружить кое-какие проблески мысли и искусства; их, однако, совершенно удушает и губит слог своей неуклюжей тяжеловесностью.

Если английская поэзия оставалась в ту эпоху столь необработанной и несовершенной, то можно с основанием предположить, что английская проза вызовет замечания еще более серьезные. Хотя, на первый взгляд, писать прозой легче, ибо это более естественный способ выражения, однако в действительности хорошая проза всегда оказывалась делом более трудным и встречалась реже, и едва ли в каком-либо языке существует хотя бы один пример того, чтобы проза сумела достичь известной высоты до усовершенствования поэтической речи и стихотворной техники. В царствование Якова английскую прозу сочиняли без особого почтения к правилам грамматики и с полным пренебрежением к изяществу и гармонии периода. Перегруженная латинскими цитатами и сентенциями, она ко всему прочему упорно копировала инверсии, которые в древних языках звучат сильно и красиво, однако совершенно противоречат духу английского. Я даже рискну предположить, что все неуклюжие фразы и тяжеловесные обороты, встречающиеся в старых книгах, объясняются главным образом неразвитым вкусом авторов и что разговорный язык двора Елизаветы или Якова немногим отличался от того, который слышим мы в хорошем обществе ныне. Отрывки выступлений, сохранившиеся в протоколах парламента, столь далекие по своему стилю от тщательно составленных речей, кажутся мне достаточным доказательством данного утверждения, к тому же мы располагаем многочисленными произведениями той эпохи, которые, будучи написаны лицами, не являвшимися профессиональными литераторами, сохраняют простоту и естественность тона и могут дать нам известное понятие о языке, на котором говорили светские люди. Упомяну, в частности, «Открытие» Джона Дэвиса, а также письма Трогмортона, Эссекса и Невила. «Жизнь кардинала Вулси» Кавендиша, сочинения, оставшиеся после епископа Гардинера, и письмо Анны Болейн к королю (относящиеся к более раннему периоду) почти или вовсе не отличаются от современного языка [210].

Великую славу литературы нашего острова составлял в царствование Якова лорд Бэкон. Бóльшая часть его трудов написана на латыни, хотя он не обладал изяществом слога ни на этом, ни на своем родном языке. Если

принять в расчет разнообразие талантов, которые обнаружил Бэкон — публичный оратор, государственный деятель, остроумный собеседник, придворный, автор, философ, — то он по справедливости вызовет у нас глубокое восхищение Если же рассмотреть его лишь как писателя и философа — а именно с этой точки зрения подходим мы к нему сейчас, — то Бэкон, хотя и останется весьма значительной фигурой, все же уступит своему современнику Галилею [211] и даже, вероятно, Кеплеру [212] Бэкон указал со стороны путь к истинной философии, Галилеи же не только указал его другим, но и сам по нему далеко продвинулся Англичанин был несведущ в геометрии, флорентинец возродил эту науку, добился в ней выдающихся успехов и стал первым, кто применил ее (вместе с экспериментальным методом) в естественной философии Бэкон с крайним пренебрежением отверг систему Коперника [213], Галилей подкрепил ее новыми доказательствами, почерпнутыми как из разума, так и из чувств Слог Бэкона жесток и тяжел, его остроумие, часто блестящее, все же нередко бывает вымученным, и, кажется, именно от него пошли все эти вычурные сравнения и заумные аллегории, столь характерные для английских писателей, между тем Галилей — автор легкий, живой, приятный, хотя порой несколько многословный Однако Италия, не объединенная под общей властью и, вероятно, уже пресыщенная литературной славой, которой она обладала и в древности, и в новое время, слишком пренебрегает тои славой, которой удостоилась она, породив столь великого мужа Национальная гордость — чувство, преобладающее среди англичан, коему предаются они с великим удовольствием, — есть причина того, что всех своих знаменитых авторов, и среди прочих — Бэкона, англичане осыпают похвалами и славословиями, которые часто могут показаться чрезмерными и пристрастными Бэкон умер в 1626 году в возрасте шестидесяти пяти лет

Если читателю «Истории» Рэли достанет терпения, чтобы пробраться через дебри иудейской и раввинской учености, составляющие добрую половину книги, то, дойдя до греков и римлян, он обнаружит, что усилия его не были напрасны Рэли — лучший образец того старинного слога, который так хочется возродить иным современным авторам Он был обезглавлен в 1618 году, в возрасте шестидесяти шести лет

«Историю королевы Елизаветы» Кэмдена [214] можно счесть хорошим сочинением как по форме, так и по содержанию Она написана простым и ясным слогом, весьма редким в те времена, и с чувством уважения к истине Не будет, вероятно, преувеличением сказать, что она принадлежит к числу лучших исторических трудов, когда-либо созданных в Англии Хорошо известно, что англичане не слишком блистали в этом роде литературы Кэмден умер в 1623 году в возрасте семидесяти трех лет

Самого же короля мы упомянем последним среди английских авторов, ибо, если рассматривать Якова как писателя, то это и будет его место Можно с уверенностью утверждать, что посредственность литературных талантов Якова, вместе с решительной переменой во вкусах нации, явля-

ется одной из причин того пренебрежения к его памяти, в котором иные партийные писатели нередко доходят до крайности. Замечательно, сколь отличным от нашего было отношение древних к словесности. Из двадцати первых римских императоров, от Цезаря до Севера [215], более половины были писателями, и хотя, вероятно, лишь немногие из них по-настоящему отличились на этом поприще, в похвалу им всегда отмечалось то обстоятельство, что они поддерживали литературу собственным примером. Не говоря уже о Германике и его дочери Агриппине [216], лицам, так близко стоявшим к трону, большинство классических авторов, чьи труды дошли до нас, занимали самое высокое положение в обществе. А поскольку всякое преимущество в человеческой жизни сопровождается каким-то неудобством, то перемену в воззрениях людей в данном вопросе можно, вероятно, объяснить открытием книгопечатания, которое сделало книги настолько распространенными, что они стали доступны даже весьма небогатым лицам.

Можно согласиться с тем, что Яков не был выдающимся автором, однако никоим образом нельзя утверждать, что он был писателем совершенно бесталанным. Всякий, кто прочтет его «Basilicon Doron» (особенно две последние книги), «Истинный закон свободных монархий», ответ кардиналу Перрону [217] и почти все его речи и послания к парламенту, признает, что он обладал немалыми дарованиями. Положим, Яков писал о ведьмах и привидениях — но кто в ту эпоху отрицал реальность этих воображаемых существ? Он сочинил комментарий к Апокалипсису и доказывал, что папа — антихрист, но разве нельзя подобный же упрек адресовать знаменитому Напиру и даже Ньютону [218], жившим в те времена, когда успехи познания были гораздо более значительными, чем в царствование Якова? От грубости суеверий данной эпохи можно перейти к ее невежеству, однако мы не вправе объявлять безумцем отдельного человека из-за того, что он разделял общие заблуждения своего народа, освященные видимостью религии.

Литературные труды обладают таким превосходством над всеми прочими занятиями, что даже тот, кто достиг на этом поприще весьма посредственного уровня, заслуживает предпочтения перед теми, кто добился самых выдающихся успехов в обычных профессиях. Спикер палаты общин — это, как правило, знаменитый юрист, и однако торжественную речь Его Величества в каждом парламенте его царствования непременно сочтут гораздо более замечательной, чем выступление спикера.

Следует признать, что все науки, подобно изящной словесности, находились тогда еще в младенчестве. Развитие истинных познаний тормозили схоластическая ученость и политическое богословие. В преамбуле к акту, в котором назначалось жалованье профессорам математики и астрономии в Оксфорде, сэр Генри Сэвил утверждал, что геометрия была в Англии почти совершенно заброшена и никому не известна[344]. Наиболее разработанный род знаний составляло тогда изучение древних. Яков пригласил из Франции Казобона [219], прославившегося в этой области, и по-

ощрил его ежегодной пенсией в 300 фунтов, а также высокими церковными должностями[345]. Знаменитый Антонио ди Доминис, архиепископ Спалатро [220] и не последний из философов, также прибыл в Англию, доставив великое торжество нации, сумевшей обратить в свою веру столь важного паписта. Вскоре, однако, последовало разочарование: архиепископ, хотя и несколько продвинулся по духовному ведомству[346], не получил поощрения, сообразного его амбициям; он бежал в Италию, где и умер в тюрьме.

Глава VI

КАРЛ I

Парламент в Вестминстере. — Парламент в Оксфорде. — Морская экспедиция против Испании. — Второй парламент. — Обвинение Бекингема. — Незаконные меры двора. — Война с Францией. — Экспедиция на остров Ре.

ПАРЛАМЕНТ В ВЕСТМИНСТЕРЕ

Приняв в свои руки бразды правления (27 марта), Карл тотчас же высказал горячее желание собрать высший совет нации и, чтобы не терять времени, готов был созвать тот самый парламент, который заседал при его отце, а теперь находился на каникулах. Однако ему было указано, что подобная мера покажется необычной, и потому он издал распоряжение о созыве 7 мая нового парламента. Ввиду приезда в Англию принцессы Генриетты король вынужден был (не без сожаления) несколько раз переносить его открытие, пока, наконец, 18 июня парламент не собрался в Вестминстере и не приступил к работе. Молодой государь, неопытный и наивный, считал совершенно искренними все те похвалы и ласки, коими его так щедро осыпали тогда, когда он энергично добивался разрыва с Австрийским домом. Король сильно нуждался в средствах и с нетерпением ожидал той минуты, когда он сможет получить бесспорные доказательства преданности своих послушных долгу подданных. Его речь к парламенту была исполнена простодушия и сердечности. Он весьма бегло упомянул о тех причинах, которые имелись у него для постановки вопроса о субсидиях[347]. Он не стал прибегать к интригам, чтобы повлиять на итоги голосования. Он даже не позволил должностным лицам короны, имевшим места в палате, называть какую-либо определенную сумму, на которую он мог бы рассчитывать. Твердо убежденный в любви общин, король решил, что их щедрый дар должен быть всецело их собственным деянием, которо-

го не просят и не требуют, иначе говоря — истинным плодом безусловного доверия и глубокого почтения к его особе.

Итак, палата общин занялась вопросом об ассигнованиях королю. Общины знали, что все средства, предоставленные последним парламентом, ушли на сухопутные и морские вооружения и что на эти цели уже была истрачена немалая часть будущих доходов короны. Им было небезызвестно, что Карл обременен крупными долгами, которые сделал его отец, бравший взаймы как у собственных подданных, так и у чужеземных государей. Они узнали на опыте, что государственных доходов едва хватает на то, чтобы поддержать достоинство короны даже при обычном уровне расходов на управление. Они понимали, что нынешняя война стала результатом их собственных настойчивых просьб и требований, и помнили о своем торжественном обязательстве поддержать государя в этом деле. Они уже постигли, сколь трудны военные предприятия, направленные против всего Австрийского дома — короля Испании, располагавшего более крупными средствами и обширными владениями, чем любой другой государь Европы, и императора Фердинанда, до сих пор самого удачливого монарха эпохи, который усмирил Германию, изумив ее быстротой своих побед. Они видели, что английскому мечу придется немало потрудиться и что нужно будет вести энергичную наступательную войну против этих могущественных властителей, прежде чем они согласятся возвратить княжество, которое они уже совершенно себе подчинили и которое, будучи со всех сторон окружено прочими их владениями, находилось теперь под их полным контролем.

И вот, для того чтобы обеспечить осуществление всех этих важных и обширных планов, чтобы исполнить первую просьбу своего молодого короля, чтобы доказать, сколь живо чувствует она великие царственные достоинства Карла и особенно его бережливость, палата общин, руководимая самыми мудрыми и опытными сенаторами, когда-либо украшавшими собой Англию, сочла нужным выделить королю две субсидии, составившие в общей сложности 112 000 фунтов[348].

Этот шаг, в котором заметна скорее жестокая насмешка над Карлом, нежели сколько-нибудь серьезное желание ему помочь, кажется, если рассмотреть его во всех деталях, поразительным, и потому естественным образом приковывает наше внимание, побуждая разобраться в причинах поступка, беспримерного в истории английского парламента. Столь многочисленное собрание, состоявшее из лиц, весьма несходных по своим характерам и взглядам, не могло, очевидно, действовать под влиянием общих мотивов, о подлинных же своих целях открыто заявили лишь немногие из его членов. А значит, мы приблизимся к истине, если перечислим все побуждения, которые могли у них возникнуть при тогдашних обстоятельствах.

Многими, несомненно, руководили злоба и недоброжелательство по отношению к герцогу Бекингему. Столь стремительное возвышение, столь щедрые — и так мало заслуженные — дары фортуны не могли не вызвать

в обществе зависть, и хотя на известное время — пока казалось, что действиями своими герцог потакает страстям и предрассудкам англичан — злобное чувство утихло, сохранить любовь народа надолго он был не в силах. Над скромным Карлом Бекингем имел даже больше власти, чем над безвольным Яковом, и все правительственные меры принимались теперь лишь по его советам и указаниям. Пылкий и неистовый нрав заставлял герцога внезапно возносить на необыкновенную высоту своих льстецов и клевретов, а при малейшем поводе для недовольства столь же резко и стремительно сбрасывать их с вершины. Неумолимый в ненависти, непостоянный в дружбе, Бекингем смотрел на людей как на своих врагов либо опасался, что они ими вскоре станут. Всецело завладев доверием короля и сосредоточив в своем единственном лице важнейшие государственные должности, он держал теперь в своих жадных руках всю власть над страной.

Но как бы ни усиливали раздражение общин данные обстоятельства, нам не следует считать их единственными мотивами. Последний парламент Якова, посреди всех своих восторгов и ликований, предоставил *королю средства, совершенно несоразмерные его просьбам и требованиям* момента. А поскольку каждый из парламентов, избиравшихся в продолжение сорока лет, наследовал все страсти и принципы своих предшественников, то объяснять это упрямство нужно скорее состоянием королевства в течение всего указанного периода, нежели какими-либо особыми обстоятельствами, связанными с данным эпизодом.

В ту эпоху нация еще не привыкла нести бремя налогов и никогда не открывала по-настоящему свои кошельки в помощь монарху. Даже Елизавета, несмотря на всю свою энергию и бережливость, несмотря на неизбежные войны, в которые она была вовлечена, имела веские основания жаловаться на общины в этом пункте, и никогда ее власть, в прочих отношениях почти абсолютная, не могла вырвать у них необходимые средства. Мы видим, что людьми управляет во всем скорее привычка, нежели разум, и потому, хотя падение величины субсидий следовало считать убытком для короля, парламент, подчиняясь обычаю, не желал в соответствующей пропорции увеличить их число.

Пуританская партия[221], пусть даже замаскированная, обладала немалым весом в стране, и многие вожди палаты общин втайне исповедовали непримиримые догмы этой секты. Все они ненавидели двор — как под влиянием принципов гражданской свободы, столь важных для их партии, так и по причине стеснений, которые терпели они со стороны англиканской иерархии. Чтобы обрести опору перед лицом немилости Якова, Бекингем стал изображать себя сторонником народных интересов и вошел в сговор с пуританами, однако впоследствии, убедившись в доверии Карла, оставил эту партию и по этой причине вызывал у нее теперь тем бóльшую ненависть и негодование. Религиозные идеи и стремления многих пуритан, если изложить их с ясностью, кажутся довольно-таки пустыми и нелепыми, но отсюда не следует, что разделяли их одни лишь глупые и недалекие

люди. Иные из самых талантливых и образованных мужей, которых производила в ту пору английская нация, не могли обрести душевный покой только потому, что их принуждали слушать молитвы, возносимые к Божеству священником в белой льняной ризе.

Французское сватовство и статьи в пользу католиков, включенные, как подозревали многие, в брачный договор, также вызывали недовольство всей этой партии, хотя следует заметить, что брачный союз с французской короной в целом казался менее отвратительным для протестантов и менее желанным для католиков, чем замышлявшийся прежде соответствующий союз с Испанией, а потому встречен был скорее с удовлетворением, чем с досадой.

Ко всем этим причинам следует прибавить еще одну, и весьма существенную. Можно отметить, что палатой общин почти всецело управляла группа лиц, наделенных блестящими способностями и строивших весьма обширные планы, лиц, уже составивших тогда самую настоящую партию и связанных воедино как ясными и четкими целями, так и лишениями, которые в борьбе за эти цели некоторым из них пришлось претерпеть. Здесь можно назвать имена сэра Эдуарда Кока, сэра Эдвина Сэндиса, сэра Роберта Филипса, сэра Френсиса Сеймура [222], сэра Дадли Диггса, сэра Джона Элиота, сэра Томаса Уэнтворта [223], м-ра Селдена и м-ра Пима. Одушевленные пылкой ревностью к делу свободы, эти благородные патриоты с горечью взирали на неограниченную власть, присвоенную монархом, и теперь решили воспользоваться случаем, который предоставили им материальные затруднения короля, чтобы заключить его прерогативу в более разумные пределы. Хотя их предшественники, безрассудно подчинившиеся порядкам и прецедентам, выгодным для монархической власти, сумели все же сохранить жалкие остатки свободы, нынешние вожди палаты общин полагали, что если все эти притязания превратятся в систему и если их станут осуществлять методично, используя возросшие познания века, то сохранить хоть какую-то тень народного правления перед лицом столь громадных полномочий монарха будет уже совершенно невозможно. Нужно было сделать выбор: либо раз и навсегда отказаться от всех прав народа, либо оградить их бастионами более прочными и определенными, чем те, коими защищала их тогдашняя конституция. Оказавшись перед подобной альтернативой, столь смелые по своему духу и столь независимые по своим средствам люди долго колебаться не могли: они бесстрашно встали на сторону свободы и решили не давать денег своему нуждающемуся государю, не добившись вначале уступок в пользу гражданских вольностей Цель эту они считали благородной и полезной, средства — законными и согласными с конституцией, ведь утверждать ассигнования или отказывать в них королю было несомненным правом общин. А поскольку все человеческие правления, и особенно смешанные, подвержены постоянным колебаниям, то, по мнению вождей парламента, для народных собраний было столь же естественным и допустимым пользоваться благоприятными обстоятельствами ради защиты интересов под-

данных, как для монарха — пользоваться ими для того, чтобы расширять собственную власть. Они радовались, видя, что король оказался вовлеченным в войну за границей, которая с каждым днем усиливала его зависимость от парламента, тогда как географическое положение королевства само по себе, даже без всяких военных приготовлений, в достаточной мере защищало его от любых иноземных вторжений. И, может быть, отчасти из-за подобных видов народные вожди так настойчиво добивались разрыва с Испанией: трудно поверить, будто религиозный пыл мог их всех ослепить настолько, чтобы в этом шаге они сумели разглядеть хоть какую-то необходимость или какие-либо надежды на успех.

Но сколь естественными ни казались бы эти взгляды для партии страны, не следует думать, будто те же мнения мог принять Карл. Сильнейшим образом расположенный в пользу герцога, которого, как он сам слышал, до небес превозносили в последнем парламенте, король был не в силах уразуметь причину столь резкой перемены в настроении общин. А когда война, которой они так упорно добивались, наконец началась, мгновенное охлаждение парламента к своему государю не могло не выглядеть чрезвычайно странно Даже если бы он не подозревал ни о каких иных мотивах, отказ предоставить необходимые средства должен был в подобных обстоятельствах показаться королю жестоким и вероломным актом, но когда Карл понял, что шаг этот проистекает из стремления посягнуть на его полномочия, он счел эти пригязания преступными и изменническими. Высокое понятие о власти монарха, чрезвычайно распространенное в ту эпоху и казавшееся столь убедительным из-за двусмысленной природы английской конституции, прочно укрепилось в сознании Карла, и каким бы сдержанным и мягким ни был он по своему характеру, естественные и ничем не устранимые мотивы себялюбия, вместе с прецедентами из недавней истории, единогласно свидетельствовавшими в пользу прерогативы, заставляли короля считать свои политические принципы абсолютно истинными и неопровержимыми. Даже в старинных законах и конституции он видел скорее некие общие линии, с которыми должны сообразовываться его действия, нежели барьеры, призванные противостоять его власти, а потому тайный сговор с целью воздвигнуть новые бастионы, ограничивающие его полномочия, казался ему чем-то очень близким к подстрекательству и мятежу. Сей умысел был в глазах короля столь диким и ужасным, что он, видимо, даже не пожелал открыто вменить его в вину общинам, и хотя Карлу пришлось отложить заседания парламента (11 июля) по причине свирепствовавшей тогда в Лондоне чумы[324], вскоре он вновь собрал парламент в Оксфорде (1 августа) и сделал еще одну попытку вытребовать столь необходимые ему средства.

ПАРЛАМЕНТ В ОКСФОРДЕ

На сей раз Карлу пришлось отступить от деликатной сдержанности, которой держался он прежде. Лично или через своих министров он вошел в подробные разъяснения касательно союзов, им заключенных, и военных операций, им задуманных[349]. Он сообщил парламенту, что обещанием субсидий ему удалось привлечь к участию в войне короля Дании; что этот монарх намерен вступить на территорию Германии с севера и призвать к оружию князей, с нетерпением ожидающих возможности выступить на защиту имперских свобод; что Мансфельд обязался проникнуть с английской армией в Пфальц и поднять членов Евангелической Унии; что следует оказать помощь Нидерландам в их неравной борьбе с Испанией, что на все эти цели, согласно подсчетам, нужно не менее 700 000 фунтов в год; что содержание флота и оборона Ирландии требуют еще 400 000 фунтов ежегодно; что сам он уже истратил на государственные нужды все свои нынешние и будущие доходы, и теперь у него едва хватает средств на пропитание собственного семейства[350]; что при восшествии на престол он унаследовал долг в 300 000 фунтов, сделанный его отцом ради поддержки пфальцграфа; что сам он, будучи еще принцем Уэльским, несмотря на великую свою бережливость, делал долги, составившие 70 000 фунтов, которые были полностью израсходованы на армию и флот. Упомянув все эти обстоятельства, король снизошел до прямых упрашиваний. Он сказал, что это — первая просьба, с которой он когда-либо обращался к парламенту; что сам он еще молод и только начинает царствовать и что если сейчас он встретит доброе расположение и верноподданническое послушание, то это внушит ему любовь к парламенту и навсегда сохранит полное согласие между ним и его народом[351].

Общины остались глухи к этим доводам. Хотя предпринятые королем меры ввиду войны за границей, которой они сами беспрестанно требовали, были совершенно необходимы, парламент упорно отказывался выделить какие-либо дополнительные средства. Некоторые члены, расположенные в пользу двора, настаивали на том, чтобы к уже утвержденным суммам прибавить две «пятнадцатые», но даже в этой малости им было отказано[352], хотя общины прекрасно знали, что армия и флот в Портсмуте испытывают жестокий недостаток в провианте и не получают жалованья и что Бекингем, адмирал и казначей флота, уже истратил на нужды морских сил около 100 000 фунтов в счет будущих парламентских ассигнований[353]. Вдобавок к уже имевшимся мотивам для недовольства палата общин сделала одно открытие, которое, поскольку палате нужен был в сущности лишь предлог для отказа, вызвало у нее бурный гнев против двора и герцога Бекингема.

Когда Яков разорвал союз с Испанией и стал добиваться соглашения с Францией, он пообещал передать Людовику, совершенно лишенному военно-морских сил, один военный корабль и семь вооруженных купечес-

ких судов. Французское правительство утверждало, что намерено использовать их против генуэзцев: последние были верными и полезными союзниками испанской монархии, и короли Англии и Франции смотрели на них, разумеется, очень косо. Когда же эти корабли прибыли по приказу Карла в Дьепп, возникло сильное подозрение, что их отправят против Ла-Рошели. Матросы воспылали гневом. Эта порода людей, в наше время совершенно невежественная в вопросах религии и вполне к ним равнодушная, тогда была всего лишь невежественной. Они составили протест Пеннингтону, своему начальнику, и, подписав свои имена в форме круга, чтобы он не смог установить зачинщиков, подложили бумагу под его молитвенник. Пеннингтон заявил, что скорее даст себя повесить в Англии за неповиновение, чем станет сражаться со своими братьями-протестантами во Франции. Вся эскадра тотчас же ушла в Англию. Там она получила от лорда-адмирала Бекингема новый приказ вернуться в Дьепп. Понимая, что одной лишь власти начальника окажется недостаточно для того, чтобы привести экипажи к повиновению, герцог употребил немало хитрых уловок, к тому же ему помог распространившийся тогда слух о мире, якобы заключенном между французским королем и гугенотами. Но, прибыв в Дьепп, моряки обнаружили, что их обманули. Сэр Фердинанд Горджес, капитан одного из кораблей, вырвался из Дьеппа и ушел в Англию. Все матросы и офицеры с остальных судов, несмотря на заманчивые предложения французов, тотчас же дезертировали. Только один канонир предпочел делу религии долг по отношению к королю; впоследствии он погиб у Ла-Рошели, заряжая орудие[354]. То, что историки потрудились увековечить столь мелкий факт, показывает, с каким удовольствием восприняла нация это известие.

Когда палате общин стало известно об этих событиях, она обнаружила ту же преданность протестантской религии, что и английские матросы, а великое ее усердие подчинялось разуму и соображениям здравой политики не в большей мере, чем у этих последних. Парламент не принял в расчет, что король и герцог скорее всего сами были обмануты уловками французов; что никаких враждебных замыслов против гугенотов они не питали; что если бы даже дело обстояло иначе, их поступки можно было оправдать самыми очевидными и общепризнанными законами политики; что если мощь Испании действительно была столь громадной, как это воображали общины, то французский король как раз и был единственным государем, способным остановить ее дальнейший рост и поддержать европейское равновесие; что в настоящее время его по рукам и ногам связывали гугеноты, которые, имея многочисленные привилегии и даже собственные крепости, составляли государство в государстве; что в этот самый момент открытый и беспричинный мятеж подняли их вожди, которые, потерпев неудачу в каких-то придворных интригах, не преминули воспользоваться всегда имевшимся у них под рукой предлогом защиты религии, чтобы оправдать свой бунт; что голландское правительство, движимое политическими мотивами, уже отдало приказ эскадре из двадцати кораб-

лей присоединиться к французскому флоту, действовавшему против Ла-Рошели[355], что испанский король, руководствуясь теми же соображениями, тайно помогал во Франции протестантам, и что все монархи во все времена приносили в делах иностранной политики собственную религию в жертву государственным интересам Но эти очевидные доводы никакого действия не возымели парламент по-прежнему выражал бурное недовольство Хотя ни малейших оснований жаловаться на французское правительство у гугенотов не было, общинам казалось, что гугеноты вправе рассчитывать на помощь Англии, как если бы они подняли оружие для защиты своих вольностей и своей веры от жестоких преследований со стороны католиков Из этого и из многих других эпизодов с полной очевидностью явствует, что среди всех европейских наций именно британцы находились тогда (да и долгое время спустя) под самым сильным влиянием того религиозного духа, который скорее разжигает слепой фанатизм, чем способствует миру и взаимному благожелательству

По этому случаю общины возобновили свои вечные жалобы на рост папизма, который всегда был главным, а теперь стал единственным поводом для их недовольства[356] Они потребовали строгого исполнения законов против католиков и возмутились тем, что в последнее время несколько священников-папистов были помилованы[357] Они обрушились на Монтегю, одного из королевских капелланов, из-за опубликованной им недавно весьма умеренной по своему духу книги, в которой — к великому негодованию общин — он избавлял от вечных мук добродетельных католиков, равно как и прочих христиан[358] На все их демонстрации Карл дал милостивый и благосклонный ответ, но в глубине души он питал крайнее отвращение к этим жестоким мерам Будучи, из принципа и по склонности, убежденным протестантом, он, однако, не испытывал дикого ужаса перед папизмом, к тому же, полагал Карл, нация могла бы отнестись к религии своих предков с известной долей мягкости Но те свободы, которыми католики пользуются ныне (хотя сейчас эта партия ведет себя гораздо более дерзко и решительно, чем при Стюартах), не входили в планы Карла и не соответствовали духу его века Все, что он хотел, — это смягчить наиболее суровые законы против католиков, а обязательства короля в отношении Франции, хотя точного их исполнения никто не обещал и не ожидал, требовали от него известной терпимости Но столь несчастливым был этот государь, что ни одна мера, предпринятая в течение его царствования, не приводила в итоге к более печальным и роковым последствиям

Бешеная ненависть к папизму являлась характернейшей чертой пуритан Но палата общин обнаружила и другие несомненные признаки преобладания этой партии Она ходатайствовала перед королем о восстановлении в должности опытных священников, которых заставили некогда замолчать по причине их несогласия с официальной обрядностью[359] Она также приняла законы о строгом соблюдении воскресенья, которое пуритане любили именовать субботой и которое они освящали самой мрачной

и унылой праздностью[360]. Следует отметить, что различные названия этого дня служили тогда общеизвестными символами разных партий.

Убедившись в том, что парламент твердо решил не давать ему денег и что щедр он будет лишь на пустые уверения в верноподданнических чувствах[361] или же на несносные жалобы, король воспользовался чумой[362], признаки которой начали обнаруживаться в Оксфорде, и под этим предлогом тотчас же его распустил. Завершив сессию парламента роспуском, а не отсрочкой, король достаточно ясно выразил свое недовольство его действиями.

МОРСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ ПРОТИВ ИСПАНИИ

Чтобы восполнить недостаток парламентских субсидий, король издал указы о принудительном займе у своих подданных[363] (12 августа). Выгоды, которые принесла эта мера, лишь в малой степени компенсировали вызванное ею негодование; как бы то ни было, с помощью этого и некоторых других средств король, хотя и с великим трудом, все-таки смог снарядить флот (1 октября). Он состоял из восьмидесяти больших и малых кораблей, на борту которых находилась армия в десять тысяч солдат. Командование было поручено сэру Эдуарду Сесилу, с недавних пор виконту Уимблдону[225]. Он немедленно отплыл к Кадису и обнаружил в его бухте множество испанских судов с дорогими грузами. Сесил даже не попытался их атаковать либо сделал это совершенно бестолково. Войска высадились на берег, форт был взят, но когда недисциплинированные солдаты наткнулись на богатые склады вина, удержать их от бесчинств было уже невозможно. Дальнейшее пребывание на берегу казалось бессмысленным, солдат вновь посадили на корабли, и флот вышел в море наперехват испанским галеонам. Но поскольку матросов и солдат начала косить чума (ноябрь), пришлось оставить всякую надежду на эту добычу и возвратиться в Англию. В стране поднялся громкий ропот против двора, доверившего столь важный пост такому человеку, как Сесил, которого, хотя он и обладал обширным опытом, народ, судивший по исходу дела, счел бестолковым[364].

ВТОРОЙ ПАРЛАМЕНТ. 1626

Упустив столь богатый приз, Карл вынужден был вновь прибегнуть к помощи парламента. Хотя неудача экспедиции ослабила его авторитет и с каждым днем все очевиднее демонстрировала бессмысленность и неразумие испанской войны; хотя рост потребностей короля делал его все более зависимым от общин и все более беззащитным перед их посягательства-

ми. Карл решил еще раз обратиться к этому обычному конституционному средству получить деньги. Возможно также, что он слишком понадеялся на одну маленькую политическую хитрость, которую пустил тогда в ход. Четырех популярных вождей общин — сэра Эдуарда Кока, сэра Роберта Филипса, сэра Томаса Уэнтворта и сэра Фрэнсиса Сеймура — он назначил шерифами графств, и хотя прежде этот пункт вызывал большие споры[365], король счел, что таким путем он лишил их права быть избранными в парламент. Но замысел его был столь очевиден, что скорее лишь усилил бдительность общин. Там оставалось достаточно патриотов, чтобы поддерживать недовольство палаты, а чтобы склонить ее членов к мерам, которые увеличивали их вес и значение, большого ума и красноречия не требовалось. К тому же двор, вынужденный прибегнуть к столь жалкой уловке с целью добиться влияния на общины, не мог обнаружить свою слабость более очевидным образом.

А потому новый парламент немедленно усвоил мнения прежнего — как будто всюду были избраны те же лица и со времени их последнего заседания не прошло и дня. Когда король рассказал общинам о своих нуждах (6 февраля) и попросил предоставить средства, они тотчас же вотировали три субсидии и три «пятнадцатые», и хотя впоследствии общины прибавили еще одну субсидию, сумма эта плохо соответствовала требованиям момента и едва ли могла поощрить мечтания о славе, к которой так пылко стремился молодой государь в первом своем предприятии. Однако не это обстоятельство оказалось самым неприятным. Общины лишь вотировали ассигнования королю, а превращение этого вотума в закон отложили до конца сессии[366]. Таким образом они ставили государю условия, причем в весьма откровенной форме. Под предлогом борьбы со злоупотреблениями (которых за столь краткое царствование не могло накопиться слишком много) они намеревались проверить и упорядочить все части администрации, вызывавшие их недовольство; если же король остановит их в этом предприятии или не согласится с их требованиями, то на пособия от общин он уже не должен рассчитывать. Карл выразил глубокое возмущение таким образом действий, который он посчитал грубым и противным долгу[367]. Но крайняя нужда заставила его покориться, и он стал терпеливо выжидать, что же теперь станут делать общины.

ПРОЦЕСС БЕКИНГЕМА

Герцог Бекингем, и прежде нелюбимый народом, теперь с каждым днем становился ему все более ненавистным — как по причине своего дерзкого и неблагоразумного поведения, так и ввиду безграничной власти, которую приобрел он над своим государем[368]. На этой сессии ему пришлось выдержать два яростных нападения: графа Бристола — с одной стороны, и палаты общин — с другой.

Пока был жив Яков, Бристол, уверенный в тайной благосклонности монарха, держался с совершенной покорностью и почтением, ожидая удобного случая, чтобы вернуть себе прежнее положение и репутацию. Он не отчаялся даже тогда, когда на престол взошел Карл. Бристол подчинился королю, который приказал ему оставаться в своем поместье и не посещать парламент. Он предпринял немало попыток вернуть расположение монарха, но убедившись в их полной бесплодности и обнаружив, что Карлом всецело управляет его заклятый враг Бекингем, он принял решение больше не иметь с двором никакого дела. В государстве, как ясно видел Бристол, зарождаются новый дух и новая сила, и именно у них решил он впредь искать защиты и покровительства.

Когда был созван парламент, Карл, превысив свою прерогативу, велел, вопреки обычному порядку, не посылать соответствующего приглашения Бристолу[369]. Граф обратился в палату лордов с петицией; он просил их ходатайствовать перед королем о возвращении прав, принадлежавших ему как пэру королевства. Бристол получил приглашение, но вместе с ним письмо лорда-хранителя печати Ковентри [227], который именем короля приказывал ему воздержаться от посещения парламента. Письмо это Бристол отослал лордам, спрашивая у них совета о том, как ему надлежит себя вести в столь щекотливой ситуации[370]. Запрет короля был отозван, и Бристол занял свое место в палате. Раздраженный этими неоднократными проявлениями упорства, которые двор называл неповиновением, Карл приказал своему генеральному атторнею обвинить Бристола в государственной измене. Бристол, в свою очередь, обвинил в государственной измене Бекингема. Тексты защитительной речи графа и его обвинения в адрес герцога сохранились[371]; вместе с некоторыми дошедшими до нас подлинными письмами они содержат самое полное и достоверное описание всех переговоров с Австрийским домом. В целом из них с очевидностью явствует, что герцог, движимый своими необузданными страстями, вел себя крайне безрассудно, однако здесь нелегко усмотреть хотя бы один поступок, который мог быть сочтен преступлением по закону, а тем более навлечь на Бекингема обвинение в государственной измене.

Импичмент общин, если судить по меркам закона и справедливости, угрожал герцогу еще в меньшей степени. Однако палата, постановив в ответ на некоторые сомнения д-ра Тернера, что общественная молва является достаточным основанием для обвинения со стороны общин[372], приступила к составлению статей обвинительного акта против Бекингема. Ему ставили в вину то, что он совмещал в своем лице множество должностей, а две из них купил за деньги; не заботился об охране морей, почему многие торговые суда были захвачены неприятелем; передал французскому королю военные корабли для последующего их использования против гугенотов; занимался продажей чинов и должностей; принимал богатые подарки от короны; добивался почетных титулов для своих многочисленных родственников и, наконец, давал лекарства покойному королю, не извещая о том его врачей. При сопоставлении обвинительного акта с отве-

том на него все эти статьи кажутся либо бессмысленными, либо лживыми, либо бессмысленными и лживыми одновременно[373]. Единственное обвинение, которое можно счесть серьезным, — это то, что Бекингем вымогал 10 000 фунтов у Ост-Индской компании, а также конфисковал некоторые товары у французских купцов под тем предлогом, что они являлись собственностью испанцев. Процедура импичмента так и не была доведена до конца, а потому нам трудно составить определенное суждение об упомянутых статьях. Следует, однако, согласиться, что ответы герцога по этим, как и по всем прочим пунктам, были столь ясными и удовлетворительными, что не принять их невозможно[374]. В иных отношениях его пороки и слабости действительно были велики, однако жадность и скупость всегда оставались ему совершенно чуждыми.

Характерно, что хотя поиск обвинительных пунктов против Бекингема чрезвычайно затруднил общины, они так и не приняли обвинений Бристола и не поставили герцогу в вину его действий в период переговоров с испанцами — т. е. самый позорный эпизод всей его жизни. Бекингем имел веские основания считать заявления испанцев искренними, но в угоду собственным страстям он вовлек своего короля и свое государство в пагубную для них войну. Нация, однако, была твердо убеждена в лживости и вероломстве испанцев, и лишь немногие члены палаты общин начали понимать, что Бекингем одурачил их своим рассказом — ясное доказательство того, что отнюдь не открытие данного факта явилось, как это воображают иные историки, действительной причиной столь резкого и неожиданного поворота в действиях парламента[375].

Пока общины вели яростную борьбу с Бекингемом, король стремился использовать любую возможность для того, чтобы выразить к ним свое пренебрежение. Тогда еще никто по-настоящему не понимал, сколь значительным весом обладают общины в системе конституции. История Англии еще не знала случаев, чтобы инициатива каких-либо важных преобразований или перемен исходила от нижней палаты. А поскольку и как единый орган, и как совокупность отдельных лиц она занимала в государстве лишь второе место, то ничто, кроме печального опыта, не могло научить английских королей относиться к взглядам и склонностям этого могущественного собрания с надлежащим почтением.

Примерно в это же время скончался граф Суффолк, канцлер Кембриджского университета [228], и Бекингем, хотя он находился тогда под обвинением нижней палаты, был избран на его место происками двора. Общины вознегодовали и громко жаловались на эту обиду, а чтобы еще сильнее им досадить, король лично направил в Кембридж письмо, в котором превозносил герцога до небес и благодарил университет за сделанный им выбор[376].

Лорд-хранитель печати от имени короля прямо приказал палате оставить в покое Бекингема, министра и слугу Его Величества, в несколько дней принять билль о субсидиях, обсуждение которого общины уже начали, а также увеличить их сумму; в противном случае, заявил он, общинам

долго заседать не придется[377]. И хотя несколько дней спустя Бекингем в своей речи попытался как-то оправдать и смягчить резкость этих приказов[378], они оставили крайне тяжелое впечатление.

С этим парламентом Карл обычно говорил более высокомерным тоном, нежели с предыдущим, а в своем послании даже пригрозил общинам, что, если они не предоставят ему субсидий, он будет вынужден испытать новые средства. Смысл этих слов был достаточно ясен, однако сэр Дадли Карлтон[229], вице-канцлер, потрудился его растолковать, дабы устранить всякие сомнения на сей счет. «Умоляю вас, — сказал он, — подумайте, что это за новые средства или какими они могут быть. Я боюсь говорить открыто о тех, которые доступны моему разумению. Но ведь вам известно, что в старину парламенты существовали во всех христианских государствах, и через их посредство государства эти управлялись превосходнейшим образом — пока монархи не начали сознавать своей силы. Видя мятежный дух парламентов, они постепенно стали опираться на собственную прерогативу и в конце концов ниспровергли парламенты во всем христианском мире, за исключением нашего королевства. Так потщимся же сделать все, чтобы король сохранил доброе мнение о парламентах, которое приносит столько счастья нашей нации, и — пока между общинами и Его Величеством царит полное согласие — делает нас предметом зависти для всех остальных государств, иначе, из-за собственной нашей непокорности в парламенте, мы утратим звание свободного народа»[379]. Но эти неловкие советы скорее послужили предостережением, нежели внушили страх. Общины полагали, что непрочная и негарантированная свобода, спасать которую приходится безграничной угодливостью, вовсе не есть свобода. А потому, пока это еще в их силах, необходимо защитить конституцию столь мощными бастионами, чтобы впредь ни один король или министр не дерзнул разговаривать с парламентами подобным языком и не смел даже вынашивать против них подобные замыслы.

Сэр Дадли Диггс и сэр Джон Элиот, назначенные вести вместе с лордами процесс против Бекингема, были брошены в тюрьму[380]. Общины тотчас же заявили, что пока их привилегии нарушаются, они не станут заниматься никакими делами. Карл в оправдание своей меры сослался на мятежные речи, которые, как он утверждал, допустили эти депутаты, обвиняя герцога. По расследовании выяснилось, что в действительности подобные слова сказаны не были[381]. Диггса и Элиота освободили, а король своей неудачной попыткой добился лишь того, что обнаружил собственную опрометчивость и еще сильнее озлобил палату.

Воодушевленная этим примером, палата лордов пробудилась от спячки и потребовала освобождения графа Эрандела, только что посаженного в Тауэр. После многих бесплодных и не слишком красивых увертюр король вынужден был уступить[382]. Этот случай достаточно ясно показал, что лорды, пусть и не склонные к защите дела народа, не были лишены верного понятия о собственном достоинстве.

Раздражение палаты общин, усиленное безрассудными действиями двора и не нашедшее выхода в судебном преследовании Бекингема, иска-

ло для себя других объектов Вечное пугало папизма пришлось общинам как нельзя кстати. Палата вновь потребовала неукоснительного исполнения законов против католиков и представила королю список лиц, занимавших государственные должности (по большей части незначительные), которые являлись открытыми рекузантами или подозревались в этом[383]. В данном пункте у общин были, пожалуй, известные основания порицать образ действий короля. Карл действительно обещал последнему парламенту удовлетворить эти религиозные требования, однако по примеру своего отца он мог вообразить, что парламент, не пожелав пойти навстречу его нуждам, тем самым освободил его от обязанности строго исполнять данное слово. Кроме того, в представлениях общин была сделана еще одна попытка бросить тень на Бекингема. Мать герцога [230], имевшая на него сильное влияние, открыто исповедовала католичество, жена его не была свободна от подозрений на сей счет, а потому считалось само собой разумеющимся, что все поблажки католикам исходят от могущественного фаворита. Столь неистовым был фанатизм эпохи, что достаточное основание для лишения человека права на занятие государственной должности видели в том, что его жена, родственники или друзья были папистами, пусть даже сам он являлся правоверным англиканином[384].

Весьма характерно, что в данном случае гонений требовали миряне, церковь же была готова предоставить католикам больше свободы, чем на то соглашались общины. Подобным образом и примирительные, умеренные доктрины Монтегю [231] вновь встретили суровое осуждение со стороны этого ревностного к вере собрания[385].

Следующая атака общин могла бы в случае успеха оказаться решающей. Палата готовила ремонстрацию против взимания потонного и пофунтового сборов без согласия парламента. Эта статья (вместе с новыми пошлинами на ввоз и вывоз, введенными Яковом) приносила короне около половины всех доходов, и, лишив монарха данного источника средств, парламент обрек бы его на полное подчинение и зависимость. И пока общины держали у себя этот залог (вместе с уже обещанными, но еще не утвержденными субсидиями), они были уверены, что им ни в чем не откажут. Хотя палата общин, почти три месяца провозившись с делом Бекингема, была совершенно не в силах доказать, что герцог повинен в каком-либо преступлении, предусмотренном по закону, она видела в нем министра бездарного и, вероятно, опасного, и намеревалась подать петицию, которая в тех условиях означала бы прямой приказ удалить Бекингема от особы и из советов Его Величества[386].

Видя, какое ярмо готовят ему общины, Карл встревожился. Единственная вина Бекингема, рассуждал король, — в том, что он его друг и любимец[387]. Все прочие жалобы на герцога — пустые отговорки. Еще недавно он был кумиром народа, никаких новых преступлений с тех пор не открылось. После самого тщательного расследования, руководимого и поощряемого величайшей недоброжелательностью, его не удалось уличить даже в малейшей провинности. Так какое же мнение составит о его

чести весь мир, спрашивал себя король, если он принесет своего друга в жертву финансовым расчетам? Много ли авторитета сохранит он в глазах собственной нации, если в самом начале царствования и в столь важном деле доставит величайшее торжество своим врагам и совершенно обескуражит своих приверженцев? Сегодня общины вознамерились силой отобрать у него министра — завтра они посягнут на какую-нибудь часть его прерогативы. Своими ремонстрациями, протестами и обещаниями они вовлекли корону в войну. Но как только общины убедились, что отступление для монарха невозможно, они тотчас же, не ожидая новых событий и даже не потрудившись поискать для себя новых оправданий, покинули своего короля и наотрез отказали ему в необходимых субсидиях. Ясно, что более всего они желали поставить монарха перед лицом неразрешимых затруднений, дабы использовать их к своей выгоде. Столь возмутительному коварству, столь необузданным притязаниям необходимо противопоставить надлежащую твердость и решимость. Любым покушениям на верховную власть можно успешно сопротивляться лишь в самом их начале. Не без некоторого труда власть монарха удалось совлечь с ее древней законной высоты. Но стоит лишь еще раз подтолкнуть ее вниз, и она станет для всех презренной, а благодаря постоянно повторяющимся усилиям в прежнем духе — усилиям, поощряемым успехом, — вскоре дойдет до крайней степени унижения.

Движимый этими весьма убедительными мотивами, Карл решил немедленно распустить парламент. Когда о его намерении стало известно, попыталась вмешаться палата лордов, чье прежнее уступчивое поведение позволяло ей надеяться на определенный авторитет в глазах монарха[388]; она просила короля разрешить парламенту продлить свои заседания на некоторое время. «Ни минуты отсрочки!» — запальчиво воскликнул король[389] и вскоре прервал сессию роспуском.

Поскольку шаг этот предвидели, общины позаботились о том, чтобы составить и распространить особую ремонстрацию, которая должна была оправдать их поведение перед народом. Со своей стороны король опубликовал декларацию (15 июня), где изложил причины своего недовольства парламентом и его внезапного роспуска до того, как этот последний смог принять хотя бы одно постановление[390]. Приверженцам обеих партий эти документы доставили обильный материал для самозащиты и взаимных обвинений. Но все беспристрастные и незаинтересованные лица рассуждали так: «Хотя общины еще не нарушили ни одного закона, однако своей неуступчивостью и вольнолюбием они незаметно изменяли и, может быть, даже улучшали дух и смысл конституции, сохраняя при этом ее букву; король же действовал без всякого плана, он шел напролом по дороге, окруженной со всех сторон гибельными пропастями, не предпринимая надлежащих мер для того, чтобы смирить или смягчить упорство общин».

После разрыва отношений с парламентом, восстановить которые было весьма сложно, король мог ставить перед собой только одну разумную цель — немедленно заключить мир с Испанией и попытаться сделать себя

как можно менее зависимым от собственного народа, который обнаруживал так мало желания ему помогать, а скорее даже твердо намеревался урезать его полномочия Не было ничего проще, чем исполнить этот план, и не существовало политики, в большей степени соответствовавшей как его собственным, так и национальным интересам У короля, однако, имелись определенные обязательства по отношению к Дании и Голландии, а кроме того, его мысли в ту пору были весьма далеки от миролюбия В характере Карла мы обнаруживаем две черты, на первый взгляд, несовместимые, которые проявлялись в течение всего царствования этого монарха и отчасти послужили причиной его несчастий однажды задуманное он осуществлял с настойчивостью и даже с упрямством — но при этом из-за своей уступчивости и из уважения к людям, стоявшим гораздо ниже его по уму и по нравам, легко поддавался влиянию В главных своих целях король был непреклонен, но средства к их достижению он с готовностью принимал из рук своих министров и фаворитов, в выборе которых не всегда был удачлив Вспыльчивый и необузданный Бекингем, горевший желанием отомстить за обиды, которые сам же причинил, и обуреваемый жаждой славы, заслужить которую не мог по недостатку истинных дарований, приобрел в это время, несмотря на свой беспутный и расточительный образ жизни, неограниченную власть над добродетельным и мягким королем

НЕЗАКОННЫЕ МЕРЫ ДВОРА

Теперь, чтобы удовлетворить свои нужды, Карл должен был испробовать те новые средства, на которые намекал он парламенту Если бы он располагал надежной армией, то, скорее всего, тотчас сбросил бы маску и начал править без всякой оглядки на парламентские привилегии столь высокое понятие усвоил он о монаршей прерогативе и столь низко ставил права народных собраний, со стороны которых, как вполне естественно было думать королю, он встретил такое дурное обращение Но его армия, едва набранная, худо оплачиваемая и совершенно недисциплинированная, вовсе не превосходила по своим качествам милицию графств, гораздо более многочисленную и находившуюся под сильным влиянием сельских джентльменов А значит, королю надлежало вести себя с осторожностью и прикрывать свои действия ссылками на старинные прецеденты, в которых, если учесть, сколь обширной властью пользовались обыкновенно его предшественники, у него не могло быть недостатка

Было дано прямое разрешение освобождать католиков от предусмотренных по закону кар при условии уплаты особого штрафа[391] С помощью этой меры король пополнил казну и удовлетворил собственное желание проявить к этой секте известную терпимость, однако ни одна часть прero-

гативы не могла вызвать у его протестантских подданных больше возмущения и недовольства.

От дворянства король желал получить подмоги, от граждан Сити [232] потребовал займ в 100 000 фунтов. Первые давали деньги неохотно, вторые, прикрывшись различными отговорками, в конце концов категорически ему отказали[392].

Чтобы снарядить флот, все приморские города по распоряжению Тайного совета были обложены особой повинностью; каждый из них должен был вооружить с помощью соседних графств определенное число кораблей[393]. Лондону велено было выставить двадцать судов. Это первый в царствование Карла опыт корабельных денег — налога, который в свое время уже собирала Елизавета, но который впоследствии, когда Карл пошел по этому пути несколько далее, вызвал столь бурное возмущение.

У одних требовали займов[394], другим предлагали делать добровольные пожертвования — методы, опиравшиеся на прецеденты, но всегда ненавистные, даже во времена более смирные и покорные. В самых деспотических правлениях подобные приемы сочли бы незаконными и несправедливыми.

Эти средства пополнения казны использовались с известной умеренностью, пока не пришло известие о большой битве между королем Дании и имперским полководцем графом Тилли (25 августа), в которой первый потерпел полное поражение. Деньги теперь стали как никогда необходимы для того, чтобы заделать громадную брешь в протестантском союзе и поддержать государя, который был так тесно связан с Карлом и в войну вступил главным образом под действием интриг, просьб и обещаний английского монарха. После некоторых размышлений Тайный совет постановил, что поскольку крайняя срочность дела не позволяет обратиться к парламенту, то самым быстрым, удобным и разумным способом удовлетворить нужды короля будет всеобщий заем у подданных, в размерах, соответствующих обложению их по последней субсидии. Каждый должен был внести в точности ту сумму, которую он заплатил бы, если бы парламентское постановление о четырех субсидиях стало законом, при этом, однако, народу потрудились объяснить, что взыскиваемые суммы следует называть не субсидиями, но именно займами[395]. И если у англичан еще оставались сомнения относительно того, что принудительные займы, пусть и санкционированные прецедентами и даже статутами, являются посягательством на их свободу и нарушением их прав и в будущем неизбежно сделают парламенты излишними, то это был лучший способ открыть глаза всей нации. Ссылки же на пример Генриха VIII, который во время своего деспотического правления прибегал к подобному методу сбора денежных средств, все считали чрезвычайно неубедительным аргументом.

Одна из статей секретной инструкции комиссарам, назначенным для сбора этого займа, предписывала следующее: «Если кто-либо откажется вносить деньги, станет чинить задержки, подыскивать оправдания или

упорствовать, то они должны допросить его под присягой, дабы выяснить, не склонял ли его кто-нибудь к тому, чтобы отказаться давать взаймы и приводить оправдания для своего отказа. Кто с ним говорил, какие речи и убеждения использовал для этой цели? И пусть они также именем Его Величества потребуют от всякого подобного человека никому не открывать, какой ответ дал он на эти вопросы»[396]. Столь деспотические следственные полномочия и столь неосуществимые претензии на секретность вызывали негодование и даже до известной степени насмешку.

Желая поставить религиозные предрассудки на службу светской власти, Сибторп и Манвеpинг[233] читали проповеди в поддержку всеобщего займа, а правительство усердно распространяло их по всей стране. В проповедях восхвалялось пассивное повиновение в полном смысле этих слов, вся власть в государстве объявлялась принадлежащей единственно лишь королю, а любые ограничения со стороны законов и конституции отвергались как бунтарские и нечестивые[397]. Двор столь открыто поддерживал эту доктрину, что когда архиепископ Эббот, прелат добродетельный и любимый народом, отказался разрешить печатание проповеди Сибторпа, его отстранили от должности и выслали из Лондона, велев жить в одном из деревенских поместий[398]. Свободный образ мыслей Эббота и его враждебность к Бекингему всегда заставляли двор относиться к нему чрезвычайно неблагосклонно и даже снискали архиепископу репутацию пуританина. Ибо стоит отметить, что пуританская партия сделала привилегии нации частью своей религии в такой же мере, в какой церковная партия — прерогативы короны, и именно это в наибольшей степени располагало ко всему учению и ко всем принципам этой секты простой народ, который всегда принимает любые взгляды в целом, не входя в подробности. И вскоре король на роковом опыте обнаружил, что это орудие религии, без особой нужды пущенное в ход в делах политики, попав в более умелые руки, было с устрашающим успехом использовано против него самого.

Король, подстрекаемый гневом и необходимостью, в полном объеме употребил свою прерогативу, однако дух народа сломлен не был. По всей Англии многие отказывались давать займы, а некоторые даже побуждали своих соседей отстаивать общие права и привилегии. Таких по приказу Тайного совета бросали в тюрьму[399]. Большинство из них безропотно смирялось с заключением или обращалось с петицией к королю, который обыкновенно их освобождал. И только пятерым джентльменам: сэру Томасу Дарнелу, сэру Джону Корбету, сэру Уолтеру Эрлу, сэру Джону Эвнингему и сэру Эдмунду Гемпдену — достало мужества, чтобы на собственный страх и риск подняться на защиту народных свобод и потребовать освобождения не как милости двора, но как того, на что они имеют полное право по законам страны[400]. Никакие определенные причины их ареста указаны не были, единственным основанием для него стало специальное распоряжение короля и совета, между тем арестованные джентльмены утверждали, что, согласно закону, это не является достаточным основанием для того, чтобы отказать им в освобождении или взятии на поруки.

Дело было передано в Королевскую скамью (ноябрь), и вся страна напряженно ожидала решения этого суда, более важного, чем исход многих битв.

Прения по данному процессу открыли англичанам с полной ясностью, что их предки чрезвычайно ревниво оберегали личную свободу, гарантировав ее против деспотических посягательств короны шестью особыми статутами[401] и даже отдельной статьей Великой Хартии[402], священнейшего фундамента законов и конституции [234]. Но английские короли, не сумевшие помешать принятию этих законов, обладали достаточной властью, чтобы впоследствии, когда порыв к свободе выдохся, воспрепятствовать их регулярному исполнению; пытаться же формально отменить статуты, для уклонения от которых они находили столько предлогов и средств, монархи полагали излишним. К тому же нередко наступали времена волнений и мятежей, когда безопасность народа настоятельно требовала заключения в тюрьму главных смутьянов, и благодаря духу старинной конституции государь привык самовольно присваивать любую часть прерогативы, которая оказывалась необходимой для сохранения общественного мира или его собственной власти. В другие времена личиной необходимости прикрывалась целесообразность, и по мере того как умножались соответствующие прецеденты, воля монарха стала служить достаточной заменой целесообразности, а сам монарх сделался единственным истолкователем последней. В эпоху преобладания буйной и непокорной знати, когда король не имел постоянной армии, сохранить в стране мир можно было лишь с помощью этой безотлагательно и по собственному усмотрению короны употреблявшейся власти, и сам народ настолько сознавал подобную необходимость, что старинные законы в защиту личной свободы, довольно часто нарушавшиеся, в течение почти трех веков ни разу не подтверждались и не возобновлялись. Хотя мятежные подданные нередко выступали против королевской власти с оружием, ни разу не нашлось такого смельчака, который, оказавшись в застенке, в руках своих врагов, дерзнул бы бросить вызов авторитету монарха и искать защиту против произвола государя в законе и конституции. Лишь в описываемую эпоху, когда повсюду распространился дух свободы, когда принципы правления были сведены в систему, когда человеческие нравы, более мягкие и цивилизованные чем прежде, уже, казалось, в меньшей степени требовали грубого и деспотического применения прерогативы — лишь тогда пятеро вышеупомянутых джентльменов предприняли благородную попытку привести этот вопрос к окончательному решению в деле, касавшемся всей нации. И король с изумлением увидел, что та власть, которой почти беспрерывно пользовались его предшественники, по расследовании оказалась прямо противоречащей самым ясным законам и что в ее пользу свидетельствуют лишь несколько бесспорных прецедентов в постановлениях Верховного суда. Впрочем, последний едва ли отказывал в освобождении на поруки лицам, заключенным под стражу по собственному приказу короля, — по той причине, что подобные лица редко или вообще никогда

не осмеливались этого требовать, по крайней мере, не настаивали на своем требовании.

Сэр Рэндольф Кру, председатель суда, был смещен как неспособный к исполнению должности; сэр Николас Гайд [235], которого считали более сговорчивым, получил этот высокий пост, но руководимые им судьи ограничились тем, что отказали джентльменам в освобождении под залог и вновь отправили их под стражу[403]. Генеральный атторней Хит [236] потребовал, чтобы они, по примеру судей в тридцать четвертый год царствования Елизаветы[404], вынесли общее постановление о том, что лицо, арестованное по приказу короля или Тайного совета, не может быть взято на поруки[405]. Однако судьи проявили благоразумие и не подчинились. Они видели: нация раздражена до крайности, состояние умов таково, что всюду раздаются громкие жалобы, как будто страна ввергнута в страшное рабство; все твердят, что самая возмутительная из прерогатив короны открыто, нагло и неоднократно используется ради самой возмутительной цели — вымогательства займов, а точнее субсидий, без согласия парламента.

Но это бедствие было не единственным, на которое нация полагала вправе жаловаться. После безуспешной экспедиции в Кадис армию рассредоточили по всему королевству, а деньги на уплату постоя взимали с графств[406]. Солдат размещали по частным домам; это противоречило обычаю, который требовал, чтобы при обыкновенных обстоятельствах их расквартировывали в тавернах или на постоялых дворах[407]. Те, кто отказывал в займе или медлил, могли быть уверены, что вскоре в их домах появится множество этих буйных и опасных гостей.

Многие лица низкого состояния, проявившие строптивость, были насильно завербованы в армию или флот[408]. Сэра Питера Хэймена по той же причине отправили с поручением в Пфальц[409]. Глэнвила [237], знаменитого юриста, во время предыдущих парламентских каникул вынудили принять должность на флоте[410].

Солдаты, не приученные к дисциплине и не получавшие жалованья, совершили множество преступлений и насилий, еще более увеличив общественное недовольство. Чтобы остановить эти беспорядки, против солдат стали применять законы военного времени, столь необходимые для поддержания дисциплины. Бесчинства армии возмущали, но средство против них сочли еще более возмутительным — противоречие, вполне естественное для раздраженного до крайности народа[411]. Целесообразность, чтобы не сказать необходимость применения законов военного времени прежде сама по себе считалась достаточным основанием для введения их в силу; теперь, однако, англичане стали более ревниво оберегать свободу и более тонко судить о делах правления, а потому рассматривали как незаконное и деспотическое любое действие власти, которое не опиралось на особый статут или на непрерывную цепь прецедентов.

Можно с уверенностью утверждать, что за исключением немногих духовных лиц и придворных все англичане были глубоко возмущены этим новым духом администрации и крайностями в использовании монаршей

прерогативы. В оправдание принимаемых королем мер приводились старинные прецеденты, однако при сравнении здесь обнаруживались существенные различия. Из соображений целесообразности или крайней необходимости государь может от случая к случаю прибегать к произвольным актам, пусть даже противоречащим закону, однако значительная степень свободы при таком правлении по-прежнему сохраняется. Но там, где подобные действия превращались в систему и совершались беспрерывно, где их сознательно и усердно ставили на место законов, дабы смирить непокорный дух нации, — там необходимо было либо срочно найти какое-нибудь лекарство, либо навсегда оставить всякие надежды на спасение свободы и конституции. Люди здравомыслящие полагали, что хотя обида, нанесенная королю, действительно велика, она не может оправдать все эти насильственные меры. Ведь общины еще никак не посягнули на его власть — они лишь использовали, как сочли нужным, свои собственные привилегии. И если одна из палат парламента обошлась с ним грубо и недружелюбно, то неужели это могло ему позволить, в отместку за подобные действия, покушаться на права и свободы всей нации?

ВОЙНА С ФРАНЦИЕЙ

Но каким же было всеобщее изумление, когда Карл, потерпевший неудачу во всех своих экспедициях против Габсбургов, рассорившийся с собственными подданными, не располагавший иными денежными средствами, кроме тех, которые удалось ему вырвать с помощью самых возмутительных и опасных мер; действуя так, как будто для того, чтобы проявить воинскую доблесть, мало ему было половины Европы, с которой он уже враждовал, бросил безрассудный вызов еще одному могущественному королевству, Франции, и ввязался в войну сразу с двумя державами, чьи интересы казались до сих пор настолько несовместимыми, что у них, как принято было думать, не могло быть ни общих союзников, ни общих неприятелей. Все достоверные мемуары, английские и иностранные, приписывают войну с Францией советам Бекингема, а мотивы, им двигавшие, изображают таким образом, что они показались бы совершенно невероятными, не будь нам известно о дерзком и безрассудном нраве герцога.

Тремя крупнейшими европейскими монархиями правили тогда молодые государи примерно одного возраста — Филипп, Людовик и Карл; руководство собой и своими королевствами они уступили своим министрам и фаворитам — Оливаресу, Ришелье и Бекингему. Соперничество и ревность министров приводили в сильнейшее волнение народы, коим мирный нрав или ограниченные способности их государей могли бы обеспечить совершенное спокойствие. В особенности же гордый и неугомонный дух Ришелье предвещал всей Европе бурные времена и важные перемены.

Как только этот человек благодаря хитростям и интригам завладел бразды правления, он тотчас же составил три обширных плана: смирить непокорную знать, подчинить мятежных гугенотов и обуздать растущую мощь Австрийского дома. Неустрашимый и непреклонный, деятельный и расчетливый, Ришелье, осуществляя свои замыслы, подавил все попытки открытого сопротивления французских принцев и вельмож; он открыл и расстроил все их тайные заговоры и козни. Даже своего государя он держал в подчинении, возвышая и превознося при этом королевскую власть. Народ же, утратив свои вольности, приобрел благодаря его администрации науки, порядок, дисциплину и славу. В то самое время, когда неспособность Бекингема побуждала вольнолюбивый парламент установить в Англии последовательную систему свободы. Ришелье превратил в чистую монархию то смешанное и неопределенное государственное устройство, которое было общим у Франции с другими королевствами Европы.

Хотя по своим талантам эти министры были совершенно несопоставимы, Бекингем питал к Ришелье величайшую зависть — зависть, проистекавшую из соперничества не в политических и государственных делах, но в любви и галантных похождениях, а здесь герцог превосходил кардинала настолько, насколько уступал ему во всем остальном.

После того как был заключен по доверенности брак Карла с принцессой Генриеттой, герцога Бекингема отправили во Францию, дабы он украсил своим присутствием свадебную церемонию, а затем сопровождал в Англию новую королеву. Взоры французского двора с любопытством обратились на этого человека, который пользовался неограниченным доверием двух последовательно царствовавших монархов и уже в ранней юности превратился из частного лица в самовластного правителя трех королевств. Его статная фигура, красивые черты лица, великолепная свита, тонкий вкус по части платья, празднеств и пиров вполне соответствовали уже составившемуся о нем выгодному мнению, а любезные манеры, открытый нрав и необыкновенная щедрость еще более усилили всеобщее восхищение. Со всеми делами было покончено, теперь время посвящалось единственно лишь забавам и развлечениям, и среди этих роскошных сцен, в окружении великолепного общества герцог нашел ту самую обстановку, в которой мог показать себя в полном блеске[412]. Но его ошеломляющий успех в Париже оказался столь же пагубным, как и прежняя неудача в Мадриде. Поощряемый улыбками придворных, он дерзнул обратить свои честолюбивые ухаживания к самой королеве, и ему удалось произвести впечатление в сердце, не чуждом нежной страсти. Это чувство (по крайней мере духовную близость, которая кажется столь восхитительной, но бывает столь опасной), судя по всему, поощряла принцесса Генриетта, и герцог понадеялся на ее благосклонность настолько, что после своего отъезда тайком возвратился в Париж и посетил королеву; его отослали назад с упреками, в которых нежности было, пожалуй, больше, чем гнева[413].

Вскоре об этих отношениях стало известно Ришелье, и ревность еще более усилила его бдительность. Из тщеславия или из политических видов он также пытался ухаживать за королевой. Но Ришелье — человек духовного звания и почтенного возраста, суровый по характеру, поглощенный обширными замыслами мести или властолюбия, — не мог сравниться на этом поприще с молодым придворным, созданным для развлечений и галантных интриг. Обманутые надежды внушили кардиналу сильнейшее желание расстроить любовные планы своего соперника. Когда герцог готовился к новому посольству в Париж, Людовик известил его, что ему не следует думать об этой поездке. В порыве страсти Бекингем воскликнул: «Клянусь, я увижу королеву назло всей мощи Франции!» И с этой минуты он твердо решил вовлечь Англию в войну с этим государством[414].

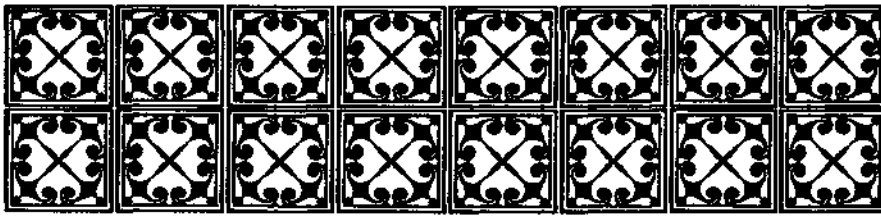
Вначале он воспользовался ссорами, повод для которых подали лица из свиты английской королевы, и уговорил Карла вопреки условиям брачного договора выслать из страны всех ее французских слуг[415]. Он побудил английских военных моряков и каперов захватить несколько кораблей, принадлежавших французским купцам, и немедленно конфисковал их как призы по приговору суда адмиралтейства. Но обнаружив, что все эти обиды вызывают со стороны Франции одни лишь протесты, посольства и, самое большее, ответные насильственные меры, он решил поддержать интриги герцога Субиза, осуществив военную экспедицию против этого королевства.

Субиз, который вместе со своим братом герцогом де Роганом [238] был вождем гугенотской партии, в это время находился в Лондоне и настойчиво просил Карла оказать покровительство своим бедствующим единоверцам. Он утверждал, что после того, как соединенные английская и голландская эскадры подавили сопротивление жителей Ла-Рошели и при посредничестве Карла был заключен мир с королем Франции, честолюбивый кардинал отнюдь не оставил планов полного разгрома гугенотов; что во всех французских провинциях идут тайные приготовления к запрету их религии; что для обуздания Ла-Рошели, важнейшего оплота протестантов, возводятся специальные форты; что французские реформаты обращают свои взоры к Карлу как к главе своей веры, видя в нем государя, который должен их поддержать как из склонности, так и из соображений выгоды; что пока существует их партия, Карл может быть уверен в ее преданности не меньше, чем в преданности собственных подданных, но если гугеноты будут лишены своих вольностей, то могущество Франции, избавившейся от этого препятствия, вскоре составит страшную угрозу для Англии и для всех соседних государств.

ЭКСПЕДИЦИЯ НА ОСТРОВ РЕ

Хотя Карл едва ли питал особое расположение к гугенотам, столь сильно напоминавшим пуритан в культе и в дисциплине, в религии и в политике, он позволил себя убедить, тем более что вышеупомянутые аргументы поддержал своими настойчивыми ходатайствами Бекингем. Для экспедиции во Францию снарядили флот из ста кораблей и армию в семь тысяч солдат, командование коими было поручено герцогу, совершенно не знакомому ни с морской, ни с сухопутной военной службой. Английский флот появился перед Ла-Рошелью, однако Бекингем действовал так бестолково, что жители города заперли ворота и отказались впустить союзников, о прибытии которых не были извещены заранее[416]. Во всех последующих операциях герцог обнаружил столько же неспособности и неопытности. Вместо того чтобы атаковать Олерон, плодородный и совершенно незащищенный остров, Бекингем направился к острову Ре, хорошо укрепленному и имевшему крупный гарнизон. Высадив, хотя и не без потерь, свою армию (9 июня), он не закрепил этот успех новым ударом, но подарил французскому коменданту Туара пятидневную передышку, во время которой неприятель сумел снабдить форт Сен-Мартен провизией и подготовить его к обороне[417]. В тылу у себя Бекингем оставил небольшой форт При, который вначале не смог бы оказать никакого сопротивления. Приняв решение взять Сен-Мартен измором, Бекингем пренебрег охраной морских подступов к нему и позволил перебросить в форт продовольствие и боевые припасы. Утратив, наконец, надежду принудить французов к сдаче голодом, он атаковал Сен-Мартен, не сделав в стене бреши, и безрассудно пожертвовал жизнями многих своих солдат. Обнаружив, что французы, просочившись небольшими отрядами, высадились в форте При, на который он вначале не обратил внимания, Бекингем стал думать об отступлении, но осуществил его так неискусно, что оно обернулось для англичан полным разгромом. Он последним взошел на корабль и возвратился в Англию, потеряв две трети сухопутных войск, совершенно опозорившись и как адмирал, и как генерал, и не снискав иных лавров, кроме пошлой славы мужества и личной храбрости.

Герцог де Роган, который взялся за оружие, как только Бекингем прибыл к французскому побережью, ясно обнаружил опасный дух своей секты, не будучи, однако, в силах причинить какой-либо ущерб врагу, а жители Ла-Рошели, которых, наконец, убедили присоединиться к англичанам, ускорили тем самым мщение своего монарха; снабжая союзников, они исчерпали собственные запасы провианта и теперь оказались перед прямой угрозой осады. Таковы были итоги французской экспедиции Бекингема.



Глава VII

Третий парламент Карла. — Петиция о праве. — Отсрочка парламента. — Смерть Бекингема. — Новая сессия парламента. — Потонный и пофунтовый сборы. — Арминианство. — Роспуск парламента.

Были основания опасаться, что овладевшее английским народом недовольство приведет к каким-то беспорядкам или мятежам. В самом деле, народ считал, что его лишили старинных вольностей, что с него силой взимают незаконные налоги, что английская торговля, столкнувшаяся прежде с огромными трудностями по причине испанской войны, пришла теперь в полный упадок из-за войны с Францией, что две скверно организованные и потерпевшие провал экспедиции нанесли жестокий удар по унаследованной от предков репутации английского оружия и что едва ли найдется в стране знаменитое семейство, которое не оплакивало бы потерю сына или брата в последней из них. Со страхом ожидали, что война с этими могущественными державами, вместе с внутренним неустройством, от которого страдала нация, принесет еще более ужасные бедствия. Но все эти несчастья люди объясняли отнюдь не строптивостью и несговорчивостью двух последних парламентов, которые и послужили отчасти их причиной, но единственно лишь тем, что Карл упорно следовал советам Бекингема, человека, который ни по рождению своему, ни по возрасту, ни по достоинствам или заслугам не имел ни малейшего права на безграничное доверие монарха. Быть приносимым в жертву выгоде, политике и честолюбию сильных мира сего есть столь обыкновенный для народа удел, что безрассудными можно счесть тех, кому приходит в голову на него сетовать, но страдать из-за легкомысленных интрижек и ребяческих капризов временщика — это казалось англичанам особенно унизительным и нестерпимым.

ТРЕТИЙ ПАРЛАМЕНТ КАРЛА

Легко понять, что в подобных обстоятельствах король и герцог более всего страшились созыва парламента, но в дерзких своих замыслах они обнаружили так мало предусмотрительности, что в конце концов оказа-

лись вынуждены прибегнуть к этому средству. Денежные суммы, собиравшиеся — или скорее вымогавшиеся — под прикрытием ссылок на королевскую прерогативу, поступали так медленно и вызывали в стране столько недовольства, что повторение данного опыта казалось весьма рискованным. Двор надеялся, что общины, сознавая безусловную необходимость предоставить короне субсидии, забудут о всех прошлых обидах, а испытав на себе скверные последствия прежнего своего упрямства, решатся пойти на разумные уступки. Дабы еще более их смягчить, положено было (по мысли сэра Роберта Коттона)[1], что первым, кто внесет в королевском совете предложение о созыве нового парламента, будет Бекингем. Совершив столь достохвальное деяние, герцог ожидал, что все его прежние грехи будут забыты и прощены, и что теперь в нем будут видеть не тирана и притеснителя, но первого патриота Англии.

Планы народных вождей были гораздо более разумны и основательны. Когда палата общин собралась на свое первое заседание (17 марта), выяснилось, что ее члены движимы тем же вольнолюбивым духом, что и их предшественники, и обладают такими богатствами, что, согласно оценкам, их собственность втрое превосходит совокупное состояние палаты лордов[2]. Они представляли графства и города, глубоко возмущенные недавними посягательствами на свободу; многие из коммонеров прежде сами сидели в тюрьмах или иным образом пострадали от действий двора, и, однако, несмотря на все эти обстоятельства, которые могли бы их толкнуть к мерам резким и вызывающим, они приступили к делу в совершенном спокойствии и с соблюдением всех приличий. Общины понимали, что королю, раздраженному против народных собраний и не питавшему особого уважения к их привилегиям, нужен лишь благовидный предлог, чтобы окончательно с ними рассориться, и что он с радостью ухватится за первую же возможность, которую предоставит ему какой-нибудь двусмысленный инцидент или непочтительное поведение членов палаты. В первой своей речи король откровенно им заявил, что если они, презрев свой долг, не сделают того, чего требуют нужды государства, он должен будет, по совести, использовать другие средства, которые вручил ему Бог, дабы спасти то, что в противном случае могло бы пострадать из-за неразумия отдельных лиц. «Не примите это за угрозу, — добавил король, — ибо я не унижусь до того, чтобы грозить кому-либо, кроме равных мне; это лишь предостережение, которое дает вам тот, кому долг и природа велят иметь наивысшее попечение о вашем счастье и безопасности»[3]. Лорд-хранитель печати присовокупил, по указанию короля, следующее: «Его Величество, как вам было сказано, избрал парламентский путь получения субсидий не как единственное средство, но как наиболее удобное; не потому, что у него нет других средств, но потому, что это средство превосходно согласуется с его великой добротой и милосердием, а также с желанием и благом его подданных. Если же с ним возникнет промедление, то необходимость и меч врага могут открыть путь для иных мер. Не забывайте предостережение Его Величества, повторяю вам, не забывайте»[4]. Услышав эти

откровения, общины заключили, что при первом же удобном случае король немедленно их распустит и с этого момента будет считать себя вправе еще более открыто нарушать старинные конституционные порядки. И тогда уже не останется иного выхода, кроме мятежей и гражданской войны, результат которых был бы чрезвычайно сомнителен, но которые при любом исходе принесли бы народу страшные бедствия. Чтобы устранить недавние злоупотребления в администрации, необходимо принять новые законы, которые, конечно же, не придутся по вкусу государю, до такой степени влюбленному в свою прерогативу, а значит, неизбежную суровость решений нужно смягчить умеренным тоном и благопристойной сдержанностью дебатов. Ничто не способно внушить нам более высокого мнения о талантах лиц, руководивших тогда общинами, и о приобретенном ими авторитете, нежели тот факт, что они сумели составить и осуществить столь благоразумный и сложный план действий.

И однако та почтительная сдержанность, которую народные вожди предписали себе и рекомендовали другим, не помешала им весьма громко и решительно выразить свое недовольство по поводу бедствий, постигших в последнее время нацию. Сэр Фрэнсис Сэймур сказал: «Мы — высший совет королевства [239], и, несомненно, именно здесь — и, может быть, только здесь — Его Величество, словно в правдивом зеркале, способен узреть истинное состояние королевства. Мы призваны сюда по его воле, дабы подать ему нелицемерный совет, подобающий его чести и сану, и сделать это мы должны без всякой лести. Мы также посланы сюда народом, дабы представить его справедливые жалобы, и совершить это мы обязаны без всякого страха. Так не станем же вести себя, подобно судьям Камбизовым [240], которые, когда государь потребовал их согласия на какую-то незаконную меру, отвечали: *Хотя существует писаный закон, персидские цари вправе поступать по собственной воле и желанию.* Это была низкая лесть, не подражания, но осуждения нашего достойная, ибо лесть, как и страх, лишает человека разума. Что до меня, то я стану остерегаться и того и другого; я скажу Его Величеству правду с величайшим почтением, но не забуду об интересах народа.

Но как можем мы выразить нашу любовь, по-прежнему испытывая и страх? Как заговорим о том, чтобы нечто дать королю, если не знаем, а есть ли у нас вообще то, что можно давать. Ибо если Его Величество можно убедить силой взять все, что ему угодно, то зачем же нам отдавать что-либо добровольно?

А что это было сделано, явствует из расквартирования солдат по частным домам, совершенно бесполезного для короля и весьма обременительного для общества, а также из заключения в тюрьму отказавшихся внести заем джентльменов, которые, соверши они из страха противное, заслуживали бы такого же порицания, как и те, кто задумал эту деспотическую меру. А в оправдание и защиту подобных действий разве не звучали с церковных кафедр проповеди, а точнее, вздорные речи о том, что *все наше есть по божественному праву королевское?* Но когда проповедники

изменяют своему призванию и становятся невежественными слугами короны, то мы видим, с какой готовностью продают они чистую совесть за епископский сан.

Должен согласиться: тот не будет хорошим подданным, кто не отдаст с радостной готовностью свою жизнь, если жертва эта может послужить интересам его государя или благу нации. Но не верным подданным, а низким рабом окажется тот, кто позволит, чтобы его лишали имущества вопреки его желанию и свободы — вопреки законам королевства. Противясь подобным действиям, мы лишь идем по стопам наших предков, которые интересы общества всегда ставили выше личного интереса, более того — выше самой жизни. И если мы откажемся от этого права и притязания, то согрешим перед собой, перед нашей совестью и перед нашим потомством»[5].

«Я читал, что у древних римлян, — говорил сэр Роберт Филипс, — было в обычае устраивать ежегодные празднества, на которых рабы получали полное право говорить все, что им заблагорассудится, дабы облегчить таким образом свои печальные души; когда же эти празднества заканчивались, они возвращались в прежнее рабское состояние [241].

Это древний обычай может до известной степени объяснить наше нынешнее положение. После недавних перемен и прискорбных попустительств множеству насилий и притеснений мы, словно римские рабы, получили на один день свободу слова. Я, однако, надеюсь, что рабами мы уже не станем, ибо родились мы свободными. Но какие именно новые незаконные меры легли тяжким бременем на наши личности и имущества, — об этом жаждет поведать мое сердце, но не решается сказать мой язык.

Притеснения, от которых мы страдаем, я подразделяю на два вида: деспотические действия власти, противоречащие закону, и судебные решения, посягающие на нашу свободу».

Упомянув три незаконных решения, вынесенных судами на его памяти (первое, согласно которому шотландцы, родившиеся после восшествия на престол короля Якова, получили все права английских подданных; второе, оправдывающее новые пошлины, и, наконец, третье, недавнее, санкционировавшее произвольные аресты), сэр Роберт Филипс продолжал:

«Я могу жить, хотя бы рядом со мной определили жить другому, не имеющему на то права; я могу жить, пусть даже обремененный налогами более тяжкими, чем те, от которых страдаю ныне; но когда отнимают мою свободу — душу моей жизни! — когда бросают меня, беспомощного, в тюрьму и называют все это законом... о недальновидные предки! О неразумные предшественники наши! Вы так тщательно гарантировали нам парламентские привилегии и спокойное владение нашим имуществом и в то же время пренебрегли защитой нашей личной свободы; вы допустили, чтобы мы томились в заточении *так долго, как это будет угодно властям,* без всякой надежды, без всякого удовлетворения! Если это закон, то для чего мы вообще толкуем о каких-то свободах? Зачем берем на себя труд спорить о конституции, о привилегиях, о пользовании имуществом и

тому подобном? Что может назвать человек *своим*, если не свободу своей личности?

Я устал об этом говорить и потому заключаю следующим предложением нужно образовать особый комитет, который составит петицию Его Величеству ради исправления упомянутых зол Когда же эта петиция будет прочитана, обсуждена и одобрена, ее можно будет подать королю, в чьем милостивом ответе у нас нет причин сомневаться столь разумны наши пожелания, столь лояльны намерения, столь почтительны действия Нам также не следует думать, что этому парламенту, как намекают иные, грозит опасность, или что подобный образ действий уведет нас в сторону от цели Мы должны твердо верить в счастливый исход И тогда король, именующий нас своим великим советом, непременно увидит, что мы — его правдивый совет, и признает, что совет этот полезный и благой»[6]

Еще энергичнее о том же рассуждал сэр Томас Уэнтворт Упомянув о прожектерах и о дурных государственных министрах, он сказал «Это они придумали Тайный совет, который захватил в свои руки все части прежнего правления, который уничтожает всякую свободу, бросает нас в тюрьму без права быть взятыми на поруки или освобожденными под залог Это они отняли у нас но что я теперь скажу? В самом деле, что же они нам оставили? Вырвав с корнем всякое право собственности, они лишили нас возможности удовлетворять нужды короля и добиваться его расположения добровольными доказательствами нашей преданности и верности долгу

Я буду говорить о том, как заделать все эти бреши, и представлю на ваше обсуждение лекарство от всех этих болезней Одно и то же причиняет вред королю и народу, одним и тем же средством их должно исцелить Нам следует встать на защиту на защиту чего? чего-то нового и недавнего? Нет — на защиту наших старинных, законных и жизненно важных свобод Как? — подтвердив законы, принятые нашими предками скрепив их такой печатью, чтобы ни один порочный человек не осмелился отныне на них посягнуть И неужели мы станем думать, что это приведет к роспуску парламента? Никоим образом желания наши скромны и справедливы Я говорю сейчас во имя общих интересов короля и народа, ведь если мы утратим эти права, то уже не сможем помочь монарху А потому не будем сомневаться в доброте Его Величества и в благосклонном приеме нашей просьбы»[7]

Вся палата единодушно согласилась с этими мыслями Даже партия двора не посмела привести в оправдание недавних мер что-либо, кроме крайней нужды, до которой довело короля упрямство двух последних парламентов А потому постановление против принудительных займов и произвольных арестов принято было без возражений[8] Когда же дух свободы получил таким образом известное удовлетворение, палата могла с большим спокойствием перейти к многочисленным посланиям короля, настойчиво требовавшего денег Королю вотировали пять субсидий, и хотя они далеко не соответствовали его потребностям, он объявил, что вполне ими

доволен, и даже слезы признательности появились в его глазах в тот момент, когда ему сообщили об этой уступке. Государственный секретарь Кок[242] поведал также и об одобрении данного шага Бекингемом, но упоминание этого факта рядом с именем государя палата встретила весьма неблагосклонно[9]. Общины, хотя и раздраженные против короля, заботились о его достоинстве гораздо сильнее, чем это позволяло делать самому королю его безграничное доверие к герцогу.

ПЕТИЦИЯ О ПРАВЕ

Субсидии, хотя и вотированные, еще не были обращены в закон, и этот промежуток общины решили использовать для того, чтобы оградить свои права и свободы, совсем недавно подвергшиеся нарушениям. Они знали, что их собственное постановление, объявлявшее незаконными последние меры двора, само по себе не обладает достаточной силой, чтобы надежно гарантировать конституцию от любых посягательств в будущем. Соответствующий акт должен был получить санкцию всей законодательной власти, и потому они назначили комитет для подготовки проекта столь важного закона. Попытавшись осуществить одновременно все опасные и притеснительные притязания своей прерогативы, Карл поступил опрометчиво, ибо дал возможность поразить их одним ударом; кроме того, представив публике для ближайшего обозрения их последствия, он еще сильнее пробудил вольнолюбивый дух общин. Принудительные займы, добровольные пожертвования, не утвержденные парламентом налоги, произвольные аресты, солдатские постои — таковы были главные причины недовольства, и против них нужно было раз и навсегда отыскать средство. Общины, по их словам, не претендовали на какие-либо новые права или привилегии; они лишь стремились защитить те, которые были унаследованы ими от предков, и закон свой решили назвать ПЕТИЦИЕЙ О ПРАВЕ, подразумевая тем самым, что в нем содержится подтверждение или истолкование древней конституции, а отнюдь не посягательства на королевскую прерогативу или требование новых вольностей.

Пока комитет общин работал над петицией о праве, приверженцы обеих партий как в парламенте, так и в стране, горячо спорили об этом билле, которому, по всей вероятности, суждено было составить целую эпоху в истории английской системы правления.

Что статуты, утверждали сторонники общин, гарантирующие английскую свободу, отнюдь не устарели, явствует из того, что англичане всегда были свободными людьми и всегда управлялись законом и смешанной конституцией. В особенности же привилегии, основанные на ВЕЛИКОЙ ХАРТИИ, должны всегда оставаться в силе, ибо происходят они из источника, который обладает незыблемым авторитетом и во все времена рассматривался как священный и нерушимый договор между королем и

народом. Наши благородные предки ценили эту хартию так высоко, что тридцать раз добивались ее подтверждения и даже гарантировали ее особой нормой, которая хотя и является общепризнанной в теории, кажется неисполнимой на практике. Они установили в качестве принципа, что *даже статуты, если они приняты в противоречии с какой-либо статьей этой хартии, не могут иметь силы или действия.* Но что касается важнейшей статьи, гарантирующей личную свободу, то они не только никогда не пытались нарушить ее каким-либо законом, но подтвердили шестью статутами, поставив ее таким образом вне всякого сомнения и спора. Если же ее часто нарушали на практике, то ведь злоупотребления не способны заменить собой законы, и никакие законные права и полномочия не могут выводиться из несправедливостей и беспорядков. Между тем право подданных на личную свободу не только основывается на древних и, следовательно, священных законах, но и полностью подтверждается АНАЛОГИЕЙ между формой правления и конституцией. Свободная монархия, в которой все люди — рабы, есть очевидное противоречие: там, где законы устанавливают привилегии различных сословий государства, необходимо также, чтобы они обеспечивали свободу отдельных лиц. И если бы в этом пункте можно было проводить какие-то различия, то было бы разумнее предоставить в полную власть государя жизнь или собственность, поскольку эта уступка не породила бы никакой прямой угрозы для законов и для привилегий народа. В самом деле, лишение жизни без приговора суда — это вопиющий акт деспотизма, и он не может тотчас же не возмутить естественное человеколюбие государя и не поднять тревогу по всей стране. А конфискация имущества, будучи сама по себе отвратительным насилием, кроме того навлекает на монарха столь жестокие упреки в алчности и корыстолюбии, что правители цивилизованных стран редко осмеливаются на такие поступки. Между тем тюремное заключение является карой хотя и не столь ужасной внешне, однако не менее суровой по существу, и нет такого человека, сколь угодно мужественного и стойкого, чей дух не сломила бы в конце концов сама продолжительность бесславных и безвестных тюремных мук. А значит, право заключать в тюрьму без суда — самое мощное и естественное орудие тиранического правления — абсолютно необходимо уничтожить в правлении свободном и законном.

Приверженцы двора рассуждали иначе. Истинным порядком правления, говорили они, в любую эпоху является тот, к которому народ привык с незапамятных времен и которому он подчиняется быстро и без усилий. Реальная практика, которую он всегда воспринимал чувствами, бесчисленные примеры которой он видел или о которых слышал, обладает для народа гораздо бóльшим авторитетом, чем отвлеченные теории, выведенные из устаревших статутов или покрытых плесенью хартий. Тщетно законники устанавливают в качестве принципа, что статут не может утратить силу под действием противоположного обычая, но должен быть формально аннулирован статутом противоположного свойства. Пытаясь

защитить аксиому, характерную лишь для английской юриспруденции, они погрешают против самых бесспорных принципов человеческой природы в целом и даже неизбежным образом противоречат в своих рассуждениях природе самого закона, который им угодно представлять столь священным и неприкосновенным. Чтобы закон имел какой-либо авторитет, его источником должна быть правомочная законодательная власть. Но откуда же проистекает правомочность решений любой законодательной власти, как не из давно существующего обычая и твердо установившейся практики? Если когда-либо, из-за неопытности сенатов и государей или по причине насилия мятежных партий, закон, противоречащий общему благу, был опрометчиво принят и санкционирован, то он не может быть отменен более действенным и бесспорным образом, чем посредством ряда противоположных прецедентов, которые ясно доказывают, что по всеобщему молчаливому согласию его игнорируют как негодный и неисполнимый. Именно так и обстоит дело со всеми статутами, принятыми в смутные и беспокойные времена с целью ограничить королевскую прерогативу и стеснить государя в исполнении законов и в защите народа. Но среди всех частей прерогативы важней всего для нас сохранить право монарха заключать в тюрьму. Раздоры и несогласия, подобно болезням, нередко возникают в любом политическом теле, и во время подобных расстройств лишь целительное применение этой дискреционной власти способно предотвратить гражданские войны и мятежи. Ограничить это право, указать его точные пределы — значит уничтожить его сущность; совершенно его отменить — невозможно на практике, и сама попытка это сделать окажется для общества чрезвычайно опасной, если не роковой. В самые тяжелые и смутные времена высший магистрат, действуя из благоразумия или из чувства долга, никогда не позволит государству совершенно разрушиться, пока остается у него возможность использовать это средство, как бы оно ни противоречило обычным нормам и законам. Если же он, движимый заботой об общем благе, употребляет свою власть вопреки недавно принятым ясным и определенным статутам, то с какой жадностью в эти опасные времена хватаются вожди бунтовщиков за подобный предлог, чтобы обвинить его в тирании и деспотизме! Но будь здесь абсолютно необходим выбор, человеческому обществу, без сомнения, лучше было бы утратить свободу, чем остаться без всякой власти.

Люди, мыслящие непредвзято, должны согласиться, что данный предмет не лишен затруднений с обеих сторон. Там, где принят всеобщий строгий закон против произвольных арестов, нельзя, очевидно, управлять государством в период волнений и мятежей без временной его отмены; но в царствование Карла подобная мера никому не приходила в голову. Парламенты созывались тогда слишком нерегулярно, а постановления свои они принимали слишком медленно, чтобы принести пользу в чрезвычайных обстоятельствах, требовавших безотлагательных действий. И потом, тогда еще не понимали, что король сам по себе не в силах обеспечить защиту и безопасность своего народа, и не могли вообразить, что авторитет на-

родных собраний станет когда-либо настолько безусловным, что королю придется согласовывать с ним все свои действия и у него уже не будет причин принимать какие-либо меры предосторожности против парламента или своих подданных.

Хотя палата лордов не осталась совершенно нечувствительной к аргументам, приводившимся в пользу требований общин, доводы, представленные в пользу короны, она сочла более вескими и убедительными. Кажется, это собрание держалось в целом довольно разумной и умеренной позиции, и если лорды, что вполне естественно, склонялись чуть больше, чем это было необходимо, на сторону монархии, то они и в мыслях не имели приносить в жертву деспотическому произволу права и свободы нации. Когда Эшли, королевский адвокат, выступая с речью перед пэрами, заявил, что король должен править, опираясь порой не только на законы, но и на произвольные акты, мнение это вызвало такое негодование, что Эшли тотчас же посадили в тюрьму и выпустили лишь после того, как он покаялся и отрекся от своих слов[10]. Опасаясь, однако, как бы общины в задуманной ими петиции не зашли слишком далеко, лорды составили собственный, более умеренный ее проект и предложили нижней палате его рассмотреть. Он сводился к общей декларации, где было сказано, что Великая хартия и шесть статутов, считавшихся ее истолкованием, по-прежнему остаются в полной силе; что, согласно хартии и статутам и в соответствии с общим смыслом старинных законов и обычаев королевства, все подданные английского короля имеют неотъемлемое право на личную свободу и на распоряжение своим имуществом; что право собственности и личная свобода остаются ныне столь же неприкосновенными, как и в любой прежний период английской истории; что во всех обычных делах нормой для судопроизводства должно служить общее право Англии, «если же в целях защиты особы Его Величества, ради безопасности народа или для мирного управления королевством король, по справедливой причине и из надлежащих государственных соображений, найдет нужным задержать или подвергнуть заключению какое-либо лицо, то его просят милостиво объявить, что в *удобное* время он согласится и пожелает назвать причину тюремного заключения или ареста, а по представлении таковой причины тотчас же позволит судить заключенного в соответствии с общим правом страны»[11].

Выступать на конференции обеих палат в пользу данного проекта петиции лорды поручили архиепископу Эбботу. Прелат, как это, несомненно, можно было предвидеть, исходя из его всем известных принципов, чрезмерной настойчивости не проявил, а нижняя палата была твердо убеждена в том, что общие декларации ничего не значат и что последний пункт оставляет их свободы в еще худшем положении, чем прежде. А потому она с величайшим рвением приступила к подготовке своего проекта петиции, который должен был содержать формулировки более ясные и более благоприятные для народных вольностей.

Последствия король мог предвидеть без труда. В начале сессии он выразил готовность одобрить любой закон, гарантирующий права и сво-

боды нации, однако подобных посягательств на свою прерогативу Карл не ожидал. А потому, желая увести общины в сторону от их цели, он направил им послание, в котором признавал прежние ошибки и обещал, что отныне у народа не будет справедливых причин для недовольства. Король добавил, что «из-за не терпящих отлагательства государственных дел он не сможет продлить эту сессию более чем на одну или две недели, и если палата к этому времени окажется не готовой завершить свою работу, то это будет ее вина»[12]. В следующий раз он обратился к общинам с вопросом: «Зачем требовать особых истолкований, если вы не сомневаетесь, что статуты остаются в силе и используются в соответствии со своим истинным смыслом? Истолкования лишь дают повод для опасных посягательств на прерогативу. И у вас можно с полным правом спросить: Зачем нужен новый закон в подтверждение старого, если вы вполне доверяете декларациям, сделанным Его Величеством в адрес обеих палат?»[13] Дело в том, что Великая хартия и древние статуты достаточно ясно свидетельствовали в пользу личной свободы, но поскольку все английские короли из соображений необходимости или целесообразности время от времени уклонялись от их исполнения, а сам Карл недавно нарушил их сразу в нескольких случаях, то общины сочли нужным принять новый закон, который нельзя было бы нарушить или обойти с помощью любых истолкований или ссылок на противоречащие ему прецеденты. Кроме того, общины полагали, что одного обещания короля вернуться к образу действий своих предшественников недостаточно. Предшественники Карла во все времена обладали слишком широкой дискреционной властью, и недавние злоупотребления ею открыли обществу глаза на необходимость ее ограничить.

Между тем король упорствовал в своих попытках уклониться от принятия петиции. Он направил послание палате лордов, в котором сделал даже особое заявление о том, что «ни он, ни его Тайный совет не станут заключать или отправлять в тюрьму или иным образом лишать свободы кого-либо за отказ в предоставлении займа или за иное действие, которое, по свидетельству его совести, не затрагивает блага общества и безопасности короля и народа». Далее король объявил, что «он никогда не будет виновен в столь низком деянии, как ссылка на какую-либо причину ареста, в справедливости которой он не вполне убежден»[14]. Но это обещание, хотя в его пользу перед общинами настойчиво ходатайствовала верхняя палата, произвело впечатление ничуть не большее, чем все прежние послания монарха.

К числу увертюр короля можно также отнести сделанное палатой лордов предложение присовокупить к петиции о праве следующую фразу: «Мы покорнейше подносим Вашему Величеству эту петицию не только с целью обеспечить наши собственные свободы, но и с надлежащей заботой о том, чтобы сохранить в неприкосновенности *верховную власть*, каковой облечено Ваше Величество для покровительства, безопасности и счастья вашего народа»[15]. Даже люди менее проницательные, чем тогдаш-

ние вожди общин, могли бы легко понять, сколь коварны эти слова, смысл которых заключается в том, чтобы лишить петицию всякой силы.

Когда эти препятствия были с успехом преодолены, общины приняли петицию о праве и передали ее верхней палате[16]. Лорды, которые, вероятно, втайне радовались тому, что общины уклонились от исполнения всех их ходатайств, быстро и без существенных изменений приняли петицию, и теперь недоставало лишь королевской санкции для того, чтобы она получила силу закона. Король явился в палату лордов, призвал к себе общины и, восседая в государственном кресле, выслушал текст петиции. Каким же было всеобщее удивление, когда вместо обычной краткой и ясной формулы, утверждающей или отклоняющей предложенный билль, он дал на петицию следующий ответ: «Король желает, чтобы суд вершился в согласии с законами и обычаями королевства, чтобы статуты строго исполнялись, чтобы его подданные не имели причин жаловаться на какие-либо притеснения и обиды, противные их законным свободам и правам, защищать которые он по совести почитает себя обязанным в такой же мере, как и собственную прерогативу»[17].

Трудно понять, каким образом Карл, уже столько раз сталкивавшийся с недоверием и подозрительностью общин, да и сам чрезвычайно усиливший их недовольство в ходе этой сессии своими уклончивыми посланиями, мог тем не менее вообразить, будто их удовлетворит столь туманный и неопределенный ответ. Было совершенно ясно, что уже одна необычная форма ответа непременно обратит на себя их подозрительное внимание, что обманутая надежда вызовет их гнев и что поэтому необходимо было — поскольку казалось, что петиция посягает на королевскую прерогативу, — как можно раньше прийти к определенному решению: либо милостиво ее принять, либо мужественно отвергнуть.

Случилось то, что можно было предвидеть: общины возвратились к себе чрезвычайно раздраженные. Обычно, когда они пребывали в подобном расположении духа, их религиозный пыл и ненависть к несчастным католикам доходили до крайней степени. Однако в начале этой сессии общины уже подали петицию о религии и получили на нее удовлетворительный ответ, хотя они и не надеялись на то, что законы против папистов будут исполняться с большей точностью и строгостью, чем прежде. И чтобы дать выход нынешнему своему гневу, они с величайшей яростью набросились на доктора Манверинга.

Ничто не может в большей степени объяснить, если не оправдать, крайнюю суровость нижней палаты по отношению к Карлу, чем то обстоятельство, что он открыто исповедовал и поощрял принципы, совершенно несовместимые с ограниченной монархией. Манверинг написал проповедь, которая, как выяснили общины, была напечатана по особому распоряжению короля[18]; когда же с ней познакомились поближе, оказалось, что она содержит доктрины, губительные для всякой гражданской свободы. Манверинг учил, что хотя в обычные времена имущество находится на хранении у подданных, однако всякий раз, когда у короны возникает край-

няя нужда в средствах, вся их собственность переходит в распоряжение монарха; что согласие парламента не является необходимым для взимания налогов; и что по божественному праву подданные обязаны повиноваться любому, сколь угодно незаконному, требованию своего государя[19]. За эти учения общины обвинили Манвеpинга перед верхней палатой. Лорды вынесли ему следующий приговор: он должен был находиться в тюрьме столько, сколько будет угодно палате, заплатить 1000 фунтов штрафа королю, публично раскаяться в своем преступлении и просить за него прощения; кроме того, его лишали сана на три года, он терял право занимать любые церковные и гражданские должности, а его книга подлежала конфискации и сожжению[20].

Стоит отметить, что как только сессия парламента закончилась, этот человек, вызвавший справедливую ненависть обеих палат, был помилован и получил весьма доходный бенефиций[21]. Несколько лет спустя он был поставлен на епархию св. Асафа. Если республиканский дух общин увеличивал сверх всяких разумных пределов монархический дух двора, то этот последний, достигнув столь высокой степени, в свою очередь еще сильнее разжигал первый. Таким образом всюду сталкивались крайности, а благоразумный средний путь все постепенно оставили.

От Манвеpинга палата общин перешла к критике действий Бекингема, чье имя она до сих пор осмотрительно избегала упоминать[22]. Тщетно король направил общинам послание, в котором указал, что сессия близится к концу, и потребовал, чтобы они не принимались за какие-либо новые вопросы и не сеяли клевету в адрес его правительства и министров[23]. Хотя двор попытался разъяснить и смягчить это послание новым[24] — Карл всегда был готов один опрометчивый шаг исправлять другим, — оно не успокоило, но скорее еще сильнее разожгло гнев общин: палата решила, что ей предписывают, каким образом следует ей вести свои заседания. Можно было предвидеть, что над герцогом вот-вот разразится страшная буря, и, чтобы отвести в сторону удар, Карл счел нужным, после совместного ходатайства лордов и общин[25], удовлетворить их относительно петиции о праве. Он явился в палату лордов и, произнеся традиционную формулу: *Да будет это законом, как вы того желаете,* — санкционировал и утвердил петицию. Крики радости, которыми огласилась палата, и бурный восторг, охвативший нацию, ясно показывали, в какой мере эта петиция была предметом всеобщих желаний и надежд[26].

Можно без всякого преувеличения утверждать, что согласие короля на петицию о праве произвело в системе правления перемены, почти равносильные революции, и что ограничение в столь многих пунктах монаршей прерогативы создавало дополнительные гарантии для прав и свобод подданных. Однако общины не были удовлетворены этой важной уступкой. Многочисленные уловки и отговорки короля довели их раздражение до такой степени, что санкция, вырванная у Карла с величайшим трудом, не могла его тотчас же успокоить. Не исключено также, что народные вожди, люди ловкие и непримиримые, заметили благоприятную возможность

и решили закрепить свою победу, обратив против короля то самое оружие, которое он им предоставил. Однако вотированный ранее билль о пяти субсидиях прошел через палату очень быстро: предоставление короне этих сумм являлось в известном смысле молчаливо подразумеваемым условием королевского согласия на петицию, и будь оно нарушено, всякое доверие между королем и парламентом стало бы впредь невозможным. Сделав эту уступку, общины продолжили тщательный разбор всех частей администрации. В некоторых пунктах их усердие заслуживало похвалы, в других же, вероятно, оно было достойно порицания.

Вскоре после созыва настоящего парламента канцлеру сэру Томасу Ковентри [245], лорду-казначею графу Мальборо [246], председателю совета графу Манчестеру [247], лорду хранителю печати графу Вустеру [248], генерал-адмиралу герцогу Бекингему и всем высшим государственным чинам в числе тридцати трех человек было дано особое поручение. Согласно этой комиссии, которая, судя по количеству упомянутых в ней лиц, не могла оставаться тайной, комиссионеры были уполномочены собираться и обсуждать способы сбора денег посредством обложений или иным путем — *в тех случаях*, как гласил текст комиссии, *когда необходимо пожертвовать формальностями, чтобы не поставить под угрозу и не погубить суть дела*[27]. Другими словами, решено было отыскать средства, которые расширили бы прерогативу до предела, сделав парламент совершенно излишним. Общины ходатайствовали об отмене комиссии[28], желая при этом, несомненно, чтобы все пришли к заключению, что король исповедует принципы крайнего деспотизма и совершенно не склонен уважать права и привилегии своего народа.

Были также даны полномочия и отправлена известная сумма для набора в Германии отряда кавалерии в тысячу сабель и доставки его в Англию. Подозревали, что на эти войска корона намерена опереться при взимании проектируемых налогов и акцизов, однако численность их кажется недостаточной для подобной цели[29]. Палата весьма резко отозвалась об этом замысле, и, несомненно, ни одна мера двора не могла вызвать у всей нации больше ненависти. Нужно, однако, согласиться, что в известном смысле король был прав, поскольку нашел, наконец, единственное средство, способное поддержать его прерогативу. Но в то же время королю следовало бы понять, что пока не он располагает достаточными военными силами, все его попытки противодействовать растущей энергии и одушевлению народа непременно окажутся бесплодными, и что чем выше подтягивает он рессоры правления, имея так мало реальных возможностей удерживать их в этом искусственном положении, тем с более губительной силой они распрямятся, когда какой-нибудь случай возвратит их к положению естественному.

Затем общины вернулись к критике действий Бекингема, к которому, как и прежде, были неумолимы. Палата решила представить королю ремонстрацию, где перечислила все жалобы и бедствия народа, не упустив ни единой подробности, способной вызвать ненависть и презрение ко всей

администрации. Денежные компромиссы с католиками, утверждала палата, означают не более не менее как терпимость, мерзкую перед Господом, в высшей степени позорную и невыгодную для Его Величества, крайне оскорбительную и удручающую для его доброго народа. Кроме того, палата обратила внимание на упомянутые выше нарушения свободы, против которых петиция о праве уже представила, казалось бы, надлежащие средства; она упомянула об упадке торговли, о неудачных экспедициях в Кадис и на остров Ре, о поощрении арминиан, о комиссии на доставку в Англию немецкой кавалерии для сбора незаконных налогов, причем все перечисленные бедствия она приписывала исключительно лишь дурному образу действий Бекингема[30]. Эта ремонстрация была, пожалуй, не менее досадной для Карла, чем прежние, ибо наряду с крайне неприятным содержанием в ней, как и в большинстве ремонстраций той эпохи, сохранялись подчеркнутая вежливость языка и показная смиренность тона. А поскольку это было первое, что получил он в ответ на свои недавние благотворные уступки и жертвы собственной прерогативой — величайшие из всех, когда-либо сделанных английскими государями, — то ничто не могло вызвать у короля более естественный и справедливый гнев.

ОТСРОЧКА ПАРЛАМЕНТА

У общин имелись веские основания для того, чтобы держаться столь самонадеянно и непримиримо. Хотя они уже утвердили пять субсидий королю, в их руках по-прежнему оставался залог, который, по их мнению, надежно гарантировал успех всех их ходатайств. Парламент еще не утвердил потонный и пофунтовый сборы, общины же в ходе этой сессии весьма ловко скрывали свое намерение посягнуть на данную статью доходов короны, пока не добились от монарха санкции на петицию о праве, которую они по всей справедливости считали чрезвычайно важной. Теперь же они прямо заявили, что взимание потонного и пофунтового сборов без согласия парламента есть вопиющее покушение на старинные народные вольности и открытое нарушение только что утвержденной петиции о праве[31]. Чтобы помешать палате закончить и представить свою ремонстрацию, король неожиданно явился в парламент и отсрочил его заседания[32] (26 июня).

Избавленный на время от этого неудобного собрания, Карл занялся войнами за границей, но и здесь все его усилия оказались столь же безуспешными, как и во внутреннем управлении. Граф Денби [240], свояк Бекингема, был послан на выручку Ла-Рошели, к этому времени тесно осажденной с суши и стоявшей перед угрозой блокады с моря; но он возвратился, ничего не совершив, а отказавшись от атаки неприятельского флота, навлек на англичан упреки в трусости или в плохом командовании. Чтобы смыть этот позор, герцог прибыл в Портсмут, где он уже подготовил круп-

ную армию и флот, на которые и были израсходованы все парламентские субсидии. С их сбором короля постигло большое разочарование. Тот самый мятежный дух, который преобладал в палате общин, охватил теперь всю страну, и даже правительственные комиссары, назначенные распределять налог по плательщикам, потворствовали всем обманам и жульничествам, которые могли уменьшить поступление средств в казну и таким образом довести корону до еще большей нужды. Это недовольство нации, сообщившись одному отчаянному фанатику, вскоре вырвалось наружу в событии, которое можно счесть замечательным.

Некий Фельтон, человек из добропорядочной семьи, но с пылким и меланхолическим характером, служил под началом герцога в звании лейтенанта. Когда при отступлении с острова Ре был убит его капитан, Фельтон желал получить роту; не добившись своего, он отказался от офицерского патента и, полный недовольства, вышел в отставку. В душе этого угрюмого и замкнутого человека пылала личная злоба, между тем он мог слышать, как вся страна оглашается громкими жалобами против герцога; кроме того, ему попалась в руки ремонстрация общин, где его враг изображался виновником всех несчастий нации и заклятым врагом народа. Религиозный фанатизм разжег эти мстительные мысли еще сильнее, и Фельтон вообразил, что совершит угодное небесам дело, если одним ударом отправит на тот свет смертельного врага своей религии и страны[33]. Полный этих темных замыслов, он в одно время с герцогом прибыл в Портсмут и стал ожидать удобного момента, чтобы осуществить свой кровавый план.

СМЕРТЬ БЕКИНГЕМА

Бекингем беседовал с Субизом и другими французскими дворянами; в чем-то они не сошлись, и их спор, хотя и проходивший в целом спокойно и с соблюдением приличий, вызвал несколько резких жестов и энергичных восклицаний, к которым эта нация склонна в большей степени, чем англичане. Беседа закончилась, Бекингем направился к выходу, и в тот момент, когда герцог обернулся, чтобы заговорить с сэром Томасом Фрайером, полковником армии, внезапно, из-за спины сэра Томаса, он получил удар ножом в грудь. Не успев сказать ничего, кроме *«Этот негодяй убил меня»*, Бекингем вытащил из раны нож и испустил свой последний вздох.

Самого удара и человека, который его нанес, никто не видел, но в возникшем замешательстве все принялись строить собственные догадки, соглашаясь, впрочем, что убийство совершили французские дворяне: стоявшие поблизости могли слышать их раздраженные голоса, хотя и не понимали смысла произносимых слов. Их бы, вероятно, тотчас же убили в горячке мести, если бы среди англичан не нашлись люди более рассудительные и хладнокровные, которые, также полагая их виновными, все же сочли нужным сохранить им жизнь для допроса и законного суда.

Между тем у двери обнаружили шляпу, в которой была защита бумага, содержавшая несколько строк из ремонстрации общин, где Бекингем провозглашался врагом государства, под этими фразами стояло краткое восклицание или нечто вроде молитвы Легко сообразили, что шляпа принадлежит убийце, однако вопрос *«Кто этот человек?»* по-прежнему оставался без ответа в записке не было имени, да и кто бы он ни был, естественно было предположить, что он, не желая обращать на себя внимание отсутствием шляпы, уже успел скрыться достаточно далеко

И вдруг в этой суматохе заметили человека без шляпы, который совершенно спокойно прохаживался у двери Кто-то закричал *«Да вот же он, убийца герцога!»* Все устремились к этому месту, восклицая *«Кто это? Кто?»*, и человек без шляпы невозмутимо ответил *«Это я»* Более неистовые тотчас же бросились на него с обнаженными шпагами, другие, более рассудительные, попытались его защитить, а сам он, разведя руки в стороны, спокойно и радостно открыл свою грудь шпагам самых рассвирепевших, предпочитая пасть мгновенной жертвой их ярости, нежели ожидать неизбежной, как он понимал, публичной казни

Выяснилось, что это тот самый Фельтон, который прежде служил в армии Его отвели в отдельную комнату, после чего сочли нужным прибегнуть к хитрости и сказать ему, что Бекингем лишь тяжело ранен и положение его не безнадежно В ответ Фельтон усмехнулся и сказал, что герцог, как ему превосходно известно, получил удар, не оставивший им никаких надежд Когда его спросили, по чьему наущению совершил он это ужасное злодейство, он ответил, что им не стоит утруждать себя расследованием, что ни один человек на свете не обладал достаточным авторитетом в его глазах, чтобы склонить его к подобному поступку, что он никому не открывал своего замысла, что к решению этому он пришел сам, побуждаемый собственной совестью, что мотивы его выяснятся вполне, когда найдут его шляпу, ибо, полагая, что ему суждено погибнуть во время покушения, он заранее позаботился о том, чтобы их объяснить[34]

Когда об убийстве Бекингема сообщили королю, он встретил это известие с невозмутимым и равнодушным видом, и придворные, следившие за выражением его лица, заключили, что в глубине души он не был огорчен тем, что избавился от министра, столь ненавистного всей нации[35] Однако спокойствие Карла объяснялось исключительно лишь его степенным и уравновешенным характером Он по-прежнему, не менее чем когда-либо, был привязан к фавориту, а впоследствии всю жизнь сохранял симпатию к друзьям Бекингема и нерасположение к его врагам Он потребовал, чтобы Фельтона подвергли пытке, дабы вырвать у него признания о сообщниках, однако судьи объявили, что подобные действия, хотя прежде они и были в обыкновении, являются совершенно незаконными теперь, под влиянием недоброжелательной щепетильности палаты общин, судьи стали толковать законы гораздо строже и точнее

Между тем бедствия Ла-Рошели дошли до крайности Мощный гений Ришелье, побуждавший его строить грандиозные замыслы, заставлял

добиваться их исполнения столь же великими и необычайными средствами. Чтобы лишить Ла-Рошель всякой помощи, он задумал соорудить в бурном океане дамбу в милю длиной, которая бы закрывала вход в гавань; и теперь, осуществив этот дерзкий план, он держал город со всех сторон в тесном кольце блокады. Жители Ла-Рошели, хотя и страдавшие от ужасного голода, по-прежнему отказывались покориться, ободряемые проповедями своих фанатичных пасторов и надеждой на то, что из Англии вот-вот придет спасение. После смерти Бекингема командование армией и флотом было поручено графу Линдси [250]; прибыв к Ла-Рошели, он сделал попытку прорваться через дамбу и проникнуть в гавань, но из-за промедления англичан дамба была уже полностью построена и укреплена, и защитники Ла-Рошели, убедившись в крахе последних своих надежд, были принуждены сдаться на милость победителя (18 октября), причем произошло это в виду английского флота. Из пятнадцати тысяч человек, находившихся в блокированном городе, только четыре тысячи пережили муки голода и тяготы осады[36].

Это был первый необходимый шаг на пути к могуществу Франции. Когда внешние враги и внутренние мятежные клики лишились этой опоры, королевство начало являть себя в полном блеске. Твердо и неуклонно осуществляя разумные планы как военные, так и политические, оно мало-помалу добилось превосходства над мощью своего главного соперника, Испании; в самой же Франции все сословия и секты были приведены к повиновению законной власти монарха. Вначале, однако, французский король с большой умеренностью пользовался плодами своей победы над гугенотами. За ними сохранялась свобода культа — единственный среди монархий тогдашней Европы пример веротерпимости, провозглашенной открыто и официально.

НОВАЯ СЕССИЯ ПАРЛАМЕНТА. 1629

Крах предприятия, которое английский народ, движимый религиозными чувствами, так близко принимал к сердцу, не мог не нанести ущерба авторитету короля во время новой сессии парламента, однако у общин, собравшихся на свои заседания 20 января 1629 года, оказалось немало и других поводов для жалоб. До этого действия и характер Бекингема служили одним причиной, а другим — предлогом для возмущения мерами правительства, но и после его смерти не обнаружилось недостатка в новых причинах и в новых предлогах для всеобщего недовольства. Помилование и повышение в должности Манверинга не остались незамеченными; Сибторпу и Козинсу, двум священникам, по сходным причинам не менее ненавистным для общин, король оказал подобные же милости; Монтегю, осужденного за величайшее из преступлений — мягкость к католикам — сделали епископом Чичестерским. Палата также выяснила,

что по приказу короля ко всем печатным экземплярам петиции о праве был приложен первый его ответ, так мало удовлетворивший общины[37]. Таким способом Карл пытался убедить народ в том, что он нисколько не отступил от своих прежних требований и притязаний, особенно по части взимания потонного и пофунтового сборов. Селден также жаловался в палате, что некто Савидж, вопреки петиции о праве, был наказан лишением ушей по дискреционному (произвольному) приговору Звездной палаты[38]: столь склонны были общины, со своей стороны, толковать петицию таким образом, чтобы лишить корону полномочий, которые, в силу старинного обычая, давно считались ее неотъемлемым достоянием.

ПОТОННЫЙ И ПОФУНТОВЫЙ СБОРЫ

Но главным пунктом, в котором общины рассорились с королем и который в конце концов внушил Карлу отвращение к парламентам вообще, были их притязания в вопросе о потонной и пофунтовой пошлинах. А значит, суть этого спора нужно изложить подробно.

В более давние времена право взимания потонного и пофунтового сборов предоставлялось парламентом монарху, как правило, лишь на определенный срок, однако Генрих V и все последующие государи получали его пожизненно, чтобы иметь возможность содержать флот для защиты государства. Необходимость взимания данной пошлины была столь очевидна, что каждый король собирал ее с момента своего восшествия на престол, и обычно первый парламент каждого царствования принимал решение пожаловать государю то, чем он уже фактически пользовался. Из-за неточности и неясности, свойственных духу старой конституции в целом, это весьма существенное злоупотребление так и не было замечено и исправлено, хотя парламент мог бы предотвратить его без всякого труда[39]. В самом деле, предоставляя эту пошлину каждому государю пожизненно и на один год после его смерти — преемнику, можно было избежать всех неудобств, причем пошлина постоянно взималась бы на вполне законном основании. Но в те непросвещенные времена такого рода приемы никому не приходили на ум, а так как столь сложное правление, каким является английское, не может существовать без множества подобных тонкостей, то легко понять, сколь удобной оказывалась когда-то каждая неточность и неясность для королевской власти, которая во всех случаях крайней необходимости вынуждена была возмещать недостаток законов произвольным применением собственных, не имевших четких границ полномочий.

Генриху VIII парламент предоставил потонную и пофунтовую пошлину только на шестом году его царствования, и однако этот государь, тогда еще не дошедший до предела в своем самовластии, все это время взимал указанные сборы; причем сам же парламент в своем постановлении порицал купцов, не позаботившихся внести соответствующие платежи в

пользу короны, и хотя один оборот в этом билле может казаться двусмысленным, парламент в самых ясных выражениях назвал потонный и пофунтовый сборы тем, что принадлежит королю по праву — даже до того, как эти пошлины предоставляются ему властью парламента[40]. С тех пор прошло четыре царствования — более целого столетия, — и каждый раз этот сбор начинали взимать до утверждения его парламентом: так долго продолжалась эта аномалия, никем не замеченная и не устраненная.

В течение краткого промежутка времени между восшествием Карла на престол и его первым парламентом король следовал примеру своих предшественников, и на его образ действий в данном пункте никто не жаловался. Но что было в высшей степени замечательным в действиях самой палаты общин, неоспоримо доказывая, что она всерьез намеревалась подчинить себе своего государя, так это то, что парламент не предоставил эти ассигнования королю на все время царствования — как пользовались ими все его непосредственные предшественники, — но утвердил их только на один год, оставляя за собой право по истечении данного срока возобновить свою уступку или отказать королю в пошлинах[41]. Однако палата лордов, видевшая, что эти сборы стали теперь более чем когда-либо необходимы для удовлетворения растущих нужд короны, и не одобрявшая дерзкого духа общин, отвергла билль; роспуск же парламента последовал так скоро, что, очевидно, никаких попыток получить потонный и пофунтовый сборы иным путем не было сделано[42].

Между тем Карл продолжал взимать эти пошлины собственной властью, нация же настолько привыкла к подобному использованию монаршей прерогативы, что вначале подчинялась без колебаний. Однако следующий парламент внушил всем сомнения на этот счет. Общины предприняли меры к тому, чтобы объявить незаконным взимание потонного и пофунтового сборов без согласия парламента, и открыто обнаружили свое желание воспользоваться этим орудием, чтобы вырвать у короля чрезвычайно важные уступки. Но Карла еще в недостаточной степени приучили к покорности, и внезапный роспуск парламента, как было сказано выше, положил на время конец их притязаниям.

Последующий период между вторым и третьим парламентами Карла был отмечен столькими превышениями прерогативы, что англичане просто не имели времени обратить серьезное внимание на вопрос о потонном и пофунтовом сборах, где сам факт злоупотребления властью монарха мог показаться более спорным. Но после того как на предшествующей сессии общины отыскали совершенно необходимое, по их мнению, средство против всех этих зол — петицию о праве, — они перешли к разбору данного предмета, обнаружив прежнее намерение добиться от короны весьма значительных уступок в обмен на утверждение этого источника доходов. Неожиданная отсрочка парламента помешала им вполне осуществить свой замысел.

Открывая сессию, Карл предвидел, что прежний спор вспыхнет вновь, и потому тотчас же потрудился уведомить общины, в выражениях мягких

и примирительных, «что он не считал эти пошлины частью своей наследственной прерогативы, но всегда рассматривал и по-прежнему рассматривает их как дар своего народа, и что если он до сих пор взимал потонный и пофунтовый сборы, то оправдание этому он видит единственно лишь в крайней необходимости поступать подобным образом, отнюдь не желая ссылаться на какое-либо право»[43]. Эта уступка, объяснявшаяся, вероятно, мягким и сдержанным характером короля, избавленного теперь от влияния безрассудных советов Бекингема, могла бы удовлетворить общины, не будь у них никаких иных планов, кроме выяснения и защиты собственных полномочий и привилегий. Однако виды свои они простирали гораздо дальше. Как на непременном предварительном условии общины настаивали на том, чтобы король немедленно и полностью прекратил взимание этих сборов, после чего они, общины, и должны будут решить, до какой степени следует им восстановить короля в обладании доходом, от права на который он недвусмысленно отказывается. Однако не говоря уже о том, что с такой чрезвычайной жестокостью ни с одним из его предшественников никогда не обращались и что перерыв в сборе пошлин неизбежно повлек бы за собой большие неудобства, существовали и другие причины, не позволявшие Карлу принять столь тяжелое условие. Были основания думать, что общины вернутся к прежнему замыслу сделать этот источник доходов короны временным и таким образом поставить государя в зависимость от парламента; не было причин сомневаться, что они уменьшат новые пошлины, введенные Марией, Елизаветой и особенно Яковом и составлявшие весьма заметную часть государственного дохода; к тому же общины прямо заявили, что у них имеется много важных требований, касающихся преимущественно религии, и если они не будут удовлетворены, то рассчитывать на ассигнования королю не следует.

Легко понять, в каком безвыходном положении оказался теперь Карл. Согласно его собственным уступкам, согласно общим принципам английской системы правления и формальному смыслу каждого билля, предоставлявшего королю эти пошлины, единственным источником потонного и пофунтового сборов являлся добровольный дар народа, а следовательно, народ мог взять его обратно по своему желанию. Пусть даже подобный отказ был бы неразумным, народ отказывал бы лишь в том, что принадлежало ему по праву. Если же государственные интересы настоятельно требовали предоставления этих сумм, то, надо полагать, требовали они также и того, чтобы король принял условия, ценой которых он только и мог их получить. Хотя смысл пошлины был в том, чтобы предоставить королю возможность охранять моря, отсюда не следовало, что необходимость защиты морей сама по себе, без всяких дальнейших формальностей, давала ему безусловное право на этот доход, ибо народ по-прежнему сохранял за собой право судить, в какой мере несение данной повинности требовало взимания соответствующих сборов. Но Карл, вопреки своей публичной декларации, отнюдь не желал соглашаться с этим выводом во всем его объеме. Карл видел, что из всех этих строгостей, уловок и тонких

умствований прямо вытекает, что он, без всякой общественной необходимости и без всякой собственной вины, вдруг, и чуть ли не с момента восшествия на престол, оказывается правителем, весьма отличным по своим полномочиям от всех своих предшественников, с неизбежностью попадая в полную зависимость от подданных, над которыми прежние короли, в особенности те, кто царствовал непосредственно перед ним, обладали властью почти неограниченной. Запутавшись в цепи следствий, разорвать которую ему было нелегко, он желал подняться выше и скорее отвергнуть исходный принцип, нежели принять выводы, казавшиеся ему столь нелепыми и безрассудными. В полном соответствии с понятиями, коих до сих пор держались и его соотечественники и чужеземцы, он искренне полагал, что сущность и душу английской формы правления составляет монарх и что любая иная власть, которая бы покусилась на то, чтобы уничтожить или хотя бы ограничить власть королевскую, непременно должна считаться, либо по своей природе, либо по своим действиям не более чем властью узурпаторской. Желая сохранить старинную гармонию конституции, он всегда был готов — пока мог это делать *без усилий* — подчиняться старинным порядкам администрации, но когда из-за неизлечимой строптивости общин ему показалось, что порядки эти клонятся лишь к тому, чтобы нарушать гармонию и вводить новую конституцию, он заключил, что в этих опасных обстоятельствах второстепенное должно склониться перед главным, а привилегии народа — на время уступить место прерогативе короля. Превратиться из монарха в раба своих дерзких и неблагодарных подданных казалось ему величайшим позором, самым же унизительным здесь было бы, на его взгляд, безропотно смириться с этим падением, не сделав никаких попыток отстоять власть, унаследованную от предшественников.

Хотя к подобным мыслям и решениям король пришел еще до созыва парламента, он не порвал с ним тотчас же, как только последний стал медлить с утверждением пошлин. Король полагал, что сумеет гораздо лучше оправдать любые строгие меры, которые ему, возможно, придется принять впоследствии, если сейчас позволит общинам дойти до предела в своих нападениях на его администрацию и прерогативу[44]. Пока же он довольствовался тем, что упрашивал палату в речах и посланиях. Однако общины, вместо того чтобы внять настойчивым просьбам короля, приступили к тщательному разбору его управления религиозными делами[45] — единственного, на их взгляд, источника зол, для исправления коих они в своей петиции о праве еще не представили надлежащих средств.

АРМИНИАНСТВО

Едва ли это столетие, столь плодовитое по части религиозных сект и догматических споров, могло избежать дискуссий о фатализме и свободной воле, которые, будучи тесно связанными как с философией, так и с теологией, во все века повергали в неразрешимые сомнения и ставили в тупик любую школу и любую церковь. В вопросе о предопределении и о непреложности божественных решений первые реформаторы в Англии и в других европейских странах держались самых строгих взглядов; исходя из подобных принципов, они и составили все статьи своего символа веры. Но когда эти теории столкнулись с противодействием Арминия и его приверженцев, возникшие споры вскоре были занесены на наш остров и начали здесь распространяться. Арминиане, встречая больше поддержки со стороны суеверного духа официальной церкви, нежели фанатизма пуритан, постепенно объединились с первой, а некоторые члены их секты благодаря милостям Якова и Карла достигли высших должностей в англиканской иерархии. Однако их успехи в среде народа не вполне соответствовали тем, которых добились они в церкви и при дворе. Вся нация по-прежнему жестоко их упрекала за новшества и ересь. А теперь и общины обрушили на арминиан грозное свое осуждение, превратив их в объект бесконечных декламаций и обличительных речей. Их покровителей клеймили позором, их догматы подвергали тщательному разбору, их цели объявляли опасными и пагубными. Беспристрастным же наблюдателям — если бы таковые существовали в тогдашней Англии — было бы, конечно, чрезвычайно забавно видеть, как народное собрание, разгоряченное партийными раздорами и религиозным энтузиазмом, берется обсуждать вопросы, на которые величайшие философы в мирном и безмятежном своем уединении так и не сумели до сих пор отыскать сколько-нибудь удовлетворительного ответа.

Несмотря на крайнюю запутанность споров, в которые оказались вовлеченными тогдашние англичане, мы можем заметить, что название *пуританский* относилось к трем партиям, которые хотя и объединялись обыкновенно под одним именем, были движимы весьма различными целями и мотивами. Существовали *политические* пуритане, защищавшие самые смелые принципы гражданской свободы, пуритане *дисциплинарные*, питавшие отвращение к обрядам и епископальному устройству господствующей церкви, и, наконец, пуритане *доктринальные*, упорно отстаивавшие умозрительные системы первых реформаторов [251]. Всем им противостояли партия двора, иерархия и арминиане с той лишь разницей, что последняя секта, появившаяся лишь несколькими годами ранее, еще не состояла исключительно из сторонников официальной церкви и монархии. Но так как споры по каждому вопросу становились день ото дня все жарче, их участники все теснее сближались со своими единомышленниками и все дальше отходили от своих противников, и потому различия

между партиями постепенно приобрели полную ясность и определенность.

Тогдашняя палата общин, находившаяся как и все ее предшественницы при Якове, Карле и даже Елизавете под сильнейшим влиянием пуританской партии, полагала, что лучше всего она послужит своему делу безжалостным обличением и осуждением арминианской секты, которая, будучи учредительницей новшеств в церкви, являлась наименее покровительствуемой и наименее сильной из ее противников. Легко было предвидеть, что подобный образ действий не только даст выход ярости доктринальных пуритан, но и принесет немалую выгоду пуританам дисциплинарным и политическим. Считалось, что Лод, Нейл [252], Монтегю и прочие иерархи, являвшиеся главными сторонниками епископального устройства и самыми рьяными защитниками обрядов государственной церкви, были все до одного заражены арминианством. Те же люди вместе со своими учениками усердно проповедовали безусловное повиновение и абсолютную покорность государям, и если бы этих лиц удалось подвергнуть осуждению, изгнать из церкви и удалить от двора, то, делали вывод общины, иерархия получила бы смертельный удар, соблюдения официальных обрядов не требовали бы с таким упорством, а король, лишившись самых верных своих друзей, был бы вынужден отступить от неумеренных притязаний в области прерогативы.

Но Карл твердо решил воспротивиться подобным требованиям, и к этому, помимо мысли о неизбежных политических последствиях уступчивости, его побуждали совесть и благочестие. Ни присущее молодости легкомыслие, ни доступность всевозможных удовольствий, неотделимая от высокого сана, не помешали этому добродетельному государю усвоить самые искренние религиозные чувства, и подобное обстоятельство, которое в ту религиозную эпоху должно было бы, казалось, послужить для него громадным преимуществом, стало в конце концов главной причиной его гибели — только потому, что исповедуемая им религия не во всех формах и подробностях совпадала с той, которая *начала* утверждаться среди его подданных. Его набожность, хотя и далекая от папизма, имела оттенок суеверия и, будучи совершенно чуждой мрачному духу пуритан, изображалась ими как уклоняющаяся в сторону мерзостей римского антихриста. К несчастью, также сильное влияние на короля приобрел Лод, а поскольку все прелаты, ненавистные общинам, считались самыми близкими из его друзей и самыми любимыми из придворных, то он решил не позорить и не обезоруживать самого себя, отдавая их на растерзание злобе своих врагов. Совершенно не располагая военными силами и видя при этом, что в народе утверждается дух вольнолюбия и непокорности, Карл считал, что самая надежная опора его власти состоит в поддержке со стороны иерархии.

В дошедших до нас протоколах палаты общин уже на этом раннем этапе мы можем легко распознать искры религиозного энтузиазма, впоследствии воспламенившего всю нацию. Некто Роуз использовал сравнение,

которое хотя и является довольно распространенным, было, кажется, заимствовано из сочинений лорда Бэкона[46]. «Если человек встречает одинокую собаку, то собака, пусть даже весьма свирепая от природы, испытывает перед ним страх, но если рядом с нею хозяин, то она смело нападает на человека, от которого прежде бежала. Это доказывает, что когда существа более низкие чувствуют поддержку более высоких, их мужество и сила возрастают, и, несомненно, тот человек, коему содействует Всемогущество, сам уподобляется созданию всемогущему. Все возможно для того, кто верует, там же, где все возможно, есть некий род всемогущества. А потому, полные твердой решимости и единодушного согласия, да заключим союз (covenant) и да принесем клятву в том, что отныне мы будем крепко стоять за нашего Бога и за веру нашу, и тогда, без сомнения, сможем мы уповать на великое блаженство в этом мире»[47].

В протоколах этих прений упоминается Оливер Кромвель[253], человек тогда еще молодой и никому не известный; он жаловался на некое лицо, которое, как ему рассказывали, проповедовало откровенный папизм[48]. Забавно видеть, что первые дошедшие до нас слова этого фанатика и лицемера столь точно соответствуют его позднейшей репутации.

Расследования и дебаты относительно потонного и пофунтового сборов шли одновременно с этими богословскими и метафизическими дискуссиями. Таможенных чиновников вызывали в палату, чтобы потребовать у них отчета, по какому праву конфисковывали они товары у купцов, отказывавшихся упомянутые налоги платить; баронов Казначейства [254] допрашивали по поводу вынесенных ими в данном случае решений[49]. Одного лондонского шерифа посадили в Тауэр за то, что он поддерживал чиновников таможни; а когда за отказ платить сборы были конфискованы товары купца Роллза, члена палаты общин, то на это насилие жаловались как на нарушение парламентских привилегий[50]. Карл во всем защищал своих должностных лиц, и вражда между ним и общинами с каждым днем разгоралась все сильнее[51]. Наконец, в палате прозвучали слова об обвинении перед лордами сэра Ричарда Уэстона[255], государственного казначея[52], и тогда Карл начал думать о том, чтобы закончить эту сессию роспуском.

РОСПУСК ПАРЛАМЕНТА

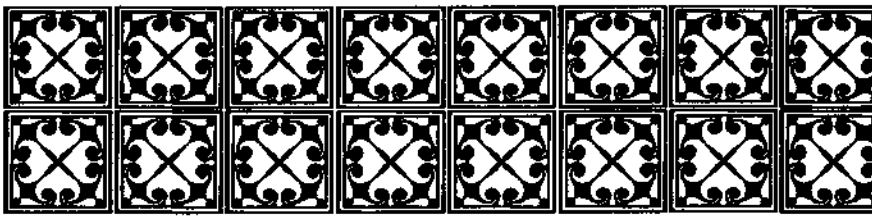
Сэр Джон Элиот[256] подготовил ремонстрацию против взимания потонного и пофунтового сборов без согласия парламента и предложил клерку ее прочесть. Последовал отказ, и он зачитал ее сам. Когда же коммонеры потребовали пустить ремонстрацию на голоса, спикер, сэр Джон Финч, сообщил, что *у него имеется приказ короля не проводить никаких голосований и объявить перерыв в работе сессии*[53]. После чего он поднялся с кресла, чтобы выйти из зала. Вся палата пришла в страшное вол-

нение Голлис и Валентайн[1257] вновь усадили спикера в кресло и силой удерживали в нем, пока не была составлена новая, краткая ремонстрация, принятая затем скорее шумными криками одобрения, нежели голосованием Паписты и арминиане объявлялись в ней смертельными врагами государства, подобным же определением были заклеймлены те, кто взимает потонный и пофунтовый сборы, и даже купцы, которые стали бы добровольно платить эти пошлины, были названы предателями английской свободы и врагами общества Двери были заперты изнутри, и пристав палаты лордов, посланный королем, не мог войти, пока ремонстрация не была принята По приказу короля он взял со стола жезл, что означало конец заседаний[54] Через несколько дней парламент был распущен (10 марта)

Грубый разрыв короля с парламентом чрезвычайно возмутил нацию Карл еще сильнее подогрел это недовольство, всячески изображая строгость, доводить которую до предела он не имел возможности, да, пожалуй, и желания Из-за последних беспорядков в парламенте, получивших название бунта, сэра Майлза Гобарта, сэра Питера Геймана, Селдена, Коритона, Лонга и Строда посадили в тюрьму[55] Выпустили их весьма неохотно и после неоднократных задержек, все считали, что власти, желая продлить их заключение, грубо извратили закон Сэра Джона Элиота, Голлиса и Валентайна вызвали в суд Королевской скамьи за мятежные речи и действия в парламенте, когда же они отказались отвечать перед нижестоящим судом за поступки, совершенные ими в качестве членов суда высшей инстанции, их приговорили к тюремному заключению на срок, угодный королю, к штрафу (по 1000 фунтов — Элиота и Голлиса, 500 фунтов — Валентайна), велев искать поручителей за свое хорошее поведение[56] Этот приговор, вынесенный под нажимом двора, послужил лишь тому, чтобы ясно показать неуважение короля к привилегиям парламента и доставить громадную популярность страдальцам, которые так смело защищали вольности родной страны в борьбе с деспотической властью Общины Англии, хотя они и представляли собой огромную силу и владели большей частью национального богатства, по причине отсутствия выделявшихся на общем фоне личностей оставались до известной степени беззащитными и беспомощными, но жестокие меры короля (если его действия заслуживают такой характеристики) указали им вождей, чье негодование было теперь возбуждено до крайности и чье мужество не сломили лишения, которые пришлось им вынести в столь славном деле

Узники так гордились своими страданиями, что не пожелали даже подать королю прошение с выражением раскаяния в нанесенной ему обиде, хотя на этом условии им была обещана свобода[57] Они единодушно отказались искать поручительства за свое хорошее поведение и с презрением отвергли свободу, предложенную им на столь мягких условиях Мало того, Голлис так упорно стремился продлить свои достойные уважения несчастья, что когда кто-то предложил взять его на поруки, он не подчинился решению суда и предпочел остаться в тюрьме Даже Лонг, который

в самом деле нашел поручителей в палате председателя суда, объявил в суде, что это поручительство более не имеет силы[58]. Но поскольку вышло так, что сэр Джон Элиот умер в заключении, то против правительства поднялся громкий ропот, а сэр Джон был всюду признан мучеником английской свободы[59].



Глава VIII

Мир с Францией. — Мир с Испанией. — Положение двора и правительства. — Характер королевы. — Страффорд. — Лод. — Новшества в церкви. — Незаконный сбор налогов. — Жестокие меры Звездной палаты и Высокой комиссии. — Корабельные деньги. — Процесс Гемпдена.

Здесь перед нами открывается новая картина. Карл, полный естественного раздражения против парламентов, которые, как он убедился, намерены были обращаться с ним с прежней неумолимой суровостью, посягая на его прерогативу и отказывая ему в субсидиях, решил не созывать их до тех пор, пока не обнаружит в народе более явные признаки уступчивости и покорности. Лишившись своего всесильного фаворита Бекингема, он сам стал своим первым министром и впредь уже никому не оказывал столь безграничного доверия. Теперь он следует преимущественно собственным мнениям и склонностям, и его действия становятся менее поспешными и опрометчивыми, хотя в целом его администрации по-прежнему чего-то недостает, чтобы быть совершенно законной, и, пожалуй, чего-то большего, чтобы стать вполне благоразумной.

Мы попытаемся дать читателю верное представление о событиях нескольких последующих лет, поскольку они касаются иностранных дел, положения двора и управления государством. Событий этих будет немного, и их нельзя назвать слишком знаменательными, но знать о них совершенно необходимо для того, чтобы понять наступившую затем столь достопамятную эпоху нашей истории.

МИР С ФРАНЦИЕЙ И ИСПАНИЕЙ. 1630

Лишившись всяких парламентских субсидий, Карл вынужден был пойти на такие меры, какие должны были бы явиться плодом здравой и разумной политики: он заключил мир с двумя державами, против которых вел до сих пор бессмысленную и бесславную войну. Несмотря на жалкое и расстроенное состояние английского государства, ни Франция, ни Ис-

пания не сделали попыток предпринять против врага наступательные действия; единственное, к чему они стремились, — это защитить самих себя от слабых и плохо подготовленных экспедиций англичан. Довольные тем, что раздоры и недоверие между королем и парламентом обессилили некогда столь грозную державу, они тщательно остерегались любых действий, которые могли бы вызвать у англичан гнев или страх, побудив их к внутреннему единению и к покорности своему монарху. Испанский король так далеко зашел в своих попытках снискать расположение английской нации, что великодушно освободил и отправил на родину всех пленных, захваченных во время Кадисской экспедиции. После отступления англичан с острова Ре его примеру последовала Франция. Поскольку государи находились в подобном расположении духа и имели один к другому так мало претензий, заключить мир было нетрудно. Вначале был подписан договор с Францией[60] (14 апреля). Состояние дел английского короля не давало ему возможности требовать каких-либо особых условий для гугенотов, и их предоставили доброй воле их собственного государя. Затем был заключен мир с Испанией (5 ноября), в котором не предусматривалось никаких условий в пользу пфальцграфа, за исключением того, что Испания в самой общей форме обещала ходатайствовать о восстановлении его прав[61]. Влияние этих войн на внутренние дела и на настроения короля и народа было чрезвычайно важным, однако ни к каким переменам в области внешних интересов Англии они не привели.

Невозможно представить себе положения более выгодного, чем то, в котором находилась тогда Англия с точки зрения иностранной политики. Европа была разделена между соперничающими династиями Габсбургов и Бурбонов, чьи противоположные интересы и еще более взаимная подозрительность гарантировали спокойствие нашего острова. Силы их были почти одинаковы, и потому никто не опасался событий, которые могли бы внезапно нарушить это равновесие. Испанский монарх, считавшийся более могущественным, находился дальше, и таким образом англичане обладали тем преимуществом, что политические мотивы толкали их к более тесному союзу с соседним владыкой. А поскольку испанские владения были разбросаны по всему миру, английский флот представлял для них огромную угрозу и держал эту империю в постоянном напряжении. Франция, держава территориально более компактная и полная энергии, с каждым днем становилась все мощнее как в политическом, так и в военном смысле и наконец добилась равенства сил с Австрийским домом, но ее подъем, медленный и постепенный, по-прежнему оставлял Англии возможность своевременным вмешательством воспрепятствовать тому, чтобы она достигла значительного превосходства над своим соперником. Таким образом, если бы Карл сумел избежать раздоров с собственными подданными, он оказался бы в обстоятельствах, при которых мог заставить все европейские державы уважать Англию и искать ее расположения, и — чего впоследствии не удавалось, кажется, ни одному из государей нашего острова — он мог либо действовать с достоинством и успехом, либо сохранять нейтралитет с уверенностью в безопасности.

Король выбрал нейтралитет и в остальную часть своего царствования заботился об иностранных делах лишь постольку, поскольку чувства чести и дружбы по отношению к сестре и пфальцграфу обязывали его искать средства облегчить судьбу этого несчастного семейства. Объединив свои усилия с Францией, он выступил посредником при заключении мира между королями Польши и Швеции в надежде, что ему удастся побудить последнего встать на защиту притесняемых в империи протестантов. Это был знаменитый Густав [258], чей героический дух вместе с благоразумнейшей политикой сделал его вскоре самым выдающимся монархом эпохи, а его стране, прежде слабой и безвестной, придал значительный вес в общей системе европейских государств. Чтобы поощрить и поддержать его в задуманном походе в Германию, Карл согласился предоставить Густаву шесть тысяч солдат, однако желая сохранить видимость нейтралитета, воспользовался именем маркиза Гамильтона[62]. Последний [259] заключил особое соглашение с Густавом и, набрав войска в Англии и Шотландии на средства Карла, высадился с ними в устье Эльбы. Вскоре состоялось решительное сражение при Лейпциге, где воинское искусство Тилли и доблесть имперцев уступили перед более высоким искусством Густава и доблестью шведов. Остаток жизни этого героя превратился в одну непрерывную цепь побед, коими он был в меньшей степени обязан фортуне, чем личным качествам, полученным от природы или выработанным благодаря упорству. Стремительное завоевание, предмет нашего величайшего восхищения в древней истории, вернулось в современные анналы — причем без той причины, какой оно неизменно объяснялось в прежние века. Это не была борьба воинственной нации с мирным и не знавшим воинской дисциплины народом, и не сражение героев с трусами. Ветераны Фердинанда во главе с самыми знаменитыми полководцами эпохи терпели неудачи в каждом бою, и торжествующие шведы молниеносно завоевали всю Германию. Но из-за неожиданных и необыкновенных успехов своего союзника Карл не смог добиться цели, ради которой он и создавал этот союз. Окрыленный воинским счастьем, Густав начал строить более обширные и честолюбивые замыслы; освободив Германию от ярма Фердинанда, он вознамерился подчинить ее собственному игу. Восстановить пфальцграфа во владении Пфальцем Густав соглашался только на таких условиях, которые держали бы его в полной зависимости[63]. Переговоры, таким образом, тянулись вплоть до битвы при Лютцене, где шведский монарх погиб в тот самый момент, когда одержал полную победу над неприятелем.

Мы вышли за пределы нашего периода в изложении этих событий ради того, чтобы более не иметь нужды к ним возвращаться и не прерывать рассказ о правительственных мерах Карла и о состоянии его королевств.

ПОЛОЖЕНИЕ ДВОРА И ПРАВИТЕЛЬСТВА

Если мы рассмотрим Карла во главе его двора и в кругу семьи, то нам трудно будет вообразить характер более почтенный и в то же время более привлекательный. Нежный муж, заботливый отец, добрый господин, верный друг — поведение Карла в частной жизни дает нам полное право на все эти похвалы. Как монарх он также блистал внешними качествами, не будучи при этом лишен и более глубоких достоинств. Его обхождение и манеры, хотя, вероятно, и клонившиеся несколько в сторону чопорной величавости, в целом соответствовали его высокому сану, придавая известное изящество свойственным ему от природы сдержанности и серьезности. Умеренность и справедливость, столь заметные в его характере, *казалось*, предохраняли его от всех рискованных и опрометчивых предприятий, а здравомыслие, которое выказывал он в речах и беседах, *казалось*, гарантировало ему успех во всех разумных начинаниях. Он развил в себе и другие превосходные качества, которые послужили бы изумительным украшением для частного лица, а в монархе могли бы принести величайшую пользу его народу. Карл обладал тонким вкусом во всех изобразительных искусствах, а любовь к живописи являлась в известном смысле его главной страстью. Более образованный, чем это обыкновенно свойственно государям, он был недурным судьей чужих сочинений и сам имел неплохие литературные способности. В любую другую эпоху и у любого иного народа этому монарху было бы обеспечено счастливое и благополучное царствование. Но возвышенное представление о собственной власти, слишком твердо им усвоенное, сделало его неспособным хоть в чем-то уступить духу свободы, который *начал* тогда утверждаться среди его подданных. Его политика не отличалась такой энергией и дальновидностью, какие могли бы ему позволить обуздать их притязания, удержав прерогативу на той высоте, до которой подняли ее предшественники Карла. К тому же, и это самое главное, повсеместно распространявшийся дух религиозного фанатизма сводил на нет все расчеты человеческого благоразумия и расстраивал действие всех мотивов, которые обыкновенно влияют на общество.

Но все бедствия, обусловленные этими причинами, были еще далеки. Пока же, окруженный приятным обществом друзей и придворных, Карл в полной мере пользовался своей властью, с благоразумной умеренностью наслаждаясь теми удовольствиями, которые любил он более всего.

ХАРАКТЕР КОРОЛЕВЫ

После смерти Бекингема, до известной степени отдалявшего Карла от Генриетты, именно ее следует считать его первым другом и фаворитом.

То плебейское презрение к прекрасному полу, которое всячески изображал Яков и которое, изгнав женщин от двора, сделало его больше похожим на ярмарку или биржу, чем на местопребывание блестящего государя, было совершенно чуждо характеру Карла. Однако любезный и почтительный со всеми женщинами, Карл предназначал свою страсть единственно лишь для супруги, которой хранил непоколебимую верность и во всем доверял. Ее ум, душевные качества и красота были достойны нежной любви мужа, хотя следует признать, что, будучи натурой несколько пылкой и увлекающейся, она порой толкала короля к опрометчивым и неосторожным поступкам. В ее вероисповедании, которому она была чрезвычайно предана, также следует видеть весьма печальное обстоятельство, поскольку оно усиливало подозрительное недоверие общества к двору, саму же королеву побуждало добиваться для католиков известных поблажек, глубоко ненавистных для нации[64].

СТРАФФОРД

При прежнем устройстве английского правления, когда король был в значительной степени независимым от своих подданных, король выбирал министров, руководствуясь личными симпатиями или мнением об их способностях, совершенно не принимая в расчет их парламентские таланты и влияние. Впоследствии государи взяли себе за правило всякий раз, когда народные вожди слишком энергично покушались на королевскую прерогативу, назначать их на важные должности, полагая, что они будут тщательно остерегаться умаления той власти, которая стала их собственной. К подобному образу действий обратился теперь Карл — ясное доказательство того, что в английской конституции совершился незримый переворот, заставивший государя усвоить новые принципы управления[65]. Однако на сей раз намерения короля противоречили целям пуритан настолько, что те вожди, которых привлек он на свою сторону, мгновенно утратили всякий авторитет в их партии и даже, как предатели и перебежчики, превратились в предмет непримиримой ненависти и злобы. Так обстояло дело с сэром Томасом Уэнтвортом, которого король возвел в звание барона, затем виконта, а впоследствии графа Страффорда, назначил председателем Северного совета[260] и наместником Ирландии и в котором видел своего главного министра и советника. По своим выдающимся талантам и способностям Страффорд вполне заслуживал доверие монарха; характер его, величественный, строгий и суровый, внушал скорее уважение, чем любовь; его верность королю была непоколебима, но поскольку теперь он употреблял весь свой ум для того, чтобы поддержать ту самую прерогативу, которую прежде изо всех сил стремился умалить, то добродетель его, кажется, была не вполне безупречной, а, напротив, весьма чувствительной к воздействию со стороны честолюбия и личного интереса. Около это-

го времени сэра Дадли Диггса назначили хранителем судебного архива [261], Ноя — генеральным атторнеем, а Литтлтона — генеральным солиситором[262]. Все эти лица, выдающиеся в своей профессии, также были прежде видными парламентскими вождями.

ЛОД

Во всех церковных и даже во многих гражданских делах огромное влияние на короля имел епископ Лондонский Лод. Он был человек добродетельный — если суровость манер и воздержание от удовольствий сами по себе способны заслужить это определение. Он был человек образованный — если богословско-полемическая ученость дает право на подобную похвалу. Он был человек бескорыстный — однако с несгибаемым упорством стремился возвысить сословие священников и прелатов, к которому принадлежал сам. Он проявлял неослабную ревность в деле религии, иначе говоря, в навязывании, с помощью строгих мер, собственных догматов и богослужебных церемоний непокорным пуританам, которые в нечестии своем дерзали им противиться. Преследуя эти святые, небесные цели, он забывал о всяких земных, человеческих соображениях, другими словами, пылкий и несдержанный нрав заставлял его пренебрегать здравым смыслом и хорошими манерами. Он был счастлив в том отношении, что всех своих врагов воображал заклятыми врагами истинного благочестия и верноподданнического долга, а потому любое проявление собственного гнева становилось в его глазах актом похвальным и добродетельным. Таким был человек, который приобрел немалую власть над Карлом и который, пользуясь уступчивостью короля, толкнул его к мерам, оказавшимся столь пагубными для самого монарха и для его государства.

НОВШЕСТВА В ЦЕРКВИ

Общее настроение английской нации клонилось тогда в сторону, прямо противоположную суеверию, а потому было чрезвычайно трудно сохранить в богослужении даже те обряды, к которым люди давно привыкли и которые были освящены практикой первых реформаторов, — но именно это время и выбрал Лод, чтобы ввести новые церемонии и ритуалы. Помимо того что они наверняка должны были вызвать недовольство как новшества, в общественном мнении существовал еще один веский аргумент против них. Лод и другие прелаты, одобрявшие его действия, были в большинстве своем хорошо знакомы с историей древней церкви и усвоили немало религиозных принципов, возникших в четвертом и пятом веках,

когда христианская церковь, как всем известно, уже успела погрязнуть в суевериях, впоследствии закрепленных и усиленных политикой Рима. А потому возврат к понятиям и обычаям той эпохи не мог не придать англиканскому вероучению и литургии известного сходства с католическим суеверием, которое английской нации в целом, а пуританам в особенности, внушало величайшее омерзение и ужас. Люди также склонны были думать, что церковные власти не стали бы с таким яростным рвением навязывать непокорной нации столь малозначительные ритуалы, если бы не скрывалось за всем этим некоей тайной цели, и что Лод задумал постепенно вернуть англичан к религии предков. Они не учитывали, что сама ничтожность этих церемоний и возвышала их в глазах суеверного прелата, заставляя их казаться тем более священными, что никакой иной цели и смысла они не имели. Сходство же с римским богослужением было не пороком, но скорее достоинством для Лода и его собратьев, которые к церкви-матери, как они ее называли, относились гораздо доброжелательнее, чем к сектантам и пресвитерианам, и часто восхваляли ее как истинно христианскую церковь — имя, в котором они отказывали прочим церквам или, по крайней мере, давали им с величайшей неохотой[66]. Принципы эти исповедовались столь открыто, что не одни лишь возмущенные пуритане думали, будто англиканская церковь вновь впадает в римское суеверие: сама римская курия питала надежду возвратить себе власть на нашем острове и, желая поощрить Лода в его предполагаемых благих намерениях, предложила ему конфиденциально кардинальскую шляпу, которую он, однако, не принял[67]. Ответ Лода, как он сам говорит, был следующим: *Что-то в моей душе не позволяет согласиться, пока Рим остается таким, каков он ныне*[68].

Когда одна придворная дама, дочь графа Девоншира, перешла в католичество, Лод пожелал узнать причину ее обращения. *Дело преимущественно в том,* — сказала она, — *что мне не нравится брести в толпе.* Ее попросили растолковать смысл этих слов, и она ответила: *Ваша милость и многие другие, как я замечаю, очень спешат к Риму, и потому, не желая оказаться в толпе, я отправилась туда прежде вас.* Следует признать, что хотя Лод и не заслуживал клички паписта, дух его религии, пусть и в меньшей степени, был тот же, что и дух религии римской: от верующих требовали того же глубокого уважения к священническому сану и той же покорности решениям и догматам, принятым церковными синодами и соборами; в богослужении всячески стремились к той же пышности и великолепию; то же мелочно-суеверное внимание уделялось различным дням, позам, жестам, облачениям и видам пищи. А потому неудивительно, что пуритане смотрели на этого прелата с ужасом, видя в нем предтечу антихриста.

В качестве образчика новых обрядов, в жертву коим Лод принес и собственное спокойствие, и спокойствие всей нации, будет, вероятно, нелишним описать те, которые, как утверждают, он использовал при освящении церкви Св. Екатерины и которые вызвали всеобщий гнев и возмущение.

Когда епископ приблизился к западному входу в церковь, раздался громкий голос *Отворитесь, отворитесь, о крепкие врата, и да войдет внутрь царь славы!* Двери тотчас же распахнулись, и епископ вошел Упав на колени, возведя очи горе и воздев руки, он изрек *Место это свято, земля эта свята, именем Отца, Сына и Святого Духа я провозглашаю его святым*

Направляясь к алтарю, он несколько раз брал с пола немного пыли и разбрасывал ее вокруг Приблизившись вместе со своим причтом к престолу, он начал класть частые поклоны, на обратном пути епископ и его спутники обошли церковь кругом, повторяя на ходу псалмы, а затем прочитали нечто вроде молитвы, каковая заключалась следующими словами *Мы освящаем эту церковь и отдаем ее Тебе как святое место, которое уже никогда не осквернится употреблением его для мирских нужд*

После чего епископ, встав у престола, обрушил великое множество проклятий на тех, кто дерзнет осквернить это место солдатскими смотрами, кто будет устраивать здесь мирские судилища или проносить через него грузы При конце каждого проклятия он творил поклон на восток и восклицал *Пусть весь народ скажет Аминь!*

Когда извержение проклятий было столь благочестивым образом завершено, посыпались обильные благословения на тех, кто приложил руку к сооружению этого святого и прекрасного здания, а равно и на тех, кто принес или еще принесет ему в дар потиры, ризы, серебро или иную церковную утварь При каждом благословении он подобным же образом кланялся в сторону востока и возглашал *Пусть весь народ скажет Аминь!*

Затем была прочитана проповедь, после чего епископ освятил хлеб и вино и совершил таинство причастия Происходило это так

Приближаясь к престолу, он сделал много низких поклонов, а подойдя к той части стола, где находились хлеб и вино, поклонился еще семь раз Прочитав множество молитв, он приблизился к святым дарам и осторожно приподнял край салфетки, под которой лежал хлеб Увидев хлеб, он внезапно уронил салфетку, отпрянул на несколько шагов и трижды поклонился хлебу, затем вновь подошел поближе, снял салфетку и поклонился прежним манером

Затем он положил руку на чашу с вином, на которую было наброшено покрывало Он убрал руку, отступил назад и трижды поклонился чаше После чего снова приблизился и, приподняв покров, заглянул в чашу Узрев в ней вино, он бросил покрывало, отскочил назад и поклонился прежним способом Затем он вкусил святых даров и стал причащать других После множества молитв торжественный обряд освящения закончился Теперь считалось, что стены, пол и крыша здания обрели надлежащую святость[69]

Было дано распоряжение (исполнения коего требовали с великой строгостью) удалить престол с середины той площадки, где стоял он прежде во всех церквях, кроме кафедральных соборов[70] Ныне его поместили у

восточного края, обнесли оградой и нарекли АЛТАРЕМ, а духовное лицо, совершавшее богослужение, получило наименование СВЯЩЕННИКА (PRIEST). Невозможно себе представить, сколько недовольства возбудило это новшество и к каким подозрениям дало оно повод.

Коленопреклонение перед алтарем и использование при совершении таинства причастия риз, разновидности вышитого священнического облачения, также вызвали страшный гнев как атрибуты папизма, однако сопротивление не ослабило, но, скорее, разожгло усердие, с которым Лод вводил эти одежды и церемонии.

Чтобы поддержать эту механическую набожность, привитие которой было главной целью подобного рода культа, требовались различные украшения, в особенности же — картины и иконы, но поскольку они широко использовались римской церковью и породили множество суеверий (или того, что пуритане именовали идолопоклонством), то их невозможно было ввести в английских церквах, не вызвав всеобщего ропота и недовольства. Однако Лод, располагая реальной властью, упорствовал в своем замысле и сделал несколько попыток навязать эти украшения. Выяснилось к тому же, что некоторые из картин, введенных им в церковный обиход, в точности совпадали с теми, которые можно было найти в католическом молитвеннике. Не было при сем случае забыто и распятие, это вечное утешение всех набожных католиков и предмет ужаса всех добрых протестантов[71].

Много толковали о Шерфилде, главном судье города Солсбери, осужденном Звездной палатой за то, что, вопреки категорическому приказу епископа Солсберийского, он разбил расписное окно в церкви Св. Эдмунда. Шерфилд чрезвычайно гордился тем, что разрушил этот позорный памятник идолопоклонства, но за сей подвиг благочестивого рвения его сместили с должности, оштрафовали на 500 фунтов и велели публично покаяться[72].

Священнослужителей, пренебрегавших тщательным соблюдением всех предписанных свыше обрядов, отстраняла и отрешала Высокая комиссия, но и этого мало: многие епископы принуждали к присяге церковных старост, и те клялись доносить на всякого, кто нарушает церковные каноны[73]. Подобная мера, хотя и практиковавшаяся еще при Елизавете, вызвала глубокое возмущение, ибо она слишком напоминала действия римской инквизиции.

Желая показать, сколь далеко отстоит англиканство от реформированных исповеданий пресвитерианского образца, Лод требовал, чтобы английские войска и торговые компании за границей строго держались уставов и богослужения государственной церкви[74]. Всем членам голландской и валлонской общин велено было ходить в государственную церковь, и, начиная со второго поколения иммигрантов, исключений в этом смысле ни для кого не делалось[75]. Лорду Скудамору, послу короля в Париже, запретили посещать общую службу с гугенотами. Даже разумные люди склонны были порицать подобные действия, и не только потому, что они вызывали недовольство в Англии, но и по той причине, что они лишали

корону важного преимущества за границей — считаться главой и опорой реформации[76]

Под предлогом необходимости умерить пыл религиозных дискуссий Тайный совет издал распоряжение, запрещавшее обеим сторонам что-либо проповедовать и печатать по спорным вопросам предопределения и свободной воли Раздались, однако, жалобы, и, вероятно, небезосновательные, на то, что беспристрастие было соблюдено лишь в самом распоряжении, исполнять же его намеревались только по отношению к кальвинистам

В ответ на благосклонность Карла к государственной церкви Лод и его сторонники при всяком удобном случае превозносили королевскую власть, выражая крайнее презрение и отвращение к любым претензиям пуритан на свободную конституцию Но в то самое время, когда эти прелаты столь щедро возвеличивали корону за счет гражданской свободы, они без колебаний покушались на самые бесспорные права монарха, дабы возвысить иерархию и добиться преобладания и независимости для своего сословия Все доктрины, заимствованные римской церковью у некоторых отцов и освобождавшие духовную власть от подчинения власти светской, были теперь приняты англиканской церковью и тесно переплелись с ее политическими и религиозными принципами Божественную и апостольскую хартию ставили выше хартии закона и парламента[77]. Жреческий сан восхвалялся как священный и неприкосновенный, мирянам отказывали во всяких духовных полномочиях и даже в праве личного суждения по духовным вопросам, епископы управляли церковными судами собственным именем, не упоминая о власти короля, а между тем Карл, крайне ревниво относившийся к любым претензиям народных собраний, скорее поощрял, нежели обуздывал эти посягательства со стороны своего духовенства Испытав немало ощутимых неудобств из-за вольнолюбия и упрямства парламентов, Карл всецело предался тем, кто проповедовал безусловную покорность его короне и особе; он не предвидел, что, поскольку духовная власть, которую он возвышал, не допускает каких-либо точных границ, со временем она может стать более опасной для общественного мира и не менее пагубной для королевской прерогативы, чем власть пуританского парламента

По общему мнению, именно Лод ввел в ритуал коронации одно новшество, которое хотя и осталось незамеченным самим Карлом, произвело глубокое впечатление на многих зрителей После обычных церемоний королю прочли такие слова «Будь же впредь тверд и непоколебим в унаследованном тобою от предков звании, которое принимаешь ты ныне по воле Всемогущего Бога из наших рук и из рук всех епископов и всех слуг Божьих Ты видишь духовенство стоит ближе к алтарю, чем прочие, а потому помни, что во всех подобающих делах надлежит тебе оказывать ему почтение более высокое, дабы Тот, кто примирил Бога с человеком, мог утвердить тебя на королевском троне и сделать посредником между духовенством и мирянами, и дабы царствовал ты всегда с Иисусом Христом, Царем Царей и Владыкой Владык»[78]

С принципами, возвеличивавшими прерогативу, король не просто соглашался в теории, потому что они были весьма приятны и усладительны для королевских ушей, — в тот период, когда Карл управлял без парламентов, принципы эти осуществлялись на практике. Бережливый и постоянный в собственных расходах, он, однако, нуждался в деньгах для того, чтобы обеспечить управление государством, собирал же он их, либо восстанавливая давно забытые законы, либо нарушая, то более, то менее открыто, вольности и привилегии нации. Мягкий и гуманный по характеру, он тем не менее позволил Звездной палате и Высокой комиссии совершить ряд жестокостей, казавшихся необходимыми для того, чтобы поддержать новый образ действий администрации и подавить дух свободы, поднимавшийся по всей стране. К этим двум рубрикам и сводятся, в сущности, все сколько-нибудь замечательные события нескольких лет царствования Карла, ибо во времена мирные и благополучные, когда во внешней политике соблюдается нейтралитет, едва ли существуют иные, достойные внимания вещи, кроме тех, которые в той или иной степени порицаются или заслуживают порицания. Чтобы надежда на помощь или защиту со стороны парламента не побудила народ к сопротивлению, Карл издал особую прокламацию, в которой объявил следующее: «Злонамеренные лица распускают слухи о новом созыве парламента. Между тем, хотя Его Величество, часто встречаясь со своим народом, ясно доказал свою любовь к парламенту, однако недавние возмутительные происшествия вынудили его пока отказаться от прежнего образа действий, а потому, если кто-либо станет предписывать срок созыва этого собрания, он сочтет это нестерпимой дерзостью»[79]. Слова эти были истолкованы как декларация о том, что в царствование Карла парламенты созываться уже не будут[80]. И все действия короля лишь подтверждали подобное подозрение, столь неприятное для большинства англичан.

НЕЗАКОННЫЙ СБОР ДЕНЕГ

Потонный и пофунтовый сборы продолжали взиматься одной лишь властью короля. По-прежнему взыскивались установленные ранее дополнительные пошлины, а на некоторые виды товаров были даже введены новые[81].

Таможенные чиновники получили распоряжение Тайного совета в случае неуплаты пошлин торговцами входить в любой дом, склад или подвал, осматривать любые ящики и сундуки, разгружать любое судно[82].

По указу совета каждое графство было обложено известной суммой на содержание особого воинского начальника, коему предписывалось проводить учения милиции и поддерживать ее в должном порядке[83].

С рекузантами открыто заключали композиции, и папистская религия превратилась таким образом в постоянный источник дохода короны. Это

было единственное гонение, которому подвергалась она в царствование Карла[84].

Специальным комиссарам поручили улаживать споры с теми лицами, чьи права на владение землями, некогда принадлежавшими короне, были сомнительными; под этим предлогом также удалось взыскать известную сумму[85].

Существовал закон, принятый еще при Эдуарде II[86], *по которому* обладатель годового дохода в 20 фунтов должен был после особого вызова являться ко двору для возведения в рыцарское звание. Из-за перемен в деноминации, а также изменения реальной ценности денег прежним двадцати фунтам равнялись в семнадцатом веке двести фунтов, и король, кажется, поступал справедливо, не настаивая на строгом соблюдении буквы закона и не принуждая лиц с небольшими доходами принимать это дорогостоящее отличие. Эдуард VI[87] и Елизавета[88], пользовавшиеся этим средством пополнения казны, требовали принятия рыцарского звания или уплаты штрафа в случае отказа только от тех, кто имел годовой доход в 40 фунтов и выше, и Карл последовал их примеру, проявив подобную же снисходительность. Специальным комиссарам было поручено определять размеры композиций; они получили инструкцию не соглашаться на сумму, меньшую чем та, которую должно было бы заплатить данное лицо при раскладке налога из расчета трех с половиной субсидий[89]. Ничто не показывает с большей очевидностью, сколь враждебно относился народ к действиям правительства, нежели тот факт, что он громко роптал против меры, основанной на положительном статуте и на недавних прецедентах. Утверждали, будто соответствующий закон устарел и вышел из употребления, хотя с того момента, когда его в последний раз приводили в действие, прошло только одно царствование.

ЖЕСТОКИЕ МЕРЫ ЗВЕЗДНОЙ ПАЛАТЫ И ВЫСОКОЙ КОМИССИИ

Барнард, лектор лондонской церкви Гроба Господня, в своей молитве перед проповедью употребил следующие выражения: *Господи, открой глаза Ее Величеству, дабы узрела она Иисуса Христа, коего терзает ныне своим нечестием, суеверием и идолопоклонством.* За оскорбление королевы Барнарда вызвали в суд Высокой комиссии и подвергли допросу, но после того, как он раскаялся, отпустили[90]. Лейтону, который сочинял памфлеты против короля, королевы, епископов и всей администрации, вынесли чрезвычайно суровый, чтобы не сказать жестокий приговор, однако исполнение его было отложено в надежде на то, что Лейтон принесет повинную[91]. В самом деле, жестокие меры принимались в это царствование лишь к тем, кто гордился своими страданиями, сам напрашивался

на гонения и бросал открытый вызов властям, отчего наказание подобных лиц становилось, вероятно, более справедливым, но менее благоразумным Совершенно их не замечать — такой образ действий, если бы его можно было совместить с требованиями порядка и общественной безопасности, был бы самым мудрым, как, пожалуи, явился бы он самой страшной карой, которой только можно было подвергнуть этих фанатиков

Чтобы подарить духовенству великолепное здание, устроили сбор средств на ремонт и перестройку храма Св Павла, и король поддержал это похвальное предприятие одобрением и личным примером[92] По приказу Тайного совета разрушили церковь Св Григория, служившую помехои расширению и украшению собора Снесли также несколько домов и лавок, возместив ущерб их владельцам[93] Поскольку созыв парламента в ближайшем будущем не предвиделся, подобные действия со стороны короля стали в данных обстоятельствах необходимостью, и в любую прежнюю эпоху их правомерность не вызвала бы у народа никаких сомнений Следует отметить, что к строительству этого украшения английской столицы пуритане отнеслись крайне враждебно оно, по их словам, слишком отзывалось папистскими суевериями

Был установлен гербовый сбор на карты — новый налог, который сам по себе не мог вызвать возражений, однако рассматриваемый в качестве меры произвольной и незаконной, казался опасным по своим последствиям[94]

Возродились монополии, тягостный для населения и вредный для промышленности способ пополнения казны Последний парламент Якова, отменивший монополии, сделал разумное исключение для новых изобретений, и вот теперь под этим предлогом, а также под видом создания новых компаний и корпораций прежние злоупотребления возобновились Монопольное право производства мыла предоставили компании, заплатившей за свой патент крупную сумму[95] Были введены монопольные ограничения на кожу, соль и многие другие товары вплоть до льняных холстов

По утверждению Кларендона, меры эти приносили так мало пользы, что из 200 000 фунтов, собранных с их помощью с народа, до королевской казны едва дошли полторы тысячи Хотя мы и не должны подозревать этого замечательного историка в преувеличениях, невыгодных для Карла, следует все же признать, что данный факт кажется не вполне правдоподобным Тот же автор добавляет, что король намеревался преподать урок своим подданным, доказав им, сколь это расточительно с их стороны — отказывать короне в разумных субсидиях Безрассудный и опрометчивый замысел оскорбить целую нацию под видом наказания, надеясь с помощью деспотических мер сломить ее упорство, и при этом совершенно не располагая необходимыми силами для того, чтобы подавить ее сопротивление!

Северный совет был учрежден после восстания на севере Англии по указу Генриха VIII и без всякои парламентской санкции, этот самовласт-

ный акт короля-деспота, как и многие другие, не вызвал тогда возражений. Долгое время совет действовал преимущественно в качестве суда по уголовным делам, однако помимо некоторых новшеств в его работе, введенных еще при Якове, Карл (вскоре после того, как председателем совета стал Уэнтворт) счел нужным расширить его компетенцию и предоставить ему значительную гражданскую юрисдикцию, в некоторых отношениях дискреционную[96]. Король, вполне вероятно, хотел лишь устранить неудобства, возникавшие оттого, что все гражданские дела из самых отдаленных уголков королевства передавались на рассмотрение в Вестминстер, однако вследствие данной меры северные графства были изъяты из-под защиты обычного права и подчинены органу в известном смысле деспотическому. В этом же году поступили жалобы на незаконные постановления совета[97].

Расширила свои полномочия и Звездная палата; в обществе же высказывалось недовольство тем, что она вторгалась в сферу компетенции прочих судов, а также налагала крупные штрафы и суровые наказания вопреки обычным нормам судопроизводства. Сэра Дэвида Фаулиса оштрафовали на 5000 фунтов главным образом за то, что он отговорил своего друга заплатить правительственным комиссарам соответствующую пеню за непринятие рыцарского звания[98].

Принн [263], адвокат из юридической корпорации Линкольнз-инн [264], сочинил громадный том ин-кварто, который он назвал *Histrio-Mastyx*. Его открыто заявленной целью было осудить театральные представления, комедии, фарсы, музыку и танцы, но автор не упустил случая обрушиться также на охоту, народные гулянья, празднование Рождества, майские деревья [265] и костры. По словам Принна, праведный гнев против всех этих безобразий зажегся в нем впервые тогда, когда он заметил, что театральные пьесы расходятся лучше, чем самые великолепные проповеди, и что печатают их нередко на более тонкой бумаге, чем саму Библию. Актеры часто бывают папистами и невероятно испорченными людьми; кроме того, сообщает Принн, театры — это часовни сатаны, завсегдатаи театральных зрелищ — сущие дьяволы, а каждое па в танцах — шаг к аду. Величайший грех Нерона, уверяет автор, состоял в том, что он посещал театральные представления и сам в них участвовал; те же, кто устроил заговор, чтобы лишить его жизни, были подвигнуты на это благородное предприятие своим возмущением столь чудовищной мерзостью [266]. Остальная часть тысячестраничного опуса написана в том же духе. Разрешение на его печатание он получил от капеллана архиепископа Кентерберийского, и тем не менее Звездная палата обвинила его в клевете. Считалось, что судьи несколько переусердствовали, истолковав общие инвективы против театра как злостный пасквиль на короля и королеву — по той лишь причине, что они часто посещали театральные представления, а королева сама иногда играла в фарсах и пасторалях, ставившихся при дворе. Следует, однако, признать, что автор в весьма ясных выражениях порицал иерархию, обряды, новшества в богослужении и суеверия, введенные Лодом[99], и, вероят-

но, именно это, вместе с его упрямым и дерзким поведением перед Звездной палатой, стало причиной того, что ему вынесли столь суровый приговор: лишить адвокатского звания, выставить у позорного столба в двух местах, в Вестминстере и Чипсайде, и в каждом отсечь по уху, оштрафовать на 5000 фунтов в пользу короля и посадить в тюрьму пожизненно[100].

Этот самый Принн был у пуритан великим героем, и главным образом ради посрамления упомянутой секты Принна, человека почтенной профессии, Звездная палата и присудила к столь позорному наказанию. Законченных пуритан можно было узнать по кислым физиономиям, суровым манерам и по отвращению к любым развлечениям и забавам[101]. Чуточку их развеселить как для собственного их блага, так и ради пользы общества, было, разумеется, похвальным намерением со стороны двора, однако являлись ли тюрьмы, штрафы и позорные столбы подходящим средством для такой цели, не вполне очевидно.

Другое средство, которое испробовал король, желая придать религиозным чувствам своего народа светлый и радостный оттенок, оказалось ненамного более удачным. Он подтвердил указы своего отца, дозволявшие игры и забавы после воскресного посещения церкви, и велел, чтобы его прокламацию на сей счет священники обнародовали после службы[102]. Те, кто был заражен пуританством, отказались подчиниться; их карали временным отстранением или лишением должности. Различия между сектами и прежде были достаточно велики, и королю, вероятно, не стоило их усиливать подобными новшествами.

Известное поощрение и покровительство, которое король и епископы оказывали храмовым праздникам, шумным свадьбам и прочим веселым забавам простого народа, также чрезвычайно шокировали пуритан[103].

В этом же году Карл в сопровождении двора посетил Шотландию (12 июня), чтобы созвать тамошний парламент и совершить обряд коронации. Знать и дворянство обоих королевств прямо-таки соревновались между собой в изъявлении почтения и верноподданического долга королю и в демонстрации чувств взаимного уважения и дружбы. Тот, кто стал бы судить по внешности, никогда бы не догадался, сколь ужасные события ожидают эти страны в недалеком будущем.

Важной частью тех дел (ибо они заслуживают подобного имени), которыми занимался Карл в этом парламенте, было, помимо получения субсидий, добиться признания права короля на введение священнических облачений[104]. Соответствующий акт прошел не без возражений и трудностей. Омерзительный англиканский стихарь уже стоял перед глазами шотландцев, и они не вполне безосновательно опасались, что вскоре он появится и в их церкви. Хотя король полагал, что прерогатива дает ему право единолично распоряжаться всем, что относится к внешнему устройству церковных дел, данный вопрос сочли слишком важным, чтобы обойтись при его решении без санкции особого статута.

Тотчас же по возвращении в Англию король узнал о кончине архиепископа Эббота и немедленно возвел в этот сан своего любимца Лода, кото-

рый, пользуясь новой властью, мог теперь с большей строгостью насаждать церковное благочиние, усиливая тем самым всеобщее недовольство

Лод выхлопотал лондонскую епархию для своего друга Джаксона, а через год, после смерти сэра Ричарда Уэстона, графа Портленда, оказался достаточно влиятельным, чтобы побудить короля сделать этого прелата лордом-казначеем Джаксон был человек честный, мягкий и гуманный, наделенный к тому же обширным умом[105] Однако последнее назначение никому не пришлось по душе Джаксона сочли слишком худородным для одной из высших государственных должностей К тому же люди считали, что духовенство уже слишком вознеслось благодаря прежним королевским милостям и не нуждается в этом новом поощрении, чтобы домогаться господства над мирянами[106] Пуритане же были чрезвычайно сердиты на Джаксона, несмотря на все его выдающиеся добродетели, оттого что он был большой любитель охоты и прочих нечестивых занятий на открытом воздухе

КОРАБЕЛЬНЫЕ ДЕНЬГИ. 1634

В это же время были введены корабельные деньги Первые распоряжения об их сборе направлялись лишь портовым городам, но затем их начали взимать по всему королевству каждое графство обложили определенной суммой, которую впоследствии раскладывали по частным лицам[107] Общий размер налога был весьма умеренным, немногим превышая 200 000 фунтов, при сборе его соблюдалась справедливость, полученные средства всецело расходовались на флот, к великой чести и пользе государства, Англия не имела сухопутной армии, тогда как прочие державы Европы были вооружены до зубов, а потому флот казался абсолютно необходимым для ее безопасности, наконец, было совершенно очевидно, что флот следует строить и снаряжать в спокойных условиях мирного времени и что его невозможно подготовить мгновенно, в ситуации прямой и непосредственной угрозы, — и однако, несмотря на все эти доводы, народ не желал мириться с новым налогом Он был совершенно произвольным, действуя подобным образом, власти могли ввести любую иную подать, и англичане решили, что сильный флот, пусть и весьма желательный для славы и обороны королевства, не вознаградит их за вольности и привилегии, которые, как они опасались, приносятся в жертву ради его строительства

Следует признать Англии тогда не повезло в том отношении, что представления короля об английской конституции чрезвычайно отличались от тех, которые *начали* утверждаться среди его подданных Он не считал привилегии народа настолько священными и неприкосновенными, чтобы нарушение их не могло быть оправдано ничем, кроме самой крайней необходимости В себе самом он видел высшего магистрата, попечению коего Господь, учитывая его прирожденное право, вверил народ Англии, прави-

теля, чей долг — заботиться о счастье и безопасности подданных, и который ради этой благой цели облечен весьма обширными и не имеющими ясных границ полномочиями. Если соблюдение старинных законов и обычаев можно было совместить с текущими нуждами и интересами правительства, то король считал себя обязанным поступать в согласии с этим принципом как самым простым, надежным и обеспечивающим быстрое и добровольное повиновение. Когда же изменившиеся обстоятельства (тем более если изменились они из-за упрямства самого народа) потребовали нового порядка управления, то привилегии нации, полагал король, должны были уступить перед авторитетом верховной власти, и ни одно сословие в государстве не могло ссылаться на какие-либо особые права, дабы оказывать противодействие устремленной к общему благу воле суверена[108]. Было бы опрометчиво утверждать, что эти принципы ясным и однозначным образом вытекали из общего смысла английского законодательства. Неустойчивость самой конституции, беспокойный дух народа, множество отдельных событий порождали, несомненно, в разные века всевозможные исключения и противоречия. С уверенностью можно сказать только одно: видимость достаточно убедительно свидетельствовала в пользу короля, чтобы оправдать те принципы, которых он держался, но, с другой стороны, подобное чрезмерное расширение королевской прерогативы должно было сделать общественную свободу столь непрочной и негарантированной, что сопротивление нации становилось не только извинительным, но даже похвальным[109].

В царствование Генриха VII были приняты законы против обезлюдения деревень, или превращения пахотных земель в пастбища. По решению Звездной палаты сэра Энтони Ропера оштрафовали на 4000 фунтов за подобный проступок[110]. Столь суровый приговор должен был запугать других, вынудив их соглашаться на композицию; таким путем удалось собрать более 30 000 фунтов[111]. Подобные композиции или, за отсутствием таковых, крупные штрафы взимались за вторжения в королевские леса, границы которых, согласно незаконным, по общему мнению, указам, были значительно расширены[112]. Пределы одного из лесов, Рокингемского, увеличились с шести до шестидесяти миль в окружности[113]. Тот же непокорный дух, который побуждал англичан отказывать королю в добровольных пожертвованиях, заставлял их, причем с большим основанием, возмущаться этими незаконными методами сбора денег.

Морли был оштрафован на 10 000 фунтов за то, что во дворе Уайтхолла он обругал, ударил и вызвал на дуэль сэра Джорджа Теобальда, одного из королевских слуг[114]. Штраф сочли непомерным, однако нам неизвестно, был ли он внесен полностью или уплачен лишь частично, как это чаще всего и происходило со штрафами, наложенными Звездной палатой.

Аллисон утверждал, будто архиепископ Йоркский навлек на себя гнев короля тем, что просил даровать католикам некоторую терпимость, а также разрешить им построить несколько церквей для отправления своего культа. За такую клевету на архиепископа Звездная палата приговорила

его к штрафу в 1000 фунтов, тюремному заключению с пожизненным взятием на поруки и к наказанию плетьми; кроме того, его должны были выставить у позорного столба в Вестминстере и еще в трех городах Англии. Робинсу, соучастнику преступления, вынесли столь же строгий приговор[115]. В подобных фактах следует видеть скорее отдельные исключительные случаи, собранные воедино дотошными разысканиями историков, нежели свидетельства общего духа правления Карла, которое, судя по всему, отличалось большей мягкостью и справедливостью, чем у его предшественников: за пятнадцатилетний период до открытия Долгого парламента можно насчитать в общей сложности пять или шесть примеров такой жестокости. Несомненно также, что оскорбление достоинства сильных мира сего, хотя в наше время оно редко преследуется по суду, есть в глазах закона тяжкое преступление, обрекающее обидчика весьма суровым карам.

Существуют и другие примеры высокого почтения, которое оказывали знати в ту эпоху — эпоху, когда монархические порядки и представления, хотя и оспаривавшиеся, по-прежнему сохраняли свою прежнюю силу и авторитет. Кларендон[116] рассказывает по этому поводу забавную историю. Лодочник одного вельможи, повздорив с каким-то горожанином из-за платы, указал ему на свой значок, герб хозяина, — это был лебедь — и потребовал более уважительного обращения. Горожанин, однако, ответил, что ему нет никакого дела до этого гуся. Как человека, который, назвав лебедя гусем, непотребным образом оскорбил герб вельможи, его вызвали в Маршальский суд [268], оштрафовали и в конце концов довели до нищеты.

Сэр Ричард Гренвил посчитал, что граф Суффолк несправедливо с ним поступил в ходе одной тяжбы, и его обвинили перед Звездной палатой в том, что он назвал этого аристократа презренным господином. Улики против него были не вполне убедительными, однако за этот мелкий и недостаточно доказанный проступок Гренвила присудили к уплате штрафа в 8000 фунтов (половина — в пользу графа, другая — в пользу короля)[117].

Сэр Джордж Маркем, следуя во время охоты за гончими лорда Дарси, держался к собакам ближе, чем это считал приличным егерь, который, помимо прочих неучтивостей, допустил в его адрес сквернословие, за что сэр Джордж отплатил ему ударом хлыста. Парень пригрозил, что пожалуется своему господину, рыцарь же ответил, что если господин его осмелится оправдывать подобную дерзость, то он, сэр Джордж, обойдется с ним точно так же. Сэра Джорджа вызвали в Звездную палату и оштрафовали на 10 000 фунтов. *Столь выгодным было в те времена звание лорда*! — справедливо замечает лорд Лэнсдаун, излагая этот эпизод[118]. Отстаивая свои вольности в борьбе с властью короля, народ сбрасывал с себя также иго знати. Нужно отметить, что описанный случай имел место еще в начале царствования Якова, а следовательно, нынешний образ действий Звездной палаты отнюдь не был новостью, хотя нынешнее настроение народа заставляло его сильнее, чем прежде, возмущаться этим рабством

Следуя примеру Елизаветы и Якова, Карл издал прокламации, которые запрещали землевладельцам-дворянам вести праздную жизнь в Лондоне и приказывали им возвратиться в свои поместья[119]. За неповиновение многие были обвинены генеральным атторнеем и оштрафованы Звездной палатой[120]. Поднялся ропот, на эти приговоры жаловались как на незаконные. Но если сами прокламации имели законную силу, чего никто не думал оспаривать, то разве не нужно было их исполнять? Должен признать: ни один эпизод не демонстрирует с большей очевидностью, сколь путанными и неопределенными были в ту эпоху представления англичан о собственной конституции.

Рэй, который, в нарушение королевской прокламации, вывозил неотделанное сукно, был приговорен Звездной палатой к выставлению у позорного столба и к уплате штрафа в 2000 фунтов[121]. Подобные штрафы были наложены на Терри, Эмана и других за невыполнение прокламации, запрещавшей вывоз золота[122]. Мы не сможем понять позднейшие потрясения, если пройдем мимо этих эпизодов, сочтя их мелкими и незначительными: впоследствии подобные строгости были раздуты противниками короля до размеров чудовищных преступлений.

В том же году вышла прокламация, запрещавшая наемным экипажам стоять на улицах[123]. Там сказано, что таких экипажей насчитывалось тогда в Лондоне не более двадцати, теперь их около восьмисот.

Между тем корабельные деньги начали приносить результаты. Был снаряжен грозный флот из шестидесяти судов, крупнейший из всех, которые имела до тех пор Англия; его командующий, граф Нортумберленд, получил приказ атаковать голландцев, занимавшихся промыслом сельди в водах, которые именовались Британскими морями. Голландцы согласились заплатить 30 000 фунтов за разрешение на промысел на этот год. Они, однако, категорически отвергали чьи-либо претензии на господство в морях за пределами побережий, бухт и заливов, и мы можем усомниться, действительно ли международное право свидетельствует в пользу подобных притязаний.

В этом году Карл отправил эскадру против Сале, и она с помощью короля Марокко уничтожила базу пиратов, которые долгое время не давали покоя английским купеческим судам и даже опустошали берега Англии.

Богослова Бартона и врача Баствика[269] судили в Звездной палате за крамольные еретические памфлеты, приговорив к той каре, которая ранее постигла Принна. Самого же Принна привлекли к суду за новое преступление; согласно приговору, он должен был уплатить еще один штраф в 5000 фунтов и лишиться того, что еще оставалось от его ушей. Авторы эти с великой суровостью и даже с чрезмерным пылом нападали на обряды, церемонии и церковное начальство, а их защитительные акты, поданные судьям, были до такой степени исполнены упрямства и брани в адрес прелатов, что ни одного адвоката не удалось уговорить их подписать. Но жестокость вынесенного им приговора, столь позорная для людей их профессии, всех возмутила, а терпение или даже радостная готовность, с ко-

торой встретили они свои страдания, еще сильнее разожгла гнев общества против их гонителей[121]. Суровость Звездной палаты, которую все объясняли вспыльчивым нравом Лода, сама по себе, вероятно, заслуживала известного порицания, однако она, что вполне естественно, покажется воистину чудовищной нам, пользующимся в широчайшей степени той свободой печати, которая признается столь необходимой во всякой монархии, ограниченной строгими рамками закона. Но так как эти ограничения не были ясно установлены ни во времена короля Карла, ни в любую иную предшествующую эпоху, то подобная свобода оставалась совершенно неизвестной; ее, вместе с религиозной терпимостью, считали абсолютно несовместимой со всяким хорошо устроенным правлением. К тому времени ни одна нация и ни один век новой истории еще не успели подать пример подобной терпимости и свободы, и потому кажется неразумным судить о мерах, принимавшихся в одну эпоху, по тем принципам, которые господствуют в другую.

Жалуясь в своей книге на последние церковные новшества, Бартон упомянул среди прочего следующий факт: однажды пост назначили на среду, причем поститься велено было без всяких проповедей[125]. Цель этого нововведения, как он утверждал, состояла в том, чтобы, воспользовавшись прецедентом поста без проповедей, отменить все «лекции», читавшиеся в Лондоне по средам. Можно отметить, что римская и англиканская церкви, обе — большие поклонницы внешнего благочестия, формы и церемоний, предпочитают проповеди молитву, тогда как сектанты-пуритане, видя, что проповедь, будучи обращена к аудитории многочисленной, зримой и непосредственно присутствующей, гораздо сильнее волнует и воспламеняет души, всегда полагали именно ее важнейшей частью богослужения. Подобные, пусть и мелкие детали было бы нелишним сохранить для потомства, чтобы те, кому любопытно прослеживать историю человеческого ума, могли отметить, до какой степени совпадают в различные эпохи иные его странности.

Некие фанатики учредили общество для скупки импроприированных бенефициев и передачи их церкви; на эти цели обществу были пожертвованы значительные суммы. Но вскоре обнаружилось, что средства свои общество использует лишь для того, чтобы во всех крупных церквах ставить «лекторов», т. е. людей, которые, не будучи подчинены епископской власти, всецело посвящают себя пылкой проповеди и распространению пуританизма. С помощью особого постановления, принятого в суде казначейства [270] и вызвавшего сильный ропот, Лод позаботился о том, чтобы воспрепятствовать их дальнейшим успехам и упразднить общество[126]. По-прежнему, однако, было заметно, что по всей Англии лекторы заражены пуританизмом; те же священники, которые довольствовались чтением молитв и поучений народу, получали обыкновенно от лекторов позорное прозвище *бессловесных собак*.

Притесняемые в Англии, пуритане отправлялись в Америку и там закладывали фундамент новой системы правления, обладавшей всеми свобо-

дами, как политическими, так и религиозными, которых они были лишены на родине. Но их враги, не желая допустить, чтобы пуритане где-либо нашли покой и довольство, и, вероятно, страшась опасных последствий существования столь нелояльной колонии, убедили короля издать прокламацию, воспрещавшую доступ пуританским святошам даже в эти дикие и суровые края[127]. Восемь судов, стоявших на Темзе и уже готовых к отплытию, были задержаны по приказу совета; на них в это время находились сэр Артур Гэзльриг[(271)], Джон Гемпден, Джон Пим и Оливер Кромвель[128], которые решили навсегда покинуть родную страну и бежать на другой конец света, где они могли бы слушать проповеди и рассуждения какой угодно формы и продолжительности. Впоследствии у короля было время раскаяться в этом акте своей власти.

Епископ Нориджский, строго требовавший церковного единообразия, выжил из этого города многих трудолюбивых ремесленников, заставив их бежать в Голландию[129]. Голландцы в это время стали больше заботиться о коммерции, чем об ортодоксальности веры, полагая, что хорошими гражданами людей делают знание полезных искусств и повиновение законам, пусть даже они сопровождаются ошибками в тех предметах, где человеческая природа не может рассчитывать на достижение абсолютной истины и безусловной достоверности.

Около этого времени прозвучали жалобы на то, что в нескольких случаях была нарушена петиция о праве и что по приказу короля и совета Дженнингсу, Парджитеру и Дэнверсу было отказано в освобождении на поруки[130].

Уильямс, епископ Линкольнский, мужественный и образованный человек, любимый народом прелат, а в прежнее время — лорд-хранитель печати, был оштрафован Звездной палатой на 10 000 фунтов, заключен в Тауэр на срок, угодный королю, и отстранен от должности. Столь суровый приговор, вынесенный по пустячному поводу, объясняли скорее мстительностью Лода, нежели какой-либо действительной виной епископа[131]. Между тем первым своим повышением Лод был обязан ходатайствам этого прелата перед королем Яковом. Однако надменный примас был столь неумолим, что возбудил против Уильямса новое судебное преследование, причем под самым удивительным предлогом. С целью взыскания упомянутого выше штрафа нескольким чиновникам велено было отправиться в Линкольн и конфисковать всю мебель и все книги в епископской резиденции. Обыскивая помещение, они нашли в углу какие-то письма, выброшенные за ненадобностью. Их автором был некий Осбалдистон, школьный учитель, и адресовались они Уильямсу. В них упоминался *маленький великий человек*, а в другом месте то же лицо названо было *маленьким шалуном*. Посредством тонких интерпретаций и умозаключений слова эти были отнесены к особе Лода, и на этом единственном основании Уильямса опять привлекли к суду — как человека, получавшего клеветнические письма и не открывшего властям свою частную корреспонденцию. За это преступление с него взыскали новый штраф в 8000 фунтов.

Осбалдистона также судили и вынесли ему следующий приговор взыскать 5000 фунтов штрафа, отрезать уши, после чего прибить их гвоздями к позорному столбу перед его школой Он спасся бегством, оставив в кабинете записку, где было сказано «Отправляюсь подальше от Кентербери»[132]

Судебные преследования Уильямса стали, кажется, самой большой несправедливостью, которую совершил двор за то время, пока не созывался парламент Возвышением своим Уильямс был всецело обязан благосклонности Якова, однако рассорившись сначала с Бекингемом, а затем с Лодом, он бросился в объятия партии страны и с большой твердостью и энергией противился всем действиям короля Креатура двора становится его заклятым врагом, епископ поощряет пуритан — это разгневало министров и побудило их к суровым мерам К тому же, как сообщают некоторые авторы, перед оглашением приговора Уильямсу было обещано помилование, если он признает свою вину, но епископ отказался это сделать Двор, вероятно, счел, что такого упрямца нужно сломить и привести к покорности любыми средствами

В ходе предшествующего процесса над Уильямсом (ибо два описанные у нас не были первыми)[133] упоминалась одна история, которую стоит здесь рассказать, поскольку она превосходно раскрывает дух тогдашних партий Когда сэр Джон Ламб побуждал Уильямса к судебному преследованию пуритан, прелат спросил его, что за люди эти самые пуритане Сэр Джон ответил так «Окружающим кажется, что эти люди никогда не сквернословят, не развратничают и не напиваются пьяными, зато они готовы лгать, обманывать и дурачить других, нередко они слушают по две проповеди в день и повторяют их, а иногда постятся по целым дням» В подобной характеристике следует видеть насмешку, и, однако, можно согласиться, что эта секта питала более сильное отвращение к беспутствам, проистекающим от избытка веселья и от невоздержанности в удовольствиях, нежели к тем грехам, которые являются наиболее пагубными для общества Первые противоречили самому духу их религии, последние же были всего лишь отступлением от ее заповедей, а потому мрачный фанатик мог легко убедить себя в том, что строгое соблюдение установленных правил в одном случае способно загладить любое нарушение в другом

В 1632 году государственный казначей Портленд потребовал, чтобы виноторговцы платили пошлину из расчета один пенс за каждую кварту вина, продававшегося ими в розницу, но они отвергли это требование Чтобы покарать их за строптивость, Звездная палата, не входя в особые расследования и разбирательства, тотчас же приняла указ, воспрещавший им готовить и продавать в своих заведениях любого рода еду[134] Два года спустя их допрашивали по поводу нарушения этого указа, желая избежать наказания, виноторговцы согласились ссудить королю 6000 фунтов В последующие годы трактирщикам угрожали штрафами и судебными преследованиями, и они в конце концов пошли на уступки, согласившись платить половину той пошлины, которой домогались от них вначале[135]

Не требовалось большой способности к предвидению, чтобы понять: право короля издавать прокламации, если его будут осуществлять в полной мере, неизбежно превратится в возможность облагать налогами.

Лильберна [272] обвинили перед Звездной палатой в публикации и распространении мятежных памфлетов. Велено было его допросить, но он отказался принести обычную в этом суде присягу в том, что будет отвечать на любые вопросы, даже если ему придется свидетельствовать против самого себя. Это было истолковано как оскорбление власти, за что его приговорили к наказанию плетьми, выставлению у позорного столба и тюремному заключению. Бичуемый на тележке палача, Лильберн читал пылкие проповеди народу, яростно осуждая тиранию епископов. Затем он вынул из карманов и бросил в толпу несколько памфлетов, как утверждают, мятежных, ибо они содержали нападки на иерархию. Звездная палата, заседавшая как раз в это время, немедленно распорядилась заткнуть ему рот. Но Лильберн, с кляпом во рту, привязанный к позорному столбу, продолжал топать ногами и, как мог, жестикулировать, показывая народу, что будь это в его власти, он по-прежнему говорил бы свои речи. Такое поведение вновь вызвало гнев Звездной палаты, и она постановила заковать Лильберна в кандалы и бросить в подземную тюрьму[136]. Оказалось, что очень непросто сломить дух людей, видевших в своих страданиях веление долга и высокую славу.

Ревнивая подозрительность церкви проявилась еще в одном, правда, не столь трагическом происшествии. Королевский шут Арчи, обладавший по должности привилегией насмехаться над своим господином и над всем его двором, имел как-то несчастье испытать свое остроумие на архиепископе Лоде, который считался слишком священной особой, чтобы с ним можно было шутить. Когда из Шотландии пришли известия о первых беспорядках, вызванных введением литургии, Арчи, увидев проходившего мимо примаса, крикнул ему: *Милорд, так кто же теперь дурак?* За это преступление Тайный совет вынес ему такой приговор: надеть через голову кафтан и прогнать с королевской службы[137].

А вот еще один пример безжалостной суровости, с которой относился Лод ко всем людям без исключения. Несколько молодых джентльменов из Линкольнс-инн, разгоряченные вином, выпили за погибель архиепископа и по его требованию были вызваны в Звездную палату. Они обратились за помощью к графу Дорсету [273]. «Кто выступает против вас свидетелем?» — спросил Дорсет. «Трактирный слуга», — отвечали джентльмены. «А где он был в тот момент, когда вы поднимали этот тост?» — «У двери, он как раз выходил из комнаты!» — «Черт подери! — воскликнул граф. — Слуга ошибся, ведь пили вы за погибель врагов архиепископа, а этот парень вышел прежде, чем вы успели произнести последние слова». Этот намек дал молодым людям новый способ защиты; кроме того, Дорсет посоветовал им держаться по отношению к примасу с величайшим смирением и покорностью, и в итоге скромное поведение и изобретательная защита, вместе с покровительством благородного лорда, уберегли молодых людей

от более суровых кар, чем порицание и предостережение, с которыми их и отпустили восвояси[138].

ПРОЦЕСС ГЕМПДЕНА

В этом же году Джон Гемпден приобрел всеобщую любовь нации своим мужеством и стойкостью, а смелым выступлением в защиту законов и вольностей своей страны заслужил великую славу у потомства. После того как были введены корабельные деньги, Карл, желая совершенно обескуражить их противников, предложил судьям следующий вопрос: «Вправе ли он устанавливать этот налог, если это необходимо для обороны государства, и не является ли он единственным судьей подобной необходимости?» Стражи закона и хранители свободы весьма услужливо отвечали: «В случае необходимости он вправе вводить этот налог, и именно он является единственным судьей подобной необходимости»[139]. Гемпдена, имевшего поместье в Бакингемшире, обложили суммой в 20 шиллингов; однако, несмотря на официально объявленное заключение судей, несмотря на могущество, а иногда и суровый образ действий короны, несмотря на отсутствие особых надежд на помощь со стороны парламента, Гемпден решил, что не станет платить столь незаконный налог, предпочитая подвергнуться судебному преследованию и в полной мере навлечь на себя гнев двора. Дело слушалось в суде казначейства в присутствии всех судей Англии в течение двенадцати дней, и за каждой подробностью этого знаменитого процесса нация следила с величайшей тревогой. Исход его нетрудно было предсказать, однако принципы, доводы и образ действий участников процесса публика разбирала и обсуждала с огромным увлечением, а с той благосклонностью, которую питал народ к одной стороне, могла сравниться лишь его ненависть к другой.

Защитники Гемпдена, как и его приверженцы в стране, утверждали, что в судебном процессе, основанном на законе, ссылкам на необходимость не может быть места, ибо необходимость в силу самой своей природы уничтожает всякий закон и, действуя с неодолимой мощью, расторгает более слабые и искусственные узы человеческого общества. В случае крайней нужды не один только государь освобождается от соблюдения обычных норм управления: все сословия и состояния в этом смысле уравниваются, и любое частное лицо может содействовать общественной безопасности любыми средствами, к которым позволяет прибегнуть его положение. Но ведь для того чтобы на самом деле осуществились столь чрезвычайные и столь страшные для всякого общества последствия, недостаточно обычных опасностей или затруднений, а тем более — необходимости мнимой и воображаемой. Там, где опасность действительно достигла крайней степени, осознать ее способен каждый член общества, и хотя в этом случае все прежние законы и нормы правления отменяются, люди готовы добровольно

подчиняться не связанной законом власти, если она действует ради их спасения. Но что же общего между этой воображаемой ситуацией и нынешним состоянием государства? Англия наслаждается совершенным миром со всеми своими соседями, более того, все ее соседи ведут между собой жестокие и кровопролитные войны, и их взаимная вражда еще надежнее обеспечивает ее покой. Да и сами распоряжения о сборе корабельных денег противоречат ссылкам на крайнюю необходимость; в них лишь сказано, что моря кишат пиратами, — а это мелкое, временное неудобство, которое вполне могло бы подождать законных парламентских субсидий. Кроме того, на снаряжение флота в указах отводится несколько месяцев, а значит, перед нами какая-то весьма неспешная и неторопливая «необходимость», допускающая промедление гораздо более продолжительное, чем те сорок дней, которые требуются для созыва парламента. Странно также, что крайняя необходимость, которая всегда бывает очевидной и, как правило, стремительно приводит к кризису, в данном случае существовала беспрерывно около четырех лет, оставаясь при этом совершенно незаметной для всего королевства. Что же касается утверждений, будто единственный, кто вправе судить о необходимости, это король, то что же стоит за ним, как не желание поставить все привилегии нации в полную зависимость от его каприза и произвола? Всерьез рассчитывать, что народ способен поверить таким доводам, значит усугублять всеобщее недовольство, поскольку к насилию против личности и собственности добавляется в данном случае жестокая насмешка над человеческим умом.

Приводить же в качестве прецедентов старинные указы бессмысленно: если внимательно их исследовать, обнаружится, что указы эти требовали всего лишь, чтобы морские порты, иногда на собственный счет, а иногда на счет графств, выставляли корабли для защиты государства. Даже та часть прерогативы, которая предоставляла короне право издавать подобные указы, была отменена, и осуществление ее почти совершенно прекратилось со времен Эдуарда III[140], а все полномочия в данной области, которые сохранялись за короной или использовались ею впоследствии, сводились лишь к тому, чтобы реквизировать суда для государственной службы. Но как далеки эти прецеденты от права обязывать народ строить на свой собственный счет новые корабли и снабжать провизией их команды, а тем более давать деньги короне для подобных целей! Есть ли у нас гарантии против дальнейшего расширения этих притязаний или против того, что собранные таким путем средства не пойдут на другие цели? Ссылками на крайнюю необходимость можно оправдать не только корабельные деньги, но и любой другой налог: едва лишь возникнут какие-либо трудности, и правительство вместо того, чтобы попытаться их избежать или преодолеть мягкими и благоразумными мерами, тотчас же представит их как веские основания для нарушения всех древних законов и обычаев, и если подобные правила и порядки войдут в норму, то что же будет с народной свободой? Какой авторитет, какую силу сохранят в таком случае Великая хартия, статуты и та самая петиция о праве, которая

в нынешнее царствование была так торжественно и единодушно принята всей законодательной властью?

Беззащитность королевства, не имеющего военного флота; неспособность короля с помощью обыкновенных доходов, даже при величайшем тщании и бережливости, построить его и содержать; невозможность получить на приемлемых условиях какие-либо добровольные субсидии от парламента — все это соображения государственной пользы, а не вопросы права и закона. Если же интересы государства, по мнению короля, требуют действий настолько срочных и безотлагательных, что ради них можно пренебречь законным порядком управления, то пусть король проводит свои указы через Звездную палату, подходящее орудие власти беззаконной и абсолютной, но не бесчестит звание судей постановлением, которое не является и, вероятно, не может являться законным. Тогда, по крайней мере, удастся сохранить более четкую грань между обычным законом и исключительным использованием прерогативы, и народ будет знать, что конституция страны не претерпела полного и коренного изменения, но всего лишь приостановлена в своем действии на период нынешних чрезвычайных обстоятельств.

Несмотря на все эти доводы, предубежденные судьи, за исключением четверых[141], вынесли благоприятный короне приговор. И однако Гемпден с помощью этого процесса достиг цели, ради которой столь великодушно жертвовал своей безопасностью и покоем: народ пробудился от летаргии и осознал, какой опасности подвергаются его права и свободы. Всюду обсуждались вопросы национальной конституции, и чем внимательнее их исследовали, тем более очевидным казалось англичанам, что их свобода окончательно попрана и что в их стране воцарилась неведомая прежде деспотическая власть. Рабские принципы, утверждали они, находятся в полном согласии с незаконными действиями, церковная тирания способствует узурпациям в гражданской сфере, несправедливые налоги опираются на произвольные наказания, а все привилегии нации, переданные нам по наследству через столько веков, гарантированные столькими законами и купленные кровью множества патриотов и героев, повержены теперь к стопам монарха. И так ли уж важно, что благодаря трудолюбию народа и общественному миру растут торговля, промышленность и богатство государства? Это временное преимущество, обусловленное к тому же не какими-то поощрениями со стороны короны, но единственно лишь духом самих англичан, остатками их древней свободы. Что с того, что нравственный облик самого короля, несмотря на все его неразумные меры, заслуживает снисхождения и даже похвалы? Король — это один человек, не более, а права народа — наследие миллионов! — слишком драгоценны, чтобы жертвовать ими его заблуждениям и предрассудкам. Подобные или еще более непримиримые взгляды поддерживала и распространяла весьма могущественная в Англии партия; никаких оправданий со стороны короля, никаких, хотя бы и весьма серьезных доводов, смягчавших его вину, слушать и принимать не желали, исправления же этих

зол нетерпеливо ожидали от парламента или от любого пусть даже бедственного события, способного уберечь народ от нынешних притеснений или от еще более страшных несчастий, к которым, как опасались англичане, могли привести совместные посягательства церкви и государства на их права.

Глава IX

Недовольство в Шотландии. — Введение канонов и литургии. — Мятеж в Эдинбурге. — Ковенант. — Генеральная ассамблея духовенства. — Отмена епископата. — Война. — Перемирие. — Возобновление войны. — Четвертый парламент Карла. — Его роспуск. — Недовольство в Англии. — Поражение при Ньюберне. — Риппонский договор. — Большой совет пэров.

Злоупотребления, на которые жаловались англичане, если рассматривать их сами по себе, безотносительно к нормам конституции, едва ли заслуживают этого имени: они не ложились тяжким бременем на собственность народа и никоим образом не возмущали естественное чувство человеколюбия. Даже корабельная подать, независимо от прочих последствий ее введения, принесла государству большую и вполне очевидную пользу, так как король весьма разумно распорядился деньгами, собранными с помощью этого средства. И хотя существовали справедливые опасения, что подобные прецеденты, если и далее безропотно им подчиняться, приведут в конце концов к полному отказу от парламентов и к установлению деспотического режима, Карл не страшился противодействия со стороны народа, который обыкновенно не любит много думать о последствиях и нуждается в каком-то совершенно особом, сильном и разительном мотиве для того, чтобы оказать сопротивление установленной власти. Все церковные дела регулировались законом и непрерывной цепью прецедентов, а сама церковь стала важной помехой как для законных, так и для незаконных действий короны. Мир, промышленность, торговля, изобилие и даже, несмотря на отдельные исключения, справедливость и милосердие в отправлении правосудия — всем этим мог тогда наслаждаться английский народ; он имел все блага доброго правления, кроме свободы, а точнее, кроме возможности пользоваться ею в данный момент и надлежащих гарантий для нее[142]. А потому казалось вероятным, что английские дела могли бы еще долго идти тем же порядком, если бы не близость Шотландии, страны гораздо более беспокойной и менее расположенной к покорности и послушанию. Именно там началась смута, а значит, нам пора вернуться в Шотландию и рассказать о положении дел в этом королевстве.

НЕДОВОЛЬСТВО В ШОТЛАНДИИ

Благодаря мирному и довольно искусному правлению Якова, а также приобретенной им обширной власти распри между родовитыми семействами в значительной степени утихли, и в королевстве был установлен законный порядок, однако шотландская знать по-прежнему сохраняла громадное влияние на народ. Она владела крупными поместьями, наследственные судебные права увеличивали ее авторитет, а традиционная преданность мелкого дворянства главам знатных фамилий создавала своеобразные узы добровольного подчинения вождям кланов. Помимо того, что продолжительное отсутствие короля ослабило его связи со знатью, проживавшей по большей части в своих деревенских поместьях, шотландская аристократия была тогда чрезвычайно раздражена против двора, хотя и без особых на то оснований. Из чувства набожности или из свойственной ему по характеру суеверности Карл испытывал сильнейшую привязанность к духовным лицам, а поскольку для людей вполне естественно убеждать себя в том, что их интересы совпадают с их склонностями, он взял себе за неизменное правило политики всячески способствовать росту силы и авторитета этого сословия. Прелаты, думал Карл, устанавливают порядок и дисциплину в среде духовенства, духовенство учит послушанию и лояльности народ, а так как этот разряд людей зависит единственно от короны и от нее одной получает свои полномочия, то казалось, что ему можно без всякого риска доверить долю королевской власти. А потому многие шотландские прелаты получили высшие государственные должности[143]: Спотсвуд, архиепископ Сент-Эндрюсский, стал канцлером, девять епископов вошли в состав Тайного совета, епископ Росский претендовал на должность государственного казначея, в казначействе же имели посты и некоторые другие прелаты. Была даже сделана попытка возродить прежнюю систему судебных коллегий и всю судебную власть разделить поровну между духовенством и мирянами[144]. Полученные церковью преимущества, коими епископы не всегда пользовались с подобающей умеренностью, возмущали надменных аристократов, полагавших, что они бесконечно превосходят этих выскочек по своему рангу и достоинству, и с досадой видевших, что уступают им по влиянию и власти. К оскорбленному тщеславию присоединялся личный интерес, внушая опасение, что епископские епархии, ограбленные в эпоху Реформации дворянством, могут теперь вновь получить прежние богатства за счет этого сословия. Благодаря чрезвычайно полезному и разумному закону у вельмож уже были отобраны импроприации, бедным священникам назначили достаточное жалованье с десятины каждого прихода, оставшуюся же ее часть собственник земли получал право выкупить по низкой оценке[145]. Более того, король, ссылаясь на древние законы и обычаи, высказался за возвращение всех коронных земель, отчужденных его предшественниками, и хотя он ничего не сделал для осуществления этого замысла, само притязание на подобное право вызвало подозрения и недовольство[146].

Несмотря на постоянную заботу Карла об интересах всей церкви, в Шотландии он сумел приобрести симпатии лишь среди высшего слоя духовенства. Рядовые же священники, или «министры», как правило, не уступали и даже превосходили знать в своей враждебности к правительству, к прелатам и к епископской власти[147]. Учреждение иерархии могло показаться выгодным для низшего клира, так как оно создавало должности, на которые мог претендовать любой священник, а кроме того сообщало блеск всему сословию, привлекая в его ряды выходцев из знатных семейств, однако на шотландское духовенство эти доводы не действовали. При тогдашнем состоянии умов высоко ценились иные качества, вполне уравновешивавшие власть и богатство, обычные основания различий между людьми, — это были ревностное благочестие и пылкое, хотя и варварское красноречие религиозных рассуждений и поучений. Стесняемое прелатами в свободе проповеди духовенство видело в епископской юрисдикции тиранию и узурпацию и отстаивало равенство всех духовных лиц как божественную привилегию, которую ни один человеческий закон не вправе нарушить или изменить. Там, где господствовали подобные идеи, бурное недовольство вызвал бы и самый умеренный акт власти, а тем более те обширные полномочия, которые присваивали себе прелаты, поощряемые снисходительностью короля. Юрисдикция пресвитерий, синодов и прочих демократически избранных судов была в известном смысле сведена на нет епископами, и даже Генеральная ассамблея духовенства не созывалась уже несколько лет[148]. Для вступающих в ряды духовного сословия ввели произвольным образом новую присягу: теперь они клялись соблюдать Пертские статьи и подчиняться канонам и литургии. Одним словом, введенные Яковом и Карлом новшества изменили за тридцать лет всю систему управления шотландской церковью.

Народ, который находился под сильным влиянием знати и духовенства, не мог не проникнуться возмущением, охватившим эти сословия; если же ему недоставало действительных причин для недовольства, он с жадностью хватался за воображаемые. Та же ненависть к папизму, которой были одержимы английские пуритане, обуяла и шотландскую чернь, причем у этой последней, как более грубой и нецивилизованной, она, кажется, стала еще более яростной. Между тем дух религии, господствовавшей при дворе и среди прелатов, отличался противоположными качествами и, будучи в чем-то близким к римскому культу, побуждал их смягчать, насколько возможно, суровые предрассудки против католиков и рассуждать о них в выражениях более примирительных. По этой причине в Шотландии вспыхнул панический страх перед папизмом, и каждая новая церемония, каждое новое украшение, вводившееся в церковную службу, истолковывались как часть грандиозного коварного заговора, поощряемого королем и епископами, жертвой которого должна была стать вся нация[149]. В немногочисленных новшествах, сделанных при Якове, видели подготовку к осуществлению этого великого плана; дальнейшие перемены, произвести которые пытался Карл, изображались как прямая декла-

рация его намерений. В течение всего этого царствования ничто не оказывало в обоих королевствах влияния более пагубного, чем эти беспричинные страхи, которым люди всех званий так искренне верили и которые они с таким усердием распространяли.

В обстановке раздраженных жалоб и всеобщего ужаса перед новшествами в религии шотландцы стали думать, и не без некоторых оснований, что их гражданские свободы также подвергаются угрозе.

Учреждение Яковом Высокой комиссии без всякой законной санкции казалось важным посягательством со стороны короны: опасным и тиранническим методом создавался самый опасный и тиранический из судебных органов. Все прежние меры, имевшие целью введение в Шотландии епископальной системы, принимались с согласия парламента: в 1621 году были утверждены Пертские статьи, в 1633 году король добился общей санкции на все церковные новшества, но в глазах народа законы эти не имели особого авторитета, поскольку считалось, что приняты они вопреки мнению даже тех людей, кто за них голосовал, и в сущности представляют собой уступки, вырванные у парламента властью и настойчивыми домогательствами государя. Однако средства, использованные Яковом и Карлом для того чтобы повлиять на парламент, были вполне обычными и допустимыми, и не существовало никаких разумных оснований изображать эти законы недействительными и не имеющими силы.

Но среди большей части нации господствовал тогда иной, весьма опасный и могущественный принцип, который, если признавать его истинным, лишал всякой силы любые подобные статуты. Церковную власть считали совершенно независимой от власти гражданской; утверждалось, что не акт парламента, но единственно лишь согласие самой церкви способно послужить достаточным основанием для любого рода новшеств в культе и в церковном устройстве. И хотя Яков добился того, что ассамблеи проголосовали за епископат и за предложенные им новые обряды, следует согласиться, что при определении состава этих церковных судов было допущено столько отступлений от установленного порядка, а при руководстве их работой столько насилий, что у нации имелись известные основания для того, чтобы отрицать законность всех принятых ими актов. Понимая, что вынужденное согласие, сопровождающееся столь возмутительными обстоятельствами, способно скорее нанести ущерб его планам, Карл совершенно отказался от созыва ассамблей и решил управлять церковью вместе с епископами, опираясь на те полномочия, которые, по его мнению, принадлежали ему по праву, будучи, как он полагал, неотъемлемой частью монаршей прерогативы.

Великой целью короля было завершить дело, столь удачно начатое его отцом: утвердить церковное устройство на последовательной системе канонов, ввести в общественное богослужение литургию, сделать управление церковью единообразным в обоих королевствах. Возможно, к этому предприятию Карла побуждали и некоторые политические виды, и все же главными мотивами были усердие к делу религии и совесть.

ВВЕДЕНИЕ КАНОНОВ И ЛИТУРГИИ

В 1635 году были обнародованы каноны, определявшие церковную юрисдикцию; нация встретила их хотя и без видимого противодействия, однако с величайшей внутренней тревогой и раздражением. Шотландцев возмущало то, что каноны превозносят королевскую власть, представляя ее как абсолютную и неограниченную. Они видели, что эти отвлеченные принципы уже осуществляются на практике и что вся совокупность церковных законов устанавливается без предварительного согласия церкви и государства[150]. Они опасались, что под теми же предлогами и на основе тех же принципов подобной деспотической власти будут подчинены и гражданские дела. Они замечали, что смутные границы, отделяющие церковь от государства, уже нарушены и что под видом церковных установлений канонами вводятся гражданские ордонансы. Наконец, они были готовы смеяться над той небрежностью, с которой эти важные указы были составлены, когда обнаружили, что вводимая ими под страхом суровых наказаний литургия, или служебник, все еще не создана и не опубликована[151]. Впрочем, ее появления ожидали уже в скором времени, а поскольку на простой народ всегда сильнее всего действуют вещи внешние и доступные чувствам, то правительство опасалось, что с принятием литургии и будут связаны самые большие трудности.

Та литургия, которую король собственной властью навязывал Шотландии, была скопирована с литургии англиканской, но чтобы столь рабское подражание не оскорбило гордость его древнего королевства, в нее ради приличия внесли несколько мелких изменений и в таком виде вручили епископам в Эдинбурге[152]. Среди шотландцев, однако, господствовало убеждение, что хотя богатством и мирской славой судьба наделила их весьма скудно, они вправе гордиться более изобильными и подлинными духовными сокровищами, чем те, коими наслаждаются все другие народы земли. Даже их южные соседи, хотя и отделившиеся от Рима, все еще сохраняли в своей религии, по мнению шотландцев, немалую долю прежней скверны; в литургии же их видели род мессы, пусть и не столь пышной и роскошной[153]. А потому в Шотландии существовали сильные предубеждения против литургии, даже взятой самой по себе, тем более когда ее рассматривали в качестве подготовительного шага, за которым вскоре должно было последовать введение всех мерзостей папизма. А поскольку весьма немногие изменения, отличавшие новую литургию от англиканской, приближались, как можно было подумать, к доктрине реального присутствия, то данное обстоятельство сочли бесспорным подтверждением всех тех страхов и подозрений, которыми был охвачен народ.

БЕСПОРЯДКИ В ЭДИНБУРГЕ

Первое богослужение по новому образцу королевская прокламация назначила в Эдинбурге на день Пасхи, но чтобы вернее оценить настроение народа, Тайный совет перенес его на 23 июля и даже объявил за неделю до этого срока о своем намерении ввести новую литургию. Поскольку никаких серьезных признаков недовольства не обнаружилось, совет решил, что теперь он сможет спокойно осуществить свой замысел[154], и вот в кафедральном соборе Св. Джайльса декан Эдинбурга, облаченный в стихарь, в присутствии самого епископа и многих членов Тайного совета начал службу. Но не успел он открыть свой молитвенник, как толпа самого низкого простонародья, состоявшая по большей части из женщин, принялась бить в ладоши, ругаться и громко восклицать: *Папа! Папа! Антихрист! Побейте его камнями!* Поднялся такой гвалт, что продолжать службу стало невозможно. Когда епископ взошел на кафедру, желая успокоить народ, в него полетел стул; члены Тайного совета подверглись оскорблениям, и лишь с большим трудом, действуя частью силой, частью убеждением, смогли магистраты вытеснить разбушевавшуюся чернь и запереть за нею двери. Беспорядки, однако, продолжались за пределами церкви, в окна и двери швыряли камни, а когда служба закончилась, разъяренная толпа напала на возвращавшегося домой епископа, и тому едва удалось вырваться из ее рук. После полудня на лорда-хранителя печати, отвозившего в своем экипаже епископа, обрушился град камней и поток проклятий, буйная толпа наседала на него с такой яростью, что если бы слуги лорда, обнажив шпаги, не сдержали ее, жизнь епископа подверглась бы величайшей опасности[155].

Имелись сильные подозрения, что простой народ, который один вышел тогда на сцену, подстрекали особы более знатные, но доказательств представлено не было, и о бесчинствах неразумной толпы все высказывались крайне неодобрительно[156]. Тем не менее власти сочли небезопасным провоцировать новые эксцессы новой попыткой ввести литургию, и удовлетворенный народ, казалось, на некоторое время успокоился. Но так как было известно, что король упорствует в своем стремлении навязать шотландцам эту форму церковной службы, предубеждение против нее стало еще сильнее, и чтобы воспрепятствовать введению столь ненавистного новшества, в Эдинбург стекались бесчисленные толпы народа[157]. Дикие беспорядки не заставили себя долго ждать. Прямо на улице напали на епископа Гэлоуэйского (18 октября), его загнали в залу, где заседал Тайный совет. Сам совет подвергся осаде и яростному штурму, та же участь постигла и совет муниципальный, и ничто бы не спасло всех этих людей от смерти, не обратись они за помощью к популярным в народе лордам, которые защитили их и рассеяли толпу. В этом мятеже участвовали люди несколько более высокого положения, нежели в предыдущих беспорядках, хотя из знатных лиц, кажется, никто их пока не поддерживал[158].

Все, однако, начали объединяться, побуждая друг друга к сопротивлению вводимым в королевстве религиозным новшествам. Петиции к совету были подписаны и вручены самыми знатными вельможами; не остались в стороне и женщины, действовавшие, как обычно, весьма шумно и неистово; священники всюду громко поносили папизм и литургию, изображая их как нечто совершенно тождественное. Церковные кафедры оглашались яростными проклятиями в адрес римского антихриста, а простой народ, первый поднявшийся против нового богослужения, часто сравнивали с Валаамовой ослицей [274]: животное это само по себе было тупым и бестолковым, и однако Господь отверз ему уста к вящему изумлению всего света[159]. Одним словом, религиозный фанатизм смешался с партийными раздорами, личный интерес — с духом свободы, и всюду стали обнаруживаться опаснейшие признаки возмущения и беспорядка.

Примас, осторожный и благоразумный человек, все это время противившийся введению литургии, сделал королю представление о состоянии нации; граф Траквер [275], государственный казначей, отправился в Лондон, чтобы описать ему положение вещей еще более полно; все без исключения обстоятельства, как английские, так и шотландские, должны были, казалось, побуждать короля к отказу от столь рискованной попытки — и, однако, Карл оставался непреклонен. Во всем его поведении в этом деле не заметно ни малейших признаков здравого смысла, которым король, безусловно, обладал, — яркий пример весьма распространенного характера, когда во всех своих речах и мнениях человек обнаруживает рассудительность и недурные способности, а во всех поступках — неблагоразумие и опрометчивость. Мнения людей о вещах зависят только от ума, действиями же их руководят ум, настроение и страсти.

Столь грозному союзу всех своих шотландских подданных Карл не смог противопоставить ничего, кроме прокламации (19 февраля), в которой прощал все их прежние грехи и увещевал народ проявлять в будущем больше покорности и мирно подчиниться литургии. Ответом на прокламацию тотчас же явилась публичная протестация, поданная графом Юмом[276] и лордом Линдси, — первый случай, когда знать приняла участие в акте прямого сопротивления короне[160].

Этот момент оказался переломным: восстание, развивавшееся до сих пор медленно и постепенно, мгновенно вспыхнуло ярким огнем. Теперь, однако, оно не сопровождалось какими-либо бесчинствами, напротив, всюду тотчас же водворился новый порядок. В Эдинбурге были образованы четыре комитета (tables), состоявшие из представителей титулованной знати, дворянства, духовенства и горожан. Дворянскому комитету в Эдинбурге подчинялись дворянские комитеты отдельных графств. Этим четырем комитетам и была передана вся власть в королевстве. Они издавали распоряжения, которые всюду строжайшим образом исполнялись[161]. Одним из первых актов этого правительства стал КОВЕНАНТ.

КОВЕНАНТ

Знаменитый ковенант открывался формальным осуждением папизма, которое подписал еще король Яков в молодости. Оно состояло из множества проклятий и ругательств, предназначавшихся для того, чтобы воспламенять людей яростью против ближних — тех самых, которых Господь велел им любить и благословлять. Затем следовала клятва союза, подписавшие каковую обязывались противиться религиозным новшествам и защищать друг друга от любых враждебных действий, и все это к вящей славе Божией, а также во имя чести и блага короля и страны[162]. Люди всякого звания и состояния, без различия пола и возраста толпами стекались подписывать ковенант, немногие порицали его в глубине души, и еще меньше было тех, кто осмеливался осуждать его открыто. Всеобщая зараза охватила даже большинство королевских министров и советников. Считалось, что уклоняться от участия в столь благочестивом и полезном союзе способны лишь люди, восставшие против Бога и изменившие своей родине.

Едва ли в предшествующем столетии вероломный, жестокий и безжалостный Филипп, вместе со всеми ужасами испанской инквизиции, встречал в Нидерландах более яростное и упорное сопротивление, чем то, которое вызвал у шотландцев кроткий и человечный Карл своей совершенно безобидной литургией.

Наконец король начал задумываться о последствиях. В июне он отправил в Шотландию своего комиссара, маркиза Гамильтона, уполномочив его вести переговоры с ковенантерами. Король потребовал отказа и отречения от ковенанта, полагая, что со своей стороны он сделает шотландцам вполне достаточные уступки, пообещав, во-первых, отсрочить введение канонов и литургии до того времени, когда их можно будет принять законным и справедливым путем, и, во-вторых, реформировать Высокую комиссию таким образом, чтобы она уже не вызывала недовольства его подданных[163]. Эти общие декларации не могли, разумеется, никого удовлетворить, а тем более тех, кто простирал свои виды гораздо дальше. Ковенантеров поддерживало рвение всей нации. В Эдинбурге и его окрестностях собралось около шестидесяти тысяч возбужденных людей. Между тем у Карла не было регулярной армии ни в одном из его королевств. К тому же считалось, что недовольство в Англии, хотя и скрытое, является столь сильным, что Карлу будет очень трудно использовать для борьбы с шотландцами возможности этого королевства. А потому чем больше задумывались о своем положении вожди народа в Шотландии, тем меньше они опасались королевской власти и тем решительнее настаивали на полном удовлетворении. В ответ на требование Гамильтона отречься от ковенанта они прямо ему заявили, что скорее отрекутся от крещения[164]. Духовные же лица предложили самому королевскому комиссару его подписать, поведав маркизу, «что ковенант исполнил миром и утеше-

нием сердца всего народа Божьего, что во всем государстве заметны твердая решимость и первые успехи в деле исправления нравов, безмерно превосходящие все, что они могли видеть или на что могли уповать прежде; что это служит к великой славе Господней и что они вполне убеждены в том, что Бог сделает Шотландию счастливейшим из королевств»[165].

Гамильтон возвратился в Лондон, затем совершил еще одну бесплодную поездку в Эдинбург с новыми уступками, опять вернулся в Лондон и тотчас же был отправлен обратно с уступками еще более серьезными (17 сентября). Теперь король был готов полностью отменить каноны, литургию и суд Высокой комиссии. Он даже решил до предела ограничить власть епископов, соглашаясь на любые условия, лишь бы только сохранить этот сан в шотландской церкви[166]. В качестве гарантии для этих щедрых предложений он уполномочил Гамильтона созвать Генеральную ассамблею церкви, а затем и парламент, где можно будет принять меры против всех злоупотреблений, на которые жаловалась нация. Последовательные уступки короля, не поспевавшие, впрочем, за растущими требованиями недовольных шотландцев, обнаружили его слабость, поощрили их дерзость и никого не смогли удовлетворить. Ковенантеры, однако, охотно приняли предложение о созыве ассамблеи и парламента, где они рассчитывали стать полными господами.

Видя, какую выгоду извлекли его враги из своего ковенанта, Карл решил учредить собственный и велел подготовить соответствующий документ. Он состоял из упоминавшегося выше яростного осуждения папизма, которое король хотя и не одобрял, однако счел самым безопасным принять, дабы отвести все подозрения на свой счет. А поскольку в свое клятвенное обязательство взаимной защиты против всех враждебных действий ковенантеры позаботились включить короля, Карл также присоединил к осуждению папизма особую клятву, в которой выражалась преданность и лояльность Его Величеству[167]. Ковенантеры, однако, быстро поняли, что единственная цель этого нового ковенанта — ослабить их и расколоть, а потому встретили его с величайшей ненавистью и презрением. Не теряя времени, они принялись за подготовку ассамблеи, от которой ожидали свершения столь великих дел[168].

ГЕНЕРАЛЬНАЯ АССАМБЛЕЯ ДУХОВЕНСТВА

Дух религии, господствовавшей тогда в Шотландии и с каждым днем делавшей новые тайные успехи в Англии, отнюдь не способствовал тому, чтобы внушать мирянам почтение и покорность духовным лицам как таковым; напротив, до крайности разжигая в каждом человеке благочестивые восторги и экстазы, он в известном смысле освящал каждого человека и придавал ему в собственных глазах достоинства, намного превосходившие те, которые мог он получить благодаря одному лишь принятию ду-

ховного сана или формальному исполнению обрядов. Хотя вопросы богослужения и церковного устройства вызывали в Шотландии столько шума, местное духовенство было бедным и немногочисленным, и в целом, по крайней мере на первом этапе событий, вовсе не являлось главным зачинщиком вспыхнувшего в его интересах мятежа. Напротив, миряне, после нескольких происшествий имевшие основания опасаться, что это сословие обнаружит склонность к умеренности, решили добиться полного господства на ассамблее, чтобы толкать духовенство вперед, внушая ему тот яростный пыл, которым они сами были одержимы[169].

До введения прелатства каждая пресвитерия, помимо двух или трех министров, обычно посылала на ассамблею одного делегата от мирян[170], а так как все университеты и парламентские города также посылали своих представителей, то мирян в этом церковном суде насчитывалось почти столько же, сколько духовных лиц. Ковенантеры не ограничились тем, что возродили этот обычай, который Яков, опасаясь религиозного пыла мирян, некогда отменил; они внесли в него новшество, ставившее духовенство в еще бо́льшую зависимость. Согласно указу Эдинбургских комитетов, обладавших верховной властью в стране, старейшине от каждого прихода велено было явиться в пресвитерию и подать голос на выборах как светских уполномоченных, так и министров, которые должны были представлять ее в ассамблее. Поскольку министры, внесенные в список кандидатов, обычно не претендовали на участие в голосовании, выборы оказались под полным контролем мирян, и в итоге всюду были избраны самые неистовые и непримиримые. Чтобы сильнее запугать духовенство, изобрели еще одно средство: для каждого уполномоченного избирали четверых или пятерых мирян-консультантов, которые, хотя и не имели права голоса, могли влиять на решения ассамблеи своими советами и авторитетом[171].

ОТМЕНА ЕПИСКОПАТА

Ассамблея собралась в Глазго; помимо бесчисленных толп простого народа в этот город в качестве депутатов, консультантов или зрителей прибыли аристократы и дворяне из всех сколько-нибудь знатных и влиятельных семейств, а потому было ясно, что постановления ковенантеров не встретят здесь никакого противодействия. Твердо решили полностью упразднить епископат, для начала же представили в Эдинбургскую пресвитерию и торжественно огласили во всех церквах королевства особый обвинительный акт против епископов. Все они без исключения были объявлены повинными в ереси, симонии, взяточничестве, лжесвидетельстве, мошенничестве, кровосмешении, прелюбодеянии, блуде, богохульстве, пьянстве, участии в азартных играх, нарушении Субботы и всех прочих грехах, которые только пришли на ум обвинителям[172]. Епископы по-

дали протест, отрицая полномочия ассамблеи; королевский комиссар также протестовал против этого суда как незаконно избранного и именем Его Величества велел ему разойтись. Эту меру предвидели и оставили без внимания. Суд продолжал заседать и заниматься своими делами[173]. Все акты, принятые ассамблеями после восшествия Якова на английский престол, были на весьма разумных основаниях объявлены недействительными. По той же причине сочли, что относившиеся к церковным делам парламентские постановления лишены всякой силы. Таким образом епископат, Высокая комиссия, Пертские статьи, каноны и литургия были объявлены незаконными и упразднены, и все это здание, которое Яков и Карл так старательно и расчетливо возводили долгие годы, рухнуло в одно мгновение. Под страхом отлучения от церкви всем было приказано подписать ковенант[174].

Независимость церковной власти от светской представляла собой старый пресвитерианский принцип, с великим рвением усвоенный в эпоху Реформации, и хотя Яков и Карл вынудили церковь публично от него отречься, люди всех сословий втайне оставались ему верны. Обыкновенно спрашивали: кто выше — Христос или король? А так как ответ казался очевидным, заключали, что ассамблея, будучи советом Христа, во всех духовных делах стоит выше парламента, который является всего лишь королевским советом. Но поскольку ковенантеры понимали, что с этим выводом, хотя им самим он представлялся неопровержимым, король едва ли согласится, то необходимо было поддержать религиозные доктрины военной силой, а не полагаться на одно только сверхъестественное содействие, в котором они, впрочем, были вполне уверены. Ковенантеры всюду обращали свои взоры в поисках тех, кто в Шотландии или за границей мог бы оказать им какую-либо помощь и поддержку.

После того как Франция и Голландия вступили в союз против Испании и заключили договор, по которому они должны были завоевать и разделить между собой Испанские Нидерланды, Англии было предложено сохранять нейтралитет в то время, когда французы и голландцы будут атаковать приморские города Фландрии. Король, однако, заявил французскому послу д'Эстраду, который открыл ему этот план, что у него имеется в готовности эскадра и в случае необходимости он переправит через море пятнадцатитысячную армию, чтобы воспрепятствовать задуманным союзниками завоеваниям[175]. Этот ответ, доказывающий, что Карл, хотя и выразил свою мысль с неблагоразумной прямотой, приобрел, наконец, верное представление о национальных интересах, вызвал раздражение кардинала Ришелье, и в отместку английскому королю этот ловкий и предприимчивый министр стал усердно разжигать вспыхнувшие в Шотландии беспорядки, тайно снабжая ковенантеров деньгами и оружием, дабы поощрить их таким образом к борьбе против своего государя.

ВОЙНА

И все же главная сила мятежных шотландцев заключалась в них самих, в их собственной энергии и дарованиях. Ни одно правильно устроенное государство не смогло бы, пожалуй, принять более удачных мер или исполнить свои замыслы с большей быстротой, чем это сделал шумный ковенант, воспламененный бессмысленным гневом и слепой приверженностью к мелким деталям культа. Все королевство участвовало в этом движении, и люди величайших способностей вскоре добились в нем преобладания, удержать которое им позволял авторитет их знатных семейств. Граф Аргайл[277], долгое время, казалось, колебавшийся, наконец принял ковенант и стал главным вождем этой партии; это был человек равно гибкий и непреклонный, осторожный и решительный, вполне пригодный для того, чтобы играть первые роли эпохи смут и мятежей. В партии ковенантеров выделялись также графы Роутс, Кассилис, Монтроз, Лотиан, лорды Линдси, Лаудон, Йестер, Бальмерино[278]. Многие шотландские офицеры отличились в германских войнах, преимущественно под началом короля Густава; теперь им предложили вернуться на родину, чтобы помочь своей стране в ее нынешнем трудном положении. Командование было поручено Лесли, военачальнику опытному и талантливому. Регулярным образом набирали и обучали войска. Специальные уполномоченные закупали за границей оружие и везли его в Шотландию. Вскоре были захвачены несколько принадлежавших королю замков, где не было провианта, боеприпасов и гарнизонов. Вся страна, за исключением небольшой территории, где маркиз Хантли[279] сохранял верность королю, оказалась в руках ковенантеров, которые чрезвычайно быстро и довольно умело привели ее в оборонительное положение[176].

С необыкновенной скоростью велось строительство укреплений на Лейте. Кроме простого народа и тех, кто работал за плату, в нем участвовало невероятное множество добровольцев, даже аристократов и дворян, полагавших, что святость цели способна придать достоинство самым низким занятиям. Также и знатные дамы, забывая о слабости своего пола и о внешних приличиях, смешивались с самой низкой чернью и носили на своих плечах землю, необходимую для завершения строительства[177].

Нельзя не упомянуть еще об одном и весьма могущественном орудии ковенантеров — пророчице, пользовавшейся величайшим доверием и авторитетом среди всех слоев народа. Звали ее Микелсон; это была женщина со множеством странностей, объяснявшихся отчасти религиозностью, отчасти истеричностью, одушевляемая ревностной заботой о пресвитерианском церковном устройстве. Вещала она только по временам, нередко умолкая на целые недели, но когда она вновь впадала в экстаз, пророчества о счастливых событиях мгновенно разносились по всей стране, тысячные толпы стекались к ее дому, и каждое изрекаемое ею слово встречали с благоговением, как священнейший оракул. Вечным ее предметом

был ковенант. Настоящий, истинный ковенант, говорила она, утвержден на небесах, королевский ковенант — измышление сатаны; когда же она вела речь о Христе, то называла его обыкновенно Христом-ковенантером. Ролло, популярный в народе проповедник и рьяный ковенантер, был ее первый любимец; он платил ей столь же глубоким почтением. Когда слушатели попросили его заговорить с Микелсон и помолиться вместе с ней, он ответил: «Не дерзаю, ибо было бы неучтиво с моей стороны говорить в ту минуту, когда владыка мой, Христос, вещает через нее»[178].

Карл соглашался ограничить власть епископов настолько, что она уже не смогла бы служить поддержкой для короны, и здесь он готов был пожертвовать собственными интересами ради того, чтобы добиться общественного мира и спокойствия. Но он не мог пойти на полное упразднение этого сана, который считал настолько же необходимым для самого существования христианской церкви, насколько шотландские подданные короля полагали его несовместимым с этим святым учреждением. И если мы хотим оставаться беспристрастными, то нам следует либо в равной степени осудить обе стороны за подобную узость мысли, либо простить им ее и таким образом, с помощью небольшого размышления, предвосхитить тот приговор, который время, доставляя людям все новые и новые поводы для споров, сделает, несомненно, вполне привычным для наших потомков.

Карл питал крайнее отвращение к насилию и кровопролитию и горячо любил королевство своих предков, и потому казалось вероятным, что в той борьбе, которая шла в его душе между двумя этими похвальными страстями и преданностью иерархии, победителя не будет. Однако последнее чувство на время взяло верх, заставив короля ускорить военные приготовления, с помощью которых он рассчитывал сломить непокорный дух шотландцев. Благодаря строгой экономии он не только заплатил все долги, сделанные в ходе войн с Испанией и Францией, но и собрал сумму в 200 000 фунтов, которую предполагал использовать в чрезвычайных обстоятельствах. Королева же имела сильное влияние на католиков — как ввиду общности религии, так и по причине милостей и льгот, которые сумела для них выхлопотать. Теперь она использовала свой кредит и убедила своих единоверцев в том, что при нынешней крайней нужде в средствах разумно будет засвидетельствовать преданность королю щедрыми денежными пожертвованиями[179]. Таким путем удалось собрать значительную сумму — к великому негодованию пуритан, которые громко возмущались, видя, что король находится в столь добрых отношениях с папистами и что другие осмеливаются давать ему то, в чем они сами предпочитают королю отказывать.

Карл имел сильный, хорошо оснащенный флот. Посадив на корабли пятитысячный корпус, он поручил командование им маркизу Гамильтону, которому было приказано высадиться в заливе Ферт-оф-Форт и совершить демонстрацию в тылу мятежников. Набранная королем армия насчитывала около двадцати тысяч человек пехоты и более трех тысяч кава-

лерии; командующим сделали графа Эрандела, знатного вельможу, который, однако, не был знаменит ни военными, ни политическими талантами. Граф Эссекс, человек безукоризненно честный и пользовавшийся огромной популярностью, особенно среди солдат, был назначен генерал-лейтенантом (заместителем командующего), кавалерией командовал граф Голланд [280]. Король лично присоединился к армии (29 мая) и призвал всех пэров Англии следовать за ним. Все это напоминало скорее блестящий двор, нежели грозное воинство, и в таком виде, отличаясь больше внешним великолепием, чем реальной силой, английская армия вступила в Бервик[180].

Шотландская армия равнялась по численности армии короля, однако уступала ей в кавалерии. Офицеры превосходили английских по своему опыту и репутации, солдаты же были плохо вооружены и обучены, но ими, кроме чувства национальной ненависти к Англии и страха оказаться под властью старинных врагов, двигало сильнейшее религиозное исступление. Огромное содействие офицерам в наборе рекрутов оказали проповедники, проклинавшие всякого, *кто не идет помогать Господу против сильных*[181]. Однако вожди мятежников были столь благоразумны, что немедленно отправили королю смиренные послания с почтительной просьбой допустить их к переговорам.

Карл знал, что силы ковенантеров велики, боевой дух высок, а религиозный пыл достиг крайней степени и что пока их не обескуражила какая-либо неудача, нельзя рассчитывать на то, что они согласятся на разумные условия. Таким образом, серьезные препятствия к началу переговоров имелись с обеих сторон. Если бы король подчинился требованиям мятежников, то в жертву их религиозным предрассудкам пришлось бы принести епископат, а королевская власть, совсем недавно и с огромным трудом прочно утвердившаяся в Шотландии, получила бы такой удар, что впоследствии король мог бы сохранить в этой стране лишь жалкую ее видимость. Шотландская знать, убедившись на столь важном опыте в бессилии закона и прерогативы, обратилась бы к своим прежним бесчинствам, проповедники сохраняли бы свою природную дерзость, а народ, лишенный защиты правосудия, не признавал бы другой власти, кроме той, которая понукает им в данный момент. Приходилось опасаться и того, что Англия, уже успевшая обнаружить сильнейшую симпатию к республиканской и пуританской партиям, последует дурному примеру шотландцев и возымеет надежду добиться от короля точно таких же уступок с помощью подобных же мятежных действий. Заходить так далеко, не принудив бунтовщиков к полному повиновению или хотя бы к существенным уступкам, значило бы обещать им на будущее безнаказанность всякого нового бунта.

Кроме того Карл учитывал, что в прежние времена ни при одном из его предков шотландцы не поднимались на защиту своей страны с таким пылом и единодушием, однако даже тогда часто оказывались способны отразить или расстроить нападения англичан, дружно добивавшихся об-

щей цели и благодаря долгой практике привычных к военному делу. Насколько же труднее будет ему теперь подчинить силой оружия народ, воспламененный религиозными предрассудками, ведь противопоставить ему он мог лишь нацию, ослабленную продолжительным миром и не горевшую особым желанием служить своему королю и, что еще опаснее, принадлежавшую в значительной своей части к той же партии, что и мятежники[182]. Если война продлится дольше одной кампании (а мог ли кто-нибудь рассчитывать завершить ее в этот срок?), то его казна будет исчерпана, и за субсидиями придется обращаться к английскому парламенту, который, как свидетельствовал Карлу печальный опыт, всегда выказывал больше готовности покушаться на прерогативы короны, чем удовлетворять ее нужды. А если армия мятежников нанесет ему поражение? Подобное несчастье вовсе не казалось чем-то невероятным. Шотландцы поднялись ради общенационального дела, и их сильнейшим образом воодушевляли ложные принципы Между тем его армия держалась единственно лишь жалованьем и на всю эту борьбу смотрела с естественным для наемных войск равнодушием, не обладая, однако, выучкой и дисциплиной, которыми обыкновенно отличаются подобные войска. И в то время, когда Шотландия бушевала, а в Англии царило всеобщее недовольство, последствия поражения были бы столь ужасны, что ни один мотив не мог побудить короля подвергнуть себя такому риску

ПЕРЕМИРИЕ

Совершенно очевидно, что Карл оказался в ситуации, когда любое принятое им решение могло бы стать ошибкой, чреватой опасными последствиями, и потому неудивительно, что он находился в крайней растерянности[183]. Он, однако, поступил хуже, чем просто сделал наихудший выбор, ибо, строго говоря, он не сделал никакого выбора вообще. Карл поспешно заключил перемирие, по условиям которого он должен был отвести свою армию и флот, а шотландцы — в сорок восемь часов распустить свои войска, возвратить королю его крепости и признать его власть; для улаживания же всех споров немедленно созывались Генеральная ассамблея и парламент Какие *разумные доводы* побудили короля согласиться на столь странные условия мира, спрашивать бессмысленно, ибо таковые едва ли могли существовать, *причины* же этого шага объяснить проще.

Мятежники весьма усердно описывали англичанам злоупотребления, от которых страдала Шотландия, и дурные советы, которые получал их государь. Их свободы, твердили они, подверглись посягательствам, прерогативы короны расширились за пределы всех прецедентов прошлого, были учреждены незаконные суды, иерархия возвеличивалась в ущерб привилегиям нации, а надменные и деспотичные прелаты ввели столько

новых суеверий, что появились веские причины подозревать о существовании вполне серьезного плана восстановить в их стране папизм. Во всем, кроме введения церковных канонов, образ действия короля в Шотландии был, несомненно, более законным, нежели в Англии, однако жалобы, звучавшие в обоих королевствах, были настолько похожими, что англичане охотно соглашались со всеми утверждениями шотландских мятежников и верили, что обратиться к крайним мерам заставил эту нацию жестокий гнет. А потому они отнюдь не стремились помогать королю в усмирении непокорных шотландцев; напротив, они сочувствовали этому несчастному народу, доведенному до такой крайности, полагая, что пример подобных соседей, равно как и их содействие, могут в свое время оказаться весьма полезными для Англии, побудив ее решительным усилием восстановить попранные законы и свободы. Титулованная знать и джентри, которые, не чувствуя привязанности к двору и не имея командных постов в армии, тем не менее во множестве наполняли английский лагерь, жадно ловили подобные мысли, усердно их распространяли и придавали им вес собственным авторитетом; когда же граф Голланд с крупным корпусом английских войск позорно отступил перед небольшим шотландским отрядом, все эти настроения мгновенно вспыхнули ярким пламенем, и король, недостаточно твердый и решительный по характеру и по уступчивости своей склонный принимать опрометчивые советы, согласился на меру, которую усиленно рекомендовали все окружавшие его лица и которая соответствовала его естественному пристрастию в пользу заблудших подданных его родного королевства[184].

ВОЗОБНОВЛЕНИЕ ВОЙНЫ

Зайдя так далеко в своем миролюбии, Карл должен был с непреклонной решимостью продолжать ту же политику и соглашаться на все сколько-нибудь приемлемые условия, которых потребовали бы от него ассамблея и парламент, и ему не следовало возобновлять военные действия иначе как по причине совершенно непомерных притязаний с их стороны, способных оправдать подобный шаг в глазах всей английской нации. Он и в самом деле столь последовательно держался этой линии, что согласился не только подтвердить свои прежние уступки, касавшиеся отмены канонов, литургии, Высокой комиссии и Пертских статей, но даже упразднить епископский сан, который ранее защищал с таким упорством[185]. Но чтобы пойти на эту уступку, ему пришлось совершить величайшее, на какое он был только способен, насилие над своим характером и предрассудками; более того: втайне намеревался воспользоваться благоприятными обстоятельствами, чтобы вернуть утраченные позиции[186]. Однако заставить себя сделать хотя бы один шаг дальше он уже не мог. Между тем собравшаяся ассамблея не пожелала проявить снисходительность к пре-

дубеждениям короля, зато вполне удовлетворила собственные Она решила, что епископат в шотландской церкви является незаконным (17 августа) — король готов был признать, что он противоречит церковным постановлениям Литургию и каноны ассамблея заклеймила как папистские — король соглашался просто их отменить Высокую комиссию ассамблея назвала тиранией — король был согласен прекратить ее деятельность[187] Парламент, заседавший вслед за ассамблеей, выдвинул требования, клонившиеся к умалению гражданской власти монарха, и, что, вероятно, еще сильнее задело Карла, уже собирался ратифицировать постановления ассамблеи, когда по приказу короля[188] Траквер, его комиссар, объявил перерыв в работе парламента Из-за этих притязаний, которые, впрочем, легко было предвидеть, возобновилась война, причем с большими преимуществами на стороне ковенантеров

Как только Карл заключил перемирие без всяких определенных условий, скверное положение дел и крайняя нужда в средствах заставили его распустить армию, а поскольку солдат удерживала на его службе одна только корысть, требовалось немало усилий, расходов и времени, чтобы собрать их вновь Более расчетливые ковенантеры заключили, что поскольку их требования явно противоречат интересам, а тем более склонностям короля, то им, вероятно, снова придется подкреплять их силой оружия, а потому, распуская свои войска, они позаботились о том, чтобы сохранить лишь видимость миролюбия Офицерам велели быть в готовности явиться по первому же приказу, солдат всячески предостерегали от мысли, что их стране больше не угрожает английское вторжение, и религиозный пыл, одушевлявший людей всех званий, заставил их тотчас же встать под знамена, как только их духовные и светские вожди протрубили тревогу Репутация, которую приобрели шотландцы в последнем походе, заставив своего государя отказаться от всех притязаний, внушала им мужество в этом новом предприятии[189]

ЧЕТВЕРТЫЙ АНГЛИЙСКИЙ ПАРЛАМЕНТ КАРЛА. 1640

С большим трудом король сумел вновь собрать армию (13 апреля), но вскоре обнаружил, что поскольку все ранее накопленные средства истрачены и уже сделаны крупные долги, его доходы будут недостаточны для ее содержания А потому после более чем одиннадцатилетнего перерыва, после того как король испробовал множество незаконных методов сбора налогов и доставил пуританской партии немало поводов для возмущения, теперь, в обстановке крайних финансовых затруднений короны, приходилось созывать английский парламент, успевший показать себя столь упрямым и несговорчивым

Так как король решил испытать, не окажется ли эта палата общин более уступчивой, чем ее предшественницы, и не утвердит ли она субсидии

на разумных условиях, открытие парламента было назначено на весьма поздний срок, почти совпадавший с предполагаемой датой начала кампании против шотландцев. Узнав на опыте враждебность и агрессивный дух парламентов, король считал, что пока депутаты не представят более серьезных доказательств своей благонамеренности, с его стороны было бы опрометчиво им доверять, назначая продолжительную сессию; для недовольных членов палаты он приготовил ссылки на срочность дела и на отсутствие времени для долгих дебатов, к тому же одно недавнее происшествие, полагал король, предоставило ему еще более убедительные аргументы.

Граф Траквер перехватил письмо шотландских мятежников к королю Франции и переслал его Карлу. Карл, уже раскаивавшийся в крупных уступках, сделанных шотландцам, и к тому же возмущенный их последними дерзостями и притязаниями, воспользовался удобным случаем, чтобы порвать с ковенантерами. Он посадил в Тауэр их комиссара лорда Лаудона, одного из тех, чья подпись стояла на изменническом послании[190]. Теперь же он сообщил об этой истории парламенту, надеясь, что факт обращения за помощью к иностранной державе вызовет у депутатов тревогу и негодование. Через канцлера Финча король изложил свои нужды, уведомив парламент, что ему удалось собрать армию и содержать ее не с помощью собственных доходов, но лишь благодаря огромному долгу в 300 000 фунтов, сделанному под залог коронных земель. Он довел до сведения членов парламента, что его военные приготовления настоятельным образом требуют срочного утверждения субсидий; что сезон уже в самом разгаре и драгоценное время нельзя тратить в долгих разговорах; что хотя казна его сейчас пуста, деньги не были истрачены на бессмысленную помпу, пышные здания и прочую роскошь; что все средства, взимавшиеся с подданных, были употреблены ради их же пользы и безопасности и, подобно парáм, которые поднимаются с земли и собираются в облака, пролились в конце концов теплым и освежающим дождем на те же самые поля; что хотя он требует сейчас немедленной денежной помощи, которая могла бы на время предотвратить полное расстройство управления страной, он вовсе не намерен препятствовать парламенту осуществлять свое право расследовать состояние государства и подавать королю петиции об исправлении различных зол; что впоследствии членам парламента будет позволено совершить ради подобной цели все, что только можно будет сделать в это время года; что поскольку ныне он рассчитывает только на те субсидии, которые крайне необходимы для удовлетворения текущих государственных нужд, то ему потребуется вновь собрать парламент следующей зимой, и тогда у депутатов будет достаточно времени, чтобы окончить все дела, которые останутся незавершенными после настоящей сессии; что ирландский парламент уже дважды полагался на его добрые намерения и предоставлял ему крупные субсидии в самом начале сессии, и каждый раз доверие к королю имело самые благие последствия; и наконец, что его народ сможет убедиться, что он, король, во всем поступает

так, как подобает монарху справедливому, милостивому и благочестивому, и что его образ действий способен поддержать совершенное согласие между государем и парламентом[191].

Несмотря на свою убедительность, эти доводы не произвели большого впечатления на палату общин. Несколько незаконных и ряд сомнительных мер короны, а также мужественное противодействие, которое, пренебрегая лишениями и опасностями, оказали им отдельные лица, привели умы по всей стране в такое состояние, что всякую честь и славу англичане стали приписывать непримиримым противникам короля и министров. Только эти люди и были «настоящими патриотами», «защитниками своей родины», «героями», и, вероятно, только они были «истинными христианами». Разумные компромиссы с короной объявлялись позорным рабством, уважение к королю — низкой лестью, доверие к его обещаниям — гнусным бесчестием. Это общее расположение умов, в той или иной степени господствовавшее в Англии более полутора столетий и породившее много хорошего и немало дурного в государственных делах, никогда не проявлялось сильнее, чем в царствование Карла. В тогдашней палате общин, состоящей исключительно из сельских джентльменов, которые принесли в парламент все свои местные предрассудки и на которых корона не имела средств повлиять, эти несгибаемые патриоты и должны были при необходимости составить большинство.

Благодаря восстанию в Шотландии и всеобщему недовольству в Англии события приблизились к кризису настолько, что вожди палаты, люди проницательные и прозорливые, начали предугадывать их последствия и надеяться, что уже вскоре наступит тот долгожданный момент, когда королевская власть попадет в полную зависимость от народных собраний, а общественная свобода одержит решительную победу. До сих пор, доводя корону до крайней нужды, они видели, что король по этой причине оказывается вынужден прибегать к насильственным мерам, которые как нельзя лучше служат целям его противников; теперь же они рассчитывали, что когда затруднения его увеличатся еще более, королевская прерогатива, подрытая со всех сторон, неизбежно рухнет и уже не сможет угрожать привилегиям народа. Поэтому они яростно противились всему, что способствовало устранению разногласий между королем и парламентом и сохранению системы правления в ее нынешнем виде, а благодаря своим прежним делам и страданиям они приобрели достаточный авторитет, чтобы осуществить все свои цели.

Побуждаемая этими и многими другими очевидными мотивами, палата общин не обратила внимания ни на жалобы короля на его шотландских подданных, ни на просьбы монарха о субсидиях, но тотчас же перешла к разбору народных требований, и речь Пима на эту тему депутаты слушали с несравненно бóльшим интересом, чем ту, с которой от имени их государя выступал перед ними ранее канцлер. Содержание пламенной речи Пима мы в достаточной мере изложили выше, там, где описывали все злоупотребления, воображаемые в церковных делах, более действительные —

в делах государственных, на которые так громко жаловалась нация[192] Палата начала с разбора действий спикера в последний день заседаний предшествующего парламента, когда он, исполняя приказ короля, отказался провести голосование, общины объявили это нарушением прерогативы Затем они перешли к расследованию обстоятельств судебного процесса и тюремного заключения сэра Джона Элиота, Голлиса и Валентайна[193], после чего обсудили вопрос о корабельных деньгах, коммонеры наперебой предлагали множество других тем для расследования Все жалобы были систематически распределены по трем рубрикам привилегии парламента, собственность подданных, религия[194] Видя, что перед общинами открылось необозримое поле деятельности, король вновь с настойчивостью напомнил им о субсидиях, а убедившись в том, что его послание не произвело никакого эффекта, явился в палату лордов и попросил их повлиять на общины Ясно понимая, сколь безотлагательны нужды короля, пэры сочли, что в данных обстоятельствах разум и приличие требуют, чтобы вопрос о субсидиях предшествовал рассмотрению народных жалоб Они отважились сообщить свое мнение общинам, но их посредничество оказалось неудачным Утверждение субсидий общины всегда считали предметом своей исключительной компетенции, и хотя лорды в данном случае лишь подали совет, нижняя палата тотчас же нашла нужным объявить столь беспрецедентное вмешательство посягательством на привилегию[195] Желая добиться решения вопроса о субсидиях, Карл направил нижней палате еще несколько посланий, а обнаружив, что величайшую тревогу и недовольство вызывают у нее корабельные деньги, сообщил, что он никогда не думал превращать их в постоянный источник дохода и что все собранные этим путем средства, вместе с прочими крупными суммами, были законным образом израсходованы на снаряжение флота, более того, он предложил палате полную отмену этого обременительного налога посредством любого закона, который общины сочтут необходимым ему представить В обмен на эту уступку король просил всего лишь о двенадцати субсидиях для удовлетворения своих нужд, т е примерно о 600 000 фунтов, имеющих быть уплаченными в три года, но при этом дал понять общинам, что при нынешнем состоянии его дел промедление будет равнозначно отказу[196] Хотя большинство коммонеров было настроено против короля, ни в одной прежней палате общин он не имел столько приверженцев, а потому дебаты по данному вопросу велись в течение двух дней с величайшим пылом и горячностью с обеих сторон

Защитники двора настойчиво твердили о том, что общинам представилась ныне счастливейшая возможность, о которой прежде нельзя было даже мечтать, — устранить все поводы для ссор и недоверия между королем и народом, навсегда примирив государя с парламентом Если они, общины, утверждали эти люди, откажутся от всех крайних требований и притязаний и примут разумные меры для удовлетворения нужд государства, то им уже не нужно будет страшиться каких-либо ненасытных амбиций или незаконных захватов со стороны короны И хотя народным пра-

вам в это царствование не всегда оказывалось должное уважение, все же ни одно посягательство на них не было совершенно преднамеренным актом, а тем более — следствием явной несправедливости и грубой тирании, и в еще меньшей степени — результатом сознательного умысла низвергнуть конституцию. Отнестись к королю с разумным доверием, щедро удовлетворив его нынешние потребности, обусловленные к тому же отнюдь не расточительностью и не дурным поведением, — это наилучший способ повлиять на его благородную натуру и путем мягкого принуждения добиться тех уступок, которые необходимы для упрочения общественной свободы. Он дал слово не только государя, но и дворянина (королю угодно было употребить именно этот оборот), что после утверждения субсидий парламент сможет продолжать свои заседания, — так неужели мы вправе думать, что какой-либо человек, какой-либо государь, а тем более государь, подобный Карлу, чье слово до сих пор было свято и нерушимо, пожелает по столь незначительной причине нарушить торжественное публичное обещание и таким образом утратить свое доброе имя и лишиться на будущее всякого доверия окружающих? Но даже если парламент, поверив королю, будет обманут, он и в этом случае ничего не потеряет и не подвергнет себя никакой опасности, ибо совершенно очевидно, что для восстановления мира в государстве нужно выделить монарху средства на подавление шотландского мятежа. Король до такой степени учел в своих первых требованиях предубеждения парламента, что просил общины об ассигнованиях лишь на несколько месяцев, обнаружив готовность после столь незначительных знаков доверия с их стороны вновь оказаться от них в зависимости и в отношении всех будущих субсидий полагаться на добрую волю парламента. Если же сейчас кажется, будто король желает чего-то большего, то ведь и он со своей стороны сделал им весьма выгодное предложение, согласившись зависеть от общин в том, что касается источника доходов, совершенно необходимого для поддержания славы и безопасности Англии. Природа английской конституции предполагает взаимное доверие между королем и парламентом, и если парламент, со своей стороны, в нем откажет, а тем более — при столь оскорбительных и унизительных для короля обстоятельствах, то чего же нам останется ожидать, как не полного распада системы правления и не жестоких раздоров, за которыми неизбежно последуют страшные беспорядки и междоусобицы?

Возражая на эти доводы, партия недовольных доказывала, что двор обнаружил со своей стороны слишком мало признаков того взаимного доверия, к которому он так трогательно призывал палату общин. Одиннадцатилетний перерыв в работе парламента — самый продолжительный из всех, известных в истории Англии, — стал достаточным свидетельством злобной подозрительности двора по отношению к народу или даже прямого умысла уничтожить все его вольности и привилегии. Министры, конечно же, имели полное право ссылаться на «необходимость», ибо не может быть более убедительного доказательства некоей непреодолимой

необходимости, чем тот факт, что они все-таки пошли на столь ненавистный для них шаг — созыв английского парламента. Однако необходимость эта касается исключительно лишь министров, а отнюдь не всей нации, и если те самые злоупотребления, от которых страдаем мы, толкнули шотландцев к крайним мерам, то неужели англичане должны теперь ковать цепи для самих себя, налагая их на своих несчастных соседей? Согласно старинному обычаю, народные жалобы обсуждались в парламенте прежде субсидий, и этот порядок, столь тщательно соблюдавшийся нашими предками, был основан на разумной осторожности, заложенной в самой природе английской конституции, и никогда не истолковывался как свидетельство особого недоверия к царствующему в данный момент государю. Этого обычая держались в самые благоприятные для свободы времена, и совершенно неразумно отступать от него теперь, когда у общин появились столь неоспоримые причины для подозрений. Ссылки же на позднее время года и на безотлагательную нужду в субсидиях просто смешны, ибо вполне очевидно, что правительство, желая получить предлог для подобных речей и обмануть палату общин, сделало весьма хитрый политический ход. Распоряжения о выборах вышли еще в начале зимы, и если бы созыв парламента не был умышленно перенесен на срок, почти совпадающий с началом военных действий, то общины располагали бы достаточным временем для того, чтобы удовлетворить все жалобы нации, а затем перейти к вопросу о субсидиях королю. Цель этой довольно грубой уловки в том, чтобы, ссылаясь на крайнюю необходимость, заставить общины нарушить обычный парламентский порядок, и если бы удалось создать подобный прецедент, то парламенту уже не дозволялось бы впредь никакое расследование действий правительства. Едва ли можно было придумать менее удачный аргумент в пользу субсидий, чем предложение отменить корабельные деньги, налог в высшей степени опасный и незаконный, который во все царствования навязывался нации силой. Если же общины вступят сейчас в торг о его отмене, то они в известном смысле признают законными те основания, на которых он взимался в прошлом, по крайней мере поощрят правительство выдвигать новые притязания подобного рода в надежде отказаться от них впоследствии на столь же выгодных условиях.

Эти аргументы, вместе с многочисленными поводами для недовольства, уже, казалось, сильнейшим образом действовали на большинство палаты, когда в довершение всех бед государственный секретарь сэр Генри Вен, не уполномоченный на то королем, объявил общинам, что Его Величество не примет компенсации за отмену корабельных денег, если размер ее составит менее двенадцати субсидий. Это заявление, объяснявшееся неблагоразумием, чтобы не сказать коварством Вена [281], чрезвычайно рассердило палату: в нем увидели новое доказательство упрямства и неуступчивости короля, а столь необоснованное притязание с его стороны сочли совершенно непростительным[197]. Рассказывают также, будто некоторые лица, коим, по общему мнению, состояние государства было хорошо изве-

стно, утверждали в палате, что двенадцать субсидий — это больше денег, чем их можно найти во всей Англии; таковы были блаженное неведение и счастливая неопытность тех времен по части налогов[198]!

РОСПУСК ПАРЛАМЕНТА

Король между тем находился в величайшей растерянности и тревоге. Он видел, что в палате у него больше врагов, чем друзей, и что ныне там господствуют те самые настроения, которые всегда порождали столько вражды и смуты. Он не мог рассчитывать на то, что ему выделят средства на войну с шотландцами, в которых большинство палаты видело своих друзей и вернейших союзников; напротив, он ожидал, что ему со дня на день представят обращение с просьбой заключить с этими бунтовщиками мир. Если же палата соберется вновь, то, как ему сообщали, она непременно проголосует против корабельных денег и таким образом возродит сопротивление сбору этого налога, которое в свое время он преодолел с огромным трудом. Там, где величайшие бедствия грозят со всех сторон, нелегко бывает найти наилучший выход, и неудивительно, что король, чьи дарования не соответствовали столь сложным и запутанным обстоятельствам, принял и поспешно исполнил решение распустить парламент; решение, о котором он вскоре пожалел и которое впоследствии, под влиянием событий, а не логических аргументов, все были склонны сурово осуждать. Предыдущий парламент, закончившийся столь бурными сценами и крутыми мерами, поначалу все же прикрывал свои планы личиной умеренности в гораздо большей степени, чем это угодно было до сих пор нынешнему парламенту.

Грубый и резкий роспуск парламента должен был, разумеется, возбудить негодование народа, который обыкновенно относится к своим представителям с полным доверием, ожидая от них удовлетворения всех своих жалоб. Но король, как будто мало ему было уже возникших поводов для недовольства, упорно держался прежнего образа действий, опасность и непопулярность которого он должен был знать по опыту. Белласиса и сэра Джона Готэма вызвали в Тайный совет; когда же они решительно отказались давать отчет за свое поведение в парламенте, их посадили в тюрьму. У м-ра Крю, председателя комитета по религиозным делам, затребовали все петиции и жалобы, поступившие в его комитет; Крю отказался их выдать и был отправлен в Тауэр. Еще до истечения срока действия парламентской привилегии обыску подверглись дома и даже карманы графа Уорика и лорда Брука — агенты правительства думали найти компрометирующие бумаги. Эти меры властей были истолкованы, и не без некоторых оснований, как посягательство на права народных собраний[199]. Впрочем, после того как король впервые столкнулся с противодействием со стороны парламента, он уже никогда не относился к его привилегиям с

надлежащим уважением и теперь лишь укрепил своим примером решимость общин точно так же пренебречь прерогативами короны в тот момент, когда власть окажется в их руках.

Хотя парламент был распущен, конвокации позволили продолжить заседания — практика, к которой после Реформации обращались лишь в отдельных случаях[200] и которую по этой причине многие считали незаконной. Утвердив ассигнования королю от духовного сословия и приняв немало канонов, конвокация, чрезвычайно опасавшаяся новшеств, подобных тем, которые были сделаны в Шотландии, обязала всех духовных лиц и университетских докторов принести присягу в том, что они будут сохранять существующее управление церковью посредством архиепископов, епископов, деканов, капитулов и т. д.[201] При нынешнем раздраженном состоянии умов меры эти были сочтены незаконными, поскольку их не утвердил парламент, в котором, как стали теперь думать, была сосредоточена вся власть. К тому же не могло быть ничего более смехотворного, чем клятва со словами *et caetera* посередине.

НЕДОВОЛЬСТВО В АНГЛИИ

Народ, который в большинстве своем ненавидел конвокацию так же сильно, как благоговел перед парламентом, едва ли можно было удержать от брани и оскорблений в адрес этого собрания, и королю пришлось выделить для конвокации специальную охрану[202]. Более пятисот человек напали ночью на Лода в его Ламбетском дворце(282), и архиепископ вынужден был его укрепить[203]. Толпа из двух тысяч сектантов ворвалась в храм Св. Павла, где заседала тогда Высокая комиссия, и с криками «Долой епископов! Долой Высокую комиссию!» сломала судейские скамьи[204]. Все эти вспышки недовольства предвещали какой-то грандиозный переворот, но двор не обладал ни достаточной проницательностью, чтобы разглядеть опасность, ни достаточной силой, чтобы ее предотвратить.

При подобном расположении умов тщетной оказалась изданная королем декларация, где он пытался доказать народу, что роспуск парламента был с его стороны актом совершенно необходимым[205]. Всего настойчивее король твердил о том, что общины последовали дурному примеру всех своих предшественников последних лет: они без конца покушались на его власть, порицали все его действия и всю его администрацию, обсуждали все без исключения правительственные дела и даже вели со своим королем торг о субсидиях, как будто он ничего не мог получить от них иначе как путем покупки, т. е. либо отказавшись от части монарших прерогатив, либо урезав свой постоянный доход. Такой образ действий, заявил король, противоречит правилам их предков и абсолютно несовместим с монархией[206].

Не получив ассигнований от парламента, король вынужден был прибегнуть к другим средствам, чтобы удовлетворить свои безотлагательные потребности. До известной степени ему помогли субсидии церкви: казалось вполне естественным и справедливым, что духовенство должно выделять деньги для войны, которую оно же во многом и вызвало[207]. Король брал взаймы у своих министров и придворных; он пользовался среди них такой любовью, что за несколько дней ему удалось собрать свыше 300 000 фунтов, хотя, без сомнения, не могло быть ничего более неприятного для государя, полного чувства собственного достоинства, чем оказаться в тягость своим друзьям, для которых он желал бы служить поддержкой. Были сделаны попытки принудить к займу граждан, но дух свободы, ставший теперь неодолимым, снова их отверг[208]. Заем в 40 000 фунтов потребовали от испанских купцов, хранивших в Тауэре золотые слитки, на которые король мог покуситься. Графства обложили экипировочным сбором для армии; это был старинный обычай[209], считавшийся, однако, отмененным петицией о праве. У Ост-Индской компании приобрели в кредит весь запас перца и тут же продали его с большой скидкой за наличные деньги[210]. Предлагали даже отчеканить тысяч на двести—триста фунтов монеты низшей пробы[211], — до такой крайности был доведен Карл! К прежним бедствиям ежедневно прибавлялись новые затруднения, связанные, в частности, с корабельными деньгами; они постоянно толкали короля к деспотическим актам, усугубляли его нужду и усиливали недовольство народа[212].

И все же эти меры позволили королю, хотя и с огромным трудом, собрать и двинуть в поход армию, состоявшую из девятнадцати тысяч пехоты и двух тысяч кавалерии[213]. Командующим был назначен граф Нортумберленд, его заместителем (генерал-лейтенантом) — граф Страффорд, срочно вызванный из Ирландии, начальство над кавалерией поручили лорду Конвею. Было решено, что для поддержки этой экспедиции достаточно будет небольшого флота.

РАЗГРОМ ПРИ НЬЮБЕРНЕ

Энтузиазм и единодушие действуют с такой силой, что шотландская армия, хотя и несколько превосходившая числом армию короля, оказалась готовой раньше и теперь двинулась к границам Англии. К наступлению шотландцев побуждала общая осведомленность о царившем в этой стране недовольстве; к тому же лорд Сэвил сфабриковал от имени шести виднейших английских вельмож письмо, в котором шотландцев просили помочь их соседям покончить со злоупотреблениями[214]. Несмотря на эти воинственные приготовления и враждебные действия, ковенантеры по-прежнему сохраняли в своих речах чрезвычайно мирный и покорный тон; по их словам, они вступили в Англию (20 августа) лишь затем, чтобы по-

лучить доступ к особе короля и повергнуть к его августейшим стопам свое смиренное прошение. У Ньюберна-на-Тайне их встретил отряд из 4500 солдат под командованием Конвея, который, казалось, решил воспрепятствовать их переходу через эту реку. Вначале шотландцы весьма любезно попросили англичан не преграждать им дорогу к их доброму и милостивому государю, а затем смело их атаковали, нескольких убили, а остальных прогнали с позиций. Всю английскую армию охватила такая паника, что войска, стоявшие в Ньюкасле, тотчас же бежали к Дарему (28 августа), но, не считая себя в безопасности даже там, оставили этот город и отступили в Йоркшир[215].

Шотландцы заняли Ньюкасл; воодушевленные победой, они, однако, сохраняли строжайшую дисциплину и по-прежнему за все платили обывателям, чтобы поддержать таким образом видимость дружеского расположения к англичанам. Шотландцы также отправили гонцов к королю, прибывшему в Йорк; после своего успеха они потрудились удвоить заверения в преданности и покорности особе Его Величества и даже принесли извинения, полные горечи и раскаяния, за свою недавнюю победу[216].

Карл находился в отчаянном положении. Нация была до крайности раздражена, деморализованная армия также начинала роптать: ей передалась зараза всеобщего недовольства, к тому же солдатам нужно было как-то оправдать свое позорное поведение, которое они пытались объяснить не малодушием, но отсутствием желания сражаться. Казна совершенно истощилась, все средства раздобыть деньги были уже использованы до предела. В сущности, произошло только то, что можно было предвидеть как неизбежное или, во всяком случае, как весьма вероятное, и, однако, король оказался в такой ситуации, что никаких мер для выхода из этой крайности придумать было нельзя.

РИППОНСКИЙ ДОГОВОР

Чтобы остановить наступление шотландцев, король согласился на переговоры и назначил шестнадцать английских вельмож, которые встретились в Риппоне с одиннадцатью шотландскими комиссарами. Король избрал графов Гертфорда, Бедфорда, Солсбери, Эссекса, Голланда, Бристола и Беркшира, а также лордов Кимболтона, Уортона, Дансмора, Пэджета, Брука, Сэвила, Полета и Говарда [(283)]; все они пользовались популярностью в народе, а следовательно, не питали ненависти к вторгшимся в Англию шотландцам и не могли вызвать возражений со стороны этой нации[217].

Поступило обращение от лондонского Сити с просьбой о созыве парламента: это был важнейший вопрос, к которому клонились в ту пору мысли всех англичан[218]. Петицию с этой же целью представили двенад-

цать вельмож[219]. Король, однако, ограничился тем, что созвал в Йорке Большой совет пэров — мера, к которой в прежние времена прибегали в крайних и непредвиденных случаях, но которая теперь не могла принести особой пользы. Король, более всего страшившийся палаты общин и не рассчитывавший получить от нее деньги на сколько-нибудь приемлемых условиях, посчитал, вероятно, что в нынешних бедственных обстоятельствах он сможет утвердить субсидии властью одного этого собрания. Но прежние постоянные ссылки на необходимость, которая казалась тогда далекой и сомнительной, лишили его возможности воспользоваться этим оправданием сейчас, когда нужда стала, наконец, реальной, настоятельной и неизбежной.

Из-за болезни Нортумберленда командование армией перешло к Страффорду. Этот вельможа обладал более твердым и решительным духом, чем король или любой из членов совета. Он убеждал Карла рискнуть всем, но не соглашаться на позорные условия мира, которые наверняка будут ему навязаны. Потери, понесенные при Ньюберне, говорил он, невелики, и хотя английской армией на время овладела паника, это совсем не удивительно для необстрелянных солдат, а поскольку шотландцы находятся в том же положении, то с ними, несомненно, может случиться нечто подобное. В общем, Страффорд полагал, что король должен двинуть вперед свою армию с тем, чтобы атаковать шотландцев и привести дело к быстрой развязке; если же его постигнет неудача, то и тогда с ним не случится ничего хуже того, что он непременно навлечет на себя нынешней своей бездеятельностью[220]. Чтобы продемонстрировать, как легко можно было бы осуществить подобный план, он приказал напасть на один из лагерей шотландцев и добился некоторого успеха. Хотя Риппонские переговоры еще не привели к заключению перемирия, этот враждебный акт вызвал сильнейшее недовольство. Когда же стало известно, что атакой руководил офицер-папист, раздались громкие крики негодования против короля, использовавшего эту ненавистную секту для убийства своих протестантских подданных[221].

Стоит отметить, что в английских частях, двигавшихся на соединение с главной армией, неоднократно вспыхивали бунты, а несколько офицеров были убиты из-за одного лишь подозрения о том, что они паписты[222]. Петиция о праве запретила применять любые законы, предусмотренные военным положением, и вследствие неудобств, которые естественным образом сопутствовали новому и еще незрелому плану полной и всеобщей свободы, генералы оказались совершенно бессильны управлять армией с помощью тех легальных полномочий, которые мог им предоставить король. Юристы постановили, что законы военного времени могут действовать лишь в условиях непосредственной близости неприятеля, и когда потребовалось казнить одного бунтовщика, генералы сочли, что для их собственной безопасности разумнее будет просить короля о помиловании Эту слабость, однако, тщательно скрывали от армии, а лорд Конвей сказал даже, что если бы какой-нибудь адвокат оказался настолько без-

рассуден, чтобы открыть тайну солдатам, то его слова пришлось бы немедленно опровергнуть, а его самого повесить по приговору военного суда[223].

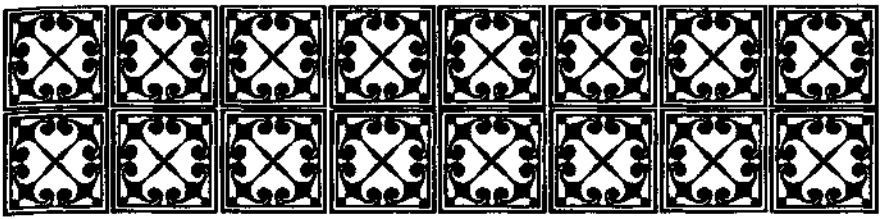
Подобная армия — неопытная, недисциплинированная, деморализованная, плохо оплачиваемая, склонная к мятежу и не имевшая настоящего командования, — едва ли была способна противостоять храброму и победоносному неприятелю или держать в подчинении раздраженную и охваченную фанатизмом нацию.

БОЛЬШОЙ СОВЕТ ПЭРОВ

Потеряв всякую надежду справиться с этим бурным потоком, Карл, наконец, решил ему уступить, а так как он предвидел, что Большой совет пэров непременно посоветует ему созвать парламент, то в первой же своей речи к ним (24 сентября) король объявил, что он уже принял данное решение. Он также сообщил пэрам, что королева в своем письме к нему настойчиво рекомендовала пойти на этот шаг. Этот добросердечный государь, чрезвычайно привязанный к супруге и всячески стремившийся сделать ее популярной в народе, посреди всех своих бедствий никогда не забывал об интересах нежно любимого им человека[224].

Чтобы получить средства на содержание обеих армий (ибо король, желая спасти северные графства от грабежа, вынужден был платить даже своим врагам), Карл отправил письмо лондонскому Сити с просьбой о займе в 200 000 фунтов, а собравшиеся в Йорке пэры, обладавшие теперь бóльшим авторитетом, чем их суверен, сочли нужным присоединиться к этому прошению[225] — так низко пал государь в глазах собственных подданных!

Поскольку в ходе переговоров с шотландцами возникло немало затруднений, предложено было перенести их из Риппона в Лондон. Шотландцы охотно согласились, ибо могли предвидеть, что в этом городе, среди своих заклятых врагов и их, шотландцев, верных друзей, король окажется чем-то вроде пленника, и все преимущества на переговорах будут, несомненно, на их стороне[226].



Глава X

Открытие Долгого парламента. — Страффорд и Лод обвинены нижней палатой в государственной измене. — Бегство Финча и Уайндбэнка. — Общины добиваются громадного влияния. — Нападки на епископов. — Потонный и пофунтовый сборы. — Трехгодичный билль. — Процесс Страффорда. — Билль об опале. — Казнь Страффорда. — Уничтожение Высокой комиссии и Звездной палаты. — Поездка короля в Шотландию.

Общее недовольство, причины которого более тридцати лет беспрестанно умножались, достигло теперь высшей точки, угрожая Англии великим потрясением или переворотом. Смутные и неясные границы между привилегией и прерогативой вызывали все это время жаркие дискуссии, и во всяком споре между монархом и народом любой, сколь угодно сомнительный вопрос каждая из партий решала в угоду собственным притязаниям. Побуждаемый кажущейся необходимостью, король, быть может, слишком необдуманно присвоил себе полномочия, несовместимые с принципами ограниченной монархии, лишив самых преданных своих сторонников возможности вполне оправдать его образ действий, — разве что с помощью таких доводов, которые при тогдашнем расположении умов способны были скорее усилить, нежели смягчить всеобщее недовольство. Закон и религия, два великих оплота государственной власти, из-за безграничной угодливости судей и прелатов также во многом утратили свое влияние на народ или даже в немалой степени перешли на сторону враждебной двору партии, освящая и санкционируя дух оппозиции и возмущения. Дворянство, которое монарх не мог привязать к себе милостями и чинами, подобающими их рангу, было охвачено всеобщим недовольством и опрометчиво бросило свой авторитет на ту чашу весов, преобладание которой уже начинало становиться слишком явным. Столкнувшись с посягательствами на свои права со стороны монарха, англичане не питали каких-либо подозрений в отношении общин, чьи притязания на власть в государстве неизменно прикрывались ссылками на общее благо и до сих пор не зашли дальше нескольких неудачных попыток. Успехи шотландских мятежников поставили корону в полную зависимость от парламентских субсидий; их союз с английской народной партией чрезвычайно увеличил авторитет последней; надежда на близкий успех оживила глухой

ропот и все скрытые притязания, прежде так сурово подавлявшиеся, и в итоге напор враждебного двору общественного мнения оказался столь мощным, что король был уже просто не способен отказать народным вождям в каких-либо разумных требованиях касательно ограничения или точного определения его прерогативы. Мало того, в данных обстоятельствах следовало ожидать и множества неумеренных претензий, которые, однако, пришлось бы удовлетворить.

Между тем торжество партии недовольных над церковью еще не казалось столь близким и несомненным. Политические и религиозные пуритане оказывали друг другу взаимную поддержку, и однако, многие лица, присоединившиеся к первым, не желали какого-либо союза с последними. Иерархия существовала в Англии со времен Реформации; эту форму церковного устройства во все века заботливо сохраняла римско-католическая церковь; древние отцы также свидетельствовали в пользу власти епископов [284], и хотя поначалу между христианскими священниками, вероятно, существовало равенство, период этот оказался столь непродолжительным, что оставил после себя в истории немного бесспорных следов. Епископы и их самые ревностные сторонники выводили отсюда божественность и абсолютную неопровержимость прав прелатства, другие считали это учреждение почтенным и полезным, и если любовь к новшествам побудила некоторых принять пуританские обряды и формы церковного устройства, то весьма многие из уважения к старине все еще сохраняли верность литургии официальной церкви и ее начальству. А значит, рьяным нововводителям надлежало действовать в парламенте с известной сдержанностью и осторожностью. Поощряя все меры, ограничивающие полномочия короны, они надеялись обезоружить короля, который, как они справедливо полагали, из принципа, по склонности и ввиду соображений политических, является решительным защитником иерархии. Беспрестанно витийствуя против мнимых «посягательств и тирании прелатов», они пытались привести нацию от возмущения отдельными лицами к неприятию их сана и звания как такового. А коль скоро людей удастся завлечь в партию, то, думали они, их уже нетрудно будет постепенно склонить к таким мерам, которые прежде вызывали у них крайнее отвращение. Хотя поначалу новые сектанты отнюдь не составляли большинство народа, они, как это свойственно всем новаторам, отстаивали свои мнения с величайшим пылом. Неукротимые страсти, для них самих и для окружающих скрытые под личиной благочестивого рвения, были вполне способны вербовать новых прозелитов, покоряя души темной и невежественной толпы. А яростная энергия одного бешеного фанатика могла сломить вялое противодействие весьма многих трезвых и здравомыслящих людей.

Нацией, таком образом, овладело всеобщее недовольство, о существовании замысла ниспровергнуть церковь и монархию всерьез не думали, а потому неудивительно, что выборы в парламент почти всюду принесли успех тем, кто своими безмерными притязаниями на великую набожность

и особый патриотизм всячески поощрял народные предрассудки. Из уважения к королю мнение его обычно принимали в расчет при выборах спикера, и Карл намеревался выдвинуть на этот важный пост лондонского судью Гардинера, но авторитет короны в стране был тогда столь низким, что Гардинер потерпел неудачу не только в Лондоне, но и во всех прочих местах, где пытались устроить его избрание, и королю пришлось согласиться с кандидатурой Лентала, юриста, пользовавшегося некоторой известностью, однако недостаточно подготовленного для столь важной и трудной должности.

ОТКРЫТИЕ ДОЛГОГО ПАРЛАМЕНТА

Пылкие надежды англичан в отношении парламента, созванного в столь критический момент (3 ноября) и в условиях всеобщего недовольства; парламента, который при тогдашнем состоянии государственных дел не мог быть внезапно распущен и который должен был завершить все, что не успели сделать прежние парламенты, — эти мотивы, столь важные и сильные, обеспечили присутствие всех его членов, и никогда еще палата общин не была столь многочисленной и полной уже в самом начале своих заседаний. А потому общины без промедления приступили к делу и по единодушному согласию тотчас же нанесли удар, который в известном смысле можно назвать решающим.

Первым из министров короля, как по тому влиянию, которое имел он на своего владыку, так и по причине собственных недюжинных дарований и громадной энергии, считался граф Страффорд. Ввиду стечения различных обстоятельств этого человека жестоко ненавидели все три нации, составлявшие британскую монархию. Шотландцы, авторитет которых был тогда необыкновенно высок, видели в Страффорде злейшего врага своей родины, чьих замыслов и влияния они имели веские причины опасаться. Именно он заставил ирландский парламент выделить крупные субсидии на войну с Шотландией, он набрал девятитысячную армию, угрожавшую теперь их западному побережью, он обязал шотландцев, живших под его управлением, отречься от ковенанта, идола их нации; в Ирландии же он объявил шотландских ковенантеров изменниками и бунтовщиками, причем еще до того, как король успел издать подобную декларацию против них в Англии; наконец, он постоянно убеждал короля нарушить недавнее перемирие, которое считал позорным и опасным. Возмущение шотландцев этими действиями было столь открытым и решительным, что они отказались даже прислать комиссаров для переговоров в Йорке, как это предполагалось вначале, ибо, заявили они, наместник Ирландии, их главный враг, командует армией короля и потому обладает в этом городе высшей властью и влиянием.

Страффорд сначала как помощник наместника, а затем как наместник управлял Ирландией восемь лет, выказав при этом величайшую энергию, твердость и благоразумие, однако не снискав себе популярности. Среди народа, столь враждебного религии и образу правления англичан, этих самых качеств было достаточно, чтобы навлечь на Страффорда всеобщую ненависть. Характер и обращение этого вельможи, со всеми учтивого, а с друзьями даже нежного и любящего, в сущности, однако, отличались непреклонной суровостью и высокомерием. Пока Страффорд занимал свой пост, его власть и влияние были неограниченными, но как только его постигло несчастье, глубоко затаенная ненависть нации тотчас же выплеснулась наружу, и ирландский парламент сделал все, чтобы усугубить выдвинутые против графа обвинения.

Недовольство правительством, господствовавшее тогда в Англии, было всецело направлено против Страффорда, причем без каких-либо особых причин, а просто потому, что из всех министров именно он пользовался наибольшими милостями и доверием короля. Сам он был человеком благородной крови, унаследовавшим обширное состояние, однако его стремительное возвышение породило зависть. А прежние соратники Страффорда по народной партии, видя, что своим успехом он обязан измене их делу, изображали его великим отступником общего блага, коего им надлежало теперь принести в жертву правосудию.

Сознавая, сколь сильны предубеждения народа против его личности, Страффорд желал уклониться от присутствия в парламенте и умолял короля позволить ему вернуться к управлению Ирландией или, по крайней мере, остаться во главе армии в Йорке: он надеялся, что пребывание вдали от Лондона предоставит ему немало возможностей ускользнуть от нападок врагов. Но Карл, полностью доверявший талантам Страффорда, считал, что советы графа будут ему чрезвычайно полезны в ходе приближающейся критической сессии парламента. Когда же Страффорд вновь стал твердить об опасности своего появления среди множества разъяренных врагов, король, не подозревая, сколь быстро его собственная власть превратится в ничто, пообещал графу свое покровительство и заверил, что парламент не посмеет тронуть ни единого волоса на его голове[227].

СТРАФФОРД ОБВИНЕН В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИЗМЕНЕ

Как только стало известно о прибытии Страффорда, палата общин повела против него заранее подготовленную атаку (11 ноября). В длинной, тщательно продуманной речи, разделенной в свойственной ему манере на многие пункты, Пим перечислил все жалобы нации и из множества подобных притеснений сделал вывод о существовании коварного за-

мысла полностью изменить английский образ правления, уничтожив старинные законы и вольности королевства[228]. И если что-либо, сказал Пим, способно усилить наше возмущение столь ужасным и преступным замыслом, так это открытие того обстоятельства, что в царствование лучшего из государей конституция подвергалась опасности со стороны худшего из министров, а добродетельного короля вводили в заблуждение пагубными и вредоносными советами. Нам следует выяснить, добавил он, из какого источника изливается весь этот горький поток зла, и хотя мы, несомненно, обнаружим многих коварных советчиков, существует один человек, оспаривающий превосходства на этом позорном поприще; человек, который по своим талантам, смелости и энергии заслуживает первого места среди предателей родины. Это — граф Страффорд, наместник Ирландии и председатель Северного совета; на обоих этих постах, как и во всех прочих сферах, где он был облечен властью, Страффорд воздвиг ужасные памятники тирании, и по тщательном расследовании его деятельности именно он окажется главным вдохновителем всех деспотических мер. Пим упомянул несколько надменных выражений и произвольных действий Страффорда, а затем перешел к нападкам более личного свойства, попытавшись очернить характер и образ жизни министра в целом. Суровый дух Страффорда, погруженного в честолюбивые замыслы, не сделал, однако, его сердце совершенно неприступным для нежной страсти или нечувствительным к влиянию красоты, и в ту мрачную и угрюмую эпоху, когда распущенность осуждали сильнее, чем самые гнусные преступления, эти слабости были сочтены достойными упоминания в столь высоком собрании в одном ряду с его изменническими действиями. Оратор заключил, что палате надлежит отыскать лекарство, соразмерное болезни, дабы предотвратить дальнейшие несчастья, опасаться коих у общин имеются веские причины ввиду того влияния, которое приобрел этот человек над мыслями и поступками их государя[229].

О том же рассуждал сэр Джон Клотуорти, ирландский джентльмен, сэр Джон Готэм из Йоркшира и многие другие, а затем, после злых упреков и поношений, занявших несколько часов, и при закрытых дверях (дабы избежать всякой огласки замысла палаты), было предложено на основании тайно принятой резолюции немедленно обвинить Страффорда в государственной измене. Предложение было встречено всеобщим восторгом, и в ходе всех этих дебатов не нашлось ни единого человека, который попытался бы остановить бурный поток каким-либо свидетельством в пользу графа. Только лорд Фолкленд [285], хотя и являлся открытым врагом Страффорда, скромно просил общины рассудить, не требует ли важность процесса расследовать упомянутые факты в особом комитете, прежде чем вносить обвинение против графа в верхнюю палату. Хитроумный Пим ловко отвечал на это, что подобное промедление способно разрушить все их надежды и лишить палату общин всякой возможности продолжить судебное преследование графа; что когда Страффорд узнает о разоблачении великого множества его злодейств, совесть ясно скажет ему, какого

приговора следует ему ожидать, между тем власть и влияние Страффорда столь громадны, что он тотчас же добьется роспуска парламента или предпримет какие-то иные отчаянные меры ради собственного спасения; что общины не судят, а только обвиняют, и что определение того, является ли множество страшных злодеяний, совершенных одним человеком, величайшим из известных закону преступлений, входит в компетенцию лордов[230]. Обвинение в государственной измене было вотировано без дальнейших дебатов, представить его лорду поручили Пиму, коего при исполнении столь приятной их сердцу миссии сопровождало большинство членов, и Страффорд, который только вошел в палату пэров и совершенно не ожидал, что процесс против него пойдет так быстро, был тотчас же, на основании общего обвинительного акта, заключен под стражу, причем его судьи, как и обвинители, обнаружили явные знаки ненависти и предубеждения.

ОБВИНЕНИЕ ЛОДА

Когда парламент начал разбор жалоб и критику прежних мер правительства, архиепископ Лод не мог долго уклоняться от строгого расследования общин; последними же в их нападках на этого прелата руководили не только предрассудки против епископского сана в целом, но и особая ненависть, которую навлек на себя чрезмерным своим рвением сам Лод. После дебатов, не продлившихся и получаса, обвинительный акт против этого человека, первого среди подданных короля как по своему рангу, так и по монаршему благоволению, был утвержден. Если учесть уже начавшийся процесс Страффорда и общее настроение нации и парламента, то подобный шаг, казалось бы, не должен был удивить Лода, и, однако, когда акт палаты был ему представлен, архиепископ не сумел вполне сохранить самообладание. *Сами общины*, заявил Лод, *хотя и выступают в качестве моих обвинителей, не могут искренне верить, будто я совершил те преступления, в которых они меня обвиняют*. На следующий день, по зрелом размышлении, он пожелал отречься от своих неосторожных слов, но лорды были столь суровы, что отказали ему в этом праве или в этой милости. На основании общего обвинительного акта Лода, как и Страффорда, немедленно исключили из парламента и взяли под стражу[231].

БЕГСТВО ЛОРДА-ХРАНИТЕЛЯ ПЕЧАТИ ФИНЧА

Главным пунктом обвинения против этих высокопоставленных лиц был существовавший, по мнению общин, план ниспровергнуть английские законы и конституцию и установить в стране правление деспотичес-

кое и произвольное. В этом смысле ни один из министров короля не был так ненавистен общинам, как лорд-хранитель печати Финч [286]. Именно он, будучи спикером в третьем парламенте Карла, вопреки приказу палаты отказался поставить на голосование предложенный вопрос и покинул председательское кресло. Именно он своими интригами, уговорами и даже прямыми угрозами добился незаконного решения судей в деле о корабельных деньгах. Он являлся самым энергичным проводником всех непопулярных и противозаконных мер; считалось даже, будто Финч публично заявил, что, пока он остается хранителем печати, любые распоряжения Тайного совета будут иметь для него силу закона. Желая смягчить растущее недовольство общин, Финч попросил дозволения выступить в палате с оправдательной речью. Он униженно пал на колени, но это смиренное раскаяние ему не помогло. Палата постановила обвинить Финча в государственной измене, и чтобы уйти от ее гнева, он счел нужным тайно удалиться в Голландию. По дарованиям и по преданности королю его не считали равным ни Страффорду, ни даже Лоду, и потому все решили, что народные вожди попросту закрыли глаза на его бегство[232]. Тем не менее обвинительный акт против Финча был внесен в палату лордов в его отсутствие.

БЕГСТВО ГОСУДАРСТВЕННОГО СЕКРЕТАРЯ УАЙНДБЭНКА

Сэр Фрэнсис Уайндбэнк [287] был ставленником Лода — вполне достаточная причина, чтобы вызвать крайнее раздражение общин. Его также подозревали в тайном грехе папизма: было известно, что из угодливости к королеве, более того — согласно с общими принципами правления короля, Уайндбэнк предоставил католикам немало поблажек, подписывал приказы о помиловании католических священников и об их освобождении из тюрем. Гримстон [288], член народной партии, назвал его в палате главным сводником Вавилонской блудницы[233]. Убедившись в том, что общины начали расследование его деятельности, и понимая, что Англия уже не является безопасным местом для людей с его репутацией, Уайндбэнк тотчас же бежал во Францию[234].

Таким образом, палата общин, без всякого сопротивления, а скорее при содействии лордов, за несколько недель произвела решительный переворот в системе правления: два самых могущественных и близких к королю министра были заключены в Тауэр и со дня на день ожидали суда, грозившего им смертельным приговором; два других министра только бегством сумели спастись от подобной участи; все слуги короля поняли, что их владыка уже не способен их защитить; в стране утверждалась новая власть, и перед ее трибуналом трепетали все те, кто прежде более других гордился своим влиянием и весом.

ВСЕВЛАСТИЕ ОБЩИН

Сила общин становилась еще более грозной оттого, что употребляли ее с величайшим искусством. Не довольствуясь властью, приобретенной нападением на могущественных министров, общины желали внушить нации ненависть к самым значительным органам и сословиям в государстве. Уже превратившись в идол для народа, палата, однако, решила укрепить свое влияние страхом, запугав тех, кто еще мог попытаться как-то поддержать рушившееся здание монархии.

Во время недавних военных действий лорды-наместники графств и их помощники осуществляли некоторые особые полномочия, и эти полномочия, хотя и совершенно необходимые для обороны страны и даже опиравшиеся на прецеденты прошлого, палата объявила теперь незаконными, так как они не были утверждены специальным статутом; лица же, их осуществлявшие, были объявлены *делинквентами* [289]. Этот термин едва вошел в моду; он обозначал род и степень вины, точно не определенной или не установленной. Вследствие данного решения многие представители знати и высшего дворянства, справедливо полагавшие, что они лишь исполняют законные функции магистратов, внезапно оказались преступниками, *делинквентами*. Самой же палате ее постановление принесло немало выгод: общины обезоружили корону, формально провозгласили строгие принципы закона и свободы и, наконец, внушили страх перед собственной властью[235].

Указы о корабельных деньгах направлялись шерифам; от них требовали (и даже обязывали под страхом суровых наказаний) раскладывать соответствующие суммы по отдельным плательщикам и собирать их своей властью. Теме не менее палата вынесла строгий приговор, постановив, что все шерифы и те, кто участвовал в этих незаконных действиях, являются делинквентами. Согласно букве закона, король не мог совершить несправедливость, а значит, в случае любого нарушения конституции виновниками оказывались его министры и должностные лица[236].

Все откупщики и таможенные чиновники, в течение многих лет занимавшиеся взиманием потонного и пофунтового сборов и прочих новых налогов, также были объявлены преступниками; впоследствии они с радостью купили себе прощение, уплатив 150 000 фунтов штрафа.

Все дискреционные, или произвольные, приговоры судов Звездной палаты и Высокой комиссии, которые по самой своей природе неизбежно являлись органами деспотическими, подверглись строжайшему разбору; а все лица, причастные к подобным приговорам, были признаны подлежащими законной каре[237]. Данное решение палаты угрожало всем без исключения королевским министрам и членам Тайного совета.

Судей, подавших голос против Гемпдена в процессе о корабельных деньгах, обвинили перед лордами. Беркли, судья Королевской скамьи, был арестован по приказу палаты прямо в ходе судебного заседания, и все с

изумлением видели, сколь безграничной и неодолимой становится юрисдикция общин[238]

Было объявлено, что для утверждения церковных канонов помимо королевской санкции требуется санкция лордов и общин[239] Следует, однако, признать, что это постановление, пусть даже весьма разумное или, по крайней мере, полезное, трудно было подкрепить каким-либо прецедентом[240] Но теперь было не до споров или ученых изысканий Данное решение, уничтожавшее всякую законодательную власть помимо власти парламента, требовалось для того, чтобы завершить новый план свободного государственного устройства и сделать его вполне единообразным и всеохватывающим Эти новые принципы грозили обвинением в делинквентстве почти всей скамье епископов в верхней палате, а также самым видным представителям низшего клира, участвовавшим в последней конвокации[241]

Самой непопулярной и наименее оправданной из всех мер Карла явилось восстановление монополий, после неоднократных попыток столь торжественно отмененных недавним актом парламента Сознавая, сколь неудачным оказался этот опыт, король во время первой шотландской кампании добровольно аннулировал многие из этих притеснительных патентов, теперь же парламент уничтожил все прочие монополии, а их участников объявил делинквентами В своей ненависти к этой одиозной практике общины зашли так далеко, что присвоили себе право, ранее применявшееся чрезвычайно редко[242], и исключили из парламента всех монополистов — мера, расширившая их собственные привилегии, а кроме того ослабившая весьма немногочисленную партию тайных сторонников короля в палате Однако Маилдмэю, отъявленному монополисту, который присоединился к господствующей партии, позволили сохранить место в парламенте В самом деле, при решении всех вопросов, касавшихся законности избрания отдельных членов, не существовало никаких твердых правил, в расчет принимались лишь партийные симпатии и привязанности[243] Слишком сильно кипели страсти, чтобы людей могли возмутить какие-либо несправедливые действия, если они явно служили целям палаты, столь популярным в народе

Таким образом, вся верховная власть перешла в известном смысле к общинам, и английская форма правления, без каких-либо видимых насилий и беспорядков, из почти абсолютной монархии мгновенно превратилась в чистую демократию Теперь народные вожди решили, казалось, приостановить на время всю энергичную деятельность, дабы упрочить свою власть, прежде чем вновь обратиться к решительному ее применению Каждый день приносил с собой новые высокопарные речи о злоупотреблениях прошлого, ненависть к прежним посягательствам двора разжигалась еще сильнее, рвение свободы возросло, и, в согласии с духом свободного правления, зрелище попранной конституции возбуждало столь же яростный гнев, как и самые чудовищные акты деспотизма

Это было время, когда таланты и способности всякого рода, освобожденные от стеснений со стороны власти и вдохновляемые безграничными надеждами и фантастическими планами, начали развертываться в полной мере, привлекая к себе внимание публики. Именно тогда Пим прославился своим острым умом, пригодным скорее для действия, чем для украшения, умом, который преклонный возраст и обширный опыт не охладили, но лишь довели до полной зрелости; тогда обнаружил свое необъятное честолюбие Гемпден, которого прежние несчастья научили не умеренности, а притворству; честолюбие его опиралось на силу духа, руководилось благоразумием, украшалось скромностью, но что именно — ревность к свободе или жажда власти — лежало в его основе, из-за безвременной кончины Гемпдена остается неясным до сих пор; тогда же англичане впервые узнали мрачный, пылкий и дерзкий характер Сент-Джона [290]; порывистый нрав Голлиса, искренний и решительный, прямой и открытый в дружбе и вражде; восторженный дух Вена-младшего, сумасбродного в своих целях, тонкого и глубокомысленного в средствах, использовавшихся ради их достижения, увлекаемого химерами религии, но пренебрегавшего обязанностями морали.

Оправдания прежних мер правительства принимались столь неохотно, дух всеобщего недовольства был столь заразительным, что даже самые разумные и умеренные люди, более других преданные церкви и монархии, с величайшей энергией участвовали в искоренении злоупотреблений и в преследовании их виновников. Пылкий и страстный Дигби, твердый и неустрашимый Кейпел [291], скромный и чистосердечный Палмер демонстрировали по этому поводу свое красноречие. Среди патриотов-роялистов мы встречаем также славные имена Фолкленда и Гайда [292]. И хотя в конце концов эти люди далеко разошлись с упомянутыми выше лицами в своих взглядах и целях, теперь в их действиях и речах царило полное согласие и единодушие.

Беспрестанными разглагольствованиями и выпадами против незаконных посягательств палата общин не только воспламеняла собственную ненависть к двору — под влиянием народных вождей вся нация вспыхнула тем же огнем и, казалось, только теперь разглядела множество беспорядков и неустройств в управлении государством. Пока законы, по-видимому, в отдельных случаях нарушались, англичане ограничивались тайным глухим ропотом, но едва лишь конституция, как тогда полагали, была восстановлена в прежней силе и полноте, нация пришла в бешенство и ярость. Лондон — местопребывание парламента — был в особенности охвачен духом недовольства и мятежа. Каждый день вспыхивали шумные беспорядки, мятежные собрания поощрялись, и горожане, забросив все свои дела, думали теперь лишь о защите религии и свободы. В столице, где сталкивались между собой самые разные люди, народные страсти обладали необыкновенной силой и передавались с невиданной быстротой.

Речи членов палаты, которые теперь впервые стали печататься и распространяться, поддерживали недовольство против королевской админи-

страции. Церковные кафедры, отданные пуританским лекторам и проповедникам, самовольно назначенным палатой во все крупные храмы, гремели партийной злобой и фанатизмом. Пришло время мести за долгое молчание, к которому власть Лода и Высокой комиссии силой принуждала этих проповедников. Печать, избавленная от всякого страха и отбросившая всякую сдержанность, кишела сочинениями, опасными скорее своим мятежным пылом и клеветническими выпадами, нежели искусством красноречия и изяществом слога. Ярость и крик, ханжество и лицемерие — только это могли расслышать и готовы были слушать люди в дикой разноголосице всевозможных страстей и предрассудков.

В это же время парламент пересмотрел приговор, вынесенный некогда Принну, Баствику и Бертону. Эти сочинители клеветнических памфлетов, отнюдь не укрощенные суровыми карами, по-прежнему выказывали готовность повторить свое преступление, и министры опасались того, что их новые пасквили, выйдя из тюрьмы, могут усилить всеобщее недовольство. А потому Тайный совет распорядился перевести их в более отдаленные тюрьмы: Баствика — на Силли, Принна — на Джерси и Бертона — на Гернси [293]; всякий доступ к заключенным был воспрещен, им также запретили пользоваться книгами, перьями, чернилами и бумагой. Эти дополнительные меры строгости палата общин немедленно отменила своей властью, и даже первоначальный приговор был объявлен по расследовании незаконным, а выносившим его судьям велено было дать удовлетворение невинным страдальцам.[244] Когда узники высадились на английский берег, несметная толпа приняла их с величайшими знаками любви, их расходы щедро оплачивались, им делали богатые подарки. При подъезде к любому городу все жители бежали им навстречу, приветствуя их громкими криками. По мере приближения к Лондону свита их постоянно увеличивалась. За несколько миль до столицы явилось громадное множество фанатиков из их партии, дабы сопровождать их триумфальный въезд в город; шумная процессия несла лавровые ветви, дорога была усыпана цветами, а посреди всеобщего ликования и торжества раздавалась яростная брань в адрес прелатов, так жестоко преследовавших столь благочестивых особ[245]. Чем более низкими и безвестными были эти люди, тем чувствительнее оказывалось оскорбление, нанесенное королевской власти, и тем опаснее — дух недовольства и мятежа, пробудившийся в народе.

Лильберн, Лейтон [294] и все прочие лица, наказанные за подстрекательские памфлеты при прежней администрации, теперь вновь получили свободу и были официально объявлены невинными жертвами судебного произвола[246].

Мало того что тогдашнее состояние умов гарантировало полную безнаказанность всем авторам памфлетов, в это же время был придуман новый способ их написания и распространения. Составляли петицию к парламенту, требовавшую искоренения известных злоупотреблений, и когда собиралось достаточное число подписей, ее подавали в палату общин и немедленно печатали. Подобные петиции служили тайными узами, соеди-

нявшими тех, кто их подписывал, и, казалось, придавали бесспорную санкцию и авторитет заключенным в них жалобам и притязаниям.

Историки, благосклонные к партии роялистов[247], и сам король в одной из своих прокламаций[248] утверждают, что многие из этих обращений становились предметом коварных или даже преступных уловок. Вначале составляли петицию, весьма разумную и умеренную, какую охотно подписывали люди серьезные и уважаемые. Затем их имена отрывали и присоединяли к другой петиции, гораздо лучше соответствовавшей целям народной партии. Какое же яростное исступление овладело тогда нацией, если столь наглое мошенничество, касавшееся такого множества людей, можно было совершать открыто, не навлекая на себя позора и бесчестья!

От членов палаты и от петиционеров вне парламента поступало так много жалоб, что общины разделились на сорок особых комитетов, каждый из которых должен был разбирать определенные нарушения закона и посягательства на свободу. Помимо нескольких общих комитетов по вопросам религии, торговли, привилегий и законов были во множестве учреждены их подкомитеты, и всюду начались самые строгие расследования. Следует заметить, что до начала XVII века, когда власть и влияние общин были не столь велики, жалобы на злоупотребления подавали обычно в палату те ее члены, которые непосредственно с ними сталкивались. Общих же комитетов, представлявших собой нечто вроде инквизиторских трибуналов, тогда еще не существовало, и мы видим, что король в более ранней своей декларации[249] решительно протестует против этого новшества, столь невыгодного для монархической власти. Но никогда еще подобные комитеты не использовались так широко, общины же, хотя и являлись, в сущности, величайшими нововводителями, прибегли к обычной своей уловке: они громко жаловались на новшества, претендуя на роль восстановителей издревле существовавшего законного порядка.

По докладам своих комитетов палата ежедневно принимала новые постановления, которые унижали и изумляли двор, еще более возбуждая и воодушевляя нацию. Объявили незаконными и произвольными корабельные деньги, отменили приговор Гемпдену, упразднили Северный совет, заклеймили позором штрафы за отказ от рыцарского звания, осудили расширение королевских лесов, аннулировали монопольные патенты — в общем, все последние меры правительства подверглись жестокой критике и поношению. Сегодня парламент протестовал против какого-нибудь приговора Звездной палаты, на следующий день обрушивался на решения Высокой комиссии. Любой дискреционный акт Тайного совета называли произвольным и деспотическим, по-прежнему упорно внушая обществу мысль о существовании заговора, имевшего целью ниспровергнуть законы и конституцию королевства.

А между тем, пока палата принимала все эти решительные меры, король вынужден был оставаться совершенно бездеятельным. Стремительный рост могущества и популярности общин устрашил тех немногих королевских слуг, которые еще сохраняли верность монарху, и они были

рады купить безнаказанность смирным своим поведением. Грозный поток быстро достиг невиданной высоты, и всех, кто из выгоды или по привычке более других был привязан к монархии, охватило полное отчаяние. Те же, кто сохранял верноподданнические чувства только из уважения к конституции, действиями своими, казалось, лишь способствовали тому, чтобы этот поток, уже затопивший все вокруг, разливался еще шире. «Вы разобрали на части весь государственный механизм, — говорил в своей речи к парламенту Карл, — так нередко поступают искусные мастера, желающие очистить его колеса от всякой ржавчины. Машину правления, — продолжал король, — можно полностью восстановить, и она вновь начнет работать по-прежнему — при условии, что ее соберут до последней шестеренки». Но от подобных намерений общины были далеки. В государственном механизме, полагали они, и не без некоторых оснований, находится множество ненужных колес и пружин, которые замедляют и затрудняют его работу, делая его совершенно бесполезным. Какой бы это стало удачей, если бы общины, обладавшие теперь безграничной властью, проявили разумную умеренность и довольствовались тем, что удалили из машины только те ее части, которые в самом деле можно было назвать излишними и непригодными!

Чтобы упрочить приобретенное ими влияние, общины сочли необходимым не только ошеломить и запугать своих противников, но и внушить бодрость своим друзьям и приверженцам, в особенности же шотландцам и религиозным пуританам, уже успевшим оказать парламенту столько важных и полезных услуг.

Как только шотландцы стали господами в северных графствах, они отказались от своих прежних громких обещаний платить обывателям за все (обещаний и в самом деле неисполнимых), и местные власти, желая предотвратить бедствия грабежей и вольных постоев, согласились назначить на содержание их армии регулярное пособие из расчета 850 фунтов в день[250]. Чтобы избавить северные графства от столь тягостного бремени, парламент постановил платить жалованье как английской, так и шотландской армии, а поскольку в нынешних крайних обстоятельствах обычный путь сбора субсидий оказался бы слишком медленным средством, решено было сделать заем у граждан Сити, который гарантировали бы сами члены палаты. Сначала вотировали две (очень незначительные) субсидии[251], а так как целью их было возместить расходы тех членов, которые собственными средствами поддержали общественный кредит, то этим предлогом тотчас же воспользовались: приказано было передать деньги не в казначейство, но комиссарам, назначенным самим же парламентом. К подобному образу действий, ослаблявшему авторитет короны, палата охотно обращалась и впоследствии в отношении любых ассигнованных королю сумм. Вторжение шотландцев было очевидной причиной созыва парламента, присутствие их армии на английской территории ставило короля в полную зависимость, а потому общины открыто выражали намерение удержать этих захватчиков в Англии до тех пор, пока все их соб-

ственные враги не будут сломлены, а все их цели — достигнуты. *Мы еще не можем обойтись без шотландцев, сыны Саруии* [295] *слишком сильны для нас*[252], — прямо заявил в палате Строд, сославшись по тогдашней моде на Священное Писание. На содержание двух армий требовалось 80 тысяч фунтов в месяц — гораздо больше того, что подданные платили государству в любую прежнюю эпоху. И хотя палата время от времени вотировала новые субсидии (вместе с подушным налогом), общины по-прежнему заботились о том, чтобы оставаться должниками, делая таким образом продолжение сессии еще более необходимым.

Для партии недовольных в Англии шотландцы являлись чрезвычайно полезными союзниками, и неудивительно, что палата всячески перед ними заискивала, обхаживая их с величайшим усердием. В первой своей речи король назвал шотландцев *бунтовщиками*, но потом заметил, сколь жестоко оскорбил он этим парламент; ему тотчас же пришлось смягчить и даже взять назад свои слова. Шотландские комиссары во главе с графом Ротом и лордом Лоудоном располагали всеми преимуществами на переговорах, но отнюдь не спешили довести их до конца. Они поселились в Сити, вступив в тесные сношения с членами городского совета, чрезвычайно недовольными двором, а также с вождями народной партии в обеих палатах. Для религиозных обрядов шотландцам отвели церковь Св. Антолины, и там их священники начали открыто совершать богослужение по пресвитерианскому образцу, которое прежде дозволялось в Англии только на иностранных языках. Общее пристрастие к этой новой религии было столь сильным, что в церковь стали стекаться толпы народа всякого звания. Счастливчики, коим выпадала великая удача проникнуть в храм рано утром, не уходили оттуда целый день; те же, кого не пропускали внутрь, стояли, прильнув к окнам и дверям, в надежде уловить издали хотя бы смутные отзвуки благочестивых поучений[253]. Все красноречие парламентских ораторов, вполне очищенное теперь от педантизма, воспламеняемое духом свободы и употреблявшееся ради чрезвычайно важных целей, не возбуждало такого жадного интереса, как эти дикие и невежественные проповеди, произносившиеся на нелепом жаргоне и с ужасным провинциальным акцентом.

Лучшим способом снискать расположение шотландцев стало бы распространение пресвитерианского культа и церковного устройства по всей Англии, и к этому новшеству вожди народной партии в палате и преданнейшие их сторонники сами чувствовали достаточную склонность. Пуританская партия, чье тайное влияние в королевстве до сих пор неуклонно возрастало, воспользовалась нынешней смутой и начала открыто проповедовать свои принципы, совершая яростные нападения на государственную религию. Преобладание этой секты в парламенте обнаружилось сразу же по нескольким не слишком заметным, но многозначительным признакам. Проповедовать в палате общин поручили Маршаллу и Берджессу, двум пуританским священникам, каковые занимали депутатов своими речами по семи часов кряду[254]. По старому обычаю палата, прежде чем при-

ступить к делам, причащалась; теперь же она постановила в качестве необходимого предварительного условия, что престол следует перенести с восточного конца церкви Св. Маргариты [296] на ее середину[255]. В актах парламента *духовные лорды*, как правило, уже не упоминались, законы издавали теперь именем *короля, лордов и общин*. Клерк верхней палаты [297], оглашая тексты биллей, поворачивался спиной к скамье епископов, и на эту дерзость даже не обратили внимания. А в день, назначенный для торжественного покаяния и поста, светские лорды, вопреки прежнему порядку, заняли места лордов духовных в направлявшейся в церковь процессии, и лорд Спенсер заметил, что день этот, похоже, стал днем покаяния и унижения для одних только прелатов.

НАПАДКИ НА ЕПИСКОПОВ

На каждом заседании палаты общин гремели неистовые речи против епископских посягательств, против Высокой комиссии, против последней конвокации и новых канонов. Политические доктрины, проповедовавшиеся англиканским духовенством, были столь ненавистны всем поклонникам гражданской свободы, что подобную брань никто и не думал обуздывать, и поначалу не было заметно различия между теми, кто желал лишь ограничить чрезмерные притязания иерархии, и теми, кто стремился совершенно уничтожить епископскую юрисдикцию. Поощряемые этой благоприятной видимостью, в разных частях королевства составлялись петиции против церкви. Прозвищем «невежественных и испорченных церковников» клеймили всех без разбора духовных лиц, верных установленному богослужению и церковному устройству, хотя в ту эпоху, как и ныне, англиканское духовенство отличалось, судя по всему, достаточной ученостью и чистотой нравов. Двенадцать священников подали в комитет по делам религии петицию против епископата, подписанную якобы многими сотнями пуритан. Но более всего шума произвела петиция лондонского Сити, требовавшая полного преобразования церковного управления; петиция, к которой было приложено пятнадцать тысяч подписей и которую представил в парламент сам олдермен Пеннингтон[256]. Замечательно, что среди множества осужденных в ней церковных злоупотреблений эти неотесанные блюстители нравов не забыли и о цензурном разрешении на печатание перевода «Искусства любви» [298] Овидия[257].

Несмотря на сочувствие народа, вожди общин решили действовать с осторожностью. Они внесли билль, объявлявший всех духовных лиц неспособными к какой-либо гражданской службе. Епископы, таким образом, должны были лишиться своих мест в палате лордов — мера, весьма выгодная для пылких друзей свободы, с грустью видевших беззаветную преданность этого сословия воле монарха. Но когда билль представили лордам, он был отвергнут значительным большинством[258] — первая неудача

общин и предвестник того, чего им следовало ожидать в будущем от верхней палаты, выгоды и симпатии которой невозможно было совершенно отделить от интересов трона. Чтобы показать, сколь мало они этим обескуражены, пуритане тотчас же внесли другой билль, о полном уничтожении епископата, хотя и сочли нужным не давать ему пока дальнейшего хода в ожидании более благоприятной возможности[259].

Среди других полномочий королевской исполнительной власти, которые беспрестанно присваивали себе общины, следует упомянуть об их распоряжении уничтожить все иконы, престолы и распятия. Сэр Роберт Харли, фанатик, коему поручено было исполнять сей приказ, убрал все кресты даже с улиц и с рынков; из отвращения к этому символу суеверия и идолопоклонства он не терпел, чтобы камни или куски дерева лежали где-либо один на другом под прямым углом[260].

Епископ Или и другие духовные лица подверглись жестоким нападкам по поводу церковных нововведений[261]. Опять досталось Козенсу, давно уже ненавистному общинам. Этот священнослужитель, декан Питерборо, был рьяным защитником установленных обрядов. Мало того что Козенс не дозволял причащающимся разламывать хлеб пальцами, — право, которого упорно добивались пуритане, — он не допускал даже, чтобы причастный хлеб резали обычным домашним инструментом. Сей священный акт надлежало совершать специально освященным ножом, каковой впоследствии уже нельзя было осквернять употреблением для мирских нужд[262].

Козенса обвинили также в том, что он заявил: *У короля не больше власти в делах церкви, чем у мальчика-слуги, который чистит подковы моей лошади*[263]. Выражение слишком сильное; несомненно, однако, что все эти представители высшего клира, столь усердно добивавшиеся покорности мирян, чрезвычайно высоко ценили собственные привилегии и независимость, желая избавить митру от всякого подчинения короне.

Нижняя палата учредила особый следственный комитет по делам духовенства, именовавшийся обычно *комитетом порочных священников*. Политиканы из палаты общин понимали, в какой мере церковная кафедра помогает управлять народом, фанатики были взбешены против прелатов, и те и другие знали, что ни одно установленное правление нельзя свергнуть, строго следуя принципам справедливости, правосудия и милосердия. А потому действия этого знаменитого комитета просуществовавшего несколько лет, отличались крайним произволом и жестокостью и произвели страшные опустошения как в церкви, так и в университетах. Он начал с придирок, преследований и арестов духовных лиц, а кончил конфискациями имущества и отстранениями от должности. Чтобы усугубить жестокость оскорблением, комитет называл этих страдальцев *порочными*, пытаясь сделать их столь же ненавистными для общества, сколь они были несчастными[264]. Однако самыми страшными грехами, в которых можно было упрекнуть большинство из них, являлись поклоны при имени Христа, установка престола в восточной части храма, чтение королевских указов о

воскресных развлечениях и прочие действия, совершение коих строго им предписывалось законными властями, как светскими, так и церковными.

Стоит отметить, что все историки, жившие около этого времени, и, что, пожалуй еще важнее, все авторы, мимоходом упоминавшие об этих событиях, главной причиной гражданских потрясений и смут всегда называют религиозные раздоры, в политических же спорах о власти и свободе видят нечто вполне второстепенное. Конечно, если бы король смог обеспечить нужды управления государством и при этом воздержаться от любых посягательств на права народа, пуритане, вероятно, никогда бы не сумели приобрести столько влияния, чтобы ниспровергнуть всю английскую конституцию, однако даже теперь, когда Карл оказался в полнейшей зависимости, рану еще можно было бы с легкостью исцелить, не будь она отравлена богословской ненавистью. Отказ от созыва парламента, аресты и судебные преследования его членов, корабельные деньги, произвол администрации — все это, разумеется, вызывало громкие жалобы, но более всего парламент и нацию (в особенности последнюю) приводили в ярость другие вещи: стихарь, ограда вокруг алтаря, поклоны при приближении к нему, литургия, несоблюдение субботы, расшитые облачения, рукава из батиста, кольцо при обручении и крест при крещении. Именно из-за них народные вожди готовы были перевернуть вверх дном все государство, и, к великому позору той эпохи и нашего острова, следует признать, что все шотландские и большая часть английских беспорядков проистекали из этих, столь жалких и ничтожных причин[265].

Некоторые особы, неравнодушные к патриотам этой эпохи, отважились поставить их наравне со знаменитейшими мужами древности, упоминая имена Пима, Гемпдена и Вена в одном ряду с Катоном, Брутом и Кассием [299]. Блестящие способности, несгибаемое мужество, величайшая энергия — в этом римляне, пожалуй, и вправду немногим превосходят наши героев, но сколь заметно различие, если принять в расчет их речи, манеры, поступки, весь образ действий как в частной, так и в общественной жизни! Досуг этих славных мужей древности всецело посвящается изучению греческой философии и красноречия, занятиям изящной словесностью и общению с людьми высокой культуры — рассуждения и язык англичан полны самого низкого и пошлого лицемерия и совершенно испорчены невразумительным жаргоном.

Тогдашние законы всячески покровительствовали государственной церкви, но католиков оставляли беззащитными перед дикой яростью пуритан, и эти бедняги, столь ненавистные господствующей секте, не могли надеяться, что их надолго оставят в покое. Добровольные пожертвования, которыми помогли они королю в его войне с шотландскими ковенантерами, стали предметом строгого расследования, и теперь их объявили чудовищным преступлением[266]. По требованию общин все офицеры-католики были удалены из армии, короля просили также конфисковать две трети земельной собственности рекузантов — доля, на которую имел он право по закону, но которую всегда оставлял в их владении, довольствуясь лег-

кими композициями. Общины настойчиво добивались строжайшего исполнения жестоких и кровожадных законов против католических священников, и некоего Гудмана, иезуита, случайно обнаруженного в тюрьме, присудили к смертной казни. Но Карл, действуя в согласии со своими обычными принципами, не подписал приказ о приведении приговора в исполнение, и общины выразили по этому поводу величайшее негодование[267]. Сохранилось поразительное ходатайство самого Гудмана, где он просит, чтобы его повесили, ибо не желает служить источником раздора между королем и народом[268]. Он не был казнен, однако едва ли мужество и великодушие Гудмана могли смягчить столь непримиримую ненависть: скорее, о нем просто забыли среди более важных дел.

Шотландец Кон, а затем итальянец Росетти в течение нескольких лет открыто жили в Лондоне и посещали двор в качестве лиц, исполнявших поручения папы. Причиной этой опрометчивости, весьма оскорбительной для англичан, были католическое усердие королевы и ее влияние на супруга[269]. Но теперь дух фанатизма усилился настолько, что подобные поблажки стали невозможными[270].

Некто Джеймс, католик и сумасшедший, ранил мирового судью (300) Хэйуорда, когда тот исполнял свою должность; злодейство это приписали не безумию, но папизму преступника, после чего нацию и парламент охватила страшная тревога[271]. Подозревали, что паписты уже составили всеобщий заговор, и в течение нескольких дней каждому протестанту мерещился приставленный к горлу кинжал. Некоторые знатные лица все еще сохраняли приверженность католическому суеверию, однако совершенно ясно, что секта эта не составляла и сороковой части нации, а паника по поводу католической опасности, в которую нередко впадали англичане, была следствием не страха, но скорее бешеной злобы и ненависти к этим людям.

Королева-мать Франции, вынужденная из-за дворцовых интриг удалиться в Англию, надеялась найти во владениях дочери и зятя убежище посреди своих невзгод. Но хотя она вела себя самым безобидным образом, лондонская чернь осыпала королеву оскорблениями из-за ее религии и даже грозила чем-то похуже. Граф Голланд, лорд-наместник Миддлсекса, велел приставить к ней для охраны сотню мушкетеров, но, обнаружив, что они уже вполне усвоили предрассудки соотечественников и нести подобную службу не желают, сообщил об этом деле палате лордов, поскольку королевская власть к этому времени утратила всякий авторитет. Он указал, сколь возмутительным является то обстоятельство, что великая государыня, мать короля Франции и королев Англии и Испании, терпит оскорбления от буйной толпы. Он заметил, что нация покроет себя несмываемым позором, если несчастная королева станет жертвой неразумного рвения народа. Он настойчиво твердил о священных правах гостеприимства, которыми должен пользоваться каждый, а тем более — попавшая в беду особа высокого происхождения, столь тесно связанная с Англией. Пэры сочли за благо передать дело общинам, чье влияние на

простой народ было безграничным. Общины согласились, что защитить королеву-мать необходимо, но в то же время выразили желание, чтобы ее попросили оставить Англию, «дабы в сердцах добрых подданных Его Величества утихло недовольство, пробужденное неблагонамеренными лицами, окружающими особу королевы, равно как и множеством католических священников и папистов в ее доме, а также гнусным идолопоклонством мессы и прочих суеверных обрядов и служб римской церкви, каковые совершаются там к великому бесчестью для истинной религии»[272].

В предшествующую часть своего правления Карл надеялся сломить дерзкий и непокорный дух общин упорством и настойчивостью собственных мер, величавым достоинством поведения, а также тем, что пытался поддержать на предельной высоте (и даже, вероятно, превысил, вопреки прецедентам прошлого) полномочия монаршей прерогативы. Убедившись на опыте, сколь неудачным оказался этот образ действий, и видя свое нынешнее бедственное положение, он решил совершенно переменить политику и вернуть доверие народа уступками, мягкостью и полным подчинением его склонностям и предрассудкам. Можно с уверенностью утверждать, что эта новая крайность, в которую впал король по недостатку разумных советов и поддержки, стала не менее опасной для конституции и пагубной для общественного порядка, чем прежняя, в которой он так долго и безуспешно упорствовал.

ПОТОННЫЙ И ПОФУНТОВЫЙ СБОРЫ

Палата общин возобновила свои претензии относительно потонного и пофунтового сборов, теперь уже с полной уверенностью в успехе[273]. Взимание этих пошлин прежним порядком, т. е. без санкции парламента, а тем более произвольное их повышение, являлись вопиющей несообразностью при свободной конституции, где народ, по смыслу своих коренных прав, может облагаться налогами только с собственного согласия, и ревностные защитники свободы не могли ее больше терпеть. А потому они позаботились о том, чтобы во вводной части билля, предоставлявшего королю указанные пошлины, в самых энергичных и недвусмысленных выражениях заявить о своем исключительном праве утверждать эти доходы, лишив корону всяких полномочий присваивать их самовластно. А чтобы поставить монарха в еще большую, а точнее, полную и окончательную зависимость, общины вотировали таможенные пошлины только на два месяца вперед; впоследствии же они время от времени возобновляли это дозволение на весьма непродолжительные сроки[274]. Желая показать, что он уже не строит планов вновь порвать со своим парламентом, Карл утвердил этот важный билль без всяких сомнений и колебаний[275].

ТРЕХГОДИЧНЫЙ БИЛЛЬ

Что же касается билля о созыве парламента каждые три года, то здесь у короля возникли некоторые возражения. Старинный статут, утвержденный при Эдуарде III, предписывал созывать парламент ежегодно, а при необходимости еще чаще; но поскольку точный порядок его исполнения и меры на случай его нарушения предусмотрены не были, то в данном статуте монархи видели лишь общую декларацию и обходили его по своей воле. Бдительные патриоты, взявшие теперь в свои руки бразды правления, исправили этот недостаток. Палата постановила, что если к 3 сентября каждого третьего года канцлер не издаст соответствующий указ (что предписывалось ему под страхом суровых наказаний), то сделать это получают право любые двенадцать пэров; в случае недостатка пэров избирателей должны созвать шерифы, бейлифы[301], мэры и т. д.; в их отсутствие граждане должны собраться сами и приступить к выборам депутатов, как если бы корона уже издала обычным порядком указ о выборах. Кроме того, собравшийся парламент не может быть распущен или отсрочен без его согласия в течение пятидесяти дней. Этот билль ограничивал самые важные и ценные прерогативы короны, но для завершения правильного плана свободного и основанного на законе государственного устройства подобный статут был в высшей степени необходим. В самом деле, следовало ожидать, что король будет созывать парламент с величайшей неохотой, коль скоро это собрание, как это и происходило в последнее время, вменяет себе в обязанность строгий разбор всех частей администрации. Как показал недавний опыт, при долгих перерывах в работе парламента накапливаются, естественно, всевозможные жалобы и злоупотребления, и королю вместе с Тайным советом поневоле пришлось бы осуществлять широкие дискреционные полномочия, в любых затруднительных обстоятельствах прибегая к произвольным актам, дабы возместить отсутствие законодательной власти, орган которой собирался столь случайным и нерегулярным образом. Убедившись, что на меньшее народ и парламент не согласны, Карл наконец утвердил этот билль, вносивший в конституцию столь важные изменения[276]. Обе палаты торжественно благодарили короля, Лондон и вся нация выражали бурную радость, всюду раздавались громкие речи о взаимном доверии и о готовности к ответным услугам. Следует признать, что уступка короля не являлась совершенно добровольной: для этого она была слишком серьезной. Из того факта, что король столь явно подчинился необходимости, его сторонники вправе были сделать только один вывод: Карл вполне определенно избрал новый образ действий и твердо решил завоевать доверие и любовь народа всевозможной уступчивостью.

Карл полагал, что уступки, сделанные обществу в целом, не возымеют важных последствий, если не удовлетворить отдельных лиц, имевших решающее влияние в общественных делах. А потому решено было произ-

вести перемены в составе министров и в политике правительства В один день были приведены к присяге сразу несколько новых членов Тайного совета графы Гертфорд, Бедфорд, Эссекс и Бристол, лорды Сэй [302], Сэвил и Кимболтон [303], вскоре в него вошел и граф Уорик[277] Все эти вельможи принадлежали к народной партии, но впоследствии, когда общины обратились к крайним мерам, некоторые из них выказали себя твердыми защитниками монархии

Епископ Лондонский Джаксон, никогда не домогавшийся жезла лорда-казначея, теперь настойчиво просил дозволения оставить эту должность, чтобы вернуться к заботам о вверенной ему беспокойной епархии Король дал свое согласие, и, что весьма замечательно, в ходе всех строгих расследований поведения министров и прелатов добродетель и благоразумие Джаксона, соединявшего в себе оба эти ненавистные народу звания, ни разу не вызвали сомнений[278] Вначале предполагалось, что Джаксона сменит Бедфорд, человек влиятельный и уважаемый, отличавшийся мудрой умеренностью взглядов, но, к несчастью для короля и народа, как раз в это время граф умер Подыскали должность для Сент-Джона, назначенного генеральным солиситором Голлис должен был стать государственным секретарем вместо бежавшего Уайндбэнка, Пим — канцлером Казначейства вместо подавшего в отставку лорда Коттингтона, лорд Сэй — председателем Суда по делам опеки [304] вместо того же Коттингтона, граф Эссекс — начальником Тауэра, а Гемпден — наставником принца Уэльского[279]

Но осуществлению задуманных перемен препятствовало одно важное обстоятельство нелегко было удовлетворить всех тех, кто, ссылаясь на свою деятельность и авторитет в парламенте, претендовал на высокие должности и по-прежнему имел возможность всячески стеснять и затруднять ход государственных дел Кроме того, их соратники по народной партии, коих король намеревался отличить своими милостями, не желали навлечь на себя упрек в том, что они-де пошли на сделку с монархом, принеся в жертву собственным честолюбивым видам высшие интересы народа А поскольку эти люди понимали, что возвышением своим они обязаны исключительно своему весу и влиянию в парламенте, то большинство из них решили остаться верными этому собранию, дабы содействовать росту его могущества и сохранить в нем собственный авторитет При всяком удобном случае они убеждали короля в одном — всецело довериться своему высшему совету, иными словами, безропотно подчиниться их руководству и влиянию И Карл обнаружил, что все должности и почести, коими он собирался их отличить, отнюдь не доставят ему новых друзей, но лишь дадут его врагам новые возможности причинять ему вред

Впрочем, главное, чего желал добиться король переменами в составе кабинета, было спасти жизнь графу Страффорду, смягчив подобными уступками гнев самых яростных его обвинителей Но блестящие таланты и опытность этого вельможи были общеизвестны, и все новые советники и предполагаемые министры ясно видели, что если в этот раз он избегнет

их мщения, то впоследствии непременно возвратит себе влияние и могущество, смерть графа они считали единственной гарантией как нынешней своей власти, так и успехов в будущих своих предприятиях А потому они вели процесс Страффорда с величайшей энергией и, наконец, после долгих и торжественных приготовлений, приблизили его к финалу

ПРОЦЕСС СТРАФФОРДА

Как только Страффорд был исключен из парламента и брошен в Тауэр, нижняя палата создала комитет из тринадцати своих членов, поручив ему подготовить обвинение против графа Эти люди, вместе с небольшим комитетом палаты лордов, были наделены правом допрашивать всех свидетелей, требовать любые бумаги, употреблять все средства для расследования всех поступков Страффорда[280] После столь тщательного и всеобъемлющего расследования, осуществляемого могущественными и неумолимыми врагами, только чрезвычайно осторожный или совершенно безобидный человек мог бы надеяться на то, что во всей его жизни не отыщется ничего такого, что можно было бы поставить ему в вину

По распоряжению обеих палат члены комитета присягнули держать свою деятельность в тайне — весьма необычная мера, сообщившая им вид скорее заговорщиков, нежели служителей правосудия[281] Эта строгость имела своей целью помешать графу уйти от обвинений и должным образом подготовиться к защите

К королю обратились с просьбой разрешить комитету допрашивать тайных советников на предмет любых мнений, высказывавшихся в ходе их заседаний Карл сделал эту опрометчивую уступку, уничтожившую отныне всякое взаимное доверие среди членов Тайного совета, каждый из которых должен, казалось бы, иметь полное право, не опасаясь будущих кар и расследований, предлагать любые меры, оспаривать любые мнения и поддерживать любые доводы[282].

Сэр Джон Рэдклифф (305), близкий друг и конфидент графа, был обвинен в государственной измене, его срочно вызвали из Ирландии и заключили под стражу. Поскольку никаких конкретных обвинений ему не представили и судебного процесса против него не вели, то самым мягким объяснением этой меры может служить только одно, общины желали лишить попавшего в беду Страффорда помощи его лучшего друга, который имел более всего возможностей доказать невиновность своего покровителя[283]

Когда известия о планах погубить Страффорда достигли Ирландии, тамошняя палата общин, совсем недавно расточавшая похвалы его администрации, всецело присоединилась к заклятым врагам графа и подготовила представление о бедственном состоянии, в котором оказалась якобы их страна из-за его дурного управления Для участия в процессе против

своего несчастного наместника она направила в Лондон особый комитет, и теперь ирландский парламент во всех своих действиях следовал указаниям этого комитета, вступившего в тесный союз с вождями народной партии в Англии. Обвинения в государственной измене, так и не повлекшие за собой судебного разбирательства, были предъявлены сэру Ричарду Болтону, канцлеру, сэру Джорджу Лоутеру, главному судье, и Брамхаллу, епископу Дерри[284]. Этот шаг, в точности соответствовавший действиям английской палаты общин, служил тем же целям: он лишил короля министров, которым тот более всего доверял; запугал и обескуражил остальных членов кабинета и помешал людям, лучше других знакомым с мыслями и поступками Страффорда, представить английскому парламенту какие-либо свидетельства в его пользу.

Епископы, которым старинные каноны запрещали участвовать в уголовных процессах, не желали, кроме того, раздражать палату, уже весьма против них предубежденную, а потому сочли за благо добровольно удалиться[285]. Общины также постановили, что лица, получившие звание пэра совсем недавно, не должны иметь права голоса на этом процессе: обвинение против Страффорда было утверждено тогда, когда они еще являлись членами нижней палаты, что подразумевает якобы их согласие с мнением всех общин Англии. Несмотря на это решение, единственной целью которого было лишить Страффорда помощи его многочисленных друзей, лорд Сеймур и некоторые другие лица по-прежнему занимали свои места в верхней палате, и это их право никем впоследствии не оспаривалось.

Чтобы придать этому важному процессу характер еще более торжественный, в зале Вестминстера, где заседали обе палаты, одна — в качестве обвинителей, другая — в роли судей, воздвигли новые подмостки для публики. Рядом с государственным креслом устроили закрытую ложу для короля и королевы, присутствовавших на всех заседаниях[286].

Обвинение, которое три королевства выдвинули сообща против одного человека, не защищенного собственным влиянием, не имевшего адвокатов, ненавистного властям, обещало, казалось бы, неравный поединок, но этот благородный государственный муж выказал столько твердости, ума и самообладания, что всякий раз, когда речь заходила о законе и разумных доводах, он одерживал полную победу. В конце концов он погиб, раздавленный, но не сломленный открытым беззаконием свирепых и безжалостных врагов.

В обвинительном акте против Страффорда (22 марта) двадцать восемь статей; они относятся к его деятельности в качестве председателя Северного совета, заместителя наместника, а затем наместника Ирландии, а также члена Тайного совета и командующего армией в Англии. Но хотя руководители процесса употребили на составление акта целых четыре месяца, а Страффорду приходилось отвечать без всякой подготовки, из сравнения обвинительных пунктов и ответов на них явствует не только то, что он не виновен в измене, малейших следов которой невозможно обнаружить, но и то, что его действия, подвергнутые столь строгому рас-

ледованию, были (если сделать скидку на естественные человеческие слабости) вполне оправданными и даже похвальными.

Когда Страффорд исполнял должность председателя Северного совета, король своим указом наделил последний невиданными прежде полномочиями, но так как орган этот был впервые учрежден актом монаршей прерогативы, то государи имели обыкновение изменять свои инструкции на его счет, и любые полномочия совета, как самые широкие, так и самые ограниченные, оказывались в равной мере законными. Невозможно также сделать вывод, будто Страффорд пускал в ход какие-либо уловки, чтобы добиться этой обширной власти, ибо после того как его облекли судебными полномочиями, возбудившими столько недовольства, сам он ни разу их не употребил и никогда в совете не председательствовал[287].

Управляя Ирландией, Страффорд в равной степени заботился о выгодах своего монарха и об интересах вверенных его попечению подданных. Он уплатил огромный государственный долг, оставив после себя в казне значительную сумму; доходы, ранее никогда не покрывавшие издержек по управлению, были подняты до их уровня. Постоянную армию, прежде немногочисленную, но буйную, пополнили и приучили к строгой дисциплине, а в помощь королю против шотландских ковенантеров в Ирландии было набрано крупное войско, которому исправно платили жалованье.

Теперь в этой дикой и невежественной стране усердно поощряли трудолюбие и всякого рода мирные занятия; морские перевозки увеличились в сто раз[288], поступления от таможенных пошлин (при прежних тарифах) утроились[289]; вывоз вдвойне превысил ввоз; поощрялось местное производство, особенно льняное[290]; с помощью английских и шотландских поселенцев постепенно развивалось земледелие; протестантскую религию поддерживали, не прибегая к гонениям на католиков и не возбуждая их недовольства.

Страффорд весьма решительно пользовался своей властью, но не напрягал ее пружины сверх меры. Правда, он часто осуществлял дискреционные полномочия: созывал военные суды, ставил на постой солдат, решал дела в совете на основании письменных просьб, издавал собственные прокламации и карал за их нарушение. Но в ту эпоху акты дискреционной власти даже в Англии были обычным явлением. В Ирландии же, среди народа дикого и невежественного, не до конца подчиненного англичанам, враждебного религии и нравам своих завоевателей и готового при любой возможности вновь обратиться к беспорядкам и мятежам, подобного рода власть являлась еще более необходимой. И если обвинители из палаты общин упорно требовали рассматривать поступки губернатора с точки зрения строжайших принципов законности, то сам он постоянно ссылался на образ действий всех прежних ирландских наместников и на железную необходимость, определявшую его поведение.

Страффорд с таким искусством устраивал выборы и играл на интересах местных партий, что сумел побудить ирландский парламент вотировать все меры, необходимые для уплаты старых налогов и содержания

вновь набранной армии, причем ему ни разу не пришлось прибегать к тем незаконным средствам, которые шли в ход в Англии для удовлетворения государственных нужд. Управление его нельзя было обвинить в хищничестве и казнокрадстве. Правда, мы встречаем здесь некоторые надменные выражения и даже самоуправные действия. Наиболее вопиющим и наименее извинительным из всех подобных примеров (собранных общинами с величайшим усердием) является дело лорда Маунтнорриса.

На обеде у лорда-канцлера Лофтуса [306] кто-то рассказал о том, как Аннсли, слуга губернатора, передвигая стул, больно задел ногу своего господина, страдавшего тогда от подагры. *Возможно,* — заметил присутствующий среди гостей Маунтноррис [307], — *это было сделано в отместку за публичное оскорбление, которое нанес ему ранее милорд наместник,* НО У АННСЛИ ЕСТЬ БРАТ, КОТОРЫЙ НЕ СТАЛ БЫ МСТИТЬ ПОДОБНЫМ ОБРАЗОМ. Об этих мимоходом брошенных словах, по-видимому совершенно невинных, или, по крайней мере, не вполне ясных, донесли Страффорду. Сославшись на то, что подобная мысль могла толкнуть Аннсли к иному способу мести, граф велел привлечь офицера Маунтнорриса к военному суду за мятежные и подстрекательские речи против своего начальника. Суд, составленный из высших армейских чинов, счел это преступление заслуживающим казни и приговорил лорда к отсечению головы[291].

Тщетно Страффорд, защищаясь против данной статьи обвинения, ссылался на то, что приговор Маунтноррису был единодушным решением суда, а не актом самого наместника; что сам он не говорил ни с одним из членов трибунала и не подавал свой голос по этому поводу, но присутствовал на прениях с непокрытой головой, в качестве тяжущейся стороны, а затем немедленно удалился, дабы предоставить судьям полную свободу; что, сознавая несправедливость приговора, он добился от Его Величества помилования для Маунтнорриса; что он ни на минуту не оставил этого вельможу в мучительном неведении о его судьбе, но тотчас же объявил ему, что он, Страффорд, скорее даст на отсечение свою правую руку, чем исполнит подобный приговор, и что жизнь его светлости вне всякой опасности. Тщетно друзья Страффорда указывали в его оправдание, что Маунтноррис был человеком весьма скверной репутации, который, не брезгуя самой низкой лестью, заискивал перед всеми наместниками, а затем, когда их отзывали из Ирландии, старался очернить их самой подлой клеветой; и что Страффорд, ожидая подобных действий, прибег к этой мере только для того, чтобы обуздать дерзкого лорда. Эти доводы смягчают его вину, однако у нас остается немало причин думать, что абсолютная и бесконтрольная власть сильно испортила твердый и великодушный характер наместника.

Впоследствии, будучи отозван в Англию, Страффорд обнаружил, что открытый мятеж шотландцев и глухое недовольство англичан произвели столь ужасное расстройство в управлении, что если бы он тогда и вправду советовал королю или осуществлял сам какие-либо незаконные насиль-

ственные меры, то теперь, вероятно, мог бы сослаться в свое оправдание на суровый закон необходимости, который, если необходимость доходит до крайности, уже не терпит никаких сомнений, формальностей и проволочек[292]. В действительности, однако, общинам так и не удалось доказать, что Страффорд совершил какой-либо незаконный поступок или подал злокозненный совет, и вся вина его в этот период сводится к нескольким раздраженным или, самое большее, грубым словам, которые во время тяжелой болезни и в столь отчаянных обстоятельствах сорвались у него с языка.

Если ответы Страффорда оказались в целом столь удовлетворительными, когда он защищался против отдельных статей обвинительного акта, то еще более очевидной была его победа, когда он, сведя воедино все пункты, отверг обвинение в государственной измене — преступление, которое нижняя палата упорно желала вывести из общего анализа его действий. Из всех видов вины английское законодательство с наибольшей тщательностью определило государственную измену, ибо именно в этом отношении более всего требовалось защитить подданных от произвола со стороны короля и его министров. В знаменитом статуте Эдуарда III скрупулезно перечислены все виды государственной измены, а все прочие преступления, ясно в нем не упомянутые, прямо и недвусмысленно исключены из данной рубрики. Что же касается *попытки ниспровергнуть основные законы*, то об этой вине статут о государственной измене хранит полное молчание, а потому произвольно включать его в роковой список как раз и значит ниспровергать всякую законность, извращая, под предлогом защиты свободы, тот самый статут, который из всех актов, принятых когда-либо английским парламентом, в наибольшей степени способен служить ее гарантией.

Открытый общинами новый вид государственной измены совершенно неведом английским законам — точно так же, как и способ доказательства, который использовала палата для того, чтобы приписать эту вину подсудимому. Общины изобрели некий род *совокупных* или *логически выведенных* улик: действия сами по себе совершенно невинные либо незаконные лишь в незначительной степени, будучи сведены воедино, составляют якобы государственную измену, обрекая человека на самые тяжкие кары, предусмотренные законом. Резкое или неосторожное слово, опрометчивый или необдуманный поступок, извращенный двусмысленными толкованиями злобных и пристрастных обвинителей, с легкостью превращаются в страшную вину, и таким образом жизнь и собственность любого англичанина, лишенные защиты правосудия, приносятся в жертву неограниченному произволу и самоуправству.

«Но где же таился этот род вины в течение столь долгого времени? — вопрошал в конце своей речи Страффорд. — Где можно было прятать этот огонь так, чтобы за много веков никто не заметил дыма, пока не вспыхнул он внезапно ярким пламенем, чтобы истребить меня и моих детей? Уж лучше жить без всяких законов и, пользуясь правилами благоразумной осторожности, сообразовывать по мере сил свои поступки с произволом

владыки, чем воображать, будто у нас есть закон, а затем вдруг увидеть, что закон этот карает за действия, предшествовавшие его обнародованию, и судит нас по принципам, о которых до начала суда никто не слыхал! Представьте: мое судно, плывущее по Темзе, разбилось о чей-то якорь. В этом случае, если в предупреждение не были поставлены бакены, противная сторона обязана возместить мне убытки; если же место якоря было обозначено, то уже я сам виноват, на него нарвавшись. Но, скажите на милость, где метка моего преступления? По какому знаку мог я его обнаружить? Он таился глубоко под водой, и никакое человеческое благоразумие, никакая человеческая невинность не могли меня спасти от гибели, которая грозит мне ныне.

Двести сорок лет прошло с тех пор, как понятие государственной измены было с точностью определено, и до меня никому еще не предъявляли столь тяжких обвинений по данному пункту. Все это время, милорды, мы счастливо жили в своей стране; все это время мы пользовались славой за ее пределами, — так удовольствуемся же тем, что оставили нам отцы наши, не будем увлекаться честолюбивым желанием сделаться более сведущими в этом гибельном и смертоносном искусстве! Истинный разум проявят ваши светлости, истинный разум и мудрую заботу о самих себе, о своих потомках и обо всем королевстве, если бросят в огонь эти кровавые и невразумительные тома о мнимых государственных изменах — так, как поступили первые христиане с книгами о хитрых и коварных искусствах, — и обратятся к простым словам статута, который ясно вам скажет, в чем состоит преступление и какого пути надлежит держаться, дабы его не совершить.

Так не станем же, себе на гибель, будить уснувших львов, потрясая этими ветхими протоколами, которые, брошенные и забытые, пролежали столько веков в архивной пыли. Не прибавляйте, милорды, ко всем моим несчастьям еще и это, самое страшное из всех, дабы я — за прочие мои грехи, но отнюдь не за измены! — не оказался тем человеком, из-за которого возникнет прецедент, пагубный для законов и свобод моего отечества.

Господа, меня обвиняющие, говорят и думают, будто они выступают за общественное благо, однако позвольте мне сказать прямо: это я стою за благо общества. Прецеденты вроде тех, которые пытаются они *представить против меня, неизбежно повлекут за собой столько бедствий и* зол, что уже через несколько лет королевство наше окажется в состоянии, описанном в статуте Генриха IV, и никто уже не будет знать, какими правилами надлежит ему руководствоваться в своих словах и делах.

Не ставьте же, милорды, королевских министров перед непреодолимыми препятствиями, не лишайте их возможности с бодрым духом служить монарху и отечеству. Если вы, под страхом столь суровых кар, станете разбирать их действия без всякого снисхождения и до мельчайших подробностей, никто из них не устоит против такого расследования. Общественные дела останутся без всякого попечения, ибо ни один разум-

ный человек, которому есть что терять — честь и состояние, — уже никогда не примет на себя столь опасные труды.

Сегодня, милорды, я занимал внимание ваших светлостей гораздо дольше, чем следовало. Если бы не интерес этих драгоценных залогов, которые оставила мне святая душа, ныне живущая на небесах, я бы никогда этого не сделал. — Тут он указал на своих детей, и слезы прервали его речь. — То, что теряю я, ничего не значит, но сознаюсь всем, милорды; мысль о том, что им суждено пострадать из-за моей неосторожности, причиняет мне глубочайшую скорбь. Ради Бога, простите мне мою слабость; я хотел сказать вам что-то еще, но, кажется, я уже не в силах говорить, оставим же это.

Теперь, милорды, я скажу о другом. Благодаря милости Господа нашего я уже достаточно постиг, сколь тщетны все радости мира сего рядом с жизнью вечной. А потому, милорды, да, именно потому, с полным смирением и совершенным душевным спокойствием, искренне и добровольно, принимаю я ваше решение, и что бы ни принес мне справедливый приговор — жизнь или смерть, я, полный веры и благодарности, предаю себя в руки великого Творца моего бытия»[293].

Несомненно, — пишет со свойственной ему прямотой Уайтлок[294], — *никто и никогда не играл подобную роль на подобном театре с такой твердостью и рассудительностью, с таким мужеством, красноречием и самообладанием, с таким благородством во всех словах и поступках, как этот выдающийся муж, и все, кто его слушал (за исключением очень немногих) почувствовали в своих сердцах жалость и сострадание.* Интересно, что выразившийся подобным образом историк был не кто иной, как председатель того самого комитета, который руководил процессом против несчастного министра.

Обвинение и защита продолжались восемнадцать дней. Члены палаты общин, распределив между собой отдельные статьи, нападали на подсудимого, употребляя всю силу своей власти, всю ярость своего красноречия, все преимущества долгой и тщательной подготовки. Страффорд же о своих заклятых врагах — нижней палате, шотландцах и ирландском парламенте — вынужден был говорить сдержанно и почтительно. Чтобы собраться с мыслями для ответа на каждый пункт обвинения, граф почти не имел времени. И однако он один, без всякой помощи, сочетая скромность и смирение с твердостью и энергией, защищался столь успешно, что общины убедились в полной невозможности добиться приговора законным путем.

Но смерть Страффорда являлась слишком важной целью для этой партии, и последняя не могла оставить неиспробованным ни одного средства, пусть даже самого необычного. Страффорд обладал громадными способностями и огромным авторитетом, а кроме того он ранее сам угрожал некоторым вождям народной партии обвинением перед лордами, и если бы общины не опередили его с собственным импичментом, он, вероятно, в тот же день обвинил бы Пима, Гемпдена и других в государственной из-

мене за то, что они призывали шотландцев к вторжению в Англию. А потому по окончании описанных выше прений в нижнюю палату был немедленно внесен билль об опале, а в качестве предварительного шага, дабы устранить все сомнения относительно столь необычной и незаконной процедуры, в палату было представлено еще одно доказательство вины графа.

Сэр Генри Вен, государственный секретарь, сделал записи дебатов в Тайном совете, имевших место после роспуска последнего парламента; некоторое время спустя, находясь вдали от Лондона, он якобы отправил ключи от своего кабинета сыну, сэру Генри, чтобы тот мог отыскать в нем какие-то бумаги, необходимые для заключения брачного договора. Вен-младший, случайно обнаружив отцовские записи, счел их чрезвычайно важными и немедленно передал Пиму, который и обнародовал их теперь в палате общин. Перед Тайным советом стоял тогда вопрос: *Какую войну, наступательную или оборонительную, следует вести против шотландцев?* Король высказал свои сомнения: «Как могу я начинать поступательную войну, не располагая более средствами?» Страффорд же якобы дал ему следующий ответ: «Сделайте заем в 100 000 фунтов в Сити и решительно продолжайте сбор корабельных денег. Ваше Величество уже убедились в истинных чувствах своего народа — теперь вы свободны от обязательства подчиняться любым законам правления и вправе совершить все, что позволит вам сделать ваша власть. Ваше Величество уже испробовали все возможные средства и потому чисты перед Богом и людьми. К тому же у вас есть армия в Ирландии, которую вы можете использовать, дабы привести к повиновению ЭТО королевство, ибо шотландцы, как я убежден, не продержатся и пяти месяцев». Далее следовали столь же решительные советы Лода и Коттингтона, сводившиеся к тому, что король теперь свободен от любых законов правления[295].

Как утверждалось в палате, эти записи, вместе со всеми обстоятельствами их открытия и передачи, имели силу двух свидетельских показаний, являясь неопровержимым доказательством пагубных советов Страффорда, *клонившихся к ниспровержению законов и конституции*. Страффорд и его друзья отвечали на это, что Вен-старший является его старинным открытым врагом; что если государственный секретарь, что более чем вероятно, сам вручил сыну эти записи для последующей передачи Пиму, то это было вопиющим нарушением клятвы, делающим любые слова Вена совершенно недостойными доверия; что поначалу показания государственного секретаря отличались чрезвычайной двусмысленностью: на двух первых допросах он не вспомнил об этих словах Страффорда и даже в третий раз свидетельства его не были определенными, а сводились лишь к тому, что Страффорд, кажется, сказал: «это или что-то в подобном роде»; между тем слова могут быть весьма близкими по звучанию, но совершенно различными по смыслу, и человеческая жизнь не должна зависеть от грамматического истолкования случайной фразы, тем более такой, которую человек произнес необдуманно, без всякого размышления, и которая впоследствии, пусть даже самое короткое время, храни-

лась в ненадежной памяти слушателя. Поставьте, например, в данном случае вместо *это королевство — то королевство* (изменение едва заметное!) и речь графа будет относиться единственно лишь к Шотландии, не заключая в себе никаких мыслей, недостойных члена английского Тайного совета. Но даже если оставить эту фразу в прежнем виде, слова *это королевство* вполне можно понять как относящиеся к Шотландии: ведь только об этом королевстве шла речь, только оно нарушило тогда долг верности и могло быть *приведено к повиновению*. Можно даже доказать как свидетельствами королевских министров, так и общеизвестным расположением военных сил, что ирландскую армию предполагалось высадить не в Англии, но именно в Шотландии. Кроме того, из шести присутствовавших на заседании совета членов Лод и Уайндбэнк не могли дать теперь показаний, а Нортумберленд, Гамильтон, Коттингтон и Джаксон не в состоянии припомнить подобные слова, — между тем предложение Страффорда было слишком неожиданным, чтобы о нем можно было так легко забыть. Далее, совершенно немыслимо, чтобы столь крайняя мера была открыто предложена на заседании совета и в присутствии Нортумберленда, знатного вельможи, чья преданность двору была гораздо слабее его связей с нацией. И хотя Нортумберленд — и только он один! — припомнил какие-то слова вроде *свободы от обязательства подчиниться любым законам правления*, однако в той отчаянной крайности, в которой оказались тогда король и королевство, подобную мысль, если допустить, что Страффорд действительно ее высказал, можно было оправдать, исходя из самых благоприятных для закона и свободы принципов. И наконец, нет ничего более несправедливого, чем строить процесс о государственной измене на простом мнении, предложенном в заседании совета, — там, где должна дозволяться полная свобода дискуссий и где члены его, желая всего лишь выяснить суждения присутствующих, нередко вносят предложения, весьма далекие от своих собственных истинных мыслей и планов[296].

БИЛЛЬ ОБ ОПАЛЕ

Представленные государственным секретарем Веном улики, хотя и опровергавшиеся столь неоспоримыми доводами, явились главной причиной печальной судьбы Страффорда: общины приняли билль об опале при всего лишь 59 голосах против. Оставались, однако, еще две ветви законодательной власти, чье согласие было необходимо, — король и лорды — и легко было представить, что, если им позволят решать свободно, они отвергнут билль без всяких колебаний. Чтобы преодолеть это препятствие, народные вожди употребили особые средства, коими они были обязаны отчасти собственной ловкости, а отчасти — неосторожности своих противников.

В следующее же воскресенье после утверждения билля общинами с пуританских кафедр понеслись грозные речи о необходимости свершить суд над главными делинквентами[297]. Лондонская чернь заволновалась. Шеститысячная толпа, вооруженная шпагами и дубинами, окружила парламент[298]. Афиши с именами 59 коммонеров, голосовавших против билля, были прибиты к стенам домов с надписью: *Вот страффордисты, изменники отечеству*. Со стороны буйного простонародья эти люди подвергались всевозможным оскорблениям. Когда мимо проходил кто-нибудь из лордов, звучали громкие крики: «Правосудия!»; те же, кого подозревали в дружеских чувствах к ненавистному министру, непременно сталкивались с угрозами, которые сопровождались явными признаками того, что разъяренная чернь готова к самым безумным выходкам[299].

Когда лорды пожаловались нижней палате на эти беспорядки как на вопиющее нарушение парламентской привилегии, вожди общин своим подчеркнутым хладнокровием и равнодушием показали, что буйства толпы не вызывают у них особого неудовольствия[300]. Но еще сильнее разожгло всеобщие страсти новое открытие, сделанное около этого времени.

Несколько высших офицеров — Перси, Джермин, О'Нил, Горинг, Уилмот, Поллард, Эшбернем[(308)], — движимые преданностью к двору и ненавистью к парламенту, задумали привлечь на сторону короля английскую армию, недовольную, как они замечали, теми знаками предпочтения, которые общины выказывали шотландцам. С этой целью они заключили союз, поклялись держать свои планы в тайне и вступили в тесную связь с некоторыми из слуг короля. Решено было составить петицию к королю и парламенту, которую должна была подписать армия. Авторы петиции говорили о громадных и беспримерных уступках, сделанных королем ради сохранения общественного порядка и свободы, о бесконечных домогательствах беспокойных и ненасытных умов, коих способно удовлетворить лишь полное ниспровержение старинной конституции, о поощряемых этими злобными интригами буйствах и мятежах, ставящих под угрозу свободу заседаний парламента. Желая остановить подобные бесчинства, армия выказывала готовность явиться в Лондон и взять это собрание под свою охрану. «Таким образом, — заключали авторы, — нация не только получит защиту от прежних нововведений, но и будет спасена от тех, которые угрожают ей в будущем и которые способны повлечь за собой следствия еще более опасные»[301]. Когда проект петиции был доставлен королю, его убедили, и не совсем благоразумно, скрепить ее в знак одобрения собственной подписью. Но из-за различных затруднений план этот был отложен за два месяца до того, как о нем узнала публика.

Вождям народной партии открыл тайну Горинг. Легко представить, какую тревогу возбудила эта новость. Петиции военных властей гражданским, в которых всегда видят плохо замаскированные или даже прямые приказы, сильно отличаются по своей природе от петиций, подаваемых людьми любого иного звания. Пим рассказал обо всем в палате[302]. При первом же известии о разоблачении Перси скрылся, а Джермин бежал на

континент. Это еще более усилило подозрения об опасном заговоре. Горинг дал показания в нижней палате, Перси написал письмо своему брату Нортумберленду, где открыл бóльшую часть подробностей плана офицеров[303]. Их свидетельства совпадают в том, что касается клятвы о сохранении тайны; а поскольку Поллард, Эшбернем и Уилмот отрицали на допросах данный пункт, то в нем усмотрели новое доказательство того, что заговорщики действительно решились на какие-то отчаянные меры.

Чтобы быстрее распространить в народе ужас и возмущение этим заговором, нижняя палата вотировала протестацию, которую должны были подписать все ее члены. Затем протестацию направили в верхнюю палату, и все лорды, за исключением Саутгемптона и Робартса, ее подписали. Собственной властью общины постановили, что вся нация обязана ее одобрить. Данная протестация, сама по себе вполне безобидная и даже пустячная, не содержала ничего, кроме общих деклараций о том, что подписавшие ее лица будут защищать свободы и религию Англии[304]. Но она усиливала всеобщий страх и давала понять (о чем более ясно говорилась в преамбуле), что этим благам угрожает теперь величайшая опасность.

Каждый день приносил тревожные слухи о новых кознях и интригах[305]: в Ланкашире якобы толпами собираются паписты; в Серрее они устраивают тайные сходки в пещерах и подземельях; в Лондоне составлен заговор с целью взорвать Темзу и затопить Сити[306]; за границей враги закупают оружие; то ли Франция, то ли Дания строят коварные замыслы против Англии — и простой народ, который всегда страшат настоящие опасности и приводят в ярость будущие, еще решительнее требовал казни несчастного Страффорда.

Между тем король явился в палату лордов и сообщил о своем решении (за которое готов был представить любое ручательство) впредь не давать Страффорду никакой государственной должности, но при этом он прямо сказал, что совершенно не согласен с пунктом о государственной измене и потому не может утвердить билль об опале[307]. Рассерженные общины тотчас же постановили, что король, высказывая свое мнение о каком-либо билле, все еще находящемся на рассмотрении палат, нарушает парламентскую привилегию. Карл не понимал, что его привязанность к Страффорду и была главной причиной билля: чем явственнее обнаруживал он свое беспокойство о судьбе этого министра, тем более неизбежной делал его гибель.

Около восьмидесяти пэров постоянно посещали процесс Страффорда, но уличные беспорядки вызвали столько опасений, что когда билль об опале был внесен в верхнюю палату, там присутствовало всего лишь сорок пять членов. Тем не менее одиннадцать из них имели мужество проголосовать против[308] — ясное доказательство того, что если бы лорды не испытывали никакого давления, билль об опале был бы отвергнут значительным большинством.

Внося билль в палату лордов, Сент-Джон, генеральный солиситор, высказал две мысли, вполне соответствовавшие бешеной злобе тех вре-

мен: во-первых, хотя свидетельства против Страффорда и не являются совершенно бесспорными, для принятия билля об опале достаточно внутреннего убеждения каждого отдельного члена палаты, пусть и не подкрепленного формальными уликами; и во-вторых, граф не вправе апеллировать к закону, ибо он сам разрушил всякую законность. «Да, — добавил Сент-Джон, — закон берет под свою защиту зайцев и оленей, ибо на этих животных мы охотимся, но ведь никто и никогда не считал жестоким или несправедливым убивать при первой возможности волков и лисиц, ибо это хищные звери»[309].

Когда бесчинства толпы сломили сопротивление лордов, те же самые средства были пущены в ход для того, чтобы вырвать согласие короля. Чернь окружила Уайтхолл, сопровождая требования казни шумными криками и прямыми угрозами. Вновь стали распространяться слухи о заговорах против парламента, всюду твердили о мятежах и об иностранных вторжениях, вся нация пришла в состояние крайнего возбуждения, грозившего каким-то страшным и неминуемым взрывом. Куда бы ни обращал взоры король, он нигде не находил помощи и поддержки. Его слуги, больше заботясь о собственной безопасности, нежели о чести своего господина, не желали вмешиваться со своими советами в спор между монархом и парламентом. Королева, устрашенная столь грозной опасностью и никогда не любившая Страффорда, со слезами на глазах умоляла супруга удовлетворить это требование народа, которое, как тогда надеялись, будет последним. И только Джаксон, чье мужество не уступало прочим добродетелям, осмелился посоветовать Карлу ни в коем случае не утверждать билль, если это противоречит голосу его совести[310].

Узнав о тревогах и колебаниях Карла, Страффорд предпринял совершенно неожиданный шаг: он написал письмо, в котором умолял короля во имя общественного мира положить предел его, Страффорда, несчастной, хотя и невинной жизни, и успокоить мятежный народ, дав ему то, чего он так упорно добивается[311]. «В этом, — добавил Страффорд, — мое согласие оправдает вас перед Богом лучше, чем любые иные меры, ибо нельзя назвать несправедливым действие, коль скоро человек подвергается ему добровольно. И если моя душа, уже готовая оставить мир, по благодати Господа нашего с кротостью, смирением и несказанной радостью прощает всех, то в руки Вашего Величества, с искренней благодарностью за чрезмерные ваши милости, могу я теперь предать мою земную жизнь». Возможно, Страффорд надеялся, что этот необычный пример великодушия побудит короля защищать его еще энергичнее; возможно, он уже счел себя погибшим и, оказавшись в полной власти своих врагов и видя, что комендант Тауэра Балфур [309] предан народной партии[312], совершенно потерял надежду избежать множества опасностей, окружавших его со всех сторон. Мы, вероятно, могли бы объяснить этот поступок благородным порывом бескорыстия, достойным великой души Страффорда, если бы предложенная им мера, тотчас же принесшая гибель ему самому, не оказалась впоследствии столь же пагубной и для его господина[313].

После долгих и мучительных сомнений Карл, наконец, позволил комиссии из четырех вельмож объявить от его имени королевскую санкцию на билль — утешая себя, вероятно, в этом крайнем бедствии мыслью, что поскольку сам он не желал этого акта и рука его непосредственно к нему не причастна, то теперь он свободен от всякой связанной с ним вины. Тех же лиц он уполномочил объявить свое согласие на билль, делавший нынешний парламент нераспускаемым.

Общины, скорее из хитрости, нежели по необходимости, платили жалованье обеим армиям, занимая деньги в Сити; возвращали же они эти займы через собираемые с народа налоги. Граждане Сити, то ли по собственной инициативе, то ли по чьим-то наущениям, стали вдруг тянуть с очередным займом. «Мы бы доверились парламенту без всяких колебаний, — говорили они, — если бы твердо знали, что он будет заседать до тех пор, пока не вернет нам долг. Но какие же гарантии можем мы иметь при нынешнем неопределенном положении вещей?» И вот под предлогом устранения этого препятствия в нижнюю палату был неожиданно внесен и с необыкновенной быстротой единодушно принят билль о том, что настоящий парламент не может быть распущен или отсрочен без собственного его согласия. Столь же спешно его провели через палату лордов и тотчас же представили на одобрение королю. Карл, мучимый скорбью, стыдом и угрызениями совести из-за приговора Страффороду, не понял, что новый билль будет иметь еще более роковые последствия для его власти и увековечит мощь его врагов, уже ставшую неодолимой[314]. По сравнению с биллем об опале, где король считал себя соучастником в убийстве друга, эта уступка представлялась ему совершенно незначительной[315], — обстоятельство, которое доказывает чистоту его сердца и благородство души, пусть даже оно и заставляет нас не слишком высоко ценить силу и проницательность его ума. Хорошо известно, что муки совести из-за согласия на казнь Страффорда преследовали этого несчастного государя до конца дней, и даже в его собственный последний час сознание вины вместе с глубочайшей скорбью и раскаянием не покидали его. Все так ясно видели, сколь немыслимому давлению подвергся в данном случае Карл, что его репутация и авторитет не претерпели большого ущерба из-за этого злосчастного поступка, и хотя король оставил в беде своего лучшего друга, он смог до известной степени сохранить преданность всех своих сторонников.

Король отправил государственного секретаря Карлтона сообщить Страффорду об окончательном решении, которое заставила его принять жестокая необходимость. Казалось, граф удивился; резко поднявшись, он громко произнес слова Писания: *Не уповайте на князей и на сынов человеческих, ибо нет в них спасения*[316]. Вскоре, однако, он вполне овладел собой и начал готовиться к своему последнему часу. На это ему оставили только три дня. Между тем король сделал еще одну попытку спасти Страффорда и через принца Уэльского послал лордам письмо, в котором умолял их обсудить с общинами вопрос о смягчении приговора или хотя бы о его отсрочке. В обеих просьбах ему было отказано[317].

КАЗНЬ СТРАФФОРДА

На пути к Тауэр-хиллу, где был воздвигнут эшафот, Страффорд остановился под окнами Лода, своего давнего близкого друга, и попросил епископа помолиться за него в приближающиеся ужасные минуты. Престарелый прелат залился слезами; дрожащим голосом он нежно благословил уходящего навсегда друга и упал без чувств[318]. Страффорд — а он и здесь был выше судьбы — шел спокойно, с радостным выражением лица, являя всем своим видом даже больше гордости и достоинства, чем прежде. Он был лишен обычного утешения тех, кто падает под ударами злобы и несправедливости: его не поддерживали ни собственная слава, ни сострадание и любовь окружающих. И однако его дух, бодрый и бесстрашный, нашел силы в себе самом и, посреди ужасов смерти и ликующих возгласов неразумных врагов, сумел сохранить несокрушимую твердость. Последние слова Страффорда были исполнены мужества и благородного величия: «Задуманная вами государственная реформа началась пролитием невинной крови — боюсь, это дурное для нее предзнаменование». Попрощавшись в последний раз с братом и друзьями, послав свое благословение тем родственникам, которых в ту минуту не было с ним, он сказал: «Теперь мой конец близок! Один удар топора сделает мою жену вдовой, милых детей — сиротами, лишит моих бедных слуг доброго господина, разлучит меня с любящими братом и друзьями. Но да будет Господь с вами и со всеми ими!» Перед самой казнью, уже приготовившись снять одежду, Страффорд произнес: «Благодарю Бога за то, что не боюсь смерти и не чувствую страха. И сейчас я опускаю свою голову на плаху так же бодро и спокойно, как делал это всякий день, отходя ко сну!» Одним ударом топора палач положил конец его жизни[319].

Так, в возрасте сорока восьми лет, умер граф Страффорд, один из самых выдающихся мужей, когда-либо являвшихся в истории Англии. И хотя англичане громко требовали его смерти, видя в ней акт правосудия и расплату за многочисленные посягательства на конституцию, можно с уверенностью утверждать, что приговор, жертвой которого он пал, был более страшным преступлением, чем самое громадное из тех, за которые с таким безжалостным усердием преследовали Страффорда его заклятые враги. Обезумевший от ярости народ грубо ошибся, обратив свой гнев против Страффорда. Все крайние обстоятельства или, лучше сказать, все затруднения, побудившие короля прибегнуть к насильственным мерам для сбора налогов, явились следствием политики, предшествовавшей возвышению Страффорда, и если они стали результатом дурного управления, то, во всяком случае, никакой вины самого Страффорда в этом не было. Даже те незаконные средства, которые и вызвали шумные крики о ниспровержении конституции, шли в ход, насколько можно судить, помимо его советов и без его поддержки. И какие бы советы ни давал Страффорд тайно и частным образом[320], в присутствии короля, публично и мно-

го раз, он упорно проповедовал следующий спасительный принцип: если какая-либо неизбежная необходимость все же заставляет монарха нарушить закон, то к подобному произволу нужно обращаться с величайшей сдержанностью и осторожностью, а затем как можно скорее возместить ущерб, который могли причинить конституции эти опасные прецеденты[321].

Первый парламент Реставрации (310) отменил осудивший Страффорда билль, и даже сам Долгий парламент, как будто чувствуя всю несправедливость этого процесса, уже через несколько дней после казни графа смягчил самые суровые последствия, которые имел этот приговор для его детей.

Тщетными были надежды Карла на то, что в ответ на столь многочисленные доказательства его безграничной уступчивости парламент, наконец, проявит известную снисходительность и всерьез войдет в его положение, чего так упорно добивался король, всячески обхаживая парламент, жертвуя собственной властью и жизнью своего друга. Все его уступки были отравлены подозрениями в двоедушии, а предполагаемый замысел натравить армию на парламент послужил для многих их подтверждением. Когда все вокруг, казалось, предали короля или интриговали против него, для Карла было вполне естественно искать какой-то помощи — к этому, вероятно, и сводился план относительно армии, так и оставшийся в зародыше. Однако вожди народной партии по-прежнему твердили о существовании ужасного заговора с целью вызвать армию в Лондон немедленно; заговора, к которому король, судя по свидетельствам Перси, был непричастен и который близость шотландских войск делала совершенно неисполнимым[322]. Но с помощью этих подозрений в стране поддерживался прежний дух злобы и непримиримости, и общины, нисколько не удовлетворив короля в вопросе о его доходах, с величайшей энергией возобновили нападения на его ставшую теперь беззащитной прерогативу[323].

ВЫСОКАЯ КОМИССИЯ И ЗВЕЗДНАЯ ПАЛАТА УПРАЗДНЕНЫ

Господствующими страстями этого парламента были пылкое стремление к свободе и ненависть к государственной церкви, и ничто не могло казаться более несовместимым с ними, чем существование суда Высокой комиссии, призванного защищать официальное церковное устройство и действовавшего совершенно произвольным образом. Звездная палата также представляла собой орган с огромными дискреционными полномочиями, причем не существовало никаких точных правил или границ относительно подпадавших под его юрисдикцию дел или выносимых им приговоров. Парламент единодушно принял билль, упраздняющий эти суды, а вместе с ними — самые важные и опасные статьи королевской прерогати-

вы Тот же билль определил сферу компетенции Тайного совета и ограничил его власть[324] Прежде чем изъявить свое согласие, Карл некоторое время колебался, но, обнаружив, что он зашел слишком далеко, чтобы отступать, и что в случае разрыва с парламентом он останется без средств, в конце концов утвердил этот превосходный билль Желая, однако, показать парламенту, что он отлично осознает важность своей уступки, король заявил, что данный статут вносит существенные изменения в основные законы государства, как гражданские, так и церковные, принятые его предшественниками на английском троне[325].

Упразднение Звездной палаты косвенным образом лишало короля возможности принуждать народ к повиновению через прокламации, и когда этот важный пункт монаршей прерогативы и грозный символ деспотической власти, несовместимый с ограниченной монархией, был наконец уничтожен, система правления стала более стройной и единообразной. Прежде лишь Звездная палата карала за нарушение королевских указов, но поскольку теперь в стране остался только один Верховный суд — тот, который заседал в Вестминстере и занимался единственно лишь делами общего и статутного права, то король мог и далее издавать свои прокламации, однако никто уже не обязан был им повиноваться. Следует все же признать, что парламент в данном случае пошел на весьма смелый и рискованный шаг. В ту эпоху нигде в мире не было правления (и, вероятно, ничего подобного нельзя найти ни в каких летописях истории), которое существовало бы без примеси деспотической, произвольной власти, переданной какому-то должностному лицу, и можно было заранее и не без разумных причин усомниться в том, способно ли человеческое общество достичь когда-либо такой степени совершенства, чтобы для его сохранения уже не требовалось никаких иных сдержек, кроме всеобщих норм законности и справедливости. Парламент, однако, верно рассудил, что король — это слишком выдающийся по своему положению магистрат, чтобы вверять ему дискреционные полномочия, которые он мог бы легко использовать для уничтожения свободы. События же, вплоть до нашего времени, доказывают, что хотя строжайшее следование закону и влечет за собой чувствительные неудобства, однако соответствующие преимущества перевешивают их, и потому англичане должны благодарить своих предков, которые после долгой борьбы установили этот благородный, хотя и рискованный принцип.

По просьбе парламента Карл пожаловал всем судьям патенты не на «срок, угодный королю», но «пока они будут себя хорошо вести»[326], — обстоятельство, чрезвычайно важное для обеспечения их независимости и исключавшее произвольное вмешательство властей в обычное судопроизводство

Было решено, что полномочия Маршальского суда, занимавшегося делами об оскорблениях, в недостаточной степени определены законом, по этой причине он также был упразднен[327]. Подобная же судьба и на том же основании постигла и суды оловянных рудников, разбиравшие дела

горнорабочих. Те же принципы привели к уничтожению Северного совета и Совета Уэльса. Полномочия «смотрителей рынка», которые осуществляли общий надзор над правильностью мер и весов по всему королевству, перешли к мэрам, шерифам и обычным должностным лицам.

В целом же, если мы бросим общий взгляд на деятельность этого знаменитого парламента в начальный период его заседаний, то увидим, что, исключая осуждение Страффорда, ставшее следствием жестокой и вопиющей несправедливости, его заслуги в прочих отношениях настолько превосходят его ошибки, что дают ему полное право на похвалу со стороны всех друзей свободы. Он не только покончил со старыми злоупотреблениями и удовлетворил прежние жалобы, но и принял законодательные меры для того, чтобы поводы для подобного недовольства не возникали в будущем. Если же средства, благодаря коим эти успехи были достигнуты, часто попахивают хитростью, а иногда — насилием, то следует учесть, что революцию в образе правления невозможно произвести одними лишь речами и разумными доводами и что после того как дух раздора уже возник, люди бывают бессильны совладать как с собственными, так и с чужими страстями настолько, чтобы гарантировать себя от любых крайностей и безрассудств.

ПОЕЗДКА КОРОЛЯ В ШОТЛАНДИЮ. 8 АВГУСТА

Между тем в работе парламента наступил перерыв. Ранее король обещал своим шотландским подданным посетить их этим летом, чтобы привести в порядок управление страной, и хотя английский парламент весьма настойчиво добивался от короля отказа от этого путешествия, ему удалось лишь несколько его отсрочить. А так как по пути король должен был проследовать через расположение обеих армий, то общины, питавшие на сей счет величайшие подозрения, делали теперь все, чтобы ускорить роспуск войск, как прежде всячески стремились его затянуть. Задолженность шотландцам была уплачена полностью, англичанам — частично. Шотландцы вернулись домой, английскую же армию рассредоточили по разным графствам, а затем распустили.

После этого (9 сентября) в работе парламента был объявлен перерыв до 20 октября и — неслыханная прежде вещь — на время каникул назначен был комитет обеих палат, облеченный обширными полномочиями[328].

Председателем в комитете нижней палаты стал Пим. Еще до объявления вакаций парламент и даже сами по себе общины делали новые попытки присвоить права верховной исполнительной власти и публиковать вместо законов собственные, как они их называли, «ордонансы». Вновь избранный комитет, со своей стороны, готов был последовать их примеру.

Небольшому комитету обеих палат было поручено сопровождать короля в Шотландию — с тем чтобы, как утверждалось, следить за исполне-

нием условий мира, а в действительности для того, чтобы шпионить за королем и, принизив авторитет власти Его Величества, еще шире распространить мысль о верховенстве парламента. Членами его стали граф Бедфорд, лорд Говард, сэр Филипп Степлтон, сэр Уильям Эрмин [312], Финнз и Гемпден[329].

Перед отъездом Карла были сделаны попытки добиться назначения регента с правом утверждать законы, не обращаясь к королю, — так мало уважали теперь власть монарха и конституцию королевства.

Среди множества разнообразных событий, происходивших в тот период, мы чуть было не забыли о браке принцессы Марии с Вильгельмом, принцем Оранским. Прежде чем заключить этот союз, король уведомил о своих намерениях парламент, который встретил его план с одобрением[330]. Так завязались родственные связи английской правящей династии с фамилией Оранских, связи, которые в дальнейшем повлекли за собой чрезвычайно важные последствия как для Англии, так и для дома Стюартов.

Глава XI

Умиротворение в Шотландии. — Заговор в Ирландии. — Католическое восстание и резня протестантов. — Возобновление заседаний английского парламента. — Великая ремонстрация. — Аргументы сторон. — Нижняя палата обвиняет епископов. — Обвинение пяти членов парламента королем. — Беспорядки. — Король покидает Лондон. — Король прибывает в Йорк. — Приготовления к гражданской войне.

Шотландцы, которые начали эту роковую смуту, полагали теперь, что столь рискованное предприятие им удалось завершить к великой своей выгоде и славе. В самом деле, английский парламент не только ассигновал значительную сумму на оплату удобных квартир для их армии в течение года, но и преподнес им 300 000 фунтов в благодарность за братскую помощь[1]. В статьях же мирного договора было объявлено, что шотландцы всегда оставались добрыми подданными короля, а их походы в Англию получили официальное одобрение как предприятия, задуманные и совершенные ради пользы и славы Его Величества. Чтобы еще сильнее подчеркнуть торжество над своим государем, шотландский парламент постановил, что условия мира, столь позорные для монарха, должны быть оглашены во всех церквах в день благодарственного молебна, назначенный для всеобщего примирения[2]. Король, кроме того, соглашался удовлетворить все их требования касательно ограничений прерогативы, наконец, — и этот успех они ставили выше всех прочих, — шотландцы, казалось, были близки к тому, чтобы навязать пресвитерианское церковное устройство Англии и Ирландии, воспользовавшись семенами посеянных ими ранее религиозных принципов. Никогда так не ликовали утонченные Афины, распространяя науки и свободные искусства в диком и необразованном мире, никогда так не радовался великодушный Рим, утверждая закон и порядок победоносным своим оружием, как торжествовали ныне шотландцы, видя, что им удалось заразить соседние народы своим варварским пылом и богословским рвением.

УМИРОТВОРЕНИЕ В ШОТЛАНДИИ

Карл, лишенный в Англии значительной части прежних своих полномочий и опасавшийся новых посягательств, прибыл в Шотландию (14 августа) с намерением почти совершенно отречься от той малой доли власти, которая еще оставалась у него *там*, и, если это будет возможно, полностью удовлетворить требования своих беспокойных шотландских подданных.

С давних пор частью шотландского парламента были лорды статей. Назначались они следующим образом. Светские лорды избирали 8 епископов, епископы — 8 светских лордов, эти 16 лиц назначали 8 комиссаров графств и 8 членов парламента от городов, и без согласия этих 32 человек, именовавшихся лордами статей, ни одно предложение не могло быть внесено в парламент. Епископы были всецело преданы двору, а потому ясно, что все законы статей неизбежным образом зависели от сделанных королем назначений, и государь, помимо права вето, которым он мог воспользоваться после прохождения биллей через парламент, имел косвенную возможность употребить его еще до их обсуждения — прерогатива еще более важная. Теперь же, когда скамья епископов была уничтожена, парламент воспользовался удобным случаем и совершенно упразднил лордов статей, и лишь после того как он добился этого важного успеха, шотландская нация, строго говоря, и получила действительную свободу[3].

Замечательно, однако, что, несмотря на это учреждение, не имевшее какого-либо соответствия в Англии, королевская власть в Шотландии всегда считалась гораздо более слабой. В качестве одной из выгод, которые следует ожидать от унии двух королевств, Бэкон представляет то обстоятельство, что чрезмерная прерогатива английского короля будет уменьшена по примеру Шотландии, тогда как слишком узкая прерогатива шотландского короля увеличится в подражание английским порядкам. Англичане в ту эпоху были народом цивилизованным и законопослушным; для шотландцев же не имело особой важности, как создаются в их стране законы или кем они утверждаются, поскольку буйная шотландская знать имела слишком много возможностей воспрепятствовать регулярному их исполнению.

Пэры и общины составляли единственную палату в шотландском парламенте, а так как Яков, а вслед за ним и Карл имели обыкновение жаловать английским дворянам шотландские титулы, то приходилось опасаться, что благодаря голосам иностранцев, не имевших собственности в Шотландии и чуждых ее интересам, король со временем сможет влиять на все решения парламента. А значит, закон, по которому лишь те, кто получал в этом королевстве 10 000 марок (более 500 фунтов) ежегодной ренты, могли становиться шотландскими пэрами, заслуживал всяческого одобрения[4].

Приняли также закон о трехгодичных парламентах, причем было решено, что каждый действующий парламент последним своим актом должен определить место и время созыва следующего[5].

Короля лишили прежнего права издавать прокламации, которым следовало повиноваться под страхом кары за государственную измену, — прерогативы, облекавшей его неограниченной законодательной властью во всех, даже самых важных делах[6].

Все это были меры похвальные. Но самым страшным ударом, в каком-то смысле свергавшим короля с престола, стал закон о том, что отныне ни один член Тайного совета, ни один государственный чиновник, ни один судья, в чьих руках в отсутствие короля и находилось управление страной, не может быть назначен помимо рекомендации и одобрения парламента. Карл согласился даже отрешить от должности четверых преданных ему судей; их места заняли другие лица, более угодные господствующей партии. Кроме того, несколько ковенантеров стали членами Тайного совета, а все государственные министры, советники и судьи должны были теперь по закону занимать свои должности пожизненно, или «пока будут себя хорошо вести»[7].

Находясь в Шотландии, король подчинялся правилам тамошней государственной церкви, с величайшей серьезностью слушая долгие молитвы и бесконечные проповеди, коими так щедро угощали его пресвитериане. Гендерсону, Гиллеспи [313] и другим влиятельным проповедникам он пожаловал пенсии и высокие должности, используя любые средства для того, чтобы привлечь на свою сторону или хотя бы смягчить злейших своих врагов. Граф Аргайл стал маркизом, лорд Лоудон — графом, Лесли был удостоен титула графа Ливена[8]. Интересами же своих друзей он вынужден был на время пренебречь, отчего некоторые из них возмутились, тогда как враги, отнюдь не примирившиеся с ним, все его милости объясняли хитростью и необходимостью.

Аргайл и Гамильтон, охваченные действительным или притворным страхом того, что граф Кроуфорд и другие лица задумали их убить, внезапно оставили парламент и бежали в свои поместья, однако через несколько дней, получив приглашения и заверения в безопасности, возвратились в Эдинбург. Этот их поступок, не имевший видимых причин, целей, смысла и последствий, стали называть *инцидентом*. Но хотя этот инцидент ни к чему не привел в самой Шотландии, в Англии, чего никто не ожидал, он повлек за собой весьма важные последствия. Английский парламент, который возобновил тогда свои заседания (20 октября), желая пробудить сочувствие народа, внушив ему страх, тотчас же поднял тревогу — как будто «злонамеренные особы» (так называли партию короля) уже составили заговор с целью истребить членов парламента и всех благочестивых людей в обоих королевствах. Парламент обратился к Эссексу, которого король оставил командующим в южных графствах Англии, и тот дал ему особую охрану[9].

Но в то самое время, когда король успокаивал смуту в Шотландии и уже готовился возвратиться в Англию, чтобы и в этой стране заняться тем же благим делом, он получил известия о вспыхнувшем в Ирландии опасном восстании, которое сопровождалось невероятными ужасами, кровопролитиями и разрушениями. Недовольство, вражда, партийные распри и гражданские междоусобицы всюду преследовали этого несчастного государя, и вот теперь, под действием различных и даже совершенно не связанных между собой причин, пламя вспыхнуло мгновенно, охватив его огненным кольцом со всех сторон.

Великий замысел Якова в управлении Ирландией, осуществлявшийся впоследствии и Карлом, состоял в том, чтобы миролюбием и справедливостью внушить этому беспокойному народу уважение к законам и, распространив в его среде искусства и ремесла, излечить от лени и варварства, под властью которых ирландцы находились с незапамятных времен. Ради этих целей и в то же время для того, чтобы укрепить господство над Ирландией английской короны, туда отправили множество английских и шотландских поселенцев, которые, смешавшись с ирландцами, совершенно изменили облик этой страны. Почти сорок лет мира заставили, казалось, в немалой степени забыть старинную национальную вражду, и хотя обширные земли, конфискованные короной из-за восстания, были переданы новым колонистам, последние более чем справедливо вознаградили туземцев, приучая их к земледелию, строительству, ремеслам и цивилизованному образу жизни[10]. Так шли дела в Ирландии, когда ею управляли один за другим Чичестер[13][14], Грандисон, Фолкленд и прежде всего — Страффорд. При наместничестве последнего эти мирные и благие замыслы, достигшие теперь большей зрелости и поощряемые энергией и усердием графа, осуществились, как можно было подумать, с полным успехом, сообщив этому дикому краю облик европейской страны. Когда же Страффорд пал жертвой народного гнева, настроения, вызванные в Ирландии этим важным событием, невозможно было успокоить мгновенно, и они по-прежнему порождали величайшие перемены в системе управления.

Переселенные в Ирландию британские протестанты, постоянно имея перед глазами все ужасы папизма, естественным образом впали в противоположную крайность, поголовно усвоив самые радикальные воззрения и обычаи пуритан. Монархия и иерархия стали им ненавистны, теперь они с жадностью выискивали и пускали в ход любые средства, позволявшие им ограничить власть короны и обособиться от английского короля. Колонисты, однако, не учитывали, что поскольку сами они едва составляют шестую часть населения Ирландии, а коренные жители тайно их ненавидят, то у них остается один-единственный способ укрепить свое положение — всячески поддерживать королевскую власть и сохранять тесные связи с родиной. Общины, яростно преследуя Страффорда, также проглядели вполне очевидные последствия своих действий: ставя ему в вину как величайшее преступление любой дискреционный акт власти, они лишали

всех будущих наместников тех самых полномочий, с помощью которых только и можно было удержать ирландцев в повиновении. А порыв к народному правлению во всех трех королевствах оказался столь мощным, что самые твердые и непреложные правила политики всюду были отброшены в угоду этой господствующей страсти.

Не имея сил сопротивляться, Карл вынужден был уступить ирландскому парламенту точно так же, как шотландскому и английскому; он и здесь обнаружил, что притязания парламента растут сообразно его уступкам. Субсидии, вотированные самим ирландским парламентом, были *им же впоследствии уменьшены вчетверо; полномочия суда Высокой комиссии* объявлены злоупотреблением, военное положение отменено, юрисдикция Тайного совета уничтожена, акты и прокламации провозглашены не имеющими силы, любые приказы и установления, исходившие от монаршей власти, подверглись нападкам, и государь в конце концов был лишен всех полномочий своей прерогативы, причем без малейших ссылок на какие-либо незаконные или насильственные действия его администрации.

Постоянная армия в Ирландии насчитывала обычно около 3000 солдат, но Страффорд, желая помочь королю в подавлении шотландских ковенантеров, набрал еще 8000 и присоединил к ним тысячу солдат, взятых из старой армии, — средство, необходимое для того, чтобы приучить новобранцев к порядку и дисциплине. Все рядовые в этом войске были католики, офицеры же, как имевшие, так и не имевшие патент на офицерский чин, были протестанты, и на них Карл мог полагаться вполне. Английским общинам эта новая армия внушала величайший страх, и они не давали королю покоя своими ходатайствами, пока тот не согласился ее распустить; к тому же общины отвергли все предложения об увеличении постоянной армии до 5000 солдат — численность, которую Карл считал необходимой для того, чтобы держать Ирландию в подчинении.

Полагая, что было бы рискованно позволить восьми тысячам человек, привыкших к безделью и умеющих владеть оружием, разбрестись по столь беспокойной и непокорной стране, Карл договорился с испанским послом о том, что они будут перевезены во Фландрию и приняты на службу его господину. Английские общины, страшась якобы того, что эти регулярные части окажутся еще более опасными, когда их приучат к воинской дисциплине в Испанских Нидерландах, выразили недовольство планом короля, и Карл сократил их число до четырех тысяч. Но когда испанцы наняли суда для их перевозки и солдаты уже приготовились к посадке, общины, которые хотели показать свое могущество и были только рады новой возможности унизить и оскорбить короля, строго запретили кому-либо предоставлять суда для этого предприятия. Таким образом, замысел Карла освободить страну от этих беспокойных людей, к несчастью, потерпел крах[1].

Коренные жители Ирландии ясно видели все ошибки англичан и решили ими воспользоваться. Хотя казалось, будто их вражда к этому наро-

ду, не имея случая как-то себя проявить, совершенно угасла, это было лишь временное и обманчивое спокойствие[12]. Интересы ирландцев, как имущественные, так и религиозные, тайно побуждали их к мятежу. Согласно древним обычаям, ни один член септа не имел права собственности на какой-либо отдельный участок земли, а поскольку определенная территория принадлежала всему септу, то ирландцы в своем невежестве предпочитали эту варварскую общность владения более надежному праву собственности на те мелкие участки, которые выделяли им англичане. Католическая религия в Ирландии пользовалась милостями и льготами, доходившими чуть ли не до полной терпимости, но пока священников не допускали к храмам и церковным доходам и они вынуждены были жить в соседстве с нечестивыми еретиками, эти люди, полные недовольства сами, всячески стремились воспрепятствовать искреннему примирению между английским и ирландским народами.

ЗАГОВОР В ИРЛАНДИИ

Жил тогда в Ирландии дворянин по имени Роджер Мор, человек небогатый, но происходивший из старинного рода и весьма знаменитый среди соотечественников доблестью и умом. Он первый составил план изгнания англичан и восстановления независимости своей страны.[13] Мор тайно посещал вождей ирландских кланов, пытаясь оживить любые ростки скрытого недовольства; он поддерживал тесную связь с лордом Магиром и сэром Фелимом О'Нилом, самыми могущественными из старой ирландской знати [315]. В письмах, беседах и через своих эмиссаров он всячески убеждал соотечественников в необходимости восстания. Он указывал им на то, что из-за мятежа шотландцев и распрей англичан власть короля в Британии пала так низко, что он уже не сможет сколько-нибудь решительно и энергично защищать английское господство над Ирландией; что католики в ирландской палате общин при содействии протестантов сильно ограничили королевскую прерогативу и полномочия наместника, а потому любой заговор или план можно теперь с легкостью довести до желанной цели; что шотландцы, весьма успешно покончив с зависимостью от английской короны и взяв управление государством в свои руки, подали пример ирландцам, имеющим гораздо больше причин жаловаться на притеснения; что английские поселенцы, которые изгнали ирландцев с их земель, лишили древних прав и жестоко преследуют их религию, представляют собой по сравнению с туземцами лишь жалкую горстку пришельцев; что они, будучи окружены многочисленными врагами, живут тем не менее в совершенной беспечности, полагаясь на защиту со стороны небольшой армии, которая сама рассредоточена мелкими отрядами по всей стране; что крупный корпус регулярных войск, набранных и обученных правительством, был распущен, и теперь эти люди готовы на любые

дерзкие предприятия, что хотя до сих пор, благодаря мягкости и умеренности их снисходительного государя, католики могли довольно свободно исповедовать свою религию, отныне им следует ожидать, что управление Ирландией будет осуществляться по иным правилам и принципам; и что как только пуританский парламент, подчинивший наконец собственного государя, укрепит свою власть, он непременно распространит свои честолюбивые замыслы на Ирландию и подвергнет ирландских католиков тем же свирепым гонениям, от которых страждут ныне их единоверцы в Англии; что восстание ирландцев, единственная цель которого — защитить исконную свободу от посягательств чужеземных захватчиков, никто и никогда не назовет бунтом, тем более во время нынешней смуты, когда их государь превратился до некоторой степени в пленника, и повиноваться следует не ему, но тем, кто вероломно узурпировал его законную власть[14].

С помощью этих доводов Мор вовлек в заговор всех ирландских вождей и вельмож. Старые английские поселенцы, или англичане Пэйла(316), как их обычно называли, все до одного были католиками, и заговорщики надеялись, что впоследствии они присоединятся к партии, стремившейся восстановить их веру в прежнем блеске и величии. Согласно общему замыслу, сэр Фелим О'Нил и другие заговорщики должны были одновременно поднять восстание во всех ирландских провинциях, а лорд Магир и Роджер Мор — в тот же день внезапным ударом захватить Дублинский замок. Чтобы затруднить переброску войск из Англии, мятеж назначили на конец осени. Сами же ирландцы, полагаясь на обещания кардинала Ришелье, рассчитывали получить оружие и подкрепления из Франции. Многие ирландские офицеры, служившие в испанской армии, обязались присоединиться к своим братьям-католикам, как только те начнут восстание. Каждый день поступавшие из Англии известия о той бешеной ярости, которую выказывали общины ко всем без исключения папистам, усиливали страхи ирландского народа; это обстоятельство подталкивало заговорщиков к скорейшему осуществлению их ужасного плана и в то же время внушало им полную уверенность в сочувствии и содействии всех соотечественников[15].

Весь ирландский народ обнаруживал такую склонность к мятежу, что участники заговора не сочли нужным доверять свою тайну многим (к тому же это было бы опасно); таким образом, назначенный день приближался, а правительство ни о чем не знало. Правда, король получал от послов известия о том, что за границей среди ирландцев заметно некое брожение, но хотя он дал об этом знать английским властям в Ирландии, его предупреждением совершенно пренебрегли[16]. Ходили также смутные слухи о каком-то близком заговоре, однако и на них не обратили внимания. Граф Лестер (317), которого король назначил ирландским наместником, еще не выехал из Лондона. Двое судей, сэр Уильям Парсонс и сэр Джон Борлес, не отличались большими способностями и, как это всегда происходит во время смут и беспорядков, назначением своим обязаны были не чему иному, как преданности той партии, которая заправляла теперь все-

ми делами в государстве. Неведение и неопытность делали их совершенно беспечными, и эти люди, находясь на краю гибели, спали блаженно-безмятежным сном.

Их заставили проснуться накануне того самого дня, на который было назначено начало восстания. В Дублинском замке, господствовавшем над столицей, находилось оружие для десятитысячной армии и тридцать пять пушек с соответствующим количеством боеприпасов, но охраняли этот важный пункт, причем без всякой бдительности, лишь пятьдесят солдат. Мор и Магир уже проникли в город с многочисленным отрядом своих сторонников, к ночи ждали новых подкреплений, а на следующее утро заговорщики должны были совершить то, что они считали самой легкой частью своего предприятия, — внезапный захват замка. О'Конноли, ирландец, но протестант, открыл план заговора Парсону[17]. Судьи и члены совета немедленно укрылись в замке и велели удвоить караулы. Тревога проникла в город, протестанты стали готовиться к обороне. Мор бежал, Магир был взят, а Магон, один из схваченных заговорщиков, первый открыл судьям план всеобщего восстания, усилив таким образом страхи, уже распространившиеся по всему Дублину[18].

ИРЛАНДСКОЕ ВОССТАНИЕ И РЕЗНЯ ПРОТЕСТАНТОВ

Но хотя показания О'Конноли и спасли от внезапного захвата Дублинский замок, вырванные у Магира признания уже не могли предотвратить задуманный мятеж. О'Нил и его сообщники уже взялись за оружие в Ольстере. Ирландцам, жившим вперемежку с англичанами, нужен был лишь намек вождей и священников, чтобы начать борьбу против народа, который они ненавидели из-за его религии и которому завидовали из-за его богатства и благосостояния[19]. Вначале были захвачены дома, скот и имущество беспечных англичан. Те, кто уже слыхал о беспорядках в своей округе, вместо того чтобы поскорее бросить жилища и соединиться с соседями для совместной обороны, остались дома, надеясь защитить свою собственность, и таким образом поодиночке попали в руки своих врагов[20]. Когда же алчность была удовлетворена вполне, в действие вступила жестокость, по своему варварству превзошедшая все, о чем мог знать или слышать какой-либо народ. Началась поголовная резня англичан, теперь уже совершенно беззащитных и покорно предававших себя в руки бесчеловечных врагов. Не щадили ни пол, ни возраст, ни высокое положение. Жена, оплакивая зверски замученного супруга, обнимала своих беззащитных детей — их убивали вместе, пронзив одним мечом[21]. Молодых и старых, здоровых и немощных постигала общая судьба, и все они погибали общей смертью. Тщетно спасались они от первого нападения: бушевавшая всюду ярость встречала свои несчастные жертвы на каждом шагу. Напрасно прибегали они к родственникам, товарищам, друзьям: все чело-

веческие связи были разорваны, и та самая рука, которую молили о помощи и от которой ждали защиты, наносила смертельный удар. Пораженных ужасом, не оказывавших сопротивления и ничем не заслуживших такой судьбы англичан, еще недавно совершенно беспечных и вполне уверенных в своей безопасности, теперь зверски умерщвляли их ближайшие соседи, с которыми они так долго жили в дружбе и согласии[22].

Но мгновенная смерть была еще самой легкой из кар, коим подвергались несчастные мятежники: все пытки, которые только могла измыслить самая дикая жестокость, все медленные телесные муки, все душевные страдания, весь ужас отчаяния — ничто не могло насытить беспричинное зверство и бессмысленную месть ирландцев. Входить здесь в подробности значило бы возмутить естественное человеколюбие даже у самых грубых и бесчувственных людей. Столь гнусные злодеяния — хотя их подтверждают бесспорные свидетельства — кажутся нам почти невероятными. Людская испорченность и даже извращенное религиозное чувство доходят до подобной свирепости лишь тогда, когда врожденное человеческому сердцу сострадание уничтожается заразительным действием примера: именно он делает обезумевших людей совершенно невосприимчивыми к обычным побуждениям, определяющим их поступки.

Даже слабый пол, по природе столь чувствительный к собственным страданиям и столь жалостливый к чужим, не уступал здесь в жестокости своим более крепким сообщникам[23]. Даже дети, наученные примером и подстрекаемые родителями, слабыми своими ручонками пытались наносить удары по мертвым телам несчастных детей английских протестантов[24]. Самая алчность ирландцев была бессильна сдержать их жестокость. Бешенство их доходило до того, что они в своем исступлении принимались резать захваченный у англичан скот, ставший теперь их собственностью, — потому что у животных были английские имена; либо, нанеся им жестокие раны, прогоняли в леса и пустоши[25].

Величественные здания и удобные жилища колонистов, как будто укорявшие туземцев в лени и невежестве, были преданы огню или сровнены с землей. Там же, где несчастные хозяева, запершиеся в своих домах и готовившиеся к обороне, гибли в пламени вместе с женами и детьми, их свирепые враги торжествовали вдвойне[26].

Если же англичане собирались где-нибудь в значительном числе и, движимые мужеством отчаяния, решались усладить свою смерть местью убийцам, ирландцы обезоруживали их переговорами и обещаниями безопасности, подтверждая их самыми торжественными клятвами. Но как только они сдавались, мятежники, столь же вероломные, сколь жестокие, обрекали англичан судьбе их несчастных соотечественников[27].

Другие, еще более изощренные в своей бесчеловечности, искушали пленников естественной любовью к жизни, предлагая им обагрить свои руки кровью друзей, братьев, отцов, и, превратив их таким образом в соучастников преступления, предавали их смерти, которой те надеялись избежать, заслужив ее[28].

Среди этих зверств всюду гремело священное имя РЕЛИГИИ — не для того, чтобы остановить убийц, но чтобы усилить их удары и ожесточить сердца, сделав их недоступными для любых движений сострадания, свойственного человеку от природы или воспитанного жизнью в обществе. Англичан — как еретиков, мерзких перед Господом и ненавистных для всех праведников, — священники обрекали в жертву дикой бойне, и все, что могло избавить мир от этих открытых врагов католической веры и благочестия, провозглашалось в высшей степени похвальным деянием[29]. Этот грубый народ, по характеру своему весьма склонный к жестокости, еще сильнее возбуждали религиозные наставления и национальные предрассудки, отравленные той дикой и совершенно неизлечимой злобой, которую внушает неистовое суеверие. И в те мгновения, когда смерть прекращала страдания очередной жертвы, убийцы-святоши все еще вопили в лицо умирающему, что эти муки — только начало других, адских мук, которым уже не будет конца[30].

Подобными неистовствами сэр Филим О'Нил и ольстерские ирландцы ознаменовали свой мятеж — событие, незабвенное в летописях рода человеческого и достойное вечно служить предметом величайшего омерзения. Рассказы об этих диких бесчинствах потрясли благородную душу Мора. Он спешно прибыл в лагерь О'Нила, но быстро понял, что его авторитет, которого оказалось достаточно, чтобы побудить ирландцев к мятежу, слишком слаб, чтобы обуздать их бесчеловечную жестокость. Вскоре он оставил дело, осквернённое столькими преступлениями, и удалился во Фландрию. Благодаря знатности рода и, вероятно, вследствие своей необузданной жестокости неограниченное влияние на мятежников в северной Ирландии приобрел сэр Фелим, хотя ни мужеством, ни способностями он не отличался[31]. Незащищенные поселения англичан в Ольстере были полностью уничтожены; к шотландцам же поначалу относились лучше. Чтобы склонить их к пассивному нейтралитету, ирландцы проводили подчеркнутое различие между британскими нациями и, ссылаясь на дружбу и родство с шотландцами, не распространяли на них дикую ярость своих избиений. Многие из них сумели бежать из страны, другие укрылись в безопасных местах и стали готовиться к обороне, и таким образом шотландцам, по крайней мере большинству из них, удалось спасти свою жизнь[32].

Из Ольстера пламя восстания мгновенно распространилось по трем другим провинциям Ирландии. Убийства и избиения всюду были обычным делом, хотя вне Ольстера ирландцы пытались изображать некую сдержанность и человечность. Но сколь варварской и жестокой была ирландская человечность! Они выгоняли англичан из их домов, отбирали у них живописные маноры, разоряли возделанные ими поля; не довольствуясь этим, ирландцы срывали с англичан последнюю одежду, обрекая их, нагих и беспомощных, в жертву всем суровостям времени года[33]. Самые небеса, как будто вступив в заговор против этого несчастного народа, вооружились холодом и бурями, необычными для тамошнего климата, что-

бы довершить то, что не успел сделать безжалостный меч[34]. Все дороги были полны толпами полуголых англичан, которые спешили в Дублин и другие города, еще остававшиеся в руках их соотечественников. Нежный возраст и слабый пол не могли долго выдержать невероятные муки холода и голода. Здесь муж, навсегда прощаясь с гибнущим семейством, завидовал его судьбе, которую вскоре ожидал разделить сам; там сын, долго поддерживавший престарелого родителя, с неохотой повиновался его последней воле и, покидая отца в величайшем несчастье, предавался надеждам отомстить за эту смерть, которую все его усилия не могли предотвратить или отсрочить. Страшные размеры бедствия лишали страдальцев всякого утешения при виде товарищей по несчастью. С беззвучными слезами или жалобными стонами спешили они пройти через враждебные земли, и в каждом ирландском сердце, которое не было ожесточено природным варварством, встречали еще более непримиримую ярость ложного религиозного чувства и извращенной набожности[35].

Спасение Дублина позволило сохранить жизнь остаткам английских поселенцев в Ирландии. В боязливо отворенные городские ворота впустили умоляющих беглецов, и те явили зрелище такого страдания, которое прежде никогда не открывалось человеческим взорам[36]. Жалость овладела сердцами изумленных дублинцев, но в то же время, когда задумывались они о бесчисленных врагах, окружавших их со всех сторон, вне и внутри городских стен, и вспоминали о недостаточности собственных сил, их охватывал страх перед подобными же бедствиями. Самые крепкие из несчастных беглецов, числом три тысячи человек, были записаны в три дублинских полка, прочих разместили в домах обывателей, всячески заботясь о том, чтобы теплом и пищей укрепить их изнуренные окоченевшие тела. Болезни неведомой природы и неизвестные по имени, вызванные этими бесчисленными бедствиями, поразили многих из них, быстро сократив их дни; другие беглецы, получив теперь возможность задуматься о своих страшных утратах — погибших друзьях и потерянном состоянии, — проклинали собственную жизнь, которую удалось им спасти. Предавшись отчаянию, отказываясь от всякой помощи, эти люди медленно умирали, и единственным утешением для них было то, что соотечественники могли воздать им последние почести, в которых бесчеловечные ирландские варвары отказывали их замученным товарищам[37].

По некоторым оценкам, от всех этих жестокостей погибло сто пятьдесят или двести тысяч человек, по самым осторожным и, вероятно, наиболее достоверным подсчетам, жертв было около сорока тысяч, впрочем, и это последнее число, как это обыкновенно бывает в подобных случаях, может оказаться несколько завышенным.

Всем отрядам английской армии, которые не были окружены мятежниками, судьи приказали явиться в Дублин, собрав таким образом корпус в пятнадцать тысяч опытных солдат. Вскоре они призвали на службу и вооружили из дублинских арсеналов еще четыре тысячи новобранцев. Шестьсот человек судьи отправили на выручку осажденной ирландцами

крепости Дрогеда. Но этот отряд, внезапно атакованный неприятелем, был охвачен паникой и почти весь перебит; оружие — а в нем ирландцы нуждались более всего — попало в руки мятежников[38]. Судьи, желавшие еще сильнее разжечь мятеж, чтобы в будущем как следует поживиться на конфискациях имущества его участников, заботились отныне лишь о собственной безопасности и о защите столицы. Правда, граф Ормонд [318], командовавший армией в Дублине, пытался протестовать против этой робкой, чтобы не сказать низкой и своекорыстной, тактики, но ему пришлось подчиниться установленным властям.

Англичане Пэйла, поначалу, вероятно, не посвященные в тайну ирландского заговора, делали вид, будто они осуждают восстание и ту омерзительную жестокость, которой оно сопровождалось[39]. Своими торжественными заявлениями и декларациями они побудили дублинских судей снабдить их оружием, которое обещали использовать для защиты законной власти[40]. Вскоре, однако, стало ясно, что интересы религии значат для них больше, чем чувство долга и забота о древней родине. Они сделали своим предводителем лорда Горманстона [319] и, присоединившись к ирландцам, ничуть не уступали им в жестокости по отношению к английским протестантам. Множество мелких отрядов мятежников рассеялось по всему королевству, главная же их армия, насчитывавшая до двадцати тысяч человек, угрожала скорой осадой Дублину[41].

Как английские, так и ирландские мятежники прибегли к обману, с помощью которого им удалось одурачить многих легковерных соотечественников: они утверждали, будто начали свое восстание по поручению короля и королевы (в особенности последней), и заявляли, что взялись за оружие для защиты монаршей прерогативы, подвергшейся ныне посягательствам со стороны пуританского парламента[42]. Сэр Фелим О'Нил, обнаружив в доме убитого им лорда Колфилда королевскую грамоту, отделил печать и приложил ее к фальшивому полномочию, которое сам же и изготовил[43].

Известие о восстании король получил от гонца, посланного из северной Ирландии. Он тотчас же уведомил обо всем шотландский парламент. Карл ожидал, что необычайное усердие, выказанное шотландцами к делу протестантской религии, немедленно заставит их устремиться на ее защиту туда, где она подвергалась столь жестокому нападению; он надеялся, что их отвращение к папизму — религии, явившей себя ныне в самом отвратительном облике, — подкрепит все его призывы; он хорошо помнил, с какой готовностью шотландцы дважды хватались за оружие и собирали армию, чтобы оказать сопротивление своему государю; он понимал, насколько легче будет им теперь собрать войска, совсем недавно распущенные и приученные долгой службой к воинской дисциплине. Король льстил себя надеждой, что крики ужаса их несчастных братьев в Ирландии с необыкновенной силой подействуют на шотландцев, побудив их выслать туда подкрепления, которые смогут очень скоро прибыть на остров и оказать ирландским протестантам немедленную помощь в крайнем

их бедствии. Но, как это обыкновенно и бывает с религиозными сектами, рвение шотландцев, которое уже не поддерживали ни партийные раздоры, ни соображения выгоды, оказалось слишком слабым. Свою страну шотландцы считали теперь самой настоящей республикой и ни во что не ставили власть монарха, совершенно ими упраздненную. Нынешние ирландские бедствия внушали им известные надежды, и свою предполагаемую помощь соседней нации шотландцы вознамерились сделать предметом выгодного торга. Они обратили свои взоры к английскому парламенту, с которым уже давно поддерживали весьма тесные связи и который один был способен тогда выполнить условия возможного соглашения. Отправив небольшой отряд в Ольстер на помощь шотландским поселенцам, они не пожелали сделать пока ничего больше, кроме посылки уполномоченных в Лондон для переговоров с тем органом, к которому перешла теперь в действительности верховная власть в государстве[44].

Король, сознавая полную свою неспособность подавить ирландский мятеж, также оказался вынужден прибегнуть в этой крайности к помощи английского парламента и довериться ему в отношении субсидий. Сообщив парламенту полученные им сведения, Карл заявил, что, по его мнению, ирландское восстание явилось следствием не какой-то дерзкой авантюры, но тщательно подготовленного заговора против английской короны. А потому, продолжил король, мудрому попечению парламента он вверяет теперь руководство военными действиями, которые, коль скоро на карту поставлены столь важные интересы нации и религии, надлежит немедленно начать и решительно вести[45].

ВОЗОБНОВЛЕНИЕ ЗАСЕДАНИЙ АНГЛИЙСКОГО ПАРЛАМЕНТА

Вновь собравшийся английский парламент в каждом своем постановлении обнаруживал тот же дух, с которым разошелся он на каникулы: расширение и возвеличение собственной власти, ограничение власти короля оставались главной целью большинства его членов. Все замыслы добиться расположения вождей народной партии и привязать их к короне должностями потерпели неудачу — либо из-за неискусности, с которой пытались их осуществить, либо потому, что король был тогда просто неспособен жаловать высокие звания и чины. Дерзкие и честолюбивые патриоты с презрением отвергли предлагавшиеся им по частям сомнительные полномочия, ибо, считали они, теперь им будет совсем нетрудно одним смелым и решительным натиском навсегда захватить в свои руки всю верховную власть. Понимая, что предпринимавшиеся ими до сих пор меры сделали их в высшей степени ненавистными королю, что некоторые из этих действий сами по себе небезупречны, а другие, строго говоря,

незаконны, они решили обеспечить собственную безопасность и добиться могущества через расширение власти народа в Англии. Крайняя нужда, до которой был доведен король, величайшее предубеждение против него, овладевшее всей нацией, легкость, с которой делал он самые важные уступки, пример шотландцев, совершенно уничтоживших у себя монархию, — все эти обстоятельства подстрекали общины к новым нападкам на королевскую прерогативу. А страшная опасность, которой, как можно было подумать, совсем недавно подверглась английская конституция, убедила многих в том, что неприкосновенность ее нельзя гарантировать иначе, как полным упразднением посягавшей на нее власти.

Но вожди общин не смогли бы осуществить этот замысел и едва ли даже решились бы приступить к его осуществлению, если бы не страсть к пресвитерианскому церковному устройству, овладевшая тогда всей нацией, и не сопутствовавший ей в ту пору безумный фанатизм. Полная свобода, которую предоставил этим настроениям парламент, ограничив власть государственной церкви, сочувствие и поддержка, оказанные им общинами, распространили их влияние до невероятной степени, и люди всех званий уже успели вдоволь наглотаться этой пьяняще-возбуждающей отравы. Подобный вид религии проникал в любое рассуждение и во всякий разговор, он вмешивался во все дела и занятия, он стремился совершенно истребить любые изысканные развлечения и тонкие удовольствия, он поощрял многие душевные пороки и недостатки, даже телесные болезни и расстройства не были вполне свободны от его влияния, и, как рассказывают нам современники, от всех врачей требовалась немалая осведомленность в духовных предметах, дабы с помощью теологических доводов успокаивать те религиозные страхи, которые без конца преследовали их пациентов. Даже ученость, которая обыкновенно так сильно помогает расширить человеческий ум и смягчить характер, в данном случае скорее лишь усиливала эпидемию всеобщего неистовства. Все еще бедная и несовершенная, тогдашняя образованность снабжала мрачный фанатизм множеством отдельных мнений и аргументов, подводила под него некое подобие связной системы и украшала всевозможными риторическими фигурами — преимущества, коих простой народ, совершенно невежественный и дикий, был тогда, к великому счастью, лишен. Вначале по склонности и из политических выводов, а затем и по необходимости король тесно связал свои интересы с иерархией — по тем же причинам враги его решили одним ударом уничтожить церковь и монархию.

В то самое время, когда общинами владел подобный дух, начался ирландский мятеж — событие, превосходно содействовавшее достижению тех целей, к которым были направлены все меры парламента. Общины всегда разжигали ненависть к папистам, даже вполне безобидным, и постоянно пытались возбудить ужас перед заговорами этой секты, пусть даже совершенно неправдоподобными. Теперь же вспыхнуло настоящее восстание, страшное и неожиданное; восстание, сопровождавшееся самыми отвратительными сценами, о которых знает человеческая история,

и то, что являлось виной единственно лишь ирландских католиков, при нынешнем состоянии умов было нетрудно приписать всей секте, которая давно уже служила для англичан предметом крайнего омерзения. Привыкнув во всех своих проклятиях соединять епископскую партию с папистами, народ тотчас же решил, что это восстание — плод их совместных козней. Когда же англичане узнали о том, что все свои насилия ирландские мятежники оправдывают королевским полномочием, фанатизм, всегда легковерный и злобный, без колебаний поверил в это грубое надувательство и взвалил на несчастного государя всю вину за столь варварский и бесчеловечный план[46].

Благодаря бедствиям и денежным затруднениям короля, общины, обладавшие исключительным правом утверждать субсидии, сумели увеличить свое влияние, особенной же удачей для них оказалось то, что ирландское восстание вспыхнуло в столь критический момент, а именно вслед за умиротворением в Шотландии. Король поручил общинам ведение ирландских дел — они тотчас же ухватились за его слова, истолковав их в самом широком смысле. В других случаях общины лишь постепенно присваивали себе исполнительную власть короны, т. е. самую важную и естественную часть полномочий монарха, но в отношении Ирландии они завладели этой властью сразу же, в полном и неограниченном объеме, как если бы получили ее в качестве дара или законной уступки. А король вынужден был смириться с этой узурпацией — как потому, что он не мог ей воспротивиться, так и из опасения навлечь на себя еще более жестокие упреки в том, что он-де потворствует гнусному мятежу.

Коль скоро вожди общин задумали продолжить нововведения в Англии, отсюда с необходимостью следовало, что все их меры в отношении Ирландии должны так или иначе подчиняться этому главному плану, от успеха которого полностью теперь зависели их собственное могущество, безопасность и самая жизнь. Всячески изображая гневное возмущение ирландским бунтом, они предпринимали для его подавления только такие шаги, которые могли в то же время обеспечить им превосходство в ходе той смуты, которая, как они предвидели, должна была вскоре вспыхнуть в самой Англии[47]. Крайнее презрение к туземным жителям Ирландии внушало народным вождям мысль, что подавить их восстание можно будет с легкостью в любой момент; кроме того, они не желали из-за слишком быстрого успеха лишиться тех преимуществ, которые давал этот мятеж в задуманных ими посягательствах на королевскую прерогативу. Взяв на себя в полной мере руководство войной, они приобрели расположение и поставили в зависимость всех, кто имел какие-либо связи с Ирландией или хотел принять участие в военных предприятиях; они собирали средства на ирландскую экспедицию, но приберегали эти деньги для иных целей, занимавших их гораздо сильнее; они завладели оружием из королевских арсеналов, но оставили его у себя, с тайным намерением использовать против самого короля; принимая любой закон, необходимый, на их взгляд, для увеличения их собственного могущества, они утверждали,

будто он поможет отвоевать Ирландию; если же Карл не соглашался его одобрить, они приписывали этот отказ тем злокозненным советам, которые вызвали папистское восстание и по-прежнему грозят протестантизму полной гибелью во всех владениях короля[48]. И хотя солдат в Ирландию долгое время не посылали вовсе, а денег в это королевство, находившееся в крайне бедственном положении, отправляли слишком мало, народ был так сильно привязан к общинам, что никогда не ставил подобное упущение в вину этим благочестивым фанатикам, чьи грозные постановления не обещали ирландским бунтовщикам ничего, кроме поголовного истребления.

Желая повести атаку на королевскую власть методическим образом, общины сочли нужным составить генеральную ремонстрацию о положении государства, а потому особый комитет, назначенный для этой цели еще на первом заседании парламента и с тех пор нисколько не продвинувшийся в своей работе, получил новое предписание завершить ее как можно скорее.

РЕМОНСТРАЦИЯ

Этот комитет и внес в палату знаменитую ремонстрацию, которая вскоре повлекла за собой чрезвычайно важные последствия. Она не была обычным обращением к королю, но прямо провозглашалась воззванием к народу. Суровость ее содержания вполне соответствовала резкости языка. Ремонстрация состоит из множества откровенно лживых утверждений, перемешанных с некоторыми очевидными истинами, злобные намеки соседствуют в ней с открытой бранью, громкие жалобы на прошлое сопровождаются полными страха и подозрительности предсказаниями будущего. Авторы ремонстрации, стремясь усилить ее эффект безжалостной риторикой, подробно останавливаются на всех неудачных, возмутительных или сомнительных мерах, принятых королем с начала его царствования: в ней упомянуты провалившиеся экспедиции в Кадис и на остров Ре, посылка кораблей во Францию для борьбы с гугенотами, принудительные займы, незаконные заключения в тюрьму за неповиновение незаконным приказам, грубый роспуск четырех парламентов и следовавшие за ними всякий раз периоды деспотического правления, допросы, штрафы и аресты, коим подвергались члены парламента за свои действия в палате, сбор налогов без согласия общин, введение суеверных обрядов в церкви без законной санкции, — в общем, все то, что, справедливо или нет, возмущало нацию в течение пятнадцати лет от вступления Карла на английский престол до созыва настоящего парламента. И хотя со всеми подобными злоупотреблениями было уже покончено и были даже приняты особые законы во избежание их возврата в будущем, вся слава этих дел приписывалась не королю, но исключительно парламенту, который

вырвал у монарха согласие на столь благотворные статуты Самому же королю, утверждали общины, они оказали услуги не менее выдающиеся, чем английскому народу. Они захватили все постоянные доходы короны, сделав их совершенно случайными, и даже временные парламентские субсидии стали выплачивать собственным комиссарам, независимым от монарха, — при этом у общин хватило дерзости заявить, будто они оказали Карлу щедрую помощь в его денежных затруднениях. Даже передачу денег шотландцам на ведение войны против их законного государя нижняя палата, оскорбляя короля еще более наглым и вызывающим образом, представила в своей ремонстрации как верноподданнический акт. А все порицаемые общинами меры, означавшие якобы не более и не менее как полное ниспровержение английской конституции, проистекали, по их словам, из коварного заговора папистской партии, которая всегда имела влияние на короля и упорно стремилась ввести свои суеверия в Англии и Шотландии, а теперь подняла открытое и кровавое восстание в Ирландии[49].

Эта ремонстрация, столь грубая и неприязненная, явилась прямым сигналом к новым нападкам на королевскую прерогативу и ясной декларацией того, что все прежние, даже самые важные уступки монарха не могут считаться удовлетворительными. Легко было догадаться, сколь неслыханные и безмерные притязания последуют за ремонстрацией, и нетрудно было предвидеть, что итогом их станет почти полное упразднение монархического строя в Англии, пусть даже при сохранении старинных форм и названий. А потому ремонстрация встретила в палате общин сильнейшее противодействие. Жаркие дебаты продолжались более четырнадцати часов, и наконец из-за усталости членов королевской партии, состоявшей преимущественно из людей почтенного возраста и спокойного нрава, решение было принято незначительным большинством в одиннадцать голосов[50]. Уже на следующий день (22 ноября), даже не представив ремонстрацию на утверждение в палату лордов, общины распорядились ее напечатать и обнародовать.

АРГУМЕНТЫ СТОРОН

Когда ремонстрация была опубликована, она всюду вызвала те же яростные споры, какими сопровождалось ее обсуждение в палате общин. Нынешний парламент, говорили сторонники этого собрания, наконец-то извлек пользу из плачевного опыта своих предшественников, твердо решив, что здание, которое он великодушно задумал воздвигнуть ради защиты свобод Англии, не останется непрочным и недостроенным. Когда у упорствовавшего короля удалось вырвать согласие на петицию о праве, разве сомневался кто-нибудь в том, что свобода теперь надежно гарантирована и что отныне законы станут неприступными для любых покуше-

ний деспотизма? Но чем же все это кончилось? Да, народ приобрел *права, или, лучше сказать,* старинные его права были сформулированы с большей точностью, но поскольку государь все еще сохранял *реальную возможность* эти права нарушить, то при первом же удобном случае он совершенно пренебрег всеми законами и прежними обязательствами, сделав единственным принципом правления собственный произвол Возвышенные понятия о монархической власти, привитые ему первоначальным воспитанием, соединяются в его уме с неистребимыми химерами себялюбия, находя к тому же опору в ложных религиозных принципах, и тщетно было бы надеяться, что в более зрелом возрасте король искренне от них откажется под влиянием опыта и размышления Подобные перевороты во взглядах, если они вообще возможны, происходят крайне редко, но ожидать, что *подтолкнуть к ним может необходимость, злоба и негодование* врагов, порицания, упреки и противодействие, значило бы предаваться глупому и слепому легковерию Суровые, хотя и необходимые меры, принятые парламентом, наверняка возбудили в государе гнев против ограничений монаршей власти, столь безжалостно ему навязанных, и во всех уступках, которые приходится ему делать, он видит лишь временную, вынужденную дань духу раздора и мятежа, втайне решив отречься от них при первой же благоприятной возможности И нам не следует думать, что ход человеческих дел не способен представить ему подобного случая Всякое государственное устройство, и в особенности смешанное, подвержено бесконечным колебаниям, настроения народа постоянно переходят из *одной крайности в другую, а потому самым мудрым* и справедливым решением парламента было бы использовать выгоды своего нынешнего положения против монарха, который в свое время не преминул в полной мере использовать собственные преимущества, причем гораздо менее соблазнительные, к величайшему вреду парламента и народа Следует опасаться того, что, если охватившему массы религиозному пылу позволят угаснуть, народ быстро вернется к старому церковному устройству, а вместе с ним вновь примет те рабские принципы, которые так усердно внушает своим смиренным прозелитам государственная церковь И тогда патриоты, являющиеся теперь народными кумирами, станут вызывать всеобщую ненависть, а их позорная казнь будет сопровождаться такими же криками *ликования, какие способствуют их нынешним успехам и триумфам* В страхе этих людей перед подобной судьбой не следует видеть эгоистическое чувство с их безопасностью связана прочность законов, и если пострадают защитники конституции, это не может не обернуться смертельным ударом для самой конституции, а потому общество действует вполне справедливо, защищая от любой опасности тех, кто столь великодушно подверг себя величайшим опасностям ради общественного блага И велика ли беда, если многим прежним прерогативам монархии, старой английской формы правления, в ходе этой борьбы будет нанесен какой-то ущерб? Законы благодаря ее упадку лишь обретут новую силу, и если даже допустить, что люди в своих поступках действительно выйдут за

пределы умеренности, то великой удачей следует считать уже то, что поток событий увлекает их ныне к свободе, и ошибкой станет уклонение именно в эту сторону, наименее опасную для интересов Англии и всего человечества.

Самые сильные аргументы роялистов против дальнейших покушений на королевскую прерогативу опирались скорее на иное истолкование конкретных событий данного царствования, нежели на противоположные понятия о государственном устройстве вообще. Да, соглашались они, некоторые посягательства на права нации, в том числе весьма серьезные, безусловно, имели место, но если мы попытаемся отыскать причины этих насильственных действий, то обнаружим, что заключаются они отнюдь не в жестоком деспотизме или несправедливости государя и даже не в его честолюбии или безмерной жажде власти. Война с Испанией, бессмысленная и ненужная, в которую король оказался вовлечен по восшествии на престол, была вызвана советами и даже назойливыми домогательствами парламента, — и сам же парламент, толкнув короля к воинственной политике, он тотчас же бросил его на произвол судьбы. Вполне естественно, что молодой государь страшился потерпеть неудачу в первом же своем предприятии и, еще не достигнув надлежащей зрелости ума, не мог понять, что величайшая его слава состоит в том, чтобы сохранить нерушимость законов и завоевать полное доверие народа. Последующие парламенты, проявившие крайнюю несговорчивость во многих вопросах и особенно в вопросе о потонном и пофунтовом сборах, довели бы короля до совершенного безденежья, если бы он не сохранил в целости свою прерогативу взимать эти пошлины собственной властью и действовать вопреки букве конституции, поддерживая ее дух. Сделав однажды столь рискованный шаг, король, разумеется, почувствовал склонность продолжать эту политику и удовлетворять государственные нужды, вводя корабельные деньги и другие налоги и повинности, весьма умеренные, хотя формально незаконные. Несомненное же доказательство того, что он не строил никаких замыслов поработить свой народ, состоит в том, что главной целью всех его мер было создать сильный военный флот, а отнюдь не сухопутную армию, — план полезный, достойный, более того, совершенно необходимый для страны; план, который, несмотря на величайшие денежные затруднения монарха, почти удалось с успехом осуществить.

Давно пора избавить короля от подобных затруднений и после всех горьких и суровых лекарств, уже подействовавших на него в полной мере, употребить средства мягкие и укрепляющие. Не существовало на свете монарха, в большей степени наделенного благословенными дарами — умеренностью, справедливостью, человечностью, благородством и кротостью нрава. И как жаль, что подобного государя так долго мучили подозрениями, бессмысленными строгостями, клеветой, жалобами и посягательствами на его права, заставив уклониться с той стези, по которой он, движимый своими высокими моральными принципами, шествовал бы всегда! Если мы находим кое-какие немногочисленные примеры нарушения

петиции о праве, самим же королем пожалованной, то существует более простой и естественный способ предотвратить подобные неприятности в будущем, нежели полное упразднение королевской власти в Англии. Твердо установим доходы короля, соразмерные древнему достоинству и великолепию короны, полностью удовлетворим нужды государства, оставим в неприкосновенности прочие прерогативы монарха — и тогда король, уже утративший способность, откажется от всякого желания посягать на конституцию. Откуда могут у нас теперь появиться подозрения? Каких еще гарантий можем мы еще требовать или ожидать? Предшествующие уступки короля, отнюдь не являющиеся недостаточными для защиты прав народа, грешат скорее уклонением в противоположную крайность, и именно они, лишив Карла всякой возможности защитить самого себя, стали истинной причиной того, что общины дерзают выдвигать неслыханные доселе притязания, стремясь ниспровергнуть весь наш конституционный строй. Но разве не очевидно, что, если бы общины удовлетворились более умеренными выгодами, то, помимо прочих важных уступок, настоящий парламент смог бы продолжать свои заседания до тех пор, пока английская система правления не освоится с новым курсом, а гармония и согласие всех ее частей не будут полностью восстановлены? Трехгодичный акт навсегда определил порядок регулярного созыва парламентов как вечных стражей английских законов, между тем король не располагает независимыми от парламента средствами или военными силами, опираясь на которые он смог бы на эти законы посягнуть. Таким образом, нет больше никакой опасности, кроме той, которая неотделима от всякой свободной конституции и составляет самую суть ее свободы, — опасности внезапной перемены в настроениях народа, угрозы того, что вся нация проникнется отвращением к народным привилегиям и правам. И лучший для нас способ предотвратить подобное зло — держаться в границах благоразумной умеренности и твердо помнить, что любая крайность естественно и неизбежно переходит в свою противоположность. В самом деле, прежние узурпации короны, пусть и оправданные вызвавшими их суровой необходимостью и дерзостью врагов, породили безудержное стремление к свободе — так остережемся же того, чтобы наши собственные посягательства, ввергнув страну в полную анархию, не заставили народ искать убежища под властью короля-деспота, несущего нации мир и покой. В сильной власти цивилизованное общество нуждается точно так же, как и в свободе; более того, власть нужна для укрепления самой же свободы, ибо она, власть, поддерживает законы, которые одни только и способны свободу упорядочить и защитить. И какое же это безумие — теперь, когда все удалось так счастливо устроить при сохранении древних учреждений и форм, уравновешенных и согласованных между собой с большей, чем прежде, точностью, какое же это безумие — предаваться рискованным опытам с новой конституцией, отвергая зрелую мудрость наших предков ради детских прихотей неугомонных нововводителей! Помимо иных страшных и неотвратимых бедствий гражданской войны, разве не очевидны для вас те опасности,

которым посреди бешеной ярости битв неизбежно подвергнется хрупкое здание свободы? Ведь какая бы из сторон ни взяла верх, свобода едва ли вправе уповать на то, что останется неприкосновенной, а из-за безмерных притязаний тех сил, которые будут сражаться за нее, она может потерпеть столько же или даже больше ущерба, нежели от ударов разъяренных защитников монархии.

Между тем король возвратился из Шотландии в Лондон, и народ встретил его шумными приветствиями и всевозможными изъявлениями почтения и любви[51]. Благоприятные Карлу настроения поддерживал сэр Ричард Горни, лорд-мэр, человек благоразумный и влиятельный; именно он побудил лондонскую чернь, которая еще недавно оскорбляла короля, а вскоре начала против него жестокую войну, выказать монарху эти знаки верности и привязанности. Но все удовольствие, которое получил Карл от этого восторженного приема, быстро испортила ремонстрация общин, представленная ему вместе с написанной в сходном духе петицией. Авторы петиции жалуются на дурные советы, коим следовал король, весьма откровенно намекают на его соучастие в ирландском восстании, обрушиваются на коварный замысел ввести в Англии суеверия и папизм, и, наконец, как лучшее средство от всех этих зол, рекомендуют монарху передать все военные и гражданские должности тем лицам, которым парламент Его Величества имеет основания доверять[52]. Под этими словами, так часто повторявшимися во всех петициях и обращениях той эпохи, общины разумели самих себя и своих сторонников.

Как только ремонстрация общин была опубликована, король обнародовал свой ответ на нее. Положение его в этом споре было весьма невыгодным. Мало того, что народ, вдоволь наслушавшись врагов монарха, был сильнейшим образом против него предубежден, но даже самые лучшие аргументы, с помощью которых Карл мог оправдать или хотя бы извинить свои прежние меры, использовать в тот момент было бы с его стороны рискованно или неблагоразумно. Идолопоклонство перед парламентами достигло такой степени, что любое порицание прежнего образа действий этих собраний большинство народа встретило бы с величайшим раздражением. Возмущение незаконными мерами короны было столь бурным, что если бы король попытался защитить свою прерогативу и собственной властью исправлять изъяны в правительственном механизме, порожденные упрямством общин, то он лишь усилил бы шумные протесты, уже охватившие его страну. А потому Карл довольствовался общим замечанием о том, что даже в те годы, которые все так громко бранят ныне, английский народ наслаждался немалым благоденствием, и не только относительным, по сравнению со своими соседями, но даже по сравнению с теми временами, которые справедливо считаются самыми счастливыми. Король пылко и торжественно заявил о своей искренней преданности реформированной религии, пообещал терпимость тем, чья совесть не принимает обрядов государственной церкви, упомянул о важных уступках, сделанных им в пользу народной свободы, осудил повсеместно распрост-

раняющиеся постыдные пасквили, направленные против его особы и национальной религии, выразил недовольство по поводу безосновательных упреков, которыми осыпала ремонстрация его правительственные меры, находя их все без исключения дурными, — хотя он, король, не пытался спасти ни одного министра от судебного преследования парламента, не оставил у себя на службе ни одного непопулярного в народе человека, а на высшие должности назначал лишь тех, кто имел высокую репутацию и пользовался уважением в обществе. «Если же, несмотря на все это, — добавил король, — некие злонамеренные люди под какими угодно предлогами религии или убеждений совести осмелятся и пожелают мир и счастье своей страны принести в жертву собственным коварным замыслам и честолюбию, если они попытаются опорочить мое доброе имя, ослабить мое влияние, умалить мой авторитет и законную власть, если, пренебрегая существующими законами, они покусятся на то, чтобы расшатать скрепы правления и ввергнуть нас во всевозможные смуты и беспорядки, то я не сомневаюсь, что Господь, в угодное ему время, откроет мне их злые козни, а мудрость и твердость парламента — моего верховного суда — соединится со мною ради того, чтобы пресечь их и покарать»[53]. Ничто не показывает нам с большей ясностью, в каком тяжелом положении находился король, нежели тот факт, что по отношению к подданным, которые в обращении со своим государем уже перешли все границы почтения и даже обыкновенного приличия, он вынужден был держаться в строгих рамках учтивости.

Первым из парламентских посягательств на полномочия короны, которых должен был ожидать Карл, стал билль о принудительном наборе солдат для службы в Ирландии. Этот билль быстро прошел через нижнюю палату. В преамбуле к нему право короля проводить подобные наборы — право, которым монархи пользовались во все прежние времена, — было объявлено незаконным и противоречащим свободе подданных. Как необходимое следствие этого была упразднена и уничтожена другая прерогатива, всегда осуществлявшаяся короной, — ставить людей, даже вопреки их желанию, на любые должности и посты в государственной службе; прерогатива, следует признать, плохо совместимая с порядками ограниченной монархии. Чтобы уклониться от действия этого закона, Карл предложил набрать для войны в Ирландии десять тысяч добровольцев, однако общины страшились того, что такая армия будет слишком предана государю. Все еще не желая смириться со столь значительным умалением своей власти, Карл явился в палату лордов и предложил принять этот закон без преамбулы, — таким образом, говорил король, вопрос о пределах прерогативы, неуместный при нынешних обстоятельствах, можно будет на время оставить в покое, и интересы обеих партий не потерпят никакого ущерба. Этот шаг вызвал бурный гнев обеих палат, и Карл мог бы предвидеть их негодование, вспомнив подобный же случай, имевший место еще тогда, когда парламент рассматривал вопрос о билле об опале против Страффорда. Лорды и общины тут же приняли особое постановление,

объявив, что если король узнает о каком-либо билле, находящемся на обсуждении в любой из палат, или выскажет свое мнение по его поводу до того, как этот билль будет представлен ему на утверждение законным парламентским порядком, то подобные действия короля надлежит считать вопиющим нарушением привилегий парламента. Королю пришлось извиниться, чтобы вполне успокоить их гнев[54].

Здесь можно заметить, что в целом вопрос о парламентских привилегиях всегда был и до сих пор остается одной из величайших загадок в английской конституции, а в некоторых пунктах, несмотря на дух точности, свойственный нашей системе правления, эти привилегии являются ныне такими же неопределенными, какими прежде были прерогативы короны. Привилегии, опирающиеся на долгую цепь соответствующих прецедентов, оспаривать невозможно, но даже если допустить, что в прошлом короли и в самом деле никогда не высказывали своего мнения о биллях, находившихся на рассмотрении палат (а судя по всему, довольно часто имело место обратное), то из одного лишь факта, что короли ни разу подобным правом не воспользовались, еще не следует, что они от этого права отказались или никогда им не обладали. Можно также, независимо от конкретных прецедентов, согласиться с теми привилегиями, которые необходимы для любого свободного собрания, обсуждающего те или иные вопросы, но хотя вмешательство короля со своими советами или предложениями внушает собранию благоговейный страх и до известной степени ограничивает его свободу, мы можем усомниться в том, что оно является настолько очевидным насилием, что парламент, без каких-либо иных причин и без всяких уступок со своей стороны, мог притязать на исключительное право это вмешательство устранить. Но это был удобный момент для расширения привилегий, и если бы парламент не стал добиваться иных привилегий, явно чрезмерных и неразумных, его действия не повлекли бы за собой слишком скверных последствий. Так или иначе данный принцип, безусловно, способствует правильности и упорядоченности, а равным образом и свободе заседаний парламента.

Вмешательство лордов в выборы членов нижней палаты также было объявлено тогда нарушением привилегии — и с тех пор, беспрестанно осуждаемое постановлениями общин, оно продолжает оставаться по всей Англии вполне обычным делом.

Все действия общин и в еще большей степени все усилия их сторонников были исполнены глубочайшей ненависти к англиканской иерархии и обнаруживали твердую решимость уничтожить существующее церковное устройство. Мало того, что из-за произвола нижней палаты духовенство подвергалось бесчисленным стеснениям и преследованиям, но когда лорды приняли распоряжение о необходимости соблюдать все относящиеся к общественному богослужению законы (король в это время находился в Шотландии), общины присвоили себе такие полномочия, что собственным решением приостановили действие этих законов, хотя и утвержденных всей законодательной властью, и в частности запретили поклоны

при имени Христа — обычай, который возмущал нижнюю палату сверх всякой меры, превратившись в один из главных поводов для ее нападок на государственную церковь[55]. Король назначил епископов в пять вакантных епархий — общины выразили недовольство, сочтя оскорблением в свой адрес то, что он пополняет и усиливает сословие, которое они вознамерились в скором времени совершенно уничтожить[56]. Ранее общины обвинили тринадцать епископов в государственной измене за введение канонов без согласия парламента[57], хотя со времени возникновения английской монархии по-другому это никогда и не делалось; теперь же они потребовали, чтобы лорды на основе этого общего обвинения лишили упомянутых епископов мест в парламенте и заключили их в тюрьму. Зимой билль о лишении епископов права голоса уже был отвергнут лордами, но общины представили его вновь, хотя перерывов в работе парламента не было, а чтобы обойти этот неудобный для них пункт парламентского регламента, они внесли в билль кое-какие мелкие изменения. Направляя же этот билль лордам, общины выдвинули требование, совершенно невероятное по своей нелепости, — отказать епископам в праве голоса по данному вопросу, поскольку они-де являются одной из сторон в споре[58]. После того как общины решили посягнуть на государственное и церковное устройство Англии, уже нельзя было ожидать, что, осуществляя столь дерзкий замысел, они будут действовать совершенно честными и законными методами; следует, однако, согласиться, что в своих нападениях на иерархию общины еще более открыто перешли все границы благоразумия и умеренности, ибо они, без сомнения, полагали, что святость цели послужит достаточным оправданием для самых беззаконных и неслыханных средств. Подобное убеждение, столь распространенное среди всевозможных фанатиков, никогда не обнаруживалось более явно, чем в течение всей описываемой нами эпохи.

И однако, несмотря на все свои усилия, общины не могли рассчитывать на одобрение верхней палатой ни этого, ни любого иного закона, который внесли бы они с целью дальнейшего ограничения монаршей власти. Пэры в своем большинстве оставались верны королю, прекрасно понимая, что неизбежным следствием узурпации народом прав короны станут притеснения и упадок аристократии. В самом деле, дерзость общин и их надменность в обращении с лордами, уже достигшие неслыханной степени, достаточно ясно предвещали будущие нападки нижней палаты на титулованную знать. Общины выразили нечто вроде сожаления по поводу того, что спасать королевство им придется собственными силами и что палата пэров не будет иметь своей доли в этой высокой славе. Нижняя палата на этом не остановилась, но прямо заявила лордам, что «именно она — орган, представляющий все королевство, пэры же — всего лишь отдельные особы, которые занимают свои места в парламенте по личному праву, а потому, если их светлости откажутся утвердить акты, необходимые для спасения народа, общины, соединясь с теми из лордов, которые лучше других сознают опасность, сами представят их на одобрение Его

Величеству»[59]. Демократический дух, овладевший тогда всей нацией, был столь пылким и неистовым, что следовало опасаться полного смешения всех званий и сословий, и удивительно было не то, что большинство пэров ищет убежища под сенью трона, но скорее то, что кто-либо из них способен осмелиться это убежище покинуть. Но мощный поток народных настроений захватил многих и увлек их далеко в сторону от самых ясных и непреложных принципов политического благоразумия. Среди противников короля мы встречаем имена графа Нортумберленда, лорда-адмирала, человека выдающегося по своей знатности и богатству, наделенного тем благородно-величавым чувством собственного достоинства, которое так подобало его высокому рангу и положению; графа Эссекса, который в полной мере унаследовал популярность своего отца и, с ранней юности стремясь к воинской славе, соединял с посредственными способностями ту строгую и непоколебимую честность, которая составляет истинное украшение воина и дворянина, наконец, лорда Кимболтона (вскоре — графа Манчестера)[321], известного своей добротой, великодушием, любезностью и всеми качествами, свойственными людям нрава мягкого и приятного. Видя, что их авторитет в обществе весьма высок, эти лица отважились подстрекать народ к беспорядкам, легкомысленно при этом полагая, будто они обладают достаточным влиянием, чтобы управлять ими и сдерживать их по своей воле.

Чтобы склонить на свою сторону большинство членов верхней палаты, общины обратились за помощью к простонародью, уже оказавшему им в других случая весьма важные услуги. При полном отсутствии какой-либо угрозы они постоянно изображали страх перед гибелью, нависшей якобы над ними самими и над всей нацией, и, казалось, трепетали при всяком тревожном слухе или намеке на малейшую опасность. Они снова принялись возбуждать народ бесконечными расследованиями заговоров, разговорами о мятежах, ложными сведениями об иностранных вторжениях, разоблачениями опасных интриг, замышляемых будто бы папистами и их приспешниками в самой Англии. Когда Карл распустил парламентскую стражу, которую общины распорядились выставить в его отсутствие, они выразили негодование, когда же он пообещал дать им новую, под начальством графа Линдси, они категорически отвергли его предложение и, воспользовавшись этим примером взаимного недоверия, с великим удовольствием стали внушать народу, что главная опасность для парламента исходит от самого короля[60]. В зале своих заседаний они велели разместить отряд алебардщиков, дабы защитить себя таким образом от заговоров, якобы ежечасно им угрожающих. Все россказни о кознях и интригах, даже самые нелепые, общины весьма охотно выслушивали, а затем распространяли среди простонародья, умственным способностям которого эти выдумки отвечали как нельзя лучше. Портной по имени Биль донес нижней палате, что однажды, прогуливаясь в поле, он случайно услышал разговор неизвестных ему лиц, толковавших о некоем опаснейшем заговоре. Ста восьми головорезам, как выяснил портной, было поручено умертвить

сто восемь лордов и коммонеров, и за эти убийства им обещали вознаграждение: по 10 фунтов за каждого лорда и по 40 шиллингов за каждого члена нижней палаты. Получив столь ценные сведения, палата немедленно распорядилась арестовать всех католических священников и иезуитов, потребовала конференции с лордами, а помощникам лордов-лейтенантов некоторых графств, внушавших общинам особую тревогу, приказала *привести свои территории в оборонительное положение*[61].

Церковные кафедры также были призваны на помощь — с них загремели речи об опасностях, коими угрожают протестантской религии страшные замыслы папистов и прочих злонамеренных особ. Толпы народа стеклись к Вестминстеру и начали осыпать оскорблениями прелатов и тех лордов, которые сохраняли верность королю. Пэры приняли декларацию, осуждавшую эти беспорядки, и направили ее в нижнюю палату, но последняя отказалась ее одобрить[62]. Несколько подмастерьев, арестованных и заключенных в тюрьму за свои буйства, тотчас же были выпущены на свободу по распоряжению общин[63]. Когда шерифы и мировые судьи назначили для охраны парламента особых констеблей с усиленными караулами, общины вызвали констеблей в палату и потребовали снять караулы; после чего, собрав судей, общины объявили их приказы посягательством на парламентские привилегии, а одного из них даже посадили в Тауэр[64]. Подстрекаемая явными знаками расположения общин, лондонская чернь продолжала толпиться вокруг Уайтхолла, дерзко угрожая самому королю. В разгаре этих опасных беспорядков некоторые уволенные в отставку офицеры, а также молодые джентльмены из юридических корпораций стали предлагать Карлу свою помощь. Между ними и простонародьем часто происходили стычки, заканчивавшиеся не без кровопролития. Для участников сборищ эти джентльмены придумали оскорбительное прозвище — КРУГЛОГОЛОВЫЕ, намекавшее на коротко остриженные волосы, *которые те носили, а их самих народ стал называть* КАВАЛЕРАМИ. Таким образом, английская нация, уже имевшая достаточно причин для гражданских и религиозных раздоров, обзавелась еще и особыми названиями партий, с помощью которых их сторонники могли теперь при встрече отличать друзей и выражать ненависть к врагам[65].

ОТСТРАНЕНИЕ ЕПИСКОПОВ

Между тем беспорядки вокруг Уайтхолла и Вестминстера продолжались и даже усиливались; беспрестанно звучали гневные возгласы в адрес *епископов и продажных лордов*[66]. Первые, внушавшие дикую ненависть сектантам всех мастей и к тому же легко отличимые по своему одеянию, подвергались особенно яростным нападкам[67]. Толпа грубо обошлась с Уильямсом (который уже стал к этому времени архиепископом Йоркским), и он спешно созвал своих собратьев на совещание. По его предложению была

составлена и подана королю и палате лордов торжественная протестация (27 декабря). В ней епископы указывали, что хотя они обладают несомненным правом заседать в парламенте и участвовать в голосовании, однако при входе в парламент они подвергаются угрозам, насилиям и оскорблениям со стороны буйного простонародья, а потому уже не могут исполнять свои обязанности без риска для жизни. По этой причине они заявили протест против всех актов, законов и постановлений, которые будут приняты во время их вынужденного отсутствия, провозгласив их ничтожными и лишенными силы. Эта протестация, вполне справедливая и законная, хотя, безусловно, весьма несвоевременная, была подписана двенадцатью епископами и представлена королю, который ее утвердил. Как только ее направили в верхнюю палату, лорды изъявили желание устроить конференцию с общинами, которых они специально уведомили об этой неожиданной протестации. Представившейся возможностью общины воспользовались с радостью и ликованием. Они тотчас же обвинили епископов перед лордами в государственной измене за попытку ниспровергнуть основные законы государства и лишить силы законодательную власть[68]. По первому же требованию их исключили из парламента и взяли под стражу. Ни в одной из палат никто не осмелился сказать хотя бы слово в защиту епископов: сколько раздражения вызвал у всех их шаг, поразительный по своей опрометчивости. Только один человек заявил, что, по его мнению, они не повинны в государственной измене, но просто утратили всякий рассудок [322], а потому их нужно отправить в Бедлам[69].

Несколько дней спустя короля подтолкнули к еще одной, гораздо более фатальной неосторожности; неосторожности, которую следует считать прямой и непосредственной причиной всех последующих смут и гражданских войн. Речь идет об обвинении в государственной измене лорда Кимболтона и пятерых членов нижней палаты.

Когда общины решились употребить в своей ремонстрации чрезвычайно резкие и грубые выражения, ими двигали не только высокомерие и гнев: планы их были гораздо более основательными. Общины приняли в расчет, что посягательство на древнюю конституцию — предприятие само по себе весьма дерзкое, а потому чем больше будет у народа времени для размышлений, тем менее будет он склонен поддерживать этот опасный и опрометчивый замысел; что пэры наверняка откажут нижней палате в содействии и она не может надеяться навязать им свою волю иначе, как подстрекая чернь к буйствам и беспорядкам; что использование столь отвратительных средств ради столь возмутительной цели в конце концов лишит их всякой популярности и повернет поток народных симпатий к враждебной им партии; что если король сможет хотя бы сохранить хладнокровие и, проявив осмотрительность, уклониться от первых ударов жестокой бури, то в конечном счете он непременно возьмет верх, по крайней мере сумеет спасти старинные законы и конституцию. А потому общины решили вывести короля из равновесия, надеясь, что в состоянии гнева он совершит опрометчивые поступки, из которых они смогут извлечь немалую выгоду.

Вскоре они добились успеха, превзошедшего их самые смелые надежды. Карл приходил в бешенство, видя, что все его усилия лишь увеличивают притязания общин; что народ, к которому начало было возвращаться сознание долга по отношению к монарху, вновь толкают к беспорядкам и мятежам; что против его особы распространяют самую гнусную клевету и даже ирландскую резню приписывают его козням и интригам; что в ход пущен такой способ подачи петиций, который не только не допустим по отношению к великому государю, но непременно вызвал бы гнев даже у простого дворянина — частного лица. Размышляя обо всех этих свидетельствах растущей дерзости общин, он склонен был объяснить их в значительной степени собственной робостью, вялостью и уступчивостью. Королева и придворные дамы, еще сильнее подстрекая его гнев, твердили о том, что если бы он проявил, наконец, решительность и выказал подобающее монарху достоинство, то дерзкие посягательства подданных отступили бы перед величием его сана. Лорд Дигби, человек весьма даровитый, но полный легкомыслия и увлекаемый бурными страстями, подавал королю такие же советы, и Карл, обычно сдержанный, но всегда готовый к поспешным решениям, уступил роковой настойчивости своих слуг и друзей[70].

ОБВИНЕНИЕ ПЯТИ ЧЛЕНОВ НИЖНЕЙ ПАЛАТЫ

Герберт, генеральный атторней[323], явился в палату пэров и именем короля обвинил в государственной измене лорда Кимболтона и пятерых коммонеров: Голлиса, сэра Артура Гэзльрига, Гемпдена, Пима и Строда. Обвинение состояло из следующих статей: упомянутые лица вероломно покушались на то, чтобы ниспровергнуть основные законы и систему правления королевства, лишить короля полномочий и подчинить его подданных произволу деспотической власти; многими гнусными клеветами, возводимыми на короля и на его правительственные меры, они стремились разрушить любовь подданных к монарху и сделать Его Величество ненавистным для собственного народа; во время последней войны они пытались склонить армию к неповиновению приказам короля и вовлечь ее в свои изменнические козни; они побуждали и подстрекали иностранное государство к вторжению в Англию; они вознамерились уничтожить права и самое существование парламента; дабы успеть в своих преступных замыслах, они пытались, насколько могли, силой и угрозами заставить парламент примкнуть к ним, с каковой целью возбуждали и поощряли мятежи против короля и парламента; они коварно замышляли и действительно начали войну против своего короля[71].

Это громкое обвинение, которое король, ни с кем не посоветовавшись и ничего как следует не обдумав, столь внезапно и опрометчиво внес в верхнюю палату, изумило буквально всех. Судя по внешности дела, го-

ворили иные, некоторые статьи в равной мере относятся к обвиненным членам и ко всему парламенту, а осуществлению тех замыслов, которые ставят им в вину, эти люди содействовали, кажется, лишь постольку, поскольку, подавая свои голоса и выступая с речами в парламенте, соглашались с мнением большинства. Предположим, действительно найдутся доказательства того, что они тайно побуждали шотландцев к вторжению в Англию, — но как можно называть эти поступки государственной изменой теперь, когда принят акт об амнистии, а обе палаты, с согласия короля, постановили вознаградить шотландцев 300 000 фунтов за их братскую помощь англичанам! Ныне палата пэров едва ли способна сохранить свою независимость и отклонять билли, представляемые общинами, — так неужели чернь позволит лордам, если они вдруг того пожелают, вынести приговор, который должен совершенно обуздать нижнюю палату и положить конец ее дерзким и честолюбивым предприятиям? Упомянутые пять членов, по крайней мере Пим, Гемпден и Голлис, как раз и являются главами народной партии, и если эти головы полетят, то какой же участи следует ожидать их сторонникам, многие из которых замешаны в той же «государственной измене»? Наказание вождей всякий раз бывает последним актом торжества над партией сломленной и разбитой, но, конечно же, никто и никогда не замышлял ничего подобного в тот момент, когда враждебная партия находилась на вершине своего могущества и успеха.

Но англичане даже не успели как следует удивиться неблагоразумию этой меры: их повергли в изумление новые действия Карла, еще более опрометчивые и безрассудные. Парламентский пристав именем короля потребовал у палаты выдачи пятерых членов; его отослали без всякого определенного ответа. Король велел своим людям найти и арестовать обвиненных; их жилища, кабинеты и личные вещи были опечатаны. Общины постановили, что все эти насильственные действия являются нарушением парламентской привилегии, и приказали каждому англичанину защищать свободу пятерых членов палаты[72]. Разгневанный этим сопротивлением, король решил на следующий день лично явиться в палату, чтобы потребовать выдачи, а может быть, и силой захватить в присутствии коммонеров обвиненных им лиц.

Об этом плане стало известно графине Карлайл [324], сестре Нортумберленда, даме смелой, проницательной и весьма склонной к интригам[73]. Она тайно предупредила пятерых членов, и они успели удалиться за мгновение до того, как в палату вошел король. Сопровождала его обычная свита, примерно в двести человек, вооруженных по обыкновению: некоторые — алебардами, а другие — мечами. Король велел им остаться у входа, а сам прошествовал через залу; все члены встали, приветствуя его. Председатель покинул свое кресло, и его занял король. Затем Карл произнес следующую речь: «Джентльмены, я огорчен случаем, приведшим меня сюда. Вчера я отправил к вам парламентского пристава с поручением арестовать некоторых особ, обвиненных по моему приказу в государственной измене. Я ожидал от вас повиновения, но получил послание.

И сейчас я должен объявить вам, что хотя ни один английский король не заботился о сохранении ваших привилегий больше, чем это делаю я, однако в случае государственной измены привилегий не существует ни для кого. А потому я пришел сюда сказать вам, что эти люди должны быть выданы мне, где бы они ни находились. Впрочем, все эти птички, как я вижу, уже улетели; очень надеюсь, что вы их мне пришлете, как только *они возвратятся. Однако уверяю вас моим королевским словом: я никогда* не собирался употреблять насилие и буду действовать против них законными средствами, ибо ничего другого я не имел даже в мыслях. А теперь, поскольку я не могу исполнить того, ради чего пришел, будет, полагаю, нелишним повторить то, что говорил я вам прежде: все, сделанное мною для пользы и блага моих подданных, я твердо намерен сохранить»[74].

Оглядываясь по сторонам в поисках обвиненных членов, король спросил председателя, стоявшего чуть ниже, нет ли сейчас в палате кого-либо из этих лиц. Председатель, упав на колени, благоразумно отвечал: «Ваше Величество, глаза, чтобы видеть, и уши, чтобы слышать, существуют у меня здесь лишь в той мере, в какой угодно будет приказать этой палате, *чьим слугой я являюсь. Покорнейше прошу меня простить, если я не в* силах дать другого ответа на то, о чем Ваше Величество изволите меня спрашивать»[75].

Общины пришли в неописуемое волнение, а когда король направился к выходу, некоторые члены весьма громко, так, чтобы он мог их услышать, закричали: *Привилегию! Привилегию!* Палата тотчас же отложила свои заседания до следующего дня[76].

В тот же вечер, желая показать, что они встревожились еще сильнее, обвиненные члены удалились в Сити, который был их крепостью. Граждане всю ночь были при оружии, а некоторые, специально нанятые или, может быть, движимые искренним страхом, бегали по улицам, истошно *вопя, что кавалеры вот-вот подожгут Сити и что предводительствует ими* сам король.

На следующее утро Карл отправил своего гонца к лорду-мэру(325) и приказал ему немедленно создать муниципальный совет. Около десяти часов он лично направился в Гилдхолл (326), сопровождаемый всего лишь тремя или четырьмя лордами. Король заявил членам совета, что ему весьма прискорбно слышать о подозрениях на свой счет; что он прибыл к ним без всякой охраны, желая показать, до какой степени полагается он на их любовь; что против известных особ, обвиненных им в государственной измене, он будет действовать законным порядком, а потому полагает, что эти люди не найдут покровительства в Сити. После множества других милостивых и любезных речей он сообщил одному из шерифов, который менее всего был к нему расположен, что намерен у него обедать.

Король покинул ратушу, так и не услышав ожидаемых рукоплесканий. Проезжая по улицам, он всюду слышал возгласы: *Парламентскую привилегию! Парламентскую привилегию!* А какой-то простолюдин, более дерзкий, чем все остальные, приблизился к королевской карете и

громко закричал: *В ваши кущи, сыны Израилевы*! — так восклицали некогда мятежные израильтяне, отделяясь от Ровоама[327], своего безрассудного владыки[77].

Общины, вновь собравшись, сделали вид, будто они охвачены величайшим страхом, и, объявив перерыв на несколько дней, учредили особый комитет, который должен был заседать в Сити, в помещении гильдии торговцев сукном. Комитет произвел тщательное расследование всех обстоятельств прихода короля в палату; ни одно вспыльчивое или неосторожное слово, ни один угрожающий жест, пусть даже принадлежал он последнему из слуг короля, не были оставлены без внимания. Во всем этом комитет усмотрел замысел подвергнуть парламент насилию, захватить обвиненных членов в самой палате и перебить всех, кто попытается оказать сопротивление. Столь «неслыханное посягательство на привилегию», как назвали этот инцидент, по-прежнему объясняли «наущениями папистов и их приспешников». Слова эти, беспрестанно повторявшиеся тогда в речах и петициях, а ныне способные вызвать у читателя лишь громкий смех, в ту пору повергали всех англичан в глубочайший и совершенно искренний ужас.

Тогда же было якобы перехвачено некое письмо; его передали в комитет, изобразивший по этому поводу страшную тревогу. Один католик поздравлял в нем своего единоверца с обвинением пяти членов, представляя данное событие как одно из звеньев того самого святого плана, который уже вызвал восстание в Ирландии, а вскоре должен был привести к полному истреблению нечестивых еретиков в Англии[78].

БЕСПОРЯДКИ

Палата собралась вновь и, утвердив постановления своего комитета, тотчас же объявила перерыв заседаний, как будто насилия врагов грозили ей страшными опасностями Подобную уловку она повторяла и впоследствии. Когда же эти притворные опасения возбудили в народе достаточно ярости и страха, было решено, что обвиненные члены должны вновь занять свои места в парламенте, сопровождаемые торжественной процессией граждан и милиции. Темза покрылась лодками, а также приготовленными к бою судами с небольшими пушками. Скиппон [328], коего парламент собственной властью назначил командующим городской милицией[79], препровождал обвиненных членов в Вестминстер, выступая во главе этого шумного воинства. А когда простонародье, двигавшееся сушей и водой, поравнялось с Уайтхоллом, раздались оскорбительные выкрики: *Так где же теперь король и его кавалеры? Куда они скрылись?*[80]

КОРОЛЬ ОСТАВЛЯЕТ ЛОНДОН

Всеми покинутый, раздавленный скорбью, стыдом и сожалением о тех роковых мерах, к которым его подтолкнули, король, опасаясь насилий разъяренной толпы, удалился в Гемптон-Корт. Он уже не мог объяснять свое отчаянное положение жестокими ударами судьбы или злобой врагов; вину за все несчастья, которые могли его отныне постигнуть, он должен был возлагать на собственную опрометчивость и безрассудство. Самые преданные из его сторонников теряли голову, когда в промежутках между приступами печали и негодования задумывались о том, что уже случилось и что, скорее всего, произойдет в будущем. Видя крушение всех своих надежд, торжество мятежной клики и дикое неистовство взбесившейся черни, они совершенно отчаялись в успехе того дела, краху которого друзья и враги способствовали, казалось, в равной степени.

Утверждать, что король в этой истории вел себя вполне благоразумно, не решался никто, однако в пользу законности его действий выдвигались многочисленные и весьма основательные доводы, хотя их, как правило, не желали слушать. Не существует, говорили иные, более непреложной и общепризнанной нормы закона, нежели та, согласно которой парламентская привилегия не распространяется на государственную измену, уголовное преступление и нарушение общественного порядка, и ни одна из палат в прежние времена ни разу не пыталась выступить в подобных случаях в защиту своих членов. Соблюдение данного правила может привести к известным неудобствам, но этого совершенно недостаточно, чтобы без каких-либо иных оснований отменять принцип, установленный непрерывной цепью прецедентов и основанный на молчаливом согласии всей законодательной власти. Но каковы же эти неудобства, внушающие столько опасений? Под предлогом государственной измены король может подвергнуть аресту любых членов враждебной ему партии и на некоторое время обеспечить своим сторонникам большинство голосов. Допустим, он арестует лишь немногих, — но разве из-за этой грубой уловки не потеряет он больше друзей, чем посадит в тюрьму врагов? Предположим, он арестует многих, — но разве не будет это действие насилием, наглым и открытым? А какое средство существовало во все времена против подобного насилия, если не ответ на него силой, причем силой превосходящей? Допустим все же, что для ареста членов палаты король намеревался употребить силу, а не законную власть (хотя и тогда, и впоследствии он решительно утверждал обратное), — даже в этом случае действия его можно оправдать. Говорить, будто здание, в котором собирается парламент, является священным и неприкосновенным, никому еще в голову не приходило. Если же общины жалуются на оскорбление, которое нанес им король, пытаясь арестовать их членов в зале заседаний, то вся вина падает на сами общины, ибо это они отказались повиноваться посланию короля, когда он мирно просил их выдать обвиненных членов.

Государь — высший исполнитель законов, и его личное присутствие в палате было в данном случае законным и справедливым: таким образом он пытался предотвратить сопротивление, а заодно защитить палату от тех оскорблений, которые она вполне заслужила своим неповиновением.

Карл хорошо понимал, сколь тщетно противопоставлять эти доводы бешеному неистовству, владевшему теперь общинами. А потому он предложил им в своем послании согласовать законную процедуру, в соответствии с которой он мог бы преследовать обвиненных членов судебным порядком, избежав таким образом новых недоразумений в связи с парламентскими привилегиями. Общины потребовали, чтобы король изложил палате мотивы обвинения и сослались на то, что вначале они должны решить, следует ли им допускать судебный процесс над своими членами. Затем король сообщил им, что готов на время отказаться от всякого судебного преследования, в нескольких посланиях предлагал обвиненным членам помилование, соглашался одобрить любой закон, который оправдает их или гарантирует им безопасность, и выказывал готовность дать палате любое удовлетворение за нарушение парламентской привилегии, на что, как признавал король, у нее были основания жаловаться[81]. Общины решили не принимать никакого удовлетворения, если король не откроет имена тех, кто советовал ему пойти на эту незаконную меру, — условие, на которое, как прекрасно понимали общины, король не мог согласиться, не покрыв себя навеки позором. Между тем они продолжали метать громы и молнии против нарушения парламентской привилегии, возбуждая своими яростными протестами всю нацию. Истинную же причину своего недовольства, хотя и вполне очевидную, общины тщательно скрывали. В обвинении королем пяти членов они видели осуждение им последних действий парламента, и каждый сторонник господствующей клики страшился, что и его постигнет та же участь, если королевская власть будет восстановлена в ее древнем блеске и величии. На редкость неудачными действиями Карл не только до крайности возбудил в своих врагах желание ему вредить, но и предоставил им для того новые возможности.

Чтобы еще сильнее взволновать народ, уже достаточно проникнутый мятежными настроениями, общины вновь прибегли к петициям. Шесть тысяч человек представили палате петицию от графства Бакингемшир, поклявшись жить и умереть во имя защиты привилегий парламента[82]. Лондонский Сити, графства Эссекс, Гертфордшир, Суррей и Беркшир последовали их примеру. Весьма милостиво была встречена петиция от подмастерьев[83], более того, палата благосклонно приняла петицию носильщиков, число коих, по их собственным словам, доходило до пятнадцати тысяч[84]. В обращении сей почтенной корпорации содержались те же пункты, что и во всех прочих петициях: привилегии парламента, опасность, нависшая над протестантской религией, восстание в Ирландии, упадок торговли. Кроме того, носильщики требовали наказать преступников сообразно мерзости их злодеяний. Петиционеры заключали: «Если же

принятие этих мер и далее будет откладываться, то они будет вынуждены прибегнуть к крайним средствам, о которых не следует даже упоминать, и таким образом докажут справедливость поговорки *нужда не знает закона*»[85].

Еще одно прошение подали несколько бедняков, или нищих, от имени многих тысяч своих собратьев; в качестве средства от общественных бедствий петиционеры предлагали следующее: *Пусть те достойные члены палаты пэров, которые одобряют благодетельные постановления общин, отделятся от остальных, чтобы заседать и подавать голоса в одном составе с нижней палатой*. Общины изъявили им благодарность за эту петицию[86].

Даже женщин охватило подобное неистовство. Супруга некоего пивовара, сопровождаемая многими тысячами особ ее пола, подала в палату петицию; в ней выражался ужас перед папистами и прелатами и страх подвергнуться тем же избиениям, насилиям и надругательствам, какие претерпел их пол в Ирландии. По словам подательниц прошения, они были вынуждены последовать примеру женщин Фекоя[329]; они требовали равного с мужчинами права излагать посредством петиций свое понимание интересов общества, ибо Христос искупил их столь же дорогой ценой, а в свободном служении Христу в равной мере заключается счастье обоих полов. К дверям палаты вышел Пим; объявив этим фанатикам в юбках, что их прошение, весьма своевременно поданное, принято с благодарностью, он просил, чтобы за их петицией последовали молитвы за успех общин. Столь низкие уловки шли тогда в ход для того, чтобы снискать расположение толпы; столь диким и темным ханжеством подстрекали несчастный народ к гражданским раздорам и беспорядкам!

А между тем любые петиции в пользу церкви или монархии, кто бы их не подписывал, решительно отвергались; мало того, самих петиционеров *разыскивали, бросали в тюрьму и судили как делинквентов, причем эти* несправедливые действия оправдывались совершенно открыто. Всякий, кто желает перемен, утверждали сторонники общин, должен выражать свои мнения, ибо как иначе смогут о них узнать другие? Однако тем, кто стоит за существующее государственное или церковное устройство, не следует подавать петиции, ведь они уже имеют то, к чему стремятся[87].

Как обнаружилось при голосовании о ремонстрации, Карл имел в нижней палате сильную партию, и если бы король тщательно остерегался подавать новые поводы для недовольства, партия эта, благодаря той ненависти, которую вызывали насильственные меры народных вождей, вскоре превратилась бы в большинство. В палате пэров он всегда располагал значительным большинством, даже после изгнания и ареста епископов, и одолеть это большинство можно было лишь с помощью грубого насилия, которое в конце концов навлекло бы бесчестье и гибель на тех, кто подстрекал к нему толпу. Но овладевшая тогда народом ярость, словно бурный поток, смела все эти преграды, сровняв с землей все бастионы монаршей власти. Хитрые и проницательные члены нижней палаты хорошо по-

нимали, что значит благоприятный момент в эпоху народных волнений, и не замедлили воспользоваться плодами победы. Всей нации они внушили страх перед своей властью, и любое несогласие, даже упрек, высказанный в частной беседе, эти жестокие судьи трактовали как ужаснейшее из преступлений. Критиковать образ действий какого-либо лица, если оно занимало видное положение в палате, никому не дозволялось, а порицания в адрес Пима рассматривались в то время как посягательство на парламентскую привилегию. Чернь, толпившаяся у дверей палаты, готова была исполнить волю своих вождей по первому их намеку, а отдельным членам, пытавшимся противостоять всеобщему потоку или сдержать его, было опасно появляться в любой из палат. Все эти насилия и беззакония творились столь беззастенчиво, что Голлис в своей речи к пэрам прямо потребовал назвать имена тех членов, которые намерены голосовать вопреки мнению общин[88], а Пим заявил в нижней палате, что не следует как-либо сдерживать народ в выражении его справедливых желаний[89].

Вследствие бегства, страха или уныния членов королевской партии их противники всюду получили неоспоримое большинство, и направляемые общинами в верхнюю палату билли, которые до сих пор отклонялись пэрами и наверняка были бы отвергнуты, теперь принимались ими и поступали на утверждение королю. Так случилось с биллем о принудительном наборе (вместе с преамбулой к нему) и с биллем об исключении епископов. Авторитет короля к этому времени упал до предела, а королева, которой тайно угрожали привлечением к суду, не находя опоры в покровительстве супруга, уже готовилась бежать в Голландию. Ее вероисповедание, а также смелый и деятельный характер вызывали неистовую ярость всего народа. Величайшие дерзости и обиды она выносила до сих пор с безмолвным негодованием. Общины в своей бешеной ненависти к католическим священникам дошли до того, что арестовали ее духовника и не соглашались его освободить после ее многократных просьб. Даже посещение собственной матери принцем вызвало открытое недовольство палаты: по этому поводу королеве был заявлен официальный протест[90]. Опасаясь еще более жестоких нападок, она всячески стремилась ускорить свое бегство, и потому уговорила короля одобрить эти билли в надежде хотя бы на время успокоить неистовую ярость черни[91].

Король, однако, тотчас же обнаружил, что его новые уступки, пусть и чрезвычайно важные, привели к тем же последствиям, что и все предшествующие: они превратились в основание для еще более непомерных требований. Мягкий характер и отчаянное положение короля внушили общинам мысль, что отныне он уже ни в чем не сможет им отказать. И теперь, на волне своих беспрерывных побед, даже самую малую передышку в посягательствах на королевскую прерогативу они сочли бы в высшей степени неразумной. Получив известие об этих последних успехах, они тотчас же бросили вызов королеве, распечатав перехваченные письма к ней от лорда Дигби; кроме того, они обвинили перед лордами в государственной измене генерального атторнея Герберта за то, что он, повинуясь

приказу короля, обвинил в государственной измене пятерых членов их палаты[92]. С еще большей энергией они принялись за осуществление своего плана относительно милиции, на котором основывались все их надежды на неограниченную власть в будущем.

Общины понимали, что как только утихнет нынешняя буря, монархическое правление, существовавшее в Англии столько веков, сумеет до известной степени восстановить свое прежнее величие, а все только что выдуманные ими ограничения не способны совершенно уничтожить ту власть, к которой давно привыкла нация. Только сила меча, перед которой склоняются все человеческие установления, могла защитить приобретенное ими могущество и вполне гарантировать им личную безопасность перед лицом растущего негодования их государя. А потому именно этот пункт стал главной целью их усилий. В Гулле находился крупный арсенал — палата послала туда сэра Джона Готэма[330], джентльмена из старинной фамилии, владевшего обширными поместьями в окрестностях этого города, и предоставила ему полномочия коменданта. Горингу, коменданту Портсмута, она приказала выполнять только те распоряжения, которые получит он от парламента. Вынудив Карла уволить Лунсфорда[331], которого он ранее назначил комендантом Тауэра, палата не удовлетворилась этим, но продолжала осаждать короля своими ходатайствами, пока он не сместил также сэра Джона Байрона, человека безупречной репутации, и не передал начальство над крепостью Джону Коньерзу [332], единственному лицу, которому общины, по их словам, могли доверять. Попытавшись, но безуспешно, провести официальное заявление о том, что королевство, коему угрожают заговоры *папистов и прочих злонамеренных особ*[93], должно быть приведено в оборонительное положение (палата пэров отказалась его одобрить), они задумали теперь одним смелым и решительным ударом захватить всю власть и передать ее в руки своих ставленников и приверженцев.

Суровые постановления, принятые в начале работы настоящего парламента против лордов-лейтенантов графств и их помощников, повинных в осуществлении полномочий, которыми всегда пользовались их предшественники, совершенно обезоружили корону, лишив всех ее магистратов военной власти, необходимой для того, чтобы обеспечить защиту и безопасность королевства. Теперь общины сочли нужным исправить этот просчет. Был представлен и спешно принят обеими палатами билль, возвращавший лордам-лейтенантам и их заместителям полномочия, отнятые у них прежними решениями общин; в него, однако, заранее внесли имена всех лордов-лейтенантов, причем все это были люди, на которых парламент мог полагаться вполне. За действия же свои, как прямо указывалось в билле, они должны были отвечать не перед королем, но перед парламентом.

Тактика общин, приносившая до сих пор поразительный успех, состояла в том, чтобы обескураживать короля смелостью своих предприятий, не примешивая к суровым мерам ни малейшей доли мягкости, а в выра-

жениях своих быть столь же дерзкими, как и в притязаниях, постоянно давая королю почувствовать, как мало уважают они его особу и его сан. Столь пагубному для монаршей власти биллю общины, с наглостью, казалось бы, совершенно необъяснимой, предпослали преамбулу, не менее оскорбительную для характера и репутации короля. Вот что было в ней сказано: «Поскольку в недавнее время имели место весьма опасные и коварные покушения против палаты общин, каковые покушения мы имеем справедливые основания считать следствием коварных замыслов папистов и прочих злонамеренных особ, уже успевших поднять восстание в Ирландии; и поскольку после многочисленных разоблачений мы не можем не страшиться того, что они и впредь будут не только возбуждать бунты и мятежи, но и поддерживать их войсками из-за границы, то...»[94] и т. д.

И тут Карл впервые попытался положить конец своим уступкам, но не прямым отказом, а проволочками. В тот момент, когда ему была представлена просьба о принятии билля о милиции — просьба, после удовлетворения которой, как справедливо полагали общины, им уже больше не придется ни о чем просить, — король находился в Дувре, где его супруга и принцесса Оранская готовились взойти на корабль. Король уведомил палату, что пока он не располагает временем для рассмотрения столь важного вопроса, а потому должен отложить ответ до своего возвращения[95]. Парламент тотчас направил ему новое послание (23 февраля), с еще более настойчивыми требованиями. Палаты выражали свое величайшее огорчение по поводу ответа Его Величества на их справедливую и обоснованную просьбу. Они указывали, что во времена страшных беспорядков и грозных опасностей любое промедление так же пагубно и недопустимо, как и безусловный отказ. Они настаивали, что именно на них лежит обязанность обеспечить осуществление меры, столь необходимой для безопасности государства. Наконец, они заявили (28 февраля), что из многих графств к ним уже приходят прошения на этот счет, а кое-где народ сам, по собственному побуждению, принимает меры, дабы защитить себя от нависшей над ним опасности[96].

Даже после этой дерзости король не решился на категорический отказ. Помимо возражений против преамбулы, чрезвычайно для него оскорбительной, и торжественных уверений в совершенной чистоте своих намерений в момент посещения палаты общин, король пожелал лишь, чтобы корона могла первой распоряжаться воинскими должностями, обещая назначить лордами-лейтенантами тех самых лиц, которых назвал в своем билле парламент, но с условием, что за ним, королем, останется право снимать их с должности по собственному желанию[97]. В предшествующем послании Карл выразил желание, чтобы палаты сразу указали ему все уступки, которые они считают необходимыми для того, чтобы успокоить нацию. Они ответили, что в данную минуту не имеют времени заняться этим делом, ибо им грозят страшные и близкие опасности[98]. Мера, предложенная королем, была, казалось, достаточным средством в этих крайних обстоятельствах и в то же время сохраняла в целости все прерогативы короны.

Но истинные намерения общин были далеки от этой цели, и только одно средство могло излечить их от страхов. Они тотчас же ответили (1 марта), что постигшие нацию бедствия и нависшие над ней угрозы таковы, что всякое дальнейшее промедление нетерпимо, и если король не удовлетворит их просьбы немедленно, то обстоятельства могут поставить их перед необходимостью, ради безопасности народа и государя, распоряжаться милицией властью обеих палат, и что они готовы это сделать. Они заявили, что те части королевства, которые, в обстановке господствующих повсюду страхов и подозрений, по собственному почину привели себя в оборонительное положение, действовали сообразно декларациям обеих палат и в полном согласии с английскими законами. Угрожая королю своим могуществом, общины в то же самое время предлагали ему возвратиться в Лондон, где, как они прекрасно понимали, он оказался бы в полной их власти[99].

«Я так изумлен этим посланием, — немедленно отвечал им король, — что не знаю даже, что вам сказать. Вы толкуете о страхах и подозрениях — но, положа руку на сердце, спросите самих себя, не имел ли и я причин питать подозрения и страхи, а если так, то, уверяю вас, послание ваше нисколько их не рассеяло.

Что до милиции, то я так много размышлял об этом деле, прежде чем дать вам ответ, и столь твердо убежден, что ответ мой содержит все, что вы, по справедливости и по разуму, можете просить, а я, не умаляя собственного достоинства, в силах вам дать, что я не изменю в нем ни единого слова.

Что же касается моего пребывания среди вас, то я желал бы, чтобы оно было безопасным и почетным и чтобы у меня не было причин оставлять Уайтхолл. Спросите себя, есть ли они у меня теперь?[100]

Чего же вы домогаетесь? Разве нарушил я ваши законы? Разве отвергнул хотя бы один билль, способный послужить спокойствию и безопасности моего народа? Я не спрашиваю, что делали для меня вы.

Неужели кого-то из моих подданных все еще преследуют опасения и страхи? Что ж, я предлагаю амнистию, столь полную и всеобщую, какую вы *только сами можете придумать. И если после всего этого нынешние* бедствия и несчастья продолжатся, то, значит, страну нашу постигла Божья кара.

Так пусть же Господь судит меня и мое семейство сообразно тому, насколько искренен я в своих мыслях и намерениях поддерживать истинную протестантскую религию, соблюдать и защищать законы; и я уповаю, что Господь благословит и сохранит эти законы для *моего* спасения»[101].

Как только общины потеряли надежду вырвать у короля согласие на билль о милиции, они немедленно постановили, что все те, кто советовал Его Величеству дать подобный ответ, являются врагами государства и коварными заговорщиками против безопасности народа; что отказ этот чреват столь опасными последствиями, что если Его Величество и далее будет в нем упорствовать, то он подвергнет величайшей угрозе мир и по-

кой всех своих королевств, и спасти их тогда сможет лишь особое средство, безотлагательно пущенное в ход мудростью и властью обеих палат; и что те подданные Его Величества, которые по собственному побуждению приготовились отразить общую опасность, действовали законно и в полном согласии с волей палаты[102].

Чтобы народ не возмутился всеми этими посягательствами и не отказался их поддерживать, его вновь стали усердно потчевать слухами о всевозможных опасностях, внушая страх перед иностранным вторжением и ужас перед английскими и ирландскими папистами; в итоге всю нацию охватила совершенно необъяснимая паника. Когда лорд Дигби въехал в Кингстон в карете, запряженной шестеркой, сопровождаемый несколькими ливрейными лакеями, об этом дали знать в Лондон, и палата единогласно постановила, что лорд вступил в этот город как неприятель и таким образом начал войну против короля и королевства[103]. Поступавшие отовсюду в парламент петиции громко требовали привести государство в оборонительное положение, а, например, жители графства Страффордшир так боялись восстания папистов, что, как сказано было в их петиции, все они постоянно сохраняли величайшую бдительность и даже в церковь не осмеливались ходить без оружия[104].

КОРОЛЬ ПРИБЫВАЕТ В ЙОРК

Чтобы сделать себя недосягаемым для тех насилий, которым он так долго подвергался и которые теперь могли вырвать у него согласие на билль о милиции, Карл решил удалиться от Лондона еще дальше, а потому, взяв с собой принца Уэльского и герцога Йоркского[333], он, медленно переезжая из города в город, прибыл, наконец, в Йорк, где предполагал устроить на время свою резиденцию. Отдаленные области королевства, не соприкасавшиеся с тем бешеным водоворотом новомодных мнений и теорий, который сводил с ума столицу, все еще сохраняли глубокое уважение к церкви и монархии, и король встретил там искренние знаки преданности, превзошедшие все его ожидания[105]. Со всех концов Англии джентри и высшая знать, лично, через курьеров или в посланиях, изъявляли Карлу свои верноподданнические чувства, умоляя спасти их и самого себя от угрожавшего им всем позорного рабства. Краткого промежутка времени после рокового обвинения пяти членов нижней палаты оказалось достаточно, чтобы открыть глаза многим людям и избавить их от овладевшего ими поначалу страха. Одна-единственная попытка короля, опрометчивая и неосторожная, не шла ни в какое сравнение с бесчисленными и заранее обдуманными актами насилия, коим подвергались он сам и все законодательные учреждения Англии, и потому, несмотря на всю сладость слова «свобода», многие предпочли держаться умеренных вольностей и прав, унаследованных от предков и теперь более надежно гарантирован-

ных важными уступками монарха, но только не пускаться в безумные поиски большей независимости, подвергая себя таким образом явной опасности либо оказаться под пятой жестокой тирании, либо уничтожить в стране всякий правопорядок.

Убедившись, что вне Лондона его поддерживает весьма влиятельная партия, Карл заговорил более твердым тоном, парируя обвинения общин с неслыханной прежде решительностью. Невзирая на их протесты, угрозы и оскорбления, он упорно отказывался одобрить их билль; они же подготовили ордонанс, в котором, властью обеих палат и без королевской санкции, назначили лордов-лейтенантов в каждое графство, передав им начальство над всеми военными силами, всеми гарнизонами, крепостями и фортами королевства. Против этого явно беззаконного акта Карл издал прокламацию, в которой заявил, что сам он твердо намерен соблюдать законы, а потому будет требовать от всех англичан столь же безусловного им повиновения. Имя короля было необходимым атрибутом всех законов, его привыкли видеть во всех актах исполнительной власти, и парламент опасался, что если он совершенно перестанет его упоминать, то народ слишком ясно почувствует подобное новшество. А потому, назначая теперь на любые командные должности, парламент предписывал всем воинским начальникам повиноваться приказам «Его Величества, утвержденным обеими палатами». Кроме того, общины изобрели неслыханное прежде различие между особой короля и его саном, и таким образом те самые войска, которые использовали они против монарха, набирались его именем и его властью[106].

Любопытно видеть, до какой степени обе партии переменили свои главные доводы на прямо противоположные. Король, признавая, что прежние его ссылки на необходимость, с целью оправдать нарушения законов и конституции, были ошибкой, увещевал теперь парламент ни в коем случае не подражать примеру, который сам парламент когда-то так жестоко порицал, — а члены парламента, прикрывая свои собственные амбиции и страхи личиной опасности, нависшей якобы над всей нацией, оправдывали незаметно для самих себя наиболее сомнительные из прежних действий короля. То, что королевская власть, столь безжалостно урезанная, столь точно определенная и не опиравшаяся на сколько-нибудь значительные военные силы и регулярные доходы, уже ничем не угрожала народным вольностям и правам, можно было бы доказать весьма основательными доводами, однако в том, что подобная опасность (если допустить, что она вообще существовала) не была огромной, близкой и неотвратимой, такой, перед которой меркнут все законы и исчезают все обычные нормы, можно ясно убедиться, бросив на эти события даже самый беглый взгляд. Неспособность короля каким-либо образом посягнуть на конституцию была в тот момент совершенно очевидной, а значит, овладевшие народом страхи и подозрения, которые столь неистово толкали его к тому, чтобы взяться за оружие, имели, безусловно, не гражданскую, но религиозную природу. Расстроенное воображение англичан волновали тогда

страх перед папизмом, ненависть к епископату, дикая вражда к обрядам и литургии государственной церкви, а также безумное пристрастие ко всему, что представляло полную противоположность этим предметам всеобщего отвращения. Дух фанатизма, получивший совершенную свободу, заставил забыть о любых соображениях пользы, безопасности и мира и разорвал все узы нравственного и гражданского долга[107].

Каждая из партий стремилась теперь взвалить на своих противников всю вину за развязывание войны, но обе они готовились к этому событию, считая его неизбежным. Главной целью обеих сторон было завоевать доверие и расположение нации. Никогда не существовало целого народа, менее развращенного пороком и более восприимчивого к принципам добродетели, чем англичане той эпохи, как не было в истории отдельных личностей, обладавших такими способностями и дарованиями, таким мужеством и патриотизмом, таким чистым и бескорыстным рвением. Но один-единственный ингредиент, добавленный в несоразмерно большом количестве, исказил все эти возвышенные принципы, превратив их в смертельный яд. Приближалась жестокая борьба, и всякий англичанин, желая сделать свой выбор, с жадностью внимал доводам обеих сторон. Войне мечей предшествовала война перьев, которая день ото дня усиливала взаимное ожесточение партий. Помимо великого множества частных лиц, действовавших на свой страх и риск, яростную полемику, посредством посланий, ремонстраций и деклараций, вели сами король и парламент, и все их аргументы обращались к нации, истинному арбитру в их споре. И здесь на стороне Карла было двойное преимущество: его цель — защита старинных церковных и государственных порядков от беззаконных притязаний — вызывала больше сочувствия, а кроме того, осуществлялась она с бóльшим искусством и красноречием. Должность государственного секретаря принял лорд Фолкленд, человек, чью безупречную добродетель украшали изумительные природные таланты и полезнейшие плоды образования. Именно он, при содействии самого короля, и составил бóльшую часть меморандумов партии роялистов. Карл ясно сознавал свое превосходство в этом пункте и специально заботился о том, чтобы парламентские прокламации распространялись вместе с его собственными — таким образом народ получал возможность их сравнивать и делать между ними выбор, — тогда как парламент, усиленно печатая свои воззвания, делал все, чтобы скрыть от народа любые манифесты короля[108].

Разъяснить принципы английской конституции, четко обозначить границы полномочий, предоставленных по закону различным властям, продемонстрировать, сколь важные улучшения внесены во все части государственного устройства последними уступками короля, доказать, что Его Величество вполне доверяет своему народу и всецело полагается на его любовь, напомнить, какой черной неблагодарностью ответили королю и каким чудовищным насилиям, оскорблениям и унижениям его подвергли, — таковы были предметы, о которых шла по преимуществу речь в королевских декларациях и ремонстрациях, замечательных безукоризненной точностью аргументов и изысканным благородством слога[109].

Хотя эти документы сыграли свою роль и в немалой степени помогли Карлу возвратить расположение народа, было ясно, что они не окажут решающего влияния и спор будет решен иным, более острым оружием. На парламентский ордонанс о милиции король ответил приказом о созыве дворянского ополчения. Различные графства в зависимости от своих симпатий повиновались тому или другому распоряжению, а во многих графствах, где мнения разделились, произошли шумные стычки и беспорядки[110]. По случаю этих событий парламент принял постановление, в котором позволил себе заявить следующее: «Если лорды и общины в парламенте, каковой является верховным судом королевства, провозглашают нечто законом страны, то отвергать или оспаривать их решение значит совершать возмутительное посягательство на привилегии парламента»[111]. Таким образом, парламент открыто присвоил себе всю законодательную власть и употребил ее в самом важном пункте — в вопросе о начальстве над милицией. На основе тех же принципов парламент, прибегнув к педантическим умствованиям по поводу грамматического времени одного латинского глагола, вознамерился лишить короля права отклонять представленные ему билли[112].

Все вооружение армии, набиравшейся для войны с шотландцами, хранилось в арсеналах Гулля, коменданта же крепости, сэра Джона Готэма, хотя он и согласился принять эту должность от парламента, заклятым врагом монархии и государственной церкви никто не считал. А потому Карл надеялся, что если он лично появится у стен Гулля до начала военных действий, то Готэм из благоговения перед особой монарха впустит его вместе со свитой, и тогда он, король, легко завладеет крепостью. Но комендант был начеку. Он запер ворота и отказался принять короля, который пожелал войти в город всего лишь с двадцатью людьми. Карл немедленно объявил Готэма изменником и пожаловался парламенту на его неповиновение. Парламент открыто оправдал действия коменданта[113].

ПРИГОТОВЛЕНИЯ К ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ

Для охраны особы короля в графстве Йоркшир набрали гвардию из шестисот человек: до сих пор английские короли жили среди своих подданных, словно отцы в кругу детей, ибо величие монаршего сана и защита со стороны законов вполне гарантировали им личную безопасность. Обе палаты — хотя они уже учредили охранную стражу для самих себя, попытались захватить все военные полномочия, а также контроль над флотом и над всеми крепостями в государстве и совершенно открыто употребляли свою власть для всякого рода военных приготовлений — тем не менее немедленно постановили, что «король, обманутый злокозненными советчиками, задумал начать войну против собственного парламента, все действия и помышления коего имели одну-единственную цель — заботу о его

королевствах и неукоснительное исполнение верноподданнического долга по отношению к особе Его Величества; что эта попытка есть вероломный обман доверия, которым облек монарха народ, и нарушение данной королем присяги, угрожающее государству полным распадом; и что всякий, кто дерзнет поддержать короля в этой войне, является изменником, согласно смыслу основных законов королевства»[114].

До сих пор парламент всюду набирал солдат под предлогом войны в Ирландии, теперь же он стал более открыто вербовать их для собственных целей, а начальство над армией поручил графу Эссексу. В Лондоне за один только день на военную службу поступило не менее четырех тысяч человек[115]. Парламент принял декларацию, в которой поклялся «жить и умереть со своим главнокомандующим», и все члены обязаны были ее подписать.

Чтобы собрать средства на содержание войск, долженствовавших «защищать короля и обе палаты» (формула эта уже стала обычной), парламент открыл заем, распорядившись принимать от граждан деньги и серебро. За десять дней поступило громадное количество серебра. Едва хватало людей, чтобы его принимать, и места — чтобы хранить, многие вынуждены были с великим сожалением уносить свои дары обратно и дожидаться, пока парламентские казначеи смогут их принять. Столь горячее рвение овладело тогда набожными сторонниками парламента, особенно из числа граждан Сити! Чтобы поддержать *доброе дело* против *злонамеренных*, женщины отдавали все свое столовое серебро, домашние украшения и даже серебряные наперстки и булавки[116].

Между тем блеск знати, окружавшей короля в Йорке, начал сильно затмевать пышность Вестминстера. Канцлер Литтлтон, переслав в Йорк государственную печать, вскоре бежал туда сам. С королем теперь было свыше сорока из числа самых видных пэров[117], тогда как палату лордов редко посещало более шестнадцати членов. Около половины членов нижней палаты также уклонились от участия в ее совещаниях, считая их чрезвычайно опасными. Общины возбудили обвинение против девяти пэров за отказ от исполнения парламентских обязанностей, а кроме того постановили не принимать собственных членов, которые пожелают вернуться в палату, пока они не представят удовлетворительные объяснения своего отсутствия.

Сопровождавшим его пэрам Карл объявил, что ожидает от них повиновения только тем приказам, которые не будут противоречить законам страны. На декларацию короля пэры ответили торжественным заявлением о своей твердой решимости не исполнять никаких незаконных распоряжений[118]. Этими добровольными обязательствами, столь достойными английского государя и английской аристократии, они стремились разрушить неистовые планы мятежного парламента.

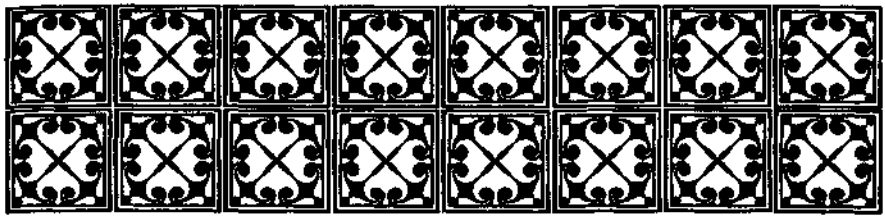
Тем временем королева, продав в Голландии драгоценности короны, получила возможность приобрести некоторое количество оружия и боеприпасов. Часть этого груза, избежав многих опасностей, благополучно

прибыла к королю, который начал по-настоящему готовиться к войне гораздо позже, чем парламент. Ранее, желая рассеять всякие подозрения, он решил, что незаконные захваты и претензии парламента должны стать очевидными для всех англичан, полагая, что для его собственных интересов куда важнее вернуть доверие народа, нежели собрать войска, пополнить арсеналы и накопить запасы, которые могли бы внушить мысль, будто король замышляет какие-то насильственные или незаконные действия. Но крайние обстоятельства уже не терпели промедления, и король начал готовиться к обороне. С живостью, энергией и искусством, которых не ожидала одна партия и не опасалась другая, Карл использовал все оставшиеся у него преимущества, и, внушив бодрость своим сторонникам, призвал их к оружию. Сила духа и способности этого государя раскрывались сообразно препятствиям, вставшим у него на пути, и более всего величия король выказывал в минуты самых страшных опасностей и бед. Можно даже сказать, что именно противоречивым характером Карла отчасти объясняются несчастья, постигшие в это время Англию. Политические ошибки, или, скорее, слабости короля создали ему непримиримых врагов; выдающиеся нравственные качества доставили ему ревностных сторонников, и между ненавистью одних и любовью других разрывалась теперь в мучительных конвульсиях английская нация.

Чтобы отнять у короля всякую надежду на мир, парламент отправил ему условия, на которых он готов был пойти на соглашение. Требования парламента, содержавшиеся в «девятнадцати предложениях», означали в сущности полное уничтожение монархической власти в Англии. Палаты требовали, чтобы из королевского совета были исключены все лица, неугодные парламенту; чтобы ни один акт короля не имел законной силы, если он не одобрен советом и не подписан ими самими; чтобы все должностные лица и верховные судьи в государстве назначались с согласия парламента и занимали свои должности пожизненно; чтобы ни один член королевской фамилии не вступал в брак без согласия парламента или совета; чтобы строго исполнялись законы против католиков; чтобы лорды-паписты были исключены из верхней палаты; чтобы преобразование литургии и церковного устройства производилось в соответствии с указаниями парламента; чтобы король утвердил ордонанс о милиции; чтобы судебная власть парламента распространялась на всех делинквентов; чтобы во всеобщей амнистии были сделаны угодные парламенту изъятия; чтобы парламент распоряжался всеми замками и крепостями; чтобы звание пэра можно было получить лишь с согласия обеих палат[119].

«Если я приму эти требования, — отвечал король, — то ко мне, пожалуй, и далее будут являться с непокрытой головой, мне по-прежнему будут целовать руку и называть меня *Ваше Величество*, а в повелениях ваших сохранится, пожалуй, формула *Властью короля, возвещаемой обеими палатами;* передо мной будут носить жезлы и мечи и тешить мой взор скипетром и короной — хотя даже эти ветви будут цвести недолго, если засохнет взрастивший их ствол, — но в том, что касается власти

действительной и настоящей, я буду только жалким подобием, тенью, призраком короля»[120]. Король и его советники полагали, что любая война лучше столь позорного мира, и потому Карл решил поддержать свою власть силой оружия. «Мои крепости, мои корабли, мои деньги, мое оружие — все это у меня отняли, — сказал король, — но у меня остались справедливое дело и сердца моих верных подданных, которые, я нисколько не сомневаюсь, сумеют с Божьей помощью возвратить все прочее». Собрав небольшой отряд, он двинулся на юг и 25 августа велел поднять в Ноттингеме королевский штандарт — как знак того, что междоусобица и гражданская война уже охватили все королевство.



Глава XII

Начало гражданской войны. — Положение партий. — Битва при Эджхилле. — Переговоры в Оксфорде. — Победы роялистов на западе. — Сражения при Страттоне. — Лэнс-дауне. — Раундуей-дауне. — Смерть Гемпдена. — Взятие Бристоля. — Осада Глостера. — Битва при Ньюбери. — Военные действия на севере Англии. — Торжественная Лига и Ковенант. — Подготовка шотландцев к вооруженному выступлению. — Состояние Ирландии.

НАЧАЛО ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Не удивительно, что когда столь священные для английской конституции символы, как КОРОЛЬ и ПАРЛАМЕНТ, оказались противопоставлены один другому, народ раскололся на враждующие партии, которые начали между собой яростную борьбу.

ПОЛОЖЕНИЕ ПАРТИЙ

Титулованная знать и верхушка джентри, опасаясь, что буйство черни приведет к полному смешению всех званий и сословий, встали на защиту монарха, от которого заимствовали они свое величие и которому сообщали собственный блеск. Движимые воспринятым от предков духом лояльности, они сохранили верность старинным положениям конституции и гордились тем, что наследуют достояние древних английских фамилий и не отступают от их нравственных принципов. А поскольку жили они по большей части в своих поместьях, то теперь им было весьма странно слышать, что в обществе преобладают взгляды, о которых они прежде не ведали; взгляды, предполагавшие не просто ограничение, но почти полное уничтожение королевской власти.

С другой стороны, Лондон и большинство важнейших цехов и корпораций поддержали парламент и с восторгом приняли демократические

принципы, лежавшие в основе его притязаний. Участие в городском управлении, которое даже в абсолютных монархиях имеет, как правило, республиканский характер, само по себе располагало их в пользу этой партии; традиционное влияние, которое сохранили они на своих трудолюбивых земляков; естественная тяга горожан к независимости; сила, с которой поток общего мнения действует на большие массы живущих рядом людей, — все это объясняет нам, почему принципы, распространившиеся тогда по всей Англии, были особенно популярны в городах. Кроме того, многие семейства, недавно разбогатевшие на торговле, искренне возмущались, видя, что даже самое обширное состояние не может возвысить их до уровня старинного дворянства, а потому поддерживали ту силу, благодаря успехам которой надеялись приобрести высокое положение и почет[121]. А слава и величие, которых добилась в последние годы Голландская республика, где свобода так счастливо поощряла трудолюбие и предприимчивость, заставляли английских коммерсантов желать, чтобы и в их стране было установлено подобное же правление.

Дух обеих религий, в ту пору столь тесно связанных с политикой, точно отражал эти партийные деления. Пресвитерианская религия была новой, республиканской и вполне созвучной настроениям простого народа; другая, более пышная и великолепная в своем культе, опиралась на авторитет старинных законов и обладала внутренним родством с монархическими и аристократическими элементами английского государственного устройства. Вполне естественно, что фанатики-пресвитериане превратились в ревностных сторонников парламента, а приверженцы епископальной церкви с гордостью отстаивали права монархии.

Были тогда и другие люди, воспитания более свободного, которые, ничего не зная или не желая знать об этих перебранках духовенства, стремились лишь к тому, чтобы среди всевозможных удовольствий и в приятном обществе друзей без помех наслаждаться радостями жизни. Все они стекались под знамена короля, ибо там, вдалеке от мрачной суровости и педантического ханжества, царивших в парламентской партии, им дышалось гораздо легче.

Никогда еще чей-либо спор не казался таким неравным, как борьба английского короля с парламентом в момент ее начала: почти все преимущества были на стороне последнего. Парламент сразу же захватил доходы короля, а затем время от времени отпускал ему небольшие суммы на текущие нужды; когда же король удалился в Йорк, парламент тотчас прекратил все выплаты. Лондон и все морские порты, кроме Ньюкасла, оказались в руках парламента, что гарантировало ему крупные денежные поступления от таможенных пошлин, а собирать любые пожертвования, займы и налоги парламенту было гораздо легче с горожан, располагавших наличными деньгами и находившихся под его прямым надзором, чем это мог бы сделать король в тех сельских местностях, которые через некоторое время встали на его сторону.

Матросы, естественно, разделяли господствовавшие в их портах настроения, а граф Нортумберленд, лорд-адмирал, приняв сторону парла-

мента, назначил по его требованию своим заместителем графа Уорвика: последний тотчас утвердил свою власть во флоте и таким образом обеспечил парламенту полное господство на море.

Все склады вооружения и боеприпасов были с самого начала захвачены парламентом, а его флот перехватывал бóльшую часть того, что отправляла роялистам из Голландии королева. Чтобы вооружить своих сторонников, королю пришлось взять оружие у городской милиции, пообещав вернуть его, как только мир в государстве будет восстановлен.

Благоговение перед парламентами достигло к этому времени необыкновенной степени по всей стране[122]. Ругать эти собрания за продажность народ еще не привык, ибо в прежние века для этого не было причин. До сих пор с их стороны почти или даже вовсе не обнаруживалось никаких дерзких амбиций или эгоистических притязаний. Палату общин англичане рассматривали лишь в качестве представителей нации и вековечных стражей закона и свободы, чьи интересы совпадают с интересами народа и которых только один мотив — необходимость защитить народные права — способен побудить к противодействию короне. А потому поток общественных симпатий оказался на стороне парламента. Привилегию давать клички и имена — великое преимущество популярности! — получила, разумеется, именно эта партия. Таким образом, приверженцы короля стали *грешниками* и *злокозненными* особами, а их противники — людьми *праведными, богобоязненными* и *благонамеренными*. А поскольку города, способные сосредотачивать свои силы быстрее, чем сельские графства, тотчас превратились в надежный оплот парламентской партии, которая могла с легкостью подавить сопротивление роялистов в их округе, то уже в самом начале войны казалось, что почти все королевство находится в руках парламента[123].

Происхождение и личные достоинства сторонников короля — только это могло отчасти уравновесить все преимущества его врагов. Карл надеялся, что дворяне и аристократы — люди благородного духа — смогут выказать больше энергии и мужества, чем низменное по своим нравам простонародье. К тому же владельцы маноров начали на собственный счет набирать и вооружать своих арендаторов, и в этом крестьянском воинстве, помимо преданности своим господам, следовало предполагать больше отваги и телесной крепости, нежели в трусливой городской черни, чьи душевные и физические силы были истощены пороком.

Державы континента, занятые ожесточенными войнами, не слишком интересовались гражданскими смутами в Англии, и остров наш получил преимущество воистину исключительное — решить силой оружия внутренние споры, не опасаясь вмешательства извне. Франция из политических видов разжигала первые беспорядки в Шотландии, отправила партию оружия ирландским мятежникам и продолжала оказывать тайную поддержку английскому парламенту; Испания, побуждаемая религиозным фанатизмом, снабжала ирландцев деньгами и оружием, хотя и в небольших количествах. Принц Оранский, тесно связанный с английской короной,

усиленно рекомендовал служившим в Нидерландах английским офицерам вступать в армию короля; шотландские же офицеры, получившие боевой опыт в германских войнах и в недавних смутах Ковенанта, в большинстве своем приняли сторону парламента.

К партии короля парламент относился с величайшим пренебрежением; по этой причине главным образом он и зашел так далеко в своих действиях против монарха. Многие полагали, что Карл не попытается оказать никакого сопротивления и уже в скором времени уступит всем, даже самым непомерным притязаниям палат. Даже после того как он поднял в Ноттингеме свой штандарт, многие сторонники парламента все еще не осознали по-настоящему опасность гражданской войны и не могли себе представить, что король окажется настолько безрассудным, чтобы выступить против несравненно превосходящих сил, привести в ярость своих непримиримых врагов и сделать собственное положение еще более отчаянным. Жалкое впечатление, которое производила его армия в Ноттингеме, лишь укрепляло все эти надежды. Артиллерию, весьма немногочисленную, королю, однако, пришлось оставить в Йорке из-за отсутствия конной тяги. Кроме милиции графства, призванной шерифом, сэром Джоном Дигби, Карлу удалось собрать не более 300 пехотинцев. Кавалерия, главная сила короля, не превышала 800 сабель и к тому же была плохо вооружена. Между тем армия парламента, стоявшая в Нортгемптоне, в нескольких переходах от Карла, насчитывала 6000 хорошо вооруженных и снаряженных солдат. И если бы эти войска предприняли наступление, то они бы наверняка быстро рассеяли небольшой отряд Карла. Преследуя бегущего короля, они бы покрыли его дело таким позором и настолько обескуражили его сторонников, что Карл уже никогда не смог бы собрать армию, способную противостоять парламенту. Но граф Эссекс, парламентский главнокомандующий, еще не получил от своих господ никаких распоряжений[124]. Трудно сказать, почему после своих прежних стремительных действий они вдруг стали такими медлительными. Весьма вероятно, что бедственное положение его партии и обеспечивало теперь личную безопасность самому королю. Парламент надеялся, что роялисты, осознав свою слабость и убедившись в крайней скудости своих средств, сами разойдутся по домам, оставив своим противникам лавры победы; победы тем более полной и прочной, что достигнута она будет без всякой вооруженной борьбы и без малейшего кровопролития. Возможно также, что в тот момент, когда парламенту необходимо было сделать последний шаг и применить по отношению к своему государю открытое насилие, колебания и опасения его членов, недостаточные для того, чтобы совершенно разрушить их прежние планы, смогли все же несколько замедлить их исполнение[125].

Сэр Джейкоб Астли [334], которого Карл назначил генерал-майором своей будущей армии, заявил, что не в силах ручаться за его безопасность: предприняв внезапное нападение, мятежники могут захватить Его Величество прямо в постели. Все люди из свиты короля были полны весьма

обоснованных опасений. Когда же некоторые из лордов предложили, в видах открытия переговоров, направить парламенту послание, Карл, прекрасно понимая, что в нынешних обстоятельствах любой мир может означать для него лишь полную капитуляцию, спешно закрыл совет, чтобы никто уже не мог настаивать на этом предложении. Однако на следующий день ту же мысль подал в совете граф Саутгемптон, которого никак нельзя было заподозрить в низости или робости, и на этот раз ее выслушали более спокойно и хладнокровно. Граф настойчиво утверждал, что хотя такой шаг, вероятно, усилит дерзость парламента, данное обстоятельство отнюдь не является серьезным возражением, ибо подобная дерзость неизбежно обернется в пользу партии короля; что само слово «мир» внушает народу величайший восторг, и потому, если парламент откажется от переговоров (а так оно, скорее всего, и будет), эта надменная суровость вызовет у всей нации крайнее возмущение; что если парламент пойдет на переговоры, его требования при нынешних обстоятельствах окажутся столь непомерными, что откроют глаза даже самым пристрастным из его сторонников и возвратят королевской партии всеобщие симпатии; и что даже в самом худшем случае подобное средство позволит все же выиграть время и отвести страшную угрозу, нависшую над королем ныне[126].

Открывая совет, Карл высказался против любых шагов к примирению с парламентом и заявил, что теперь, когда у него не осталось ничего, кроме чести, он твердо решил защищать это свое последнее достояние до конца и скорее погибнуть, нежели хоть в чем-нибудь уступить притязаниям своих врагов[127]. Однако настойчивые уговоры всех членов совета заставили его согласиться с мнением Саутгемптона. В итоге графа, вместе с сэром Джоном Колпеппером[335] и сэром Уильямом Ювдейлом, отправили в Лондон с предложением о начале переговоров[128]. То, как их там приняли, не внушало особых надежд на успех. Пэры не позволили Саутгемптону занять место в палате: ему было приказано вручить свое послание привратнику [336] и немедленно оставить город; общины ненамного лучше обошлись с Колпеппером и Ювдейлом[129]. Палаты ответили, что они не могут согласиться на переговоры с королем, пока он не снимет свой штандарт и не отменит свои прокламации, в которых, как полагали члены парламента, они были объявлены изменниками. Во втором своем послании король заявил, что у него никогда не было подобных намерений против обеих палат, однако согласился отменить эти прокламации при условии, что парламент отменит собственные, в которых сторонники короля действительно объявлялись изменниками. В ответ палаты потребовали, чтобы король распустил войска, вернулся в Лондон и предоставил делинквентов суду парламента — иначе говоря, отдал себя и своих друзей в полную власть своих врагов[130]. Обе партии льстили себя надеждой, что этими посланиями и ответами они вполне достигли поставленных целей[131]. Король полагал, что теперь народ в достаточной мере почувствовал дерзость парламента и его нежелание идти на мир; парламент же энергией своих резолюций намеревался подкрепить энергию своих операций.

Помимо огромного превосходства в силах, смелость парламента увеличили два недавних события, чрезвычайно для него благоприятные. Комендантом Портсмута, самого укрепленного города в королевстве и притом весьма важного по своему местоположению, был тогда Горинг[337]. Казалось, что этот человек, выдав парламенту тайные интриги армии и, вероятно, сильно преувеличив их важность, сделал себя непримиримым врагом короля, и потому парламент считал, что на его преданность можно полагаться вполне. Но Горинг был все так же легкомыслен и по-прежнему пренебрегал любыми обязательствами и обещаниями. Он вступил в тайные сношения с двором, а затем открыто выступил против парламента. Но хотя денежных средств у него было достаточно и об угрозе засады он знал давно, Горинг оказался настолько непредусмотрительным начальником, что оставил свою крепость без всяких запасов провианта и уже через несколько дней вынужден был сдать ее парламентским войскам[132].

Одним из самых блестящих и уважаемых вельмож в королевстве был маркиз Гертфорд[338], как и сам король, происходивший по женской линии от Генриха VII. В правление Якова он попытался, не получив согласия монарха, вступить в брак с леди Арабеллой Стюарт, которая состояла в близком родстве с королевской фамилией; когда же его замыслы были раскрыты, Гертфорду пришлось на время бежать из страны. С тех пор он был в немилости у двора, от посещения которого старался уклоняться; ведя независимый образ жизни, он всецело предался литературным занятиям и развлечениям. По мере того как популярность короля падала, любовь народа к Гертфорду становилась все сильнее; к моменту созыва нынешнего парламента ни один пэр не пользовался во всей Англии таким влиянием и авторитетом. Человек умный и проницательный, Гертфорд вскоре заметил, что общины уже не довольствуются борьбой с правительственными злоупотреблениями, что упоение собственным могуществом и популярностью естественным образом толкает их в противоположную крайность и что совершаемые ими ныне посягательства на английскую конституцию не менее опасны, чем те, которые творились прежде. Гертфорд тотчас же посвятил себя защите слабеющей королевской власти; он согласился стать воспитателем юного принца Уэльского и жить при дворе, которому сообщил своим присутствием новый блеск и авторитет в глазах всей нации. Он был так знаменит мягкостью нрава и человеколюбием, что эти милые народу добродетели позволили ему сохранить расположение общества, ибо все понимали, каков был истинный мотив перемены в его поведении. Несмотря на любовь к покою и привычку к ученым штудиям, Гертфорд отдавал теперь все свои силы формированию королевской армии, и, будучи назначен главнокомандующим в западных графствах, где влияние его было особенно велико, начал набирать войска в Сомерсетшире. С помощью лорда Сеймура, лорда Полета [339], Джона Дигби (сына графа Бристола), сэра Френсиса Хоули [340] и некоторых других лиц ему уже удалось собрать некое подобие армии, когда парламент, почувствовав опасность, послал против него графа Бедфорда с весьма крупными сила-

ми. При их приближении Гертфорд вынужден был отступить в Шерборн-Кастл, но, обнаружив, что защищать его невозможно, сам ушел в Уэльс, а сэру Ральфу Хоптону[341], сэру Джону Беркли, Дигби и прочим офицерам, вместе с кавалерийским отрядом примерно в 120 человек, предоставил двигаться в Корнуолл, в надежде, что это графство окажется лучше подготовленным к их встрече[133].

Тем временем все части парламентской армии, стоявшие в разных пунктах, получили приказ двигаться к Нортгемптону; присоединившийся к ним граф Эссекс обнаружил, что общая численность его войск достигает 15 000 человек[134]. Король, хотя в его лагерь отовсюду прибывали подкрепления, ясно понимал, что он не располагает силами, способными противостоять столь грозной армии, и потому счел за благо отступить медленными переходами к Дерби, а оттуда — к Шрузбери, чтобы ободрить своих приверженцев, набиравших для него солдат в этих местах. Близ Веллингтона, в одном переходе от Шрузбери, он устроил своим войскам общий смотр и распорядился прочесть перед каждым полком свои приказы. Затем, желая связать себя с солдатами взаимными обязательствами, король сделал перед всей армией следующую торжественную декларацию:

«Перед лицом Всемогущего Господа, уповая на его покровительство и благословение, я обещаю, что буду всеми силами защищать и поддерживать истинную реформированную протестантскую веру, установленную в англиканской церкви; и в этой вере, клянусь благодатью Божьей, я буду жить и умру.

Я желаю, чтобы законы всегда были мерилом моего правления и чтобы свободу и собственность подданных они защищали так же строго, как и мои справедливые права. И если Господу будет угодно, благословив эту армию, которую я вынужден был призвать ради своей защиты, спасти меня от нынешнего мятежа, я клятвенно и торжественно обещаю перед Богом сохранить свободу и справедливость привилегии парламента и править, насколько это будет в моих силах, в согласии с общеизвестными статутами и обычаями королевства, и прежде всего — свято соблюдать законы, утвержденные мною в парламенте. Но если крайность и величайшая нужда, до которых доведен я ныне, вынудят меня как-либо преступить закон, то я уповаю, что Бог и люди поставят это в вину истинным зачинщикам войны, но не мне, который сделал все, чтобы сохранить в королевстве мир.

Если же я по собственной воле нарушу эти обещания, то уже не буду ожидать ни помощи и поддержки на земле, ни защиты свыше; но я тверд в своих решениях, и потому надеюсь на бодрое содействие всех честных людей и верю в милость небес»[135].

Хотя сочувствие церкви, несомненно, увеличило число сторонников короля, можно с уверенностью утверждать, что крайние абсолютистские доктрины, которые столь усердно внушало своей пастве англиканское духовенство, так и не принесли Карлу никакой действительной пользы.

Бóльшая часть тех самоотверженных аристократов и дворян, которые не покинули короля в беде и ныне составляли его свиту, была движима духом свободы точно так же, как и духом лояльности, и лишь в надежде на то, что он согласится ограничить свою власть и управлять по закону, готовы были эти люди, защищая короля, жертвовать своей жизнью и состоянием.

В то время, когда армия короля стояла под Шрузбери, а сам он был занят сбором денежных средств, поступавших к нему, хотя и в небольших количествах, в виде добровольных пожертвований подданных и присылаемого университетами серебра, пришло известие о первом боевом столкновении, которое имело место в ходе этих войн и завершилось удачно для его сторонников.

Когда в Англии вспыхнула гражданская смута, принцы Руперт[342] и Мориц, сыновья несчастного пфальцграфа, предложили свои услуги королю, и теперь первый из них командовал кавалерийским отрядом, который был послан к Вустеру, чтобы следить за перемещениями Эссекса, чьи войска двигались к этому городу. Прибыв на место, принц тотчас обнаружил, что к городским воротам приближается неприятельская кавалерия. Не теряя ни минуты, Руперт решительно атаковал врага, когда тот перестраивался из колонны в боевой порядок. Полковник Сэндис, командовавший кавалеристами парламента, сражался доблестно, но был смертельно ранен и упал с лошади. Весь его отряд был наголову разбит; принц преследовал бегущих более мили, но, узнав о приближении Эссекса, вернулся к главным силам[136]. Эта стычка, сама по себе довольно мелкая, тем не менее сильно подняла репутацию армии роялистов, а принцу Руперту доставила славу командира храброго и энергичного — качества, которые он в высочайшей степени выказывал в ходе всей войны.

Устроив смотр своей армии, король обнаружил, что ее численность составляет десять тысяч человек. Главнокомандующим был граф Линдси, в молодости искавший боевого опыта на службе в Нидерландах[137]; кавалерией командовал принц Руперт, пехотой — сэр Джейкоб Астли, драгунами — сэр Артур Астон [343], артиллерией — сэр Джон Хейдон[344]. Во главе королевской гвардии стоял лорд Бернард Стюарт[345]. По расчетам лорда Кларендона, доходы и имущества этого одного отряда не уступали совокупному состоянию всех членов парламента, участвовавших в голосованиях в начале войны. Из слуг гвардейцев был сформирован другой отряд, под командованием сэра Уильямса Киллигру, который всегда действовал рядом с господами[138].

С этой армией король и выступил из Шрузбери (12 октября), решив как можно скорее дать бой армии парламента, которая, как он слышал, постоянно увеличивалась благодаря подкреплениям из Лондона. Желая непременно довести дело до сражения, Карл двинулся прямо на столицу, которую, как он понимал, неприятель не захочет ему сдать. К этому времени Эссекс уже получил инструкции парламента. По их смыслу граф должен был подать Его Величеству покорнейшую петицию и вырвать ко-

роля и членов королевской семьи из рук коварных злоумышленников, преступно завладевших их особами[139]. Через два дня после выступления роялистов из Шрузбери он оставил Вустер. Хотя вести разведку во время гражданских войн обычно бывает нетрудно, армии находились уже на расстоянии шести миль друг от друга, прежде чем какой-либо из командующих узнал о приближении неприятеля. Шрузбери и Вустер — пункты, из которых они выступили, — разделяет не более двадцати миль, и однако обе армии передвигались целых десять дней в этом взаимном неведении — в такой упадок пришло в Англии военное искусство за долгие годы мира[140].

БИТВА ПРИ ЭДЖХИЛЛЕ

Королевская армия стояла у Бэнбери, парламентская — близ Кейнтона, в графстве Уорвикшир. Принц Руперт послал королю известие о приближении неприятеля. Хотя было уже далеко за полдень (23 октября), Карл решил начать атаку; Эссекс стянул свои силы, чтобы ее отразить. Сэра Фейсфула Фортескью, ранее набиравшего рекрутов для ирландской войны, вынудили служить в парламентской армии; теперь ему назначили место на левом фланге, которым командовал шотландец Рамсей. Как только армия короля двинулась вперед, Фортескью, приказав своим солдатам разрядить пистолеты в землю, перешел под командование Руперта. Частью из-за этого несчастного происшествия, частью вследствие яростного удара, который обрушил на нее принц, вся парламентская кавалерия левого крыла тотчас же обратилась в бегство; Руперт гнал ее более двух миль. Правое крыло парламента имело не больше успеха: сбитое с позиций Уилмотом и сэром Артуром Астоном, оно также бежало. Кавалеристы королевского резерва, которыми командовал сэр Джон Байрон, решили по неопытности, что все уже кончено, и, пылая нетерпением принять участие в деле, вслед за своим левым флангом безрассудно устремились в погоню за бежавшей кавалерией парламента. Сэр Уильям Балфур, командовавший резервом Эссекса, не упустил удобный момент: он обошел с фланга королевскую пехоту, лишенную теперь всякого кавалерийского прикрытия, и произвел в ее рядах страшное опустошение. Линдси, главнокомандующий, был тяжело ранен и взят в плен. Его сын, пытаясь спасти отца, также попал в руки неприятеля. Сэр Эдмунд Верни, королевский знаменосец, был убит, штандарт короля захвачен врагом, но затем отбит роялистами. В таком положении нашел дела принц Руперт, возвратившись после преследования. Все вокруг говорило о поражении, а отнюдь не о победе, в которую он так поспешно уверовал. Кое-кто уговаривал короля покинуть поле боя, но государь отверг этот малодушный совет. Некоторое время армии стояли друг против друга, но ни у одной из них не оставалось мужества для новой атаки. Всю ночь они провели в готовности к бою, а наутро обнаружили себя в виду неприятеля. Ни генералы, ни сол-

даты обеих сторон, казалось, не желали возобновлять сражение. Эссекс первым отвел войска и отступил к Уорвику; король возвратился на свои прежние квартиры. Утверждают, что на поле боя было подобрано пять тысяч мертвых тел; потери сторон, судя по сообщениям противников, оказались примерно равными. Так закончилась битва при Кейнтоне, или при Эджхилле, первое крупное сражение гражданской войны[141].

Некоторые из кавалеристов Эссекса, разбитые в самом начале дела и успевшие бежать с поля битвы довольно далеко, разнесли весть о совершенном разгроме, повергнув в величайший ужас Лондон и парламент. Через несколько дней пришли более точные сведения, и парламент стал притязать на полную победу[142]. Со своей стороны король также не преминул громко заявить о собственных успехах, хотя, если не считать захвата Бэнбери несколько дней спустя после Эджхилльской битвы, доказательств победы, которыми мог бы он похвастаться, у него было немного. Карл продолжал свой марш и занял Оксфорд, единственный в его владениях город, который был ему предан вполне.

После того как королевская армия отдохнула и была пополнена, она снова выступила в поход, поскольку погода оставалась благоприятной. Один из ее кавалерийских отрядов подошел к Ридингу, комендантом которого парламент назначил Мартина. Комендант и гарнизон, охваченные паникой, спешно бежали в Лондон. Полагая, что теперь ничто перед ним не устоит, король двинулся к Ридингу со всей армией. Парламент же, который прежде столь неосновательно надеялся, что король вообще не сможет собрать какую-либо армию, а теперь оказался перед перспективой гражданской войны, войны кровавой и с весьма сомнительным исходом, был еще сильнее встревожен тем, что королевская армия приближается к Лондону, тогда как его собственные войска находятся далеко от столицы. Палаты вотировали адрес к королю с предложениями о переговорах. Когда же королевская армия подступила еще ближе, к Колбруку, это ускорило их мирные демарши. Нортумберленд и Пемброк, вместе с тремя коммонерами, подали адрес обеих палат, в котором умоляли Его Величество назначить удобное место, где он мог бы находиться до тех пор, пока комитеты не представят ему свои предложения. Король избрал Виндзор и потребовал, чтобы парламент вывел из этого замка свой гарнизон и впустил туда его войска[143].

Между тем Эссекс, двигаясь ускоренным маршем, подошел к Лондону. Однако ни близость его армии, ни слабые надежды на мир не смогли задержать наступление короля. Карл атаковал два парламентских полка, стоявших в Брентфорде, и после жаркой схватки выбил их из этого города, захватив около пятисот пленных. Несколько ранее парламент распорядился прекратить военные действия и ожидал того же от короля, хотя о подобном условии его комиссары речи не вели. Атака Брентфорда возбудила в Лондоне бурное негодование — как будто она была явным вероломством и прямым нарушением договора[144]. Охваченный гневом и заботясь о собственной безопасности, Сити отправил в армию Эссекса свою

отлично экипированную милицию, и теперь парламентская армия, достигшая двадцати четырех тысяч человек, значительно превосходила королевскую. После того как оба войска простояли некоторое время друг против друга, король отступил к Ридингу, а оттуда — в Оксфорд.

Пока главные армии обеих сторон оставались в бездействии по причине наступившей зимы, король и парламент были заняты действительными приготовлениями к продолжению войны и мнимыми поисками путей к миру. Свою кавалерию Карл содержал с помощью контрибуций и чрезвычайных налогов, которые она же и взимала; для пехоты предназначались займы и добровольные пожертвования, поступавшие к нему со всех концов королевства; однако эти средства по-прежнему явно не покрывали его нужд[145]. Парламент, располагая гораздо более значительными финансовыми ресурсами, не испытывал недостатка в деньгах и осуществлял все свои приготовления более планомерно и организованно. Кроме взимаемого в Лондоне налога, составлявшего 1/25 часть имущества всех его жителей, он ввел в этом городе чрезвычайный еженедельный сбор в размере 10 000 фунтов, и еще один, в 23 518 фунтов, — в остальном королевстве[146]. А так как парламент уже установил свою власть в большинстве графств, то он мог собирать эти подати регулярно, хотя они намного превышали любые суммы, которые платил народ государству в прежние времена.

ПЕРЕГОВОРЫ В ОКСФОРДЕ. 1643

Король и парламент направили друг другу свои предложения, после чего открылись переговоры, хотя военные действия и не были прекращены, как это предполагалось вначале. В качестве комиссаров в Оксфорд прибыли граф Нортумберленд и четверо членов нижней палаты[147]. В ходе этих переговоров король упорно добивался возвращения короне ее законных полномочий и восстановления своей конституционной прерогативы[148], а парламент по-прежнему требовал новых уступок и дальнейшего ограничения королевской власти — лучшего средства против своих опасений и подозрений. Убедившись, что у короля больше войск и что его поддерживает более влиятельная партия, чем они могли когда-либо предполагать, палаты для виду несколько уменьшили те непомерные притязания, которые выдвигались ими прежде, однако их требования оставались слишком жесткими, делая невозможным справедливый мир. Помимо прочих статей, на которые только полная победа могла бы дать им право, палаты в ясных выражениях потребовали, чтобы король совершенно отменил епископат (о чем прежде они говорили лишь глухими намеками); им также было угодно, чтобы впредь любые церковные споры разрешались собранием богословов, *ими* же созванными, — то есть самым неприемлемым для короля и всех его приверженцев способом. Они настаивали, что-

бы король позволил наказать самых преданных своих друзей, признал их постановление о милиции и отдал их сторонникам всю военную власть. В ответ на предложение короля возвратить ему арсеналы, города, крепости и корабли палаты потребовали их передачи под начальство тех лиц, которым они могут доверять[149]. Девятнадцать предложений, направленных палатами королю ранее, ясно обнаружили их *стремление* уничтожить монархию; теперь же они хотели только одного — получить *возможность* это сделать. А поскольку в данный момент, уже начав войну против государя, они были повинны перед законом в государственной измене, то совершенно очевидно, что их страхи и подозрения по этому поводу должны были усилиться до крайности и сделать их личную безопасность, которую они связывали с безопасностью всей нации, еще более несовместимой с властью монарха. И хотя добрый и милосердный нрав короля мог бы послужить для них гарантией против планов будущей мести, палаты — и это с их стороны было, разумеется, вполне естественно — сочли, что независимые гарантии безопасности, связанные к тому же с обладанием верховной властью, предпочтительнее положения подданных, которое не способно избавить их вполне от страхов и опасений[150].

Ни одна из сторон не отступила от своих первоначальных требований. Убедившись, что нет никаких надежд прийти к соглашению, парламент внезапно отозвал своих комиссаров.

Он тотчас же предпринял военную операцию, задуманную еще в начале весны. В те времена искусство взятия городов плохо понимали в Европе и совершенно не знали в Англии, и потому Ридинг, ближайший к Лондону пункт, занятый королевскими войсками, считался весьма сильной крепостью. Граф Эссекс подступил к ней с восемнадцатитысячной армией (15 апреля) и начал регулярную осаду. Сэр Артур Астон, комендант Ридинга, был ранен, и начальство над гарнизоном принял полковник Филдинг. Вскоре обнаружилось, что защищать город более невозможно, и хотя к нему уже шел король с целью принудить Эссекса снять осаду, чрезвычайно сильная позиция парламентской армии делала подобный замысел неосуществимым. А потому Филдингу пришлось сдать город (27 апреля) на следующих условиях: он выводит с военными почестями весь свой гарнизон, а перебежчиков отдает в руки неприятелю. Последний пункт сочли столь позорным для дела короля, что коменданта, на него согласившегося, военный совет приговорил к смертной казни. Позднее этот приказ отменил король[151].

Армию Эссекса снабжали из Лондона всем необходимым, а благодаря усердию ревностных горожан ей даже присылали много такого, что можно было счесть совершенно излишней роскошью; однако тяготы осады в столь раннюю пору года ослабили ее до такой степени, что к новым операциям она была уже неспособна. В итоге обе армии простояли некоторое время в лагерях поблизости друг от друга, даже не пытаясь предпринять каких-либо серьезных действий.

Помимо военных операций с участием главных армий, действовавших в центральной Англии, каждое графство, каждый город и чуть ли не каж-

дое семейство раскололись на враждебные партии, и все королевство погрузилось в яростные раздоры. В продолжение зимы каждая из партий предпринимала упорные попытки одолеть врага; англичане, пробужденные от мирной лени, нетерпеливыми, хотя еще неопытными руками хватались за давно заброшенное оружие и обращали его против своих соотечественников. Бешеное рвение сторонников свободы и пресвитерианской церкви, которое до сих пор, ничем не обуздываемое, быстро распространялось по всей стране, теперь, когда парламент открыто заявил о своем намерении уничтожить монархию и епископат, вызвало наконец такой же пыл и у приверженцев этих древних форм государственного и церковного устройства. Правда, в некоторых графствах были заключены соглашения о нейтралитете, скрепленные самыми торжественными клятвами, но когда обе палаты провозгласили их незаконными, они были тотчас же нарушены[152], и пламя раздора проникло во все уголки Англии. Брань устных речей, полемика печатных памфлетов, но в первую очередь — громкие поношения с церковных кафедр внушали людям взаимную ненависть, всюду распространяя слепое бешенство партий[153]. И, однако, хотя гражданская и религиозная война — этот смертельный враг всякой человечности — привела души англичан в крайнее возбуждение и неистовство, гнусных актов жестокости или вероломства совершалось в этот период гораздо меньше, чем в любую иную столь же продолжительную эпоху междоусобиц и внутренних раздоров. Данное обстоятельство, как мы убедимся далее, делает величайшую честь национальному характеру английского народа, который теперь столь злосчастным образом взялся за оружие.

На севере парламентскими войсками командовал лорд Ферфакс, королевскими — граф Ньюкасл. Именно он положил начало тем ассоциациям, которые впоследствии так часто организовывались и в других областях Англии. Ньюкасл объединил в роялистский союз графства Нортумберленд, Камберленд, Уэстморленд и одноименное епископство, а через некоторое время привлек в эту ассоциацию и другие графства. Обнаружив, что Ферфакс, с помощью Готэма и гарнизона города Гулля, успешно действует в южных округах Йоркшира, Ньюкасл выступил с четырехтысячным отрядом и овладел Йорком. Близ Тадкастера он атаковал парламентские войска и выбил их с позиций, но победа его не была решительной. В других столкновениях он также имел некоторый перевес, однако главным итогом его действий стало подчинение власти короля всех северных территорий.

В другой части королевства во время штурма Личфилда был убит [348] парламентский военачальник лорд Брук[154]. Близ Стаффорда, в короткой стычке между Джоном Джеллом и графом Нортгемптоном, последний, командовавший отрядом роялистов и сражавшийся с величайшей доблестью, был убит, а его солдаты, хотя и добились успеха в этом деле, отошли в Стаффорд, обескураженные смертью своего начальника[155].

Среди парламентских генералов начал в это время выделяться сэр Уильям Уоллер [349]. Энергичный и неутомимый, дерзкий и стремительный

в своих операциях, он был создан для подобной войны, которая, поскольку вели ее необученные солдаты под начальством неопытных командиров, обещала верный успех каждому смелому и неожиданному предприятию. Захватив Уинчестер и Чичестер, он двинулся к Глостеру, который в это время частично блокировал лорд Герберт, собравший для короля крупные силы в Уэльсе[156]. Уоллер атаковал валлийцев с одной стороны, а гарнизон Глостера, произведя вылазку, ударил на них с другой. Герберт был разбит, пятьсот его солдат легли на месте, еще тысяча попала в плен, а сам он не без труда бежал в Оксфорд. Герифорд, считавшийся хорошо укрепленным городом с сильным гарнизоном, сдался Уоллеру из-за трусости его коменданта, полковника Прайса. Та же судьба постигла Тьюксбери. Вустер запер перед ним ворота, и Уоллер, не оставив в захваченных городах гарнизонов, отошел к Глостеру, а оттуда двинулся на соединение с армией графа Эссекса[157].

ПОБЕДЫ РОЯЛИСТОВ НА ЗАПАДЕ

Но самые доблестные подвиги были совершены в эту зимнюю кампанию на западе Англии. Когда сэр Ральф Гоптон отступил со своим небольшим отрядом в Корнуолл перед войсками графа Бедфорда, последний, не принимая всерьез эту жалкую горстку солдат, отказался от дальнейшего преследования и поручил добить роялистскую партию шерифам графства. Однако жители Корнуолла сильнейшим образом сочувствовали делу короля. Пока сэр Ричард Буллер и сэр Александр Кэрью, стоявшие под Лонстоном, принимали меры к исполнению парламентского ордонанса о милиции, в Труро собрались на общий совет представители графства, и после того как Гоптон предъявил им полномочия от графа Гертфорда, королевского главнокомандующего на западе, они решили исполнить закон и изгнать захватчиков за пределы Корнуолла. Роялисты призвали милицию, взяли Лонстон и, приведя весь Корнуолл к повиновению королю, восстановили в графстве мир.

В начале этой смуты королевская партия имела обыкновение требовать во всех случаях строгого исполнения законов, которые, как она понимала, вполне оправдывали ее действия; а парламент, не желая прибегать к ссылке на «крайнюю необходимость» и открыто признаваться в нарушении какого-либо статута, привык извращать законы, произвольно толкуя их смысл в свою пользу[158]. Но хотя поначалу король, естественно, много выиграл благодаря такому способу ведения войны, — и именно на основе закона была мобилизована милиция в Корнуолле, — теперь обнаружилось, что подобные принципы оборачиваются против самих роялистов. Выводить милицию за пределы графства без ее согласия закон не позволял, и, следовательно, успехи, достигнутые в Корнуолле, невозможно было развить в Девоншире. А потому корнуолльские роялисты решили

навербовать таких солдат, которые окажутся более пригодными для длительной службы. Сэр Бевил Гренвил, самый популярный в графстве, сэр Ральф Гоптон, сэр Николас Слэннинг, Эрандел и Треваньон начали на собственный счет набирать армию для короля и благодаря своему громадному влиянию в Корнуолле вскоре осуществили свой план. Парламент, встревоженный этими действиями роялистов, приказал шотландцу Рутвену, коменданту Плимута, выступить со всеми войсками графств Дорсетшир, Сомерсетшир и Девоншир и полностью подчинить Корнуолл. Граф Стамфорд [350] с сильным отрядом следовал за ним на некотором расстоянии. Вступив в Корнуолл по наведенным через реку Теймар переправам, Рутвен спешил поскорее дать бой: он не желал, чтобы Стамфорд присоединился к нему и разделил с ним лавры победы, в которой сам Рутвен был уверен заранее. Роялисты также торопились довести дело до решительного исхода, прежде чем армия Рутвена получит столь серьезное подкрепление. Битва произошла у Брэдок-Дауна, и королевские войска, хотя и уступавшие в численности неприятелю, нанесли ему сокрушительное поражение. Рутвен с несколькими разбитыми эскадронами в беспорядке отступил в Селтеш, а когда этот город был взят роялистами, чуть ли не один бежал в Плимут. Стамфорд отвел свои части, расположив их в Плимуте и Экстере.

БИТВА ПРИ СТРАТТОНЕ

Несмотря на эти успехи, крайний недостаток в деньгах и боевых припасах, от которого страдали корнуолльские роялисты, вынудил их заключить соглашение о нейтралитете с парламентской партией Девоншира, и это перемирие соблюдалось всю зиму. Весной по приказу палат оно было нарушено; возобновилась война, все преимущества в которой были, казалось, на стороне парламента. Стамфорд собрал сильный корпус примерно в семь тысяч человек, хорошо снабженных боеприпасами, провиантом и деньгами, и двинулся на роялистов, которые уступали ему более чем вдвое и терпели во всем величайшую нужду. К природной храбрости корнуолльских солдат, возглавляемых цветом местного дворянства, присоединилось мужество отчаяния, и они решили одним энергичным ударом уничтожить все эти препятствия. Стамфорд расположился лагерем на вершине высокого холма близ Страттона, и корнуолльцы, проведя в боевой готовности всю ночь, атаковали его в пять часов утра четырьмя отрядами (16 мая). Первым отрядом командовал лорд Мохен [351] и сэр Ральф Гоптон, вторым — сэр Бевил Гренвил и сэр Джон Беркли, третьим — Слэннинг и Треваньон, четвертым — Бассет и Годольфин. Так началось страттонское дело: королевские войска отчаянно пытались прорваться с четырех направлений к вершине, их противник упорно защищался. Сражение шло с переменным успехом, пока старшим офицерам корнуолльцев не донесли о

том, что пороха у них осталось не более четырех бочек. Скрыв это известие от солдат, они решили возместить нехватку боеприпасов доблестью. Войскам было приказано наступать, не открывая огня, пока они не достигнут вершины и не окажутся на ровной местности рядом с неприятелем. Солдаты превосходно поддержали мужество офицеров своей отвагой, и вскоре роялисты начали продвигаться на всех пунктах. Генерал-майор Чидли, командовавший парламентской армией (Стамфорд держался вдали от поля боя), честно исполнил свой долг: заметив, что его солдаты дрогнули, он сам пошел вперед во главе небольшого отряда пикинеров и ворвался в самую гущу врагов; наконец, сломленный численным превосходством, он попал в плен. После этого несчастья его армия начала быстро отступать, а роялисты, поднимавшиеся четырьмя отрядами по скалам холма, наконец сошлись на его плоской вершине, и там, обнимаясь и ликуя, возвестили о своей победе громкими криками и взаимными поздравлениями[159].

БИТВЫ ПРИ ЛЭНС-ДАУНЕ И РАУНДУЭЙ-ДАУНЕ

После этого успеха роялистов к западной Англии, как к важному театру военных действий, обратили свои взоры и король и парламент. Король послал туда подкрепление — отряд кавалеристов во главе с маркизом Гертфордом и принцем Морицем, которые, соединившись с корнуольской армией, вскоре заняли Девоншир, а затем, вступив в пределы Сомерсетшира, начали приводить это графство к повиновению. Со своей стороны, парламент, вполне полагаясь на сэра Уильяма Уоллера, дал ему теперь целую армию и приказал идти на запад, чтобы остановить продвижение роялистов. После нескольких мелких стычек армии противников встретились при Лэнс-дауне, близ Бата (5 июля); упорное сражение закончилось с большими для них потерями, но без определенных результатов[160]. В этом бою пал доблестный Гренвил, а Гоптон был тяжело ранен, когда рядом с ним взорвался порох. Затем роялисты попытались двинуться на восток и соединиться с королем в Оксфорде, но Уоллер, державшийся у них в тылу, не давал им покоя на марше до тех пор, пока они не достигли Дивайза. Усиленный новыми частями, которые спешили к нему отовсюду, он теперь настолько превосходил роялистов числом, что они уже не осмеливались ни продолжить свой марш, ни подвергнуть себя опасности решительного сражения. Было решено, что Гертфорд и принц Мориц с кавалерией должны прорваться к королю и, получив от него подкрепления, поспешить на выручку своим товарищам по оружию. Уоллер, уверенный в легкой победе над пехотой роялистов, оставшейся теперь без всякой кавалерийской поддержки, написал парламенту, что дело сделано и что уже следующей почтой он сообщит палатам, сколько он взял пленных и какого звания. Но король, еще до прибытия Гертфорда знавший о

крайне тяжелом положении своей западной армии, подготовил сильный кавалерийский отряд под командованием лорда Уилмота и послал его на помощь корнуолльцам. Уоллер построил свои войска в боевой порядок у Раундуэй-Дауна, примерно в двух милях от Дивайза, а затем двинул свою кавалерию против Уилмота, чтобы помешать тому соединиться с корнуолльской пехотой; роялисты доблестно встретили его атаку (13 июля). После яростной схватки он был наголову разбит и с несколькими эскадронами бежал в Бристол. Уилмот, захватив неприятельскую артиллерию и соединившись, наконец, с ожидавшими его помощи друзьями, с удвоенной храбростью атаковал пехоту Уоллера, выбил ее с позиций и таким образом разгромил и рассеял всю парламентскую армию[161].

Эта важная победа, одержанная роялистами тотчас же после множества других успехов, повергла в величайшее смятение парламент и серьезно встревожила его главную армию, которой командовал Эссекс. Уоллер громко возмущался тем, что главнокомандующий не остановил Уилмота, позволив тому совершенно беспрепятственно двигаться к Дивайзу на выручку пехоте роялистов, которая находилась тогда в отчаянном положении. Но Эссекс, видя, что боеспособность его армии после осады Ридинга постоянно падает, твердо решил и далее держаться оборонительной тактики; возможности королевской армии также сильно ограничивались ввиду ее малочисленности и крайнего недостатка в снаряжении и боеприпасах. А потому в этой части Англии не происходило никаких военных действий — если не считать одной мелкой кавалерийской стычки, памятной для нас единственно лишь смертью знаменитого Гемпдена.

СМЕРТЬ ГЕМПДЕНА

Полковника Юррея, шотландца, служившего в парламентской армии, чем-то там обидели; он прибыл в Оксфорд и предложил свои услуги королю. Чтобы доказать искренность своих намерений, перебежчик сообщил Руперту, что отдельные парламентские отряды стоят далеко друг от друга, и убеждал совершить на них внезапное нападение. Принц, вполне готовый к подобным действиям, стремительно атаковал рассредоточенные части армии Эссекса, прорвался в глубь его расположения на две мили и разбил два кавалерийских и один пехотный полк. Поднялась тревога, все садились на лошадей, чтобы преследовать принца, отбить пленных и смыть позор неудачи. Среди прочих был и Гемпден, чей пехотный полк стоял в отдалении; он присоединился к парламентской коннице в качестве волонтера и, настигнув с ней роялистов на Чалгров-филд, бросился в самое пекло сражения. Благодаря храбрости и энергии Руперта его отряду удалось оторваться от неприятеля; в Оксфорд была доставлена богатая добыча вместе с двумя сотнями пленных. Но более всего роялистов обрадовала надежда на то, что с Гемпденом, их смертельным врагом, вну-

шавшим им столько страха, случилось какое-то несчастье Один из пленных, взятый в этой стычке, уверял, что Гемпден ранен, ибо он сам якобы видел, как Гемпден, опустив голову и опираясь руками о шею лошади, удалялся, против своего обыкновения, с поля битвы еще до окончания дела На следующий день пришло известие, что Гемпден ранен в плечо двумя пулями и у него раздроблена кость

Через несколько дней он умер в страшных муках, и если бы вся парламентская армия была уничтожена, это едва ли смогло бы повергнуть его партию в больший ужас Сам король относился к Гемпдену с таким уважением, что даже намеревался, то ли по великодушию, то ли из каких-то политических видов, послать к нему собственного хирурга[162]

Громадны были таланты и бесчисленны добродетели этого выдающегося мужа, а доблесть, выказанная им на войне, сверкала так же ярко, как и прочие блестящие достоинства, которые отличали его всегда Любезность в беседах, самообладание, искусство и красноречие в спорах, проницательность и глубокомыслие в замыслах, смелость, усердие и неусыпная бдительность в действиях — все эти похвальные качества единогласно признают за ним историки самых противоположных партий Строгая нравственность и безупречное чувство долга, которые проявлял он во всех обстоятельствах частной жизни, также не подвергаются сомнению Нам только не следует, несмотря на его возвышенное рвение к делу свободы, слишком поспешно превозносить Гемпдена как хорошего гражданина Посреди всех ужасов гражданской войны он добивался отмены монархии и ниспровержения конституции — цели, которой, будь она даже вполне достижима с помощью мирных средств, всякий человек, по-настоящему любящий свою родину, должен был бы тщательно избегать Но что именно толкало его вперед по этому опасному пути насилий — личные амбиции или искренние предрассудки, порожденные чрезмерностью прежних полномочий короны? Ответить на этот вопрос с уверенностью не смог бы ни современный историк, ни даже кто-либо из ближайших друзей самого Гемпдена[163]

ВЗЯТИЕ БРИСТОЛА

Обескураженный этим несчастьем, повергнутый в уныние полным разгромом армии Уоллера, Эссекс получил вскоре еще одно скверное известие королева, высадившаяся в Бурлингтоне, прибыла в Оксфорд, приведя с севера подкрепления — три тысячи человек пехоты и полторы тысячи кавалерии Оставив прежние позиции у Тейма и Эйлсбери, Эссекс счел нужным отступить поближе к Лондону, теперь он с горестью указывал друзьям на свои ослабленные и упавшие духом войска, которые несколько месяцев назад он вывел в поле в таком блестящем состоянии Избавленный от этого противника, король послал свою армию под началь-

ством принца Руперта, на запад; соединившись с корнуолльскими войсками, она составила весьма грозную силу как по численности своей, так и по боевым качествам и репутации. Желая предпринять дело, которое бы соответствовало ожиданиям роялистов, принц решил осадить Бристол, второй город королевства по богатству и величине. Командовал там Натаниэль Финнз, сын лорда Сэя и, подобно отцу, влиятельный парламентский вождь; под его начальством находился гарнизон в две с половиной тысячи человек пехоты, а также два полка — кавалерийский и драгунский. Так как регулярные укрепления закончены не были, принц решил взять город приступом и уже на следующее утро, не располагая почти ничем необходимым для подобного предприятия, кроме отваги своих солдат, приказал начать штурм. Корнуолльцы атаковали с запада тремя отрядами; их натиск был неудержим, но хотя средний отряд уже взобрался на стену, позиция роялистов была столь невыгодной, а гарнизон защищался так храбро, что в конце концов наступавшие были отбиты с большими потерями среди офицеров и рядовых. Там, где действовал сам принц, штурм велся с таким же мужеством и почти с такими же потерями, хотя и с бóльшим успехом. Правда, один отряд во главе с лордом Грандисоном был отброшен, а его командир смертельно ранен; другой, под начальством полковника Белласиса, постигла та же участь, зато Вашингтон, с меньшим числом солдат, обнаружив слабый участок в куртине, вломился в брешь и быстро освободил место для последующей кавалерийской атаки. Этот успех, впрочем, привел лишь к захвату предместья; прорваться в самый город было бы еще труднее, а из-за уже понесенных потерь и ожидавших впереди новых опасностей все участники штурма пали духом; но тут, к великой радости роялистов, неприятель дал сигнал о готовности начать переговоры (25 июля). Гарнизону позволили выйти из города с личным оружием и обозом, оставив победителям знамена, артиллерию и боеприпасы. Впоследствии военный трибунал судил Финнза за этот малодушный поступок, приговорив его к смертной казни, но Эссекс отменил приговор[164].

Насилия, которым подвергся гарнизон вопреки условиям капитуляции, вызвали громкое возмущение. Роялисты в свое оправдание заявили, что эти действия стали возмездием за другие насилия, учиненные над их товарищами после сдачи Ридинга. Под предлогом подобного рода «ответных мер», а в сущности — из-за бешеной вражды партий бесчинства эти продолжались в течение всей войны[165].

Потери, понесенные роялистами при штурме Бристола, оказались весьма значительными. Погибло пятьсот превосходных солдат. Из числа знатных особ Грандисон, Слэннинг, Треваньон и Мойл были убиты, Белласис, Эшли и сэр Джон Оуэн — ранены; но в целом это был крупный успех, который поднял дух одной партии и поверг в крайнее уныние другую. Желая показать, что удача не вскружила ему голову и он отнюдь не стремится к полной победе над парламентом, король издал манифест, в котором подтвердил свои прежние торжественные обещания, данные пе-

ред всей армией, и выразил твердую решимость тотчас же заключить мир после восстановления конституции. Он прибыл в лагерь под Бристолом и, отправив принца Морица с небольшим отрядом в Девоншир, стал думать о том, как лучше использовать оставшиеся у него войска в какомнибудь важном деле. Некоторые предлагали, и, кажется, вполне разумно, идти прямо на Лондон, где царило тогда всеобщее смятение, где парламентская армия, ослабленная и расстроенная, совершенно пала духом и где, как они надеялись, восстание горожан, победа или переговоры смогут быстро положить конец гражданской смуте. Многие, однако, считали, что подобный замысел, ввиду многочисленности и боеспособности лондонской милиции, сопряжен с большими трудностями. Более легкую и притом весьма важную цель представлял собой Глостер, лежащий в двадцати милях от Бристола. Это был единственный город на западе, все еще находившийся в руках парламента. И если бы его удалось взять, все течение реки Северн оказалось бы под контролем короля; богатые западные графства, враждебные королю, лишились бы всякой защиты со стороны своих единомышленников, и их можно было бы заставить выплатить крупную контрибуцию в наказание за нелояльность; между Уэльсом и вновь завоеванными территориями установилось бы прямое сообщение, и эту половину королевства, полностью очищенную от неприятеля и образующую таким образом крепкое единое целое, можно было бы использовать для того, чтобы восстановить власть короля на остальной территории Англии. Такими доводами Карла убедили принять решение, которое, как это всегда считалось впоследствии, было для королевской партии роковым[166].

ОСАДА ГЛОСТЕРА

Гарнизоном Глостера командовал некто Массей, солдат по ремеслу, который, прежде чем перейти на сторону парламента, предлагал свои услуги королю, а поскольку голова его была вполне свободна от паров религиозного энтузиазма, опьянявшего большинство офицеров парламентской армии, то роялисты заранее решили, что он весьма охотно выслушает их мирные предложения. Но Массей твердо решил сохранить безупречную верность своим господам и, хотя сам не был фанатиком, сумел превосходно воспользоваться фанатическим исступлением, овладевшим городом и гарнизоном. Ультиматум о сдаче предоставлял ему два часа на размышления (10 августа), но прежде чем истек этот срок, к королю явились два депутата от Глостера; по словам лорда Кларендона, лица их были такими худыми, бледными, изможденными и угрюмыми, одежда — такой странной и несообразной, а весь облик — таким грубым и неуклюжим, что самые суровые взгляды тотчас повеселели, а самые бодрые сердца охватила

печаль: казалось, что подобные вестники не могут принести ничего, кроме вызова. Эти люди, не оказав ни малейших знаков почтения королю и не заботясь о законах приличия, дерзким и решительным тоном объявили, что они принесли ответ от благочестивого города Глостера, а всякий обращенный к ним вопрос, согласно тому же историку, они мгновенно встречали вызывающими репликами, исполненными мятежного духа, — как будто главная цель их прихода состояла в том, чтобы, рассердив короля, заставить его нарушить собственную охранную грамоту. Ответ города заключался в следующих словах: «Мы, обыватели, магистраты, солдаты и офицеры Глостера, на милостивое послание Его Величества даем всепокорнейший ответ: мы охраняем названный город в силу присяги и клятвы верности, к услугам Его Величества и его августейшего потомства, и потому считаем себя обязанными повиноваться приказам Его Величества, утвержденным обеими палатами парламента, а следовательно, будем, с Божьей помощью, защищать этот город надлежащим образом»[167]. После этих переговоров королевская армия решительно повела осаду Глостера, а горожане и гарнизон столь же решительно защищались.

Когда известие об осаде Глостера достигло Лондона, жители его пришли в такой ужас, как будто враг уже стоял у ворот столицы. Быстрые успехи роялистов грозили парламенту перспективой немедленного подчинения королю; раздоры и несогласия в самих палатах, в Лондоне и в близлежащих графствах предвещали какие-то опасные беспорядки и мятежи. Следует, однако, признать, что те парламентские вожди, которые уже внесли столь громадные новшества в английскую конституцию и замышляли еще бóльшие, затеяли предприятие, отнюдь не превосходившее силы их духа и ума. Во всех своих действиях и планах они с самого начала выказывали величайшую энергию и точный расчет, а потому неистовое и своевольное собрание, в которое превратился парламент, разорвавший всякую узду закона, им удавалось до сих пор удерживать в подчинении, объединяя его рвением и фанатизмом так же твердо, как это могла бы сделать самая законная и прочная власть. Небольшой комитет, которому обе палаты передали соответствующие полномочия, руководил всеми военными операциями; причем сохранять свои замыслы в тайне и обеспечивать их быстрое исполнение он умел куда лучше, нежели это когда-либо получалось у короля, несмотря на все выгоды единоначалия. Сознавая, что его приверженцы относятся к нему с полным доверием, парламент во всех случаях позволял себе гораздо более деспотические акты, чем те, которые могли бы стерпеть со стороны своего государя роялисты, даже в крайних обстоятельствах военного времени. Каждого, кто имел несчастье навлечь на себя его гнев или возбудить подозрение, парламент немедленно заключал в тюрьму и преследовал судом как делинквента; когда же все старые тюрьмы оказались переполненными, построили множество новых, даже корабли были битком набиты роялистами, как дворянами, так и священниками, которые томились в трюмах, массами умирая от крайне нездоровых условий содержания. Указами обеих палат вводились налоги, чрезвычайно обременительные и прежде англичанам не известные; кроме

того, парламент учредил особую комиссию по конфискациям и при всякой возможности захватывал доходы и имущество сторонников короля[168]. Ясно понимая, что они сами и все их приверженцы, восстав против своего монарха, подлежат теперь законной каре, палаты решили преодолеть эти страхи суровыми мерами и удержать народ в повиновении угрозой иных, более скорых казней. Заговор, составившийся против парламента в Лондоне в начале этого лета, вынудил его употребить свою власть в полном объеме.

Одним из членов нижней палаты был Эдмунд Уоллер, человек, впервые усовершенствовавший английское стихосложение; он владел обширным состоянием, а своими парламентскими талантами, равно как учтивостью и изяществом манер, славился не меньше, чем поэтическими дарованиями. Столь же острый и язвительный в своих речах, сколь нежный и льстивый в своих поэтических произведениях, он умел приковывать внимание слушателей, с величайшей смелостью обличая насильственные и беззаконные замыслы общин. Убедившись, однако, что все попытки противодействия в самой палате тщетны, он решил создать вне ее стен такую партию, которая могла бы заставить парламент принять разумные условия короля и восстановить в стране мир. Очарование его беседы, вместе с репутацией человека мужественного и честного, обеспечили Уоллеру безусловное доверие Нортумберленда, Конвея[352] и всех выдающихся особ обоего пола, находившихся тогда в Лондоне. Вполне открыв Уоллеру свои тайные мысли, они выразили недовольство неистовыми мерами общин и горячее желание отыскать некое средство, способное остановить столь бурный и опасный ход событий. Тех же взглядов держались Томкинс, зять Уоллера, и Чаллонер[353], близкий друг Томкинса, а поскольку эти джентльмены имели связи преимущественно в Сити, то они могли сообщить Уоллеру, что и там среди всех благоразумных и умеренных людей господствует подобная же ненависть к войне. По зрелом размышлении им показалось вполне возможным объединить усилия лордов и горожан, чтобы они, действуя по уговору, отказались платить незаконные подати, которыми парламент обложил народ без согласия короля. Пока шло обсуждение этого плана и составлялись списки тех, кто, по расчетам заговорщиков, мог бы его одобрить, слуга Томкинса, подслушав их разговор, донес обо всем Пиму. Уоллер, Томкинс и Чаллонер были арестованы и преданы военному суду[169]. Всех троих признали виновными, а двух последних казнили, причем виселицы были воздвигнуты прямо перед входом в парламент. Палаты утвердили ковенант, или присягу[170], которую обязали принять собственную армию и всех, кто находился на подчиненной им территории. Ковенантеры заявляли о своей твердой решимости исправить и улучшить свои нравы; клялись, что не положат оружия до тех пор, пока паписты, ведущие ныне открытую войну против парламента, способны силой оружия защищать себя от правосудия, выражали отвращение к недавнему заговору и обещали всеми силами помогать войскам, набранным обеими палатами, в их борьбе с армией короля[171].

Оказавшись в тюрьме, Уоллер быстро понял, сколь громадная опасность угрожает ему теперь, и был охвачен таким страхом смерти, что мгновенно утратил все свое прежнее мужество. Он выдал все, что было ему известно, не щадя самых близких друзей, не стыдясь обмануть тех, кто ему доверился, не проводя различий между беспечностью вольной беседы и настоящими планами заговора. Прибегнув к невероятному притворству, он так искусно изобразил мучительные угрызения совести, что его казнь, из одного лишь христианского милосердия, была отложена до тех пор, пока к нему не вернется ясность рассудка. Между тем он приглашал к себе самых влиятельных духовных лиц из всех сект и, выражая собственное величайшее раскаяние, благоговейно и смиренно внимал их душеспасительным проповедям, уверяя, что никогда в жизни не имел он счастья слушать столь ясные, убедительные и назидательные поучения. В качестве скромного вознаграждения за их молитвы и благие советы шли в ход подарки; к ним, как, впрочем, и к лести, эти святые и высоконравственные мужи оказались не вполне безразличны. Все эти уловки (скорее, чем уважение к красоте его таланта, который во времена дикого ханжества и бешеных партийных распрей едва ли кто-нибудь мог оценить по достоинству) помогли Уоллеру добиться того, что судьи оставили ему жизнь, удовлетворившись штрафом в 10 000 фунтов[172].

Суровость, которую проявил парламент в деле о заговоре (или, скорее, о проекте заговора) Уоллера, усилила страх перед его властью и, казалось, надежно гарантировала от повторения подобных попыток в будущем. И, однако, вследствие успехов армии короля, поражений сэра Уильяма Уоллера, потери Бристола и осады Глостера требования мира зазвучали вновь, причем еще с большей силой, чем прежде. Огромная толпа женщин с петицией на сей счет окружила палату и вела себя так дерзко и неистово, что ее велено было разогнать; в ходе этого столкновения несколько петиционерок было убито[173]. Бедфорд, Голланд и Конвей оставили парламент и бежали в Оксфорд, за ними последовали (354) Клер и Ловлас[174]. В свое поместье удалился Нортумберленд, и даже Эссекс выказывал крайнее недовольство, настойчиво убеждая парламент примириться с королем[175]. Лорды передали нижней палате условия мира, более умеренные, чем те, которые парламент выдвигал прежде, и даже сами общины постановили большинством голосов, что эти предложения следует отправить королю. Фанатиками овладела тревога. В Сити была составлена петиция против мира, которую лорд-мэр Пеннингтон, приверженец мятежной партии, подал в нижнюю палату; сопровождавшие его толпы народа вновь стали угрожать умеренной партии[176]. Загремели церковные кафедры, пошли слухи о двадцати тысячах ирландцев, которые уже высадились в Англии, чтобы перерезать всех протестантов до единого[177]. В итоге большинство голосов вновь оказалось на стороне противной партии, все планы примирения были отброшены, теперь принимались все меры к продолжению борьбы и скорейшему снятию осады Глостера, от чего, как прекрасно понимал парламент, в значительной степени зависели его надежды на успешный исход войны.

Массей, твердо решив вести энергичную оборону и имея под своим началом город и гарнизон, жаждавшие мученического венца, до сих пор выдерживал осаду мужественно и умело, сильно замедлив продвижение королевской армии. Устраивая постоянные вылазки, он не давал покоя роялистам в их траншеях и часто имел успех в этих неожиданных нападениях; упорно защищая каждую пядь собственных позиций, он добился того, что у роялистов, так осмелевших после недавних побед, сильно поубавилось рвения и боевого пыла. Однако его гарнизон уже дошел до последней крайности, а сам Массей при всяком удобном случае извещал парламент, что если Глостеру спешно не окажут помощь, крайний недостаток провианта и боеприпасов вынудит его открыть ворота неприятелю.

Желая поправить свое бедственное положение и подготовиться к обороне, парламент стал теперь с величайшей энергией употреблять свою власть и авторитет. Он постановил набрать новую армию для сэра Уильяма Уоллера, которого, несмотря на все его неудачи, продолжал осыпать знаками внимания. Объединив для защиты своего дела графства Гертфордшир, Эссекс, Кембриджшир, Норфолк, Суффолк, Линкольншир и Гентингдоншир, он распорядился сформировать в этой ассоциации армию, а командующим ее назначили графа Манчестера. Но всего более парламент заботился о том, чтобы армия Эссекса, от успехов которой зависела его судьба, могла как можно скорее выступить против роялистов. Он вновь стал поощрять проповедников к яростным нападкам на королевскую партию и даже прибег к принудительному набору, хотя недавний закон, принятия которого сам парламент так рьяно добивался, строго запрещал подобную меру[178]. Кроме того, парламент побудил лондонский Сити отправить четыре полка своей милиции на выручку Глостеру. Тем временем все лавки в городе велено было запереть, и теперь каждый лондонец с величайшей тревогой ожидал известий об исходе этого важного предприятия[179].

Эссекс во главе хорошо снаряженной армии в четырнадцать тысяч человек пошел на Бедфорд и Лестер, и хотя он сильно уступал роялистам в кавалерии, однако сумел, исключительно благодаря дисциплине и умелому командованию, благополучно пройти через эти открытые равнинные места и отразить атаки неприятельской конницы, которая выдвинулась ему навстречу и беспокоила своими набегами в продолжении всего марша. Когда же он приблизился к Глостеру, король вынужден был снять осаду и позволить Эссексу вступить в город. Гарнизон к этому времени дошел до крайне бедственного состояния: из боеприпасов оставалась у него одна бочка пороха, так же скверно обстояли дела и с провиантом. Эссекс имел при себе все необходимые военные припасы, а всякого рода провизией его солдат в изобилии снабжало соседнее графство. Окрестные жители, утверждая, что у них больше ничего нет, тщательно скрывали провизию от королевской армии и таким образом сохранили запасы для защитников столь любезного им дела[180].

Но главное затруднение было еще впереди. Эссекс опасался встречи с королевской армией из-за ее большого преимущества в кавалерии и по-

тому решил возвратиться в Лондон, не подвергая себя по возможности риску сражения. Пять дней простоял он у Тьюксбери (первая его остановка по выходе из Глостера), а затем сделал вид, будто намерен двинуться к Вустеру. Ночным форсированным маршем Эссекс достиг Чиренчестера, добившись таким образом двойного успеха: он беспрепятственно прошел через открытую местность и захватил врасплох обоз с провиантом, находившийся в этом городе[181]. Не теряя времени, Эссекс продолжил движение к Лондону, но, приблизившись к Ньюбери, с изумлением обнаружил, что король, двигаясь ускоренными маршами, опередил его и уже успел захватить этот пункт.

БИТВА ПРИ НЬЮБЕРИ

Теперь сражение стало неизбежным, и Эссекс подготовился к нему с хладнокровием и не без искусства. Обе стороны дрались с отчаянной отвагой и необыкновенной стойкостью (20 сентября). Кавалерия роялистов несколько раз прорывала ряды конницы Эссекса, но его пехота держалась твердо; она вела непрерывный огонь, а бешеные атаки доблестной кавалерии принца Руперта, состоявшей преимущественно из дворян, встречала непреодолимой стеной пик. Более же всего отличилась лондонская милиция: лишь за несколько дней до этого оторванная от своих привычных мирных занятий и еще ни разу не бывавшая в бою, она быстро усвоила все воинские приемы и теперь, одушевляемая невероятным рвением к делу парламента, показала то, чего можно было ожидать лишь от самых опытных и закаленных солдат. Обе армии продолжали сражаться с величайшим упорством, когда ночь положила конец битве, оставив ее исход нерешенным. На другое утро Эссекс продолжил движение к Лондону, и хотя однажды внезапный налет кавалерии роялистов привел в некоторое расстройство его тыл, он благополучно достиг столицы, где удостоился громких похвал за умелое руководство войсками и общий успех операции. Король шел за ним и после того, как армия графа оставила Ридинг, занял этот город и расположил в нем свой гарнизон, приблизившись таким образом к Лондону и отодвинув пределы территории, контролируемой неприятелем[182].

В битве при Ньюбери, кроме графов Сандерленда и Карнавона (молодых аристократов, подававших превосходные надежды)[(355)], со стороны короля, к великому прискорбию всех поклонников добродетели и таланта в королевстве, пал Луциус Кэри, виконт Фолкленд и тогдашний государственный секретарь. До созыва настоящего парламента этот человек, охваченный страстью к познанию и преданный обществу людей изысканных и утонченных, наслаждался всеми удовольствиями, которые способны предоставить блестящее дарование, благородная натура и обширное богатство. Призванный к публичной деятельности, он встал в первые ряды

противников чрезмерных прерогатив короны, выказав при этом мужественное красноречие и неустрашимую любовь к свободе, которые с такой страстью впитала его душа через близкое знакомство с творениями самых возвышенных умов древности. Когда же гражданские раздоры дошли до предела и ему нужно было сделать свой окончательный выбор, он умерил свой пыл и присоединился к защитникам тех ограниченных полномочий, которые еще оставались у монарха и которые он, Фолкленд, считал необходимыми для сохранения английской конституции. И, однако, по-прежнему полный заботы об интересах страны, он, казалось, слишком явного торжества собственной партии страшился не меньше, чем успехов врага, и в обществе ближайших друзей, после долгого молчания и тягостных вздохов, нередко с печалью в голосе повторял: «Мир! Мир!» Слишком часто подвергая свою жизнь опасности — а государственному секретарю, казалось бы, не следовало этого делать, — Фолкленд оправдывался тем, что во всех рискованных предприятиях он должен участвовать с большей готовностью, чем другие люди, иначе страстное желание мира навлечет на него упреки в трусости и малодушии. С самого начала войны Фолкленд, по натуре живой и веселый, стал мрачным и угрюмым, и даже его обычная изысканность в одежде, которой требовали происхождение и высокая должность, сменилась заметной для всех небрежностью. В утро перед сражением он проявил известную заботу о своем внешнем облике, объяснив это тем, что враг не должен найти его тело в неряшливом и неподобающем виде. «Я устал от нашего времени, — добавил он, — а в будущем предвижу страшные несчастья моей родины; полагаю, однако, что еще до наступления ночи я успею ее покинуть»[183]. Этому превосходному человеку не исполнилось и тридцати пяти лет, когда смерть в бою прервала его дни.

Тяжелые потери, понесенные обеими сторонами в битве при Ньюбери, а также позднее время года заставили обе армии отойти на зимние квартиры.

ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ НА СЕВЕРЕ

На севере Англии граф, а теперь уже маркиз Ньюкасл, благодаря своему влиянию и популярности, сумел в течение лета собрать для короля крупные силы, и роялисты ожидали на этом театре больших успехов. Но в борьбу с ним вступили два человека, которые примерно в это же время впервые стали выделяться своей доблестью и полководческими талантами, а в конечном счете определили исход всей войны, — сэр Томас Ферфакс [(356)], сын лорда Ферфакса, и Оливер Кромвель. Первый из них добился крупного успеха в сражении с войсками роялистов при Уэйкфилде (21 мая) и взял в плен генерала Горинга; второй одержал при Гейнсборо победу над отрядом храброго Кавендиша, который в этом бою погиб. Но за обе эти неуда-

чи роялисты с лихвой рассчитались при Атертон-Муре (31 июля), где войска лорда Ферфакса были полностью разгромлены и рассеяны. После этой победы Ньюкасл осадил с пятнадцатитысячной армией Гулль. Комендант крепости уже сменился: Готэм и его сын, частью из зависти к лорду Ферфаксу, частью вследствие раскаяния в своих прежних, враждебных королю действиях, вошли в переписку с Ньюкаслом и выразили готовность *сдать ему Гулль. Но замысел этот был раскрыт, их арестовали и отправили* в Лондон, где оба они, несмотря на прежние заслуги перед парламентом, пали жертвой его неумолимой суровости[184].

Некоторое время Ньюкасл вел наступательные действия против Гулля, но был отражен внезапной вылазкой гарнизона крепости (21 октября) и понес такие потери, что счел нужным снять осаду. В это же время граф Манчестер, подоспевший с войсками Восточной ассоциации[357], соединился с Кромвелем и Ферфаксом-младшим и одержал крупную победу над роялистами при Горнкасле, где оба эти офицера прославились своим мужеством и воинским талантом. Фортуна таким образом выказывала равную благосклонность к обеим сторонам, и все же королевская партия попрежнему имела в этой части Англии значительное превосходство; если бы не гарнизон Гулля, державший в страхе весь Йоркшир, войска севера могли бы соединиться с войсками роялистов на юге, что, вероятно, позволило бы королю, не ввязываясь в злосчастное и, пожалуй, безрассудное глостерское дело, двинуться прямо на Лондон и положить конец войне[185].

Пока в Англии продолжались активные военные действия — а их исход с каждым днем становился все более сомнительным, — обе партии обращали свои взоры к соседним королевствам и искали помощи извне, чтобы с успехом завершить то предприятие, в котором их собственные войска встречали столь яростное сопротивление. Парламент прибег к помощи Шотландии, король обратился к Ирландии.

Достигнув цели, к которой они так упорно стремились, — установления пресвитерианских церковных порядков в собственной стране, — шотландские ковенантеры этим не удовольствовались, по-прежнему пылая страстным желанием во что бы то ни стало распространить этот вид религии в соседних королевствах. Свято уверовав в фанатическом своем исступлении, что благодаря сверхъестественной помощи они смогут с торжеством донести ковенант до самых ворот Рима, шотландцы рассудили, что вначале им следует добиться его утверждения в Англии, которая уже обнаружила столь явную готовность его принять. Даже в статьях перемирия они выразили желание установить в обоих королевствах единообразие в богослужении, и король, правда в общих словах, одобрил это намерение как весьма похвальное и благочестивое. При первых признаках разрыва с Карлом английский парламент, надеясь вовлечь Шотландию в тесный союз, открыто заявил о своем стремлении реформировать церковь по примеру северных собратьев[186]. Те же уловки шли в ход и после начала настоящей войны, и теперь шотландцы с величайшей тревогой следили за боевыми действиями, равнодушными зрителями которых они никак себя

считать не могли. Если король, рассуждали шотландцы, сумеет с помощью оружия взять верх над английским парламентом и восстановить свою власть в этом могущественном королевстве, то он непременно отречется от всех тех уступок, которые вырвали мы у него силой и при столь унизительных для Карла обстоятельствах. Помимо заботы о собственных интересах и о достоинстве монаршей власти, полностью в нашей стране уничтоженной, преданность епископальному устройству и англиканским обрядам сама по себе заставит короля обрушиться на ту церковь, которая, как ему всегда внушали, является антихристианской и незаконной. Задумаемся хотя бы о том, из каких лиц состоят партии, ведущие ныне между собой столь яростную вооруженную борьбу. Разве в парламенте заседают не те самые люди, которые всегда были против войны с Шотландией, которые сурово наказали виновников наших бедствий, которые добились искоренения всех злоупотреблений в нашей стране и удовлетворения всех наших жалоб, которые, наконец, столь щедро вознаградили нас за братскую помощь англичанам, употребив при этом в наш адрес столь лестные и почетные выражения? И разве двор короля не полон папистов, прелатов, малигнантов, каждый из которых, будучи смертельным врагом нашего церковного устройства, готов отдать жизнь за свою осквернённую идолопоклонством церковь? И можем ли мы лучше вознаградить небеса за тот чистый свет, коим они столь щедро нас удостоили, поставив выше всех прочих наций, нежели донеся сии божественные истины до несчастных наших соседей, которые ныне пробиваются к ним через море крови, — не говоря уже о том, что мы таким образом надежно обеспечим собственную безопасность? Подобные речи звучали во всяком обществе, они неслись в народ с церковных кафедр, и знаменитое проклятие Мерозу, то грозное проклятие, которому столь громогласно и торжественно подверглись умеренные и уклоняющиеся от борьбы, раздавалось теперь во всей стране[187].

С самого начала гражданских распрей в Англии парламент настойчиво предлагал шотландцам выступить в роли посредников, понимая, что их посредничество окажется весьма невыгодным для короля, а король по той же причине всегда пытался в самых мягких и учтивых выражениях его отклонить[188]. В начале весны 1643 года в Оксфорд были отправлены канцлер Лаудон и несколько комиссаров, а вместе с ними — Гендерсон, популярный проповедник, весьма склонный к политическим интригам; они вновь предложили королю посредничество Шотландии, но с тем же успехом, что и прежде. Комиссарам поручили также проявить настойчивость в религиозном вопросе, усиленно рекомендуя королю принять устройство и богослужение шотландской церкви. Это значило задеть короля за живое, ибо он полагал, что его честь и совесть, точно так же как и политические интересы, теснейшим образом связаны с защитой епископата и литургии[189]. А потому он просил комиссаров удовольствоваться теми уступками, которые он уже сделал в пользу Шотландии, и коль скоро собственную церковь они устроили по собственному разумению, оставить

такое же право и за своими соседями, не вмешиваясь в те вопросы, в которых их едва ли можно счесть компетентными судьями[190].

Оксфордские богословы[358], вообразившие, что ссылки на церковную историю, цитаты из отцов и теологические доводы обеспечат им полную победу, пожелали устроить диспут с Гендерсоном, вознамерившись с помощью логических аргументов обратить в свою веру сего великого апостола севера, однако Гендерсон, который малейшие сомнения в истинности собственных принципов всегда считал нечестием и кощунством и который знал гораздо более действенные способы убеждать противников, нежели теологические рассуждения, решительно отказался от любых споров и прений. Английские богословы удалились, полные изумления перед слепой самонадеянностью и фанатическими предрассудками этого человека, а он, со своей стороны, был так же поражен их упрямой приверженностью к столь явным заблуждениям и очевидным иллюзиям.

Уступки, сделанные королем в пользу Шотландии, обязывали его созывать шотландский парламент раз в три года, и в июле следующего года это собрание должно было начать свою работу. Но Карл льстил себя надеждой, что еще до наступления указанного срока он, добившись решительного успеха в войне, сумеет заставить английский парламент подчиниться ему на разумных условиях и тогда сможет спокойно ожидать созыва парламента шотландского. Хотя Лаудон весьма настойчиво ходатайствовал о немедленном созыве этого высшего совета нации, король категорически отказался предоставить законодательные полномочия тем самым людям, которые уже успели вызвать в стране столь опасную смуту и по-прежнему обнаруживают явное стремление сопротивляться его власти и посягать на его права. А потому шотландские комиссары, не сумев убедить короля согласиться ни с одним из их требований, пожелали получить паспорта для поездки в Лондон, где намеревались устроить совещание с английским парламентом[191]; однако и в этом им было отказано, и они, до крайности раздраженные, возвратились в Эдинбург.

Между тем в Шотландии была учреждена должность «хранителей мира», призванных поддерживать союзные отношения между обоими королевствами, и эти лица, подстрекаемые духовенством, решили, что, коль скоро они не могут добиться королевского согласия на созыв парламента, то им следует, именем короля, но собственной властью, созвать конвент сословий и таким образом лишить государя этой последней статьи его прерогативы. Под предлогом заботы о безопасности страны, которой якобы угрожает близость английских армий, был созван конвент[192]; данное собрание заседало с меньшей торжественностью, однако в вопросах сбора денежных средств и набора войск обладало теми же полномочиями, что и парламент. В Шотландию направили Гамильтона и его брата, графа Ланарка[359], которые должны были воспротивиться этим мерам, но им недостало влияния (а может быть, и искренности), и они безропотно подчинились потоку событий. Одновременно с конвентом сословий собралась и Генеральная ассамблея духовенства, которая, употребляя почти неогра-

ниченную власть во всех гражданских делах, добилась того, что все политические соображения уступили перед ее богословским фанатизмом и предрассудками.

ТОРЖЕСТВЕННАЯ ЛИГА И КОВЕНАНТ

Английский парламент, из-за успехов королевской армии оказавшийся к этому времени в чрезвычайно тяжелом положении, с радостью отправил в Эдинбург своих комиссаров, предоставив им обширные полномочия для ведения переговоров о более тесном союзе с шотландцами. В посольстве участвовали граф Ратленд [360], сэр Уильям Эрмин, сэр Генри Вен-младший, Томас Хэтчер и Генри Дарли; сопровождали их Маршал и Най, два весьма влиятельных священника.[193] Главные же свои надежды на переговорах парламент возлагал на Вена, который даже в эту эпоху, столь богатую всякого рода деятельными талантами, не знал себе равных в ловкости, красноречии и уме, так же как и в искусстве лицемерия и притворства. Благодаря его настойчивости в Эдинбурге был подготовлен текст ТОРЖЕСТВЕННОЙ ЛИГИ И КОВЕНАНТА, договора, который отменял все клятвы и протестации, принятые в обоих королевствах ранее, и сумел надолго сохранить свою силу и авторитет. Подписавшие этот ковенант должны были защищать друг друга от всех врагов; кроме того, они обязывались искоренять, невзирая на лица, папизм, прелатство, суеверия, ересь, схизму и нечестие, отстаивать права и привилегии парламента, а также королевскую власть и, наконец, разоблачать и предавать суду всех поджигателей войны и малигнатов[194].

Лица, принявшие ковенант, клялись также сохранять реформированную религию, установленную в шотландской церкви, однако благодаря хитрой уловке Вена в отношении Англии и Ирландии никаких более определенных деклараций сделано не было; говорилось лишь, что указанные королевства следует преобразовать «в согласии со словом Божиим и по примеру самых чистых церквей». Поскольку ковенант прямо отверг епископальное устройство, шотландские фанатики, полагая, что данное выражение не содержит в себе никакой двусмысленности, рассматривали собственную церковь как единственную из существующих, которая в известной мере соответствует подобному определению, но у этого ловкого политика были совсем другие виды, и в то самое время когда Вен пускал в ход свои обширные таланты, чтобы перехитрить пресвитериан, и втайне посмеивался над их наивностью, он в своем безрассудстве уже принял твердое решение отдать всего себя защите других религиозных принципов, еще более нелепых и опасных.

В английском парламенте еще оставалось несколько членов, которые хотя и соглашались с большинством, побуждаемые к этому личными амбициями или пылким стремлением к гражданской свободе, однако по-прež-

нему сохраняли приверженность к англиканской иерархии и старинным формам богослужения. Но при нынешних обстоятельствах, когда делу их угрожала величайшая опасность, все колебания были отброшены, и ковенант — единственное средство получить ту значительную поддержку, какую обещало им вступление в войну шотландцев, — был принят без возражений (17 сентября). Вначале члены парламента подписали ковенант сами, а затем велели сделать это всем, кто находился под их юрисдикцией.

ПОДГОТОВКА ШОТЛАНДЦЕВ К ВООРУЖЕННОМУ ВЫСТУПЛЕНИЮ

Видя, что им суждено стать благословенным орудием дальнейшего распространения пресвитерианской религии и рассеять таким образом страшную тьму, в коей прибывали до сих пор соседние народы, шотландцы пришли в великое ликование. Генеральная ассамблея духовенства бурно приветствовала сие славное подражание подвигам благочестивых предков, которые, по словам ее депутатов, еще в правление Елизаветы трижды пытались убедить англичан отречься от стихаря, а также особого рода священнической шапочки и накидки[195]. Конвент сословий, также воспылавший крайним религиозным рвением, повелел всем шотландцам, под страхом конфискации имущества, присягнуть на верность ковенанту; причем на тех, кто откажется это сделать, как на врагов Бога, короля и королевства будущий парламент по своему усмотрению мог наложить и другие кары. Твердо уверенный, что всех непокорных надлежит убеждать мечом, конвент начал весьма тщательно и энергично готовиться к военным действиям. 100 000 фунтов, полученных от англичан, надежды на хорошее жалованье и теплые квартиры, не говоря уже об общем расположении народа к ковенанту, позволили быстро завершить набор. Присоединив к этим войскам части, отозванные из Ирландии, шотландцы уже к концу года были готовы вступить на английскую территорию с более чем двадцатитысячной армией, которой командовал их старый военачальник граф Ливен[196].

Понимая, что буря эта вскоре разразится над его головой, король пускал в ход любые средства, чтобы от нее спастись, и потому обратил свои взоры к Ирландии — в надежде, что это королевство, которое уже причинило его делу столько вреда, сможет наконец что-нибудь сделать для его защиты и безопасности.

СОБЫТИЯ В ИРЛАНДИИ

После начала ирландского мятежа английский парламент, хотя и взявший на себя задачу его подавить, был все время слишком занят военными планами и боевыми действиями в самой Англии, чтобы принять сколько-нибудь решительные меры для ее осуществления. Правда, он договорился об отправке в Ирландию десятитысячной шотландской армии, а чтобы побудить эту нацию к более деятельному участию в данном предприятии, помимо обещаний платить войскам, согласился передать шотландцам Карисфег, а их командующему предоставить особые полномочия, сделав его совершенно независимым от английских властей. Эти войска, пока они не были отозваны, приносили известную пользу, отвлекая на себя ирландских мятежников и защищая немногих британских поселенцев, уцелевших на севере острова. И, однако, если не считать этого соглашения с Шотландией, все прочие меры парламента либо вовсе не влекли за собой никаких последствий, либо наносили прямой ущерб делу протестантов в Ирландии. Продолжая жестокие преследования католических священников и папистов и даже грозя им еще более жестокими карами, он лишал ирландских католиков любых надежд на снисхождение и терпимость и укреплял в них мятежный дух. Ирландские земли, подлежащие в будущем конфискации, парламент заранее назначил для вознаграждения подписчиков государственного займа; этот акт поверг в отчаяние всех ирландских собственников и, казалось, грозил туземцам поголовным обезземелением[197]. И в то самое время, когда подобные меры еще сильнее разжигали злобу и ярость его врагов, парламент не предпринимал решительно ничего, чтобы хоть как-то поддержать и ободрить протестантов, дошедших теперь до последней крайности.

Благодаря долгому ряду своих побед англичане приобрели такое чувство превосходства над ирландцами, что хотя последние, получив воинскую выучку за границей, становятся обыкновенно непревзойденными солдатами, в собственной стране они никогда не могли предпринять энергичных усилий для защиты или восстановления своей независимости. И теперь английские отряды под начальством лорда Мора, сэра Уильяма Сент-Леджера, сэра Фредерика Гамильтона[361] и других командиров, занимая невыгодные позиции и явно уступая противнику в численности, во многих стычках наголову разбивали ирландцев и с торжеством возвращались в Дублин. Встретив упорное сопротивление гарнизона, мятежники сняли осаду Дрогеды[198]. Ормонд [362] одержал две решительные победы над Килраше и Россе и освободил от осады или блокады все форты в разных частях королевства[199]. Однако, несмотря на эти успехи, победоносные армии терпели нужду даже в самом необходимом. В бешеной своей ярости против британских поселенцев ирландцы подвергли всю страну ужасному опустошению, сами же, вследствие неистребимой лени и невежества, были совершенно не способны создавать какие-либо удобства че-

ловеческой жизни. Между тем за полгода из Англии пришло лишь одно небольшое судно с провиантом, да и то загруженное лишь на четверть. Дублин вынужден был отправить в Англию бо́льшую часть своих жителей, чтобы спасти их от голодной смерти. У армии осталось немногим более сорока бочек пороха, ей не хватало обуви и одежды, а из-за крайнего недостатка в пище солдатам приходилось есть своих лошадей. И хотя ирландцы терпели почти такие же бедствия[200] (к тому же они более грубые по природе, переносили подобные лишения легче, чем англичане), нельзя было без горестного чувства наблюдать, как эти нации, продолжая свою яростную вражду, превращают в пустыню плодородный остров, который мог бы обеспечить изобилие и благополучие им обеим.

Судьи и совет Ирландии, главным образом благодаря влиянию и авторитету Ормонда, оказались в полном подчинении у короля. Парсонс, Темпл, Лофтус и Мередит, склонявшиеся в пользу противоположной партии, были смещены: Карл заменил их другими лицами, более расположенными ему служить. Комитет английской палаты общин, отправленный в Ирландию для руководства делами этого королевства, во исполнение поступившего от короля приказа не был допущен на заседание совета[201]. Все это, не говоря уже о его собственном тяжелом положении, в достаточной мере объясняет нам, почему парламент не выказывал особой охоты снабжать ту армию, которая хотя и защищала дорогое ему дело, находилась под начальством его открытых врагов. Он даже перехватил небольшое подкрепление, отправленное в Ирландию королем.

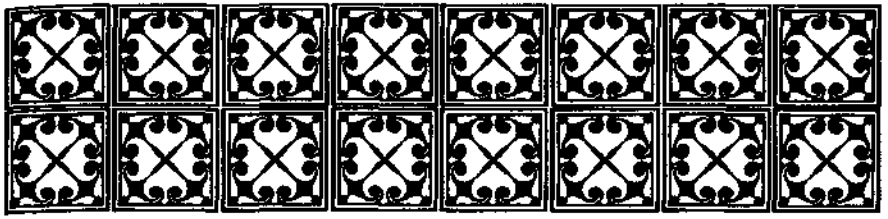
Король, сам терпевший во всем крайнюю нужду, был не в силах выделить для Ирландии ни денег, ни оружия, ни боеприпасов, ни провианта, а потому решил прибегнуть к такому средству, которое могло бы облегчить бедственное положение ирландских протестантов и в то же время способствовать успехам его дела в Англии. Перемирие с мятежниками, полагал король, позволит его ирландским подданным самим удовлетворить свои нужды, ему же предоставит еще одну армию для борьбы с английским парламентом. Но так как договор с народом, внушавшим столько ненависти своими дикими неистовствами и еще более — своей религией, мог быть представлен в крайне невыгодном для короля свете и вновь навлечь на него всю ту клевету, от которой он уже успел так сильно пострадать в прошлом, то замысел этот надлежало осуществлять с величайшей осмотрительностью. Армия подала в ирландский совет ремонстрацию, где выставляла на вид свои невыносимые бедствия и просила разрешения покинуть это королевство; в случае же отказа, как было заявлено в ремонстрации, *армия будет вынуждена прибегнуть к защите того изначального и исконного закона, коему Господь подчинил всякого человека, а именно закона природы, который учит каждую тварь заботиться о собственном самосохранении*[202]. В свою очередь, судьи и совет отправили королю и парламенту меморандумы, в которых весьма живо и энергично описали свое бедственное положение[203], и хотя общие формулировки в этих докладах можно, пожалуй, заподозрить в известных преувеличени-

ях, однако из упомянутых там отдельных фактов, из признаний самого английского парламента[204] и из самой природы вещей с очевидностью явствует, что ирландские протестанты дошли тогда до последней крайности[205] и что для короля стало абсолютной необходимостью (во всяком случае, с его стороны это было весьма благоразумно) изыскать средство, способное хотя бы на некоторое время отодвинуть нависшую над ними угрозу полной гибели.

Соответственно король приказал Ормонду[206] и дублинским судьям заключить перемирие на один год с советом в Килкени, руководившим тогда ирландцами, причем каждая из сторон должна была сохранить занимаемые ею территории. Парламент, который считал своим непременным долгом порицать любые действия противной партии и не желал упускать столь превосходную возможность обвинить короля в благосклонности к ирландским папистам, выразил громкое возмущение этим перемирием. Среди прочего парламент твердил о справедливом Божьем возмездии, коего должна страшиться Англия за то, что под предлогом гражданских договоров и политических соглашений она проявляет терпимость к антихристианскому идолопоклонству[207]. В ту пору считалось, что религия слишком священна, чтобы жертвовать ею ради мирских интересов или безопасности государств, хотя сам же парламент каждый день употреблял ее как средство для достижения собственных эгоистических целей.

После заключения перемирия уже не было особой необходимости, как, впрочем, и возможности, содержать армию в Ирландии, и король приказал Ормонду, который был ему предан вполне, переправить крупные отряды в Англию. Большинство этих солдат осталось на его службе, но некоторые, усвоив в Ирландии сильнейшую ненависть к католикам и видя, что в Англии все упрекают партию короля в папизме, вскоре изменили ему и перешли на сторону парламента.

Вместе с этими войсками в Англию прибыло известное число ирландских католиков; поступив в королевскую армию, они продолжали творить привычные жестокости и бесчинства[208]. Палаты постановили не давать им пощады ни при каких обстоятельствах, но принц Руперт, прибегнув к ответным карательным мерам, вскоре заставил парламент отказаться от столь бесчеловечного решения[209].



Глава XIII

Вторжение шотландцев. — Битва при Марстон-Муре. — Битва при Кропреди-бридж. Капитуляция и разоружение армии Эссекса. — Вторая битва при Ньюбери. — Возвышение индепендентов и их характерные черты. — Ордонанс о самоотречении. — Ферфакс. — Кромвель. — Переговоры в Оксбридже. — Казнь Лода.

Король, оказавшийся в начале войны в крайне тяжелом положении, впоследствии сумел добиться немалых успехов в борьбе с парламентом и к этому времени находился почти в равных условиях со своими противниками. Маркиз Ньюкасл привел к повиновению Йоркшир и все северные графства, и теперь единственным оплотом парламента в этих краях был гарнизон Гулля. На западе Англии королю сопротивлялся один лишь Плимут (который ранее безуспешно осаждал принц Мориц), и если бы не злосчастное глостерское предприятие, гарнизоны роялистов тянулись бы сплошной полосой от одного конца королевства до другого, занимая более обширную территорию, чем та, которую контролировали войска парламента. Многие роялисты льстили себя надеждой, что тот же дух мужества и решимости, который вознес их на вершину успехов ныне, и далее будет вести их к победам и в конце концов доставит им полное торжество над врагами, однако люди, судившие более здраво, замечали, что (помимо перехода на сторону парламента всей шотландской нации) те самые качества, которые обеспечивали успехи роялистов, с каждым днем все лучше усваивает и противоположная партия. Королевские войска, где служило немало аристократов и дворян, превосходили неприятеля в доблести и до сих пор имели успех почти в каждом бою, но с продолжением гражданской междоусобицы вся английская нация становилась более воинственной, и это достоинство распределялось более равномерно, а потому следовало ожидать, что в конечном счете победу принесет численное превосходство. К тому же в войсках роялистов, худо оплачиваемых и терпевших нужду в самом необходимом, невозможно было поддерживать такую же дисциплину, как и в неприятельской армии, которую парламент, благодаря неистощимости своих материальных и денежных ресурсов, полностью обеспечивал боеприпасами и провиантом[210]. Строгость нравов, которую так рьяно проповедовали эти фанатики и святоши, помогала им в устрой-

стве военных дел, а неумолимая суровость, столь характерная для решительных реформаторов церкви и государства, позволяла парламентским командирам удерживать своих солдат в более жестких рамках порядка и дисциплины. Офицеры же королевской армии, которые вели себя теперь даже более распущенно, чем это было им свойственно в мирное время, нередко пренебрегали обязанностями по службе, подавая дурной пример бесчинств и беспорядков солдатам, находившимся под их начальством. В начале войны всем служившим за границей англичанам предложили вернуться на родину, где их встретили с величайшим почтением, и большинство из них — а это были, как правило, выходцы из добропорядочных фамилий, из-за долгого своего отсутствия незнакомые с новыми политическими принципами, умалявшими достоинство короны, — встало под знамена короля. Здесь, однако, можно заметить, что хотя от высших начальников военная профессия требует незаурядных дарований и обширной опытности, менее важные обязанности могут после недолгой практики с успехом выполнять люди самых обычных способностей. Горожане и сельские джентльмены быстро превращались в отличных офицеров, а все самые талантливые и знаменитые полководцы этой войны появились в армии парламента, тогда как в противоположном лагере придворные и высшая знать сдерживали развитие сколько-нибудь замечательных дарований в среде младшего офицерства, и там, как в любой правильной и устоявшейся иерархии, каждый был заранее ограничен теми рамками, которые определялись его происхождением.

Желая подготовиться в течение зимы к предстоящей кампании, король призвал в Оксфорд всех членов обеих палат, сохранявших ему верность, и попытался использовать в своих интересах имя парламента, столь страстно любимое английским народом[211]. Оксфордская палата пэров оказалась весьма многочисленной: даже без учета лордов, находившихся в разных частях страны по делам короля, она вдвое превосходило обычное число тех, кто голосовал тогда в Вестминстере. Нижняя палата состояла примерно из ста сорока членов — менее половины другой палаты общин[212].

Бремя правительства было до сих пор столь легким для народа, что само слово *акциз* оставалось ему неизвестным, и введение в Англии этого налога явилось одним из зол, порожденных междоусобицей. Когда Вестминстерский парламент установил акцизный сбор на пиво, вино и другие товары, парламент в Оксфорде последовал его примеру и передал соответствующие доходы королю. А чтобы помочь Карлу пополнить армию, парламент назначил ему субсидию в 100 000 фунтов, которую надлежало собрать с подданных путем займа. Король выпустил залоговые обязательства, скрепленные подписями спикеров обеих палат, где лицам, живущим в пределах его владений, предписывалось вносить заимообразно определенные суммы[213]. При этом обе партии продолжали с педантическим упорством ставить на вид своим противникам незаконность подобных мер.

Вестминстерский парламент принял весьма странный ордонанс: всем жителям Лондона и его округа велено было отказаться от одного обеда в

неделю, а его стоимость передавать на поддержку общественного дела[214]. Как нетрудно догадаться, об исполнении самого ордонанса — если деньги платили исправно — парламент не слишком беспокоился.

Король находился тогда в таких обстоятельствах, что для восстановления в стране мира ему не нужно было требовать ничего другого, кроме восстановления английских законов и конституции, возвращения ему тех полномочий, которыми всегда пользовались его предшественники, и воссоздания на старинных принципах всей системы правления, как гражданского, так и церковного. А чтобы быстрее достичь этой, по-видимому, столь желанной для всех цели, он предлагал столь же популярные средства: всеобщую амнистию, а также терпимость или снисхождение к тем, чья совесть не позволяет принять англиканские церковные порядки. Следовательно, ничто не могло лучше служить его интересам, нежели любые речи о мире и любое обсуждение условий, на которых можно было бы обеспечить это великое благо. По этой причине король при всякой возможности настойчиво предлагал парламенту открыть переговоры, чтобы подвергнуть тщательному исследованию требования и взаимные претензии сторон, — даже тогда, когда не имел никаких надежд на их успех.

Парламент же по сходным причинам, насколько это было в его силах, благоразумно уклонялся от любых предложений о начале переговоров, всячески стараясь не выставлять на общее обозрение — дабы не подвергнуть опасности критического разбора — те чрезвычайно жесткие условия, принятия которых он, движимый страхом или властолюбием, требовал от короля ранее. Хотя взоры его приверженцев окутывала густая пелена религиозных предрассудков, парламент не желал беспристрастного исследования своих притязаний и страшился открыто изложить их перед всей нацией. Народным вождям было весьма неловко сознавать, что священному авторитету законов и почтенным прецедентам многих веков они в силах противопоставить лишь собственные страхи и подозрения, которые не могли быть оправданы конституцией и для которых ни личный характер Карла, полный стольких добродетелей, ни его положение — положение короля, лишенного независимых от парламента средств и орудий власти, — не давали, казалось, никаких разумных оснований. Жалобы, уже получившие полное удовлетворение, полномочия короны, законные или незаконные, но от которых сам король уже безоговорочно отказался, — и далее твердить обо всем этом значило бы раздражать народ явной несправедливостью и неблагодарностью.

Ранее, желая как-то уменьшить всеобщее преклонение перед именем парламента, король издал декларацию, где подробно описал все беспорядки, вынудившие его самого и его сторонников в обеих палатах покинуть Лондон, и заключил, что Вестминстерское собрание уже не является свободным парламентом и, пока свобода его заседаний не восстановлена, не имеет никакой законной власти. Данная декларация была очевидным препятствием на пути к любым переговорам, а потому требовалось придумать некое средство, чтобы его обойти.

Предшествующей весной Эссекс получил письмо, подписанное принцем Уэльским, герцогом Йоркским и 43 пэрами[215], которые просили графа стать орудием восстановления мира и содействовать достижению этой благой цели через свое влияние на тех, кому он сейчас служит. Хотя Эссекс был чрезвычайно раздражен против парламента, страшился крайностей, к которым тот стремительно приближался в своих действиях, и искренне желал примирения с королем на любых разумных условиях, его твердая решимость честно исполнить свой долг оказалась сильнее. Эссекс ответил, что так как в посланной ему бумаге не содержится прямого обращения к обеим палатам парламента и формального признания их власти, то он не может передать ее им. Сходные предложения, которые в последующую кампанию неоднократно делал король, встречали со стороны Эссекса такой же прием[216].

Этой весной король предпринял новую попытку завязать переговоры и послал еще одно письмо, адресованное лордам и общинам, собранным в Вестминстере, но поскольку он упомянул также лордов и общины парламента, собранного в Оксфорде, и заявил, что его цель и намерение состоит в том, чтобы обеспечить всем членам обеих палат возможность заседать свободно и безопасно, в рамках единого и полного собрания, то Вестминстерский парламент, ясно видя, какой из всего этого следует вывод, отказался от любых переговоров на подобных условиях[217]. А король, понимавший, как мало остается надежд на мир, не желал тем не менее отказываться от своих прежних заявлений и в более определенных выражениях признать Вестминстерские палаты свободным парламентом.

Зимой того же года умер знаменитый Пим, человек, столь же ненавидимый одной партией, сколь почитаемый другой. В Лондоне считали, что Пим принес себя в жертву делу народной свободы, сократив свои дни непрестанными трудами на благо родины[218]; в Оксфорде же были уверены, что он стал жертвой какой-то странной болезни и что его заели вши — явный знак божьего возмездия за его бесчисленные злодеяния и измены. В ходе гражданской войны, одним из главных виновников которой был он сам, Пим так мало заботился о личном обогащении, что парламент из чувства благодарности почел себя обязанным уплатить все его долги[219].

Теперь мы возвращаемся к военным операциям, которые, несмотря на суровые погодные условия, весьма энергично велись в течение зимы на самых разных театрах.

Отозванные из Ирландии войска высадились в Мостайне (Северный Уэльс) и после того, как командование ими принял лорд Байрон, осадили и взяли замки Хаварден, Бистон, Актон и Деддингтон-хауз[220]. В Чешире и на прилегающих к нему территориях верность парламенту сохранял теперь один лишь Нантвич, к осаде этого города и приступил в самый разгар зимы Байрон. Между тем сэр Томас Ферфакс, встревоженный столь крупными успехами роялистов, собрал в Йоркшире четырехтысячную армию и, соединившись с сэром Уильямом Бреретоном[(363)], двинулся к неприятельскому лагерю. Воодушевленные своими прежними победами в

Ирландии. Байрон и его солдаты относились к парламентским войскам с величайшим пренебрежением; подобное чувство, если оно охватывает одну лишь армию, можно счесть надежным предзнаменованием победы, если же оно распространяется и на ее командующего, то почти наверняка предвещает поражение. 25 января Ферфакс внезапно атаковал лагерь роялистов. Разлившаяся из-за оттепели река разделила их армию на две части; отряд, подвергшийся нападению Ферфакса, был выбит со своих позиций и отошел в церковь Актона, где весь был взят в плен; остальные части роялистов поспешно отступили[221]. Таким образом, переброшенный из Ирландии корпус был рассеян неприятелем, по крайней мере уже не мог принести пользы королю, и парламентская партия в северо-западных графствах Англии вновь подняла голову.

ВТОРЖЕНИЕ ШОТЛАНДЦЕВ

Вторжение из Шотландии повлекло за собой гораздо более серьезные последствия. Вначале шотландцы потребовали сдачи города Ньюкасла, хорошо укрепленного благодаря неустанным заботам сэра Томаса Гленхема; не добившись здесь успеха, они перешли Тайн (22 февраля) и встретились с четырнадцатитысячной армией маркиза Ньюкасла, которая стояла под Даремом[222]. После маневров и операций, в ходе которых неприятелю пришлось испытать немалые трудности с провиантом и фуражом, маркиз получил известие о страшной катастрофе, постигшей его войска в Йоркшире: полковник Белласис, которого Ньюкасл оставил там с крупным отрядом, был наголову разбит при Селби сэром Томасом Ферфаксом (11 апреля), возвратившимся к этому времени со своими победоносными войсками из Чешира[223]. Опасаясь попасть в тиски между двумя неприятельскими армиями, Ньюкасл отступил, а Ливен, соединившись с лордом Ферфаксом, расположился у Йорка, где заперлись части роялистов. Но так как парламентские и шотландские войска были недостаточно многочисленны, чтобы взять в плотное кольцо осады столь крупный город, разделенный надвое рекой, то они довольствовались менее тесной блокадой, и некоторое время боевые действия здесь не приносили решительного успеха ни одной из сторон[224].

Зимой и весной этого года война бушевала и в других частях королевства. Гоптон, собрав четырнадцатитысячную армию, попытался прорваться в Сессекс, Кент и другие графства южной ассоциации, которые, казалось, готовы были благосклонно его встретить. Уоллер решительно атаковал Гоптона при Черингтоне и нанес ему чувствительное поражение[225]. В другом районе Англии парламентские войска осадили Ньюарк, и принц Руперт готовился идти на выручку этому городу — единственному пункту, через который поддерживалось тогда прямое сообщение между северными и южными территориями, находившимися под контролем ко-

роля[226]. С небольшим отрядом, воодушевленным, однако, мужеством и энергией своего командира, принц прорвался через неприятельские позиции, снял осаду города и полностью рассеял парламентские части[227].

Но хотя фортуна, на первый взгляд, дарила свою благосклонность обеим сторонам, в целом зимняя кампания оказалась весьма неудачной для короля, а предстоящая летняя обещала еще более печальный исход. Парламент, чьи возможности намного превосходили скудные средства Карла, вел обширные приготовления. В Восточной ассоциации он сформировал четырнадцатитысячное войско под командованием графа Манчестера, помощником у которого был Кромвель[228]. В окрестностях Лондона сосредоточились десятитысячная армия Эссекса и еще одна, почти такой же численности, под начальством Уоллера. Первая должна была действовать непосредственно против короля, вторая — двинуться на запад, где принц Мориц с небольшим отрядом, постепенно приходившим в полное расстройство, тщетно терял время под Лаймом, лишенным особой важности приморским городом. Даже крайние усилия не позволили королю собрать в Оксфорде более десяти тысяч солдат, пропитание же свое в ходе будущей кампании войскам этим предстояло добывать, полагаясь главным образом на свой меч.

Королева, до смерти напуганная окружавшими ее со всех сторон опасностями, боялась оказаться запертой в осажденном Оксфорде, во внутренней части королевства, и потому решила удалиться в Эксетер, где надеялась благополучно разрешиться от бремени и откуда, в случае приближения неприятельских войск, она могла легко бежать во Францию. Генриетта знала, сколь непримиримую ненависть питал к ней всегда английский парламент из-за ее вероисповедания и того влияния, которое имела она на короля. Прошлым летом общины обвинили ее перед лордами в государственной измене за то, что она, помогая оказавшемуся в бедственных обстоятельствах супругу, отправила в Англию партию вооружения и боеприпасов, приобретенных ею в Голландии[229]. Королева не могла не понимать, что если она попадет в руки этих надменных республиканцев, так мало заботившихся о соблюдении законов галантности и учтивости, то ни пол, ни высокое положение не смогут защитить ее от опасности, по крайней мере — от грубых оскорблений.

Стоит заметить, что с самого начала этой междоусобицы парламент принял крайне дерзкий тон в обращении со своим государем, а кроме того совершал такие насилия и присваивал себе такие полномочия, какие оказались бы совершенно несовместимыми ни с характером, ни с положением короля. Король постоянно вел речь о прощении всех *мятежников* — парламент твердил лишь о наказании *делинквентов* и *малигнантов*, король предлагал терпимость и снисхождение тем, кто по убеждениям совести не мог принять официальную религию, — парламент грозил полным уничтожением епископата, король заверял в готовности к милосердию — парламент отвечал на это суровыми декларациями, — в общем, чем настойчивее старинные законы учили подданных почтительному повино-

вению короне, тем старательнее парламент прикрывал порочность своих действий надменными притязаниями.

БИТВА ПРИ МАРСТОН-МУРЕ. 2 ИЮЛЯ

Огромный перевес сил на севере Англии способствовал, казалось, честолюбивым замыслам парламента и обещал конечное торжество всем его дерзким и незаконным предприятиям. Заняв Линкольн, Манчестер соединился с Ливеном и Ферфаксом, и теперь их войска взяли Йорк в плотное кольцо осады. Маркиз Ньюкасл весьма энергично защищал этот город, который, однако, уже дошел до крайности, и парламентские генералы льстили себя надеждой, что их усилия, после всех тяжких трудов и немалых потерь, будут наконец увенчаны столь важным успехом. Неожиданное известие о приближении принца Руперта повергло их в тревогу. После энергичных операций в Чешире и Ланкашире этот доблестный военачальник собрал крупные силы и, соединившись с сэром Чарльзом Лукасом, командовавшим кавалерией Ньюкасла, поспешил на выручку Йорку с армией в двадцать тысяч человек. Шотландские и парламентские генералы сняли осаду и, сосредоточив свои войска на Марстон-Муре, приготовились дать бой роялистам. Но принц Руперт подошел к городу с другой стороны и, воспользовавшись тем, что между его армией и неприятелем протекала река Оуз, без помех соединился с войсками Ньюкасла. Маркиз пытался убедить принца в том, что после столь успешного маневра ему следует довольствоваться выгодами своего нынешнего положения и спокойно ожидать, пока неприятельская армия, сильно поредевшая из-за потерь и обескураженная недавней неудачей, не растает сама собой вследствие проникших в ее лагерь раздоров и несогласий[230]. Однако принц, чей воинственный дух не умеряла в должной степени благоразумная осторожность и не смягчала учтивость, сослался на формальный приказ, полученный им якобы от короля, и, не соизволив даже посоветоваться с Ньюкаслом, достоинства и труды которого заслуживали лучшего обращения, немедленно распорядился готовиться к битве (2 июля) и вывел свои войска к Марстон-Муру[231]. Это сражение стало самым крупным по числу участников за все время гражданской войны, причем силы сторон, с величайшим упорством оспаривавших в нем победу, были примерно равными. Пятьдесят тысяч британцев истребляли друг друга, и исход дела долго казался неопределенным. Принц Руперт, командовавший правым крылом роялистов, стоял против Кромвеля[232], который вел за собой цвет парламентской армии, — бойцов, приученных своим неукротимым вождем к любой опасности, сильных суровой дисциплиной и воодушевляемых религиозным рвением. После короткой жаркой схватки кавалерия роялистов дрогнула, стоявшая поблизости пехота также не выдержала удара и обратилась в бегство, и только солдаты полка Ньюкасла, полные реши-

мости победить или умереть, продолжали драться с отчаянным упорством, грудой своих мертвых тел удерживая позиции, назначенные им в начале боя. На другом фланге Томас Ферфакс и полковник Ламберт с небольшим отрядом прорвали ряды роялистов и, увлеченные пылом погони, вскоре соединились с победоносными товарищами по оружию, которые в это время также преследовали бегущего врага. Но после этого натиска Лукас, командовавший роялистами на левом крыле, восстановил порядок в своих войсках, бешено атаковал парламентскую кавалерию, расстроил ее ряды, заставил смешаться с пехотой и наголову разбил весь правый фланг неприятеля. Лукас уже готовился захватить парламентский обоз, когда заметил Кромвеля, возвращавшегося с преследования правого крыла роялистов. Обе стороны были немало изумлены, видя, что им предстоит вновь драться за победу, которую каждая из них уже считала достигнутой. Фронт сражения перевернулся, и теперь каждая армия стояла на тех самых позициях, которые в начале дела занимал ее противник. Вторая битва была столь же яростной и неистовой, но после того как оба войска выказали величайшую отвагу и упорство, победа явно склонилась на сторону парламента. Артиллерия принца попала в руки неприятеля, а вся его армия вынуждена была оставить поле боя[233].

Исход этого сражения сам по себе явился страшным ударом для короля, но последствия его оказались еще более фатальными: маркиз Ньюкасл был теперь совершенно потерян для партии роялистов. Этот вельможа, истинное украшение двора и своего сословия, принимал участие в военных действиях вопреки своим естественным влечениям, движимый единственно лишь высоким понятием о чести и личной преданностью монарху. Доблесть позволяла ему презирать опасности войны, но ее труды угнетали маркиза, от природы весьма склонного к праздности и лени. Щедрый и великодушный в своих тратах, тонкий и изысканный в своих вкусах, любезный и человечный в своем поведении, Ньюкасл, встав на сторону короля, чрезвычайно усилил партию роялистов собственным авторитетом и влиянием своих друзей. Но даже посреди военных бурь душа его втайне стремилась к мирным искусствам, столь сладостным для его сердца, и потому чары музыки, поэзии и светской беседы нередко отрывали маркиза от суровых занятий полководца. Сэра Уильяма Давенанта, талантливого поэта, он назначил своим генерал-лейтенантом[234]; прочие лица, облеченные его доверием, также едва ли годились для порученных им дел, но скорее служили орудием его утонченных удовольствий; что же касается строгости и упорства, столь необходимых для поддержания воинской дисциплины, то эти качества были Ньюкаслу совершенно несвойственны[235].

Когда принц Руперт, вопреки советам Ньюкасла, решил дать бой и, даже не сообщив ему о своих планах, отдал все соответствующие распоряжения, маркиз бросился в битву — но, как он сам говорил, в качестве простого волонтера, и, таким образом, все его участие в этом деле ограничилось личной доблестью, которую проявил он в полном блеске. С бешенством видя, что один-единственный акт рокового безрассудства

свел на нет все его успешные усилия, устрашенный перспективой вновь взвалить на себя тяготы и труды войны, Ньюкасл решил, что не станет более поддерживать безнадежно проигранное дело, полагая, что то самое чувство чести, которое заставило его вначале взяться за оружие, требует теперь, чтобы он покинул партию, обошедшуюся с ним столь недостойным образом. На следующее утро он сообщил принцу о своем намерении тотчас же уехать из Англии и, не теряя времени, отправился в Скарборо, где нашел корабль, который и доставил его на континент. Последующие годы, вплоть до Реставрации, он провел за границей в крайней нужде, с хладнокровием наблюдая, как люди, захватившие власть в Англии, налагают секвестр на его громадное состояние. Изъявить покорность или пойти на композицию, признав этих узурпаторов, Ньюкасл считал ниже своего достоинства, и даже самые нерасположенные к нему люди соглашаются, что оказанные им королю услуги и верность монархии, которую сохранял он всю жизнь, в достаточной мере искупают один-единственный необдуманный поступок, вызванный приступом гнева[236].

Между тем принц Руперт столь же поспешно отвел остатки своей армии и отступил в Ланкашир. Через несколько дней Гленхему пришлось сдать Йорк (16 июля), гарнизон которого он вывел со всеми воинскими почестями[237]. Лорд Ферфакс, оставаясь в Йорке, привел к повиновению все графство и отправил отряд кавалерии в тысячу сабель в Ланкашир; он должен был соединиться с действовавшими там парламентскими частями и следить за передвижениями принца Руперта. Шотландская армия двинулась на север, чтобы соединиться с графом Календером, приближавшимся с десятитысячным подкреплением[238], и захватить Ньюкасл, который и был взят ими штурмом; а граф Манчестер, вместе с Кромвелем, которому главным образом и приписывалась вся слава этой блестящей победы и который был ранен в бою, возвратился в Восточную ассоциацию, чтобы пополнить свою армию[239].

Пока на севере происходили описанные выше события, на юге военные операции роялистов велись более умело и с большим успехом; главнокомандующим силами короля на этом театре был шотландец Рутвен, получивший титул графа Брентфорда(364).

БИТВА ПРИ КРОПРЕДИ-БРИДЖ. КАПИТУЛЯЦИЯ И РАЗОРУЖЕНИЕ АРМИИ ЭССЕКСА

Парламент быстро укомплектовал армии Эссекса и Уоллера: задачу эту облегчило необыкновенное рвение жителей Лондона. Немало речей произнесли парламентские вожди, чтобы разжечь пыл горожан. Голлис, в частности, увещевал их не жалеть для столь важного дела ни кошельков, ни жизней, ни молитв[240], и следует признать, что в целом лондонцы оказались на все это достаточно щедры. Генералы получили приказ двигаться

со своими соединенными армиями на Оксфорд и, если король отступит в этот город, осадить его и одним ударом закончить войну. Эссекс и Уоллер заняли Абингдон и обложили короля с двух сторон[241], но Карл, оставив крупный гарнизон в Оксфорде, сумел искусно пройти между их армиями и двинулся к Вустеру. Эссекс приказал Уоллеру следовать за Карлом и наблюдать за его действиями, а сам предпринял марш на запад в поисках принца Морица. Уоллер приблизился к лагерю короля на расстояние двух миль, и теперь лишь река Северн отделяла его от противника, но тут он получил известие, что король пошел на Бьюдли, а оттуда направился к Шрузбери. Чтобы помешать Карлу, Уоллер тотчас снялся с места и ускоренным маршем двинулся к этому городу, тогда как король внезапно повернул назад и прежней дорогой возвратился в Оксфорд; усилив свою армию его гарнизоном, он теперь в свою очередь выступил навстречу Уоллеру. Две армии встретились у Кропреди-бридж, близ Бэнбери; их, однако, разделяла река Чаруэлл. На другой день король снялся с лагеря и двинулся к Давентри. Уоллер приказал крупному отряду своей армии перейти мост, чтобы напасть на роялистов с тыла. Атака была отражена, части Уоллера, наголову разбитые и понесшие большие потери, обратились в бегство, преследуемые неприятелем[242] (29 июня). Ошеломленная и обескураженная этим ударом, его армия пришла в полное расстройство и быстро таяла вследствие дезертирства, а потому король решил, что теперь он может оставить ее без всякой для себя опасности и двинуться на запад против Эссекса. Тем временем последний, вынудив принца Морица снять осаду Лайма, занял Уэймут и Таунтон и продолжал наступать, не встречая пока серьезного сопротивления. Король шел за ним, усиливаясь подходившими отовсюду подкреплениями, и теперь уже его армия превосходила числом неприятельскую. Эссекс, отступив в Корнуолл, известил парламент о своем опасном положении и просил отправить армию, которая бы атаковала короля с тыла. Выполнить эту задачу парламент поручил генералу Миддлтону, но тот явился слишком поздно. Армия Эссекса, зажатая на узком клочке земли близ Лоствизиля, лишенная провианта и фуража и утратившая всякую надежду на помощь извне, дошла до последней крайности. С одной стороны ее теснил король, с другой — принц Мориц, с третьей — сэр Ричард Гренвил[365]. Эссекс, Робертс и некоторые из старших офицеров бежали на лодке в Плимут; Бальфур [366] с кавалерией прошел в густом тумане между аванпостами роялистов (1 сентября) и благополучно добрался до своих. Пехоте, оставшейся под командованием Скиппона, пришлось сдать оружие, артиллерию, боеприпасы и обоз, после чего она была отправлена под конвоем в расположение парламентской армии. Этот успех, ставший для роялистов предметом великой гордости, принес королю, помимо славы победы, то, в чем он испытывал крайнюю нужду; парламент же, утратив то, что мог впоследствии с легкостью возместить, сохранил своих солдат[243].

Как только известие об этом достигло Лондона, комитет обоих королевств постановил изъявить благодарность Эссексу за его верность, му-

жество и искусное руководство войсками; подобного образа действий, столь же расчетливого, сколь великодушного, парламент держался в течение всей войны. Равно снисходительный к друзьям и суровый к врагам, он весьма удачно употреблял два этих могущественных средства — награду и наказание, — чтобы укрепить собственную власть.

ВТОРАЯ БИТВА ПРИ НЬЮБЕРИ

Чтобы у короля было меньше причин ликовать по поводу достигнутых им на западе успехов, парламент двинул против него крупные силы. Заново вооружив побежденных, но не павших духом солдат Эссекса, он приказал Манчестеру и Кромвелю выступить со своими пополненными войсками из Восточной ассоциации и, соединившись с армиями Уоллера, Миддлтона [367] и Эссекса, дать бой королю. Карл занял позицию у Ньюбери, где парламентская армия под командованием графа Манчестера атаковала его с величайшей энергией (27 октября), и таким образом этот город во второй раз стал театром кровавых распрей между англичанами. Солдаты Эссекса, призывая друг друга восстановить свою запятнанную репутацию и отомстить за позор Лоствизиля, с яростью обрушились на роялистов; отбив у врага несколько пушек, потерянных в Корнуолле, они не смогли удержаться от того, чтобы не обнять их со слезами радости. Королевские войска доблестно защищались, но были сломлены численным превосходством неприятеля, и только ночь, наступившая как нельзя более кстати, спасла их от полного поражения. Бросив свой обоз и артиллерию в Доннингтон-Касле близ Ньюбери, Карл тотчас же отступил к Уоллингфорду, а оттуда к Оксфорду, где к нему присоединились с крупными отрядами кавалерии принц Руперт и граф Нортгемптон. Получив эти подкрепления, осмелевший король двинулся в сторону неприятеля, занятого теперь осадой Доннингтон-Касла[244]. Эссекс, удержанный болезнью в Лондоне, так и не прибыл в армию после своей неудачи в Корнуолле; а граф Манчестер, исполнявший обязанности командующего, отверг советы Кромвеля, который настойчиво убеждал его не упускать столь благоприятной возможности закончить войну, и, хотя его силы намного превосходили войска роялистов, предпочел уклониться от боя (9 ноября). Армия короля вывезла свою артиллерию из Доннингтон-Касла прямо на виду у неприятеля и, кажется, в достаточной степени восстановила свою воинскую честь, потерянную при Ньюбери, а король, видя с удовлетворением, что ему удалось возбудить между Кромвелем и Манчестером вражду, подобную той, которая ранее вспыхнула между Эссексом и Уоллером[245], отвел свои войска на зимние квартиры.

Споры между парламентскими генералами, вносившие столько расстройства в их военные операции, возобновились в Лондоне зимой (23 ноября), а так как каждый из них опирался на собственных приверженцев,

то их взаимные упреки и обвинения взбудоражили обе палаты и весь город. Внутри парламентской партии долго существовало скрытое различие, которому страх перед могуществом короля до сих пор не позволял по-настоящему выйти наружу, но по мере того как надежды на победу в войне становились все более реальными, оно начало проявляться в жестокой вражде и бурных разногласиях. ИНДЕПЕНДЕНТЫ [368], прежде искавшие защиты и убежища под крылом ПРЕСВИТЕРИАН, выступили теперь как самостоятельная партия, с совершенно особыми видами и притязаниями. Нам следует попытаться раскрыть дух этой партии и ее вождей, которые отныне будут занимать сцену истории.

ВОЗВЫШЕНИЕ ИНДЕПЕНДЕНТОВ И ИХ ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ

В те времена религиозный энтузиазм пользовался таким уважением и поощрением, являясь верным путем к славе и успеху, что умерить эту священную лихорадку или удержать в каких-либо естественных рамках порыв к бесконечному и сверхъестественному было совершенно невозможно. Всякий человек, увлеченный своим пылким нравом, побуждаемый соперничеством или движимый привычкой к лицемерию, стремился превзойти своих ближних и достичь еще бóльших высот святости и совершенства. Вред и опасность, которые несла с собой каждая из сект, прямо зависели от степени овладевавшего ею фанатизма, а поскольку индепенденты взяли нотой выше пресвитериан, то удержать их в пределах благоразумия и умеренности было еще труднее.

Из этого различия, как из первоисточника, с необходимостью вытекали все прочие расхождения между указанными сектами.

Индепенденты отвергали любые официальные церковные установления; они не желали признавать ни церковных судов, ни иерархии среди священников, ни вмешательства светской власти в духовные дела, ни государственной поддержки какой-либо особой системы религиозных доктрин и взглядов. Согласно их принципам, каждая конгрегация, объединяемая добровольными духовными узами, сама по себе составляла отдельную церковь и могла осуществлять самоуправление, но без каких-либо светских санкций по отношению к собственным членам и пастору. Чтобы стать священником, достаточно было одного лишь избрания конгрегацией, а поскольку никакого сущностного различия между мирянами и духовенством индепенденты не признавали, то для получения священнического сана у них не требовалось ни особой церемонии, ни назначения свыше, ни призвания к этой профессии, ни рукоположения, т. е. того, что принято во всех других церквах. Энтузиазм пресвитериан заставил их отвергнуть власть епископов, отбросить стеснения литургии, урезать об-

ряды, ограничить богатства и полномочия духовенства — фанатизм индепендентов, зашедших в своем исступлении еще дальше, уничтожил всякую иерархию в церкви, с презрением отверг любые символы веры и доктрины, пренебрег всеми обрядами, смешал все ранги и состояния. Любой солдат, купец или ремесленник, увлекаемый безудержными порывами религиозного рвения и движимый «внушениями духа», всецело предавался некоему «внутреннему», «высшему» руководству и в известном смысле освящал себя через непосредственную связь и общение с небесами.

Католики, ссылаясь на непогрешимость главы своей церкви, оправдывали доктрину и практику религиозных гонений; пресвитериане, воображая, что их догматы, столь ясные и достоверные, можно отвергать лишь из греховного и неразумного упрямства, до сих пор в полной мере удовлетворяли свое фанатическое рвение с помощью сходной доктрины и практики; индепенденты же, доведя то же самое рвение до предела, пришли, однако, к более мягкому принципу — принципу веротерпимости. Их дух, пустившийся в плавание по безбрежному океану вдохновения, уже не мог ставить себе каких-либо определенных границ, и те самые различия и отклонения, которые религиозный энтузиаст весьма охотно позволял себе самому, он, следуя естественному ходу мысли, склонен был допускать и в других людях. Из всех христианских сект именно индепенденты стали первыми, кто всегда — и в эпоху своих успехов, и в период неудач — твердо держался принципа терпимости, и весьма замечательно, что столь разумная доктрина была обязана своим происхождением отнюдь не размышлению, но предельной степени безрассудства и фанатизма.

Лишь к папизму и прелатству, самый дух которых, по мнению индепендентов, явно клонился к суеверию, они были непримиримы. Кроме того, они считали необходимой частью любой религии учение о судьбе, или предопределении. В этих двух пунктах твердо и единодушно сходились все сектанты, несмотря на существовавшие между ними различия в других вопросах.

Политические взгляды индепендентов отличалась той же крайностью, что и их религиозные убеждения. Не довольствуясь значительным ограничением полномочий короны и низведением короля до роли первого магистрата, что было целью пресвитериан, эта секта, более пылкая в своем стремлении к свободе, мечтала о полном уничтожении монархии и даже аристократии, намереваясь установить в своей абсолютно вольной и свободной республике совершенное равенство всех рангов и сословий. Осуществляя этот замысел, индепенденты противились любым мирным предложениям, кроме тех, которые были заведомо неприемлемы для короля. Они твердо держались следующего правила, в политическом смысле в целом весьма мудрого: всякий, кто обнажил против своего государя меч, должен подальше отбросить ножны. Устрашая англичан перспективой мести со стороны оскорбленного государя, индепенденты добились того, что противников мира оказалось больше, чем тех, кто разделял иные их принципы, как политические, так и религиозные. А немалые успехи, уже

достигнутые армией парламента, и еще более значительные, ожидавшиеся в скором будущем, делали эту секту еще более упрямой и несговорчивой.

Вождями индепендентов считались тогда сэр Генри Вен, Оливер Кромвель, Натаниэль Финнз и Оливер Сент-Джон, генеральный солиситор. Граф Эссекс, чувствовавший отвращение к этой войне, пагубные последствия которой он уже мог предвидеть, сохранял верность пресвитерианам и поддерживал любые разумные планы примирения. Граф Нортумберленд, гордый своим титулом и высоким положением, с ужасом думал о замыслах индепендентов, которые, в случае их успеха, уравняли бы его и его фамилию с самыми худородными людьми в королевстве. Те же настроения разделяли графы Уорик и Денби, сэр Филипп Степлтон, сэр Уильям Уоллер, Голлис, Массей, Уайтлок, Мейнард и Глинн[369]. Значительное большинство обеих палат и подавляющее большинство нации были преданы пресвитерианской партии, и лишь хитрость и обман вначале (а впоследствии — прямое военное насилие) могли дать индепендентам какую-то надежду на успех.

Граф Манчестер, разгневанный тем, что король обвинил его в государственной измене, долгое время весьма деятельно способствовал продолжению войны, однако зрелище народных бедствий и угроза полного ниспровержения существующей системы правления заставили графа, человека гуманного и здравомыслящего, постепенно умерить свой боевой пыл, и теперь он был склонен поддерживать любые почетные и безопасные условия мира. Подозревали даже, что Манчестер, сражаясь против короля, не до конца использовал выгодное положение парламентских войск, и Кромвель во время дебатов в палате открыто обвинил графа в том, что при Доннингтон-Касле он умышленно пренебрег благоприятной возможностью закончить войну полным разгромом роялистов. «Я совершенно ясно ему показал, — говорил Кромвель, — как можно добиться этого успеха, и просил лишь позволить мне, с собственной моей кавалерийской бригадой, атаковать армию короля во время ее отхода, предоставив графу самому решать, следует ли ему в этот момент пребывать в бездействии с прочими войсками, — и, однако, несмотря на всю мою настойчивость, он ответил решительным отказом, не приведя в его пользу никаких иных доводов, кроме того, что в случае поражения всем нашим притязаниям наступит-де конец, сами же мы превратимся в мятежников и изменников, которых по закону лишат всех прав и осудят на смертную казнь»[246].

Отвечая на это обвинение, Манчестер, в свою очередь, сообщил парламенту, что однажды Кромвель предложил ему некий план, на который палаты едва ли могли согласиться, а затем, продолжая упорствовать, произнес: *Если вы, милорд, будете крепко держаться людей честных и благочестивых, то окажетесь во главе армии, которая заставит себе подчиниться и короля и парламент.* «Слова эти, — продолжал Манчестер, — произвели на меня тем большее впечатление, что я уже давно знал

генерал-лейтенанта Кромвеля как человека, питающего весьма глубокие и далеко идущие замыслы. Как-то раз он даже осмелился мне заявить, что дела в Англии не пойдут на лад до тех пор, пока я не превращусь просто в *мистера Монтегю*, а во всем королевстве не останется ни единого лорда или пэра»[247]. Республиканские идеи настолько увлекали Кромвеля, что, несмотря на привычку к глубочайшему притворству, он оказывался порой не в силах тщательно следить за выражениями и выдавал самые задушевные свои замыслы.

Эти яростные распри довели дело до крайности, заставив индепендентов приступить к исполнению своих тайных планов. «Те, кто командует армией ныне, — рассуждали индепенденты, — больше хотят затянуть, войну, нежели быстрее ее закончить; они желают сохранить основы прежней конституции и потому боятся одержать решительную победу над королем, поставив его в такое положение, когда он уже не сможет требовать от парламента каких-либо уступок. Только армия нового образца в силах обеспечить полное торжество парламенту, а нацию избавить от тех бедствий, которые терпит она сейчас». Трудность, однако, заключалась в том, как осуществить подобный замысел. Заслуги Эссекса доставили ему огромный авторитет в палатах: человек строжайшей чести, он всегда служил им с самой безукоризненной верностью, более того, отчасти именно благодаря личной популярности графа парламент оказался способен собрать армию и противостоять королю. Манчестер, Уорик и другие воинские начальники также пользовались большим влиянием в обществе, и взять над ними верх можно было только с помощью некоего искусного флангового маневра, который бы скрыл истинные цели их противников. Шотландцы и шотландские комиссары в Англии, ревниво следившие за успехами индепендентов, представляли собой еще одну серьезную преграду; и чтобы обойти ее, требовалась величайшая хитрость и изобретательность[248]. Средства, с помощью которых велась вся эта интрига, столь характерны и с такой полнотой раскрывают дух эпохи, что мы, воспользовавшись изложением лорда Кларендона[249], представим их в подробностях.

В самом начале смуты парламент постановил, что отныне в последнюю среду каждого месяца надлежит соблюдать пост, и в эти дни парламентские проповедники всячески стремились яростными своими обличениями поддерживать в народе враждебное чувство к королю, епископам и папистам. Желая сразиться с парламентом его оружием, король также назначил ежемесячный пост, во время коего народу следовало внушать верноподданнические чувства, наставляя его в повиновении высшим властям; для этих упражнений роялистской набожности Карл избрал вторую пятницу каждого месяца[250]. Теперь же индепенденты внесли в парламент предложение назначить новый, еще более торжественный пост с молебствием, дабы испросить у Господа помощь в нынешних затруднительных обстоятельствах. В этот день, после множества молитв на политические темы, проповедники не забыли подробно остановиться на царящих в парламенте разногласиях, объяснив их исключительно лишь своекорыстны-

ми целями отдельных его членов. В их руках, вещали проповедники, сосредоточены все высшие командные посты в армии и все доходные должности в гражданской администрации, и в то время как народ, изнемогая под невыносимым бременем налогов, с каждым днем все глубже погружается в страшную нищету, эти люди безмерно умножают свои личные состояния, а вскоре превратятся в собственников всех богатств в королевстве. И было бы весьма неразумно ожидать, что подобные лица, жиреющие на бедствиях родной страны, примут сколько-нибудь действенные меры для того, чтобы положить им конец или добиться решительной победы в войне. Они и далее будут использовать только такие средства, которые позволяют им затягивать военные действия, а так как их решения в парламенте клонятся к той же пагубной цели, что и приказы на поле боя, то гражданская смута в нашем государстве не прекратится никогда. После весьма пространных рассуждений об этих возмутительных неустройствах священники вновь обратились к молитвам; они просили Господа взять собственное дело в собственные руки и, если орудия, употреблявшиеся им до сих пор, не годятся для того, чтобы довести до завершения столь величественный замысел, вдохновить на сей подвиг других, более достойных людей, которые могли бы с успехом закончить начатое и, утвердив в государстве истинную религию, быстро избавить народ от несчастий.

Когда же на другой день после этих благочестивых порицаний парламент собрался вновь, на лицах многих его членов заметна была какая-то необычайная решимость. Сэр Генри Вен заявил общинам, что если Господь когда-либо являл им свою волю, то было это во время вчерашних молений; что, как сообщают ему, Вену, многие заслуживающие доверия лица, присутствовавшие на молениях в разных конгрегациях, в других церквах звучали те самые жалобы и речи, которые они, члены нижней палаты, слышали от своих благочестивых проповедников; что объяснить столь поразительное согласие можно лишь непосредственным внушением Святого Духа, а потому он, Генри Вен, заклинает палату ее честью и ее долгом перед Богом и страной отбросить все личные цели и отказаться от всех должностей, приносящих доход и иные выгоды. Отсутствие такого множества членов, занятых на разных постах, продолжал Вен, чрезвычайно уменьшило состав палаты и ослабило авторитет ее решений, и он, со своей стороны, не может не осудить здесь и самого себя, исполняющего ныне прибыльную должность казначея флота, и хотя получил он ее до начала гражданских междоусобиц и не по милости парламента, он готов уйти в отставку и пожертвовать благу своей родины любыми соображениями личной выгоды и интереса.

Затем свою партию в спектакле исполнил Кромвель: он сильно хвалил проповедников за то, что они с такой откровенностью и нелицеприятием указали членам палаты на их заблуждения, о которых коммонерам так не хотелось слышать. Хотя проповедники рассуждали о весьма многих вещах, ему, Кромвелю, никогда прежде даже не приходивших в голову, те-

перь, тщательно их обдумав, он не в силах не признать, что пока указанные ими недостатки не будут полностью исправлены, парламент не сможет добиться успеха ни в одном из своих предприятий. Несомненно, продолжал Кромвель, парламент поступил мудро, когда в начале войны использовал некоторых своих членов на самых рискованных ее участках и таким образом ясно дал понять нации, что твердо намерен разделять все опасности с самыми простыми людьми из народа. Теперь, однако, обстоятельства изменились. В ходе военных действий в парламентских армиях выдвинулось немало отличных офицеров, достойных более высоких постов, чем те, которые занимают они ныне. И хотя людям, ратующим за Божье дело, не подобает *возлагать свои упования на руку из плоти*, он может заверить палаты, что в их войсках есть теперь военачальники, способные вести за собой любую армию христианского мира. Но рядовой состав армии — и об этом он, Кромвель, говорит с великим прискорбием — по своей выучке и дисциплине не соответствует достоинствам и талантам офицеров, и пока недостатки и пороки, господствующие ныне в солдатской среде, не будут исправлены благодаря организации вооруженных сил по новому образцу, войскам парламента не суждено добиться сколько-нибудь выдающихся успехов.

Возражая на эти доводы индепендентов, многие пресвитериане указывали на те затруднения и опасности, которые несла с собой задуманная реформа. В частности, Уайтлок (человек чести и патриот своей родины, хотя и примыкавший к господствующей партии при всякой перемене власти) утверждал, что, избавившись, тем более с помощью обмана и коварных уловок, от стольких достойных особ, поддержке которых он до сих пор и был главным образом обязан своим авторитетом, парламент проявит крайнюю неблагодарность, а к тому же ему будет чрезвычайно трудно найти замену этим людям, имеющим теперь достаточный опыт для успешного руководства гражданскими и военными делами; что лишь высокое положение членов парламента обуздывало зависть, удерживало в повиновении армию и сообщало вес приказам военачальников; что лицам знатным и состоятельным можно довериться с большей безопасностью, нежели обыкновенным авантюристам, вполне способным преследовать личные цели, не совпадающие с замыслами тех, кому они служат; что в политике не существует более очевидной истины, чем необходимость сохранять теснейшую связь между гражданской и военной властями, удерживая последнюю в строгом подчинении первой; что греки и римляне, самые мудрые и страстные поклонники свободы, начальство над армией всегда поручали своим сенаторам, а ко всякого рода наемным войскам относились с неизменной подозрительностью; и наконец, что только те люди, которым принадлежит голос в гражданских советах и чьи интересы прямо связаны с интересами всего государства, будут в достаточной мере уважать авторитет парламента и никогда не почувствуют искушения обратить свой меч против тех, кто им его вручил[251].

ОРДОНАНС О САМООТРЕЧЕНИИ

Несмотря на эти доводы, парламент образовал комитет для подготовки так называемого *ордонанса о самоотречении,* согласно которому членам обеих палат предстояло лишиться всех гражданских и военных должностей (кроме весьма немногих, особо оговоренных). Этот ордонанс стал предметом жарких споров, долгое время разделявших парламент и Лондон на две партии. Наконец, благодаря зависти одних, ложной скромности других, республиканским и индепендентским воззрениям третьих (а таких было очень много), он прошел через нижнюю палату и был представлен в палату пэров. Хотя этот план был отчасти направлен против самих же пэров, хотя все они в глубине души испытывали к нему крайнее отвращение, а однажды даже попытались его отвергнуть, влияние их палаты было теперь столь незначительным, что они не осмелились упорствовать в своем противодействии решению общин и сочли более благоразумным безграничной уступчивостью отвратить нависшую над ними угрозу[252]. Ордонанс, таким образом, прошел через обе палаты; Эссекс, Уорик, Манчестер, Денби, Уоллер, Бреретон и другие подали в отставку со своих командных должностей, получив при этом от парламента благодарность за верную службу, а Эссексу определили ежегодную пенсию в 10 000 фунтов.

Решено было сформировать армию в двадцать две тысячи человек, главнокомандующим которой назначили сэра Томаса Ферфакса[253]. Характерно, что полномочия свои Ферфакс получил не «именем короля и парламента», как Эссекс, но лишь «именем парламента»; пункт об «охране особы короля» также был исключен — до такой степени дошла теперь вражда партий[254]. Кромвель, как член нижней палаты, должен был лишиться своего поста, подобно всем прочим коммонерам, но такого рода беспристрастие полностью разрушило бы планы тех, кто внес в парламент ордонанс о самоотречении. Хитрость и тонкое искусство политической интриги, великим мастером которой он являлся, спасли Кромвеля. В тот момент, когда другие офицеры подавали в отставку, его позаботились отправить с кавалерийским отрядом на выручку Таунтону, городу, осажденному роялистами. Когда же его отсутствие в палате было замечено, Кромвелю послали приказ немедленно вернуться в Лондон, а новому главнокомандующему велели поручить освобождение Таунтона другому офицеру. Притворщик изъявил готовность тотчас же повиноваться, был даже определен день, когда он вновь займет свое место в палате. Однако Ферфакс, назначивший в это время смотр войскам, отправил парламенту письмо, где просил позволить ему оставить генерал-лейтенанта Кромвеля на несколько дней в своем распоряжении, ибо его советы, как утверждал главнокомандующий, будут весьма полезны при выборе новых офицеров на место подавших в отставку. Вскоре он обратился к палатам с настойчивой просьбой не увольнять Кромвеля из армии до конца кампании[255].

Так индепенденты, хотя и составлявшие тогда меньшинство, хитростью и коварством взяли верх над пресвитерианами, добившись того, что вся военная власть перешла по видимости к Ферфаксу, а на самом деле — к Кромвелю.

ФЕРФАКС

Генерал Ферфакс равно славился своим мужеством и человечностью, и хотя ум его был в сильнейшей степени заражен предрассудками, или принципами, проистекавшими из религиозного и партийного фанатизма, ни личный интерес, ни честолюбие, кажется, ни разу не заставили его отступить на общественном поприще от строжайшего следования этим принципам. Искренний в своих словах, бескорыстный в намерениях, прямой и открытый в обращении, Ферфакс мог бы превратиться в одного из самых замечательных деятелей той эпохи, если бы крайняя ограниченность дарований во всем, кроме военного дела, и совершенная неспособность ясно и красноречиво выражаться, кроме как отдавая приказы, не омрачили блеск прочих его достоинств и не привели к тому, что его роль — даже тогда, когда он исполнял должность главнокомандующего, — оказалась второстепенной и подчиненной.

КРОМВЕЛЬ

Кромвель, благодаря проницательности и вкрадчивым внушениям всецело управлявший Ферфаксом, представляет собой одну из самых выдающихся и удивительных фигур в истории; черты его характера поражают нас своей резкостью и определенностью в такой же мере, в какой истинные цели его поступков казались современникам смутными и непостижимыми. Глубокий ум позволял Кромвелю строить самые грандиозные планы, смелый его дух не отступал перед самыми дерзкими и рискованными предприятиями. Природный нрав увлекал его к величию, блеску и широте, к образу действий властному и деспотическому, но, когда это было нужно, он умел пускать в ход невероятное лицемерие, использовать самые хитрые и изощренные уловки, принимать вид самого простодушного и непритязательного из людей. Сторонник законности, хотя вся его публичная деятельность превратилась в один бесконечный акт ее попрания; человек, искренне преданный религии, хотя он постоянно употреблял ее в качестве орудия собственного честолюбия, Кромвель стал на путь преступлений в надежде достичь верховной власти — соблазн, для человеческой природы, в общем, непреодолимый. Но ту власть, к которой при-

шел он через насилие и обман, Кромвель сумел использовать разумно, и потому наше восхищение его громадным гением и блестящими успехами уменьшает, если не совершенно сводит на нет наше отвращение к его чудовищным злодеяниям.

ПЕРЕГОВОРЫ В ОКСБРИДЖЕ

Пока в парламенте решался важный вопрос принятия билля о самоотречении, стороны вели переговоры о мире, хотя и без особых надежд на успех. После того как король направил в Лондон два послания, одно из Ившема[256], другое — из Тэвистока[257], предлагая открыть конференции, парламент отрядил в Оксфорд своих комиссаров с условиями настолько суровыми, что можно было подумать, будто он уже одержал полную победу над королем[258]. Успехи, достигнутые в ходе последней кампании, и общее бедственное положение роялистов внушили парламенту смелые надежды, и он твердо решил не доверять более людям, питавшим против него величайшую злобу, которым, окажись они вновь у власти, закон предоставил бы полное право покарать всех своих врагов как бунтовщиков и изменников.

Познакомившись с этими условиями и приняв в расчет нынешнее настроение парламента, король ясно понял, что никаких надежд на примирение не существует и выбирать ему теперь приходится только между продолжением войны и полной капитуляцией; однако чтобы удовлетворить собственную партию, страстно желавшую мира, он согласился отправить в Лондон герцога Ричмонда и графа Саутгемптона с ответом на представленные парламентом условия и в то же время предложить палатам начать переговоры с целью рассмотрения взаимных требований и претензий[259]. Но теперь было необходимо, чтобы король взял назад прежнюю свою декларацию о том, что Вестминстерские палаты не являются свободным парламентом, и в конце концов, хотя и с величайшей неохотой, он уступил уговорам и назвал их в своем ответе «парламентом Англии»[260]. Впоследствии, однако, из его письма к королеве (копия которого попала в руки парламента в битве при Нейзби) выяснилось, что в книгу протоколов совета король тайно внес особый протест, где было заявлено, что хотя он и *назвал* Вестминстерские палаты парламентом, это вовсе не означает, что он *признал* их таковым[261]. Данное ухищрение, так часто приводившееся в качестве аргумента против Карла, является самым известным из тех весьма немногочисленных примеров, ссылаясь на которые, враги государя пытались обвинить его в двоедушии и заключали, что парламентде не мог доверять его обещаниям и декларациям, ни даже его законам и статутам. Но ведь каждый, без сомнения, согласится, что просто назвать людей тем именем, которое они сами себе присвоили, и формально признать их право на это имя — далеко не одно и то же; и в политике не найдется приема более обычного и распространенного.

Наконец место и время переговоров были определены, и шестнадцать комиссаров короля встретились в Оксбридже (30 января) с двенадцатью уполномоченными парламента, которых сопровождали особые комиссары от Шотландии. Стороны решили, что шотландские и парламентские комиссары представят свои требования по трем главным пунктам — *религия, милиция* и *Ирландия*, — которые и будут поочередно обсуждаться на их конференциях с комиссарами короля[262]. Вскоре обнаружилось, что ни по одному из этих вопросов прийти к согласию невозможно.

Летом 1643 года, когда шли переговоры с шотландцами, парламент созвал в Вестминстере собрание с участием ста двадцати одного духовного лица и тридцати мирян, знаменитых в своей партии ученостью и набожностью. По их совету были внесены изменения в Тридцать девять статей, или в метафизические учения церкви, и, что еще важнее, полностью отменена литургия, а вместо нее утвержден новый служебник, который, в согласии с общим духом пуританизма, предоставлял верующим безграничную свободу как в проповедях, так и в молитвах. По условиям Торжественной лиги и Ковенанта, епископальное церковное устройство, как губительное для всякого истинного благочестия, было осуждено и отвергнуто; Англия и Шотландия принимали на себя обязательство, сопровождавшееся всевозможными церемониями, способными гарантировать святость и нерушимость взаимных обещаний, никогда не допускать его восстановления. Все эти меры ясно показывали, как мало расположен парламент к уступкам, и королевские комиссары не удивились, когда его уполномоченные категорически потребовали введения в стране пресвитерианского церковного устройства и нового служебника, а также подписания ковенанта королем и всеми его подданными[263].

Даже если бы Карл пожелал в данном случае пренебречь всякой богословской полемикой, ему пришлось бы защищать епископскую юрисдикцию из соображений политического благоразумия, и не только потому, что она была выгодна для монарха, но и по той причине, что все его сторонники являлись страстными ее приверженцами, и изменить им в данном пункте, который они считали чрезвычайно важным, значило бы навсегда лишиться их расположения и содействия. Но до столь широкого взгляда на вещи Карл так и не возвысился. Он по-прежнему считал епископат абсолютно необходимым для самого существования христианской церкви, полагая, что поддерживать это сословие его обязывают узы гораздо более священные, чем политический интерес или даже долг чести. А потому он решил, что сделает парламенту достаточные уступки в данном вопросе, если согласится на то, чтобы лицам, отказавшимся по убеждениям совести принимать англиканские обряды, была предоставлена в этом отношении известная свобода; чтобы осуществлять свои судебные полномочия или посвящать в сан епископы могли отныне лишь с согласия и с совета пресвитеров, избранных духовенством каждой епархии; чтобы епископы постоянно жили в пределах своих епархий, а по воскресеньям регулярно читали проповеди; чтобы обслуживание одним священником

разных приходов было запрещено, а злоупотребления церковных судов уничтожены, и, наконец, чтобы епископские поместья и капитульские земли были обложены сбором в 10 000 фунтов для оплаты долгов, сделанных парламентом[264]. Но эти уступки, хотя и весьма существенные, не удовлетворили парламентских комиссаров, которые нисколько не смягчив своих требований в данном пункте, перешли к претензиям по вопросу о милиции.

Сторонники короля постоянно твердили, что после тех гарантий, которые он так быстро и с такой готовностью предоставил общественной свободе, любые страхи и подозрения парламента на сей счет являются либо притворными, либо беспочвенными, и что более разумного, упорядоченного и уравновешенного человеческого установления, чем нынешнее английское государственное устройство, невозможно даже вообразить. Упразднение Звездной палаты и суда Высокой комиссии, говорили они, полностью лишило прерогативу тех средств принуждения, с помощью которых она когда-то могла ограничивать, подавлять или подвергать опасности свободу; акт о трехгодичных парламентах не оставляет ей времени для того, чтобы приобрести новые полномочия или уклониться, хотя бы на малый срок, от неусыпного надзора со стороны этого бдительного собрания; ввиду крайней скудости доходов короны ни один король уже не сможет приобрести достаточного влияния, чтобы добиться отмены этих благотворных статутов, и, наконец, пока государь не имеет под своим начальством никаких военных сил, любые его попытки, прибегнув к насилию, нарушить законы, столь точно сформулированные благодаря недавним спорам и столь обожаемые всеми его подданными, непременно окажутся тщетными. При таком положении вещей, заключали они, английская нация, управляемая ныне столь добродетельным монархом, может, без сомнения, отложить на время всякие страхи и сделать попытку отыскать мирные средства для того, чтобы избежать тех опасностей, которые, как утверждают ныне, все еще грозят ее свободам.

Но хотя роялисты приводили эти весьма основательные аргументы еще до начала войны, теперь они вынуждены были признать, что за время гражданской смуты их сила и очевидность несколько уменьшились. В самом деле, утверждали представители противной партии, если король получит теперь начальство над милицией, то ему будет очень легко злоупотребить этой властью. Неистовые междоусобные раздоры успели внушить его приверженцам бешеную ненависть к врагам, и сейчас эти люди уже не могут не питать известных предубеждений против привилегий народа, которые, как они думают, и послужили истинной причиной столь страшных беспорядков. И если все военные силы страны окажутся в руках подобных людей, то — вправе мы спросить — какие же общественные гарантии может получить в таком случае свобода в целом и какие гарантии личной безопасности останутся у тех, кто, действуя вопреки букве закона, столь великодушно рисковал своей жизнью ради его защиты? Учитывая эти опасения, Карл предложил предоставить на три года начальство

над вооруженными силами двадцати комиссарам, которые будут назначены либо им и парламентом с общего согласия, либо наполовину им, а наполовину парламентом. По истечении же этого срока — настаивал король — конституционное право командования милицией должно вновь перейти к нему[265].

Парламентские комиссары поначалу добивались того, чтобы военная власть была навсегда передана лицам, назначенным исключительно парламентом[266], но затем смягчились настолько, что потребовали ее лишь на семь лет, после чего судьбу этого полномочия — которое вовсе не предполагалось возвращать королю — следовало решить особым парламентским биллем или же по взаимному соглашению между королем и парламентом[267]. Королевские комиссары отвечали на это так: «Разве страхи и подозрения существуют теперь только с одной стороны? И разве государь, после тех грубых насилий и дерзких посягательств, которые пришлось ему испытать, не имеет, по меньшей мере, столь же основательных причин опасаться за свою власть, как они — за свою свободу? И неужели это справедливо — гарантировать безопасность одной партии, а другую отдать на семь лет в полную власть ее врагов? Если парламент получит неограниченные полномочия на столь долгий срок, то разве не сможет он без всякого труда составить соответствующий билль самым выгодным для себя образом и навечно удержать за собой командование вооруженными силами, как, впрочем, и любую часть гражданской власти и юрисдикции?»[268]

Все дело в том, что после начала гражданской войны обеспечить безопасность обеих партий, и особенно парламентской, было уже чрезвычайно трудно и, пожалуй, совершенно невозможно. В условиях столь яростной вражды только сила гарантировала безопасность, а сила одной стороны неизбежно означала угрозу для другой. Во всей истории найдется немного примеров (если они вообще существуют) того, чтобы две партии, вовлеченные в гражданскую войну, сумели впоследствии прийти к прочному и справедливому миру.

Что касается Ирландии, то и здесь надежды на соглашение были весьма невелики. Парламент требовал объявить недействительным перемирие с мятежниками и полностью передать ему руководство военными действиями; после покорения Ирландии право назначать лордов-наместников и судей, иначе говоря — верховная власть в этом королевстве также должна была остаться в его руках[269].

Поиск путей к миру становился еще более безнадежным ввиду того, что упомянутые требования по всем трем пунктам — сами по себе непомерные — парламентские комиссары рассматривали лишь в качестве предварительных. После их удовлетворения пришлось бы обсуждать другие, еще более непомерные претензии, которые незадолго до того были отправлены королю в Оксфорд. Речь шла о столь позорных условиях мира, что если бы Карл уже потерпел полное поражение и находился, как пленник, в цепях, парламент едва ли смог бы придумать нечто более унизи-

тельное. От короля требовали лишить всех прав и исключить из амнистии сорок его самых влиятельных подданных-англичан и девятнадцать шотландцев, а также всех папистов-рекузантов в обоих королевствах, которые служили в его армии. Парламент категорически настаивал на том, чтобы еще сорок девять человек, вместе со всеми членами обеих палат Оксфордского парламента, всеми юристами и духовными лицами, принявшими сторону короля, были объявлены неспособными к отправлению любых должностей, чтобы им запретили заниматься своими профессиями, навсегда удалили от двора, а третью часть их имуществ конфисковали в пользу парламента. Кроме того, все, кто выступал с оружием на стороне короля, должны были лишиться десятой, а если этого окажется мало, то и шестой части своих имуществ, которые надлежало направить на уплату государственных долгов. И наконец, словно эти условия, совершенно уничтожавшие королевскую власть, могли показаться недостаточными, было предъявлено требование, чтобы палата по делам опеки была упразднена, чтобы все должностные лица назначались отныне парламентом и чтобы право объявлять войну и заключать мир осуществлялось лишь с согласия этого собрания[270]. Следует признать, что после того как пресвитериане выдвинули подобные условия, между ними и индепендентами, требовавшими установления чисто республиканского устройства, остались лишь словесные различия. Прения, продолжавшиеся двадцать дней, закончились безрезультатно; королевские комиссары возвратились в Оксфорд, парламентские — в Лондон.

КАЗНЬ ЛОДА

Незадолго до открытия этих бесплодных переговоров парламент совершил акт, ясно оказавший его твердую решимость не идти ни на какие уступки, но по-прежнему действовать теми же насильственными и деспотическими методами, с которыми вступил он на опасный путь своих дерзких предприятий. На плаху был отправлен архиепископ Лод, любимый министр короля, и на этом примере англичане могли видеть, что подобно тому, как ввиду самой своей многочисленности народные собрания оказываются в значительной степени невосприимчивыми к обуздывающему влиянию стыда, так, выходя за рамки закона, они естественным образом предаются самым страшным актам несправедливости и тирании.

После того как Лод был брошен в тюрьму, палата общин, занятая более важными делами, не нашла времени завершить процесс против него, и архиепископ, не привлекаемый ни к какому суду, терпеливо переносил столь длительное заключение. Когда же парламент вступил в союз с шотландцами и фанатические предрассудки этой нации оживили подобный дух в Англии, сектанты решили удовлетворить свою жажду мести, покарав этого прелата, который, используя собственную власть и предусмот-

ренные законом наказания, так долго обуздывал их бешеное исступление. Его обвинили в государственной измене за попытку ниспровергнуть основные законы королевства, а также в других тяжких преступлениях и проступках. Те же незаконные приемы — ссылки на «совокупную силу улик» и хитроумные истолкования вполне невинных действий как страшных преступлений; та же откровенная несправедливость в ведении разбирательства, с которыми мы уже встречались в деле Страффорда, бросаются в глаза и в ходе всего процесса Лода. Против подсудимого без конца выдвигались беспочвенные обвинения в папизме, хотя и опровергавшееся всей его жизнью и публичной деятельностью, и этот страшный грех, который, как тогда думали, означает гнуснейшее из всех мыслимых злодеяний, делал непростительными любые его ошибки и заблуждения. «Милорды, — изрек барристер[370] Уайлд, заключая свою длинную речь против Лода, — перед вами человек, подобный Нааману-сирийцу [371]: сильный муж, но прокаженный»[271].

Мы не будем входить в подробности этого процесса, который в наше время уже, кажется, не дает повода для особых споров. Достаточно заметить, что после долгого разбирательства и допроса более чем ста пятидесяти свидетелей общины поняли, что они едва ли сумеют добиться судебного приговора Лоду, а потому им пришлось пустить в ход свою законодательную власть и принять ордонанс, осуждавший престарелого прелата на смертную казнь. Палата пэров, несмотря на свое бессилие, попыталась было отклонить этот ордонанс, и вожаки народной партии были вынуждены вновь призвать на помощь чернь, чтобы угрозами буйств и беспорядков уничтожить те жалкие остатки свободы, которые еще сохраняла верхняя палата. Только семь пэров голосовали по этому важному вопросу, остальные же, из страха или из стыда, предпочли уклониться от участия в заседании[272].

Лод, который в ходе процесса вел себя с твердостью, свойственной людям необыкновенной силы духа, не дрогнул и в ужасные минуты казни, и хотя архиепископ всегда признавался, что его как человека пугает мысль о насильственной смерти, мужество высшего рода помогло ему преодолеть эти страхи. «Ваше желание лишить меня жизни, — сказал Лод, — не может быть сильнее, чем мое стремление умереть». Даже на плахе, в краткие промежутки между последними молитвами, его продолжали мучить и изводить: именно в эти минуты сэр Джон Клотуорти, фанатик из господствующей секты и один из влиятельных вождей нижней палаты, нашел нужным устроить проверку религиозных принципов умирающего примаса, вырвав у него признание в том, что свои надежды на спасение души он полагает в заслуге добрых дел, но не в смерти Искупителя[273]. Выпутавшись наконец из этих утомительных богословских диспутаций, архиепископ положил голову на плаху; один удар топора отделил ее от тела[274].

Те религиозные убеждения, за которые пострадал Лод, несомненно, укрепили в последний час его мужество и стойкость. Бесспорно также,

что он всегда был искренен, а во всех своих действиях руководствовался мотивами благочестия, хотя и ложно понятого, и можно только пожалеть, что человек такой силы духа, осуществлявший свои замыслы с таким усердием и пылом, не пришел к более широким и просвещенным взглядам и не усвоил принципы, в большей степени способные служить счастью и благополучию общества.

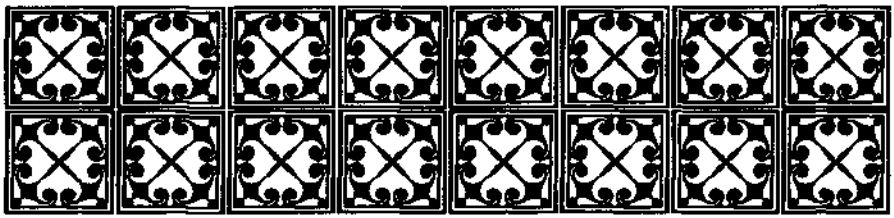
Огромные и важные выгоды, которых добилась народная партия благодаря смерти Страффорда, могут в известном смысле извинить несправедливость вынесенного ему приговора, но казнь старого немощного прелата, так долго томившегося в заключении и уже не способного причинить какой-либо вред, объясняется единственно лишь мстительностью и фанатизмом тех безжалостных святош, которые подчинили себе парламент. То, что он заслуживал лучшей участи, очевидно для всякого разумного человека, в остальном же его достоинства и дела всегда были предметом споров. Некоторые ставили ему в вину то, что он внушал пастве рабские принципы, поощрял гонения и поддерживал суеверия, другие же полагали, что по всем этим трем пунктам действия его можно оправдать и извинить.

Совершенно ясно, что *буква* закона учит нас пассивному повиновению в такой же степени, как и самая пылкая проповедь придворного священника; и хотя *дух* ограниченной монархии требует, вероятно, в исключительных случаях несколько смягчать столь суровую доктрину, нужно согласиться, что общий смысл прежней английской конституции делал любую ошибку в этом пункте весьма естественной и извинительной. Как бы то ни было, смертные приговоры тем, кто хоть немного отступает от точной истины в этих весьма тонких и щекотливых вопросах, отнюдь не служат защите свободы, зато сильно отдают духом тирании и гонений.

В описываемые нами времена все христианские секты в столь незначительной степени руководствовались принципом веротерпимости, что даже католики не могли добиться от англичан — предки которых исповедовали общую с ними веру — ни малейшего снисхождения. Эта же палата общин в знаменитой своей ремонстрации потрудилась отвести от себя всякие подозрения в намерении, как было там сказано, «ослабить золотые поводья религиозной дисциплины» и предоставить какую-либо терпимость инаковерующим[275]: более страшного обвинения в свой адрес палата не могла вообразить! Враги англиканской церкви с самого начала были достаточно откровенны и отнюдь не требовали свободы совести для всех, называя это «терпимостью к умерщвлению души»; напротив, они открыто домогались особых преимуществ для себя и даже угрожали государственной церкви гонениями, которые впоследствии и обрушили на нее с величайшей суровостью. Если же рассмотреть данный вопрос с политической точки зрения, то мы придем к следующему выводу: секта, уже сформировавшаяся и достигшая известных успехов, может претендовать на терпимость, причем на весьма разумных основаниях, — но какое же право на подобное снисхождение имели пуритане, которые едва задумали тогда

отделиться от государственной церкви и которых, с помощью строгих, но вполне законных и благодетельных мер, еще можно было надеяться удержать в повиновении?[276]

Какими бы нелепыми ни казались церковные церемонии философскому уму, следует признать, что в эпоху, отличающуюся особой напряженностью религиозного чувства, для грубой и невежественной черни нельзя придумать ничего более полезного, способного в большей степени смягчить и очеловечить ее мрачную и исступленную набожность. И мы вправе думать, что даже англиканская церковь, хотя и сохранявшая известную долю пышной католической обрядности, оставалась в этом отношении слишком бедной и аскетичной, слишком близкой к сухому и бесплодному культу пуритан. Возродив немногие элементы прежнего христианского ритуала, Лод и его единомышленники исправили ошибку первых реформаторов, и душа верующего, испытавшая во время своих благочестивых упражнений изумление и трепет, получила такие обряды, которые могли поглощать ее внимание своей внешней чувственной стороной, умеряя неистовство ее тщетных усилий подняться к иному миру. Человеческий дух, уже не занятый всецело мучительным поиском непостижимой божественной сущности, бесконечно превосходящей ограниченные способности нашей природы, мог теперь, благодаря этому новому виду набожности, успокоиться и отдохнуть в созерцании картин, статуй, зданий и облачений, а все изящные искусства, способные содействовать целям религии, получали таким образом новую поддержку и поощрение. Правда, осуществляя этот замысел, архиепископ руководствовался не широкими понятиями и трезвым расчетом законодателя, но чрезмерным пылом сектанта, и потому, упустив из виду реальные условия своего времени, он еще сильнее разжег то самое религиозное бешенство, которое желал обуздать. Но подобный просчет следует ставить в вину скорее эпохе в целом, а не каким-либо особым слабостям Лода; в оправдание же архиепископа достаточно будет заметить, что из всех заблуждений, господствовавших в тот фанатический век, его ошибки были как раз самыми простительными.



Глава XIV

Победы Монтроза. — Армия нового образца. — Битва при Незби. — Сдача Бристоля. — Ферфакс подчиняет парламенту западные графства. — Поражение Монтроза. — Церковные дела. — Король бежит к шотландцам под Ньюарком. — Конец войны. — Шотландцы выдают короля парламенту.

В то время как в Англии дела короля принимали скверный оборот, в Шотландии произошли события, которые, казалось, давали Карлу надежду на то, его борьба с парламентом может завершиться более удачно.

ПОБЕДЫ МОНТРОЗА

Еще до начала гражданской войны граф Монтроз[372], потомок славной фамилии, только что возвратившийся из путешествия на континент, был представлен королю и предложил ему свои услуги, но по внушению маркиза (впоследствии герцога) Гамильтона, пользовавшегося немалым доверием Карла, ему не были оказаны те знаки уважения и почета, на которые он полагал себя вправе рассчитывать[277]. Разгневанный таким приемом, Монтроз стал всячески содействовать крутым мерам ковенантеров и, будучи по природе человеком пылким и увлекающимся, с величайшим усердием и не без успеха занимался набором и организацией их войск во время первого шотландского восстания. Когда же Эдинбургские *комитеты* отправили его с поручением к королю, стоявшему тогда с армией у Бервика, ласки и любезности монарха очаровали Монтроза настолько, что он всецело, хотя пока еще тайно, предался Карлу и даже вступил с ним в переписку. В ходе второго восстания ковенантеры доверили Монтрозу важный пост в своей армии, и именно его части первыми переправились через Твид и вторглись в пределы Англии. Вскоре после этого он нашел способ доставить королю письмо, но по коварству кого-то из приближенных государя (Гамильтона, как тогда подозревали) копия его была отправлена шотландскому главнокомандующему Ливену. Обвиненный в измене и в сношениях с врагом, Монтроз открыто признал себя автором письма,

а затем спросил шотландских генералов, дерзнут ли они назвать «врагом» собственного короля; этот смелый и великодушный поступок спас графа от угрожавшего ему суда. Поскольку теперь его принадлежность к партии короля уже не была ни для кого секретом, Монтроз не скрывал более своих убеждений и даже попытался объединить в особый союз тех, кто разделял его роялистские взгляды. За эту дерзкую попытку он был арестован и некоторое время провел в заключении[278], однако не пал духом, но по-прежнему использовал свое влияние для того, чтобы внушать бодрость и мужество шотландским роялистам, находившимся тогда в отчаянном положении. Среди прочих знатных особ, присоединившихся к Монтрозу, был и лорд Напир из Мерчистоуна [373], сын знаменитого изобретателя логарифмов — человека, имевшего больше прав на звание ВЕЛИКОГО МУЖА, чем кто-либо другой из его соотечественников.

В Шотландии существовала еще одна партия, которая, исповедуя столь же пылкую преданность делу короля, расходилась с Монтрозом, по ее уверениям, лишь в представлении о средствах, способных послужить общей цели; вождем этой партии был Гамильтон. У герцога имелись особые основания сохранять безусловную верность монарху — и не только по причине уз кровного родства, соединявших его с королевской фамилией, но и ввиду полного доверия и величайших милостей, которые неизменно оказывал Гамильтону его повелитель. Даже тогда, когда лорд Рэй обвинил Гамильтона в заговоре против короля (и, кажется, не вполне безосновательно), Карл был настолько далек от любых подозрений, что, едва герцог явился ко двору, принял его в своей спальне и провел наедине с ним всю ночь[279]. Но такова уж была печальная судьба герцога или его злосчастная манера себя вести, что ему не удалось избежать обвинений в предательстве своего друга и государя, и хотя в конце концов Гамильтон пожертвовал жизнью на службе королю, историки не считают его искренность и честность совершенно безупречными. Возможно (и это правдоподобно), его слишком тонкие и хитроумные действия, равно как и робкие, выжидательные принципы, и послужили главной причиной подозрений, которые до сих пор не были ни подтверждены, ни опровергнуты полностью. Дерзкий и пылкий нрав Монтроза побуждал его к смелым предприятиям в такой же степени, в какой осторожный от природы Гамильтон склонялся в своей политике к благоразумной неспешности. В то время как Монтроз уверял, что шотландские ковенантеры уже готовы вступить в тайный союз с английским парламентом, и настаивал на необходимости сорвать их замысел какими-то решительными действиями, Гамильтон все еще твердил, что любая подобная попытка лишь подтолкнет ковенантеров к таким мерам, на которые в противном случае они, возможно, никогда бы не пошли. А когда в Шотландии без королевского дозволения был созван Конвент сословий, Монтроз с величайшим пылом доказывал, что теперь козни ковенантеров раскрылись вполне и что если не нанести им внезапный удар и не разогнать их немедленно, то они поднимут против короля всю нацию, — Гамильтон же утверждал, что мятежную партию

можно одолеть путем голосований, обеспечив лояльность народа мирными средствами. К несчатью для роялистов, доводы Гамильтона подействовали на короля и королеву сильнее, чем представления Монтроза, и ковенантеры смогли совершенно беспрепятственно осуществить все свои враждебные Карлу замыслы. Тогда Монтроз поспешил в Оксфорд, и там его гневные инвективы в адрес «изменника Гамильтона», созвучные всеобщему предубеждению против герцога и, казалось бы, подтверждавшиеся неудачным исходом рекомендованных им мер, встретили полное сочувствие. Едва в Оксфорд явился сам Гамильтон, Карл, уступая скорее громкому ропоту своей партии, нежели собственным подозрениям, приказал его арестовать и отправить в замок Пенденнис в Корнуолле. Ланерик, брат Гамильтона, также подвергшийся заключению, сумел вырваться на свободу и бежал в Шотландию.

Теперь король охотно выслушивал советы Монтроза, который предлагал только самые дерзкие и решительные меры, вполне соответствовавшие отчаянному положению шотландских роялистов. Хотя ковенантеры подчинили себе всю страну, держали под ружьем крупную армию и бдительно охраняли каждую крепость, Монтроз поручился перед королем в том, что, используя собственное влияние и авторитет немногих сторонников, все еще остававшихся у Карла в Шотландии, он сумеет поднять такую смуту, которая очень скоро заставит мятежников отозвать из Англии войска, столь явно склонившие чашу весов в пользу парламента[280]. Отнюдь не обескураженный поражением роялистов при Марстон-Муре, лишившим его возможности взять какие-либо подкрепления из Англии, он довольствовался соглашением с графом Антримом, который пообещал прислать ему людей из Ирландии. Сам же Монтроз, меняя по пути свой облик и уклоняясь от многочисленных опасностей, прибыл в Шотландию, и там, укрывшись в местности, примыкавшей к северной, горной части страны, начал тайно готовить своих приверженцев к какому-то дерзкому и важному предприятию[281].

Наконец высадились ирландцы, и хотя было их не более тысячи ста человек пехоты, причем весьма скверно вооруженной, Монтроз тотчас оставил свое убежище и вступил на поприще деяний, сделавших его имя столь знаменитым. Около восьмисот людей из графства Атол собрались под его знаменами; еще пятьсот солдат, набранных ковенантерами, Монтроз убедил перейти на сторону короля и с этими силами поспешил атаковать лорда Элчо, который стоял у Петра с шеститысячной армией, сосредоточенной там при первом же известии о вторжении ирландцев. Монтроз, уступавший противнику в численности, полностью лишенный кавалерии, терпевший недостаток в вооружении и боеприпасах, мог рассчитывать лишь на ту отвагу, которую он сам, личным примером и дерзкой стремительностью действий, должен был вдохнуть в своих неопытных солдат. Когда неприятель открыл огонь (отвечать на который приходилось преимущественно градом камней), Монтроз с обнаженной шпагой бросился в самую гущу врагов, привел их в расстройство, воспользовался их

замешательством и одержал полную победу; две тысячи ковенантеров погибли в этом побоище[282].

Этот успех, хотя и послуживший славе Монтроза, не увеличил силу и численность его войска. Бо́льшая часть королевства была фанатически предана ковенанту; тех же, кто сочувствовал делу короля, держала в страхе твердо установившаяся власть враждебной партии. Опасаясь встречи с превосходящими силами Аргайла, который, соединив собственных вассалов с регулярными войсками ковенантеров, приближался во главе крупной армии, Монтроз поспешил уйти на север, чтобы вновь призвать к борьбе маркиза Гентли и Гордонов[374] (несколько ранее они уже опрометчиво взялись за оружие, но были быстро разбиты ковенантерами). На марше к нему присоединился граф Эрли[375] с двумя младшими сыновьями, сэром Томасом и сэром Давидом Огилви[376]; старший в это время находился во вражеском плену. Близ Абердина Монтроз атаковал лорда Берли, командовавшего отрядом в две с половиной тысячи человек. Последовала яростная схватка; благодаря своей отчаянной отваге, которая и была наилучшей тактикой в его положении, Монтроз, не чуждый, впрочем, и искусству военачальника, обратил неприятеля в бегство, и в ходе преследования устроил ковенантерам страшную резню[283].

Но и этот, второй успех не позволил ему достигнуть ожидаемого результата. Гентли, человек по натуре завистливый, ревновал к славе Монтроза и вовсе не горел желанием присоединяться к армии, командующий которой должен был совершенно затмить его блеском своих достоинств. Аргайл шел по пятам за Монтрозом с большой армией, усиленной людьми графа Лотиана; милиция северных графств Мюррей, Росс и Кейтнесс, всего до пяти тысяч человек, прикрывавшая берега глубокой и быстрой реки Спкей, противостояла ему с фронта. Чтобы избежать встречи с многочисленными войсками неприятеля, Монтроз повернул в горы и укрылся со своим небольшим, но деятельным отрядом в Банденохе. После нескольких маршей и контрмаршей Аргайл настиг его у Фейви-касла. Этот вельможа, весьма знаменитый твердостью и искусством политика, отнюдь не отличался доблестью воина, и после ряда неудачных для него стычек позволил Монтрозу уйти. Благодаря быстрым маршам через эти непроходимые горы граф смог окончательно оторваться от превосходящих сил конвенантеров.

Монтроз находился в таком положении, что блестящие успехи и крупные неудачи оказывались для него равно пагубными, сокращая численность его армии. Солдаты Монтроза, жадные до добычи, но всякое свое приобретение почитавшие бесценным сокровищем, после каждой победы массами дезертировали и спешили домой, чтобы надежно припрятать награбленное добро. К тому же эти долгие и стремительные переходы в самый разгар зимы, через заснеженные горы, где нельзя было найти ни пищи, ни огня, совершенно их измучили, и они покидали своего командира, с которым в конце концов остались чуть ли не одни только ирландцы: тем уходить было некуда, и они сохраняли верность Монтрозу в любых обстоятельствах.

С ними, а также с небольшим отрядом из графства Атол и призванными из Ирландии Макдональдами, Монтроз неожиданно вторгся на земли Аргайла, обрушив на них все ужасы войны: уводил скот, жег дома, безжалостно истреблял жителей. Эта жестокость, которой запятнал Монтроз славу своих побед, объяснялась столько же его личной враждой к вождю клана, сколько величайшим рвением к делу короля. Собрав трехтысячный отряд, Аргайл двинулся в погоню за врагом — тот отступал, унося с собой добычу, — но затем остановился у Иннерлохи, полагая, что все еще находится на значительном расстоянии от Монтроза. Сифорт [377] во главе пяти тысяч вновь набранных рекрутов из северных графств, к которым присоединились опытные солдаты Инвернесского гарнизона, теснил роялистов с другой стороны, угрожая им неминуемым разгромом. Предприняв быстрый и неожиданный марш, Монтроз стремительно вышел к Иннерлохи, явившись в боевом порядке перед изумленными, но нисколько не испуганными ковенантерами. И только Аргайл, охваченный ужасом, покинул собственную армию в тот момент, когда она продолжала сражаться с роялистами, стойко удерживая свои позиции (2 февраля). В конце концов, несмотря на упорное сопротивление, ковенантеры были разбиты и обращены в бегство, во время которого понесли огромные потери[284]. Могущество клана Кэмпбеллов (родовое имя Аргайла) было таким образом сломлено, и жители горной Шотландии, в большинстве своем сочувствовавшие делу короля, начали массами стекаться в лагерь Монтроза. Армия Сифорта, в страхе перед одним его именем, растаяла сама собой, а лорд Гордон, старший сын Гентли, сумевший ускользнуть от своего дяди Аргайла, который удерживал его до сих пор в плену, присоединился к Монтрозу вместе с братом, графом Эбоином [378], и немалым числом своих вассалов.

Члены Эдинбургского совета, встревоженные успехами Монтроза, начали разрабатывать более правильный план борьбы с врагом, чьи непрерывные победы сделали его столь грозным. Они срочно вызвали из Англии Бальи, весьма опытного офицера, и поручив ему и Уррею, вновь перешедшему на сторону врагов короля, совместное командование войсками, отправили их с крупной армией против роялистов. Между тем Монтроз с отрядом из восьмисот человек атаковал Данди, город, фанатически преданный ковенанту, и, взяв его штурмом, отдал на разграбление солдатам, — но в этот момент его неожиданно настигли Бальи и Уррей со всей своей армией[285]. Присутствие духа и талант военачальника, которые проявил в столь отчаянных обстоятельствах Монтроз, воистину удивительны. Он тотчас приказал своим солдатам прекратить грабеж, привел их в порядок и чрезвычайно искусными мерами обеспечил отступление, а после 60-мильного безостановочного марша, который совершил он на виду у превосходящих сил неприятеля, не позволив своим людям ни минуты отдыха или сна, укрылся наконец в горах.

Теперь Уррей и Бальи решили разделить свои войска, чтобы с бóльшим успехом вести войну с этим противником, который быстротой своих

передвижений изумлял их не меньше, чем дерзостью своих действий. Уррей, во главе четырех тысяч солдат, встретился с ним при Алдерне, близ Инвернесса, и, ободренный численным превосходством (ковенантеров было вдвое больше, чем роялистов), атаковал Монтроза на избранной последним позиции. Монтроз, расположив свое левое крыло на весьма сильных позициях, лучшие силы сосредоточил на другом фланге, а между ними не оставил никаких крупных частей, — слабость, которую он искусно скрыл, расставив для виду небольшую группу солдат между деревьями и кустами, покрывавшими местность. Чтобы Уррей не успел разгадать эту уловку, он тотчас повел в атаку свое левое крыло; с бешеной яростью ударив на ковенантеров, Монтроз выбил их с занимаемых позиций и одержал полную победу[286]. Изумительную доблесть выказал в этой битве сын лорда Напира.

Приближался Бальи, желавший отомстить за поражение Уррея, но при Алфорде его самого постигла та же судьба[287]. Монтроз, не располагая сильной конницей, построил свои эскадроны вперемежку с пехотой; обратив в бегство кавалерию ковенантеров, он обрушился всеми силами на их пехоту и наголову ее разбил, хотя роялисты потеряли в этом бою доблестного лорда Гордона[288]. Одержав верх в стольких сражениях, где благодаря его энергии первоначальный успех всякий раз превращался в решительную победу, он собрал всех своих друзей и сторонников и теперь готовился к походу в южные провинции с тем, чтобы окончательно уничтожить власть ковенантеров и разогнать парламент, с величайшей торжественностью и помпой созванный ими в Сент-Джонстоне.

В то время как огонь войны вспыхнул на севере нашего острова, на юге он бушевал с не меньшей яростью. Армии короля и парламента, в надежде завершить свой важный спор быстрым и решительным ударом, готовились открыть кампанию, как только позволит погода. Правда, бесконечные интриги и дебаты настолько затянули принятие ордонанса о самоотречении, что к моменту его утверждения обеими палатами весна была уже в полном разгаре, и многие полагали рискованным предпринимать серьезные реформы в армии перед самым началом военных действий. И если бы строгие нравственные принципы не побудили Эссекса, несмотря на все прежние обиды, выказать безусловное повиновение парламенту, эти перемены наверняка повлекли бы за собой какие-то роковые последствия, ибо, хотя Эссекс немедленно подал в отставку с поста главнокомандующего, все опасались солдатских бунтов и мятежей[289]. Но в конце концов Ферфакс — или, строго говоря, Кромвель, действовавший его именем, — сумел реорганизовать парламентские части, создав армию *нового образца*. Из старых солдат формировали новые роты и полки, командование же ими поручали другим офицерам, и в итоге все военные силы парламента оказались в руках тех людей, которым индепенденты могли доверять вполне. Члены парламента лишились своих должностей в армии согласно ордонансу о самоотречении; к тому же многие офицеры, не желавшие служить под начальством новых генералов, подавали в отставку

добровольно и таким образом опрометчиво содействовали плану этой партии взять армию под свой полный контроль.

Нельзя сказать, чтобы прежняя парламентская армия отличалась совсем уж скверной дисциплиной, однако новые командиры задумали ввести в войсках более строгие порядки и последовательно осуществили свой замысел. Что касается доблести, то она была в равной мере присуща противникам, в парламентских частях удалось к тому же поднять дисциплину, однако военное искусство обеих сторон, т. е. умение составить общий план сражения и управлять войсками на поле битвы, оставалось, кажется, весьма далеким от совершенства. По крайней мере, историки (может быть, по собственному невежеству или неопытности в этих вопросах) упоминают один-единственный тактический прием — яростную лобовую атаку: обе армии бросались в бой, успех в котором приносили главным образом мужество и удача. Подлинным украшением этих царствований явились события гражданской, а отнюдь не военной истории.

АРМИЯ НОВОГО ОБРАЗЦА

Никогда еще, без сомнения, не существовало на свете армии более странной, чем та, которую выставил теперь английский парламент. В большинстве полков капелланы так и не были назначены, и миссию священников, соединив ее со своими воинскими обязанностями, взяли на себя офицеры. В перерывах между боями они молились, проповедовали, читали нравоучительные назидания, и здесь между ними возникало то же соперничество, которое бывает так необходимо на поле битвы, чтобы поддерживать честь военного сословия. Исступленный восторг заменил им работу ума; изливая свои мысли в импровизированных речах, эти пылкие фанатики принимали подобное красноречие, охватывавшее их совершенно внезапно, к их собственному изумлению и к великому удивлению окружающих, за некие божественные озарения и внушения Святого Духа. Где бы ни случилось им остановиться на постой, они тотчас прогоняли с церковной кафедры местного священника и, узурпировав его должность, принимались внушать пастве собственные взгляды — со всем авторитетом и убедительностью, какие только могли сообщить их проповеди сила, личная доблесть и воинские подвиги, соединенные с бешеным рвением и энтузиазмом. Рядовые солдаты, охваченные тем же исступленным фанатизмом, посвящали свой досуг молитвам, внимательному изучению Библии и благочестивым беседам, во время которых они сравнивали свои успехи на пути благодати, поощряя друг друга к новым усилиям в великом деле спасения души. Когда же они шли в бой, то вместе со звуками военных инструментов вокруг раздавались псалмы и подобающие случаю духовные песнопения[290], и каждый солдат стремился заглушить непосредственное чувство опасности мыслями о том венце вечной славы, который ожидает его

впереди. Раны, полученные в бою за столь святое дело, вменялись в особую заслугу, смерть была мученичеством за веру, а бешеная суматоха и все опасности битвы, вместо того, чтобы развеять религиозные видения этих праведников, лишь запечатлевали их в умах с еще большей яркостью и силой.

Роялисты всячески стремились поднять на смех этот фанатизм парламентской армии, не сознавая, сколь веские причины есть у них для того, чтобы страшиться его опасных последствий. Королевские войска, сосредоточенные в Оксфорде, на западе и в других местах, не уступали противнику в численности (если не превосходили его), но моральное их состояние было совершенно иным. Упадок дисциплины, порожденный недостаточным жалованьем, достиг в армии роялистов угрожающих размеров, приведя к тому, что друзья стали бояться ее больше, чем враги. Принц Руперт, не желавший думать об обывателях и заботившийся только о своих солдатах, и прежде потворствовал самым возмутительным бесчинствам; Уилмот, человек совершенно испорченный, поощрял тот же дух беспорядка, а Горинг, Джерард[379] и сэр Ричард Гренвил, люди распущенные и своевольные, дошли теперь на этом пути до чудовищных преступлений. Особенно много насилий и грабежей совершалось на западе, где командовал Горинг; всю эту область его буйная армия подвергла полному опустошению. В итоге различия между партиями до известной степени утратили там смысл, и даже самые преданные сторонники церкви и монархии желали успеха парламентским войскам, ибо только так можно было положить конец этим диким притеснениям. Кое-где, вооружившись палками и дубинами, стали собираться деревенские жители, ограбленные и лишенные имуществ; и хотя они выказывали враждебность к солдатам обеих армий, ненависть их почти всюду была направлена против роялистов, со стороны которых они подвергались наиболее жестокому обращению. Эти многотысячные толпы возмущенных крестьян действовали в разных частях Англии; они убивали отставших от своих частей солдат, доставляя немало беспокойства обеим армиям[291].

К началу кампании войска сторон были расположены следующим образом. Часть шотландской армии пыталась завладеть Помфретом и другими городами Йоркшира, часть осаждала Карлайл, который доблестно защищал сэр Томас Гленхэм. Гарнизон Честера, где командовал Байрон, уже давно был блокирован сэром Уильямом Бреретоном, и теперь находился в крайне бедственном положении. Король, соединившись с принцами Рупертом и Морицем, стоял в Оксфорде с большой армией примерно в пятнадцать тысяч человек. Ферфакс и Кромвель, с армией нового образца, насчитывавшей около двадцати двух тысяч солдат, занимали позиции у Виндзора. Таунтон, город в Сомерсетшире, который оборонял Блэйк, выдерживал долгую осаду со стороны сэра Ричарда Гренвила, командовавшего восьмитысячной армией; и хотя гарнизон отчаянно сопротивлялся, к этому моменту он уже дошел до последней крайности. На западе действовала армия Горинга, примерно такой же численности[292].

В начале кампании король составил план снятия осады Честера, Ферфакс — деблокады Таунтона Первым выступил в поход король Когда он достиг Дрейтона, в графстве Шропир, его встретил Байрон с известием о том, что приближение королевской армии заставило парламентские войска снять осаду и отступить Ферфакс в это время двигался на запад и уже дошел до Солсбери, когда получил от комитета обоих королевств, руководившего военными действиями, приказ повернуть обратно и осадить Оксфорд, оставшийся теперь без защиты после ухода армии короля Он подчинился, отправив предварительно на запад полковника Уэлдона с четырехтысячным отрядом При приближении Уэлдона Гренвил, вообразивший, будто на него идет вся армия Ферфакса, снял осаду, позволив этому упрямому городу, наполовину сожженному, наполовину захваченному врагом, получить подкрепления, но затем роялисты, усиленные трехтысячным кавалерийским корпусом Горинга, вновь подступили к Таунтону и заперли в этой полуразрушенной крепости Уэлдона с его небольшим отрядом[293]

Осуществив свой замысел в отношении Честера, король повернул на юг, а по пути остановился у Лестера, занятого парламентским гарнизоном Пробив в стене брешь, он повел приступ со всех сторон, после яростного штурма его солдаты с оружием в руках ворвались в город и совершили все те бесчинства, к которым в столь сильной степени толкает их свойственная их ремеслу жестокость, в особенности же тогда, когда они бывают разъярены упорным сопротивлением неприятеля Была захвачена и роздана солдатам огромная добыча, полторы тысячи пленных попали в руки королю Этот успех роялистов, повергший в величайший ужас парламентскую партию, вынудил Ферфакса оставить в покое Оксфорд, вокруг которого он уже начал стягивать кольцо блокады, и выступить навстречу королю с намерением дать ему бой Король в это время шел к Оксфорду, чтобы снять осаду, которая, как он опасался, уже началась, и таким образом армии противников, прежде чем им стало об этом известно, сблизились на расстояние шести миль Чтобы определить, какие действия следует ему предпринять, король созвал военный совет С одной стороны, казалось более разумным отложить решительное сражение Джерард, стоявший с трехтысячным отрядом в Уэльсе, мог бы в таком случае быстро подойти к главной армии, Горинг должен был, как надеялись, вскоре завладеть Таунтоном и, надежно гарантировав безопасность западных графств, соединить свои силы с силами короля, обеспечив им неоспоримое превосходство над неприятелем С другой стороны, принц Руперт — неукротимый пыл по-прежнему толкал его к сражению в любых обстоятельствах! — подстрекая нетерпение аристократов и дворян, которых в армии было великое множество, упрямо твердил, что одна лишь победа может избавить роялистов от нынешних бесчисленных затруднений Решено было дать бой Ферфаксу, и королевская армия тотчас двинулась против него

БИТВА ПРИ НЕЗБИ

Решительное сражение между королем и парламентом, в котором противники, располагавшие примерно равными силами, выказали замечательное упорство, произошло при Незби. Центром роялистов командовал сам король, правым крылом — принц Руперт, левым — сэр Мармадьюк Лангдейл. В центре парламентской армии стоял Ферфакс со своим помощником Скиппоном, на правом фланге — Кромвель, на левом — его зять Айртон[380]. Атаку, с обычной своей стремительностью и, как всегда, успешно, начал принц Руперт. Хотя Айртон оказал упорное сопротивление и даже после того, как ему насквозь пробили пикой бедро, продолжал сражаться, пока не попал в плен, весь этот фланг парламентской армии был разгромлен. Руперт преследовал его с опрометчивой яростью; более того, принц оказался настолько безрассуден, чтобы потерять драгоценное время перед вражеской артиллерией, прикрытой крупным отрядом пехоты: он предложил неприятелю сдаться, а затем атаковал его. Король повел в бой центр своей армии, проявив в этом деле все искусство опытного генерала и всю доблесть стойкого солдата[294]. Ферфакс и Скиппон встретили его удар и с блеском поддержали свою репутацию. Когда Скиппон был опасно ранен, Ферфакс попросил его оставить поле боя, но тот заявил, что не уйдет до тех пор, пока на нем продолжает сражаться хотя бы один солдат[295]. Парламентская пехота дрогнула под натиском короля, однако Ферфакс, сохраняя изумительное хладнокровие, подвел резервы и восстановил положение. Тем временем Кромвель атаковал со своей кавалерией Лангдейла, сломил сопротивление роялистов и благодаря своей расчетливости сумел развить тот успех, которого добился благодаря своей доблести. Примерно четверть мили он преследовал неприятеля, а затем, выделив несколько эскадронов, чтобы помешать бегущим оправиться от разгрома, обрушился на королевскую пехоту и привел ее ряды в полный беспорядок. Только один полк, несмотря на две яростные атаки Ферфакса, по-прежнему сохранял строй. Взбешенный столь упорным сопротивлением, Ферфакс приказал Дойли, капитану своей гвардии, атаковать роялистов с фронта, а сам ударил на них с тыла. Полк был разбит. Ферфакс собственноручно убил знаменосца и, захватив полковое знамя, передал его на время какому-то солдату. Когда же солдат впоследствии начал хвастаться, будто он сам взял этот трофей, а Дойли, видевший, как было дело, его выбранил, Ферфакс сказал: *Пусть оставит эту честь себе: у меня сегодня достаточно славы и кроме нее*[296].

Принц Руперт, слишком поздно осознав свою ошибку, прекратил безуспешные атаки против неприятельской артиллерии и присоединился к королю, чья пехота к этому моменту была уже полностью разгромлена. Карл призывал кавалеристов Руперта не падать духом. *Еще одна атака,* — воскликнул король, — *и победа вновь будет наша!*[297] Но они слишком ясно видели безнадежность своего положения, и их никак нельзя

было заставить возобновить бой. Карлу пришлось отступить и оставить победу врагу[298]. Убитыми парламентская армия потеряла больше, чем королевская: первая — тысячу человек, вторая — менее восьмисот. Но Ферфакс взял в плен пятьсот офицеров и четыре тысячи солдат, захватил все пушки и боевые припасы короля и совершенно уничтожил его пехоту, так что едва ли можно вообразить победу более полную, чем та, которую он одержал.

Среди прочих трофеев был захвачен и кабинет короля с его письмами королеве, которые парламент впоследствии велел опубликовать[299]. Парламент, несомненно, выбрал из них такие, которые, по его мнению, могли бы бросить тень на Карла, однако в целом эти письма, полные нежности и такта, создают весьма выгодное представление как об уме, так и о нравственном облике их автора. Правда, король говорит в них о своей любви и пылкой привязанности к супруге, а часто даже прямо обещает ей ничего не предпринимать без ее согласия, но подобные учтивые декларации не всегда следует понимать слишком буквально. И если столь безупречные чувства, признанные всеми божественными и человеческими законами, мужчина питает к женщине умной и красивой — пусть даже и папистке, — то его за это, пожалуй, можно извинить[300].

Когда афиняне перехватили письмо, которое их враг, македонский царь Филипп, отправил свое жене Олимпии, то они, даже не подумав совать свой нос в их семейные тайны, тотчас же отослали его царице нераспечатанным. Но Филипп не был их государем, и они не питали к нему той бешеной злобы, которую порождает всякая гражданская смута.

После битвы при Незби король с уцелевшим отрядом кавалерии отступил к Герифорду, а оттуда к Абергавенни, и некоторое время оставался в Уэльсе, в тщетной надежде набрать в этом разграбленном и опустошенном краю новые пехотные части. Ферфакс же вновь завладел Лестером, который капитулировал на почетных условиях (17 июня), а затем начал обдумывать планы будущих действий. В его руках оказалось письмо Горинга к королю, по несчастью доверенное одному из шпионов парламентского главнокомандующего. Горинг сообщал Карлу, что в ближайшие три недели он надеется овладеть Таунтоном, после чего присоединится к Его Величеству со всеми войсками западных графств; пока же он умолял короля всячески избегать генерального сражения. Письмо это, которое, будь оно доставлено по назначению, смогло бы, вероятно, предотвратить битву при Незби, подсказало теперь Ферфаксу направление его дальнейших операций[301]. Выделив три тысячи солдат Пойнтзу и Росситеру с приказом следить за действиями короля, он тотчас же двинулся на запад, чтобы спасти Таунтон и разгромить единственный крупный корпус, все еще остававшийся у роялистов

В начале этой кампании Карл, опасаясь за ее исход, отправил в западные графства принца Уэльского, в ту пору пятнадцатилетнего юношу; он дал ему звание главнокомандующего своими войсками на западе и приказал, в случае прямой угрозы со стороны неприятеля, бежать за границу,

чтобы спасти таким образом часть королевской фамилии от жестокости парламента. Принц Руперт укрылся в Бристоле с намерением защищать этот важный город; армия Горинга стояла под Таунтоном.

При приближении Ферфакса роялисты сняли осаду Таунтона (20 июля) и отступили к Лонгпорту, не имевшему укреплений городу в Сомерсетшире. Ферфакс их атаковал, выбил с позиций, около трехсот солдат уничтожил, а тысячу четыреста взял в плен[302]. После этого успеха он осадил Бриджуотер, который считался хорошо укрепленным и весьма важным пунктом. Когда солдаты парламента штурмом взяли предместье, комендант Бриджуотера Уиндхэм, отступивший во внутреннюю его часть, немедленно капитулировал и сдал крепость Ферфаксу. Гарнизон ее, насчитывавший две тысячи шестьсот человек, попал в плен.

СДАЧА БРИСТОЛЯ

Взяв затем Бат и Шерборн (23 июля), Ферфакс решил осадить Бристоль; он весьма тщательно подготовился к этому предприятию, которое, если учесть силу гарнизона и репутацию принца Руперта, обещало величайшие трудности. И, однако — столь непрочна в душах большинства людей добродетель воинского мужества! — ни один город в течение всей войны не оказывал неприятелю более слабого сопротивления, и всеобщие ожидания были здесь обмануты самым поразительным образом. Как только штурмующие части парламента прорвались на внешние укрепления, принц капитулировал и сдал город Ферфаксу[303] (11 сентября). Несколькими днями ранее Руперт написал королю письмо, где ручался, что если бунт гарнизона не заставит его сдать крепость неприятелю, то он продержится в ней четыре месяца. Карл, который строил планы снятия осады Бристола и собирал для этого армию, был ошеломлен этим неожиданным событием, для его дела немногим менее пагубным, чем поражение при Незби[304]. Полный негодования, он тотчас же уволил принца Руперта из армии и послал ему заграничный паспорт[305].

Теперь дела короля всюду стремительно приближались к краху. Шотландцы, овладев после долгой и упорной осады Карлайлом[306], двинулись на юг и обложили Герифорд, но вынуждены были снять осаду при приближении короля — это был последний луч успеха, озаривший его оружие. Когда король выступил на выручку Честеру, вновь осажденному парламентскими войсками, которыми командовал полковник Джонс, Пойнтз атаковал его с тыла и вынудил принять бой (24 сентября). В тот момент, когда сражение шло с величайшим упорством, и победа, казалось, уже готова была склониться на сторону роялистов, Джонс обрушился на них с другого фланга и наголову их разгромил; королевские войска потеряли шестьсот человек убитыми и тысячу пленными[307]. С остатками своей разбитой армии Карл бежал в Ньюарк, а оттуда — в Оксфорд; запершись в этой крепости, он и провел всю зиму.

Приходившие к нему отовсюду известия были не менее роковыми, чем те события, которые произошли на его глазах. После сдачи Бристоля Ферфакс и Кромвель разделили свои силы: первый двинулся на запад, чтобы завершить покорение Девоншира и Корнуолла; последний атаковал королевские гарнизоны, располагавшиеся к востоку от Бристоля. Дивайзес сдался Кромвелю, Беркли-касл был взят штурмом, Уинчестер капитулировал, в Безинг-хаус солдаты Кромвеля ворвались с оружием в руках, и таким образом все эти графства центральной Англии были в скором времени приведены к повиновению парламенту.

ФЕРФАКС ПОДЧИНЯЕТ ПАРЛАМЕНТУ ЗАПАДНЫЕ ГРАФСТВА. 1646

Столь же быстрые и непрерывные успехи сопутствовали Ферфаксу. Парламентские войска, воодушевленные победами и подчинявшиеся строжайшей дисциплине, не встретили достойного сопротивления со стороны армии, обескураженной многочисленными неудачами и совершенно разложившейся из-за своих диких бесчинств. Атаковав лагерь роялистов при Бови-Трейси, Ферфакс осадил Дартмут (18 января) и уже через несколько дней взял его штурмом. Когда же он овладел Пудрэм-каслом и блокировал со всех сторон Эксетер, Гоптон, достойный и заслуженный человек, командовавший теперь роялистами на западе, пошел на выручку этому городу с восьмитысячной армией; он встретился с парламентскими войсками при Торрингтоне (19 февраля), где и был разбит; вся его пехота рассеялась, а сам он с кавалерией вынужден был отступить в Корнуолл. Ферфакс преследовал его, энергично развивая свой успех. Окружив роялистов при Труро, он заставил капитулировать всю их пятитысячную армию, состоявшую главным образом из кавалерии. Солдаты сдали оружие и лошадей, получив по двадцать шиллингов каждый, с чем их и распустили по домам. Офицерам, желавшим уехать из Англии, выдали необходимые паспорта; остальные же, пообещав никогда больше не браться за оружие, заплатили соответствующие композиции парламенту и таким образом обеспечили себе амнистию[308]. Ферфакс взял Эксетер, завершив тем самым покорение запада, после чего двинулся со своей победоносной армией в центральную Англию и разбил лагерь в Ньюбери. Принц Уэльский, исполняя приказ короля, удалился на Силли, а оттуда — на Джерси и, наконец, отправился в Париж, где встретил королеву, которая бежала во Францию из Эксетера еще тогда, когда граф Эссекс шел на запад с парламентской армией.

В других частях Англии происходили следующие события. Честер капитулировал; Герифорд был взят внезапным штурмом; лорд Дигби, который попытался с 1200 кавалеристами прорваться в Шотландию к Монт-

розу, был разбит при Шербурне, графство Йоркшир, полковником Копли; весь его отряд был рассеян, а ему самому пришлось бежать сначала на остров Мэн, а затем в Ирландию. Стало известно, что и сам Монтроз, после нескольких новых побед, был в конце концов наголову разгромлен; таким образом и эта, последняя надежда королевской партии окончательно растаяла.

Когда Монтроз спустился с гор в южные графства, ковенантеры, собрав все свои силы, выступили против него с многочисленной армией и дали ему сражение при Кильсите, однако успеха не добились[309]. Это была самая полная из всех побед Монтроза. Роялисты перебили шесть тысяч неприятельских солдат, после чего у ковенантеров вовсе не осталось армии в Шотландии. Постоянные успехи Монтроза взбудоражили все королевство, и многие знатные особы, прежде втайне сочувствовавшие королю, теперь, видя, что они могут опереться на военную силу, открыто переходили на его сторону. Маркиз Дуглас, графы Аннандейл и Хартфилд, лорды Флеминг, Сетон, Мадерти, Карнеги [381] и многие другие встали под знамена короля. Эдинбург открыл ворота Монтрозу и выпустил на свободу всех пленников, которых держали там ковенантеры; среди прочих был и лорд Огилви, сын Эрли [382], чье семейство внесло громадный вклад в победу при Кильсите[310].

ПОРАЖЕНИЕ МОНТРОЗА

Давид Лесли с частью действовавших в Англии войск двинулся в Шотландию на помощь своей партии, находившейся теперь в отчаянном положении. Монтроз по-прежнему шел на юг, в тщетной надежде поднять графов Юма, Траквера и Роксборо, ранее обещавших присоединиться к нему, и получить из Англии подкрепление в коннице, которой ему так недоставало. Из-за беспечности разведчиков Монтроза Лесли сумел при Филипхоу врасплох напасть на его армию, сильно поредевшую из-за дезертирства горцев, которые по своему обыкновению разошлись по домам, чтобы спрятать добычу. После яростного сражения, в котором Монтроз выказал замечательную доблесть, войска его были разбиты кавалерией Лесли[311], а сам он с остатками свой армии вынужден был бежать в горы, где начал готовиться к новым боям и дерзким предприятиям[312].

Плодами этой победы ковенантеры воспользовались с величайшей суровостью. Сэр Роберт Спотисвуд, государственный секретарь и сын покойного примаса, сэр Филип Низбет, сэр Уильям Ролло, полковник Натаниэль Гордон, Эндрю Гатри, сын епископа Мюррейского, и Уильям Мюррей, сын графа Туллибардина[383], были преданы суду, признаны виновными и казнены. Единственное преступление, вмененное в вину государственному секретарю, состояло в том, что он доставил Монтрозу королевский патент на должность генерал-капитана Шотландии. Та же судь-

ба постигла бы и лорда Огилви, вновь попавшего в плен к ковенантерам, если бы его сестра, поменявшись с ним платьем, не устроила ему побег. За свою ловкость и отвагу она подверглась весьма грубому обращению. Духовенство требовало от парламента новых казней, но его настойчивые ходатайства удовлетворены не были[313].

После всех этих несчастий, всюду преследовавших королевскую партию, у Карла оставался только один корпус, на котором судьба еще могла показать свою суровость. Лорд Астли с небольшим отрядом в три тысячи человек, состоявшим преимущественно из кавалерии, шел к Оксфорду на соединение с королем; при Стоу он встретился с полковником Морганом, был наголову разбит (22 марта) и взят в плен. «Вы сделали свое дело, — сказал Астли парламентским офицерам, — теперь можете идти играть, если, конечно, не решите перессориться между собой»[314].

Всю эту зиму король находился в крайне бедственном и плачевном положении. Обыкновенно страх перед будущими несчастьями угнетает людей сильнее, чем действительные беды, и потому, вероятно, ни в один период своей жизни не заслуживал Карл большего сочувствия. Сила духа, покидавшая его порой в действии, но никогда не изменявшая ему в страдании, была теперь единственной его опорой, и Карл твердо решил (как было сказано в его письме к лорду Дигби), что если он не сможет жить как король, то сумеет умереть как дворянин, и что ни одному из его друзей не придется краснеть за монарха, на службе которому они претерпели столько бедствий[315]. С одной стороны, злополучного государя изводил ропот недовольных офицеров, преувеличивавших свои заслуги и страдания, которые, как они видели теперь, навсегда останутся без награды[316]. С другой стороны, нежная почтительность друзей более великодушных, уважавших несчастья и добродетели Карла не меньше, чем его сан, наполняла его сердце новыми терзаниями, когда думал он о том, что столь бескорыстная преданность уже вскоре окажется беззащитной перед жестокостью его неумолимых врагов. Неоднократные попытки короля добиться мира на справедливых условиях привели лишь к тому, что парламент твердо уверовал в полноту и окончательность своей победы. На несколько посланий Карла, в которых тот просил о пропуске для своих комиссаров, парламент даже не соизволил ответить[317]. Наконец, поставив королю в вину пролитую на войне кровь, парламент объявил, что готовит для него ряд биллей, утверждение которых и будет лучшим доказательством искренности его стремления к миру, — иначе говоря, Карл должен был сдаться на милость победителей[318]. Карл пожелал вести переговоры лично и выразил готовность, по получении охранной грамоты для себя и своих спутников, приехать в Лондон — палаты категорически отказали ему в праве въезда в столицу и распорядились взять под «охрану», другими словами, захватить его особу, если он сделает попытку явиться в парламент[319]. Новое происшествие, случившееся в Ирландии, еще сильнее взволновало умы, умножив те клеветнические измышления, которыми с такой злобой осыпали Карла его враги и в которых сам он всегда видел величайшее из выпавших на его долю бедствий.

После перемирия с ирландскими мятежниками Карл стремился заключить с ними окончательный мир и добиться от них помощи в Англии. Он уполномочил Ормонда, своего наместника в Ирландии, пообещать им отмену всех законов против католиков, а также приостановку действия акта Пойнингса по отношению к некоторым биллям, о которых предстояло договориться впоследствии. Как раз в это время лорд Герберт, получивший титул графа Гламоргана [384] (хотя его патент еще не был утвержден канцлером), должен был ехать в Ирландию по своим частным делам, и король посчитал, что этот аристократ-католик, имевший тесные связи с самыми знатными ирландскими фамилиями, — может оказаться ему полезен. Карл предвидел, что фанатичные ирландцы скорее всего потребуют новых уступок в отношении религии и что подобные уступки, пусть даже совершенно необходимые, вызовут бурное возмущение ревностных протестантов во всех его королевствах, и, значит, некоторое время их нужно будет держать в тайне, а чтобы не скомпрометировать Ормонда, потребуется дать личное секретное распоряжение Гламоргану подписать эти статьи. Но поскольку об усердии и преданности Гламоргана Карл был более высокого мнения, чем о его уме, то он строго ему приказал извещать о всех своих действиях Ормонда, и хотя окончательный текст договора предстояло подписать самому Гламоргану и только от своего имени, во всех своих предварительных шагах графу велено было руководствоваться советами наместника. Гламорган был фанатически предан своей религии и страстно желал послужить своему государю, однако и в том, и в другом деле выказал поразительное безрассудство и неосторожность: тайно, по собственной инициативе, ничего не сообщив Ормонду, он заключил мир с советом в Килкенни, согласившись от имени короля на то, что ирландцам будут возвращены все церкви, находившиеся в их распоряжении до начала мятежа, — при условии, что они пошлют в Англию на помощь королю десять тысяч солдат. Случайным образом эта сделка вышла наружу. Когда в ходе вылазки гарнизона Слайго был убит номинальный архиепископ Тьюамский, среди его вещей нашли оригинал договора; его тотчас же всюду опубликовали, а копию отправили английскому парламенту[320]. Наместник и лорд Дигби, предвидя громкие крики возмущения против короля, заключили Гламоргана в тюрьму и обвинили за его дерзкое безрассудство в государственной измене, утверждая при этом, что граф действовал исключительно по собственной инициативе и никаких полномочий от своего государя не имел. Но английский парламент не упустил столь превосходной возможности вновь поднять шум по поводу благоволения короля к папистам, обвинив его в том, что он в некотором смысле предал всю Ирландию в руки этой гнусной секты. Король ответил парламенту, что «граф Гламорган, который вызвался набрать для Его Величества войска в Ирландии и доставить их в Англию, получил полномочия только на это и ни на что другое, и что он вовсе не имел полномочий вести какие-либо переговоры без ведома и помимо указаний наместника, а тем более заключать соглашение о чем-либо, касающемся религии или какой-либо

собственности, принадлежащей церкви или мирянам»[321]. Хотя данная декларация, кажется, вполне соответствовала действительности, парламент она не удовлетворила, и даже в наши дни, когда прежний пыл фанатизма несколько угас, иные историки все еще силятся представить эту совершенно невинную сделку, к которой толкнула короля жестокая необходимость, как пятно, позорящее память этого несчастного государя[322].

Потеряв всякую надежду одолеть неумолимую суровость парламента силой оружия или путем переговоров, король мог теперь рассчитывать лишь на яростные распри, кипевшие в стане его врагов. Еще до того как ими была одержана полная победа, пресвитериане и индепенденты начали спор о разделе будущих трофеев, и их религиозные и политические разногласия взбудоражили все королевство.

ЦЕРКОВНЫЕ ДЕЛА

Хотя парламент уже давно уничтожил полномочия епископата, он до сих пор не поставил на его место какую-либо иную духовную власть: всю церковную юрисдикцию осуществляли парламентские комитеты по делам религии. Однако теперь, приняв специальный ордонанс, он ввел в Англии пресвитерианское церковное устройство во всей его полноте — с *конгрегациями*, *классами*, *провинциальными* и *общенациональными синодами*. Всем жителям каждого прихода было предписано выбирать старейшин, которым, вместе с их приходским священником, и поручалось ведать всеми духовными делами конгрегации. Несколько соседних приходов, обычно от двенадцати до двадцати, образовывали класс; руководивший ими совет состоял из всех священников, а также двух, трех или четырех старейшин, избираемых от каждого прихода. В провинциальные же синоды, осуществлявшие надзор за несколькими соседними классами, входили исключительно духовные лица, такой же состав имел и общенациональные синод, чья власть распространялась на все королевство. Весьма вероятно, что предупреждением для палат послужила здесь тирания шотландского духовенства, и они решили не допускать мирян в провинциальные и национальные синоды, ибо в противном случае титулованная знать и верхушка джентри, домогаясь мест в этих важных церковных органах, сообщили бы им особый авторитет, сделав их в глазах простого народа соперниками самого парламента. В нижестоящих же церковных органах известная доля мирян могла бы как раз умерить обычное для духовенства рвение[323].

Установление равенства среди священнослужителей пришлось по вкусу пресвитерианам, однако в других вопросах, имевших в их глазах громадную важность, претензии пресвитериан удовлетворены не были. Собрание богословов постановило, что власть пресвитеров существует по божественному праву. Парламент отказался утвердить это решение[324].

Селден, Уайтлок и другие лица, преследовавшие скорее политические, нежели религиозные цели, сумели при содействии индепендентов взять верх в прениях по этому важному вопросу. Они полагали, что если ханжи и фанатики добьются признания «небесных» истоков своей хартии, то их пресвитеры станут вскоре еще более опасными для гражданских властей, чем даже прежнее епископальное духовенство. Последнее, требуя признания собственного «божественного права», по крайней мере, не отрицало сходного происхождения светской власти; первые же, притязая на «неземную» родословную для своего сана, упорно не желали выводить законодательную власть из источника более возвышенного, чем решение добровольно объединившегося народа.

Под предлогом защиты таинств от осквернения духовенство всех христианских сект присвоило себе, как оно выражается, «власть связывать и разрешать», иначе говоря, право отлучать от церкви. Пример Шотландии стал хорошим уроком для английского парламента, и он решил принять меры предосторожности против столь жестокой тирании. Особым ордонансом парламент определил все случаи, в которых отлучение допустимо, а кроме того, разрешил апелляции к парламенту на приговоры любых церковных судов и назначил в каждую провинцию специальных комиссаров, которые должны были выносить решения по вопросам, не подпадавшим под действие общего парламентского ордонанса[325]. Столь явное вторжение гражданской власти в компетенцию власти церковной чрезвычайно возмутило всех фанатиков.

Однако ничто не вызывало у них большего негодования, чем готовность многих членов парламента предоставить терпимость протестантским сектам. Такая снисходительность, гневно восклицали пресвитериане, делает церковь Христову подобием Ноева ковчега, где нашлось место для всякой нечистой твари. Последняя по важности из истин христианства, твердили эти люди, выше любых политических расчетов[326]. Они доказывали, что подписание ковенанта предполагает вечное обязательство искоренять ересь и раскол, а всем своим противникам они грозили теми же суровыми гонениями, от которых сами страдали в ту пору, когда их жестоко преследовала англиканская иерархия.

Замечательное благоразумие и сдержанность, которые проявил в столь важных вопросах английский парламент, делают ему величайшую честь и доказывают, что, несмотря на господствовавшее в стране ханжество и фанатизм, многие его члены держались более широких взглядов и должным образом учитывали гражданские интересы общества. Объединившись с энтузиастами-сектантами, по самому своему духу враждебным любым посягательствам клира, эти люди столь бдительно и ревниво осуществляли власть парламента над собранием богословов, что оставили за последними только одно право — подавать советы, отказав им даже в полномочии избирать собственного председателя и его заместителя или заполнять вакантные места в своем собрании.

В то время как теологи вели эти жаркие дебаты, вовлекая в свои богословские споры все сословия в государстве, король, надеявшийся извлечь

пользу из подобных разногласий, пребывал, однако, в величайшем недоумении, ибо не мог решить, какой из сторон было бы ему выгоднее пойти на уступки. Пресвитериане в силу своих принципов были менее всего враждебны к монархической власти, однако упорно добивались совершенного уничтожения епископального строя; индепенденты же, полные решимости основать республиканское правление, отнюдь не притязали на положение государственной церкви, а потому можно было надеяться, что если им самим будет предоставлена терпимость, они согласятся с восстановлением англиканской иерархии. Столь велика была приверженность короля епископской юрисдикции, что ради ее защиты он всегда был готов рисковать даже своей собственной властью и монаршим саном.

Но какие бы выгоды ни надеялся он извлечь из раздоров в парламентской партии в будущем, Карл страшился того, что они уже не успеют спасти его от катастрофы, грозившей ему сейчас. К Оксфорду во главе мощной и победоносной армии приближался Ферфакс; он уже принимал надлежащие меры к осаде этого города, который рано или поздно должен был оказаться в его руках. Попасть в плен к своим дерзким врагам, а потом брести за колесницей триумфаторов, — естественно, что сама мысль об этом была для Карла невыносима, а от солдат-фанатиков, ненавидевших его как человека и презиравших как короля, приходилось ожидать всякого рода оскорблений, если не прямых насилий. В этом отчаянном положении король решился на такой шаг, который при любых иных обстоятельствах можно было бы назвать опрометчивым и безрассудным.

КОРОЛЬ БЕЖИТ В ШОТЛАНДСКИЙ ЛАГЕРЬ ПОД НЬЮАРКОМ

Французский посланник Монтревиль, принявший участие в судьбе короля более из природного человеколюбия, нежели вследствие каких-либо инструкций парижского двора (который благоволил, скорее, парламенту), с некоторого времени настойчиво просил шотландских генералов и комиссаров взять под защиту своего несчастного государя, получая на сей счет многочисленные, хотя и весьма неопределенные обещания и заверения, он всякий раз — и, вероятно, не без преувеличений, — доносил о них королю. Под влиянием его советов у Карла и зародилась мысль оставить Оксфорд и бежать к шотландской армии, стоявшей тогда под Ньюарком[327]. Король принимал в расчет, что шотландцы уже добились полного удовлетворения всех своих требований и, совершенно уничтожив в своей стране как епископат, так и монархическую власть, просто не имеют причин домогаться от него каких-либо новых уступок. Во всех прежних спорах об условиях мира шотландцы, как он слышал, всегда принимали сторону более умеренной партии, пытаясь смягчить непреклонную суровость

английского парламента. Сильнейшее взаимное недовольство возникало между двумя нациями и по другим поводам, и шотландцы ясно видели, что чем менее необходимой становится для англичан их военная помощь, тем меньше их самих ценят и уважают в Англии. Кроме того, шотландцев весьма тревожили успехи индепендентов, и они приходили в негодование, замечая, что об их драгоценном ковенанте здесь отзываются с каждым днем все менее почтительно и благоговейно. Отказ парламента признать божественное происхождение пресвитерианского церковного строя, равно как и посягательства на церковную дисциплину, предпринимавшиеся из политических расчетов, казались им страшным грехом, и потому король, учитывая нынешние настроения шотландцев, надеялся, что один вид их природного государя, прибегшего к ним в минуту величайших своих бедствий, пробудит в их сердцах всякую искру великодушия и обеспечит ему их покровительство и расположение.

На всех воротах Оксфорда охране было приказано выпустить из города три человека — таким образом король желал замаскировать свой замысел, — сам же он выехал верхом через лондонские ворота, в сопровождении всего лишь двух лиц, д-ра Хадсона и м-ра Эшбернема. Перед ним на седле висел дорожный чемодан: Карл путешествовал под видом слуги Эшбернема. Он проследовал через Хентли, Сент-Олбанс и достиг Харроу. Лондон был совсем рядом, и в какой-то момент королю даже явилась мысль въехать в город и отдать себя во власть парламента. Но в конце концов, после долгих блужданий, он прибыл в шотландский лагерь под Ньюарком[328]. Парламент же, узнав о бегстве короля из Оксфорда, издал суровые распоряжения (5 мая), угрожая немедленной казнью всякому, кто осмелится принимать или укрывать его у себя[329].

При виде короля шотландские генералы и комиссары изобразили величайшее изумление, и хотя они оказали все внешние знаки почтения, подобавшие его сану, однако под предлогом защиты особы монарха тотчас же приставили к Карлу охрану, сделав его, в сущности, своим пленником. Об этом неожиданном происшествии шотландцы уведомили английский парламент, заверив его, что никаких секретных соглашений с королем у них не было. Они попросили Карла, чтобы он велел Белассису, коменданту осажденного Ньюарка, сдать этот город, дошедший теперь до последней крайности, и соответствующий приказ был немедленно исполнен. Когда же им стало известно, что английский парламент претендует на исключительное право располагать особой короля, а английская армия начала движение в их сторону, шотландцы сочли за благо отступить к северу и устроить свой лагерь близ Ньюкасла[330].

Король остался доволен этой мерой, и у него появились надежды на защиту со стороны шотландцев. Он чрезвычайно внимательно наблюдал за поведением их проповедников, от которых зависело буквально все. По моде той эпохи церковные кафедры обращались в место обсуждения последних новостей, и при каждом важном событии священники перелистывали всю Библию в поисках подходящих к случаю отрывков. Тот из них,

кому довелось первым проповедовать в присутствии короля, выбрал своей темой следующие слова Писания[385] «И вот, все Израильтяне пришли к царю и сказали царю зачем братья наши, мужи Иудины, похитили тебя и проводили царя и дом его и всех людей Давида с ним через Иордан? И отвечали все мужи Иудины Израильтянам затем, что царь — ближний нам, и из-за чего сердиться вам на это? Разве мы что-нибудь съели у царя или получили от него подарки? И отвечали Израильтяне мужам Иудиным, и сказали мы десять частей у царя, также и у Давида мы более, нежели вы, зачем же вы унизили нас? Не нам ли принадлежало первое слово о том, чтобы возвратить нашего царя? Но слово мужей Иудиных было сильнее, нежели слово Израильтян»[331]

Но король понял, что проповедник избрал этот текст, соблазнившись главным образом удачной аллюзией, и что ревностные ковенантеры все так же к нему враждебны Другой проповедник, бросив в лицо Карлу упрек в дурном правлении, назначил для пения следующий псалом «Что хвалишься злодейством, сильный?»

Король встал и запел псалом, который начинается такими словами «Помилуй меня, Боже! Ибо человек хочет поглотить меня»[386]

Из жалости к поверженному величию добросердечная паства выказала на сей раз больше уважения к королю, чем к своему священнику, и подхватила псалом, предложенный первым[332]

В сущности, у Карла не было особых причин радоваться перемене своих обстоятельств Мало того что он оказался на положении пленника, причем весьма бдительно охраняемого, к королю не допускали друзей, а всякое общение посредством переписки или личных бесед с теми, кому он мог доверять или кого подозревали в преданности монарху, стало для него невозможным Шотландские генералы всячески уклонялись от сколько-нибудь доверительных отношений с королем, по-прежнему обращаясь с ним с холодной церемонностью и притворной почтительностью А все предложения, которые делали они королю, клонились к тому, чтобы еще сильнее его унизить и нанести ему ущерб[333]

ОКОНЧАНИЕ ВОЙНЫ

Шотландцы потребовали, чтобы он приказал сдаться гарнизонам Оксфорда и всех прочих городов, и Карл, ясно понимавший бессмысленность их дальнейшего сопротивления, с готовностью подчинился Большинству королевских гарнизонов позволили капитулировать на почетных условиях, и Ферфакс сделал все, что он него зависело, для строжайшего их соблюдения Он не только не допускал насилия, но даже не позволял парламентским солдатам оскорблять несчастных роялистов или открыто выражать свое торжество над побежденными, и, таким образом, благодаря его великодушию и гуманности столь жестокая гражданская война завершилась по видимости довольно спокойно

Ормонд, получив сходный приказ, сдал парламентским офицерам Дублин и другие ирландские крепости. Монтроз, испытав новые повороты судьбы, сложил оружие и уехал из Шотландии.

В Англии власть парламента дольше всех отказывался признать восьмидесятичетырехлетний маркиз Вустер. Он защищал Раглан-касл до последней возможности и лишь в середине августа открыл ворота неприятелю. Целых четыре года (без нескольких дней) прошло с тех пор, как король поднял в Ноттингеме свой штандарт[334] — так долго населявшие Британию нации, охваченные религиозными и гражданскими раздорами, проливали собственную кровь и опустошали родную страну.

Между тем парламент и шотландцы представили королю свои предложения. Подобных условий и должен был ожидать пленник, оказавшийся в полной власти безжалостных и неумолимых победителей; впрочем, они были ненамного суровее тех, на которых настаивали палаты перед сражением при Незби. Парламент требовал предоставить ему на двадцать лет начальство над военными силами (король теперь соглашался на десять), а также дать право собирать любые суммы, которые сочтет он необходимыми для содержания своей армии. Прочие условия в целом совпадали с тем, что предлагалось королю ранее[335].

Карл заметил, что подобные предложения, вносящие столь важные новшества в конституцию, требуют времени для обдумывания, — комиссары заявили, что он должен представить свой ответ в десятидневный срок[336]. Король выразил желание обсудить с ними точный смысл и значение некоторых статей — комиссары уведомили Карла, что у них нет полномочий вести какие-либо дебаты и категорически потребовали либо согласия, либо прямого отказа. Карл просил позволить ему вступить в личные переговоры с парламентом — комиссары пригрозили королю, что если он и далее будет проявлять неуступчивость, парламент умиротворит страну и даст ей закон собственной властью.

Более всего парламент заботили тогда не переговоры с королем, к которому он не выказывал особого почтения, но соглашение с шотландцами. Здесь же оставались нерешенными два важных вопроса: о выдаче шотландцами короля и о сумме задолженности шотландцам английского парламента.

Шотландцы могли ссылаться на то, что поскольку Карл является королем Шотландии точно так же, как и Англии, они имеют одинаковое с англичанами право располагать его особой; и что в подобных случаях, там, где права сторон равны, а предмет их претензий неделим, предпочтение должно быть отдано нынешнему владельцу. Англичане же утверждали, что поскольку король находится в Англии, то на него распространяются законы этого королевства, а следовательно, ни одно иностранное государство располагать его особой не вправе. В общем, это был весьма тонкий и деликатный вопрос, который, конечно же, не поддавался решению с помощью прецедентов, ибо во всей человеческой истории отыскать подобную ситуацию невозможно[337].

Шотландцы, действуя в полном согласии с англичанами, предъявляли королю столь жесткие условия, что Карл, несмотря на свое бедственное положение, по-прежнему отказывался их принять, а значит, совершенно ясно, что шотландцы вовсе не желали возвращать ему свободу, как невозможно поверить, чтобы они когда-либо намеревались столь странным образом сочетать в своих действиях мягкость и суровость. До утверждения условий мира вся власть в обоих королевствах должна была оставаться в руках парламентов, а насколько несовместимым было подобное положение вещей со свободой короля, понять нетрудно. Отправить Карла в качестве пленника в Шотландию, где для его охраны нельзя было собрать крупных сил, значило бы решиться на шаг, чреватый столькими опасностями и неудобствами, что даже если бы англичане согласились на эту меру, сами шотландцы наверняка сочли бы ее абсолютно неприемлемой. И уже совершенно непонятно, как можно было осуществить подобный план вопреки желанию Англии, располагавшей победоносной и весьма многочисленной армией, которая в то время (так, во всяком случае, казалось) действовала в полном согласии с парламентом. А значит, ясно, что у шотландцев, если бы они устыдились бросать своего короля на произвол судьбы, оставался только один выход: без всякого промедления, в полной мере и совершенно искренне, возвратиться в положение его верных подданных, а затем, объединившись с роялистами обоих королевств, попытаться силой оружия принудить английский парламент к более мягким условиям мира. Но подобный шаг, в высшей степени рискованный сам по себе, означал бы в сущности, что шотландцы должны тотчас же вступить в союз со своими врагами против своих старых друзей и в порыве рыцарского великодушия ниспровергнуть то здание, которое в течение стольких лет, не жалея крови и денег, они так старательно и упорно возводили.

Но хотя все эти соображения приходили на ум шотландским комиссарам, они решили продолжать спор, удерживая у себя короля в качестве залога за тот долг, уплаты которого они требовали от англичан и который при господствовавших тогда в Англии настроениях они едва ли могли получить иным путем. Общая его сумма, по подсчетам самих шотландцев, доходила до 2 000 000 фунтов, поскольку со времени вступления их армии на английскую территорию законное жалованье выплачивалось ей крайне нерегулярно. И хотя отсюда следовало вычесть собранные шотландцами контрибуции, а также стоимость их вольных постоев, сумма, на которую они претендовали, и в этом случае оставалась весьма значительной. В конце концов, после долгих переговоров стороны решили, что шотландцы, отказавшись от прочих своих требований, должны будут получить 400 000 фунтов; половину сразу же, а вторую — впоследствии, двумя взносами[338].

Шотландцы из всех сил старались создать впечатление, будто оценка суммы английского долга и его уплата никак не связаны с выдачей короля (и англичане лицемерно подыгрывали их притворной деликатности), однако здравый смысл заставляет нас видеть здесь одну и ту же сделку. Совершенно очевидно, что не будь англичане заранее уверены в том, что

получат короля, они бы никогда не расстались со столь крупной суммой; согласившись на подобную меру, они ослабили самих себя и в то же время усилили нацию, с которой впоследствии им предстояло вести спор по весьма важному вопросу.

Так шотландская нация подверглась (и до сих пор подвергается, ибо столь позорные пятна смыть нелегко) обвинению в том, что она продала своего короля и изменила своему государю ради денег. Напрасно шотландцы возражали, что на эту сумму, как на законное вознаграждение за прежние услуги, они имели бесспорное право; что в их тогдашнем положении любая иная мера была бы крайне безрассудной или даже явно для них гибельной; что хотя они и выдали короля в руки его открытых врагов, сами они являлись его открытыми врагами ничуть не в меньшей степени, чем те, кому он был передан; и что именно общая ненависть к Карлу долгое время служила основой для их тесного союза с англичанами. На это шотландцам всякий раз отвечали, что к столь постыдному средству они прибегли лишь для того, чтобы, как наемники, получить свою плату; и что, без всяких причин подняв оружие против собственного государя, неизменно относившегося к ним с нежной любовью и заботой, они вполне заслуженно оказались в положении, из которого уже нельзя было выпутаться, не совершив позорного или неразумного поступка.

Шотландский парламент столь живо чувствовал всю низость этой сделки, что однажды даже постановил требовать от англичан освобождения короля и гарантий безопасности для его особы. Но тут вмешалась генеральная ассамблея духовенства, объявившая, что поскольку король отказался принять ковенант (чего от него весьма настойчиво требовали), то благочестивым людям отнюдь не подобает заботиться о его дальнейшей судьбе. После этой декларации парламенту не оставалось ничего другого, как отменить свое постановление[339].

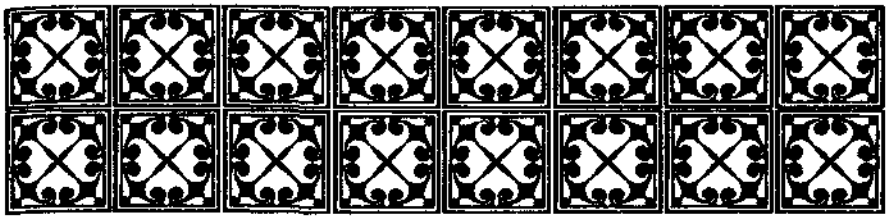
Вышло так, что известие об окончательном решении шотландцев выдать его английскому парламенту король получил в тот момент, когда играл в шахматы[340]. Столь изумительным было самообладание короля, что он даже не прервал партию, и никто из присутствующих не догадался, что в прочитанном им письме заключались какие-то важные новости. Английские комиссары, явившиеся через несколько дней, чтобы взять его под свою охрану, были допущены к руке монарха; Карл встретил их так весело и любезно, как будто они приехали лишь затем, чтобы искать его милостей. Король, в частности, порадовался крепкому здоровью одного из комиссаров, старого графа Пемброка[387], поздравив его с тем, что он все еще способен в подобное время года совершать столь дальние путешествия в обществе стольких молодых людей.

ШОТЛАНДЦЫ ВЫДАЮТ КОРОЛЯ. 1647

После того как шотландцы передали короля английским комиссарам, он был отправлен под конвоем в замок Холденби, графство Нортгемтоншир. Окрестные жители, движимые отчасти любопытством, отчасти состраданием и любовью, толпами стекались к дороге, чтобы увидеть короля. Если и были среди них такие, кто по-прежнему таил против Карла злобу, то при нынешних его обстоятельствах они хранили молчание, тогда как его доброжелатели, более великодушные, чем осторожные, сопровождали переезд короля в Холденби слезами, громкими приветствиями и молитвами о его спасении[341]. Кажется даже, что этот всплеск всеобщего сочувствия к добродетельному и несчастному государю оживил в среде простого народа старинное суеверие, согласно которому прикосновение королевской руки исцеляет от золотухи.

Парламентские комиссары сделали условия его заключения в Холденби чрезвычайно суровыми: уволили его старых слуг, не позволяли принимать гостей, лишили всякого общения с друзьями и семьей. Несмотря на весьма настойчивые просьбы короля, парламент отказался допустить к Карлу его капелланов, ссылаясь на то, что они не приняли ковенант; Карл, в свою очередь, отказался посещать службу, совершавшуюся по новому «Наставлению», поскольку этот вид богослужения еще не был им утвержден[342], — до такой степени дошло религиозное рвение обеих сторон, в столь бедственное и безумное состояние ввергло оно короля и народ!

В то время, когда король находился в расположении шотландской армии в Ньюкасле, умер граф Эссекс, уволенный со службы, но по-прежнему весьма влиятельный и популярный парламентский военачальник. При тогдашних обстоятельствах смерть его стала несчастьем для всей нации. Ясно видя, до каких крайностей уже дошли противоборствующие партии, сознавая, что в будущем приходится ожидать еще более тяжелых последствий, Эссекс твердо решил добиваться мира с королем, чтобы, насколько возможно, исправить все то зло, которому он сам, скорее по искреннему заблуждению, нежели из каких-либо дурных намерений, в немалой степени способствовал своими действиями. Его кончина серьезно ослабила пресвитериан, или умеренную партию в палате общин, а жалкие остатки влияния, которые все еще сохраняла палата пэров, были теперь в известном смысле совершенно уничтожены[343].



Глава XV

Бунт в армии. — Джойс захватывает короля. — Армия выступает против парламента. — Армия подчиняет себе парламент. — Бегство короля на остров Уайт. — Вторая гражданская война. — Вторжение из Шотландии. — Переговоры в Ньюпорте. — Разгром шотландцев и подавление роялистских восстаний. — Армия вновь захватывает короля. — Чистка нижней палаты. — Суд над королем. — Его казнь. — Его характер.

Владычество парламента оказалось недолгим: едва подчинил он себе своего господина, как против него восстали собственные слуги и свергли его с шаткого престола. После того как священные границы законов были нарушены, для диких замыслов властолюбия и фанатизма уже не осталось никаких преград, и каждый новый переворот превращался теперь в прецедент для последующего.

По мере того как исчезал страх перед королем, разногласия между индепендентами и пресвитерианами становились день ото дня все более очевидными, и люди, занимавшие прежде нейтральную позицию, в конце концов принуждены были искать убежища в одной из этих партий. Вместо умерших или исключенных за верность королю в парламент было избрано много новых членов, однако пресвитериане по-прежнему составляли большинство в палате общин; к этой же партии причисляли всех пэров, кроме лорда Сэя. Индепенденты, которые пользовались поддержкой мелких сект, явно преобладали в армии, а войска «нового образца» были всецело заражены духом религиозного исступления. Именно на их содействие и рассчитывали главным образом индепенденты из нижней палаты, задумавшие взять верх над своими противниками в парламенте.

Вскоре после ухода из Англии шотландцев пресвитериане, видя, что все вокруг приведено к покорности, повели речь о сокращении армии и под предлогом облегчения лежавшего на государстве бремени задумали нанести смертельный удар враждебной партии. Крупный корпус под начальством Скиппона и Массея они решили отправить в Ирландию, открыто при этом заявив о своем намерении резко уменьшить прочие военные силы[344]. Поговаривали даже, будто пресвитериане, желая вернуть

себе господство, которое они утратили, опрометчиво согласившись на создание армии «нового образца», предполагают сформировать еще одну «новую модель»[345].

Но служба в Ирландии — дикой и варварской стране, опустошенной после недавней гражданской смуты и страшной резни, — армию не слишком привлекала; еще меньше хотелось солдатам расходиться по домам, отказавшись от жалованья, которое заработали они, пройдя через тяготы и опасности войны, и теперь надеялись использовать в мире и покое. А большую часть офицеров — выходцев из низов общества — в случае отставки не ожидало ничего другого, кроме прозябания в прежней безвестности и нищете.

Эти мотивы личного интереса приобретали новую силу и становились еще более опасными для парламента под действием особого религиозного духа, которым была тогда охвачена вся армия. На большинство людей, воспитанных в благоустроенном цивилизованном обществе, чувства стыда, долга и чести оказывают весьма существенное влияние, так или иначе уравновешивая и умеряя их чисто эгоистические побуждения, но овладевший парламентскими войсками религиозный фанатизм привел к тому, что эти благородные принципы утратили свой авторитет, и в них стали видеть простые человеческие выдумки или даже моральные принципы, пригодные скорее для язычников, чем для христиан[346]. Мнимый праведник, подчинивший свою волю, как он воображал, руководству высшей силы, полагал себя в полном праве удовлетворять любые свои желания и страсти, прикрытые теперь удобной личиной благочестивого рвения. Поразительным образом извращая человеческий ум, этот религиозный энтузиазм, совершенно невосприимчивый к действию морали, расшатывал все ее узы, а потому эгоизм и властолюбие, столь свойственные людям от природы, получали полный простор и даже прямое оправдание.

Духовная гордыня, весьма характерная для ложного благочестия, еще сильнее толкала этих исповедников в мундирах к неповиновению законным властям. «Мы не какие-нибудь янычары, — восклицали они, — мы не наемники, завербовавшиеся на военную службу ради жалованья, которых те, кто им платит, могут распустить по первому своему желанию[347]. Религия и свобода — вот что побудило нас взяться за оружие, и мы имеем высшее право позаботиться о том, чтобы эти бесценные блага, завоеванные нашей кровью, были надежно гарантированы и для будущих поколений». По тому же праву, по какому «людьми благочестивыми» или «избранниками Божьими»[348] назвали себя некогда в пику роялистам пресвитериане, теперь эти пышные титулы, желая противопоставить себя пресвитерианам, присвоили индепенденты и стали притязать на все преимущества и весь авторитет, с ними связанные.

Зная о существовании двух партий в палате общин, слушая рассказы о том, что большинство палаты враждебно армии и лишь меньшая часть ее поддерживает, солдаты, как и следовало ожидать, не оставшиеся равнодушными к этому опасному различию, страстно желали обеспечить пре-

восходство своим сторонникам. Любые тяготы и лишения, пусть даже совершенно неизбежные, они приписывали сознательному умыслу причинить вред армии и, видя в них следствие злобы и коварства своих противников, бурно негодовали.

Несмотря на огромные средства, поступавшие в казну благодаря налогам, пошлинам, секвестрам и композициям, парламент задолжал армии весьма значительную сумму: многие рядовые и офицеры недополучили жалованья почти за двенадцать месяцев. Армия подозревала здесь коварную уловку, к которой умышленно прибег парламент, чтобы вынудить ее жить вольным постоем и, сделав ненавистной для обывателей, воспользоваться этим недовольством как предлогом для ее роспуска. Видя же, как стремительно обогащаются те члены палат, которые заняты в парламентских комитетах или на государственных должностях, солдаты громко обвиняли их в казнокрадстве и в ограблении народа. А поскольку никакого плана в отношении выплаты задолженности общины так и не предложили, то солдаты опасались, что после того, как они будут распущены по домам или отправлены в Ирландию, их враги, господствующие в обеих палатах, обманом лишат их всех законных прав и смогут притеснять их с полной безнаказанностью.

БУНТ В АРМИИ

По этой причине (или под этим предлогом) и начались в войсках первые волнения. В частях пошла по рукам петиция к главнокомандующему Ферфаксу, содержавшая следующие требования: освобождение от ответственности за любые незаконные действия, совершенные солдатами в ходе войны (причем этот акт должен был утвердить сам король); ликвидация задолженности, свобода от принудительных наборов, пенсии вдовам и увечным солдатам, выплата жалованья вплоть до роспуска[349]. Общины, прекрасно сознававшие, из каких горючих материалов состоит армия, были чрезвычайно встревожены этим известием. Они понимали, что подобный заговор, если не подавить его в зародыше, непременно приведет к опаснейшим последствиям и, в конце концов, возвысит военную власть над гражданской. Нескольких офицеров палата призвала к ответу за эти дерзкие действия, а кроме того, немедленно постановила (30 марта), что данная петиция есть попытка толкнуть армию к мятежу, навязать условия парламенту и воспрепятствовать отправке подкреплений в Ирландию; тех же, кто ее поддерживает, палата грозилась привлечь к суду как врагов государства и нарушителей общественного спокойствия[350]. Эта декларация, которую можно счесть слишком резкой, так как у армии имелись известные причины для недовольства, произвела роковое действие. Солдаты пришли в негодование. «Нас лишают прав, которыми пользуются все англичане, — громко возмущались они, — нам не позволяют даже пода-

вать жалобы, петиции против армии, поступающие из Эссекса и других графств, открыто поощряются, нам же в это время затыкают рты; нас, солдат, завоевавших свободу для всей нации, какая-то клика в парламенте обрекает теперь на ужаснейшее рабство».

В таком настроении нашли армию Уорик, Дакр, Массей и другие комиссары, присланные из Лондона с предложением поступать на службу в ирландский корпус[351]. Но большинство не пожелало в него записываться, солдаты протестовали против предложенных парламентом условий, добивались акта об амнистии, шумно требовали выплаты задолженности, и хотя открытого недовольства Скиппоном (которого палаты назначили командующим ирландской армии) они не выражали, было ясно, что гораздо сильнее им хотелось бы служить под начальством Ферфакса и Кромвеля[352]. Правда, в ирландский корпус поступило несколько офицеров-пресвитериан, однако лишь немногих солдат удалось им уговорить последовать за собой. А так как всех этих офицеров жестоко упрекали в том, что они бросили армию и предали своих товарищей, то прочие офицеры, участники ранее составленного заговора, еще тверже укрепились в своих намерениях[353].

Петиции и ремонстрации были самым безопасным способом вести заговор, а потому около двухсот офицеров подписали обращение к парламенту, в котором они чрезвычайно надменным тоном приносили извинения за случившееся, отстаивали свое право подавать петиции и выражали недовольство обвинениями, выдвинутыми против них в последней декларации нижней палаты[354]. В свою очередь, рядовые нескольких полков направили письмо Скиппону, в котором, повторив претензии офицеров, они выразили возмущение коварными интригами, ведущимися против армии и многих «божьих людей», и открыто заявили, что не пойдут служить в Ирландию до тех пор, пока не будут удовлетворены их справедливые требования и законные желания[355]. Одним словом, армия почувствовала свою силу и решила захватить власть.

Парламент, со своей стороны, решил отстаивать свое владычество до последней возможности, однако ему, лишенному реальной силы и почти полностью утратившему прежний авторитет, нелегко было отыскать средства, способные послужить этой цели. Мера, избранная парламентом теперь, была самой неудачной из всех, какие только можно было придумать. Скиппона, Кромвеля, Айртона и Флитвуда [388] палаты отправили в главную квартиру в Саффрон-Уолдоне, графство Эссекс, поручив им передать предложения парламента и расследовать причины *беспорядков* в войсках (7 мая). Но эти самые генералы, по крайней мере трое последних, были тайными зачинщиками всех волнений, и не преминули еще сильнее разжечь смуту, которую взялись якобы усмирять. По их совету был предпринят шаг, который сразу же довел дело до крайностей и сделал болезнь мятежа неизлечимой.

В противовес Вестминстерскому парламенту был создан парламент военный. Помимо совета высших офицеров, составленного по образцу па-

латы лордов, был сформирован более свободный представительный орган армии, в который каждая рота и эскадрон избирали под именем «агитаторов» по два младших офицера или рядовых[356]. Таким образом получила удовлетворение всеобщая страсть к сочинению проектов воображаемых государственных устройств, столь характерная для эпохи, в то же время был изобретен удобный способ тайно поддерживать и распространять в армии дух мятежа.

Собравшись на свое первое заседание, этот грозный совет объявил, что никаких *беспорядков* в армии он не обнаруживает, зато находит у нее немало *причин для недовольства*, после чего немедленно постановил считать предложения парламента неудовлетворительными. «Парламент, — говорили члены армейского совета, — пообещал нам жалованье только за восемь недель, а это лишь малая часть тех пятидесяти шести, расчета за которые требуем мы с полным правом; никаких ясных гарантий выплаты оставшейся суммы долга мы не получили; наконец, общины объявили нас врагами государства, и если не отменить данную декларацию, то в будущем мы можем подвергнуться по этой причине судебному преследованию»[357]. Прежде чем дела успели зайти так далеко, Кромвель спешно отправился в Лондон для того якобы, чтобы сообщить парламенту о растущем недовольстве армии.

Парламент сделал еще одну энергичную попытку употребить власть: он постановил, что все части, не вошедшие в состав ирландской армии, подлежат немедленному роспуску на своих квартирах[358]. В это же время армейский совет назначил сбор всех полков, чтобы принять меры для защиты общих интересов армии. Готовясь таким образом к столкновению с парламентом, армия нанесла удар, который сразу же решил исход борьбы в ее пользу.

ДЖОЙС ЗАХВАТЫВАЕТ КОРОЛЯ

К замку Холденби прибыл отряд из пятисот кавалеристов под командой некоего Джойса, который по прежнему своему ремеслу был портным, а теперь дослужился до чина корнета и стал одним из деятельных армейских агитаторов. Не встретив сопротивления со стороны охраны, всецело ему сочувствовавшей, Джойс, вооруженный пистолетами, явился в королевские покои (3 июня) и сказал Карлу, что тот должен немедленно ехать с ним. *Куда?* — спросил король. — *В армию,* — отвечал Джойс. — *По какому полномочию?* Тут Джойс показал на солдат, которых он привел с собой, высоких, статных, отлично снаряженных молодцов. *Ваши полномочия,* — заметил Карл, улыбаясь, — *написаны удивительно четкими буквами и читаются без всякого труда*[359]. Между тем в комнату вошли парламентские комиссары; они спросили Джойса, имеются ли у него приказания от парламента. *Нет.* — А от главнокомандующего? — *Нет.* —

Кто же уполномочил вас сюда явиться? Он ответил им то же, что и королю. — *Мы напишем парламенту, чтобы узнать его волю.* — *Как вам будет угодно,* — ответил Джойс, — *но король должен ехать со мной немедленно.* Сопротивление было бесполезным. Король пытался тянуть время как можно дольше, но в конце концов сел в свою карету и был благополучно доставлен в расположение армии, которая спешила на общий смотр в Трипло-Хис, близ Кембриджа. Парламент, узнав об этом событии от своих комиссаров, пришел в величайший ужас[360].

Появление короля в армии стало не меньшей неожиданностью и для самого Ферфакса. О дерзком акте, который совершил Джойс, главнокомандующему не сообщили; приказы отдавались исключительно в устной форме, и теперь никто из офицеров не признавал себя их автором. Все они изображали крайнее изумление, но тут из Лондона прибыл Кромвель, истинный вдохновитель и организатор этого предприятия, и положил конец их нерешительности.

Этот смелый и искусный заговорщик вел себя в парламенте с таким изощренным лицемерием и невероятным притворством, что ему долго удавалось обманывать тех людей, которые, сами будучи большими мастерами в подобного рода интригах, должны были, казалось, относиться к другим с особой подозрительностью. Каждое известие о беспорядках в армии повергало Кромвеля в глубочайшую скорбь и негодование. Он принимался горько рыдать, оплакивал бедствия своей родины, убеждал прибегнуть для подавления мятежа к самым суровым мерам; этими неосторожными советами он, как можно было подумать, доказывал совершенную свою искренность, но в то же время еще сильнее разжигал недовольство, предполагая воспользоваться им в собственных интересах. Безграничная преданность парламенту, клялся Кромвель, призывая в свидетели небо и землю, сделала его столь ненавистным для армии, что, находясь в войсках, он подвергает свою жизнь величайшей опасности, а однажды ему лишь чудом удалось избежать смерти от рук заговорщиков, замышлявших его убить. Но получив сведения о том, что самые деятельные агитаторы и офицеры являются его верными ставленниками, парламентские вожди тайно решили, что на следующий же день, когда Кромвель придет в палату, против него будет возбуждено обвинение, а сам он будет заключен в Тауэр[361]. Кромвель, который в дерзких своих предприятиях нередко приближался к самому краю гибели, в нужный момент умел ловко и смело увернуться в сторону. Узнав о замыслах палаты, он поспешил в расположение армии, где был принят с восторгом и тотчас же облечен высшими командными полномочиями.

Ферфакс, не обладавший талантами интригана сам и не слишком проницательный, чтобы замечать чужие интриги, всецело доверился Кромвелю, который, используя благовиднейшие предлоги, изображая совершенную искренность и самую щепетильную совестливость, сумел обмануть этого храброго и честного, но мягкого по характеру человека. Через армейский совет, руководившийся исключительно лишь его внушениями,

он подчинил своей воле всю армию Благодаря чрезвычайно ловкому и искусному образу действий он достиг теперь такого положения, при котором мог с успехом скрывать свои замыслы от чужих глаз, и когда казалось, что он лишь подчиняется приказам своего непосредственного начальника или уступает напору солдатской массы, Кромвель незаметно прокладывал путь к будущему своему могуществу Пока беспорядки в армии еще только зарождались, Кромвель предпочитал держаться в стороне — из опасения, что его притворное недовольство может обескуражить солдат, а тайная поддержка — внушить подозрения парламенту Но едва бунт вполне созрел, как Кромвель открыто присоединился к войскам, именно в этот переломный момент он и нанес решающий удар, захватив особу короля и лишив тем самым парламент всякой возможности прийти к соглашению с Карлом Одно забрало шлема, скрывавшего истинное его лицо, было теперь отброшено, но оставалось другое Там, где нужно было выжидать, он обнаруживал изумительное терпение, когда же обстоятельства требовали быстроты, он принимал решение мгновенно И таким образом, соединяя в своем характере самые разнородные таланты, он мог заставить служить своим тайным замыслам самые противоположные интересы

АРМИЯ ВЫСТУПАЕТ ПРОТИВ ПАРЛАМЕНТА

Парламент, хотя и беззащитный в настоящую минуту, все еще располагал значительными средствами и со временем мог получить возможность с успехом противостоять угрожавшему ему насилию А потому Кромвель без всякого промедления двинул против него армию и уже через несколько дней был в Сент-Олбансе

Ничто не могло вызвать в стране большего сочувствия, чем те враждебные действия, которые начала против парламента армия Собрание это превратилось теперь в предмет всеобщей ненависти и отвращения в такой же степени, в какой прежде было для нации идолом

Ордонанс о самоотречении исполнялся лишь до тех пор, пока не подали в отставку Эссекс, Манчестер, Уоллер и другие офицеры этой партии, после чего с общего молчаливого согласия его тотчас же отложили в сторону, и члены парламента, распределив между собой все важные и доходные должности, продолжили безнаказанно угнетать беззащитную нацию Хотя для многих принятых ими мер могла послужить оправданием жестокая необходимость, народ, совершенно не приученный к подобному образу правления, не был склонен проявлять надлежащую снисходительность.

Прежние монархи никогда не могли добиться от своих ревниво-подозрительных парламентов даже 100 000 фунтов субсидий в год, и англичане меньше всех европейских наций привыкли нести бремя налогов, но этот парламент за пять лет с начала войны собрал, по некоторым све-

дениям, более сорока миллионов[362], однако имел долги, считавшиеся по тем временам громадными. Даже если признать эти цифры сильно преувеличенными, какими они, вероятно, и являются[363], остается несомненным, что пошлины и налоги были тогда гораздо выше, чем в любой прежний период английской истории, и эта всеобщая склонность к преувеличениям служит, по крайней мере, ясным доказательством всеобщего недовольства.

Но то, как парламент распоряжался этими средствами, вызывало в народе не меньше возмущения, чем самый их сбор. Члены парламента, как утверждают[364], совершенно открыто присвоили себе 300 000 фунтов и поделили их между собой. Комитеты, которым было поручено управление различными статьями государственных доходов, никогда за свои действия не отчитывались, имея полную возможность утаивать какие угодно суммы казенных денег[365]. Число отдельных доходных статей было без всякой необходимости умножено с тем, чтобы запутать общую картину состояния государственных финансов, разделить выгоды между бо́льшим числом членов и скрыть хищения, в которых подозревала парламент вся нация[366].

Метод ведения отчетности, применявшийся в прежнем казначействе, *являлся, по общему мнению, самым точным, самым древним,* самым известным и надежнее всего застрахованным от мошенничества. По этой причине казначейство было упразднено, а управление государственными доходами передано особому комитету, действовавшему совершенно бесконтрольно[367].

Акциз, этот ненавистный налог, прежде нации неведомый, был теперь распространен на продукты питания и предметы первой необходимости. Почти половина всей недвижимости в королевстве и не менее половины земельной собственности, рент и прочих доходов подверглись секвестру. Многим роялистам было отказано во всякой возможности спастись от секвестра, остальные могли его избежать лишь уплатив крупный штраф и подписав ненавистный им ковенант. Сожалея о горе и разорении стольких древних и уважаемых семейств, беспристрастные наблюдатели не могли в то же время не осуждать поразительную безжалостность парламента, с такой жестокостью каравшего за действия, которые закон, в его общепринятом и совершенно бесспорном истолковании, строго предписывал всем без исключения подданным английского короля.

Вполне естественно, что жестокие меры, принятые против епископального духовенства, также не оставили равнодушными роялистов, как, впрочем, и всех людей, рассуждавших непредвзято. По самым скромным подсчетам[368], более половины англиканских священников было лишено должностей и доведено до крайней нужды за одно-единственное преступление — верность политическим и религиозным принципам, в которых они были воспитаны, и преданность законам, с санкции которых они приняли духовное звание. Отречение от епископата и литургии и присяга ковенанту — только выполнение этих условий могло спасти их от столь

суровой судьбы, если же с их уст срывались слова, в которых можно было усмотреть малейший намек на «злонамеренность», как тогда говорили, или на сочувствие королю, беззаветно преданному интересам их сословия, то их лишали даже этого мучительного выбора. Особый, священный характер их сана, дающий обыкновенно духовным лицам такую власть над остальными людьми, казался теперь еще более возвышенным благодаря страданиям, которые терпели во имя своих убеждений эти доведенные до нищеты роялисты, а потому всеобщая ненависть к их гонителям становилась еще сильнее.

Но самое глубокое и повсеместное возмущение вызывали жестокая тирания и необузданный произвол комитетов графств. Пока шла война, дискреционные полномочия этих органов еще можно было оправдать ссылками на чрезвычайные обстоятельства, но теперь, когда стало ясно, что распускать комитеты или хотя бы ограничивать их власть никто не собирается, нация пришла в совершенное отчаяние. Комитеты могли налагать секвестр, подвергать штрафам, заключать в тюрьму, присуждать к телесным наказаниям, и от их беззаконных действий не существовало никаких средств судебной защиты. Члены комитетов вмешивались в отношения частной собственности, под предлогом преследования «малигнантов» [389] мстили своим личным врагам, людям же строптивым, а порой и вполне смирным они продавали свое покровительство за деньги. Так вместо одной Звездной палаты, уничтоженной актом парламента, появилось множество новых, опиравшихся в своих действиях на более благовидные предлоги и наделенных еще более неограниченной властью[369].

Если что-либо могло усилить возмущение тем рабством, в котором оказалась нация из-за слишком пылкого стремления к свободе, то это была мысль о высокопарных разглагольствованиях, которыми так долго дурачили народ. Святоши и лицемеры, называвшие свои притеснения «ограблением египтян» [390], а безжалостную суровость — «правлением избранных», все свои беззакония сопровождали долгими и пламенными молитвами и, скрывая краску стыда за ужимками ложного благочестия, именем Бога совершали все свои акты жестокости по отношению к людям. Откровенное насилие еще можно было простить, но столь наглое издевательство над разумом, столь циничное злоупотребление религией вызывали у всех понимающих людей особое негодование.

Сознавая упадок своего влияния и видя, как надвигается на него грозная военная сила, парламент впал в отчаяние. Он понял, что все имевшиеся у него средства в нынешних крайних обстоятельствах совершенно недостаточны. Лондон по-прежнему сохранял искреннюю преданность пресвитерианству, и его милиция, весьма многочисленная и снискавшая себе высокую репутацию в ходе войны, недавним ордонансом была передана в руки тех, на кого парламент мог положиться вполне. Теперь ее вновь мобилизовали и отправили охранять укрепления, сооруженные в свое время вокруг Лондона для защиты от армии короля. Кроме того, было приказано срочно набрать отряд кавалерии. Свои услуги парламенту пред-

ложили многие офицеры, уволенные еще при создании армии нового образца. На севере Англии стоял пятитысячный корпус генерала Пойнтза, сторонника пресвитерианской партии, но он был слишком далеко, чтобы его можно было использовать в обстоятельствах, требовавших незамедлительных действий. Войска, назначенные для отправки в Ирландию, располагались на западе, но хотя их считали верными парламенту, они также были слишком удалены от столицы. Многими гарнизонами во внутренних графствах командовали офицеры-пресвитериане, но их части, разбросанные на обширной территории, в настоящий момент не могли принести никакой пользы. Верными союзниками были шотландцы, ревностные сторонники ковенанта и пресвитерианской церкви, но для того чтобы собрать силы и выступить на помощь парламенту, им требовалось слишком много времени.

В этих условиях парламент счел более благоразумным подчиниться, попытавшись успокоить гнев разъяренной армии уступками. Декларация, в которой армейские петиционеры объявлялись врагами государства, была отменена (8 июня), а ее текст изъят из протоколов палаты[370]. Это был первый знак покорности со стороны парламента, и армия, рассчитывая теперь добиться всех своих целей одними лишь угрозами, остановилась в Сент-Олбансе и вступила со своими господами в переговоры.

Так начались посягательства военной власти на права власти гражданской. Узурпируя полномочия парламента, армия в точности следовала тому примеру, который подал ей сам же парламент недавними своими покушениями на королевскую прерогативу.

С каждым днем армия шла в своих требованиях все дальше. Стоило парламенту удовлетворить одно, как у армии, твердо решившей не идти ни на какие компромиссы, тотчас же оказывалось наготове другое, еще более дерзкое и непомерное. Вначале армия требовала лишь права подачи петиций по вопросам, которые касались ее самой, затем ей понадобилось восстановить свое доброе имя, после чего ей нужно было наказать своих врагов[371], а в конце концов она заявила о своем праве определить всю систему государственного устройства и навести в стране порядок[372].

На словах армия сохраняла всевозможную почтительность и уважение к парламенту, на деле же оскорбляла его, грубо диктуя палатам свою волю. И теперь она обвиняла якобы не само это собрание, но лишь злонамеренных советчиков, коварно его обманывавших.

Армия дошла до того, что, назвав поименно одиннадцать членов (16 июня), в общих выражениях обвинила их в государственной измене как врагов армии и людей, подававших дурные советы парламенту. Это были Голлис, сэр Филипп Степлтон, сэр Уильям Льюис, сэр Джон Клотуорти, сэр Уильям Уоллер, сэр Джон Мейнард, Массей, Глинн, Лонг, Харли и Николас[373]. Именно эти лица являлись вождями пресвитерианской партии.

Армия потребовала, чтобы их немедленно исключили из парламента и бросили в тюрьму[374]. Общины возразили, что не могут заходить так дале-

ко на основании неопределенных обвинений[375]. Армия заметила, что прямыми прецедентами для этого являются процессы Страффорда и Лода[376]. Наконец сами одиннадцать членов, не желая подавать повод к раздорам, попросили разрешения оставить палату, и армия, как можно было подумать, на время удовлетворилась этим знаком покорности[377].

Утверждая, будто парламент намеревался развязать против нее войну и снова ввергнуть нацию в смуту и кровопролитие, армия потребовала прекратить все новые наборы. Парламент исполнил это требование[378].

Никаких признаков сопротивления не обнаруживалось, и потому армия по просьбе парламента отошла для виду чуть дальше от Лондона, устроив свою главную квартиру в Ридинге. При всех своих передвижениях она брала с собой короля.

Государь находился теперь в лучших, чем в Холденби, условиях, и в несколько большей степени пользовался свободой, равно как и уважением со стороны обеих партий.

К королю допускали всех его друзей, не препятствовали его переписке с королевой; Карлу вернули его капелланов, которым позволили совершать литургию, а однажды разрешили встретиться с детьми, и те провели несколько дней в Кавершеме, где он тогда находился[379]. Герцога Глостерского, своего младшего сына, и принцессу Елизавету он не видел с тех пор, как в самом начале гражданской смуты оставил Лондон[380], а герцога Йоркского — после того, как отправился в шотландский лагерь под Ньюарком. Ни один обыкновенный человек, не знакомый с удовольствиями двора и суматохой военного лагеря, не любил свое семейство так страстно, как этот превосходный государь, и потому подобная снисходительность со стороны армии доставила Карлу громадную радость. Кромвель, присутствовавший при встрече членов королевской фамилии, признавался, что никогда еще не был свидетелем столь трогательной сцены, с величайшей похвалой отзываясь о той доброте, которая обнаруживалась во всем поведении и характере Карла.

Этот ловкий мастер политической интриги, как и вожди всех партий, искал тогда расположения монарха, и казалось, что фортуна вновь улыбается Карлу, несмотря на все его несчастья. Парламент, опасаясь, как бы король не вошел в особое соглашение с армией, заговорил с ним более почтительным, чем прежде, тоном, предложив ему поселиться в Ричмонде и помочь делу умиротворения нации. Высшие офицеры относились к Карлу с уважением и без конца твердили о необходимости вернуть королю все его законные права и прерогативы. В публичных своих декларациях армия требовала точно установить объем его власти и размер доходов[381]. По всей Англии роялисты питали надежды на реставрацию монархии, а их расположение к армии сильнейшим образом обескураживало парламент, побуждая его к покорности.

Сам король начал чувствовать свое значение. Чем глубже страна погружалась в анархию, тем тверже верил он в то, что рано или поздно все партии прибегнут к его законной власти как единственному спасению от

гражданской междоусобицы. *Вам без меня не обойтись,* — не однажды повторял король, — *без моей помощи вы не сможете умиротворить нацию.* Народ без правительства и без свободы, парламент без авторитета, армия без законного господина, повсеместные страхи, притеснения, беспорядки и раздоры — зрелище подобной смуты, которая не может длиться вечно, заставит всех англичан, надеялся король, вспомнить о древнем образе правления, при котором они сами и их предки так долго наслаждались покоем и благополучием.

Хотя Карл охотно выслушивал любые предложения, надеясь стать арбитром в споре враждующих партий, он больше рассчитывал на соглашение с армией. Король уже испытал на себе крайнюю суровость парламента: последний вознамерился совершенно уничтожить его власть и подверг заключению его особу. Армия же в обоих этих вопросах выказала больше мягкости[382]. Теперь Карл мог свободно общаться со своими друзьями, а в тех предложениях относительно умиротворения нации, которые делали члены Совета офицеров, они не настаивали ни на упразднении епископата, ни на наказании роялистов — пунктах, для короля в высшей степени ненавистных; к тому же офицеры требовали роспуска нынешнего парламента, чего страстно желал сам король.

Союз короля с генералами представлялся более естественным, чем его соглашение с собранием узурпаторов, дерзко присвоивших верховную власть в государстве и прямо заявивших о своей решимости никому ее не отдавать. Вознаградив нескольких лиц титулами и высокими должностями, Карл надеялся привлечь на свою сторону всю военную власть и таким образом быстро возвратить себе гражданские полномочия. Айртону он обещал пост наместника в Ирландии, Кромвелю — орден Подвязки, титул графа Эссекса и звание главнокомандующего. На сей счет велись тайные переговоры. Кромвель проявлял интерес к подобным предложениям: он рад был оставить для себя открытым путь к соглашению с королем на тот случай, если развитие событий сделает его необходимым. А король, которому даже в голову не приходило, чтобы у какого-нибудь человека, рожденного на свет простым дворянином, могло возникнуть дерзкое желание завладеть скипетром, принадлежавшим стольким монархам, попрежнему надеялся, что Кромвель в конце концов сделает то, к чему его, казалось, побуждали все мыслимые мотивы долга, выгоды и безопасности.

Обольщая короля подобными надеждами, Кромвель продолжал осуществлять свой замысел — привести парламент к покорности, лишив его всех средств к сопротивлению. Чтобы удовлетворить армию, палаты назначили Ферфакса главнокомандующим всеми вооруженными силами в Англии и Ирландии, вручив таким образом всю военную власть человеку, который хотя и был готов верно им служить, уже не мог распоряжаться самим собой.

Парламент, далее, постановил, что те части, которые — исполняя его же предписания — оставили мятежную армию и записались в ирландский корпус, должны быть немедленно распущены, иначе говоря, наказаны за

свою верность. Расквартированный на севере отряд Пойнтза уже успел взбунтоваться против своего генерала и войти в сговор с теми войсками, которые столь успешно использовались для того, чтобы возвысить военную власть над властью гражданской[383].

Желая отнять у парламента последнюю опору, армия потребовала сменить командование лондонской милиции, то есть убрать комиссаров-пресвитериан и возвратить начальство над милицией тем, кому принадлежало оно в течение всей войны. Парламент исполнил и это дерзкое требование и, повинуясь воле армии, принял соответствующее постановление[384].

Своим безграничным терпением парламент рассчитывал выиграть время в нынешних затруднительных обстоятельствах, надеясь, что впоследствии ему еще представится благоприятная возможность восстановить свою власть и авторитет, но крайнее нетерпение лондонцев погубило все плоды его осторожных мер. Толпа подмастерьев и буйной черни явилась в Вестминстер с петицией против смены командования милицией (20 июня); окружив палату общин, она своим шумом, криками и прямым насилием заставила ее отменить совсем недавно принятое решение. Добившись своего, толпа тотчас же рассеялась, и парламент вновь получил свободу действий[385].

Как только известия об этих беспорядках достигли Ридинга, войска пришли в движение. Армия заявила, что, поскольку обе палаты подвергаются ныне насилию, она намерена выступить против мятежных горожан, дабы защитить попранные права парламента и вернуть этому собранию законную свободу дебатов и совещаний. На пути к Лондону армия устроила общий смотр в Ханслоу-хите, где эта грозная сила численностью в двадцать тысяч бойцов приняла твердое решение исполнить любые приказы своих генералов, невзирая на все законы и права. Здесь же произошло одно чрезвычайно выгодное для армии событие, побудившее ее ускорить марш на столицу. Спикеры обеих палат Манчестер и Лентал, вместе с восемью пэрами и примерно восемьюдесятью коммонерами, тайно оставив Лондон, прибыли в Ханслоу-хит с жезлами и прочими символами своего достоинства; жалуясь на учиненное над ними насилие, они обратились к армии за покровительством и защитой. Их встретили громкими приветствиями, им оказали почести как парламенту Англии, и армия, получив теперь столь благовидный предлог для своих действий (а это во всех общественных делах чрезвычайно важное обстоятельство), выступила в поход, чтобы покарать мятежный город и восстановить попранные права парламента[386].

Ни Лентал, ни Манчестер индепендентами не считались, и подобный шаг с их стороны был весьма неожиданным. Но они, вероятно, предвидели, что армия в конце концов возьмет верх, и желали заранее снискать расположение той власти, которая уже становилась в государстве преобладающей.

Парламент, которого ход событий вынудил отказаться от выжидательной тактики, поставив перед жестоким выбором — либо немедленно ка-

питулировать, либо бороться за свою власть и свободу, — решил оказать сопротивление насильственным действиям армии и начал энергично готовиться к обороне. Палаты тотчас же избрали новых спикеров — лорда Хандсона и Генри Пэлхэма, подтвердили свои прежние распоряжения о наборе войск, назначили их командующим Массея и приказали частям милиции занять укрепленную линию вокруг города — в общем, весь Лондон, оглашенный шумом военных приготовлений, пребывал в чрезвычайном возбуждении[387].

Когда поступали сообщения о том, что армия остановилась или отошла, по улицам неслись радостные возгласы горожан *Один за всех и все за одного!* Когда же пришло известие, что она вновь наступает, крики *Переговоры и капитуляция!* зазвучали столь же громко и неистово[388]: робких обывателей охватил страх перед всеобщим грабежом или даже поголовной резней.

АРМИЯ ПОДЧИНЯЕТ СЕБЕ ПАРЛАМЕНТ

Когда армия подошла к Лондону, Рейнсборо, переправившись по приказу главнокомандующего через Темзу, появился перед укреплениями Саутуорка и был радостно встречен солдатами, которым велено было их защищать: они не пожелали отделять свои интересы от интересов армии. Теперь парламенту не оставалось ничего другого, как покориться. Армия прошла торжественным маршем через Сити; при этом, однако, солдаты сохраняли строжайший порядок, держались благопристойно и имели чрезвычайно смиренный вид. Они препроводили в Вестминстер обоих спикеров, и те заняли свои места, как будто ничего особенного не случилось. Одиннадцать обвиненных членов, объявленных зачинщиками беспорядков, были исключены из парламента и в большинстве своем уехали на континент; семи пэрам предъявили обвинение в государственной измене; лорд-мэр, один шериф и три олдермена [391] были отправлены в Тауэр; несколько горожан и офицеров милиции заключены в тюрьму; все постановления, принятые парламентом со дня мятежа и до возвращения спикеров, аннулированы; укрепления вокруг Лондона снесены; в Уайтхолле расквартировали солдат, и парламент, обращенный теперь по всей форме в самое настоящее рабство, назначил день торжественного молебна по случаю восстановления своей свободы[389].

Партия индепендентов в палате общин праздновала победу. Вся власть в стране, полагали индепенденты, находится теперь в их руках, и уже в скором будущем они смогут создать государственное устройство по образцу воображаемой республики, которая давно была целью их стремлений. Они тайно содействовали военной власти во всех ее посягательствах на права власти гражданской, рассчитывая страхом меча навязать упорствующей нации более совершенную систему свободы. Все партии — король, церковь, парламент, пресвитериане — впадали с начала смуты в те

или иные заблуждения, но следует признать, что именно иллюзии индепендентов и республиканцев наиболее поразительным образом противоречили здравому смыслу и непреложным законам политики. Однако вожди этой партии Вен, Финнз, Сент-Джон, Мартин [392] славились глубоким умом и тонкой изобретательностью больше, чем кто-либо другой в Англии, и своими благовидными заявлениями и лицемерными речами им удалось провести всю нацию. Таких людей сумел обмануть Кромвель, и это можно было бы счесть доказательством его выдающихся талантов, если не принимать в расчет, помимо громадного различия между истинной мудростью и темными коварными кознями, еще и то обстоятельство, что безудержная жажда власти и могущества даже самых предусмотрительных людей ослепляет обыкновенно настолько, что они уже не замечают опасных последствий тех мер, которые, как им кажется, хоть в какой-то степени способствуют их личному возвышению.

Подчинив своей власти парламент и Лондон, вожди армии решились перевести короля в Гемптон-Корт, и он прожил некоторое время в этом дворце, по видимости свободно и с подобающим его сану достоинством. Столь изумительным было природное самообладание Карла, что при всех поворотах судьбы, которые приходилось ему испытывать, в его поведении и выражении лица невозможно было заметить никаких перемен, и даже находясь в плену, в руках своих смертельных врагов, он держал себя со всеми окружающими с величием монарха, с привычной для него спокойной важностью, ничуть не большей и не меньшей, чем прежде. Его обхождение, вообще говоря, не слишком открытое и располагающее, теперь, благодаря особого рода невозмутимой кротости, стало казаться довольно любезным.

Парламент возобновил свои обращения к королю, направив ему те же условия, которые были представлены Карлу еще в Ньюкасле. Карл отказался их принять, выразив при этом желание, чтобы парламент рассмотрел предложения армии и именно их сделал основой национального примирения[390]. Он по-прежнему надеялся, что его переговоры с генералами увенчаются успехом, хотя в этом отношении дела с каждым днем принимали все более скверный оборот. Большинство историков полагает, что Кромвель никогда не был искренним в своих обещаниях и что, силой завладев особой короля, а лицемерными заявлениями добившись сочувствия роялистов, он использовал эти преимущества для того, чтобы подчинить себе парламент, а впоследствии помышлял лишь об установлении собственной неограниченной власти, совершенно несовместимой, как он думал, с реставрацией и даже с самой жизнью короля. Данному мнению, сильнейшим аргументом в пользу которого служат бешеное честолюбие и невероятное двуличие Кромвеля, охотно верят, хотя ограниченности человеческого ума и его неспособности проникать в смутное будущее больше соответствует предположение о том, что этим дерзким узурпатором всецело руководили события, а сам он еще не мог тогда сколько-нибудь определенно предвидеть, что впоследствии ему суждено достигнуть беспримерного могущества. Многие авторы той эпохи утверждают[391], что

Кромвель действительно намеревался пойти на соглашение с королем — меру, которая представлялась чрезвычайно выгодной с точки зрения его безопасности и дальнейший карьеры, — однако непреодолимым препятствием на его пути стало бешеное исступление армии, не желавшей и слышать ни о чем подобном. Уже много лет этим фанатикам искусно внушали ненависть и отвращение к Карлу, и хотя личный интерес всегда оказывался сильнее их принципов, с легкостью их искажая или обходя, требовалось все же какое-то благовидное оправдание, и предлагать солдатам то, что столь явно противоречило всем прежним декларациям и доктринам, было бы небезопасно. Известно, по крайней мере, что именно на это обстоятельство ссылался сам Кромвель, объясняя, почему он теперь реже принимает друзей короля и выказывает публично меньшую, чем прежде, благосклонность к делу монархии. Агитаторы, говорил он, сделали его ненавистным в глазах армии, представив в виде изменника, готового ради собственной выгоды продать дело Бога злейшему врагу религии и благочестия. К тому же, уверял Кромвель, в армии тайно составляются ужасные планы убийства короля, и он якобы сильно страшится, что весь его *авторитет и вся власть высших начальников не смогут удержать этих фанатиков* от их кровавых замыслов[392].

Каждый день Карлу доносили об угрозах со стороны агитаторов, и он начал подумывать о том, чтобы бежать из Гемптон-Корта и укрыться в каком-нибудь безопасном месте. Приставленная к нему охрана была теперь удвоена, к Карлу уже не впускали всех без разбора, в обращении с ним стало больше недоверчиво-подозрительной строгости — все это под предлогом ограждения короля от опасности, в действительности же — с целью смутить его и вывести из душевного равновесия в нынешних обстоятельствах. Вскоре эти хитрости привели к желаемому результату. Карл, по характеру своему склонный следовать чужим советам и именно в то время лишенный возможности получить хороший совет, внезапно принял решение бежать, хотя не имел с кем-либо согласованного, по крайней мере сколько-нибудь ясного и разумного, плана дальнейших своих действий. Сопровождаемый лишь сэром Джоном Беркли, Эшбернемом и Леггом [(395)], он тайно оставил Гемптон-Корт (11 ноября); бегство его открылось только час спустя, когда люди, вошедшие в покои короля, обнаружили на его столе письма, адресованные парламенту, главнокомандующему и одному офицеру, состоявшему при его особе[393]. Всю ночь он ехал лесом, а наутро прибыл в Тичфилд, поместье графа Саутгемптона, где жила тогда вдовствующая графиня; это была благородная женщина, и Карл знал, что может довериться ей без всякой опаски. Еще до прибытия в Тичфилд он направился к побережью, но корабль, которого он, судя по всему, ожидал, так и не появился, и король выразил по этому поводу величайшую досаду, из чего Беркли и Легг, не посвященные в тайные замыслы Карла, заключили, что первоначальным его намерением было бежать на континент.

БЕГСТВО КОРОЛЯ НА ОСТРОВ УАЙТ

Король не мог надеяться, что его пребывание в Тичфилде долго останется тайной; весь вопрос заключался в том, что делать дальше. Неподалеку лежал остров Уайт, комендантом которого был Гэммонд, человек, всецело преданный Кромвелю. По рекомендации последнего он смог жениться на дочери знаменитого Гемпдена, который при жизни был близким другом Кромвеля и чью память он всегда глубоко почитал. Подобные обстоятельства не обещали ничего хорошего, но так как комендант приходился племянником д-ру Гэммонду, любимому капеллану короля, и приобрел отличную репутацию в армии, то в нынешней крайности, когда другого разумного средства уже нельзя было придумать, решено было обратиться за помощью именно к нему. На остров отправили Беркли и Эшбернема. Им было приказано не сообщать Гэммонду о том, где сейчас скрывается король, пока комендант не пообещает не выдавать Его Величество, пусть даже этого потребуют армия или парламент, и вернуть Карлу полную свободу, если сам он окажется не в состоянии его защитить. Ясно, что подобное обещание было бы весьма ненадежной гарантией, однако Эшбернем не стал требовать даже его: опрометчиво (если не вероломно) он привел Гэммонда в Тичфилд, и король вынужден был предаться в его руки и отправиться с ним в замок Карисбрук на острове Уайт, где, хотя и был принят с величайшими знаками почтения и верноподданнического долга, оказался в сущности на положении пленника.

Лорд Кларендон[394] категорически утверждает, что король, бежав из Гемптон-Корта, не думал отправляться на остров Уайт, и все подробности рассказа этого историка (которому следовали мы в нашем повествовании) убедительно свидетельствуют в пользу данного мнения. Сохранилось, однако, письмо короля к графу Ланарку, шотландскому государственному секретарю, где Карл прямо говорит, что предпринял этот шаг по своей воле, и даже намекает, что если бы счел нужным, то смог бы добраться до острова Джерси или другого безопасного места[395]. Возможно, король все еще верил обещаниям генералов и тешил себя надеждой, что, если он будет избавлен от бешенства агитаторов, прямо угрожавших его жизни, генералы смогут осуществить в его интересах то, что они так часто ему обещали.

Какова бы ни была истина (а установить ее с полной достоверностью в данном случае невозможно), ясно, что Карл никогда не совершал поступка более неразумного, более выгодного для Кромвеля и всех своих врагов. Теперь он находился вдали от своих сторонников, в руках армии, в таком месте, откуда его было бы чрезвычайно трудно вызволить хитростью или силой. И хотя Кромвель, если бы ему заблагорассудилось это сделать, и ранее мог бы отправить его туда в любую минуту, подобная мера, предпринятая без согласия самого короля, вызвала бы крайнее возмущение, а возможно, повлекла бы за собой некоторые опасные последствия.

Но Карл, к великой радости жестоких своих гонителей, сам шагнул в западню, и этот поступок, в конечном счете столь пагубный для самого короля, оказался невероятной удачей для его врагов.

Кромвель, полностью подчинив себе парламент и избавившись от беспокойства в связи с охраной особы короля, всерьез занялся подавлением тех беспорядков в армии, которые он сам так искусно возбуждал и с таким успехом использовал против короля и парламента. Прежде, желая подтолкнуть войска к бунту против стоявшей над ними власти, он потворствовал дерзкому духу младших офицеров и солдат, и теперь лагерь армии являл собой зрелище скорее гражданской свободы, нежели воинской дисциплины. Войска образовали некое подобие республики, а проекты воображаемых республик, как будущего государственного устройства Англии, служили для этих вооруженных законодателей предметом ежедневных разговоров. Королевскую власть решено было уничтожить, дворянское звание отменить, все человеческие состояния уравнять, наконец, ввести среди граждан полное равенство не только прав, но и имуществ. Святые, рассуждали эти республиканцы, суть соль земли, но среди избранников Божьих царило совершенное равенство, и если к высокому званию апостолов призывались люди самых низких занятий, то, значит, и последний солдат, коль скоро открылся ему свет Духа, обретает равное право на уважение с высшим из своих начальников. Чтобы избавить солдат от влияния этих анархических теорий, Кромвель распорядился прекратить собрания агитаторов; он делал вид, будто намерен во всем повиноваться парламенту, сам же парламент, приведенный теперь в совершенную покорность, Кромвель предполагал использовать в будущем как орудие собственного господства. Но *левеллеры* (так называли эту партию в армии) уже успели почувствовать всю сладость обладания властью и не желали так скоро с ней расставаться. Левеллеры тайно продолжали свои сходки; они заявляли, что командование армии нуждается в преобразовании точно так же, как и любая часть церковного и государственного устройства; несколько полков сообща подали мятежные ремонстрации и петиции[396] и сговорились устроить сбор без разрешения начальства, — одним словом, все шло к полному хаосу и анархии. Но Кромвель своей грубой, но умелой рукой быстро исцелил армию от этой болезни. Чтобы сильнее поразить солдат собственной смелостью и как можно шире распространить страх, он избрал момент всеармейского смотра. Арестовав нескольких вожаков прямо перед строем их товарищей, он тут же организовал военный суд, одного бунтовщика велел расстрелять немедленно, а остальным внушил такой ужас, что они мгновенно сорвали с себя эмблемы мятежа и возвратились к обычной для них дисциплине и повиновению[397].

Кромвель высоко ценил советы Айртона, человека, который, соединив в себе солдата и законника, праведника и политика, исповедовал принципы, на первый взгляд поощрявшие в обществе полную вседозволенность, на самом же деле ведущие к жесточайшей тирании. Неистовый по

характеру, хотя, вероятно, совершенно искренний в своих намерениях, он задумал установить свободу с помощью деспотизма и, преследуя свои химерические религиозные цели, полагал себя избавленным от обязанности соблюдать обычные нормы морали, подчиняться которым приходится людям низшего порядка. По его внушению Кромвель тайно созвал в Виндзоре совет высших офицеров, чтобы обсудить будущее государственное устройство Англии и решить судьбу короля[398]. На этом собрании, открывшемся истовыми молитвами, которые полились из уст самого Кромвеля и прочих вдохновенных особ (ибо офицеры в этой армии обретали вдохновение свыше вместе с патентом на свой чин), и был впервые оглашен дерзкий и неслыханный план — привлечь короля к суду и, вынеся ему приговор, покарать его за «тиранию и дурное управление». Участники собрания отлично понимали, что, пока Карл жив, пусть даже он томится в самом строгом заключении, не будет конца заговорам и восстаниям в пользу этого государя, к которому его собственная партия испытывала глубочайшее благоговение и любовь, а нация в целом начинала относиться с искренним сочувствием и симпатией. Умертвить его тайно значило бы навлечь на себя обвинение в жестокости и несправедливости, усугубленное низостью подобного преступления; было ясно, что лиц, причастных к столь гнусному злодейству, единодушный приговор человечества заклеймил бы позорным именем *изменников* и *убийц*. А значит, нужно было прибегнуть к какому-то неожиданному образу действий, способному ошеломить всех своей новизной, сохранить видимость законности и прикрыть жестокость дерзостью. Потворствуя безумным идеям фанатиков о полном равенстве между людьми, подобный акт смог бы обеспечить безусловное повиновение солдат и связать их общим обязательством борьбы против королевской фамилии, которой это деяние, совершенное открыто и от имени всей армии, нанесло бы страшный удар и жесточайшее оскорбление[399].

Теперь, когда офицеры тайно решились на эту меру, нужно было постепенно склонить к ее одобрению парламент, иначе говоря, вести его от одного насилия к другому, пока этот последний акт ужасающего беззакония не показался бы в известном смысле совершенно неизбежным. Желая рассеять подозрения и страхи, которые всякий раз использовались как предлог для посягательств на конституцию, король в своем послании из Карисбрука изъявил готовность пожизненно отказаться от начальства над милицией и от права назначения на высшие государственные должности, при условии, что после его смерти эти прерогативы вновь перейдут к короне[400]. Но парламент вел себя теперь исключительно как победитель и враг и во всех своих сношениях с королем уже не принимал в расчет требования разума и справедливости. Подстрекаемый армией и индепендентами, он оставил без внимания послание короля и подготовил собственные предложения в виде четырех пунктов, которые и направил ему как предварительные условия: от Карла требовали формального согласия на все четыре статьи, и только после этого парламент готов был снизойти до переговоров. Во-первых, король должен был уступить парламенту на двад-

цать лет всю военную власть, а также право взимать любые налоги, которые понадобятся для ее осуществления; мало того, парламент оставлял за собой право по истечении двадцати лет вновь присвоить себе указанные полномочия, как только этого, по его мнению, потребует безопасность государства. Во-вторых, королю следовало отменить все свои прокламации и декларации против парламента и официально признать, что это собрание, взявшись за оружие, поступило справедливо и действовало в целях необходимой самообороны. В-третьих, он должен был объявить недействительными все грамоты на пэрство и аннулировать все соответствующие акты, которые были скреплены большой государственной печатью с тех пор, как канцлер Литтлтон увез ее из Лондона, а кроме того, навсегда отказаться от права возводить в звание пэра без согласия парламента. В-четвертых, король должен был предоставить обеим палатам право по собственной воле переносить свои заседания — требование по видимости маловажное, однако индепенденты, придумавшие его, получали таким образом возможность переводить парламент в такие места, где он находился бы в постоянном подчинении у армии[401].

Сделать подобные уступки без всяких гарантий того, что договор с парламентом вообще будет заключен, слепо довериться своим врагам в отношении тех условий, которые им угодно будет предложить ему впоследствии, — такие притязания король счел непомерными и чрезвычайно странными. А потому он потребовал прямых переговоров с парламентом и выразил желание, чтобы предлагаемые каждой из сторон условия были ясно сформулированы прежде, чем какая-либо из них станет домогаться уступок в свою пользу. Получив этот ответ, партия республиканцев в нижней палате изобразила крайнее негодование и принялась совершенно открыто и в самых резких выражениях поносить особу и правительственные меры короля, чье имя во всех прежних дебатах упоминалось, как правило, с известной почтительностью. Айртон, выступая, надо полагать, от имени армии, или «многих тысяч благочестивых людей, рисковавших своими жизнями ради защиты парламента», заявил, что король, отвергнув четыре билля, отказал в покровительстве и безопасности собственному народу; что повиновение нации королю предполагает обязанность короля защищать нацию, и что поскольку король нарушил свой долг, то парламент свободен теперь от любых верноподданнических уз и должен навести порядок в стране, не считаясь более с мнением столь безрассудного государя[402]. Кромвель, после весьма пространных разглагольствований о благочестии, доблести и благонамеренности армии, добавил, что она ожидает, что парламент будет руководить государственными делами и защищать королевство собственной властью, опираясь на собственные решения, и не станет больше внушать англичанам надежду, будто столь упрямый человек, сердце коего ожесточил Господь, способен как следует ими управлять и обеспечить их безопасность, что те, кто, не жалея своей крови, защищал до сих пор парламент от множества опасностей, готовы и впредь столь же преданно и отважно ограждать его от всякого противо-

действия при осуществлении этих решительных мер «Но только не заставляйте этих людей думать, пренебрегая вашей собственной безопасностью и безопасностью всего королевства (с которой тесно связана и их безопасность), что теперь их интересы преданы, а сами они отданы в жертву ярости и злобе непримиримого врага, которому они — ради вас же! — дерзнули в свое время бросить вызов Остерегайтесь (*при этих словах Кромвель положил руку на эфес шпаги*), остерегайтесь, как бы отчаяние не побудило их искать спасения с помощью иных средств, нежели безусловная верность вам — вам, не умеющим позаботиться даже о собственной своей безопасности!»[403] Подобные аргументы возымели действие, хотя даже в этих условиях девяносто один член парламента нашел в себе мужество проголосовать против Палата постановила (15 января) не делать более никаких обращений к королю, не принимать от него писем и посланий и считать государственной изменой любую попытку вступить с ним в какие-либо сношения без согласия обеих палат Лорды утвердили этот ордонанс[404]

Постановлением о «необращении» (так его стали называть) король был фактически свергнут с престола, а вся английская конституция формальным образом уничтожена Столь жестокую меру нижняя палата подкрепила не менее свирепой декларацией В ней общины обрушили на короля самую чудовищную клевету, какую они, по причине ее совершенной нелепости и неправдоподобия, постыдились включить даже в свою знаменитую ремонстрацию Карл якобы отравил собственного отца, предал Ла-Рошель, устроил резню протестантов в Ирландии[405] Попытка опорочить его доброе имя, если это вообще было в их силах, стала идеальной прелюдией к насилию над его особой

Как только король отказался утвердить четыре билля, Гэммонд, исполняя приказ командования армии, удалил всех его слуг, запретил вести переписку с друзьями и подверг его строжайшей изоляции Впоследствии король показывал сэру Филиппу Уорику дряхлого старика, который, по словам Карла, топил ему комнату и был для него самым лучшим собеседником в течение нескольких месяцев, пока длилось это суровое заключение[406] Никакому развлечению, никакому обществу не дозволялось облегчить его тягостные думы, единственное, чего ежеминутно ожидал король, была скорая смерть от яда или от руки наемного убийцы, ибо мысль о казни по приговору суда — событии, не имевшем примера в прежней истории, — не приходила ему в голову Парламент между тем весьма усердно публиковал сообщения, присылаемые ему Гэммондом король-де весел и бодр, чрезвычайно доволен всеми окружающими и вполне удовлетворен настоящим своим положением[407], палаты как будто не понимали, что зрелище подобной кротости и невозмутимости могло скорее усилить, нежели ослабить сочувствие народа к монарху Великим источником, из коего черпал король утешение посреди всех своих бедствий, стала, несомненно, религия, но в религиозных чувствах Карла не было, кажется, ничего мрачного и жестокого, ничего такого, что внушало бы ему ненависть к

врагам или гнетущий страх перед загробной судьбой. Когда все вокруг имело вид враждебный и неприязненный, когда друзья, семейство, родственники, столь страстно им любимые, были удалены от него и бессильны ему помочь, король с полным доверием предавал себя в руки того Существа, которое проникает и поддерживает Вселенную, Существа, чьи кары, принимаемые с благоговейным смирением, он почитал вернейшим залогом безграничной милости Творца.

ВТОРАЯ ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА

Между тем армия и парламент не могли спокойно пользоваться властью, достигнутой ими посредством стольких насилий и несправедливостей. Они знали, что заговоры и интриги окружают их со всех сторон; к тому же Шотландия, откуда делу короля был нанесен первый роковой удар, теперь, казалось, обещала ему свою помощь и поддержку.

Еще до выдачи особы короля в Ньюкасле, и в гораздо большей степени впоследствии, поводы для взаимного недовольства между двумя королевствами непрестанно умножались. Индепенденты, а именно они начали теперь брать верх в Англии, использовали любую возможность, чтобы оскорбить шотландцев, к которым пресвитериане относились с величайшей симпатией и почтением. Когда шотландские комиссары, руководившие ранее военными действиями вместе с комитетом обеих английских палат, приготовились отбыть на родину, в парламент было внесено предложение выразить им официальную благодарность за их любезность и полезные услуги. Индепенденты потребовали убрать слова *полезные услуги, и таким образом вся эта «братская дружба» и «сердечный союз»* английского парламента с шотландцами закончились признанием последних благовоспитанными джентльменами.

Поход армии на Лондон, подчинение ею парламента, захват особы короля в Холденби, его заключение в замке Карисбрук — все эти события шотландцы воспринимали как чрезвычайно болезненные удары, грозившие полным ниспровержением пресвитерианства, коему эта нация была так беззаветно предана. Ковенант в палате общин кощунственно называли «прошлогодним альманахом»[408], и подобное нечестие, несмотря на все их протесты, так и не подверглось осуждению. Прежде шотландцы надеялись, что именно они будут определять истинную веру, водворяя ее мечом и уголовными законами, а вместо этого видели теперь, как армия сектантов, ставших полными господами Англии, дерзко требует неограниченной свободы совести, столь ненавистной и омерзительной для пресвитериан. Все акты насилия, коим подвергался Карл, они гневно осуждали как противоречащие ковенанту, обязывавшему их защищать особу монарха, и те самые

действия, в которых прежде они сами были повинны, теперь, когда их совершала враждебная партия, шотландцы именовали изменой и мятежом

Графы Лаудон, Лодердейл [396] и Ланарк, специально направленные в Лондон, заявили протест против четырех биллей, как предполагавших чрезмерное ограничение гражданской власти короля и не предусматривавших никаких гарантий для пресвитерианской религии Они жаловались на то, что, несмотря на упомянутый протест и вопреки Торжественной лиге и договору между двумя нациями, английский парламент по-прежнему добивается их утверждения А впоследствии, прибыв с английскими комиссарами на остров Уайт, они заключили тайное соглашение с королем, согласно которому Шотландия должна была оказать ему вооруженную помощь[409]

ВТОРЖЕНИЕ ИЗ ШОТЛАНДИИ

В то время в Шотландии существовало три партии *роялисты*, требовавшие восстановления власти короля и не желавшие принимать в расчет религиозные секты и доктрины, их главой считался Монтроз, хотя и находившийся тогда за пределами страны, *строгие пресвитериане*, которые, ненавидя короля еще сильнее, чем принцип веротерпимости, твердо решили не оказывать ему никакой помощи до тех пор, пока он не присягнет ковенанту, руководил ими Аргайл, наконец, *умеренные пресвитериане*, которые пытались примирить интересы религии и короны и надеялись, поддержав пресвитерианскую партию в Англии, покончить с сектантской армиеи и возвратить как парламенту, так и королю их законные права, вождями их были два брата, Гамильтон и Ланарк

Когда замок Пенденнис был сдан парламентским войскам, граф Гамильтон, получивший тогда свободу, возвратился в Шотландию и, полный благородной решимости больше помнить о старых милостях, чем о недавних обидах, тотчас же с величайшим рвением и не без успеха выступил на стороне короля Он добился парламентского постановления о наборе для защиты королевской власти сорокатысячной армии и об отзыве на родину крупного корпуса под начальством Монро, который командовал тогда шотландскими частями в Ольстере И хотя публично Гамильтон заявлял, что в основе всех его действий лежит ковенант, он вошел в тайную переписку с сэром Мармадьюком Лангдейлом и сэром Филиппом Масгрейвом, английскими роялистами, собравшими значительные силы в северных графствах

Генеральная ассамблея духовенства, заседавшая в это же время и руководимая Аргайлом, чрезвычайно опасалась последствий упомянутых мер, предвидя, что если противная партия добьется успеха, то она восстановит монархию, нисколько не заботясь об утверждении в Англии пре-

свитерианского церковного строя. Вступать в союз с Карлом до того, как он подпишет ковенант, значило в ее глазах воздавать должное королю, не исполнив долг перед Христом[410], и потому ассамблея грозила отлучением от церкви всякому, кто осмелится повиноваться парламенту. В стране таким образом появилось два независимых верховных суда: один стращал шотландцев гибелью души и вечными муками, другой — тюрьмой, изгнанием и военным трибуналом. Сбитый с толку народ не знал, что ему лучше выбрать, и военные приготовления партии Гамильтона, несмотря на поддержку всей гражданской власти, шли чрезвычайно медленно. Сам Гамильтон, опасаясь возбудить гнев церковной партии, пока еще отказывался принимать в свою армию роялистов, однако втайне обещал им полное доверие и высокие посты, как только его войска вступят на английскую территорию.

В то самое время когда шотландцы готовились к походу в Англию, все это королевство потрясали мятежи, заговоры, беспорядки и раздоры. От революций в образе правления народ редко что-либо выигрывает, ибо новая власть, ревнивая, подозрительная и непрочная, для того, чтобы устоять, обыкновенно нуждается в более крупных расходах и жестоких мерах, чем прежняя, но никогда еще эта истина не ощущалась так живо, как при нынешних английских обстоятельствах. Громкие декламации против беззаконной корабельной подати и произвола Звездной палаты побудили народ взяться за оружие, и вот, одержав над короной полную победу, он оказался под бременем множества прежде неизвестных налогов, а в отправлении правосудия не осталось и тени законности и уважения к свободе. Пресвитериане, а именно они вынесли главные тяготы войны, приходили теперь в ярость от сознания того, что у них силой вырывают добычу, причем в тот самый момент, когда она, казалось, была уже в их руках. Роялисты, обманутые в своих надеждах жестоким обращением, которому подвергала теперь короля армия, горели желанием возвратить Карлу свободу и отвоевать выгоды и преимущества, столь злосчастным образом ими утраченные. Люди всех состояний негодовали, видя, что военная власть торжествует над гражданской, а король и парламент находятся в совершенном подчинении у наемной армии. Правда, многие знатные и уважаемые особы с начала войны поддерживали парламент, однако новая партия лишила их веса и влияния в государстве, отдав все должности в руки людей самого низкого происхождения. Презренная чернь вознеслась над лицами достойными, ханжи и лицемеры творили зло под личиной религии — эти обстоятельства, соединившиеся теперь в правлении поправших закон узурпаторов, не сулили народу в будущем ни свободы, ни милосердия.

Но хотя ненависть к военному деспотизму объединяла, казалось, всю нацию, цели отдельных партий были настолько несходными, что в поднятых ими восстаниях почти не обнаруживалось какой-либо связи и согласованности. Первыми открыто выступили Лэнгхорн, Пойер и Пауэл [397],

офицеры-пресвитериане, командовавшие армейскими частями в Уэльсе; им удалось собрать значительные силы в этом краю, беззаветно преданном делу короля. Граф Норич и молодой Гэлс начали восстание в Кенте; лорд Кейпл [398], сэр Чарльз Лукас и сэр Джордж Лиль подняли мятеж в Эссексе. Граф Голланд, в ходе гражданской войны не раз переходивший из одного лагеря в другой, пытался теперь собрать войска в Суррее. Принц Мориц внезапным ударом захватил замок Помфрет в Йоркшире. На севере Англии взялись за оружие Лангдейл и Масгрейв, завладевшие Бервиком и Карлайлом.

Самым же опасным казалось то, что всеобщий дух недовольства охватил английский флот. Экипажи судов, стоявших в устье Темзы, открыто выступили на стороне короля; Рейнсборо, их адмирал, был высажен на берег, а корабли ушли в Голландию, где командование над ними принял принц Уэльский[411].

Английские роялисты громко возмущались медлительностью Гамильтона, объясняя ее коварством шотландцев: те якобы желали сначала дождаться полного уничтожения партии короля, чтобы все плоды победы достались исключительно пресвитерианам. В Лондоне же, если не считать бунта подмастерьев, довольно быстро подавленного, никаких серьезных беспорядков не произошло: страх перед армией обеспечил покорность горожан. Парламент был запуган настолько, что объявил шотландцев врагами, а всех, кто их поддерживает, изменниками. Однако девяносто членов нижней палаты имели мужество не согласиться с этим постановлением.

Между тем Кромвель и военный совет энергично и искусно готовились к обороне. По штатному расписанию армия имела тогда 26 000 человек, но благодаря дополнительным наборам численность большинства полков существенно увеличилась, превысив списочный состав более чем вдвое[412]. Полковник Хортон [399] первым атаковал мятежные части в Уэльсе и нанес им чувствительное поражение. Остатки разбитых повстанцев укрылись в Пемброке, где Кромвель взял их в тесное кольцо осады и вскоре принудил к капитуляции. На севере Ламберт[400] удачно действовал против Лангдейла и Масгрейва. Сэр Майкл Лайвси[401] разгромил при Кингстоне графа Голланда и, развивая успех, взял его в плен в Сент-Неоте. Ферфакс, обратив в бегство кентских роялистов под Мейдстоном, преследовал их разбитые отряды; когда же они, соединившись с роялистами Эссекса, заперлись в Колчестере, он осадил этот город, который защищался до последней возможности. Флот был заново укомплектован личным составом и отправлен под начальством Уорика против мятежных кораблей, находившихся под командованием принца Уэльского.

В то время как все армейские части были заняты борьбой с мятежниками, парламент вновь получил свободу действий и начал выказывать обычную для него энергию и отвагу. Бежавшие из страха перед армией члены вернулись и, внушив смелость своим единомышленникам, возвра-

тили пресвитерианской партии утраченное ею преобладание. Одиннадцать обвиненных членов были призваны обратно, а постановление, их исключившее, аннулировано. Постановление «о необращении» также отменили, а в Ньюпорт на остров Уайт отправили для переговоров с королем специальных комиссаров — пять пэров и десять коммонеров[413]. Королю позволили вызвать нескольких своих прежних друзей и старых советников с тем, чтобы пользоваться их рекомендациями во время этих важных конференций[414]. Богословы, вооруженные силлогизмами и цитатами, выступали с обеих сторон в качестве консультантов[415]. Именно эти особы первыми разожгли огонь вражды, и их присутствие никак не предвещало того, что он может вскоре погаснуть: любые другие орудия оказались бы куда более подходящими для переговоров о мире.

ПЕРЕГОВОРЫ В НЬЮПОРТЕ

Когда король предстал перед этим обществом (18 сентября), в его облике, по сравнению с тем, как выглядел Карл еще за год до этого, когда жил в Гемптон-Корте, обнаружились разительные перемены. Как только у него отняли слуг, Карл совершенно перестал заботиться о своей внешности; он отпустил длинные волосы и бороду, и теперь, лишенные всякого ухода, они казались растрепанными и неопрятными. То ли от возраста, то ли под бременем несчастий, которые, хотя он и переносил их с величайшей твердостью, терзали изнутри его нежную и ранимую душу, Карл почти полностью поседел. Его друзья, а может быть даже и враги, исполнились состраданием при виде этой *седой, развенчанной главы*, как описывает ее сам король в небольшом стихотворении, чрезвычайно трогательном скорее по искренности чувства, нежели изяществу слога[416]. Все его прежние попытки защитить свой трон от вооруженных врагов мужеством оказались тщетными, и теперь Карлу предстояло доводами и убеждениями спасать жалкие его обломки от этих мирных, но в сущности столь же неумолимых комиссаров парламента.

И в этом, несмотря на видимый телесный упадок, дух короля обнаружил свою прежнюю силу и твердость. Никому из советников Карла парламентские уполномоченные не позволяли присутствовать на конференциях, соглашаясь вступать в обсуждения только с ним лично. Целых два месяца, пока длились переговоры, он один, без чьей-либо помощи, должен был выдерживать спор с пятнадцатью самыми умными и даровитыми членами обеих палат и ни разу им не уступил[417]. Именно на этом поприще более, чем на каком-либо ином, Карл мог проявить себя в полном блеске. Быстрота понимания, тонкий и развитой ум, строгое изящество выражений, изысканное благородство манер — эти достоинства приносили ему победу во всех прениях, исход которых решался спокойными и беспристрастными доводами разума. «*Король сильно изменился*, — сказал граф Солсбери сэру Филиппу Уорику, — *за последнее время он сделал ог-*

ромные успехи». «Да нет же, — отвечал сэр Филипп, — *он был таким всегда, просто вы это заметили только сейчас»*[418]. А сэр Генри Вен в разговоре с другими комиссарами даже ссылался на незаурядные дарования короля как на аргумент в пользу того, что условия мира следует сделать еще более жесткими и суровыми[419]. Однако там, где нужно было действовать, а не только рассуждать, таланты Карла проявлялись с меньшим блеском.

Прежде всего прочего комиссары потребовали, чтобы король отменил все свои прокламации и декларации против парламента и официально признал, что последний, начиная вооруженную борьбу, лишь защищал самого себя. Карл выразил полную готовность сделать первое, но долго не мог согласиться на второе: ложь и унизительность подобного заявления были ему глубоко отвратительны. В свое время, движимый кажущейся необходимостью, король и в самом деле посягнул в некоторых важных пунктах на вольности народа, однако впоследствии он отказался от всяких притязаний на эти узурпированные полномочия, открыто признал свои ошибки, исправил все нарушения конституции и даже воздвиг для ее защиты новые бастионы, а потому в момент начала военных действий его уже нельзя было изображать в виде нападающей стороны. И как бы ни ссылались иные на то, что выказанные королем ранее деспотические наклонности (или, скорее, его монархические принципы) делали наступательную, или превентивную, войну со стороны парламента актом разумным и целесообразным, называть ее по этой причине в строгом смысле слова *оборонительной* совершенно невозможно. Но парламент, понимая, что, согласно букве закона, действия его являются изменой и мятежом, считал этот пункт абсолютно необходимым как гарантию своей будущей безопасности, и король, видя, что на иных условиях добиться мира нельзя, в конце концов уступил. Он лишь внес следующую оговорку (принятую парламентом): все отдельные уступки, им сделанные, утратят силу, если не будет заключен договор в целом[420].

Карл согласился с тем, чтобы парламент сохранил на двадцать лет командование армией и милицией, а также власть собирать какие ему будет угодно суммы на их содержание. Он даже уступил парламенту право и по истечении указанного срока вновь присвоить себе эти полномочия, как только палаты объявят, что общественная безопасность требует данной меры. Таким образом, эта важная власть — власть военная — была навсегда отнята у Карла и его преемников[421].

Карл не стал возражать и против того, чтобы в продолжение двадцати лет назначение на все высшие государственные должности производилось по воле обеих палат[422]. Он полностью передал им управление Ирландией, а также руководство военными действиями на этом острове[423]. В обмен на 100 000 фунтов он отказался от права опеки[424]. Он признал законную силу парламентской большой печати и объявил недействительной собственную[425]. Он отказался от права возводить в звание пэра без согласия парламента. Наконец, он согласился, чтобы все долги, сделанные парламентом для ведения войны против него, были уплачены народом.

Данный договор вносил громадные изменения в английскую конституцию, и король не без основания заметил, что если бы он сделал упомянутые уступки, будучи в силах от них уклониться, то этим актом выказал бы себя бóльшим врагом собственного народа, чем каким-либо иным деянием своей жизни.

Из всех требований парламента Карл отклонил только два. Хотя он и отказался почти полностью от прежних прерогатив короны; выдавать на расправу парламенту своих друзей и изменять тому, в чем видел он свой религиозный долг, король не желал. Несомненно, мучительное раскаяние, пережитое Карлом после того, как он покинул в беде Страффорда, укрепило его решимость никогда более не совершать подобного греха. Долгое одиночество и суровые испытания еще сильнее утвердили короля в этих религиозных принципах, всегда оказывавших на него значительное воздействие. Но искреннее желание заключить наконец договор с парламентом побудило Карла пойти в обоих пунктах на все уступки, которые, на его взгляд, можно было хоть как-то совместить с требованиями долга.

Почти все имущества роялистов находились тогда под секвестром, и Карл, бессильный помочь своим сторонникам, согласился, чтобы они уплатили композиции, о величине которых им следует договариваться с парламентом, и лишь просил сделать эти штрафы как можно более умеренными. Король уже не распоряжался государственными должностями, и согласие на то, чтобы известное число его друзей было лишено права на их занятие, едва ли могло показаться огромной жертвой[426]. Но когда парламент потребовал от него утвердить билль об опале и пожизненном изгнании семерых лиц — маркиза Ньюкасла, лорда Дигби, лорда Байрона [402], сэра Мармадьюка Лангдейла, сэра Ричарда Грэнвила, сэра Фрэнсиса Доддингтона и судьи Дженкинса, — король ответил решительным отказом; впрочем, с их высылкой из страны на ограниченный срок он готов был согласиться.

Тем вопросом, по которому возникли роковые разногласия, была религия, и именно здесь, менее чем во всех прочих пунктах, противоборствующие стороны способны были идти на уступки и проявлять умеренность. Парламент требовал введения пресвитерианства, распродажи капитульских земель, отмены всех обязательных молитв и строгого исполнения законов против католиков. Король изъявил готовность уступить во всем, что он не считал апостольским установлением: он соглашался упразднить сан архиепископов и деканов, а также пребенды и каноны; он предлагал сдавать капитульские земли в аренду по низшим расценкам в течение девяноста девяти лет; он не возражал против сохранения существующего церковного устройства еще на три года[427]. Он не настаивал на том, чтобы по прошествии указанного срока епископам были возвращены какие-либо полномочия, кроме права рукоположения, но даже его они должны были осуществлять по совету пресвитеров[428]. Если же через три года парламент будет по-прежнему настаивать на своем требовании, то все прочие статьи епископской юрисдикции подлежат отмене, и с общего со-

гласия должна быть введена новая форма церковного управления. Кроме того, Карл готов был отменить англиканский молитвенник, но желал, чтобы его собственным капелланам позволили совершать богослужение по иному чину литургии[429] — требование, кажется, вполне разумное, и, однако, парламент решительно его отверг.

Мы едва ли удивимся, узнав, что в ходе дебатов по этим вопросам два парламентских богослова заявили королю, что *если он не согласится на совершенное уничтожение епископата, то будет осужден на вечные муки* Однако следующее место из постановления лордов и общин уже нельзя читать без некоторого негодования «Палаты, подвигнутые ненавистью к гнусному идолопоклонству мессы, объявляют, что они не в силах согласиться и не могут допустить, чтобы в каком-либо из английских законов были сделаны, как того просит Его Величество, какие-либо изъятия и послабления с целью освободить королеву и ее семейство от наказаний, предусмотренных за отправление мессы»[430] Условия брачного договора, уважение к полу королевы и ее высокому сану и даже простые законы человечности — все это не имело в глазах парламента решительно никакой цены рядом с его собственными фанатическими предрассудками[431]

Несомненно, общий интерес короля и парламента состоял в том, чтобы как можно быстрее завершить переговоры и попытаться соединенными силами оказать сопротивление неистовству армейских узурпаторов. Кажется даже, что в интересах палат было оставить за королем значительную долю власти, опираясь на которую он мог бы защищать их и самого себя от столь грозного врага. Однако условия, выдвинутые парламентом, были столь суровыми, что король, которому не приходилось ожидать ничего худшего даже от самых заклятых своих врагов, не слишком торопился заключать соглашение А религиозный фанатизм обеих сторон достиг тогда такой степени, что они готовы были скорее пожертвовать величайшими гражданскими интересами общества, чем отказаться от собственных богословских притязаний По указанным причинам, действие которых усиливали коварные уловки индепендентов, переговоры затянулись настолько, что армия, успевшая за это время отразить вторжение шотландцев и подавить все мятежи в Англии, могла без всяких помех приняться за осуществление своих преступных и кровавых замыслов.

РАЗГРОМ ШОТЛАНДЦЕВ И ПОДАВЛЕНИЕ РОЯЛИСТСКИХ ВОССТАНИЙ

Гамильтон, вступивший в пределы Англии с многочисленной, но плохо обученной армией, не осмелился соединиться с войсками Лангдейла: английские роялисты отказывались принимать ковенант, а шотландские

пресвитериане, хотя и обязавшиеся защищать короля, не соглашались объединяться с ними на каких-либо иных условиях. Таким образом, обе армии двигались как будто и вместе, но на известном расстоянии одна от другой, и даже приближение парламентских частей под командованием Кромвеля не заставило ковенантеров позаботиться о собственном спасении за счет более тесного взаимодействия с роялистами. Там, где принципы столь нелепы и пагубны для человеческого общества, можно с уверенностью утверждать, что чем искреннее и бескорыстнее им следуют, тем более жалким и смехотворным окажется конечный результат.

Со своим восьмитысячным войском Кромвель не устрашился выступить против многочисленных армий Гамильтона и Лангдейла, насчитывавших двадцать тысяч человек. Близ Престона, в графстве Ланкашир, он внезапно атаковал Лангдейла[432]; роялисты дрались весьма храбро, однако, не получив своевременной помощи от своих союзников, были почти полностью уничтожены. Затем Кромвель обрушился на шотландцев, обратил их в бегство и гнал до Ютоксетера, где Гамильтон сдался в плен. Развивая свой успех, Кромвель вступил с крупными силами в Шотландию, соединился с Аргайлом, который к этому времени также взялся за оружие, и, подавив сопротивление Ланарка и других умеренных пресвитериан, передал всю власть в руки крайней партии. Церковные власти, вознесшиеся теперь над гражданскими, обрушили самое жестокое мщение на всех, причастных к «энгейджменту Гамильтона», как его стали называть, и никто из сторонников этой партии не мог рассеять подозрения на свой счет и даже обеспечить личную безопасность иначе, как торжественным публичным покаянием в том, что, исполняя приказ парламента, он поднял оружие в защиту своего законного государя.

Канцлер Лаудон вначале поддержал предприятие Гамильтона, но затем, устрашенный угрозами духовенства, переметнулся в другую партию, и вот теперь он — человек, занимавший высшую гражданскую должность в королевстве! — принес в церкви публичное покаяние за свою покорность парламенту, которую назвал *греховным своекорыстием*. Раскаяние свое Лаудон сопроводил столь бурными рыданиями и так жалобно просил народ молиться за него, постигнутого ныне величайшим бедствием и скорбью, что одураченная паства, дружно запричитав, тут же залилась слезами[433].

Всех, кто подозревался в малейших симпатиях к партии короля, пусть даже их поведение всегда было совершенно безобидным, принуждали вносить под видом займа огромные суммы, часто к полному разорению целых семейств. Господствующая партия изобрела это средство, чтобы, как она выражалась, *покарать тайных малигнантов*[434]. Более жестокого и тиранического правления, чем то, которое осуществляли в обоих королевствах эти «поборники свободы», наш остров не знал никогда.

Осада Кольчестера завершилась столь же печальным для роялистов образом, как и поход Гамильтона. Гарнизон, терпевший страшные муки голода и принужденный есть самую гнусную пищу, изъявил наконец го-

товность вступить в переговоры о капитуляции. Ферфакс потребовал сдачи на милость победителя, истолковав при этом свои условия так, что за ним оставалось право немедленно казнить всех пленных. Офицеры-роялисты тщетно пытались убедить солдат сделать решительную вылазку, чтобы прорваться и уйти или, по крайней мере, продать свои жизни подороже. Им пришлось принять условия осаждавших[435], после чего Ферфакс (действуя по наущению Айртона, которому Кромвель поручил в свое отсутствие руководить слабовольным главнокомандующим) велел схватить сэра Чарльза Лукаса и сэра Джорджа Лиля и немедленно предать их военному суду. Все пленники громко возмутились этой неслыханной жестокостью, а бесстрашный лорд Кейпл, презрев опасность, бросил упрек в лицо самому Айртону и потребовал, чтобы, коль скоро все они защищали одно славное дело, их всех постигла одна и та же беспристрастная месть. Первым расстреляли Лукаса; он сам бодрым голосом скомандовал «Огонь!», словно вел в бой солдат собственного взвода. Лиль тотчас же бросился к мертвому телу, поцеловал его, а затем весело и бесстрашно шагнул навстречу той же судьбе. Полагая, что солдаты, назначенные для исполнения приговора, стоят слишком далеко, он крикнул им: «Подойдите-ка поближе!» — «Не сомневайтесь, сэр, — ответил кто-то из них, — мы не промахнемся». — «Ах, друзья мои, — улыбнулся Лиль, — как-то раз я был еще ближе, и вы не попали». Так умер этот человек высокой души, которого не меньше любили за его скромность и доброту, чем уважали за мужество и военные таланты.

Вскоре после этого королю случилось увидеть некоего джентльмена, носившего траур по сэру Чарльзу Лукасу, и добросердечный государь, пораженный внезапной мыслью о суровой участи своих друзей, отдал их памяти такую дань, какую никогда не могло исторгнуть ни одно из его собственных беспримерных несчастий: он залился слезами[436].

АРМИЯ ВНОВЬ ЗАХВАТЫВАЕТ КОРОЛЯ

Многочисленные успехи армии сломили всех ее врагов, и теперь только совершенно беззащитные король и парламент противостояли ее насилиям. По предложению Кромвеля офицерский совет составил особую ремонстрацию и подал ее в парламент. В ней офицеры выражали недовольство переговорами с королем, говорили о необходимости наказать Карла за пролитую в ходе войны кровь, требовали роспуска настоящего парламента и более справедливого представительства в будущем и, наконец, утверждали, что они, хотя и являются слугами, имеют полное право довести эти важные пункты до сведения своих господ, которые и сами не более чем слуги и уполномоченные народа. Тогда же совет двинул армию к Виндзору, а полковник Юр, отправленный им в Ньюпорт, захватил короля и доставил его в находящийся неподалеку замок Херст, где Карл был подвергнут строгому заключению.

Так как подобную меру предвидели, то короля умоляли решиться на побег, устроить который, по мнению его друзей, было бы совсем не трудно, но Карл, давший парламенту слово не пытаться возвратить себе свободу, пока продолжаются конференции и в течение трех последующих недель, не желал навлечь на себя упреки в нарушении этого обещания и не поддавался на уговоры. Напрасно твердили ему, что обещание палатам уже не имеет обязывающей силы, ибо сами палаты более не способны защищать его от насилия, угрожавшего ему теперь со стороны других лиц, по отношению к которым у него нет никаких обязательств. Король в этих деликатных вопросах не желал прибегать к софистическим увертками, сколь угодно благовидным, твердо решив, что, какие бы удары ни нанесла ему судьба, она никогда не заставит его поступить бесчестно[437].

Между тем парламент, несмотря на столь грозную и близкую опасность, не терял мужества. Не имея какого-либо плана борьбы с узурпациями армии, он, однако, решил сопротивляться им до последней возможности и скорее довести до явного для всех насильственного свержения существующей власти, чем уступить свои полномочия в страхе перед незаконными и жестокими мерами, задуманными армией. Парламент отклонил ремонстрацию армии, не удостоив ее ответом; объявил, что захват особы короля был произведен без его согласия, и направил послание главнокомандующему, дабы узнать, по какому праву армия совершила этот дерзкий шаг; наконец, он строго запретил ей приближаться к Лондону.

Голлис, тогдашний вождь пресвитериан, был человеком неукротимой отваги; многие другие лица из этой партии поддерживали его великодушный порыв. Они предложили парламенту объявить генералов и старших офицеров изменниками за их неповиновение и незаконные посягательства.

Но парламент имел дело с людьми, которых нельзя было запугать словами, и никакие угрызения совести или щепетильные сомнения не способны были их остановить. Прикрываясь именем Ферфакса (ибо главнокомандующий по-прежнему позволял им это делать), генералы вошли с армией в Лондон и, поставив караулы в Уайтхолле, Сент-Джеймском дворце, Дархэм-хаузе, Ковент-гардене и Пэлэс-ярде, окружили парламент враждебными ему войсками.

Парламент, не имевший никаких надежд на успех, тем не менее сохранял волю к сопротивлению. Не смущаясь присутствием армии, он попытался завершить свои переговоры с королем, и хотя ранее он объявил неудовлетворительными уступки Карла в вопросе о церковном устройстве и судьбе делинквентов, теперь он поставил на обсуждение окончательную резолюцию о договоре в целом. После бурных трехдневных дебатов палата общин большинством в сто двадцать девять голосов против восьмидесяти трех постановила, что сделанные королем уступки могут служить для обеих палат достаточным основанием для дальнейших переговоров об умиротворении королевства.

ЧИСТКА НИЖНЕЙ ПАЛАТЫ

На следующий день, когда общины должны были собраться вновь, полковник, а в прошлом ломовой извозчик, Прайд [403] расставил вокруг палаты два полка солдат, а затем, пользуясь разъяснениями лорда Грея-Гроби [404], арестовал направлявшихся в зал заседаний коммонеров из пресвитерианской партии в числе сорока одного человека и запер их в подвальном помещении, известном под названием «преисподняя», откуда их впоследствии развезли по разным постоялым дворам. Кроме того, в палату не было допущено еще более ста шестидесяти членов; пропустили только самых надежных и рьяных индепендентов, число которых не превысило пятидесяти или шестидесяти. Это насилие получило название *слабительного полковника Прайда* [405]: столь склонен был теперь народ смеяться над свержением тех членов нижней палаты, которые когда-то грубо узурпировали всю власть в государстве, лишив короля его законных прерогатив.

В последующих действиях парламента (если эта жалкая кучка людей заслуживает столь почтенного имени) уже не осталось ни малейшей видимости свободы, законности и справедливости. Палата немедленно аннулировала свое прежнее решение, объявив уступки короля недостаточными.

Она определила, что никто из членов, отсутствовавших на этом последнем голосовании, не может быть вновь допущен к заседаниям до тех пор, пока не заявит о своем согласии с его результатами. Она возобновила свое прежнее постановление о необращении. Наконец, она велела заключить в тюрьму сэра Уильяма Уоллера, сэра Джона Клотуорти, генералов Мэсси, Брауна, Копли [406] и других пресвитерианских вождей. Именно эти люди своим влиянием и авторитетом, которые были тогда чрезвычайно велики, поддержали в начале войны парламент, открыв таким образом дорогу к могуществу нынешним его вождям, в ту пору нации почти не известным.

Изгнанные члены обнародовали протест, где подробно описывалось учиненное над ними насилие, а все акты, принятые после этого парламентом, торжественно провозглашались лишенными законной силы, — на что оставшиеся члены ответили собственной декларацией, в которой протест этот был объявлен лживым, возмутительным и мятежным, имеющим своей целью ниспровержение видимой высшей власти в королевстве.

Эти резкие насильственные перевороты повергали всю нацию в изумление и ужас. Каждый страшился быть раздавленным в борьбе могущественных противников, споривших о верховной власти в государстве. Многие начали отправлять свои имущества на континент, иностранцы уже не рисковали давать взаймы нации, раздираемой гражданскими междоусобицами и угнетаемой армейскими узурпаторами, и даже внутренняя торговля стала приходить в упадок. В качестве средства против этих рас-

тущих бедствий генералы опубликовали от имени армии декларацию, в которой заявили о своей твердой решимости защищать закон и справедливость[438].

Чтобы еще более успокоить умы, офицерский совет принял к рассмотрению так называемое *Народное соглашение*, или проект республики, долженствовавшей прийти на смену нынешней системе правления, которую армия так грубо и безжалостно разрушила. Многие пункты этой программы, призванные покончить с несообразностями в парламентском представительстве, можно было бы счесть вполне разумными — если бы только нация готова была с ними согласиться и если бы сама армия всерьез намеревалась провести их в жизнь. Другие ее части слишком совершенны для человеческой природы и сильно попахивают тем духом фанатизма, который распространился тогда по всему королевству.

Но вершина несправедливости и фанатического безумия — процесс и казнь государя — еще не была достигнута, а именно к этой цели устремляли все свои усилия ревностные индепенденты. Правда, парламентские вожди партии вначале рассчитывали, что армия сама осуществит этот дерзкий замысел, полагая, что столь дикое и беззаконное деяние более всего подходит этому буйному и беззаконному орудию[439]. Но генералы оказались слишком благоразумными, чтобы взять на себя всю ненависть и бесчестье, которые, как они прекрасно понимали, непременно навлечет на них подобный акт, столь возмутительный для всего человечества. Они решили, что парламент должен разделить с ними позор этого поступка, коль скоро он необходим для достижения общих целей их личной безопасности и властолюбия. А потому нижняя палата назначила комитет для подготовки обвинительного акта против короля. По его докладу было принято постановление, объявлявшее, что король, развязав войну против парламента, совершил государственную измену, и учреждавшее ВЫСШУЮ ПАЛАТУ ПРАВОСУДИЯ, чтобы судить Карла за этот прежде никому не ведомый вид государственной измены. Постановление общин было передано в палату пэров.

В продолжение всех гражданских войн палата пэров не пользовалась большим авторитетом, а теперь, после поражения короля, являла собой уже совершенно жалкое зрелище, и лишь немногие ее члены соглашались подвергать себя добровольному унижению, посещая ее заседания. В тот день, однако, их собралось больше, чем обычно, — шестнадцать человек. Без единого голоса против и почти без всяких прений они немедленно отвергли постановление нижней палаты и объявили перерыв в своих заседаниях на десять дней, в надежде, что эта отсрочка сможет как-то сдержать бешеный напор общин.

Но тех трудно было смутить столь мелким препятствием. Установив вначале принцип, сам по себе возвышенный и, на первый взгляд, весьма убедительный, однако напрочь опровергаемый опытом и историей, а именно что *народ есть источник всякой законной власти*, палата затем провозгласила, что общины Англии, собранные в парламенте, будучи избра-

ны народом и представляя его, обладают верховной властью в государстве, а потому все, что постановлено и объявлено как закон общинами, должно иметь силу закона, хотя бы и не было на то согласия короля или палаты пэров. Ордонанс о предании суду «Карла Стюарта, короля Англии», как они его называли, был вновь внесен в палату и единогласно одобрен (4 января).

Чем ужаснее становились насилия и беззакония этих цареубийц, тем настойчивее притязали они на святость помыслов. «Если бы кто-нибудь по собственному побуждению предложил привлечь короля к суду, — вещал в палате Кромвель, — то подобного человека я бы счел величайшим изменником, но коль скоро нас к этому привели Промысел Божий и необходимость, то я буду молить Господа благословить ваши меры, хотя сам я еще не готов дать вам совет в столь важном деле. Скажу больше, — добавил он, — недавно, ходатайствуя перед вами о восстановлении прав Его Величества, я вдруг почувствовал, как язык мой прилипает к гортани, и счел это непостижимое явление ответом, который Небо, уже осудившее короля, посылает на мои просьбы».

Некая женщина из Гертфордшира, сподобившаяся пророческих видений, потребовала, чтобы ее приняли в Военном совете, где поведала офицерам о посетившем ее откровении, которое-де ясно свидетельствовало о том, что их действия получили божественную санкцию и освящены свыше. Новость сия чрезвычайно утешила офицеров, и они еще тверже укрепились в своих намерениях[440].

Полковник Гаррисон, сын мясника и самый бешеный из армейских фанатиков, был отправлен с сильным отрядом в Херст-касл, чтобы оттуда доставить короля в Лондон. В Виндзоре к королю был допущен Гамильтон, содержавшийся там в заключении; пав на колени, взволнованный герцог воскликнул: *Мой дорогой господин!* — *В самом деле*, — отвечал Карл, обнимая его, — *я дорого Вам стоил*. Больше им не позволили говорить: короля спешно увезли прочь. Гамильтон еще долго провожал его глазами, полными слез; это краткое приветствие, предчувствовал герцог, стало его последним прости другу и государю.

Карл и сам нисколько не сомневался, что конец его уже близок, и однако, несмотря на все происходившие вокруг приготовления и полученные им известия, он все еще не мог поверить, что его враги действительно вознамерились увенчать свои беззакония публичным процессом и казнью. Всякую минуту он ожидал тайного предательского убийства, и хотя Гаррисон заверил короля в том, что его опасения совершенно безосновательны, Карл думал, что именно этот ужасный акт, столь обыкновенный в судьбе свергнутых с престола государей, оборвет и его жизнь. Как по видимости, так и по сути король уже был низложен. Все внешние символы верховной власти были у него отняты, слугам Карла строго запретили соблюдать придворный церемониал. Поначалу эти проявления грубости и неучтивости, столь для него непривычные, глубоко возмущали Карла. *Нет на свете ничего более жалкого, чем подвергнутый унижению го-*

сударь! — такую мысль внушили они королю. Но вскоре он научился их переносить, как терпел он прочие свои бедствия.

Наконец все формальности предстоящего процесса были согласованы, и состав Высшей палаты правосудия полностью утвержден. На бумаге в нее входили сто тридцать три человека, поименно назначенных общинами, однако на заседания редко являлось более шестидесяти: так трудно было, несмотря на упорное предубеждение против Карла и приманки личной выгоды, склонить к участию в этом преступном предприятии людей сколько-нибудь видных и уважаемых. Членами палаты стали Кромвель, Айртон, Гаррисон и другие старшие офицеры армии, в большинстве своем — лица низкого происхождения, а также ряд коммонеров и лондонских граждан. Сначала в ее состав были включены и двенадцать верховных судей Англии, но поскольку они заявили, что судить за государственную измену короля, чьей властью и должны вестись любые процессы о государственной измене, противоречит всем принципам английского законодательства, то их имена, как и имена некоторых лордов, были вычеркнуты из списка. Председателем палаты избран был судья Бредшоу, его заместителями — Дорислау, Стил и Эск, обвинителем со стороны английского народа назначили Кука [407]. Заседания суда проходили в Вестминстер-холле.

Достойно замечания, что, когда в ходе переклички членов палаты судейский чиновник назвал имя Ферфакса, также включенного в ее состав, раздался голос одного из зрителей: *Он слишком умен, чтобы явиться сюда!* Когда же зачитывался обвинительный акт против короля, составленный *именем народа Англии*, тот же голос воскликнул: *Ни даже десятой его части!* Акстель, начальник охраны, приказал стрелять по галерее, откуда донеслись эти дерзкие слова, после чего обнаружилось, что там сидела леди Ферфакс и что именно она имела мужество их произнести. Дочь Хораса, лорда Вера-Тилбери, она принадлежала к знатному роду, однако, охваченная безумной горячкой эпохи, долго поддерживала рвение своего супруга в его борьбе против короля, а теперь, как и он сам, была поражена ужасом и отвращением при виде того, к каким неожиданным и страшным последствиям привели все его хваленые победы.

ПРОЦЕСС КОРОЛЯ

Необыкновенная пышность, важность и торжественность этого действа были вполне достойны самой возвышенной идеи, которую только могут нам предоставить летописи рода человеческого: уполномоченные великой нации призывают к ответу своего верховного магистрата, дабы судить его за дурное управление и вероломство. Обвинитель именем палаты общин заявил, что Карлу Стюарту, допущенному к должности короля Англии, была *доверена* ограниченная власть, однако он, возымев гре-

ховный замысел учредить правление неограниченное и тираническое, изменническим и злонамеренным образом развязал войну против настоящего парламента и представленного в нем народа и потому привлекается ныне к ответственности как тиран, изменник, убийца, открытый и непримиримый враг государства Когда чтение обвинительного акта было закончено, председатель обратился к королю и сказал, что суд ждет от него ответа.

Хотя король долго находился в положении пленника, а теперь был представлен суду в качестве преступника, своим мужеством и благородством он сумел поддержать величие монарха С замечательным хладнокровием и достоинством он отверг власть суда и отказался признать его юрисдикцию Карл заявил судьям, что еще недавно он вел переговоры с обеими палатами парламента и уже достиг с ними согласия почти по всем пунктам, а потому ожидал, что в столицу его доставят иным способом и что к этому времени ему будут возвращены законные права, почести, доходы, а также личная свобода; что он не видит здесь ничего похожего на верхнюю палату, столь важную и необходимую часть английского государственного устройства, а кроме того, ему стало известно, что даже нижняя палата, на чью власть ссылается теперь суд, была вынуждена подчиниться грубой силе и лишилась своей свободы, что сам он является их ПРИРОДНЫМ НАСЛЕДСТВЕННЫМ КОРОЛЕМ, и все ветви государственной власти, пусть даже действующие свободно и сообща, не правомочны судить его, получившего свой титул от Верховного Небесного Владыки; что даже если принять эти нелепые принципы, уравнивающие людей всякого звания, то и в этом случае суд может ссылаться на предоставленные ему народом полномочия лишь после того, как будут опрошены и дадут свое согласие все без исключения англичане, вплоть до самого жалкого и темного крестьянина, что он, король, не колеблясь признает возложенную на него обязанность, самую высокую и священную из всех, — его попечению *вверены* вольности английского народа, — и он не станет изменять им теперь, признавая власть, основанную на ужасном насилии и грубой узурпации; что он поднял оружие и не однажды рисковал жизнью ради защиты народных свобод, конституции и основных законов королевства, и сейчас, в последней и самой торжественной сцене своей жизни, готов скрепить собственной кровью те драгоценные права, которые он так долго, хотя и без успеха, отстаивал, что те, кто дерзко присвоил себе звание его судей, родились на свет его подданными, а также подданными законов, определивших, что *король не может быть не прав*; что в данную минуту он вовсе не стоит перед необходимостью искать спасения единственно лишь в этом общем принципе, защищающем любого, даже наименее достойного английского монарха, но мог бы оправдать свои прежние действия весьма убедительными доводами; что если бы ему сейчас предоставили слово иным образом и при иных обстоятельствах, то всему миру и даже им, его самозваным судьям, он охотно доказал бы законность своих поступков и справедливость оборонительной войны, ко-

торую, против воли и без успеха, он вынужден был начать; однако, желая быть последовательным в своих действиях, он должен теперь воздержаться от любых аргументов в пользу собственной невиновности, иначе, признав власть не более законную, чем власть разбойников и пиратов, он, вместо того чтобы удостоиться похвал как мученик конституции, будет по всей справедливости заклеймен как человек, ей изменивший.

Между тем председатель, желая поддержать достоинство народа и доказать юрисдикцию суда над обвиняемым, упорно твердил, что король не вправе оспаривать авторитет своих судей; что они отклоняют его возражения; что полномочия свои они получили от народа, единственного источника всякой законной власти, и что сами короли управляют лишь в качестве доверенных лиц общества, которое и наделило эту высшую палату правосудия ее судебными правами. Даже если согласиться с этими принципами, которые председатель в его тогдашнем положении, вероятно, не мог не принимать, его поведение в целом покажется весьма грубым и неучтивым, но если видеть в нем подданного, и притом не самого высокого звания, который обращается к своему несчастному государю, то его язык следует признать до крайности вызывающим и дерзким.

Трижды короля приводили в суд, и всякий раз он отвергал его полномочия. На четвертом заседании, после того как были допрошены свидетели, показавшие, что король лично с оружием в руках появлялся перед войсками парламента, судьи огласили приговор. В этот день король весьма настойчиво просил выслушать его на совместном заседании обеих палат — полагали, что он намеревался отречься от престола в пользу сына, — но суд отказал ему в просьбе, посчитав, что это лишь попытка затянуть процесс (27 января).

Все согласны, что поведение короля в этой последней сцене его жизни делает честь его памяти и что в выступлениях перед судьями Карл и как государь, и как человек всегда оставался на высоте. Твердый и неустрашимый, он сохранял в каждом своем ответе величайшую ясность и точность мыслей и выражений; спокойный и невозмутимый, он ни разу не позволил себе разгневаться при виде дерзко над ним вознесшейся новой и незаконной власти. Казалось, его дух, без всякого усилия и аффектации, попросту сохраняет обычное свое расположение, с презрением созерцая жалкие потуги человеческой злобы и несправедливости. Офицеры, подстрекая солдат, заставили их, хотя и не без труда, громко требовать «правосудия и казни». *Несчастные!* — заметил король одному из своих спутников. — *Дайте им немного денег, и они будут кричать то же самое против собственных командиров*[441]. Когда же короля вели по коридору на судебное заседание, некоторым из них позволили дойти до предела животной грубости и плевать ему в лицо. Единственным чувством, которое эти бесчеловечные оскорбления сумели вызвать в душе Карла, стало религиозное смирение.

Народ, хотя и находившийся под жестоким гнетом незаконной деспотической власти, не в силах был сдержать свои чувства, изливая их в пыл-

ких молитвах о спасении короля, искренними слезами он открыто признавал своим монархом *того самого*, ныне настигнутого несчастьем человека, которого прежде, введенный в заблуждение, так грубо отверг в безумной своей ярости Эти трогательные сцены утешили короля, и он благодарил свой народ за преданность и любовь Какой-то солдат, поддавшись общему чувству сострадания, просил Господа благословить низвергнутое и угнетенное королевское величие, его офицер, услышав эту молитву, сбил его с ног в присутствии монарха *Мне кажется, его проступок не заслуживает такого наказания*, — заметил по этому поводу Карл[442]

Как только о замысле суда над королем стало известно за границей, разум и человечность всюду возвысили свой голос против столь чудовищного деяния, и все люди, при какой бы форме правления они ни жили, отвергли этот пример как ужаснейший акт открытой узурпации и гнусное надругательство над справедливостью и законом Исполняя инструкции своего двора, в защиту короля выступил французский посланник, помочь Карлу пытались голландцы, торжественный протест против насилия над ним заявили шотландские комиссары, умоляющие письма парламенту направили королева и принц Уэльский Но все эти ходатайства никак не повлияли на людей, уже принявших твердое и бесповоротное решение

Четверо друзей Карла — Ричмонд, Гертфорд, Саутгемптон и Линдси, — особы знатные и достойные, обратились к палате общин Они заявили, что в качестве советников короля подавали свой голос в пользу всех тех мер, которые ныне ставятся в вину их августейшему владыке как преступления, что по закону и согласно здравому смыслу они одни виновны во всех предосудительных действиях государя и подлежат за них наказанию, и что теперь они готовы подвергнуться любой каре, чтобы спасти таким образом ту драгоценную жизнь, которую самим общинам и всякому подданному монарха следует защищать и оберегать, не страшась при этом величайших опасностей[443] Столь великодушная попытка послужила к их чести, но не помогла спасти короля

Народ пребывал в том безмолвном изумлении, которое естественным образом порождает в человеческий душе всякая сильная страсть, неспособная найти себе выход, а солдаты, подстрекаемые бесконечными проповедями, молитвами и уговорами, пришли в некое неистовство, вообразив, будто вопиющее вероломство по отношению к государю составляет их величайшую заслугу перед Господом[444]

Между приговором и казнью королю предоставили три дня Он провел это время в полном спокойствии, посвятив его главным образом чтению и молитвам К Карлу были допущены все члены его семьи, остававшиеся тогда в Англии, впрочем, их было только двое — принцесса Елизавета и герцог Глостерский, ибо герцогу Йоркскому удалось бежать [408] Герцог Глостерский едва вышел из младенческого возраста, принцесса Елизавета, несмотря на свои юные годы, отличалась замечательной рассудительностью, и бедствия ее семейства уже успели произвести глубокое впечатление на ее душу После многих благочестивых советов и нежных

утешений король поручил ей передать матери, что за всю свою жизнь он ни разу, даже в мыслях, не нарушил ей верность и что его супружеская любовь будет длиться столько же, сколько его жизнь

Юному герцогу он также не преминул дать необходимые наставления, дабы заблаговременно внушить ему принципы верности и послушания брату, который вскоре должен был стать его государем. Посадив его себе на колени, король сказал: «Твоему отцу скоро отрубят голову». При этих словах ребенок посмотрел на него пристально и серьезно. «Дитя мое, запомни хорошенько то, что я тебе скажу: они отрубят мне голову и, может быть, сделают королем тебя, но — слушай меня внимательно! — ты не должен быть королем, пока живы твои братья Карл и Яков. Они отрубят голову твоим братьям, как только схватят их, а в конце концов они отрубят голову и тебе, а потому я приказываю, не позволяй им делать тебя королем!» Герцог, вздохнув, отвечал: «Скорее я дам изрубить себя на куски!» Когда король услышал столь решительный ответ от такого юного создания, глаза его наполнились слезами умиления и радости.

В эти три ночи сон короля был по обыкновению спокойным, хотя шум, который производили рабочие, занятые сооружением эшафота и другими приготовлениями к казни, непрестанно звучал в его ушах[445]. Утром рокового дня он встал рано и, призвав к себе Герберта, одного из своих слуг, попросил, ради столь великого и радостного торжества, причесать и одеть его с большей, чем обычно, тщательностью. Епископ Джаксон, наделенный таким же мягким нравом и прочными добродетелями, какие в высокой степени отличали самого короля, причастил его и оказал последние печальные знаки почтения другу и государю.

КАЗНЬ КОРОЛЯ. 30 ЯНВАРЯ

Местом казни была назначена площадь перед Уайтхоллом: это место — прямо напротив королевского дворца — избрали умышленно, дабы с большей разительностью явить торжество народного правосудия над монаршей властью. Взойдя на эшафот, король обнаружил вокруг множество солдат и уже не мог надеяться на то, что его услышит народ, а потому обратил свою речь к тем немногим, кто находился поблизости, и в частности к полковнику Томлинсону, которому в последние дни была поручена его охрана и который, подобно многим другим людям, пережил полный душевный переворот под влиянием кротости и добросердечия короля. Карл заявил о своей невиновности в недавних губительных войнах, заметив, что за оружие он взялся лишь после того, как набрал свои войска парламент, и что единственной его целью в этих военных действиях было сохранить в неприкосновенности верховную власть, унаследованную от предшественников. Он, однако, не стал обвинять во всем парламент, более склоняясь к мысли о вмешательстве злонамеренных лиц, возбудив-

ших в парламенте страхи и опасения относительно его планов Король сказал, что он неповинен перед своим народом, однако признал, что в глазах Творца казнь его вполне справедлива, и добавил, что постигший его ныне несправедливый приговор есть кара за другой несправедливый приговор, утвержденный некогда им самим Он простил всем своим врагам, даже главным виновникам своей смерти, но призвал их и всю нацию возвратиться на стезю мира, оказав должное повиновение их законному государю, его сыну и наследнику Когда король готовился положить голову на плаху, епископ Джаксон воскликнул «Ваше Величество, остался один, последний шаг, трудный и мучительный, но короткий! Помните в одно мгновение он перенесет вас далеко — с земли на небо, — и там, к великой вашей радости, обретете вы ту желанную награду, к которой стремитесь теперь, — венец славы!» — «Иду, — отвечал ему король, — иду от тленной короны к нетленному венцу, иду туда, где нет места волнениям и тревогам!» Один удар топора отделил голову от тела Должность палача исполнил человек в маске, другой, подобным же образом скрывавший свое лицо, поднял истекающую кровью голову, показал ее народу и громко воскликнул *Вот голова изменника!*

Ужас, гнев и печаль, охватившие не одних лишь свидетелей казни, которые были поражены глубочайшей скорбью, но и всю нацию, как только дошли до нее известия об этом роковом событии, не поддаются описанию Ни один монарх на самой вершине успехов и побед не становился так дорог своему народу, как ныне этот несчастный государь благодаря своим бедствиям, величию своей души, благочестию и терпению Сила страсти, с которой возвращался народ к любви и к сознанию верноподданнического долга, была соразмерна неистовству прежних заблуждений, восстановивших его некогда против короля, и теперь каждый жестоко себя упрекал либо в прямой измене государю, либо в недостаточно смелой защите его дела На более слабые натуры эти сложные чувства производили самое поразительное действие Рассказывают, что женщины до времени выкидывали плод чрева своего, другие бились в конвульсиях или погружались в глубокую меланхолию, уже не оставлявшую их до могилы, но и это еще не все сообщают, что некоторые, словно не желая или будучи не в силах пережить горячо любимого государя, забывали о себе настолько, что внезапно падали на землю и умирали И даже церковные кафедры, откуда прежде неслись яростные проклятия и поношения в адрес короля, орошались теперь искренними слезами Всех англичан объединила ненависть к этим ханжам и изменникам, которые так долго маскировали свои злодейства лицемерными речами, а этим последним актом чудовищного беззакония покрыли нацию несмываемым позором

В самый день смерти короля они явили еще один пример поразительного лицемерия Благородный Ферфакс не только уклонился от участия в суде, но и употребил все оставшееся у него влияние, чтобы помешать исполнению рокового приговора, и даже уговаривал, хотя и безуспешно, свой собственный полк спасти короля от вероломных убийц Узнав об

этом намерении Ферфакса, Кромвель и Айртон попытались убедить его в том, что Господь отверг короля, и призвали искать у Неба в молитвах наставления в столь важном деле, однако скрыли от него, что приказ о приведении приговора в исполнение ими уже подписан. Молиться вместе с доверчивым генералом было поручено Гаррисону. По предварительному уговору он продолжал свои лицемерные стенания до тех пор, пока не пришло известие, что роковой удар пал. Тогда он поднялся с колен и решительно заявил Ферфаксу, что это событие и есть тот чудесный ответ, который посылает Небо на их благочестивые мольбы[446].

За мгновение до того, как положить голову на плаху, король чрезвычайно серьезным тоном сказал Джаксону одно-единственное слово: ПОМНИТЕ! Это не осталось незамеченным; подозревали, что здесь кроется некая важная тайна, и потому генералы весьма грубо и настойчиво потребовали от прелата сообщить, что же именно имел в виду король. Джаксон рассказал им, что Карл, который не однажды вменял ему в обязанность внушить его сыну мысль о необходимости прощения убийц отца, в последние минуты своей жизни, когда его воля, как он полагал, будет сочтена священной и нерушимой, не преминул повторить свой наказ, и таким образом кроткая душа короля окончила свой земной путь актом милосердия по отношению к злейшим врагам.

ХАРАКТЕР КОРОЛЯ

У этого государя, как, впрочем, и у большинства, если не у всех без исключения людей, был смешанный характер, однако добродетели в нем явно преобладали над пороками, или, лучше сказать, над недостатками, ибо едва ли какая-либо из его слабостей достигала такой степени, чтобы заслужить название порока. Рассматривая Карла в самом благоприятном для него свете, можно утверждать, что его чувство достоинства было свободно от гордыни, доброта — от безволия, мужество — от опрометчивости, воздержанность — от бессмысленного аскетизма, бережливость — от скупости; все эти добродетели пребывали в надлежащих границах и заслуживали безусловной похвалы. Если же подойти к нему с предельной строгостью, то можно будет сказать, что многие из этих превосходных качеств сопровождались скрытыми изъянами, которые, пусть и несущественные на первый взгляд, оказывались способны, при содействии чрезвычайно враждебной к нему судьбы, сводить на нет все их благое влияние: на природное добросердечие короля бросало тень его не слишком любезное обращение, его высокие нравственные принципы имели в себе оттенок суеверия, его здравомыслию не шло на пользу доверие к людям, менее умным, чем он сам, и даже уравновешенный характер не всегда спасал его от поспешных и необдуманных решений. Он заслуживал имени скорее доброго, нежели великого человека, и создан был для того, чтобы

править в стране с прочным и ясно определенным государственным устройством, будучи равно не способен ни разумным образом уступить посягательствам народного собрания, ни окончательно сломить его дерзость Для первого ему недоставало гибкости и ловкости, для второго — надлежащей решительности в действиях Если бы Карл родился абсолютным монархом, его гуманность и здравомыслие сделали бы его правление счастливым, а память — драгоценной, если бы для королевской прерогативы уже в его время существовали совершенно ясные и твердые пределы, честность Карла заставила бы его считать священными установленные конституциеи границы К несчастью, судьба определила ему жить в эпоху, когда прецеденты многих предшествующих царствований несли в себе явные следы деспотической власти, а дух народа сильнейшим образом тяготел к свободе И если Карлу не хватило политической мудрости, чтобы выйти из столь опасного положения, то его можно извинить, ведь даже после событии, когда бывает так легко исправлять задним числом любые ошибки, мы затрудняемся определить, какой же образ действий мог бы при его обстоятельствах защитить власть короны и сохранить мир в государстве Оказавшись — без постоянных доходов и без военной силы — под ударами партий, охваченных непримиримой злобой, яростью и фанатизмом, он уже не мог совершить малейшего промаха, не навлекая на себя роковых последствий, — положение, сложность которого превосходит величайшие человеческие способности

Некоторые историки поспешили усомниться в добросовестности этого государя, однако самый тщательный и пристрастный анализ его действий, ныне превосходно известных во всех подробностях, не дает для подобного обвинения никаких разумных оснований Напротив, если принять в расчет тяжелейшие обстоятельства, в которых он так часто оказывался, и сопоставить с ними искренность его заявлений и деклараций, то нужно будет признать, что прямодушие и честность относятся к числу самых блестящих достоинств Карла Ни внешние мотивы, ни чьи-либо доводы не могли заставить его в ходе любых переговоров согласиться на такие условия, которые, как он считал, не позволит ему впоследствии исполнить совесть И хотя Карлу, вероятно, можно поставить в вину отдельные нарушения петиции о праве, объяснять их следует скорее совершенной безвыходностью его положения и слишком возвышенными понятиями о монаршей прерогативе, которые усвоил он из бесспорных прецедентов прошлого, нежели каким-либо изъяном в его нравственных принципах[447]

Этот государь имел благородную наружность, приятный, хотя несколько печальный вид Черты его были правильными и красивыми, цвет лица — здоровым, тело — сильным, крепким и пропорционально сложенным, человек среднего роста, Карл мог переносить самые утомительные труды Он был отличным наездником, выделялся в других телесных упражнениях В общем, он обладал всеми внешними, а также многими внутренними существенными достоинствами, которые образуют совершенного государя

Страшная смерть Карла породила вопрос о том, вправе ли народ при каких-либо обстоятельствах судить и наказывать своего монарха, и большинство англичан, принимая в расчет главным образом вопиющие беззакония его самозваных судей и великие достоинства добродетельного государя-мученика, склонны были осуждать республиканский принцип как в высшей степени безрассудный и бунтарский; по-прежнему, однако, находились и такие, впрочем, весьма немногие, люди, которые, оставляя в стороне частности данного конкретного дела, способны были рассмотреть вопрос в общем виде и склонялись к тому, чтобы, не отвергая категорически господствующего мнения, несколько смягчить его крайности. Рассуждали они примерно так. Если существуют обстоятельства, при которых сокрытие истины от черни заслуживает похвалы, то следует согласиться, что доктрина сопротивления властям и являет нам подобный пример и что все отвлеченные мыслители должны хранить в отношении данного принципа то же осторожное молчание, которое всегда и при любой форме правления предписывали себе на сей счет законы. Всякое правление учреждается ради того, чтобы держать в узде бешенство и несправедливость народа, а поскольку основывается оно всегда не на силе, а на мнении, то весьма опасно ослаблять подобного рода абстрактными теориями то благоговение, которое должен питать к властям простой народ, заранее давая ему понять, что в будущем могут возникнуть обстоятельства, способные освободить его от уз верноподданнического долга. Если же обнаружится, что положить пределы свободе человеческих умствований невозможно, то нужно признать, что *открыто проповедовать* народу следует только одну доктрину — доктрину повиновения властям; об исключениях же из нее, которые сами по себе немногочисленны, в публичных рассуждениях и речах следует упоминать как можно реже или даже вовсе о них не говорить. И не стоит страшиться того, что эта благоразумная сдержанность доведет все человечество до состояния постыдного рабства. Когда исключения действительно имеют место, они, даже совершенно неожиданные и никем прежде не обсуждавшиеся, являются по самой своей природе столь очевидными и неоспоримыми, что с легкостью уничтожают всякие сомнения, преодолевая сколь угодно мощные преграды, установленные проповедью доктрины безусловного повиновения. Но оказать государю сопротивление и свергнуть его с престола — далеко не одно и то же, и злоупотребления властью, способные оправдать последнее, должны быть гораздо более чудовищными и возмутительными, чем те, которые делают допустимым первое. История, однако, дает нам даже такие примеры, и хотя в будущем едва ли приходится ожидать чего-либо подобного, всякий беспристрастный исследователь должен признать, что в отношении прошлого это не просто теоретическое предположение, но реальный факт. Но между низложением государя и наказанием его также существует громадное различие, и было бы неудивительно, если бы даже люди самого смелого и широкого ума усомнились в том, способна ли человеческая природа дойти в каком-либо монархе до такой степени

испорченности, чтобы оправдать этот чрезвычайный акт правосудия. Та иллюзия (если это вообще иллюзия), которая учит нас относиться к особам государей со священным трепетом, является столь полезной, что если разрушить ее формальным процессом и судебным наказанием монарха, пагубное влияние данного акта на простой народ окажется более значительным, чем все то благотворное действие, которое пример торжествующего правосудия способен произвести на государей, обуздывая их склонность к тирании. Существует и другая опасность: подобные примеры могут довести государей до безрассудного отчаяния, ибо крайняя суровость в отношении лиц, наделенных громадной властью, не оставляет им иного выхода, кроме обращения к самым жестоким и кровавым средствам. Установив этот общий принцип, мы, однако, должны заметить, что ни один читатель, к какой бы партии он ни принадлежал и каких бы взглядов ни держался, никогда не был шокирован, читая в древней истории о том, как римский сенат объявил Нерона, своего абсолютного монарха, врагом государства и без всякого суда приговорил его к самому суровому и позорному наказанию — наказанию, которому по закону не мог быть подвергнут даже самый последний из римских граждан [409]. Преступления этого кровожадного тирана столь чудовищны, что перед ними теряют смысл всякие общие правила, и мы просто вынуждены признать, что подобного рода низложенный государь уже не стоит выше своего народа и не вправе ссылаться в свою защиту на те законы, которые призваны регулировать управление при обычных условиях. Но когда от Нерона мы обращаемся к Карлу, нас тотчас же поражает явное несходство или, лучше сказать, полная противоположность их характеров, и мы не в силах прийти в себя от изумления при мысли о том, что столь великую добродетель могла постигнуть в цивилизованной стране столь ужасная судьба. История, эта великая учительница мудрости, дает нам в изобилии примеры всякого рода, и те события, которые можем мы созерцать в ее широком зеркале, способны послужить обоснованием для самых различных правил, относящихся к морали или практическому благоразумию. Из достопамятных революций, происходивших в эту эпоху в Англии, мы можем легко извлечь тот же полезный урок, который усвоил сам Карл в последние годы жизни: государям — даже под предлогом видимой необходимости — опасно брать в свои руки больше власти, чем это дозволяет им закон. Однако следует согласиться, что эти события дают нам еще одно поучение, не менее полезное и очевидное, поучение, которое касается дикого безумия черни, бешеной ярости религиозного фанатизма и опасности наемных армий.

Чтобы завершить данный отдел британской истории, следует рассказать также об уничтожении монархии в Англии, событии, которое произошло вскоре после смерти монарха. Когда пэры после перерыва в своих заседаниях вновь собрались в назначенный день (6 февраля), они приступили к текущим делам и даже направили общинам кое-какие постановления, на которые те не соизволили обратить ни малейшего внимания. А че-

рез несколько дней общины постановили, что они не станут более ни обращаться к палате пэров, ни принимать каких-либо обращений от нее и что сама эта палата, как бесполезная и опасная, подлежит упразднению Подобный же акт принят был и в отношении монархии, и, что весьма замечательно, Мартин — рьяный республиканец — в прениях по данному вопросу признал, что если бы общинам угодно было иметь короля, Карл подошел бы для этой роли ничуть не хуже любого другого английского дворянина[448] Нижняя палата приказала вырезать новую государственную печать, на которой было изображено само это собрание и красовалась следующая надпись В ПЕРВЫЙ ГОД СВОБОДЫ, БОЖЬИМ БЛАГОСЛОВЕНИЕМ ВОССТАНОВЛЕННОЙ, 1648 Во всех официальных документах имя короля сменила формула «хранители свобод Англии»[449] Кроме того, палата объявила государственным преступником всякого, кто провозгласит или каким-то иным образом признает королем Англии «Карла Стюарта, обыкновенно именуемого принцем Уэльским»

Рассказывают, что принцессу Елизавету общины намеревались отдать в учение галантерейщице, герцога Глостерского решили обучить какому-то другому механическому ремеслу Но принцесса вскоре умерла — как полагают, от горя, потрясенная трагической смертью отца, — а принца выслал из страны Кромвель

Статуя короля, стоявшая у Биржи, была низвергнута, а на ее пьедестале высечены слова EXIT TYRANUS, REGUM ULTIMUS (*Ушел тиран, последний из королей*)

Герцога Гамильтона, в качестве английского графа Кембриджа, судил новый верховный трибунал, приговоривший его к смертной казни за государственную измену Этот приговор — без сомнения, суровый, но способный оградить память герцога от любых обвинений в измене королю — был приведен в исполнение на эшафоте, воздвигнутом напротив Вестминстера Та же участь постигла лорда Кейпла Несколько ранее оба эти аристократа сумели бежать из тюрьмы, но были обнаружены и схвачены В ответ на все ходатайства их друзей о помиловании генералы и парламентские вожди упрямо твердили, что казнь их есть очевидная воля Провидения, *ибо после того как им удалось вырваться на свободу*, Оно вновь предало их в руки врагов

Такой же приговор стоил жизни графу Голланду Весьма любезный в своем обращении и изысканный в манерах, он умер, не оплаканный ни одной из партий считалось, что неблагодарность по отношению к королю и частые переходы из одного лагеря в другой сильнейшим образом запятнали его репутацию Граф Норвич и сэр Джон Оуэн, осужденные тем же трибуналом, были помилованы палатой общин

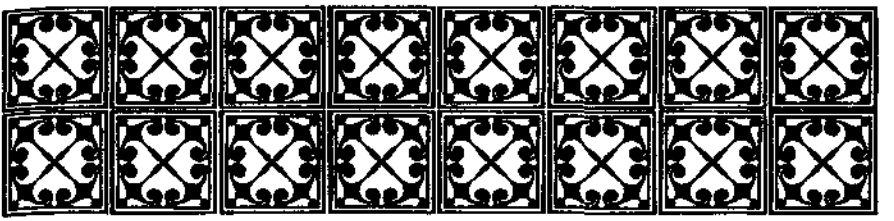
Король оставил после себя шестерых детей троих мужского пола — Карла (род в 1630 г), Якова, герцога Йоркского (1633), Генри, герцога Глостерского (1641), и троих женского — Марию, принцессу Оранскую (1631) [410], Елизавету (1635) и Генриэтту, впоследствии герцогиню Орлеанскую (род в Эксетере в 1644 г) [411]

Архиепископами Кентерберийскими в это царствование были Эббот и Лод, лордами-хранителями большой печати — епископ Линкольнский Уильямс, лорд Ковентри, лорд Финч, лорд Литтлтон и сэр Ричард Леин, лордами-адмиралами — герцог Бекингем и граф Нортумберленд, лордами-казначеями — граф Мальборо, граф Портленд, епископ Лондонский Джаксон и лорд Коттингтон, государственными секретарями — лорд Конвей, сэр Альбертус Мортон [412], Кок, сэр Генри Вен, лорд Фолкленд, лорд Дигби и сэр Эдуард Николас [413]

Читатель вправе ожидать, что в данном месте мы упомянем об *Icon Basiliké*, сочинении, опубликованном под именем короля спустя несколько дней после его казни Рассуждая о спорных вопросах истории, почти невозможно высказать что-либо, с чем согласились бы фанатические приверженцы противоположных партий, но в отношении данной книги историку нелегко прийти даже к такому мнению, которое бы вполне удовлетворило его самого Свидетельства, приводимые в пользу того, что она принадлежит или не принадлежит королю, настолько убедительны, что если какой-либо беспристрастный читатель тщательно рассмотрит доводы любой из сторон в отдельности[450], то он не поверит, что можно представить другие аргументы, способные послужить противовесом для столь серьезных доказательств, когда же он сравнит позиции обеих сторон, ему в течение некоторого времени трудно будет прийти к определенному решению Но если полный отказ от суждения в столь важном вопросе будет сочтен затруднительным или неуместным, то я должен буду признать, что чувствую в себе сильнейшую склонность отдать предпочтение доводам роялистов Свидетельства в пользу авторства короля более многочисленны [414], надежны и ближе касаются существа вопроса, нежели аргументы противной стороны Так обстоит дело, даже если принимать в расчет одни лишь внешние доказательства, но если мы взвесим также и внутренние, относящиеся к стилю и композиции, то всякое сравнение станет невозможным Своим изяществом, правильностью, ясностью и благородной простотой языка эти размышления напоминают общий дух тех страниц, которые, как нам достоверно известно, вышли из-под королевского пера, и они настолько далеки от путаного, тяжеловесного, напыщенного и высокопарного слога д-ра Годена, которому их приписывают, что, кажется, никакие человеческие свидетельства не смогут убедить нас в его авторстве Тем не менее все доводы, с помощью которых короля желают лишить этой чести, имеют своей целью доказать, что именно д-р Годен был тем человеком, в заслугу коему следует поставить написание столь превосходной книги, а в вину — то, что он бесчестным образом выдал ее за сочинение самого короля

Нам уже трудно себе представить чувство глубокого сострадания к монарху, которое пробудила эта книга, полная величайшего благочестия, смирения и человеколюбия и опубликованная в столь важный и переломный момент Многие не поколебались даже приписать ее влиянию последующую реставрацию королевской династии Мильтон сравнил ее воздей-

ствие с тем эффектом, которое произвело на возбужденную толпу римлян завещание Цезаря, прочитанное Антонием. За один год *Icon* выдержал пятьдесят изданий, и независимо от громадного интереса, который вызвал он у англичан как предполагаемое сочинение их злодейски убитого государя, эту книгу следует признать лучшим прозаическим произведением на английском языке, существовавшим на момент ее публикации.



ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВАМ I—VI*

[1] Kennet, p 662
[2] Ibid , p 662 Wilson, in Kennet, p 665
[3] Wilson, in Kennet, p 665
[4] Sully's Memoirs
[5] La Boderie, vol , p 120
[6] Winwood, vol 2, p 55
[7] Sully's Memoirs
[8] State Trials, p 180, 2, Winwood, vol 2, p 8, 11
[9] 29 ноября
[10] 5 декабря
[11] Winwood, vol 2, p 9
[12] Winwood, vol 2, p 11
[13] State Trials, 1st edit , 176, 177, 182
[14] Fuller, book 10 Cullier, vol 2, p 672
[15] В своей книге «Balisikon Doron»[29], опубликованной еще до переезда в Англию, Яков позволил себе сказать следующее «Перед лицом всемогущего Бога я торжественно заявляю (а поскольку сеичас я оставляю вам нечто вроде завещания, то мне не подобает лгать), что даже у разбойников с южной границы или у воров из северных гор не найдете вы больше лживости, неблагодарности и вероломства, чем у этих бешенных фанатиков, а потому никогда не позволяйте их вожакам ступать на вашу землю» (King James's Works, p 161)
[16] Fuller's Ecclesiast History
[17] Kennet, p 665
[18] Fuller's Ecclesiast History
[19] King James's Works, p 484 etc , Journ 22d March, 1603, Kennet, p 668
[20] King James's Works, p 495, 499
[21] Journ January 19, 1580
[22] Journ March 18, 1580, D'Ewes, p 430
[23] D'Ewes, p 397
[24] 39 г Генриха VI
[25] Journ Feb 8, 1580
[26] В ходе сессии следующего парламента (35-й год правления Елизаветы) общины после долгих дебатов приняли специальное постановление о том, что человек, ограниченный в правах, может быть избран (D'Ewes, p 518) Но поскольку этот вопрос был предметом горячих споров, то король мог счесть, что данное постановление парламента законом не является и что его собственное решение об-

* Полная библиография использованных Д Юмом работ и источников будет дана во втором томе

ладает бо́льшим весом Можно также допустить, что он попросту ничего не знал об этом постановлении Королева Елизавета в речи к своему последнему парламенту выразила недовольство тем, что палата допускает в свой состав лиц, ограниченных в правах, и назвала подобный образ действий возмутительным злоупотреблением

[27] Jan 11, 1604, Rymer, vol 16, p 561

[28] По сообщению герцога Сюлли, король Яков был убежден, что в первый год своего правления ни один государь не должен начинать никаких важных дел — принцип, разумный сам по себе, и вполне соответствовавший его осторожному, чтобы не сказать робкому, характеру Легкость, с которой король отступил от этого правила, служит еще одним доказательством того, что ничего дурного он не замышлял Но если бы уже в эту эпоху были точно определены привилегии парламента или ясно ограничены полномочия короны, то разве пришло бы королю в голову, что его прокламации способны регулировать порядок парламентских выборов?

[29] Winwood, vol 2, p 18, 19

[30] Journ 26th March, 1604

[31] Journ 3d April, 1604

[32] Когда герцог Лерма настойчиво убеждал сэра Чарльза Корнваллиса[37], посла короля Якова в Мадриде, вступить в союз с Испанией, сэр Чарльз отвечал министру, что «хотя Его Величество — монарх абсолютный и потому никому не обязан давать отчет в своих действиях, однако государь это столь добрый и милостивый, столь искренно стремящийся снискать любовь своих подданных и доставить им радость, что, я уверен, он не сочтет возможным предпринимать какое-либо важное дело, не познакомив их прежде со своими замыслами» (Winwood, vol 2, p 222) В предисловии к «Истории мира»[38] Уолтера Рэли есть такое место «Опираясь на грубую силу и принуждение, Филипп II попытался сделать себя не просто абсолютным властителем над Нидерландами, подобно королям и монархам Англии и Франции, но, словно турецкий султан, растоптать и уничтожить все их естественные и основные законы, привилегии и старинные права» В «Исследовании об импозициях» Джона Девиса (с 161) мы находим следующее место «Итак, из этого сравнения мы видим, что король Англии лишь слегка прикасается к своим подданным мизинцем, тогда как прочие владыки и государства всей тяжестью налегают на свои народы Какова же причина этого несходства? Откуда оно происходит? Конечно, не из различий в обширности монаршей прерогативы, ибо король Англии является столь же абсолютным монархом, как и любой другой император или король, и обладает столькими же прерогативами, неотделимыми от его короны» Выступая по делу Корди, Эдуард Кок говорил «Согласно древним законам государства, Англия есть абсолютная монархия[39], а ее король наделен полной и неограниченной властью, прерогативой и юрисдикцией, являясь верховным владыкой всех лиц в пределах своего королевства» Спенсер, рассуждая о некоторых пожалованиях английских королей ирландским корпорациям, замечает «Хотя все эти привилегии в первое время были допустимыми и, вероятно, обоснованными, однако теперь они стали в высшей степени неразумными и стеснительными Но все они могут быть с легкостью упразднены высшей властью прерогативы ее величества, против которой ее собственные прежние пожалования не имеют силы и не могут приводиться в качестве аргумента» (State of Ireland, p 1537 Edit 1706) Тот же автор на с 1660 предлагает план наведения порядка в Ирландии, согласно которому королева должна учредить в каждом графстве должность начальника военной полиции Последний, в сопровождении

восьми или десяти солдат, будет объезжать свое графство в поисках бродяг и дезертиров, изловив кого-нибудь из них в первый раз, он может подвергнуть его легкому наказанию, посадив на время в колодки, во второй раз — высечь плетьми, однако в третий раз он вправе повесить пойманного без суда и следствия на первом же дереве Автор полагает, что подобными полномочиями безопаснее наделить начальника военной полиции, нежели шерифа, ибо последний, получая доход от выморочного имущества казненного преступника, может почувствовать искушение вешать людей невинных Ясно, что речь здесь идет об абсолютной и даже деспотической власти, и из всех этих примеров мы можем заключить, что либо слово «абсолютный» имело тогда отличный от современного смысл, либо человеческие понятия об английском и ирландском правлении были иными Последний вывод кажется более справедливым В самом деле, слово «абсолютный», заимствованное из французского языка, всегда сохраняло первоначальное свое значение Между тем в ответе Карла I на «Девятнадцать предложений»[40] абсолютная монархия противопоставлена ограниченной, и там же признано, что король Англии абсолютным монархом не является, — столь существенно изменилось положение вещей уже к началу гражданской войны В трактате сэра Джона Фортескью[41] об ограниченной и абсолютной монархии, книге, написанной в правление Эдуарда IV[42], слово «абсолютный» имеет тот же смысл, что и ныне, а об английской монархии также сказано, что она не является абсолютной Следовательно, именно государи дома Тюдоров ввели эту форму правления, близкую к абсолютной монархии Предшествующих Тюдорам королей ограничивали бароны, последующих — палата общин Народ же, строго говоря, имел немного прав при обеих системах правления, но всего менее — при первой из них

[33] Camden, in Kennet, p 375

[34] Journ 29th March, 5th April, 1604

[35] Journ 30th March, 1604

[36] Ibid

[37] Ibid

[38] Но этот же самый парламент, выказавший столько твердости и здравомыслия в деле Гудвина, на третьей сессии сделал короне чрезвычайно странную уступку По внушению Его Величества совет исключил своим приказом из членов палаты Тоби Мэтьюза Парламент же не только подчинился этому произвольному акту, но даже издал распоряжение о новых выборах столь неопытными новичками в принципах свободы все еще оставались депутаты! (См Протоколы засед парл , 14 февраля 1609 г) Король исключил Мэтьюза по причине перехода того в папизм к лицам, воспитанным в католической вере, Яков был снисходителен, однако терпеть не мог новообращенных И, вероятно, именно враждебность общин к папистам и заставила их допустить подобный прецедент, не задумавшись о его последствиях Уже пробудившееся, рвение свободы еще не стало в достаточной мере просвещенным

[39] Journ 6th and 7th May, 1604

[40] В то время люди даровитые и обладавшие широким умом уже усвоили принципы свободы, большей части англичан все еще неизвестные Сэр Мэтью Гэльс представил ремонстрацию против действий короля по отношению к парламенту во время последней сессии Ремонстрация, изложенная в вольнолюбивом духе и с замечательной логичностью, являлась произведением сэра Фрэнсиса Бэкона и сэра Эдуарда Сэндиза[45], двух самых талантливых и образованных людей в тогдашней Англии Она составлена от имени общин, но поскольку в парламентских протоколах ничего о ней не говорится, то мы должны заключить, что либо сами

авторы, сознавая, что этот документ по своему духу и тону намного опережает общепринятые идеи эпохи, не решились представить его в палату, либо что он был по указанной причине палатой отвергнут Ремонстрация решительно отстаивает права и достоинство палаты общин между прочим в ней сказано, что дурному обращению, которое испытывали общины в конце правления Елизаветы, они подчинялись лишь из уважения к ее полу и возрасту Здесь, однако, авторы ошибаются, поскольку и в начале, и в середине этого царствования с палатой обходились ничуть не лучше, и она не роптала Власть монарха оставалась одинаково деспотичной и при Марии, и при Эдуарде[46], и при Генрихах Седьмом и Восьмом[47] А углубившись в историю еще дальше, мы обнаружим, что хотя известного рода буйной баронской вольницы тогда было действительно больше, общины пользовались еще *меньшим* авторитетом

[41] Journ 21 May, 1604

[42] Ibid

[43] В жалобе, поданной в 1602 году корпорацией лоцманов, сказано, что с 1588 года, т е немногим более чем за 12 лет, количество судов и число матросов в Англии уменьшилось примерно на треть (Anglesey's happy future State of England, p 128, from sir Julius Caesar's Collections См Journ 21 May, 1601)

[44] Journ 1 June, 1604

[45] Journ 30 April, 1604

[46] Journ 21 April, 1 May, 1604, Parliamentary History, vol 5, p 91

[47] Journ 7th June, 1604, Kennet, p 673

[48] Parliamentary History, vol 5, p 108

[49] Journ 26 June 1604

[50] Лабодри, французский посол, утверждает, что палата общин состояла преимущественно из пуритан (vol 1, p 81)

[51] Parliamentary History, vol 5, p 98–100

[52] Акт о признании короля, утвержденный этим парламентом, был составлен в самых пространных выражениях Парламент признал и подтвердил, что по кончине и преставлении Елизаветы, покойной английской королевы, корона Англии, по естественному праву рождения и по законному и бесспорному праву наследования, тотчас же перешла к его высокочтимому величеству как прямому, истинному, законному, ближайшему и единственному наследнику королевской династии этого государства (James 1, cap 1) Несмотря на свое преобладание в парламенте, пуритане не сочли нужным оспаривать этот важнейший конституционный пункт В акте о признании королевы Елизаветы парламент провозглашает, что ее королевское величество, согласно божественным законам и в соответствии с *установлениями и статутами государства, самым бесспорным образом является* и по самому очевидному из прав должна быть нашей законнейшей государыней, верховной повелительницей и королевой и т д А значит, если парламент не упомянул о божественном праве Якова, то упущение это объясняется вполне случайным обстоятельством — тем, что данный оборот просто не пришел на ум составителю акта, ведь официальный титул Якова совершенно тот же, что у его предшественницы, божественное право которой недвусмысленно признавалось парламентом

[53] Rymer, vol 16, p 585 etc

[54] Winwood, vol 2, p 27, 330 et alibi В данном отношении мир, заключенный Яковом, не был более почетным, чем тот, который заключил с Испанией Генрих IV Последний обязался не оказывать голландцам поддержки, и та помощь, которую он им затем тайно посылал, являлась прямым нарушением условий договора

[55] 23d of June, 1603
[56] Grotii Annal Lib 12
[57] См Прокламации первых семи лет правления Якова, Winwood, vol 2, p 65
[58] Memoirs de la Boderie, vol 1, p 64, 181, 195, 217, 302, vol 2, p 244, 278
[59] State Trials, vol 2, p 201–203, Winwood, vol 2, p 49
[60] History of the Gunpowder Treason
[61] State Trials, vol 1, p 190, 198, 210
[62] King James's Works, p 227
[63] King James's Works, p 229
[64] Ibid
[65] Ibid , p 230
[66] Winwood, vol 2, p 173
[67] King James's Works, p 231
[68] Некоторые историки предположили, что король получил тайное сообщение о заговоре, а письмо к Монтиглу было составлено по его указанию, чтобы государь мог впоследствии удостоиться похвал за свою проницательность в раскрытии заговора Однако достоверные факты опровергают это предположение Письмо, о котором говорили все вокруг, могло естественным образом внушить тревогу заговорщикам, вынудив их искать средств к спасению То же самое действие должно было произвести посещение подвала лордом-чемберленом Аресты и допросы начались, судя по всему, лишь через несколько дней, после того как Фокс назвал имена заговорщиков Впрочем, из текста одного письма в «Мемуарах» Винвуда (vol 2, p 171) мы можем заключить, что догадками короля руководила проницательность Солсбери и что этот министр как ловкий придворный уступил своему господину всю славу разоблачения заговора
[69] State Trials, vol 1, p 199
[70] Winwood, vol 2, p 300
[71] Ibid
[72] State Trials, vol 1, p 201
[73] Athen Ox , vol 2, fol 254
[74] После оглашения приговора Дигби писал жене «Что касается моих намерений, я скажу тебе так если бы я думал, что в этом заговоре есть хоть малейшая доля греха, я бы ни за что на свете к нему не присоединился Ревность к вере божьей — это и ничто иное побудило меня поставить на карту состояние и самую жизнь» Узнав, что некоторые католики осуждают заговор, Дигби был весьма удивлен (Digby's Papers, published by secretary Coventry)
[75] Camden in Kennet, p 692
[76] King James's Works, p 503, 504
[77] На этой же сессии парламент принял закон, согласно которому каждый должен был принести присягу на верность, присягу, впрочем, весьма умеренную, поскольку она не разрешала никаких спорных вопросов между двумя исповеданиями, а лишь обязывала принимающих ее лиц формально отвергнуть право папы низлагать королей См King James's Works, p 250
[78] Kennet, p 676
[79] Journ 20th May, 1606
[80] Journ 5th April, 1606
[81] Kennet, p 676
[82] King James's Works, p 509
[83] Общины были настолько не расположены к унии, что на предыдущей сессии подали лордам жалобу на епископа Бристольского, написавшего книгу в ее

пользу, и прелату пришлось просить прощения за свой проступок В вину ему, очевидно, вменялось то, что он осмелился писать о предмете, относившемся к ведению парламента Столь узкими оставались в ту пору понятия коммонеров о всеобщей свободе слова[1] (См Parliamentary History, vol 5, p 108–110)

[84] Bacon's Works, vol 4, p 190, 191, edit 1730

[85] Journ 2d Dec , 5th March, 1606, 25th, 26th June, 1607

[86] Journ 16, 17 June, 1607

[87] Ibid 25th Feb, 1606

[88] Journ 3d July, 1607

[89] Проект мира, предложенный Яковом, см у Винвуда (vol 2, p 429, 430), он совпадает с планом Генриха, в чем можно убедиться по сочинению Жанена (Jeanin, t 3, p 416, 417) Опираясь на авторитет последнего, историки долгое время считали, будто Яков объявил испанскому двору, что не станет поддерживать голландцев в их требовании свободы и независимости Однако впоследствии обнаружилось (см Winwood's Memorials, vol 2, p 456, 466, 469, 475, 476), что слух этот основан на лживом утверждении президента парламента Ришардо

[90] Winwood, Jeanin, passim

[91] Journ 17th Feb 1609, Kennet, p 681

[92] Помимо отчуждения значительной части коронных земель следует упомянуть о том, что рента не увеличилась, а прочие земли сдавались на долгий срок и по ценам, зачастую вовсе не превышавшим прежнюю арендную плату

[93] Winwood, vol 2, p 438

[94] Journ 18th April, 5th and 10th of May, 1614 etc , 20th February, 1625 См также John Davis, Question concerning impositions, p 127, 128

[95] Sir Davis, Question concerning impositions

[96] Journ 23d May, 1610

[97] Parliamentary History, vol 5, p 241

[98] Ответ короля мы находим в «Записках» Винвуда Т 3 С 193, 2-е изд «На третий и четвертый пункты (а именно, что арест королевских слуг без особого дозволения может быть законным, и что не должно никого принуждать к займу или к объяснению причин отказа) Его Величество отвечает нам, что в подкрепление своих просьб мы упоминали старинные прецеденты, он же не принимает никаких ссылок на прецеденты из тех времен, когда страной правили государи незаконные или порочные, а народ вел себя дерзко или буйно, что он не желает править в таком государстве, где подданным нечего опасаться и не на что уповать Одно дело — submittere principatum legibus, и совсем другое — submittere principatum subditis[79] Королю не угодно, чтобы его правление оставило потомству подобный признак слабости, а потому его заключение таково non placet petitio, non placet exemplum[80], однако со следующей смягчающей оговоркой в том, что касается займов, король готов принять любой обоснованный отказ, равным образом его лорд-чемберлен не станет возражать против ареста кого-либо из королевских слуг, если в оправдание подобного акта будут представлены веские причины» На сей раз, однако, парламент с благодарностью признал, что Яков позволяет вести дебаты и наводить справки по поводу монаршей прерогативы с гораздо большей свободой, чем это допускали его предшественники» (Parliament Hist , vol 5, p 230) На этой же сессии он прямо разрешил парламенту представить все имевшиеся у него жалобы без исключения

[99] Parliamentary History, vol 5, p 250

[100] Journ 12th May, 1624

[101] Journ 2d, 11th December, 5th March, 1606

[102] Parliament Hist , vol 5, p 247, Kennet, p 681

[103] Откуда появилась именно эта сумма, мы узнаем из «Записок» Винвуда Т 2 С 193 «После чего лорд-казначей перешел к вопросу о цене и заявил, что король больше не желает сначала богатеть, а затем разоряться, словно какой-то купец, королю не угодно, чтобы украшение его короны (т е суд по делам опеки) швыряло из стороны в сторону это слишком нежный цветок для подобного обращения Затем лорд-казначей сказал, что самую суть и содержание плана короля он должен изложить по его собственному писанию, но прежде чем зачитать таковое, он познакомит нас с весьма остроумной мыслью Его Величества Что касается суммы в сто восемьдесят — или девять по двадцать — тысяч фунтов (суммы, предложенной нами), то на нее король не мог согласиться, ибо девять — это число поэтов, которые всегда оставались нищими, хотя служили такому же числу муз, одиннадцать — это число апостолов без предателя Иуды, и поэтому оно больше нравится Его Величеству существует, однако, среднее число, которое могло бы устроить всех, а именно десять, и это, продолжал лорд-казначей, число священное, ибо ровно столько было божьих заповедей, споспешествующих мудрости и добродетели» Если общины действительно вотировали 200 000 фунтов в год главным образом под влиянием остроумной мысли короля и лорда-казначея, то следует признать, что никогда еще за остроумие так хорошо не платили

[104] King James's Works, p 531

[105] Стоит, вероятно, упомянуть о том, что в книге «Истинный закон свободных монархий», опубликованной Яковом незадолго до восшествия на английский престол, король утверждал «Добрый государь, хотя и стоит превыше закона, готов сообразовывать с ним свои действия, — не по обязанности или принуждению, но единственно по своей доброй воле и в качестве урока для подданных» Или в другом месте «В соответствии с упомянутым выше основополагающим принципом мы всякий день наблюдаем, что в парламенте (который есть не что иное, как высший совет короля и его вассалов) подданные лишь молят короля о принятии законов, сами же законы создаются королем по их прошениям и советам Ибо хотя король, совершенно не советуясь с парламентом или сословиями, постоянно издает указы или ордонансы, предусматривающие такие кары, какие он сочтет необходимыми, ни один парламент не способен принять закон или статут, который имел бы силу, если не коснется его королевский скипетр» (King James's Works, p 202) Невозможно предположить, чтобы в столь критический момент Яков оказался до такой степени безрассудным и в столь важном вопросе бросил прямой вызов всеобщим и прочно укоренившимся взглядам своей эпохи, напротив, если верить историкам, его восшествию на английский престол более всего способствовало доброе мнение о нем англичан, обусловленное в первую очередь учеными и основательными сочинениями шотландского короля Впрочем, вопрос о полномочиях монарха стал в это время весьма щекотливым, и лишь употребляя двусмысленные, бессодержательные и ничего с точностью не определяющие термины, можно было угодить и королю и парламенту Доктор Коуэлл[85], превозносивший королевскую прерогативу в слишком ясных выражениях, вызвал на этой сессии бурное негодование палаты общин (Parliament Hist vol 5, p 221) Да и сам король, после всех пышных и высокопарных самовосхвалений, вынужден был изворачиваться, прибегнув к им же изобретенной дистинкции между королем in abstracto и королем in concreto абстрактный король, утверждал Яков, обладает неограниченной властью, однако конкретный король обязан соблюдать законы той страны, которой он правит (King James's Works, p 533) Но что же его обязывает? Одна лишь совесть? И могут ли подданные оказать ему

сопротивление, чтобы защитить свои права? Растолковать это король не счел нужным Вопрос этот настолько сложен, что даже в наши дни, несмотря на все вольности, которые позволяют себе при его исследовании частные лица, законы по-прежнему хранят на сей счет полнейшее — и весьма благоразумное — молчание

[106] Kennet, p 684
[107] Kennet, p 715
[108] King James's Works, p 355
[109] King Jamses's Works, p 259, ed 1613
[110] Sir John Davis, p 166
[111] Id , p 167
[112] Id , p 173
[113] Id , p 237
[114] Id , p 263
[115] Id , p 264 etc
[116] Id , p 276
[117] Id , p 278
[118] Id , p 280
[119] Kennet, p 688
[120] Французский монарх велел своим посланникам всячески добиваться дружбы принца, который, по его словам, должен был вскоре стать самым влиятельным лицом в Англии, где так мало уважают короля и королеву (См Dep de la Boderie, vol 1, p 402, 415, vol 2, p 16, 349)
[121] Coke's Detection, p 37
[122] Kennet, p 690, Coke, p 37, Welwood, p 272
[123] Kennet, p 685 etc
[124] Kennet, p 686
[125] Ibid , p 687
[126] State Trails, vol 1, p 228
[127] Ibid , p 235, 236, 252, Franklyn, p 14
[128] State Trials, vol 1, p 236 etc
[129] State Trials, vol 1, p 223 etc, Franklyn's Annals, p. 2 etc
[130] Kennet, p 693, State Trials, vol 1, p 233 etc
[131] 14 мая 1612 г
[132] Franklyn, p 11, 33
[133] Id , p 10
[134] Id , p 49
[135] Parliament History, vol 5, p 286, Kennet, p 696, Journ 12th April, 2d May 1614 etc , Franklyn, p 48
[136] Journ 17th Feb 1609 Кажется, однако, что в данном пункте Солсбери был не вполне точен если парламенты не часто отказывали королям в субсидиях, то лишь потому, что сами короли редко подвергали себя риску подобный отказ получить Остается, впрочем, несомненным, что в старину английские парламенты действительно проявляли крайнюю экономность, и их трудно было убедить предоставить правительству необходимые средства
[137] Coke's Institutes, part 4, chap 1 of Charters of Exemption
[138] Journ 11 April, 1614
[139] Journ 21 May, 1614
[140] Id , 12, 21 May, 1614
[141] Id , 18 April, 1614

[142] Parliamentary History, vol 5, p 290 Столь неопределенными оставались в ту пору парламентские правила, что общины выразили пэрам свое недовольство в связи с речью, произнесенной в верхней палате епископом Линкольнским, — речью, судить о которой могла лишь верхняя палата, а другая палата, строго говоря, не должна была о ней ничего знать Во всяком случае, именно такие правила установились с тех пор, как парламент стал действительным средоточием власти и местом решения государственных дел До уведомления в официальном порядке король не должен знать, чем занимается любая из палат, равным образом ни одна из палат не должна интересоваться тем, что происходит в другой В своей знаменитой протестации 1621 года общины установили эту норму по отношению к королю, хотя сами в 1614 году подчиняться ей не желали Свобода была еще слишком молода, и потому правила, защищающие ее и упорядочивающие, оставались неизвестными и не применялись на практике

[143] Kennet, p 696

[144] King James's Works, p 532

[145] Preface to Waller's Works

[146] Franklyn, p 50, Kennet, vol 2, p 698

[147] Coke, p 46, 47, Rushworth, vol 1, p 456.

[148] State Trials, vol 1, p 230

[149] Ibid, p 242

[150] Kennet, p 699

[151] Coke, Weldon, etc

[152] See Biog Brit, article Coke, p 1384

[153] Bacon, vol 4, p 617

[154] Franklyn, p 30, Clarendon, 8vol edit vol. 1, p 10

[155] Rymer, vol 16, p 341, Winwood, vol 2, p 351

[156] Sir Dudley Carleton's Letters, p 27, 28

[157] Ежегодный доход в 14 000 фунтов при ставке в 10% приносил за пятнадцать лет всего лишь 106 500 фунтов, тогда как король должен был получить 250 000 Тем не менее сделка была выгодна как голландцам, так и королю, поскольку обе стороны освобождались от необходимости содержать бесполезные для них гарнизоны

[158] Rushworth, vol 3, p 3

[159] 1598

[160] 1606

[161] Franklyn, p 25, Spotswood

[162] Spotswood

[163] 1596

[164] 17 декабря 1596

[165] Spotswood

[166] Ibid

[167] Июль 1604

[168] Spotswood

[169] 6 июня 1610

[170] Spotswood

[171] 15 февраля 1610

[172] Spotswood, Franklyn, p 29

[173] Kennet, p 709

[174] Franklyn, p 31 Чтобы показать, сколь непреклонными стали в этом пункте англичане и особенно пуритане, стоит упомянуть, что в 18-й год правления

Якова в палату общин был внесен билль о более строгом соблюдении воскресенья (которое коммонеры очень любили называть «субботой») Некто Шеперд выступил против билля, он возражал против термина «суббота» как пуританского, защищал танцы, ссылаясь на пример Давида, и, кажется, оправдывал игры и развлечения в этот день За подобное богохульство его по предложению Пима исключили из палаты Палата же лордов в своем противодействии пуританскому духу общин дошла до того, что предложила заменить слово «суббота» выражением «день Господень» (Journ 15, 16 Feb 1620, 28 May 1621) В приговоре Шеперду палата квалифицировала его вину как «величайшую, громадную и беспримерную»

[175] См анализ этого вопроса в Письмах Бэкона, изданных д-ром Бергем С 181

[176] Некоторые обстоятельства в изложенной нами истории, свидетельствующие, по-видимому, против Рэли, заимствованы из декларации, опубликованной по распоряжению короля вскоре после описанных событий Декларация эта основана на сведениях, полученных в ходе проводившихся Тайным советом допросов, и подписана шестью его членами, в том числе архиепископом Кентерберийским Эбботом, отнюдь не склонным к угодничеству перед двором, а потому следует согласиться, что она является весьма авторитетным источником, точнее сказать, заслуживает безусловного доверия Впрочем, важнейшие факты подтверждаются либо природой и внутренней логикой самого дела, либо письмами сэра Уолтера и теми аргументами, которые приводит он в свое оправдание Декларацию короля можно найти в Harlian Miscellany, vol 3, no 2

1 Кажется невероятным, чтобы испанцы, ничего не слыхавшие о золотых россыпях Рэли, стали строить город так далеко — в трех милях[1] — от берега Это предположение в высшей степени неправдоподобно, гораздо естественнее думать, что Рэли прибыл туда не с целью разработки золотых копей, а для того, чтобы захватить и разграбить город 2 Подобные россыпи не обнаружены там до сих пор 3 Никаких россыпей Рэли в действительности не нашел, зато испанский город он на самом деле разграбил и сжег — а если так, то разве не вероятнее всего, что последнее и было его настоящей целью? Ибо каким же образом тайны его души можно сделать настолько зримыми, чтобы они сумели послужить противовесом совершенно неопровержимым фактам? 4 В письме к лорду Кэрью он признает, что знал об испанском поселении на побережье Гвианы, но скрыл данное обстоятельство от короля Неужели один этот факт не доказывает в достаточной степени его виновность? 5 Согласно предоставленным ему полномочиям, он был вправе обосноваться только на территории, заселенной дикарями и варварами Разве высадка на побережье, принадлежавшем испанцам, не стала очевиднейшим нарушением этих инструкций? 6 Распоряжения, которые отдал он Кеймису, отправляя того вверх по течению реки, содержатся в его собственной апологии, и из них явствует, что он знал (да и не мог не знать), что испанцы окажут сопротивление и попытаются помешать англичанам высадиться и завладеть данной местностью А следовательно, намерения его с самого начала были враждебными 7 Не будучи ничем спровоцирован с их стороны, более того — еще не приблизившись к испанцам, он приказал Кеймису изгнать их из их собственного города Можно ли вообразить акт более враждебный? А если учесть, что испанцы являлись тогда союзниками Англии, то что могло быть более преступным? Разве не он был нападающей стороной, пусть даже верно, что испанцы открыли огонь по его людям во время их высадки на берег? Говорят, он перебил триста или четыреста испанцев Неужели это само по себе такой уж пустяк? 8 В письме к королю

и в собственной апологии он ссылается в свое оправдание на враждебные действия, совершенные ранее испанцами по отношению к другим английским торговым компаниям. Как уже было сказано, их можно объяснить двусмысленными условиями договора между двумя государствами. Но вполне очевидно, что хотя подобные акты и могли побудить короля объявить войну Испании, они не давали никакого права самому Рэли начинать войну и без всякого позволения или даже вопреки прямым инструкциям захватывать испанские колонии. Рэли ссылается на то, что в Вест-Индии мир с Испанией так и не был заключен — аргумент в высшей степени нелепый! Ведь именно в Вест-Индии англичане могли причинить наибольший ущерб испанцам, и последние никогда бы не пошли на мир, если бы военные действия в этих колониях должны были продолжаться. Даже после заключения мирного договора англичане, согласно его секретной статье, сохраняли право оказывать поддержку голландцам. Но если бы им дозволялось также атаковать испанские поселения, то данный договор означал бы настоящий мир для Англии, тогда как испанцы по-прежнему испытывали бы на себе все следствия войны. 9. Если, как утверждает Рэли, право на владение этой страной, основанное на факте первого открытия, имело силу вопреки существованию там испанских поселений, то почему же Рэли не изложил его королю во всех подробностях и не представил этот вопрос на суд монарха? 10. Сам Рэли признает, что его силы были недостаточны для того, чтобы удержать форт Св. Фомы против войск, которыми располагала на этом побережье Испания, но их вполне хватило бы, как он соглашается, на то, чтобы, пользуясь внезапностью, захватить и разграбить два десятка городов. Следовательно, целью его было не поселение, а грабеж, и подобными признаниями (которые я здесь свел воедино) он выдает себя с головой. 11. Почему он не остался на месте и не приступил к разработке золотых россыпей, как он якобы поначалу планировал? Потому что понимал: испанцы вернутся с более крупными силами и атакуют его. Но ведь еще до того как Рэли отплыл из Англии, он отлично знал, что это непременно случится, если он захватит какую-либо часть испанских колоний. А значит, в намерения его никогда не входило устраивать поселения, но только грабить. 12 Он признает, что ему было известно лишь о существовании в тех местах какой-то золотой жилы, но вовсе не о глубине и богатстве месторождения. Неужели на столь сомнительную карту он поставил бы всю свою репутацию и судьбу? 13. А если бы остальные авантюристы знали об этом обстоятельстве, то разве рискнули бы они всем только для того, чтобы отправиться вместе с Рэли? Требовалось ли снаряжать целый флот ради подобного опыта? Разве не очевиден в этом деле обман? 14. В приказе Кеймису Рэли говорит: «Доставьте хотя бы корзину породы; этого будет достаточно, чтобы убедить короля в том, что мой проект не был химерой». Это можно было бы легко сделать в испанских рудниках, и кажется, главная причина его недовольства Кеймисом как раз в том и состояла, что последний даже не предпринял подобной попытки. Этот ход был задуман Рэли заранее с целью прикрыть обман. 15. В своей декларации король вменяет Рэли в вину то, что, едва выйдя в море, последний стал вести о своих россыпях чрезвычайно двусмысленные и подозрительные речи и сказал, что если он, Рэли, доставит в Англию корзину породы, этого будет достаточно. Если учесть только что изложенные факты, то данное обвинение покажется не лишенным оснований. 16. В королевской декларации упомянуто немало других весьма существенных обстоятельств, а именно: прибыв в Плимут, Рэли не взял с собой саперов, хотя без конца твердил, что собирается это сделать; он совершенно не запасся инструментами, необходимыми для разработки рудника, зато воинского снаряжения имел с собой предостаточно;

перед тем как атаковать испанцев, Рэли-младший произнес слова, приведенные мною выше, сами россыпи оказались чрезвычайно подвижными, меняя свое местоположение сообразно интересам Рэли Мы не упоминаем здесь о множестве других общеизвестных фактов, доказывающих, что Рэли вел себя в высшей степени преступно по отношению к своим товарищам и своей стране Хоуэл в своих письмах сообщает в 1645 году в Лондоне жил офицер, человек превосходной репутации, который утверждал, что сам слышал, как молодой Рэли произносил эти слова (том 2, письмо 63) А в то время подобное утверждение не могло принести ему никакой личной выгоды 17 Отчет Рэли о его первом путешествии в Гвиану характеризует его как человека либо чрезвычайно легковерного, либо способного на самый бесстыдный обман Он рассказывает воистину смехотворные истории о расположенной в центре Гвианы сказочной империи инков, о богатом городе Эльдорадо, или Манао, который сверкает золотом и серебром и тянется в длину на два дня пути, о древних перуанских пророчествах, весьма благосклонных для англичан, которые, как утверждает Рэли, были прямо названы спасителями этой страны задолго до того, как там объявились первые европейцы, об амазонках, или о государстве женщин, и вообще о несметных богатствах, которые видел он в этой стране, где еще никто и никогда не находил никаких сокровищ! Все это повествование ясно доказывает, что ему недоставало либо здравомыслия, либо честности, либо и того, и другого Кажется, ничья репутация не знала столь резких переходов из одной крайности в другую, как это случилось с репутацией Рэли *под влиянием противоположных страстей — зависти и сострадания* В прежние времена, когда Рэли жил в гуще мирских забот, был деятелен и, пожалуй, лучше известен людям, он служил предметом ненависти и отвращения для всей Англии, но в конце жизни, оказавшись в тюрьме, он стал объектом величайшей любви и восхищения, причем с гораздо меньшими на то основаниями

Что касается других деталей нашего рассказа — а именно, что Рэли отказали в помиловании, что первоначальный приговор был оставлен в силе и что на этих, ясно сформулированных условиях, он и был выпущен из тюрьмы, — то в пользу их истинности свидетельствуют следующие аргументы 1 Собственные слова короля и шести членов Тайного совета, утверждающих это как бесспорный факт 2 Природа самого дела Если бы замыслы Рэли не внушали подозрений, то ему — человеку, облеченному властью, — не было бы отказано в помиловании 3 Текст королевской грамоты, где он титулован просто сэром Уолтером Рэли, а не нашим верным и возлюбленным, согласно обычной формуле, от которой в подобных случаях не отступали никогда 4 Во всех письмах, которые Рэли посылал домой своей жене и сэру Ральфу Уинвуду, он рассматривает себя как человека, не получившего прощения и подлежащего действию законной кары Кажется, что после краха своего предприятия он сразу же впал в отчаяние и уже тогда ожидал постигшую его впоследствии судьбу

Некоторые утверждают, что король сам тайно сообщил испанцам о планах Рэли — как будто для того, чтобы погубить человека, чья жизнь в течение четырнадцати лет находилась в его полной власти, королю нужно было строить козни Испанцам же, чтобы насторожиться, не требовалось никаких других сведений, кроме всем известного факта Рэли готовится к экспедиции А у короля не имелось особых причин скрывать от испанцев проект поселения — проект, как утверждал Рэли (и как искренне полагал король), вполне мирный и невинный

Кажется, Якова упрекают главным образом в беспечности, поскольку он разрешил Рэли отправиться в путь, не устроив более тщательной проверки Но сам *король объясняет это так были затребованы поручительства за хорошее поведе-*

ние Рэли и всех его товарищей, однако они поручились друг за друга, причем этот обман раскрылся лишь после их отплытия из Англии, усилив подозрения о том, что они питают дурные умыслы

Вероятно, королю следовало также помиловать Рэли за его старую измену и судить за новые преступления В таком случае его приговор был бы не только справедливым, но и вынесенным в полном соответствии с нормами судопроизводства Нам, однако, известно, что в Англии господствовало тогда нелепое мнение (явно разделявшееся и самим сэром Уолтером Рэли в его апологии), будто условия договора позволяли вести войну с испанцами в Вест-Индии, хотя в Европе с ними был заключен мир, и пока существовал подобный взгляд, никакой суд присяжных не признал бы Рэли виновным А значит, если бы король не покарал Рэли в соответствии с прежним приговором, испанцы имели бы веские основания для недовольства действиями короля, недовольства, которое могло бы привести к войне или, по меньшей мере, совершенно разрушить добрые отношения между странами

Я счел необходимым представить все эти доводы, чтобы прояснить дело Рэли, которое, хотя оно и является вполне ясным, обычно толкуют так превратно, как, пожалуй, ни один другой известный мне эпизод английской истории

[177] Franklyn, p 32

[178] Самым торжественным образом Рэли заявил о своей совершенной непричастности к гибели Эссекса, однако последнее письмо из «Собрания» Мердена содержит убедительнейшие доказательства противного

[179] Kennet, p 704, 748

[180] Rushworth, vol 1, p 2

[181] 1610

[182] La Boderie, vol 2, p 30

[183] Franklyn, p 71

[184] Rushworth, vol 1, p 7, 8

[185] Ibid , p 13, 14

[186] Franklyn, p 49

[187] Rushworth, vol 1, p 12, 13

[188] Rushworth, vol 1, p 2

[189] Franklyn, p 44, Rushworth, vol 1, p 14

[190] Franklyn, p 42, 43, Rushworth, vol 1, p 14

[191] Franklyn, p 47, Rushworth, vol 1, p 21

[192] Данный парламент замечателен тем, что в его эпоху впервые приобрели ясные и законченные формы партии двора и страны [131] (пусть и не получившие тогда этих наименований), партии, которые существуют до сих пор и которые, хотя они часто угрожают системе правления полным распадом, являются истинными причинами ее устойчивости и силы В старом феодальном устройстве, общем у Англии с другими европейскими нациями, мы находим не сочетание власти и свободы, которые действуют с тех пор на нашем острове и которые существуют теперь в упорядоченном единстве, но смесь власти и анархии, которые без конца сталкивались между собой и поочередно брали верх — в зависимости от обстоятельств, более или менее благоприятных для одной из них Парламент, который состоял из варваров, призванных в Лондон из своих полей и лесов, не просвещенных обучением, изящными беседами или путешествиями, не сведущих в законах и истории собственной страны и не знакомых с жизнью чужеземных народов, парламент, созываемый королем случайно и нерегулярно и распускаемый по его желанию, заседающий несколько дней и обсуждающий немногие зара-

нее определенные для него предметы, парламент, членам которого не терпится вернуться в свои замки, где они только и могут чувствовать себя важными особами, и обратиться к охоте, любимейшему своему развлечению, — такой парламент едва ли годился для того, чтобы входить в обсуждение всех государственных дел и принимать регулярное участие в трудах законной администрации При обычном ходе вещей управление осуществлялось единственно лишь именем и властью короля, в чрезвычайных обстоятельствах монарх брал на себя, и с еще большим основанием, единоличное руководство, ведь несовершенные и плохо сформулированные законы предоставляли широкий простор для различных толкований, когда же цели, преследуемые государем, в общем соответствовали интересам его подданных, законность средств не вызывала особых сомнений и беспокойств В правление государя даровитого, удачливого или популярного ни один член верхней, а тем более нижней палаты не смел и помыслить о том, чтобы присоединиться к враждебной двору партии, так как уже через несколько дней роспуск парламента оставил бы его совершенно беззащитным перед местью суверена и перед теми превышениями монаршей прерогативы, к которым с такой легкостью тогда прибегали короли, желая покарать неугодных им подданных В царствование слабое или непопулярное настроение общества было обыкновенно столь враждебным монарху, что никто не дерзал вступить в партию двора, либо, если государю все же удавалось привлечь на свою сторону влиятельных баронов, спор решался оружием на поле битвы, а отнюдь не дебатами или доводами в сенате или в собрании В конечном счете главной причиной, которая в старину удерживала власть государя в каких-то законных рамках, было то, что в силу самой природы феодального права в руках его подданных по-прежнему оставался меч, и эта беспорядочная и опасная узда оказывала куда более сильное влияние, нежели правильные и четкие пределы, установленные законами и конституцией Принудить нацию было невозможно, и потому необходимо было, чтобы любая важная государственная мера, в особенности относившаяся к сбору новых налогов, казалась принятой с общего согласия и одобрения

Государи дома Тюдоров, частью благодаря своей решительной политике, частью вследствие стечения благоприятных обстоятельств, сумели установить более упорядоченную систему правления, однако они настолько приблизили конституцию к деспотизму, что полномочия парламента оказались урезанными до крайности Сенат стал в значительной мере органом королевской воли, любая оппозиция считалась чем-то вроде мятежа, и даже религия, самая рискованная сфера для новшеств, одной лишь властью государя претерпела за несколько лет четыре важные перемены В то время место в парламенте еще не открывало путь к почестям и высоким должностям, таланты заигрывающих с народом интриганов и потакающих вкусам толпы говорунов оставались неизвестными, и хотя это собрание все еще сохраняло известную власть и по-прежнему обладало привилегией издавать законы и распоряжаться общественной казной, данное обстоятельство не прибавляло его членам веса и уважения в глазах государя или во мнении народа Король сам привык решать, какие именно полномочия необходимы ему для руководства государственной машиной Собственные источники доходов обеспечивали монарха суммами, достаточными для покрытия его обычных издержек, в чрезвычайных же обстоятельствах государю не приходилось хлопотать о голосах в парламенте ни для принятия законов, ни для введения налогов (поскольку те и другие стали теперь нужны для блага и безопасности общества)

Неприкосновенность личности, столь важная гарантия свободы народных собраний, была в ту эпоху совершенно неизвестна А поскольку не существует

таких единоличных властителей и даже, пожалуй, восточных деспотов, которые правили бы без всякого содействия со стороны каких-либо собраний, помогающих им своими советами и влиянием, то для установления в Англии настоящей абсолютной монархии недоставало тогда, похоже, лишь наемной вооруженной силы. Милиция графств [132], хотя и лучше расположенная к королевской власти, нежели феодальное ополчение, весьма уступала в смысле преданности монарху профессиональной армии, и пусть даже милиция не сумела сберечь народную свободу, она, по крайней мере, сохранила способность ее отвоевать, если сам народ этого пожелает.

Но в ту эпоху стремление к свободе оставалось столь слабым, что королева Елизавета, последняя в династии монархов-деспотов, да и сама не менее деспотичная, чем ее предшественники, пользовалась наибольшей славой и любовью среди всех царственных особ, когда-либо занимавших английский трон. Со стороны Якова было вполне естественно оставить систему правления в том виде, в каком он ее нашел, и попытаться продолжить политику Елизаветы, которой, как он слышал, все вокруг так громко восхищались. К тому же Якову не хватило проницательности, чтобы понять, что ни материальные обстоятельства, ни его характер не соответствуют столь обширной власти. Скудные доходы и не слишком экономный образ жизни ставили теперь короля в зависимость от подданных даже при обычном течении правительственных дел; нация же, благодаря своему расширившемуся кругозору, быстро поняла, какого преимущества она добилась, и почувствовала неоценимую важность гражданской свободы. А поскольку у короля было слишком мало достоинства и величия, чтобы внушать уважение, и слишком много добродушия, чтобы вызывать страх, то в парламенте с каждым днем все явственнее обнаруживался новый дух, а в палате общин образовалась самая настоящая партия ревностных защитников свободной конституции.

И все же, несмотря на эти успехи свободы, королевская власть была столь обширной и столь прочно утвердившейся во всех своих частях, что тогдашние патриоты, вероятно, отчаялись бы во всякой возможности оказать ей сопротивление, если бы их не воодушевляли религиозные мотивы, внушающие мужество, перед которым не способны устоять никакие человеческие преграды.

Извечный союз власти монарха и авторитета церкви теперь вполне утвердился и в Англии, и в то время как государь помогал духовенству преследовать еретиков и нововводителей, духовенство, в свою очередь, проповедовало доктрину безусловного повиновения светской власти. Этому союзу способствовал самый дух англиканской церкви, столь благосклонный к монархии, а также ее епископальное устройство, ее пристрастие к церемониям, порядку, благопристойной пышности и красоте богослужения — словом, все то, в чем она стояла ближе к смиренному суеверию католиков, нежели к буйному фанатизму пуритан.

С другой стороны, оппозиции пуритан к государственной церкви и тех преследований, которым они подвергались, оказалось достаточно, чтобы бросить их в объятия партии страны и породить в их среде политические принципы, враждебные чрезмерным притязаниям государя. Дух религиозного энтузиазма, дерзкий, бесстрашный и необузданный, также сильнейшим образом располагал в пользу республиканских теорий, побуждая пуритан требовать для своих внешних действий той же свободы, которую они уже присвоили себе в полетах воображения и восторженных религиозных экстазах. Со времени возникновения этой секты, в течение всего царствования Елизаветы, а затем и Якова, пуританские принципы истолковывались в двойном смысле, обозначая стремление как к политической, так и к церковной свободе. А когда двор, желая опорочить всю

парламентскую оппозицию, стал называть своих противников пуританами, религиозные пуритане охотно согласились с этим столь выгодным для них представлением, в котором их дело смешивалось с делом патриотов, или партии страны. Так образовались настоящие политические и церковные фракции, а поскольку в ту эпоху англичане были чрезвычайно склонны к фанатическим крайностям и сумасбродствам, то дух гражданской свободы постепенно вышел из состояния летаргии и с помощью своего религиозного собрата, который принес ему скорее пользу, нежели славу, незаметно подчинил своему владычеству бóльшую часть нации.

[193] Journ. 5 Dec. 1621.

[194] Journ. 12, 16. Feb. 1620.

[195] Journ. 16 Feb. 1620.

[196] Franklyn, p. 51; Rushworth, p. 25.

[197] Franklyn, p. 52; Rushworth, p. 25.

[198] Йелвертону, генеральному атторнею, общины предъявили обвинение в том, что он оформил патенты на эти монополии и покровительствовал их владельцам. В свое оправдание Йелвертон заявил, что он действовал по принуждению со стороны Бекингема и полагал, что исполняет желание короля. Лорды настолько оскорбились подобным способом защиты, хотя и неизбежным для генерального атторнея, что оштрафовали его на 10 000 фунтов в пользу короля и на 5000 — в пользу герцога. Впоследствии, однако, он был освобожден от уплаты штрафа (Franklyn, p. 55; Rushworth, vol. 1, p. 31, 32 etc.).

[199] Считается, что апелляции к палате лордов на действия канцлерского суда[136] впервые вошли в практику, когда должность хранителя Большой королевской печати исполнял Бэкон. Апелляции на решения нижестоящих судов (в форме «Постановлений об ошибках» закон признавал задолго до этого) (Blackstone's Commentary, vol. 3, p. 454).

[200] Rushworth, vol. 1, p. 35.

[201] Rushworth, vol. 1, p. 36; Kennet, p. 733.

[202] Journ. 1 Dec., 1621.

[203] На этой сессии произошла примечательная история, показывающая, до какой степени дошло возбуждение англичан в связи с судьбой Пфальца. Некто Флойд, сидевший в Тауэре католик, в частной беседе обронил несколько слов в том смысле, что его радуют несчастья пфальцграфа и его супруги. Палата общин воспылала гневом и, вообразив себя верховным судом, приговорила Флойда к суровому наказанию. Палата лордов воспротивилась этому превышению полномочий, и, что весьма удивительно, если учесть тогдашний дух нижней палаты, последняя подчинилась решению пэров. Это чуть ли не единственное притязание английских общин, в котором им не удалось взять верх. К счастью для нации, почти во всех других требованиях они добивались успеха (Parliamentary History. vol. 5, p. 428 etc; Jorn. 4, 8, 12 May, 1621).

[204] Franklyn, p. 73.

[205] Franklyn, p. 58, 59; Rushworth, vol. 1, p. 40, 41; Kennet, p. 737.

[206] Franklyn, p. 60; Rushworth, vol. 1, p. 43; Kennet, p. 741.

[207] Franklyn, p. 60; Rushworth, vol. 1, p. 44; Kennet, p. 741.

[208] Kennet, p. 43.

[209] Ne sutor ultra crepidam[137]. Данное выражение сочли высокомерным и неучтивым, но это была всего лишь латинская поговорка, которую часто используют по самым разным поводам.

[210] Franklyn, p. 62–64; Rushworth, vol. 1, p. 46 etc; Kennet, p. 743.

[211] Эта протестация столь замечательна, что было бы, вероятно, уместно привести ее полный текст

«Мы, общины, собравшиеся ныне в парламенте, будучи побуждаемы к тому достаточными причинами, составили касательно различных парламентских вольностей льгот и привилегий следующую протестацию

Вольности, льготы, привилегии и юрисдикция парламента являются старинным и несомненным прирожденным правом и наследственным достоянием английских подданных

Важные и настоятельные дела, касающиеся короля, страны, защиты государства и английской церкви, принятие и соблюдение законов, исправление зол и удовлетворение жалоб, которые каждый день возникают в пределах королевства, являются надлежащими предметами и вопросами для разбора и обсуждения в парламенте

При рассмотрении и исследовании этих дел каждый член палаты имеет и по всеи справедливости должен иметь полную свободу слова, дабы предлагать на обсуждение, дебатировать, трактовать и решать упомянутые вопросы

Общины в парламенте имеют подобное право и свободу обсуждать эти предметы в таком порядке, какой они найдут наиболее целесообразным

Ни один член названной палаты не может быть обвинен и привлечен к суду, подвергнут тюремному заключению или иному преследованию (иначе как по приговору самой палаты) за какие-либо или в связи с какими либо высказываниями, рассуждениями или заявлениями по какому бы то ни было вопросу, относящемуся к парламенту или парламентским делам

Если же на кого-либо из членов упомянутой палаты будет принесена жалоба и если кто-либо из них будет подвергнут допросу в связи с чем-либо сделанным или сказанным в парламенте, то прежде чем верить сообщениям частных лиц, король должен получить достоверные сведения по этому поводу от всех общин, собравшихся в парламенте» (Franklyn, p 65, Rushworth, vol 1, p 53, Kennet, p 747, Coke, p 77)

[212] Journ 18th Dec , 1621

[213] Franklyn, p 65

[214] Ibid , p 66, Rushworth, vol 1, p 55

[215] Franklyn, p 66, Rushworth, vol 1, p 55

[216] Kennet, p 749

[217] Franklyn, p 56, Rushworth, vol 1, p 21, 36, 55 По примеру своих предшественников король также установил правила для проповедников, Franklyn, p 70 В ту пору церковная кафедра была гораздо опаснее печатного станка немногие умели читать, и еще меньше было таких, у кого существовала привычка к чтению

[218] Franklyn, p 57, Rushworth, vol 1, p 38

[219] Parliamentary History, vol 5, p 484

[220] Kennet, p 749

[221] Franklyn, p 69, Rushworth, vol 1, p 63

[222] Rushworth, vol 1, p 292

[223] Ibid , p 69

[224] Ibid , p 27

[225] Из частных писем Филиппа IV и графа Оливареса[146], которые последний показывал Бекингему, явствует, что брак инфанты и возвращение Пфальца испанский двор всегда рассматривал как меры, неотделимые одна от другой (Franklyn, p 71, 72 Rushworth, vol 1, p 71, 280, 299, 300, Parl Hist , vol 6, p 66)

[226] Rushworth, vol 1, p 66

[227] Clarendon, vol 1, p 11, 12
[228] Ibid , p 14
[229] Ibid , p 16
[230] Franklyn, p 73
[231] Ibid , p 74
[232] Rushworth, vol 1, p 77
[233] Rushworth, vol 1, p 84
[234] Franklyn, p 80, Rushworth, vol 1, p 89, Kennet, p 7
[235] Rushworth, vol 1, p 82, Franklyn, p 77
[236] Franklyn, p 80, Rushworth, vol 1, p 103
[237] Rushworth, vol 1, p 101
[238] Clarendon, vol 1, p 36
[239] Hacket's Life of Williams
[240] Parl Hist , vol 6, p 57
[241] Rushworth, vol 1, p 105, Kennet, p 776
[242] Franklyn, p 80, Rushworth, vol 1, p 112
[243] Rushworth, vol 1, p 114
[244] Джонстон (Johnstone) в своей «Rerum Britannicarum Historia» рассказывает, с помощью каких грубых средств выколачивались обычно эти пожертвования Житель Лондона Барнс был первым, кто отказался что-либо внести, после чего лорд-казначей уведомил его, что он должен быть готов срочно доставить в Ирландию некую депешу Барнс рад был откупиться, заплатив 100 фунтов, и впоследствии никто уже не осмеливался отказывать королю в добровольных даяниях См также Coke, p 80
[245] Franklyn, p 79, Rushworth, vol 1, p 115, Kennet, p 778
[246] Franklyn, p 79 etc , Rushworth, vol 1, p 119 etc , Parl Hist , vol 6, p 20 etc
[247] Взойдя в Сан-Андеро на корабль, принц заметил окружавшим его людям, что со стороны испанцев было весьма глупо так скверно с ним обойтись, а затем позволить ему уехать Это доказывает, что герцог уже внушил ему мысль о их неискренности в деле о браке и о Пфальце, ибо что касается приема, который оказали ему испанцы то он был во всех отношениях безукоризненным К тому же если бы принц не поверил в двоедушие испанцев, то у него не было бы причин с ними ссориться, хотя у Бекингема таковые имелись Отсюда явствует, что Карл сам был обманут Неоднократные задержки с присылкой папского разрешения, хотя и объяснявшиеся случайной причиной, дали Бекингему благовидный повод обвинить испанцев в лицемерии
[248] Нужно, впрочем, отметить, что впоследствии Яков запретил палате считать речь Бекингема его, короля, собственным мнением, хотя она и была произнесена в парламенте по его приказу (Parl Hist , vol 6, p 104) Вероятно, Яков устыдился того, что так далеко зашел под влиянием своего фаворита
[249] Parl Hist , vol 6, p 75
[250] Franklyn, p 98, Rushworth, vol 1, p 128, Parl Hist , vol 1, p 128, Parl Hist , vol 6, p 103
[251] Clarendon, vol 1, p 6
[252] Franklyn, p 94, 95, Rushworth, vol 1, p 129, 130
[253] Среди прочего он упоминает 80 000 фунтов, взятых в долг у датского короля В предыдущей речи к парламенту Яков сообщил, что на поддержку пфальцграфа им было израсходовано 500 000 фунтов, помимо добровольных пожертвований народа См Franklyn, p 50 Но что еще удивительнее, лорд-казначей, желая

подчеркнуть собственные заслуги, хвалится перед парламентом тем, что благодаря его ловкости удалось сэкономить 60 000 фунтов по статье расплат посредством векселей по суммам, переданным пфальцграфу Эта сумма кажется огромной, кроме того, нелегко понять, откуда король мог получить суммы, которые требовали бы столь значительных плат по векселям В целом, однако, можно сделать вывод, что Яков отнюдь не пренебрегал интересами дочери и зятя и даже зашел в их защите гораздо дальше, чем это позволяли его скромные доходы

[254] Rushworth, vol 1, p 137

[255] Менее 300 000 фунтов

[256] Как мало силы имел этот принцип во все предшествующие эпохи английского правления и особенно в царствование Елизаветы, которое, уж конечно же, не было таким совершенным образцом свободы, каким рисовало его большинство авторов, легко понять по многим эпизодам его истории Но за двадцать лет правления, мирного и кроткого, человеческие понятия сильно изменились Хотя Яков сам аннулировал все монопольные патенты, общины этим не удовлетворились, потребовав особого закона против монополий, и притом закона-декларации Это значило добиться крупного успеха, закрепив чрезвычайно выгодные для дела свободы принципы, но те же общины были прямо-таки счастливы, когда в ответ на их петицию (и после того, как однажды их просьбы были отвергнуты) Елизавета согласилась отменить лишь несколько самых возмутительных патентов и употребила в адрес общин несколько милостивых выражений

Парламент, несомненно, был прав, когда на седьмом году правления Якова признал, что этот монарх дозволил ему более широкую свободу дебатов, чем любой из его предшественников Снисходительность короля в этом пункте, вместе с его мягким и уступчивым нравом, была, вероятно, одной из причин той огромной власти, которую присвоили себе общины Г-н де Лабодри в своих донесениях (t I p 449) называет свободу слова в палате общин недавним новшеством

[257] Clarendon, vol 6, p 19

[258] Parl Hist , vol 6, p 19

[259] См также Franklyn, p 87

[260] Parl Hist , vol 6, p 37

[261] Franklyn, p 103

[262] Rushworth, vol 1, p 145

[263] Rushworth, vol 1, p 259

[264] Ibid , p 144, Hacket's Life of Williams, Coke, p 107

[265] См Collection of State Papers by the earl of Clarendon, p 393

[266] Rushworth, vol 1, p 152

[267] Rymer, vol 18, p 224 Достоверно известно, что юный принц Уэльский, впоследствии Карл II, с раннего детства имел воспитателей-протестантов сначала графа Ньюкасла, а затем — маркиза Гертфорда[154] В своем меморандуме зарубежным церквам, изданном после начала гражданской войны, король Карл I говорит о своей постоянной заботе воспитывать детей в протестантской вере, как о доказательстве того, что он никоим образом не склонялся к вере католической (Rushworth, vol 5, p 752) А значит, едва ли можно сомневаться в том, что эта весьма странная статья действительно была включена в договор лишь для того, чтобы обмануть папу, и что ни одна из сторон никогда не собиралась ее исполнять

[268] Rushworth, vol 1, p 74

[269] Ibid , p 151

[270] Franklyn, p 104, Rushworth, vol 1, p 154, Dugdale, p 24

[271] Rushworth, vol 1, p 155

[272] Rymer, vol 17, p 200

[273] Rushworth, vol 2, p 473 В деле Чемберса суд Королевской скамьи[160] вынес единогласное заключение о том, что Звездная палата возникла не из статута Генриха VII, но еще за много лет до него представляла собой особый суд, который был одним из самых высоких и уважаемых судов справедливости (См Coke's Rep term 5 Car I, Camden's Brit , vol 1 Introd , p 254 Edit of Gibson)

[274] В течение нескольких веков ни одно царствование не обходилось без принудительных займов

[275] Согласно сэру Уолтеру Рэли, «монархии в отношении власти, или авторитета, бывают двух видов, а именно 1 Абсолютные, где руководство любыми государственными делами и в мирное, и в военное время по закону и по обычаю всецело принадлежат государю, как, например, в Английском королевстве, где государь вправе издавать законы, заключать союзы, вести войну, назначать должностных лиц, миловать приговоренных к смертной казни, принимать апелляции и т д Хотя король по своей милости позволяет подданным участвовать в принятии законов, последние никогда не могут вступить в силу без его согласия 2 Ограниченные, или неполные, где монарх не обладает абсолютными полномочиями во всех государственных делах и вопросах, как, например, король-главнокомандующий, не имеющий верховной власти (принятие законов и т д) в мирное время, но лишь в период войны, таков король Польши» (Государственные максимы)

И несколько далее «В любом благоустроенном государстве известная доля власти передается или должна передаваться народу, например, в монархиях это право голоса и участия в создании законов, а иногда и в сборе средств на содержание войска (если расходы велики и государь вынужден обращаться за помощью к своим подданным), в таких случаях вопрос может быть предложен на обсуждение парламента, чтобы налог мог казаться проистекающим от него К парламенту могут также обращаться за советами и передавать отчасти на его рассмотрение некоторые судебные дела, ибо в противном случае, видя, что с ним совершенно не считаются и ни во что его не ставят, парламент может возненавидеть государство» Этот образ мыслей не слишком отличается от взглядов короля Якова, который в привилегиях парламента видел скорее предмет монаршей милости и дозволения, чем наследственное достояние Замечательно, что, несмотря на подобные убеждения, самого Рэли считали человеком, склоняющимся к пуританской партии политические понятия изменяются далеко не одновременно с религиозными

Мысли Рэли на этот счет еще более открыто выражены в его «Прерогативе Парламента», книге, опубликованной после его смерти Это диалог между придворным, или членом Тайного совета и сельским мировым судьей, представляющим партию патриотов и отстаивающим самые смелые идеи свободы, которые только могли быть терпимы общими принципами той эпохи Вот отрывок из диалога «*Советник* То, что делает король по рекомендации своего личного или Тайного совета, совершается абсолютной властью самого короля *Судья* А чьей же властью, если не абсолютной властью короля, совершается это в парламенте? Не заблуждайтесь на сей счет, милорд три сословия, как и Тайный совет, лишь подают свои суждения, каковые суждения, если король их принимает, становятся королевскими актами в одном случае и королевскими законами в другом»

Граф Клэр в письме к своему зятю Томасу Уэнтворту, будущему графу Страффорду[162], выражается следующим образом «Мы живем в условиях правления прерогативы, где писаный закон подчиняется lex loquens»[163] Он говорил это

исходя из опыта — собственного и всех своих предков В ту пору король Англии под предлогом целесообразности или настоятельной необходимости мог употребить свою власть каким угодно способом, только частое повторение актов произвола или их продолжительность могли оказаться для короля опасными ввиду отсутствия военной силы, способной поддержать систему деспотизма Интересно, что письмо графа Клэра относится к первому году царствования Карла, а значит, речь в нем идет об общем духе английского правления, а не о характере или образе мыслей правителя (Strafford's Letters, vol 1, p 32) Из другого письма в том же собрании (vol 1, p 10) явствует, что Тайный совет иногда присваивал себе право отстранять неугодных ему лиц от участия в выборах Власть эту он мог употребить в отдельных случаях, однако нам не следует делать отсюда вывод, что Тайный совет был способен закрыть двери палаты общин перед любым человеком, который ему не нравился Дух старого английского правления предполагал более высокую степень доверия к королю, чтобы мы были вправе питать подобные подозрения, он, этот дух, допускал отдельные акты произвола, которые, превратись они в систему, совершенно уничтожили бы конституцию

Я не встречал ни одного английского автора той эпохи, который бы говорил об Англии как об ограниченной монархии, все рассуждают об абсолютной монархии, где народ имеет немало привилегий, — и в этом нет противоречия Народ обладает известными правами во всех европейских монархиях, однако вопрос зависят ли они от воли монарха или нет, в отношении большинства государств лучше не ставить вовсе До царствования Якова вопрос этот, конечно же, решен не был Возросшая смелость парламента вместе с пристрастием короля к отвлеченным умозрительным принципам извлекли его из мрака и превратили в обычный предмет споров Сильнейшее свидетельство в пользу английской свободы, которое я могу припомнить у авторов эпохи Якова, принадлежит иностранцу, кардиналу Бентивольо [164] Он считал, что Англия по своей форме правления ближе к Нидерландским провинциям, чем к Франции или Испании Сами англичане не столь ясно чувствовали, что их владыка является ограниченным монархом, ибо знали, что в их государстве никто не застрахован против превышения королевской прерогативы, но чужеземцы, проводя сравнение, могли заметить, что в тогдашней Англии, в силу обычая или по иным причинам, подобные превышения случаются реже, чем в других монархиях Филипп де Коммин [165] также отметил, что в его время английская конституция была более народной, чем французская Но в одном памфлете, написанном неким патриотом в 1627 году, сказано, что со времен Коммина свобода слова в английском парламенте была утрачена (Franklyn, 238) Приведем строфу из оды Малерба Марии Медичи, королеве-регентше (1614)

Entre les rois a qui cet age
Doit son principal ornement,
Ceux de la Tamise et du Tage
Font louer leur gouvernment
Mais en de si calmes provinces,
Ou le peuple adore les princes,
Et met au gr le plus haut
L'honneur du sceptre legitime,
Scauroit-on excuser le crime
De ne regner pas comme il faut [166].

Англичане и испанцы упомянуты здесь как гораздо более послушные подданные и как люди более смирные и покорные своим государям, нежели французы Хотя отрывок этот взят из поэтического произведения, всякий здравомыслящий человек признает его вполне авторитетным свидетельством Особенности национальных систем правления, пусть даже порой они довольно резко изменяются, не могут оставаться неизвестными в других странах Европы Макиавелли[167] в своих «Рассуждениях на первую декаду Тита Ливия» несколько раз повторяет, что среди всех европейских монархий законы и народ имели больше всего влияния во Франции

[276] В проповедях, которые сочинялись и издавались с официального разрешения в царствование Елизаветы, откровенно и весьма усердно насаждалась идея безусловной покорности властям Конвокация духовенства, собравшаяся в первый же год царствования Якова, одобрила крайние монархические принципы, подобные тем, которые содержатся в постановлениях Оксфордского университета эпохи правления тори Принятие этих принципов, отнюдь не считавшихся каким-то новшеством, введенным под влиянием Якова, прошло так гладко, что ни один историк их даже не заметил, они никогда не становились предметом серьезных споров и обсуждений, и лишь благодаря «Книге конвокаций» епископа Оверолла, опубликованной примерно семьдесят лет спустя, можем мы с ними познакомиться Неужели Яков, человек столь осторожный и даже робкий, рискнул бы открыть свое царствование дерзким поступком, который предоставил бы его подданным веские причины для подозрения и недоверия? Из «Basilicon Doron» этого государя (книги, написанной еще тогда, когда он находился в Шотландии) явствует, что в ту эпоху республиканские идеи о народе как источнике власти считались пуританскими новшествами Замечательно, что в решениях конвокаций, сохраненных для нас Оверроллом, проповедуются патриархальные понятия на этот счет, и отнюдь не Филмер[168] первым изобрел подобные нелепости

[277] Rymer, vol 18, p 117, 594

[278] См его опыт De unitate Ecclesiae

[279] См Cicero de legibus

[280] 28-й год правления Елизаветы, см State Trials, Sir Robert Knightly, vol 7, 1st ed

[281] Rymer, vol 17, p 522

[282] Ibid

[283] Rymer, vol 17, p 618

[284] Kennet, p 685, Camden Brit , vol 1, p 370 Gibson's edit

[285] Essays De profer fin imp

[286] Franklyn, p 5, см также Lord Herbert's Memoirs

[287] Apophthegms

[288] Rymer, vol 17, p 632

[289] Cabala, p 224, 1st ed

[290] Кажется, в ту пору стремились представлять в парламенте графства, о бургах же особенно не думали Само по себе место в палате значило немного, но представительство от своего графства превратилось для местных джентльменов в вопрос чести и престижа (Journ, 10 Feb 1620) Некоторые города, прежде не пользовавшиеся своим правом посылать депутатов в Лондон, теперь начали на нем настаивать

[291] Извлечение из краткой декларации доходов Его Величества с указанием издержек и расходов

[292] Как явствует из «Отчета» Солсбери, в прежнее время превышение расходов над доходами было еще более значительным См гл 2

[293] Journ 21 May, 1604

[294] Coke's Inst B 4 Ch 1 of fifteenths, quinzins

[295] Coke's Inst B 4 Ch 1 subsidies temporary

[296] Journ 11 July 1610

[297] Coke's Lust B 4 Ch 1 subsidies temporary

[298] См Statutes at large

[299] Rymer, vol 17, p 526 О том же см 21 Jac II cap 28

[300] Rymer, vol 20, p 15

[301] См компендиум, или диалог в Memoirs of Wool, chap 23.

[302] P 449

[303] Rymer, vol 19, p 511

[304] Сколь обременительными были поставки по льготным ценам для нужд двора, можно судить по тому факту, что за дюжину голубей королевские поставщики часто давали всего лишь пять пенсов, а за курицу — два пенса Journ 25 May, 1626

[305] Rymer, vol 17, p 441 et seg

[306] Journ 1 March, 1623

[307] Stowe См также Walter Raleigh of the Prerogatives of Parliament и Johnston Hist lib 18

[308] Stowe

[309] Harleian Mescellany, vol 4, p 255

[310] Rymer, vol 16, p 71

[311] Of the invention of shipping Приведенные здесь данные значительно превосходят те, которые содержатся у Мердана, а также те, которые представил палате общин сэр Эдуард Кок, и являются более правдоподобными

[312] Sir William Petty

[313] Sir Edward Walker's Political Discourses, p 270

[314] Coke's Inst Book 4 Ch 1 Дебаты в парламенте по вопросу о флоте

[315] Согласно подсчетам Рэли в его «Рассуждении об открытии судоходства», в 24-й год царствования Елизаветы флот состоял лишь из тринадцати кораблей, к которым впоследствии добавились еще одиннадцать Очевидно, некоторые из кораблей по классификации Кока Рэли относил к «полубаркасам»

[316] Journ 11 March, 1623 Сэр Уильям Монсон говорит лишь о девяти кораблях, p 253

[317] Stowe

[318] Rymmer, vol 17, p 413

[319] Rymer, vol 17, p 413

[320] Судя по всему, правдивый историк Стоу[187] к их числу не принадлежал Он пишет «Столь велика была милость Божья, явленная на памяти нынешнего поколения и главным образом в эти последние мирные годы через рост благосостояния обычных подданных Англии и в особенности жителей города Лондона, что, не будь у нас о том ныне достоверных сведений, в будущем их могли бы счесть невероятными» и т д И в другом месте «Многоразличны знаки и свидетельства несметных благодеяний, коими одарил всемогущий Господь это королевство, чудесным и милосердным образом установив у нас внутренний мир и предоставив нам полной мерой выгоды согласия со всеми христианскими нациями и прочими народами, и да не дерзнет никто помыслить, будто он способен сказать слишком

много обо всех этих милостях, ибо воистину невозможно восславить их должным образом Однако не существовало народа более невнимательного и неблагодарного, чем нынешние англичане, не желающие хранить память о своем счастье, а равно и о необыкновенном развитии ремесел и торговли во всем королевстве, о строительстве множества судов как королем, так и частными лицами, о росте населения городов, местечек и деревень, а также о явном и быстром увеличении числа дорогих и роскошных зданий в Лондоне и его окрестностях, особенно за последние двенадцать лет» и т д

[321] The trade's increase, in the Harleian Misc Vol 3

[322] Remarks on his Travels, Harl Misc Vol 1, p 349

[323] Naval Tracts, p 329, 350

[324] Raleigh's Observations

[325] Journ 26 May, 1614

[326] Journ 20 May, 1614 Рэли в своих «Замечаниях» оценивает убытки нации в 400 000 фунтов Ежегодно, как он утверждает, из Англии вывозится около 80 000 кусков невыделанного сукна Кроме того, согласно его подсчетам, примерно 100 000 фунтов теряется каждый год на грубой шерсти, не говоря о других статьях убытков Сведения о 200 000 кусков сукна, якобы вывозившихся из Англии ежегодно в царствование Елизаветы, кажутся преувеличенными

[327] Rymer, vol 17, p 145

[328] Ibid

[329] Ibid , p 410

[330] Stowe

[331] Journ 26 Nov , 1621

[332] В 1622 году

[333] Johnston Hist lib 19

[334] Misselden's Circle of Commerce, p 121

[335] Ibid

[336] Happy future State of England, p 78

[337] Munn's Discourse on the East-India Trade

[338] Ibid , p 17

[339] Anderson, vol 1, p 447

[340] Rymer, vol 17, p 621

[341] Idid , vol 18, p 621, 633

[342] Имя Полиника, одного из Эдиповых сыновей, означает по-гречески «весьма вздорный, сварливый» Эсхил, Софокл и Еврипид[198] обыгрывают этот мотив в сценах ссор между братьями, замечательно, что ни один из трех поэтов, столь справедливо почитаемых за вкус и благородную простоту, так и не сумел удержаться от этой убогой игры словами Неужели Шекспир мог придумать что-нибудь хуже? У Теренция мы находим inceptio est amentium non amantium[199], люди ученые припомнят множество подобных примеров Хорошо известно, что Аристотель[200] вполне серьезно рассуждает о каламбурах, распределяет их по разным классам и советует ораторам чаще их использовать

[343] Invenire etiam barbari solent, disponere et ornare non nisi eruditus PLIN[204]

[344] Rymer, vol 17, p 217

[345] Ibid , p 709

[346] Ibid , p 95

[347] Rushworth, vol 1, p 171, Parl Hist vol 6, p 346, Franklyn, p 108

[348] Размер одной субсидии упал к тому времени до 56 000 фунтов Cabala, p 224, 1st ed

[349] Dugdale, p 25, 26

[350] Parl Hist , vol 6, p 396

[351] Rush vol 1, p 177 etc , Parl Hist vol 6, p 399, Franklyn, p 108, 109, Journ 10 Aug , 1625

[352] Rushworth, vol 1, p 190

[353] Parl Hist , vol 6, p 390

[354] Franklyn, p 109, Rush , vol 1, p 175 etc, 325 etc

[355] Journ 18 April, 1626

[356] Franklyn, p 3 etc

[357] Parl Hist , vol 6 p 374, Journ 1 Aug , 1625

[358] Parl Hist , vol 6 p 353 Journ 7 July, 1625

[359] Rushworth, vol 1, p 281

[360] 1 Car 1 cap 1, Journ 21 June, 1625

[361] Действительно, чума свирепствовала с такой силой, что уже в начале сессии в палату было внесено предложение просить короля об отсрочке заседаний Journ 21 June, 1625 А значит, перейти к подробному рассмотрению жалоб, даже если таковые имелись, было невозможно Единственная задача парламента заключалась в том, чтобы утвердить ассигнования, в которых так остро нуждался король для ведения войны — войны, в которую сам же парламент его и вовлек

[362] Franklyn, p 113, Rushworth, vol 1, p 190

[363] Rush , vol 1 p 192, Parl Hist , vol 6, p 407

[364] Franklyn, p 113 Rushworth, vol 1, p 196

[365] В распоряжениях о выборах всякий раз прямо указывалось, что ни один шериф не может быть избран, однако в действительности часто имела место противоположная практика D'Ewes, p 38 Этот вопрос по-прежнему вызывал большие сомнения См Journ 9 April, 1614

[366] Journ 27 March, 1626

[367] Parliamentary History, vol 6, p 449, Rushworth, vol 1, p 224

[368] Милость короля сделала Бекингема столь влиятельным, что в этом парламенте два десятка пэров не менее двадцати раз каждый передавали ему свои голос Это послужило поводом для специального постановления, воспретившего пэрам более двух раз отдавать свои голоса В 1585 году граф Лейстер[226] имел однажды десять доверенностей D'Ewes, p 314

[369] Rushworth, vol 1, p 236

[370] Ibid , p 237, Franklyn, p 120 etc

[371] Rushworth, vol 1, p 256, 262 etc, Franklyn, p 123 etc

[372] Rushworth, vol 1, p 217, Whitlocke, p 5

[373] Rushworth, vol 1, p 306 etc, 375 etc, Journ 25 March, 1626

[374] Whiteloke, p 7

[375] Из речи Саймона Дьюза в первый год Долгого парламента с полной очевидностью явствует, что даже в то время нация еще не имела верных сведений о переговорах с испанцами и по-прежнему полагала, что все обещания мадридского двора были лживыми и лицемерными Если так, то какие же имелись у общин основания порицать принца или Бекингема за их образ действий или за представленный парламенту отчет? Это важнейшее обстоятельство, на которое следует обратить особое внимание Речь Дьюза см у Nalson, vol 2, p 368 Ни один писатель или историк той эпохи не упоминает о разоблачении обмана Бекингема как о

причине негодования парламента Уайтлок (p 1) говорит лишь следующее общины начали догадываться, что злоба Бекингема, а не его усердие к общественному благу, побудила герцога сорвать испанское сватовство, — а это ясно доказывает, что в лживости Бекингема не подозревали Вильсон (p 780) утверждает Бекингем утратил популярность после приезда Бристола не потому, что этот аристократ открыл всем глаза на лживость его рассказа, а потому, что он доказал, что Бекингем, будучи в Испании, открыто объявил себя папистом, — что не соответствует действительности и чего сам Бристол никогда не говорил В дошедших до нас официальных отчетах о заседаниях парламента не обнаруживается ни малейшего намека на то, что правдивость рассказа Бекингема вызывала хоть какие то сомнения Более того даже если бы парламент разоблачил какой-либо обман в словах Бекингема, это не должно было изменить его, парламента, политическую линию или заставить отказать в субсидиях королю В самом деле, члены парламента искренне верили, что силой оружия можно вырвать Пфальц из рук Австрийского дома, они полагали разумным не жалеть для такого предприятия крови и денежных средств нации, они считали, что испанский король никогда всерьез не намеревался восстанавливать это княжество Разумеется, в то время подобных намерений он уже действительно не питал, и хотя были веские причины подозревать, что эта перемена в его замыслах объясняется как раз дурным поведением Бекингема, прежних ошибок уже нельзя было исправить, и нация, бесспорно, находилась в том самом положении, из которого всегда исходил парламент, когда не давал покоя государю своими нетерпеливыми, назойливыми и даже противными долгу просьбами и ходатайствами К сказанному можно добавить, что и сам Карл был наверняка введен в заблуждение Бекингемом, когда подтвердил отчет фаворита своим торжественным свидетельством В описании этих событий партийные историки не вполне последовательны то они изображают испанцев совершенно вероломными — чтобы Якова, которого они так долго водили за нос, можно было обвинить в легковерии, то представляют их честными — чтобы упрекнуть короля, принца и герцога в том, что их рассказ парламенту был лживым Истина же такова испанцы были неискренними вначале — по причинам, проистекавшим из религиозного фанатизма, о которых Яков не подозревал и которые в конце концов были устранены Затем испанцы стали вести себя вполне чистосердечно — однако принц, сбитый с толку многочисленными, хотя и неизбежными задержками, по-прежнему думал, что его обманывают

[376] Rushworth, vol 1, p 371
[377] Parl Hist , vol 6, p 444
[378] Ibid p 451, Rushworth, vol 1, p 225, Franklyn, p 118
[379] Rushworth, vol 1, p 359, Whitlocke, p 6
[380] Rushworth, vol 1, p 356
[381] Ibid , p 358, 361, Franklyn, p 181
[382] Rushworth, vol 1, p 363 etc, Franklyn, p 181
[383] Franklyn, p 195, Rushworth, vol 1, p 363 etc
[384] Упомянутый список см у Franklyn и Rushworth
[385] Rushworth, vol 1, p 209
[386] Ibid , p 400, Franklyn, p 199
[387] Franklyn, p 178
[388] Rushworth, vol 1, p 398
[389] Saunderson's Life of Charles I, p 58
[390] Franklyn, p 203 etc, Parl Hist , vol 7, p. 300

[391] Rushworth, vol 1, p 413, Whitlocke, p 7
[392] Rushworth, vol 1, p 415, Franklyn, p 206
[393] Rushworth, ut supra
[394] Ibid , vol 1, p 416
[395] Rushworth, vol 1, p 418, Whitlocke, p 8
[396] Rushworth, vol 1, p 419, Franklyn, p 207
[397] Rushworth, vol 1, p 422, Franklyn, p 208
[398] Rushworth, vol 1, p 431
[399] Ibid , p 429, Franklyn, p 210
[400] Rushworth, vol 1, p 458 Franklyn, 224, Whitlocke, p 8
[401] 25 Эд III cap 4, 28 Эд III cap 3, 37 Эд III cap 18, 38 Эд III cap 9, 42 Эд III cap 3, 1 Ричард II cap 12
[402] Гл 29
[403] Rushworth, vol 1, p 462
[404] State Trials, vol 7, p 147
[405] State Trials, ibid , p 161
[406] Rushworth, vol 1, p 419
[407] Ibid
[408] Ibid , p 432
[409] Ibid , p 431
[410] Parl Hist , vol 7, p 310
[411] Rushworth, vol 1, p 419, Whitlocke, p 7
[412] Clarendon, vol 1, p 38
[413] Memoires de Mad de Motteville
[414] Clarendon, vol 1, p 38
[415] Rushworth, vol 1, p 423, 424
[416] Rushworth, vol 1, p 426
[417] Whitlocke, p 8, Sir Philip Warwick, p 25

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВАМ VII–X

[1] Franklyn, p. 230.
[2] Sanderson, p. 106; Walker, p. 339.
[3] Rushworth, vol. 1, p. 477; Franklyn, p. 233.
[4] Rushworth, vol. 1, p. 479; Franklyn, p. 234.
[5] Franklyn, p. 243; Rushworth, vol. 1, p. 499.
[6] Franklyn, p. 245; Parl. Hist., vol. 7, p. 363; Rushworth, vol. 1, p. 502.
[7] Franklyn, p. 343; Rushworth, vol. 1, p. 500.
[8] Franklyn, p. 251; Rushworth, vol. 1, p. 513; Whitloke, p. 9.
[9] Rushworth, vol. 1, p. 526; Whitlocke, p. 9
[10] Whitlocke, p. 10.
[11] State Trials, vol. 7, p. 187; Rushworth, vol. 1, p. 546.
[12] State Trials, vol. 7, p. 193.
[13] State Trials, vol. 7, p. 196; Rushworth, vol. 1, p. 556.
[14] State Trials, vol. 7, p. 198; Rushworth, vol. 1, p. 560; Parl. Hist., vol. 8, p. 111.
[15] State Trials, vol. 7, p. 199; Rushworth, vol. 1, p. 561; Parl. Hist., vol. 8, p. 116; Whitlocke, p. 10.
[16] *Эта петиция настолько важна, что мы представим здесь ее полный текст.*

I. Духовные и светские лорды и общины, собравшиеся в парламенте, всепокорнейше доводят до сведения нашего верховного владыки и короля нижеследующее:

Так как статутом, изданным в царствование короля Эдуарда I и обыкновенно именуемым *Statutum de tallagio non concedendo,* объявлено и узаконено, что никакие подати и сборы не должны быть взимаемы в этом королевстве королем или его наследниками помимо доброй воли и согласия архиепископов, епископов, графов, баронов, рыцарей, горожан и других свободных людей из общин этого королевства; а властью парламента, созванного на двадцать пятом году царствования короля Эдуарда III, объявлено и узаконено, что впредь никто не должен быть принуждаем против своей воли давать взаймы деньги королю, ибо такие займы противны справедливости и вольностям страны; другими же законами этого королевства установлено, что ни на кого не должны быть налагаемы повинности и налоги, именуемые доброхотными приношениями, или подобные им сборы, то в силу упомянутых выше статутов и других добрых законов и статутов этого королевства ваши подданные унаследовали ту свободу, что они не могут быть принуждаемы платить какой-либо налог, подать, сбор или иную подобную повинность, не установленную с общего согласия в парламенте.

II Однако в недавнее время были изданы различные указы, обращенные к комиссарам во многих графствах, с инструкциями, в силу которых народ ваш собирали в различных местах и побуждали ссудить известные суммы денег Вашему Величеству, и многих отказавшихся это сделать приводили к присяге, вопреки законам и статутам королевства, и принуждали являться к допросу в ваш Тайный совет и иные места, другие были по той же причине задерживаемы и заключаемы в тюрьму, а также терпели иные стеснения и беспокойства, и различные другие *сборы были налагаемы и взимаемы с Вашего народа во многих графствах лордами*-лейтенантами, их заместителями, комиссарами по смотрам, мировыми судьями и другими лицами, по повелению или указанию Вашего Величества или Вашего Тайного совета, противно законам и вольным обычаям королевства

III Равным образом статутом, именуемым *Великая Хартия вольностей Англии*, провозглашено и узаконено, что ни один свободный человек не может быть схвачен, заключен в тюрьму, лишен своей земли или вольностей, поставлен вне закона, изгнан или иным образом утеснен, иначе как по законному приговору равных ему *лиц или по закону* страны

IV А на двадцать восьмом году царствования короля Эдуарда III было объявлено и узаконено властью парламента, что ни один человек, какого бы звания или сословия он ни был, не может быть лишен земли, принадлежащей ему на правах собственности *или пользования*, схвачен, заключен в тюрьму, лишен наследства или предан смерти, не будучи привлечен к ответственности согласно законному порядку судопроизводства

V Однако вопреки смыслу означенных статутов и других добрых законов и статутов Вашего королевства, изданных с той же целью, многие из ваших подданных в недавнее время были заключены в тюрьму без указания какой-либо причины, а когда для освобождения они были приводимы к вашим судьям согласно указам Вашего Величества о *Habeas Corpus*[244], дабы с ними было поступлено согласно распоряжению суда, то тюремщики, на приказ обозначить причину задержания, не указывали никакой причины, кроме той, что лица эти содержались под стражей по особому повелению Вашего Величества, удостоверенного лордами Вашего Тайного совета, и, несмотря на это, они были вновь препровождаемы в различные тюрьмы, хотя против них не было предъявлено никакого обвинения, на которое они могли бы отвечать согласно закону

VI В последнее же время множество солдат и матросов было расквартировано в различных графствах королевства, и обыватели были принуждаемы против своей воли принимать их в своих домах и давать им постой, вопреки законам и обычаям королевства и к великому отягощению и неудовольствию народа

VII Равным образом властью парламента на двадцать пятом году царствования короля Эдуарда III объявлено и узаконено, что никто не должен быть судим за уголовное преступление вопреки порядку, установленному *Великой Хартией* и законом страны, и, согласно означенной *Великой Хартии* и другим законам и статутам вашего королевства, никто не может быть присужден к смерти иначе, как по законам, установленным в вашем королевстве, или по обычаям того же королевства, или в силу актов парламента, и, с другой стороны, никакой преступник, какого бы звания он ни был, не может быть изъят от установленного порядка судопроизводства и от наказаний, налагаемых законами и статутами королевства, однако в недавнее время изданы были различные предписания за большой печатью Вашего Величества, в силу которых известные лица были назначены и поставлены комиссарами с властью и полномочием преследовать в пределах страны

по законам военного времени тех солдат, матросов и присоединившихся к ним злоумышленников, которые окажутся виновными в убийствах, грабежах, нарушении присяги, мятеже или иных насилиях и злодеяниях, и производить следствие и суд над подобными преступниками в таком же сокращенном порядке, какой применяется по военному положению и употребляется в войсках во время войны, и казнить и предавать их смерти согласно законам военного времени

VIII Под этим предлогом некоторые из подданных Вашего Величества были преданы смерти означенными комиссарами, тогда как если они действительно заслуживали смерти по законам и статутам страны, то они могли быть осуждены и казнены только по тем же законам и статутам, и ни по каким иным

IX Равным образом многие тяжкие преступники, требуя под этим предлогом изъятия, избегали наказаний, заслуженных ими по законам и статутам Вашего королевства, ибо некоторые из ваших чиновников и служителей правосудия отказывались или уклонялись от возбуждения преследования, согласно этим законам и статутам, против таких преступников, ссылаясь на то, что они могут быть наказаны только на основании законов военного положения и только властью тех уполномоченных, о которых было сказано выше, каковые комиссии и полномочия, как и все другие подобного рода, прямо противоречат упомянутым законам и статутам Вашего королевства

X Вследствие чего духовные и светские лорды и общины покорнейше просят Ваше пресветлое Величество, чтобы впредь никто не был принуждаем платить или давать что-либо в виде дара, ссуды, приношения, налога или какого-либо иного подобного сбора, без общего согласия, утвержденного актом парламента, и чтобы никто не был призываем к ответу, приводим к присяге, требуем к допросу, задерживаем или иным образом притесняем по поводу этих сборов или из-за отказа их платить, чтобы ни один свободный человек не был заключаем в тюрьму или содержим под стражей так, как упомянуто выше, чтобы Ваше Величество соблаговолили удалить означенных солдат и матросов и чтобы народ Ваш на будущее время не был отягощаем таким образом, чтобы вышеупомянутые полномочия для судопроизводства по законам военного времени были отменены и уничтожены, и чтобы впредь никакие подобного рода полномочия не предоставлялись какому-либо лицу или лицам, дабы под их предлогом подданные Вашего Величества не притеснялись и не предавались смерти противно законам и вольностям страны

XI Обо всем этом они всеподданнейше ходатайствуют перед Вашим пресветлым Величеством, как о своих правах и вольностях, согласных с законами и статутами королевства, и просят кроме того, чтобы Ваше Величество соблаговолили объявить, что решения, действия и меры, принесшие ущерб народу в каком-либо из означенных пунктов, не должны иметь последствий в будущем и служить впредь примерами, и чтобы Ваше Величество всемилостивейше соизволили, ради успокоения и безопасности народа, объявить Вашу королевскую волю и желание, чтобы в вышеозначенных делах все Ваши чиновники и должностные лица служили Вам согласно с законами и статутами королевства, как того требует слава Вашего Величества и благоденствие королевства Stat 17 Car Cap 14

[17] State Trials, vol VII, p 212, Rushworth, vol 1, p 590

[18] Parl Hist , vol 8, p 206

[19] Rushworth, vol 1, p 585, 594, Parl Hist , vol 8, p 168 etc, Welwood, p 44

[20] Rushworth, vol 1, p 65, Parl Hist , vol 8, p 212

[21] Rushworth, vol 1, p 635, Whitlocke, p 11

[22] Rushworth, vol 1, p 607
[23] Rushworth, vol 1, p 605
[24] Ibid , vol p 610, Parl Hist , vol 8, p 197
[25] Rushworth, vol 1, p 613, Journ 7th June, 1628, Parl Hist , vol 8, p 201
[26] Rushworth, vol 1, p 613
[27] Rushworth, vol 1, p 614, Parl Hist , vol 8, p 214
[28] Journ 13 June, 1628
[29] Rushworth, vol 1, p 612
[30] Ibid , p 619, Parl Hist , vol 8, p 219 etc
[31] Rushworth, vol 1, p 628, Journ 18, 20 June, 1628
[32] Journ 26 June, 1628
[33] May's Hist of the Parliament, p 10
[34] Clarendon, vol 1, p 27, 28
[35] Warwick, p 34
[36] Rushworth, vol 1, p 636
[37] State Trials, vol 7, p 216, Rushworth, vol 1, p 643
[38] State Trials, vol 7, p 216 Parl Hist , vol 8, p 246
[39] Parl Hist , vol 8, p 339, 340
[40] 6 Henry VIII Cap 14
[41] Journ 5 July, 1625
[42] Эту необычную меру общин сэр Филипп Уорик (p 2) объясняет тем, что они намеревались лишить корону присвоенной ею прерогативы произвольно изменять ставки налогов и в то же время решили уменьшить новые тарифы, установленные Яковом Это было бы чувствительным ударом как по доходам короны, так и по монаршей прерогативе, и если учесть настроение тогдашнего парламента, позволительно усомниться в том, что общины не пожелали бы пойти дальше Очевидно, король и лорды решили не доверять общинам и не делать хотя бы один раз сомнительным источник дохода, правомерность которого они, возможно, уже никогда бы не сумели восстановить на прежнем основании
[43] Rushworth, vol 1, p 644, Parl Hist , vol 8, p 256, 346
[44] Rushworth, vol 1, p 460
[45] Ibid , 651, Whitlocke, p 12
[46] Опыт об атеизме
[47] Rushworth, vol 1, p 646, Parl Hist , vol 8, p 260
[48] Rushworth, vol 2, p 655, Parl Hist , vol 8, p 289
[49] Rushworth, vol 1, p 654, Parl Hist , vol 8, p 301
[50] Rushworth, vol 2, p 653
[51] Ibid , p 658
[52] Parl Hist , vol 8, p 326
[53] Право короля объявлять отсрочку парламента и распускать его на каникулы никогда не подвергалось сомнению А в девятнадцатый год царствования Якова судьи постановили, что королевская отсрочка сохраняет парламент in statu quo до следующего заседания, однако парламентские комитеты в это время собираться не должны, но если отсрочку объявляет сам парламент, то комитеты продолжают действовать и все дела идут прежним порядком Parl Hist , vol 5, p 466
[54] Rushworth, vol 1, p 660, Whitlocke, p 12
[55] Rushworth, vol 1, p 661, 681, Parl Hist , vol 8, p 354, May, p 13
[56] Rushworth, vol 1, p 684, 691
[57] Whitlocke, p 13

[58] Kennet, vol. 5, p. 440.
[59] Rushworth, vol. 5, p. 440.
[60] Rushworth, vol. 2, p. 23, 24.
[61] Idem., p. 75; Whitlocke, p. 14.
[62] Rushworth, vol. 1, p. 46, 53, 62, 83.
[63] Franklyn, vol. 1, p. 415.
[64] May, p. 21.
[65] Sir Edward Walker, p. 328.
[66] May, p. 25.
[67] Rushworth, vol. 2, p. 190; Welwood, p. 61.
[68] Rushworth, vol. 3, p. 1327; Whitlocke, p. 97.
[69] Rushworth, vol. 2, p. 76, 77; Welwood, p. 275; Franklyn, p. 380.
[70] Rushworth, vol. 2, p. 207; Whitlocke, p. 24.
[71] Rushworth, vol. 2, p. 272, 273.
[72] Rushworth, vol. 2, p. 152; State Trials, vol. 5, p. 46; Franklyn, p. 410–412.
[73] Rushworth, vol. 2, p. 186.
[74] Ibid., p. 249; Franklyn, p. 451.
[75] Rushworth, vol. 2, p. 186.
[76] State Papers collected dy the earl of Clarendon, p. 338.
[77] Whitlocke, p. 22.
[78] Franklyn, p. 114; Rushworth, vol. 1, p. 201.
[79] Parl. Hist., vol. 8, p. 389; Rusworth, vol. 2, p. 3.
[80] Clarendon, vol. 1, p. 4; May, p. 14.
[81] Rushworth, vol. 2, p. 8; May, p. 16.
[82] Rushworth, vol. 2, p. 9.
[83] Idem., p. 10.
[84] Idem., p. 11–13, 247.
[85] Idem., p. 49.
[86] Statutum de Militibus
[87] Rymer, vol. 15, p. 124.
[88] Rushworth, vol. 2, p. 70–72; May, p. 16.
[89] Rushworth, vol. 2, p. 70–72; May, p. 16.
[90] Rushworth, vol. 2, p. 32.
[91] Kennet's complete Hist., vol. 3, p. 60; Whitlocke, p. 15.
[92] Kennet's complete Hist., vol. 2, p. 17.
[93] Idem., p. 103.
[94] Idem., p. 103.
[95] Idem., p. 139, 142, 189, 252.
[96] Rushworth, vol. 2, p. 158 etc.; Franklyn, p. 412.
[97] Rushworth, vol. 2, p. 202, 203.
[98] Rushworth, vol. 2, p. 215 etc.
[99] Он утверждает, что церковное пение — это не человеческие звуки, а грубое мычание скота. Хористы ревут тенорами, словно быки, тявкают контралункты, словно свора собак, орут дискантом, словно волы, хрюкают басом, как стадо свиней; Рождество в том виде, в каком его празднуют ныне, есть рождество дьявола; на многих страницах Принн убеждает христиан называть себя *пуританами*, как будто сам Христос был пуританин; впрочем, он так и говорит в указателе к своей книге (Rushworth, vol. 2, p. 223).
[100] Rushworth, vol. 2, p. 220 etc.
[101] Dugdale, p. 2.

[102] Rushworth, vol 2, p 193, 459, Whitlocke, p 16, 17, Franklyn, p 437
[103] Rushworth, vol 2, p 192, 192, May, p 2
[104] Rushworth, vol 2, p 183
[105] Whitlocke, p 23, Chalendon, vol 1, p 99
[106] Clarendon, vol 1, p 97, May, p 23
[107] Rushworth, vol 2, p 257 etc
[108] Rushworth, vol 4, p 535, 542
[109] Приведем отрывок из «Исследования об импозициях» Джона Дэвиса, (p 131) «Право короля вводить по собственной воле новые налоги является частью прерогативы как в смысле нужд правления, так и в отношении пользы, и оно не может быть ограничено или связано актом парламента Определенным и постоянным правилам оно подчиняется не больше, чем курс, избираемый в море лоцманом, коему надлежит поворачивать штурвал, поднимать или опускать паруса, сообразуясь с погодой и направлением ветра, а потому можно по всей справедливости сказать, что в данном пункте прерогатива короля сильна, как *Самсон* и не может быть связана Ибо пусть даже парламент примет ограничивающие ее акты, и король даст на них согласие — как и *Самсона* связали с его согласия — однако, если придут *филистимляне*, иначе говоря, если возникнут какие-либо важные и настоящие причины, но подобный акт не в силах будет сдержать и ограничить прерогативу, он будет словно нить, и его разорвут так же легко, как были разорваны путы, наложенные на *Самсона* — Прерогатива короля — это солнечные лучи короны, столь же неотделимые от нее, как солнечные лучи — от солнца Нужно лишить короля короны, нужно обрезать прядь у *Самсона*, прежде чем мужество его ослабеет хотя бы на самую малость А значит ни акт парламента, ни акт самого короля не способны умалить его прерогативу» [267]
[110] Rushworth, vol 2 p 270, vol 3 App , p 106
[111] Ibid , vol 3, p 333, Franklyn, p 478
[112] May, p 16
[113] Strafford's Letters and Dispatches, vol 2, p 117
[114] Rushworth, vol 2, p 270
[115] Rushworth, vol 2, p 269
[116] Life of Clarendon, vol 1, p 72
[117] Lord Lansdown, p 514
[118] Ibid , p 515 В Сообщениях Гобарта (p 120) данная история рассказана по-другому Из них явствует, что Маркхэма оштрафовали лишь на 500 фунтов, причем вполне заслуженно он назвал лорда Дарси лжецом и отправил ему вызов Яков всячески стремился покончить с обычаем дуэли, в ту пору широко распространенным
[119] Rushworth, vol 2, p 144
[120] Idem , p 288
[121] Idem , vol 2, p 348
[122] Idem , p 350
[123] Idem , p 80
[124] Idem , p 80
[125] Idem , p 74, Franklyn, p 839
[126] Rushworth, vol 2, p 150, 151, Whitlocke, p. 15; History of the Life and Sufferings of Laud, p 211, 212
[127] Rushworth, vol 2, p 409, 418
[128] Mather's History of New England, book 1; Dugdale; Bates; Hutchinson's History of Massachuset's Bay, vol 1, p 42 Сообщение последнего из упомянутых

здесь авторов ставит эти факты вне всякого сомнения И факты эти весьма любопытны для характеристики людей и эпохи Можно ли усомниться в том, что последующие раздоры были почти всецело богословскими, а не политическими? Чего можно было ожидать от простого народа, если даже самые просвещенные вожди обладали подобным характером?

[129] May, p 82
[130] Rushworth, vol 2, p 414
[131] Ibid , p 416, etc
[132] Ibid , p 803 etc , Whitlocke, p 25
[133] Rushworth, vol 2 p 416
[134] Ibid , p 197
[135] Ibid , p 451
[136] Ibid p 465–467
[137] Rushworth, vol 2, p 470, Welwood, p 278
[138] Rushworth, vol 3, p 180
[139] Rushworth, vol 2, p 355, Whitlocke, p 24
[140] State Trials, vol 5, p 245, 255
[141] См State Trials, статья *Корабельные деньги*, где содержатся речи четырех судей в пользу Гемпдена
[142] *Clarendon p 74–75, May, p 18, Warwick, p 62*
[143] Rushworth, vol 2, p 386, May, p 29
[144] Guthry's Memoirs, p 14, Burnet's Memoirs, p 29, 30
[145] King's Declaration, p 7, Franclyn, p 611
[146] King's Declaration, p 6
[147] Burnet's Memoirs, p 29, 30
[148] May, p 29
[149] Burnet's Memoirs, p 29–31
[150] Clarendon, vol 2, p 106
[151] Ibid , p 105
[152] King's Declaration, p 18, May, p 32
[153] King's Declaration, p 20
[154] King's Declaration, p 22, Clarendon, vol 1, p 108, Rushworth, vol 2, p 387.
[155] King's Declaration, p 23–25, Rushworth, vol 2, p 388
[156] King's Declaration, p 26, 30, Clarendon, vol 1, p 109
[157] King's Declaration, p 32, Rushworth, vol 2, p 400
[158] King's Declaration, p 35, 36, Rushworth, vol 2, p 404
[159] King's Declaration, p 31
[160] King's Declaration, p 47, 48 etc, Guthry, p 28, May, p 37
[161] Clarendon, vol 1, p 111, Rushworth, vol 2, p 734
[162] King's Declaration, p 57, 58, Rushworth, vol 2, p 734, May, p 38
[163] Rushworth, vol 2, p 754 etc
[164] King's Declaration, p 87
[165] King's Declaration, p 88, Rushworth, vol 2, p 781
[166] King's Declaration, p 137, Rushworth, vol 2, p 762
[167] King's Declaration, p 140 etc
[168] Rushworth, vol 2, p 772
[169] King's Declaration, p 188, 189, Rushworth, vol 2, p 761
[170] Пресвитерия в Шотландии — это низший церковный орган, то же самое, что в Англии позднее называлось «классом», обычно его составляли от двенадцати до двадцати духовных лиц из соседних приходов

[171] King's Declaration, p 190, 191, 292, Guthry, p 39 etc
[172] King's Declaration, p 218, Rushworth, vol 2, p 787
[173] May, p 44
[174] King's Declaration, p 317
[175] Memoires d'Estrades, vol 1
[176] May, p 49
[177] Guthry's Memoris, p 46
[178] King's Declaration at large, p 227, Burnet's Memoirs of Hamilton
[179] Rushworth, vol 3, p 1329, Franclyn, p 767
[180] Clarendon, vol 1, p 115–117
[181] Burnet's Memoirs of Hamilton
[182] Rushworth, vol 3, p 936
[183] Ibid , p 945
[184] Clarendon, vol 1, p 122, 123, May, p 46
[185] Rushworth, vol 3, p 154, p 951
[186] Burnet's Memoirs, p 154, Rushworth, vol 3, p 951
[187] Idem , p 958 etc
[188] Rushworth, vol 1, p 125, Rushworth, vol 3, p 1023
[189] Clarendon, vol 1, p 125, Rushworth, vol 3, p 1023
[190] Clarendoh, vol 1, p 129, Rushworth, vol 3, p 956, May, p 56
[191] Rushworth, vol 3, p 1114
[192] Clarendon, vol 1, p 133, Rushworth, vol 3, p 1131, May, p 60
[193] Rushworth, vol 3, p 1136
[194] Idem , p 1147
[195] Clarendon, vol 1, p 134
[196] Idem , p 135, Rushworth, vol 3, p 1154
[197] Clarendon, vol 1, p 138
[198] Ibid , p 136
[199] Rushworth, vol 3, p 1167, May, p 61
[200] Один такой случай имел место в 1586 году (History of archbishop Laud, p 80) Полномочия конвокаций в большинстве пунктов не зависели от парламента, и не было никаких оснований после роспуска парламента распускать и ее
[201] Whitlocke, p 33
[202] Whitlocke, p 33
[203] Dugdale, p 62, Clarendon, vol 1, p 143
[204] Dugdale, p 65
[205] Rushworth, vol 3, p 1166
[206] Здесь мы воспользуемся допустимой в примечаниях свободой, чтобы остановиться на данном предмете несколько подробнее Необходимо признать, что король в своей декларации затронул ту сторону английской конституции, которую чрезвычайно трудно и, пожалуй, даже совершенно невозможно регулировать законами и где следует руководствоваться не точными правилами и категорическими предписаниями, но скорее неким тонким чувством целесообразности и приличия Отрицать за парламентом всякое право ремонстрации против того, что он считает злоупотреблениями, значило низводить это собрание до полной ничтожности, лишая народ всех преимуществ, которые мог он получить благодаря избранным нацией советам Жаловаться на то, что свое право утверждать налоги парламент использует как способ добиться уступок от государя, значило ожидать, что парламент сам себя совершенно обезоружит и откажется от единственного предусмотренного конституцией средства обеспечить законность и

справедливость в управлении государством. В различные эпохи английской истории мы находим примеры того, как парламент подавал чрезвычайно смелые протесты своим государям, а иногда, возмущенный какими-то действиями правительства, отказывал ему в субсидиях. И, однако, совершенно очевидно, что этим правом, пусть и весьма важным для парламента, очень легко злоупотребить — как слишком частыми и мелочными ремонстрациями, так и неразумным вмешательством в любые планы и решения короля. Под видом советов парламент может отдавать замаскированные приказы, а жалуясь на злоупотребления, он может присваивать всю власть в государстве. Любую меру, принятую без консультации с ним, парламент может объявить притеснительной для народа, и пока она не будет отменена, он может отказывать нуждающемуся государю в самых необходимых ассигнованиях. Из самой природы этой парламентской привилегии явствует, что ее нельзя точно определить каким-либо законом, ибо кто в силах предсказать, как часто могут возникать злоупотребления и какие именно сферы администрации они способны затронуть? Если же принять в расчет человеческую природу, то можно ожидать, что парламент использует свое право в полной мере и не оставит в покое ни одну ветвь власти, находящуюся в руках государя. Ибо неужели слабой узды приличия и уважения окажется достаточно для того, чтобы сдержать человеческое властолюбие, которое так часто разрушает все преграды закона и справедливости?

Здесь, однако, следует заметить, что благодаря мудрости английской конституции, или, скорее, вследствие удачного стечения обстоятельств, в разные эпохи возникли нерегулярные ограничения этой парламентской привилегии, позволявшие в немалой степени сохранять достоинство и авторитет короны.

При старом государственном устройстве, т. е. до начала семнадцатого столетия, парламент созывался случайным образом и весьма редко. Сессии его были непродолжительны, и члены палаты не имели времени как следует познакомиться друг с другом и с положением дел в государстве. Общее невежество эпохи само по себе склоняло их к повиновению существующей власти. Но, что важнее всего, огромные владения короны и незначительность расходов по управлению делали государя в те времена почти независимым от парламента, парламенту же внушали привычку относиться к его особе с величайшим почтением и покорностью.

При нынешней конституции различные события, сделавшие управление в Великобритании, как и повсюду, гораздо более сложным и дорогостоящим, чем прежде, предоставили в распоряжение короны значительные доходы, и король может теперь, играя на личных интересах и амбициях отдельных членов парламента, ограничивать влияние и амбиции этого органа в целом. В то время как оппозиция (ибо у нас по-прежнему должна быть оппозиция, явная или скрытая) пытается подчинить руководству парламента все ветви управления, известная его часть, благодаря усилиям придворной партии, остается под контролем короны, а прерогатива монарха, хотя и лишенная старинных полномочий, все еще обладает должным весом в общей системе конституции.

Династии же Стюартов суждено было править Англией в тот период, когда прежний источник власти и авторитета уже весьма истощился, а новый еще не стал достаточно изобильным. Не имея под собой твердого и прочного основания, трон без конца шатался, а занимавший его государь жил посреди вечных опасностей и тревог. Все средства, которые Яков и Карл использовали для того, чтобы поддержать достоинство своего сана, оборачивались, как мы видели, крупными неудобствами. Величие короны, опиравшееся на древние полномочия и прерогативы, все еще внушало почтение и сдерживало дерзкие посягательства, но в то же са-

мое время оно порождало в монархе столь возвышенное понятие о его звании и положении, что он становился неспособен снизойти до угодной народу политики или хоть в какой-то мере подчиниться контролю со стороны парламента Союз с церковной иерархией укреплял закон санкцией религии, однако он же приводил в ярость пуританскую партию, навлекая на государя неистовые нападки многочисленных и непримиримых врагов По сходным причинам и посмертную репутацию этих двух королей постигла в известной степени та же печальная судьба, которая преследовала их в течении всей их жизни Следует признать, что их искусство как правителей не соответствовало крайней сложности и запутанности их положения, и все же потомки не проявили к ним должной снисходительности, а некоторые историки всю вину несправедливо возложили только на них Допущенные ими, в особенности Карлом, нарушения закона, представляют собой в отдельных случаях переход через ясные и четкие границы, поставленные королевской власти Но ведь беспристрастный судья может с такой же легкостью заметить и посягательства со стороны общин, пусть даже поначалу не столь явные и решительные, которые точно так же разрушали истинное равновесие конституции В использовании унаследованных ими прав общины выказали больше независимости и меньше уступчивости, чем их предшественники, короли же, действуя, вероятно, не вполне благоразумно, но, как они сами думали, под влиянием необходимости, поддались искушению присвоить себе те полномочия, которыми корона едва ли пользовалась прежде или которые осуществляла она иным способом Столкновение этих противоположных претензий, вместе с разногласиями религиозными, и породило все раздоры, потрясения и беспорядки, которыми отмечена данная эпоха

[207] May, p 48
[208] Rushworth, vol 3, p 1181
[209] Idem , vol 1, p 168
[210] May, p 63
[211] Rushworth, vol 3, p 1216, May, p 63
[212] Rushworth, vol 3, p 1173, 1182, 1184, 1199, 1200, 1203, 1204
[213] Idem , p 1279
[214] Nalson, vol 2, p 327
[215] Clarendon, vol 1, p 143
[216] Rushworth, vol 3, p 1255
[217] Clarendon, vol 1, p 155
[218] Rushworth, vol 3, p 1263
[219] Clarendon, vol 1, p 146, Rushworth, vol 3, p. 1260; May, p. 66, Warwick, p 151
[220] Nalson, vol 2, p 5
[221] Clarendon, vol 3, p 1190 etc , May, p 64
[222] Rushworth, vol 3, p 1190 etc , May, p 64
[223] Rushworth, vol 3, p 1199
[224] Clarendon, vol 1, p 154, Rushworth, vol 3, p. 1275.
[225] Idem , p 1279
[226] Rushworth, vol 3, p 1305
[227] Whitlocke, p 36
[228] Ibid
[229] Clarendon, vol 1, p 172
[230] Ibid , p 174
[231] Clarendon, vol 1, p 177, Whitlocke, p 38, Rushworth, vol 3, p 1565

[232] Clarendon, vol 1, p 177, Whitlocke, p 38, Rushworth, vol 1, p 129, 136
[233] Ibid , vol 5, p 122
[234] Clarendon, vol 1, p 178, Whitlocke, p 37
[235] Clarendon, vol 1, p 176
[236] Idem
[237] Clarendon, vol 1, p 177
[238] Whitlocke, p 39
[239] Nalson, vol 1, p 678
[240] Парламентский акт (25 г Генриха VIII, гл 19) позволял конвокации принимать каноны с согласия короля По знаменитому акту о покорности этому государю, духовенство обязывалось не вводить новых канонов без королевского согласия О парламенте же тогда никто не думал и не упоминал, и те притязания, которые выдвигали общины теперь, в любую прежнюю эпоху были бы сочтены возмутительной узурпацией
[241] Clarendon, vol 1, p 206, Whitlocke, p 37, Rushworth, vol 5, p 235, 359, Nalson, vol 1, p 807
[242] Лорд Кларендон утверждает, что оно было совершенно новым, однако соответствующие прецеденты мы находим в царствование Елизаветы (D'Ewes, p 296, 352) Примеры его использования встречаются и при Якове
[243] Clarendon, vol 1, p 176
[244] Nalson, vol 1, p 783, May, p 79
[245] Clarendon, vol 1, p 199, 200 etc , Nalson, vol 1, p 570, May, p 80
[246] Rushworth, vol 5, p 228, Nalson, vol 1, p 800
[247] Dugdale, Clarendon, vol 1, p 203
[248] Husb Col , p 530
[249] Опубликованный после роспуска третьего парламента Карла (Parl Hist., vol 8, p 347)
[250] Rushworth, vol 1, p 1295
[251] Судя по всему, размер одной субсидии упал к тому времени до 50 000 фунтов
[252] Dugdale, p 71
[253] Clarendon, vol 1, p 180
[254] Nalson, vol 1, p 530, 534
[255] Idem, p 537
[256] Clarendon, vol 1, p 203, Whitlocke, p 37, Nalson, vol 1, p 666
[257] Rushworth, vol 5, p 171
[258] Clarendon, vol 1, p 237
[259] Ibid , p 237
[260] Whitlocke, p 45
[261] Rushworth, vol 5, p 351
[262] Ibid , p 203
[263] Parl Hist , vol 7, p 282, Rushworth, vol 5, p 209
[264] Clarendon, vol 1, p 199, Whitlocke, p 122, May, p 81
[265] Лорд Кларендон (vol 1, p 233) пишет, что в парламентской партии не было согласия в вопросе о полном уничтожении епископального устройства этой меры добивались лишь так называемые *сторонники билля о корне и ветвях* Однако те, кто хотел сохранить епископов, требовали сильно ограничить их власть, а также отменить установленные обряды и духовные облачения Таким образом, спор между партиями был почти всецело богословским, причем совершенно нелепым и пустячным

[266] Rushworth, vol 5, p 160
[267] Ibid , p 158, 159, Nalson, vol 1, p 730
[268] Rushworth, vol 5 p 166 Nalson, vol 1, p 749
[269] Из сочинений Кларендона нам теперь известно, что король также имел своего официального агента в Риме Звали его Брет, и главным его заданием было вести с папой переговоры о мерах терпимости к католикам, а также побуждать католиков, из благодарности к английскому королю, оставаться его добрыми и верными подданными, но все это дело, хотя и совершенно невинное, держали тогда в строжайшей тайне Карл, как он сам утверждает доверял Брету настолько, насколько можно было доверять какому-либо католику
[270] Rushworth, vol 5, p 301
[271] Clarendon, vol 1 p 249, Rushworth, vol 5, p 57
[272] Rushworth, vol 5, p 267
[273] Судя по всему, общины, превратившиеся теперь в полных хозяев положения, не отменили введенные Яковом новые ставки пошлин, против которых прежде так громко протестовали, — ясное доказательство того, что установленные этим государем тарифы были в большинстве случаев справедливыми и соответствовали новым ценам на товары Пожалуй, даже, они оказались заниженными (Journ 10th, 1625)
[274] Комитету, работавшему над одним из этих биллей, палата общин предписала позаботиться о том, чтобы пошлины на вывоз стали как можно более низкими, а пошлины на ввоз — такими высокими, какие только могла выдержать торговля, — доказательство того, что в Англии уже начали понимать природу коммерции (Journ 1 June, 1641)
[275] Clarendon, vol 1, p 208
[276] Clarendon, vol 1, p 209, Whitlocke, p 30, Rushworth, vol 5, p 189
[277] Clarendon, vol 1, p 195
[278] Warwick, p 95
[279] Clarendon, vol 1, p 210, 211
[280] Ibid , p 192
[281] Whitlocke, p 37
[282] Clarendon, vol 1, p 193
[283] Ibid , p 214
[284] Rushworth, vol 5, p 214
[285] Clarendon, vol 1, p 216
[286] Whitlocke, p 40, Rushworth, vol 4, p 41, May, p 90
[287] Ibid , vol 4, p 120, 247, Warwick, p 115
[288] Nalson, vol 2, p 45
[289] Rushworth, vol 4, p 124
[290] Warwick, p 115
[291] Rushworth, vol 4, p 187
[292] Ibid , p 559
[293] Rushworth, vol 4, p 659 etc
[294] Whitlocke, p 41
[295] Clarendon, vol 1, p 223, 229 etc , Whitlocke, p 41, May, p 93
[296] Rushworth, vol 4, p 560
[297] Whitlocke, p 43
[298] Ibid
[299] Clarendon, vol 1, p 232, 256, Rushworth, vol 5, p 248, 1279
[300] Whitlocke, ut supra

[301] Clarendon, vol 1, p 247, Whitlocke, p 43
[302] Rushworth, vol 5, p 240
[303] Ibid , p 255
[304] Clarendon, vol 1, p 252, Rushworth, vol 5, p 241, Warwick, p 180
[305] Dugdale, p 69, Franklyn, p 901
[306] Sir Edward Walker, p 349
[307] Rushworth, vol 5, p 239
[308] Whitlocke, p 43
[309] Clarendon, vol 1, p 232
[310] Clarendon, vol 1, p 257, Warwick, p 160
[311] Clarendon, vol 1, p 258, Rushworth, vol 5, p 251
[312] Whitlocke, p 44, Franklyn, p 896
[313] М-р Карт в своем жизнеописании герцога Ормонда приводит доказательства в пользу того, что письмо это было от начала до конца фальшивкой, состряпанной вождями народной партии с целью убедить короля пожертвовать Страффордом Он утверждает, будто сам Страффорд сказал это своему сыну в ночь перед казнью Существуют, однако, причины, по которым я держусь общепринятого толкования данного эпизода 1 Рассказ о подлоге дошел до нас через третьи руки, его передавали лица, не слишком хорошо известные публике, — факт, ослабляющий силу любого свидетельства В сущности, это лишь слух по поводу слуха 2 Кажется невероятным, чтобы Страффорд-младший не сообщил об этом королю, который бы непременно выяснил источник фальшивки и покрыл своих врагов заслуженным позором 3 Невозможно представить, чтобы Кларендон и Уайтлок (не говоря уже о других) ничего не слыхали об этом деле 4 Сэр Джордж Рэдклифф в жизнеописании Страффорда излагает эту историю точно так же, как Кларендон и Уайтлок Неужели и он — близкий друг Страффорда! — ничего не знал о фальшивке? Характерно, что его книга посвящена Страффорду-младшему Неужели последний не сообщил бы сэру Джорджу о столь важном и любопытном обстоятельстве?
[314] Clarendon, vol 1, p 261, 262, Rushworth, vol 5, p 264
[315] Менее важным этот билль мог казаться ввиду следующего обстоятельства парламент вотировал потонный и пофунтовый сборы только на два месяца, а поскольку этот источник составлял более половины государственных доходов и без него управление государством не могло осуществляться, то парламент, казалось, имел косвенную возможность продлить свои заседания на какой угодно срок Это было верно при обычном ходе дел, но накануне гражданской войны (которую тогда еще, впрочем, не могли предвидеть) королю было чрезвычайно важно оставить за собой право роспуска, пусть даже ценой величайших денежных затруднений, но только не позволять парламенту делать себя нераспускаемым
[316] Whitlocke, p 44
[317] Rushworth, vol 5, p 265
[318] Nalson, vol 2, p 198
[319] Rushworth, vol 5, p 267
[320] То, что в глубине души Страффорд не был противником произвольных мер, явствует из его писем и депеш (см , напр vol 2, p 60), где он, насколько можно понять, высказывается за создание постоянной армии
[321] Rushworth, vol 4, p 567–570
[322] По словам Перси, королю действительно предлагали призвать армию в Лондон, но он отверг этот проект как безрассудный, ибо шотландцы, располагав-

шиеся недалеко и готовые к бою, явились бы в столицу в одно время с английской армией. Этот довод столь убедителен, что он не оставляет почвы для сомнений в правдивости слов Перси, а следовательно, доказывает непричастность короля к ужасному замыслу вызвать в Лондон армию; заговору, который наделал тогда столько шума и явился предлогом для множества насильственных мер.

[323] Clarendon, vol. 1, p. 266.

[324] Clarendon, vol. 1, p. 283, 284; Whitlocke, p. 47; Rushworth, vol. 3, p. 1383, 1384.

[325] Rushworth, vol. 5, p. 307.

[326] May, p. 107.

[327] Nalson, vol. 1, p. 778.

[328] Rushworth, vol. 5, p. 387.

[329] Ibid., p. 376.

[330] Whitlocke, p. 38.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВАМ XI–XV

[1] Nalson, vol 5, p. 365; Clarendon, vol. 2, p. 293.
[2] Rushworth, vol. 5, p. 365; Clarendon, vol. 2, p. 293.
[3] Burnet, Mem.
[4] Burnet, Mem.
[5] Ibid.
[6] Ibid.
[7] Ibid.
[8] Clarendon, vol. 2, p. 309
[9] Whitlocke, p. 40; Dugdale, p. 72; Burnet's Memoirs of the House of Hamilton, p. 184, 185; Clarendon, p. 299.
[10] Sir John Temple's Irish Rebellion, p. 12.
[11] Clarendon, vol. 1, p 261; Rushworth, vol. 5, p. 381; Dugdale, p. 75; May, book 2–3.
[12] Temple, p. 14.
[13] Nalson, vol. 2, p. 543.
[14] Temple, p. 72, 73, 78; Dugdale, p. 73.
[15] Idem., p. 74.
[16] Rushworth, vol. 5, p. 408; Nalson, vol. 2, p. 520; May, book 2.
[17] Rushworth, vol. 5, p. 399; Nalson, vol. 2, p. 520; May, book 2.
[18] Temple, p. 17–20; Rushworth, vol. 5, p. 460.
[19] Temple, p. 39, 40, 79.
[20] Idem., p. 42.
[21] Idem., p. 40
[22] Idem., p. 39, 40.
[23] Idem., p. 96, 101; Rushworth, vol. 5, p. 415.
[24] Temple, p. 100.
[25] Idem., 84.
[26] Temple, p. 99, 106; Rushworth, vol. 5, p. 414.
[27] Whitlocke, p. 47; Rushworth, vol. 5, p. 416.
[28] Temple, p. 100.
[29] Idem., p. 85, 106.
[30] Idem., p. 94, 107, 108; Rushworth, vol. 5, p. 407.
[31] Temple, p. 44.
[32] Idem., p. 414; Rushworth, vol. 1, 416.
[33] Temple, p. 42.
[34] Idem., p. 64.

[35] Idem , p 88
[36] Idem , p 62
[37] Tample, p 43, 62
[38] Nalson, p 43, 62
[39] Temple, p 33, Rushworth, vol 5, p 402
[40] Temple, p 60, Borlace, Hist , p 28
[41] Whitlocke, p 494
[42] Rushworth, vol 5, p 400, 401
[43] Ibid , p 402
[44] Rushworth, vol 5, p 407
[45] Clarendon, vol 2, p 301
[46] В наше время, несмотря на отдельные слабые возражения, непричастность короля к ирландскому мятежу является настолько общепризнанной, что было бы излишним подробно останавливаться на столь очевидном вопросе Я приведу лишь несколько из великого множества аргументов 1 Можно ли вообще принимать всерьез утверждения гнусных и вероломных бунтовщиков? 2 Никто не в силах нам сообщить, что же именно было сказано в мнимом королевском поручении Тот его текст, который мы находим у Рашуорта (vol 5, p 400) и в сочинениях Мильтона[320], представляет собой явную фальшивку он датирован октябрем 1641 года, однако в нем упоминаются события, происходившие несколько месяцев спустя Очевидно, ирландские бунтовщики, заметив некоторые противоречия в своей подделке, вынуждены были сочинить новый ее вариант, но не сумели сделать его внутренне связным и убедительным 3 Совершенно ясно, что для короля не могло быть ничего более пагубного, чем ирландское восстание оно увеличивало денежные затруднения Карла и усиливало его зависимость от парламента, который уже дал понять, на каких условиях может он согласиться помочь своему монарху 4 Как только король узнал о восстании (т е уже через несколько дней после его начала), он написал парламенту и передал ему руководство военными действиями Но если король действительно строил какие-либо планы в связи с ирландским восстанием, то неужели не переждал бы он некоторое время, чтобы выяснить, добьются ли мятежники успеха? Разве пошел бы он тотчас же на эту меру, столь явным образом губительную для его авторитета? 5 Попробуем вообразить, какими могли быть проекты короля, если бы таковые существовали Как я понимаю, побудить ирландцев к вооруженному выступлению и призвать их в Англию на помощь себе Но разве не ясно, что король никогда не собирался развязывать войну в Англии? Будь у него подобное намерение, разве сделал бы он английский парламент нераспускаемым? И неужели весь ход событий не доказывает, что именно парламент принудил его к войне? 6 Король сам сообщил дублинским судьям сведения, которые должны были предотвратить восстание 7 Впоследствии, пытаясь оправдать свой мятеж, ирландские католики во всех своих переговорах с королем ни разу не посмели сослаться на его поручение и даже в собственном кругу оставили этот предлог Кажется, главным образом сэр Фелим О'Нил, а поначалу — только он один, пытался распространить эту выдумку (Carte's Ormoud, vol 3, p 100, 111, 112, 114, 115, 121, 132, 137) В ходе судебного процесса и перед казнью О'Нил сам признался в обмане (Nalson, vol 2, p 528) Такое же признание сделал на плахе и Магир 9 Нелепо указывать на тот факт, что Карл II оправдал маркиза Антима как человека, действовавшего будто бы по поручению его отца К первому мятежу и сопровождавшим его зверствам Антрим был непричастен, он присоединился к мятежникам лишь два года

спустя и с королевского согласия, а кроме того, оказал монарху важную услугу, отправив отряд в помощь Монтрозу.

[47] Clarendon, vol. 2, p. 435; Sir Edw. Walker, p. 6.
[48] Nalson, vol. 2, p. 618; Clarendon, vol. 4, p. 500.
[49] Rushworth, vol. 5, p. 438; Nalson, vol. 2, p. 694.
[50] Whitlocke, p. 49; Dugdale, p. 71; Nalson, vol. 2, p. 668.
[51] Rushworth, vol. 5, p. 429.
[52] Rushworth, vol. 5, p. 437; Nalson, vol. 2, p. 602.
[53] Nalson, vol. 2, p. 748.
[54] Rushworth, vol. 5, p. 457; Clarendon, vol. 2, p. 327; Nalson, vol. 2, p. 738, 750 etc.
[55] Rushworth, vol. 5, p.385; Nalson, vol. 2, p. 482.
[56] Idem., p. 511.
[57] Rushworth, vol 5, p. 359.
[58] Clarendon, vol. 5, p. 359.
[59] Clarendon, vol. 2, p. 415.
[60] Journ. 30th Nov., 1641; Nalson, vol. 2, p. 688.
[61] Nalson, vol. 2, p. 646; Journ. 16th Nov., 1641; Dugdale, p. 77.
[62] Rushworth, part. 3, vol. 1, p. 710.
[63] Nalson, vol 2, p. 784, 792.
[64] Ibid., p. 792; Journ. 27th, 28th, 29th Desember, 1641.
[65] Clarendon, vol. 2, p. 339.
[66] Ibid., p. 336.
[67] Dugdale, p. 78.
[68] Whitlocke, p. 51; Rushworth, vol. 5, p. 466; Nalson, vol. 2, p. 794.
[69] Clarendon, vol. 2, p. 355.
[70] Ibid., p. 360.
[71] Whitlocke, p. 50; Rushworth, vol. 5, p. 473; Nalson, vol. 2, p. 811; Franklyn, p. 906.
[72] Whitlocke, p. 50; Rushworth, vol. 5, p. 474, 475.
[73] Whitlocke, p. 51; Warwick, p. 204.
[74] Whitlocke, p. 50.
[75] Ibid.; May, book 2, p. 20.
[76] Whitlocke, p. 51.
[77] Rushworth, vol. 4, p. 479; Clarendon, vol. 2, p. 361.
[78] Nalson, vol. 2, p. 836.
[79] Ibid., p. 833.
[80] Whitlocke, p. 62; Dugdale, p. 82; Clarendon, vol. 2, p. 380.
[81] Dugdale, p. 84; Rushworth, vol. 5, p. 484, 488, 494 etc.
[82] Rushworth, vol. 5, p. 487.
[83] Ibid., p. 462.
[84] Dugdale, p. 87.
[85] Clarendon, vol. 2, p. 412.
[86] Ibid., p. 413.
[87] Clarendon, vol. 2, p. 449.
[88] *Декларация короля от* 12 августа 1642 г.
[89] Ibid.
[90] Nalson, vol. 2, p. 512.
[91] Clarendon, vol. 2, p. 428.
[92] Rushworth, vol. 5, p. 489; Clarendon, vol. 2, p. 385.

[93] Nalson, vol 2, p 850
[94] Rushworth, vol 5, p 519
[95] Ibid , p 521
[96] Rushworth, vol 5, p 521
[97] Ibid
[98] Ibid , p 516, 517
[99] Rushworth, part 3, vol 1, chap 4, p 523
[100] Ibid , p 523
[101] Ibid , p 532
[102] Rushworth, part 3, vol 1, chap 4, p 524
[103] Clarendon, Rushworth, part 3, vol 1, chap 2, p 495
[104] Dugdale, p 89
[105] Warwick, p 203
[106] Rushworth, vol 5, p 526
[107] Незаурядные мужество и ум, проявленные многими из народных вождей, заставляют нас, по крайней мере в известном смысле, оказывать им обычно больше чести, чем они того заслуживают, и предполагать, будто люди эти, действуя как ловкие политики, ради достижения своих эгоистических целей пускали в ход такие предлоги, которые они искренне презирали в глубине своей души Между тем весьма вероятно, если не совершенно достоверно, что в целом они были сами одурачены собственным религиозным рвением Если исключить убежденных сторонников философского скептицизма (в ту эпоху едва ли существовавших), то следует признать, что лицемерие вполне чистое и свободное от фанатизма встречается в людях так же редко, как и фанатизм, лишенный всякой примеси лицемерия Религиозное чувство до такой степени врождено человеческой душе, что невозможно долгое время изображать пыл благочестия, не почувствовав в конце концов некоторую долю этой поначалу притворной экзальтации С другой стороны, из-за слабости человеческой природы действие этих возвышенных порывов является столь непрочным и преходящим, что религиозный восторг, если возбуждать его в себе постоянно, часто становится притворным и неминуемо извращается более привычными мотивами выгоды и честолюбия, которые незаметно овладевают человеческой душой Именно здесь, на наш взгляд, и лежит ключ к разгадке характера многих знаменитейших личностей этой эпохи В равной мере исполненные лживости и рвения, эти патриоты-святоши без конца твердили, что они-де «ищут Господа», — и при этом шли напролом к собственным земным целям, ясно показав, сколь пагубным и обманчивым был одушевлявший их принцип, они преподали потомкам великий и достопамятный урок

Что же касается простого народа, то можно не сомневаться, что его участие в этих раздорах всецело объяснялось богословскими причинами Большинство англичан никогда бы не смогло дойти до такого неистовства, пытаясь завоевать новые права и приобрести более широкие свободы, о которых ни они сами, ни их предки не имели ни малейшего понятия Их отцы оставались вполне довольны правлением Елизаветы — так почему же сыновья должны были впадать в столь бешенную ярость против Карла, который с момента своего восшествия на престол желал лишь одного — поддержать принципы подобного правления? По крайней мере, почему же им было не попытаться мирно уладить споры с королем, когда из всех его законов уже стало ясно, что он согласен в чем-то отступить от елизаветинских порядков? И в особенности после того, как он лишил себя всякой возможности от этого решения отречься? А значит, тщетно пытаемся мы придать больше достоинства этой гражданской войне и ее виновникам, членам парламен-

та, предполагая, будто у нее имелись какие-то иные серьезные причины, кроме богословского фанатизма, общеизвестного источника гибельных раздоров между людьми. Среди роялистов также было немало религиозных фанатиков, но поскольку эти люди в то же самое время защищали существующий строй — не только церковный, но и государственный, — то у них была естественная и понятная цель, способная возбудить величайший энтузиазм даже без сколько-нибудь значительной примеси чисто религиозного рвения.

[108] Rushworth, vol. 5, p. 751.

[109] Некоторые из упомянутых деклараций (составленные, как полагают, лордом Фолклендом) содержат первое точное и соответствующее нынешним понятиям описание английской конституции, которое можно обнаружить в каком-либо сочинении на английском языке, по крайней мере опубликованном с официального дозволения. Там четко разграничены монархическая, аристократическая и демократическая формы государственного устройства, об английской же системе правления ясно сказано, что она, не совпадая вполне ни с одной из перечисленных, совмещает в себе, умеряя их и ограничивая, отдельные элементы каждой. До Карла ни один английский король никогда не употреблял сам и не позволил бы употребить своим подданным подобные выражения, хотя смысл их подразумевался во многих законах и учреждениях. Возражая Гемпдену на процессе о корабельных деньгах, Бэнкс и адвокаты короны прямо и открыто утверждают, что королю принадлежит власть абсолютная и верховная, адвокаты же противной стороны, нисколько этого не отрицая, указывают лишь, что подданные короля также имеют неотчуждаемое право — право собственности на свое имущество, ни одна часть которого не может быть отнята без их согласия, выраженного в парламенте. Но рассуждения о том, что парламент призван ограничивать власть короля и контролировать его действия, в любую прежнюю эпоху сочли бы дерзкими и неблагоразумными, если не прямо преступными. Не следует удивляться, если некая система правления существует уже долгое время, хотя границы между отдельными ветвями власти, ясно не сформулированные, остаются в ней смутными и неопределенными. Именно так обстоит дело повсюду. Может ли кто-нибудь провести четкую грань между духовными и светскими властями в католических государствах? Какой свод законов с точностью установил полномочия римского сената для каждого отдельного случая? Английское государственное устройство — это, пожалуй, первая смешанная система правления, где полномочия каждого органа были весьма точно определены, и однако в отношениях верхней и нижней палат до сих пор остается немало важных вопросов, по поводу которых обе стороны дружно хранят благоразумное молчание. Правда, полномочия короля определены тщательно, но ведь эта строгость формулировок впервые появилась именно в тот период, о котором идет у нас сейчас речь. А как свидетельствуют Уорик и Гоббс, многие роялисты осуждали эту философскую точность автора королевских прокламаций, полагая, что он в высшей степени безрассудно сорвал завесу с глубочайших таинств управления государством. Несомненно, свобода извлекла громадную выгоду из этих исследований и споров, и даже королевская власть — в назначенных ей пределах — стала в итоге более точной.

[110] May, book 2, p. 99.

[111] Rushworth, vol. 5, p. 534.

[112] В своей коронационной присяге король поклялся сохранять те законы и обычаи, которые установил народ, *quos vulgus elegerit*, парламент же утверждал, будто *elegerit* означает не «*установил*», а «*установит*», а следовательно,

король не вправе отвергнуть ни один поданный ему билль (Rushworth, vol 5, p 580)

[113] Whitlocke, p 55, Rushworth,vol 5, p 565 etc , May, book 2, p 51

[114] Whitlocke, p 56, Rushworth, vol 5, p 717, Dugdale, p 93, May, book 2, p 54

[115] Vicar's God in the Mount

[116] Whitlocke, p 58, Dugdale, p 96, 99

[117] May, book 2, p 59

[118] Rushworth, vol 5, p 626, 627, May, book 2, p 86, Warwick, p 210

[119] Rushworth, vol 5, p 722, May, book 2, p 51

[120] Rushworth, vol 5, p 728, Warwick, p 189

[121] Clarendon, vol 3, p 4

[122] Walker, p 336

[123] Warwick, p 318

[124] Clarendon, vol 3, p 1, 2

[125] Ibid , p 18

[126] Ibid , p 7

[127] Ibid

[128] Rushworth, vol 5, p 784

[129] Clarendon, vol 3, p 10

[130] Rushwopth, vol 5, p 786, Dugdale, p 102

[131] Whitlocke, p 59

[132] Rushworth, vol 5, p 683, Whitlocke, p 60, Clarendon, vol. 3, p 19

[133] Clarendon, vol 6, p 2 etc

[134] Whitlocke, p 60

[135] Clarendon, vol 3, p 16, 17, Dugdale, p 104

[136] Clarendon, vol 3, p 25, May, book 3, p 10

[137] В ту пору он носил титул лорда Уиллогби

[138] Clarendon, vol 3, p 41, Warwick, p 231

[139] Whitlocke, p 59, Clarendon, vol 3, p 27 etc

[140] Clarendon, vol 3, p 44

[141] Clarendon, vol 3, p 44 etc , May, book 3, p 16 etc.

[142] Whitlocke, p 61, Clarendon, vol 3, p 59

[143] Whitlocke, p 62, Clarendon, vol 3, p 73

[144] Whitlocke, p 62, Clarendon, vol 3, p 75

[145] Clarendon, vol 3, p 87

[146] Ibid , p 171

[147] Whitlocke, p 64

[148] Rushworth, vol 6, p 202

[149] Rushworth, vol 6, p 166, Clarendon, vol 3, p 119

[150] Уайтлок, который был тогда одним из комиссаров парламента, пишет (p 65) «В ходе этих переговоров король проявил блестящие способности, недюжинную силу ума и редкую быстроту понимания, он позволял делать ему любые возражения и весьма терпеливо их выслушивал, он сам подводил итог представленным ему аргументам и выносил о них ясные и точные суждения Беда его, однако, была в том, что чужие суждения, даже менее основательные, он ставил выше собственных, и в этом парламентские комиссары, к великой своей досаде, не раз могли убедиться Нередко, явившись к королю, они до полуночи совещались с ним об отдельных пунктах, пока им не удавалась, наконец, прийти к согласию Однажды, обсуждая весьма важный вопрос, они представили Его Величе-

ству самые сильные доводы и доказательства, которые только можно было привести в пользу их предложений Король сказал комиссарам, что они его вполне убедили, и пообещал дать им милостивый ответ в письменном виде, однако добавил, что поскольку теперь уже далеко за полночь и браться за письменное изложение ответа слишком поздно, то он велит составить его на другое утро (когда комиссары должны будут явиться к нему вновь), и вручит его им, как они сейчас условились Однако на следующее утро король объявил комиссарам, что он передумал, а друзья короля, к которым они обратились за разъяснениями, рассказали, что после того, как ушли комиссары и удалились даже члены королевского совета, придворные принялись настойчиво убеждать короля, пока не уговорили его изменить прежнее решение» И все же трудно представить, каким образом могли бы успешно завершиться переговоры между королем и парламентом, если последний упорно требовал от монарха подчинения всем своим условиям и притязал на неограниченную власть, открыто при этом заявляя, что намеревается употребить ее для наказания друзей короля

[151] Rushworth, vol 6, p 265 etc , Clarendon, vol 3, p 237 etc

[152] Ibid , p 137, 139

[153] Dudgale, p 95

[154] Лорд Брук, только что овладевший Личфилдом, из окна одного дома наблюдал за собором Св Чада, где укрепился отряд роялистов Весь он был одет в доспехи, но шальная пуля попала ему в глаз Фанатичный пуританин, лорд Брук когда-то сказал, что надеется собственными глазами увидеть разрушение всех соборов в Англии Роялисты же затем суеверно замечали, что он был убит в день Св Чада, пулей, которая была выпущена из собора Св Чада и угодила в тот самый глаз, которым надеялся он узреть разрушение всех соборов (Dugdale, p 118, Clarendon, etc)

[155] Whitlocke, p 66, Rushworth, vol 6, p 152, Clarendon, vol 3, p 151

[156] Rushworth, vol 6, p 92, 100

[157] Ibid , p 263

[158] Clarendon, vol 3, p 130

[159] Rushworth, vol 6, p 267, 273, Clarendon, vol 3, p 269, 279

[160] Rushworth, vol 6, p 284, Clarendon, vol 3, p 282

2 Rushworth, vol 6, p 285, Clarendon, vol 3, p 291

[162] T Warwick's Venoirs, p 241, Clarendon, vol 2, p 264

[163] Автор чувствует, что последний пункт в характеристике Гемпдена может навлечь на него известные упреки, как если бы он, автор, желал заподозрить некие дурные намерения там, где поступки были вполне похвальными Автор, однако, имел в виду прямо противоположное на его взгляд, поступки, совершенные Гемпденом в конце жизни, заслуживали величайшего порицания, хотя, поскольку объяснялись они побуждениями добрыми — только доведенными до крайности, мы вправе допускать, что намерения этого патриота, как и многих людей из его партии, были похвальными Если бы прежние правительственные меры короля, которые мы склонны называть «деспотическими», проистекали из честолюбия или несправедливого желания посягнуть на старинные вольности народа, то у англичан было бы меньше оснований доверять своему монарху или оставлять в его руках значительную долю той власти, которой он так возмутительно злоупотребил Но если действия его в огромной степени определялись необходимостью и естественным желанием защитить прерогативу, которую унаследовал он от предков и на которую парламент столь явным образом посягал, то у нас есть все основания считать его государем весьма добродетельным и вполне достойным дове-

рия своего народа А значит, попытка полностью уничтожить монархическую власть являлась в высшей степени предосудительной крайностью, и прежде всего потому, что она (если выражаться мягко) была сопряжена с угрозой войны, войны, которая, не говоря уже о множестве прочих неотделимых от нее бедствий, подвергала свободу гораздо большей опасности, чем та, которая могла бы ей угрожать со стороны королевской власти, к тому времени сильно ограниченной Но поскольку мы не вправе думать, что в ту эпоху все эти вещи воспринимались с такой же ясностью, с какой их воспринимают (или, по крайней мере, могут воспринять) ныне, то в пользу людей, которые были тогда разгорячены спорами или заняты бурной деятельностью, можно было бы привести известные смягчающие обстоятельства Весьма замечательно, что даже в наше время — такова уж сила партийных предрассудков[1] — не так уж много тех, кто обладает достаточным хладнокровием и беспристрастием, чтобы рассматривать эти события в истинном свете, и кто убежден в том, что парламент мог бы тогда остановиться в своих притязаниях и поступил бы при этом вполне благоразумно Большинство по-прежнему упорно ссылается на посягательства против свободы, которые пытался совершить король после утверждения петиции о праве, — не принимая в расчет ни крайне жестокого и грубого обращения, с которым столкнулся он после столь важной уступки, ни полной невозможности обеспечивать нормальное управление государством с помощью средств, ассигнованных ему парламентом Самое же худшее здесь — то громадное влияние, которое оказывал на действия вождей парламента религиозный фанатизм, который хотя и мог сделать их искренними в своих поступках, едва ли способен поднять их авторитет в глазах потомства

[164] Rushworth, vol 6, p 284, Clarendon, vol 3, p 293 etc

[165] Ibid , ubi supra, p 297

[166] Whitlocke, p 69, May, book 3, p 91

[167] Rushworth, vol 6, p 287, Clarendon, vol 3, p 315, May, book 3, p 96

[168] Впоследствии этому примеру стал подражать король, но поскольку громадное большинство землевладельцев из числа джентри и титулованной аристократии выступало на его стороне, то из подобных действий он извлек гораздо меньше выгоды

[169] Rushworth, vol 6, p 326, Clarendon, vol 3, p 249 etc

[170] 6 июня

[171] Rushworth, vol 6, p 325, Clarendon, vol 2, p 255

[172] Whitlocke, p 66, Rushworth, vol 6, p 330, Clarendon, vol 3, p 253 etc

[173] Rushworth, vol 6, p 357

[174] Whitlocke, p 67

[175] Rushworth, vol 6, p 290

[176] Ibid , p 356

[177] Clarendon, vol 3, p 320, Rushworth, vol 6, p 588

[178] Rushworth, vol 6, p 292

[179] Ibid

[180] Clarendon, vol 3, p 344

[181] Rushworth, vol 3, p 292

[182] Rushworth, vol 6, p 293, Clarendon, vol 3, p 347

[183] Whitlocke, p 70, Clarendon, vol 3, p 350 etc

[184] Rushworth, vol 6, p 275

[185] Warwick, p 261, Walker, p 278

[186] Rushworth, vol 6, p 390, Clarendon, vol 3, p 68

[187] Прокляните Мероз, говорит Ангел Господень, прокляните, прокляните жителей его за то, что не пришли на помощь Господу, на помощь Господу с храбрыми (Судьи, гл V, ст 23)

[188] Rushworth, vol 6, p 398

[189] В письме к королеве (оно находится ныне в Британском музее, а опубликовано г-жой Маколей, т 4, с 420) король утверждал, что если существующие религиозные порядки не удастся сохранить, то английская милиция, не являющаяся, как, например, во Франции, хорошо организованной и мощной боевой силой, не принесет короне большой пользы, и что если проповедники перестанут повиноваться монарху, а так оно наверняка и будет, если в стране прочно установится пресвитерианское церковное устройство, то контроль над милицией сам по себе едва ли послужит для короля особым утешением Это рассуждение демонстрирует нам здравомыслие Карла, доказывая, что его преданность епископальной системе, хотя и проистекавшая отчасти из религиозных принципов, в данном случае объяснялась также и весьма основательными представлениями монарха о гражданской политике В самом деле, приняв в расчет необходимую связь между важными вопросами и совершенными пустяками, а также сохранявшуюся в то время взаимозависимость между религией и политикой, король мог легко понять, что, отстаивая стихарь, он в сущности защищает свою корону, более того — собственную голову Немногие приверженцы народной партии были способны уловить эту связь, большинство из них безрассудно неслись вперед, движимые своим фанатизмом Впрочем, от невежественной толпы и не следовало ожидать чего-нибудь другого, ведь даже вожди партии не отличались более широкими взглядами

[190] Rushworth, vol 6, p 462

[191] Ibid , p 406

[192] 22 июня

[193] Whitlocke, p 73, Rushworth, vol 6, p 466, Clarendon, vol 3, p 300

[194] Rushworth, vol 6, p 478, Clarendon, vol 3, p 373

[195] Rushworth, vol 6, p 388

[196] Clarendon, vol 3, p 383

[197] Чтобы получить тысячу акров в Ольстере, нужно было подписаться на 200 фунтов, в Коннауте — на 350, в Манстере — на 450 и в Ленстере — на 600

[198] Rushworth, vol 6, p 506

[199] Rushworth, vol 6, p 512

[200] Ibid , p 355

[201] Ibid , p 530, Clarendon, vol 3, p 167

[202] Rushworth, vol 6, p 537

[203] Idem , p 538

[204] Idem , p 540

[205] См также Carte's Ormond, vol 3, №№ 113, 117–129, 134, 136, 141, 144, 149, 158, 159 Все эти документы не оставляют сомнения в том, что английская армия в Ирландии терпела величайшие бедствия См также Rushworth, vol 6, p 537, Dugdale, p 853, 854

[206] 7 сентября Rushworth, vol 6, p 537, 544, 547

[207] Idem , p 557

[208] Whitlocke, p 78, 103

[209] Rushworth, vol 6, p 680, 783

[210] Ibid , p 569

[211] Ibid , p 559

[212] Idem , p 556, 574, 575
[213] Idem , vol 6, p 590
[214] Dugdale, p 119, Rushworth, vol 6, p 748
[215] Clarendon, vol 6, p 566 Whitlocke, p 77
[216] Clarendon, vol 3, p 444, Rushworth, vol 6, p 569, 570, Whitlocke, p 94
[217] Clarendon, vol 3, p 449, Whitlocke, p 79
[218] Clarendon, vol 3, p 66
[219] Journ 13th of February, 1643
[220] Clarendon vol 3, p 449 Whitlocke, p 79
[221] Rushworth vol 6, p 301
[222] Ibid , p 615
[223] Ibid , p 618
[224] Ibid , p 620
[225] 29 марта
[226] Rushworth, vol 6, p 306
[227] 21 марта
[228] Rushworth, vol 6 p 621
[229] Ibid , p 321
[230] Life of the duke of Newcastle, p 40
[231] Clarendon, vol 5, p 106
[232] Rushworth, part 3, vol 2, p 633
[233] Rushworth, vol 6, p 632 Whitlocke, p 89
[234] Ibid , Ibid
[235] Clarendon, vol 5, p 507, 508 см Warwick
[236] Clarendon, vol 5 p 511
[237] Rushworth, vol 6, p 638
[238] Whitlocke, p 88
[239] Rushworth, vol 6, p 641
[240] Ibid , p 662
[241] 3 июня
[242] Rushworth, vol 6, p 676, Clarendon, vol 5, p 497, Sir Edward Walker, p 31
[243] Rushworth, vol 6, p 699, Whitlocke, p 98, Clarendon, vol 5, p 524, 525, Sir Edward Walker, p 69, 70, etc
[244] Rushworth, vol 6, p 721 etc
[245] Rushworth, vol 7, p 1
[246] Clarendon, vol 5, p 561
[247] Ibid , p 562
[248] Ibid , p 562
[249] Ibid , p 565
[250] Rushworth, vol 6, p 364
[251] Whitlocke, p 114, 115, Rushworth, vol 7, p 6
[252] Rushworth, vol 7, p 8, 15
[253] Whitlocke, p 118, Rushworth, vol 7, p 7
[254] Whitlocke, p 113
[255] Clarendon, vol 5, p 629, 630, Whitlocke, p 141
[256] 4 июля 1644 г
[257] 8 сентября 1644 г
[258] Dugdale, p 737, Rushworth, vol 6, p 850
[259] Whitlocke, p 110
[260] Idem , p 111, Dugdale, p 748

[261] Вот собственные слова короля «Что касается имени *парламента*, употребленного мною в отношении заседавших в Лондоне лиц, то за подробными разъяснениями на сей счет я отсылаю тебя к Дигби, а в общем скажу по этому поводу следующее если бы в совете нашлось хотя бы два человека одного со мною мнения, я бы так никогда не поступил Убедили же меня следующим доводом назвать этих людей парламентом отнюдь не значит признать их таковым, только на таком условии и при таком истолковании вопроса (внесенным в протокол с единодушного согласия совета) — а не как-либо иначе — я это и сделал» (*The King's cabinet opened* Rushworth, vol 4, p 943)

[262] Whitlocke, p 121, Dugdale, p 758

[263] Столь бешенная страсть к противоречиям овладела тогда парламентом, что даже Рождество, веселый праздник для англикан, он превратил в день торжественного поста и покаяния, дабы, как выразился парламент, «мы могли вспоминать о наших прегрешениях и о грехах наших предков, которые, делая вид, будто они славят память Христа, обратили сей праздник в день величайшего о нем забвения, поощряя плотские и чувственные удовольствия» (Rushworth, vol 6, p 326) Замечательно, что, когда парламент отменил все церковные праздники, строго запретил любое веселье в день Субботы и даже приказал сжечь рукой палача книгу короля «Об играх и забавах», народ обнаружил, что у него просто не осталось определенного времени для отдыха от трудов и для развлечений А потому парламент, удовлетворяя ходатайство слуг и подмастерьев, назначил днем игр и увеселений второй вторник каждого месяца (Rushworth, vol 7, p 460, Whitlocke, p 247) Но добиться исполнения этого закона было чрезвычайно затруднительно, ибо народ упорно предпочитал веселиться тогда, когда чувствовал к этому охоту, а отнюдь не в предписанные парламентом дни Участие в рождественских праздниках долгое время было знаком страшной испорченности и подвергалось со стороны общин суровому осуждению (Whitlocke, p 286) Даже сладкие пироги, обычное рождественское кушанье англикан, сектанты считали в эти дни чем-то суетным и непотребным, хотя во всякое другое время сами ели их с превеликим удовольствием А в парламентский ордонанс о соблюдении Субботы они включили пункт об уничтожении майских деревьев, «суетного и греховного языческого обряда», по их выражению Стоит, пожалуй, отметить, коль скоро мы затронули этот предмет, что помимо воскресенья — дня, специально отведенного для обрядов, — «благочестивые люди» регулярно собирались по четвергам, дабы разрешать спорные вопросы совести и предаваться рассуждениям о том, как далеко успели они продвинуться на путях благодати Более же всего их заботило точное определение момента своего «обращения» или «второго рождения», и всякий, кто был не в силах безошибочно произвести столь сложный расчет, не мог претендовать на какую-либо святость Когда Оксфорд оказался в руках парламента, студенты, изучавшие в этом городе светские науки, стали называть дом, в котором собирались фанатики, *лавкой ханжей-педантов*, святоши, в свою очередь, всячески оскорбляли студентов и профессоров, врывались в помещения для лекций и громко поносили «человеческое знание», дерзко требуя, чтобы эти «умники» доказали им, что призваны к своему делу непосредственно Христом (Wood's Fasti Oxonienses, p 740)

[264] Dugdale, p 779, 780

[265] Ibid , p 798

[266] Ibid , p 820

[267] Ibid , p 791

[268] Ibid , p 877

[269] Ibid , p 826, 827
[270] Rushworth, vol 6, p 850, Dugdale, p 737
[271] Rushworth, vol 6, p 830
[272] Warwick, p 169
[273] Rushworth, vol 6, p 838, 839
[274] 12 июля 1644 г
[275] Nalson, vol 2, p 705
[276] То, что строгости Лода не были чрезвычайными, явствует из следующего факта Однажды он велел исследовать постановления, или протоколы суда Высокой комиссии, и обнаружил, что за семь лет его архиепископства отстранений от должности, лишений бенефиций и прочих карательных мер набралось в три раза меньше, чем за любые семь лет при его предшественнике Эбботе, который, однако, пользовался большим уважением в палате общин (Troubles and Trials of Land, p 164) Но Эббот был не слишком предан интересам двора, являлся пуританином в сфере догмы и питал лютую ненависть к папистам — не говоря уже о том, что мятежный дух во времена Лода чрезвычайно усилился и в гораздо меньшей степени склонен был терпеть какое-либо обуздание И, однако, Лод управлял церковью в соответствии с теми принципами, которые всегда действовали в Англии и которые господствовали во всех европейских государствах (исключая Голландию, заботившуюся лишь об интересах торговли, и Францию, скованную королевскими указами и эдиктами) И попытайся он заменить их чем-то вроде современных норм веротерпимости, сколь угодно разумных, этот шаг сочли бы весьма дерзким и опасным Президент парламента Монтескье выдвигает следующий принцип если правитель вполне удовлетворен официальной религией, то он должен в зародыше пресекать любые попытки нововведений, предоставляя терпимость только тем сектам, которые уже упрочились и достаточно широко распространились (L'Esprit des Loix, liv 25, chap 10) Если так, то мягкость Лода к католикам и его суровость по отношению к пуританам могут быть оправданы Впрочем, я соглашаюсь допустимость гонений в любом случае весьма сомнительна, но в то же время я должен заметить, что действия Лода едва ли можно называть «гонениями», ведь он в сущности лишь пытался провести в жизнь Акт о единообразии, а отрешал от должностей только тех священников, которые, принимая бенефиции, отказывались исполнять предписанные законом и заранее им известные обряды В особых же местах для богослужения Лод никогда им не отказывал претензии на таковые они бы сами сочли великим нечестием, как ничуть не меньшим грехом посчитали бы они их удовлетворение Лодом
[277] Nalson, Intr , p 63
[278] Стоит указать на одну неточность, допущенную Кларендоном к великому ущербу для доброй памяти этого благородного человека когда король прибыл в Шотландию, граф якобы предложил ему убить Аргайла Между тем все то время, которое Карл провел в Шотландии, Монтроз оставался в тюрьме (Rushworth, vol 6, p 980)
[279] Nalson, vol 2, p 683
[280] Wishart, cap 3
[281] Clarendon, vol 5, p 618, Rushworth, vol 6, p 982, Wishart, cap 4
[282] 11 сентября 1644 г , Rushworth, vol 6, p 983, Wishart, cap 5
[283] 11 сентября 1644, Rushworth, vol 6, p 983, Wishart, cap 5
[284] Rushworth, vol 6, p 985, Wishart, cap 8
[285] Rushworth, vol 7, p 228, Wishart, cap 9
[286] Rushworth, vol 7, p 229, Wishart, cap 10

[287] 2 июля
[288] Rushworth, vol 7, p 229, Wishart, cap 11
[289] Rushworth, vol 7, p 126, 127
[290] Dugdale, p 7, Rushworth, vol 6, p 281
[291] Rushworth, vol 7, p 52, 61, 62, Whitlocke, p 130, 131, 133, 135, Clarendon, vol 5, p 665
[292] Rushworth, vol 7, p 18 etc
[293] Rushworth, vol 5, p 652
[294] Whitlocke, p 146
[295] Rushworth, vol 7, p 43, Whitlocke, p 145
[296] Whitlocke, p 145
[297] Rushworth, vol 7, p 44
[298] Clarendon, vol 4, p 656, 657, Walker, p 130, 131
[299] Clarendon, vol 4, p 658
[300] Херн опубликовал следующее извлечение из рукописи сэра Саймона Дьюза, не последнего человека в парламентской партии «В четверг, 30-го числа, в последний день текущего июня 1625 года, я специально отправился в Уайтхолл, чтобы увидеть королеву, и наблюдал за ней все то время, пока она оставалась за обеденным столом Внимательно изучив все черты ее лица, которому блеск лучистых черных глаз придавал необыкновенную живость, я убедился, что предо мной женщина самой тонкой и изысканной красоты К тому же она так мило и скромно держала себя с придворными дамами, а в ее словах и взглядах, обращенных к слугам, было столько доброты и мягкости, что я не мог удержаться от горестных вздохов при мысли о том, что истинная религия остается ей неведома»
[301] Rushworth, vol 7, p 49
[302] Ibid , vol 7, p 55
[303] Ibid , p 83
[304] Clarendon, vol 4, p 690, Walker, p 157
[305] Clarendon, vol 4, p 695
[306] 28 июня
[307] Rushworth, vol 7, p 117
[308] Размеры этих штрафов были разными в зависимости от провинностей данного лица, но, согласно постановлению парламента, они не могли быть ниже суммы двухгодичной ренты с поместья делинквента (Journ 11th of August, 1648, Whitlocke, p 160)
[309] 15 августа 1645
[310] Rushworth, vol 7, p 230, 231, Wishart, cap 13
[311] 13 сентября 1645
[312] Rushworth, vol 7, p 231
[313] Guthry's Memoirs, Rushworth, vol 7, p 232
[314] Rushworth, vol 7, p 141 Это тот самый Астли, который при Эджхилле, перед тем как идти в атаку, произнес следующую краткую молитву *Господи, Ты знаешь, сколько дел будет у меня сегодня, а потому, если я забуду о Тебе, Ты меня все же не забывай* После чего он встал и громко воскликнул *Вперед, ребята!* (Warwick, p 229) Конечно, в парламентской армии произносились молитвы и гораздо более длинные, но вот лучше, чем эта — едва ли
[315] Carte's Ormond, vol 3, no 433
[316] Walker, p 147
[317] Rushworth, vol 7, p 215 etc
[318] Ibid , p 217, 225, Clarendon, vol 4, p 744

[319] Rushworth, vol 7, p 245, Clarendon, vol 4, p 741
[320] Rushworth, vol 7, p 239
[321] Birch, p 119
[322] Доктор Берч написал на эту тему специальный трактат Не мое дело оспаривать какие-либо факты, упомянутые в сочинении этого джентльмена, я лишь приведу аргументы, которые доказывают, что, вручая Гламоргану секретную доверенность, король приказал ему согласовывать все свои действия с Ормондом 1 Кажется, это вытекает из самого текста данного полномочия Гламоргану поручается и дозволяется вести переговоры и заключить договор с конфедерацией католиков Ирландии, «если возникнет необходимость согласиться на какие-либо (*статьи*), причастность к которым королевского наместника было бы нежелательно обнаруживать, поскольку в настоящее время мы не смогли бы их признать публично» Как видим, речь здесь идет вовсе не о таких статьях, которые нельзя было бы сообщить Ормонду, но лишь о тех, которые способны скомпрометировать его и короля, а потому не могут быть ими открыто признаны 2 Торжественные уверения короля в его письме к Ормонду, как ввиду характера этого государя, так и по указанным им самим причинам, должны иметь в наших глазах огромный вес Вот его собственные слова «Я не могу, Ормонд, не прибавить к моему длинному письму следующее У меня никогда не было и в мыслях — даю вам в том слово христианина — позволять Гламоргану вести какие-либо переговоры без вашего согласия, а тем более — без вашего ведома Это было бы несправедливо по отношению к вам, к тому же я никогда не доверял уму Гламоргана (хотя и не мог предположить, что человек этот настолько глуп, как убедился я в этом себе на беду сейчас), и это вы можете легко заметить, перечитав постскриптум к одному из моих писем к вам» (Carte, vol 2, app 23) Ни один человек чести, как бы ни лицемерил он со своими врагами, не станет столь торжественным тоном утверждать ложь в письме к своему лучшему другу, в особенности, если этот последний имеет возможность узнать правду Письмо, постскриптум к которому упоминает король, см у Carte, vol 2, app 13 3 Король действительно имел чрезвычайно низкое мнение об умственных способностях Гламоргана, а значит, в высшей степени маловероятно, чтобы ему одному он мог поручить ведение столь важных и деликатных переговоров А если бы король хотел, чтобы Гламорган вел переговоры независимо от Ормонда, то, разумеется, никогда бы не сообщил о них последнему и не предупредил бы его заранее о безрассудстве и опрометчивости Гламоргана О характере же графа Карл судил вполне справедливо, что явствует из сочинения Гламоргана «Столетие искусств, или Зерцало открытий», — смехотворной мешанины всякого рода выдумок, фантазий и химер, показывающей, чего можно было ожидать от подобного человека 4 М-р Карт опубликовал в полном виде переписку короля с Ормондом, начиная с того момента, как в Ирландию прибыл Гламорган, и из нее совершенно ясно, что именно наместника Карл неизменно считает тем лицом, которое ведет переговоры с ирландцами 31 июля 1645 года, т е уже после битвы при Незби, находясь в крайне затруднительных обстоятельствах, Карл в своем письме к Ормонду настойчиво требует, чтобы наместник заключил мир на условиях (они приводятся), гораздо менее выгодных для ирландцев, чем те, которые предлагал им Гламорган, а сам поспешил к нему в Англию со всеми ирландцами, которых удастся завербовать на королевскую службу (Carte, vol 2, no 400) Но ведь если бы король уже имел другой надежный канал, через который намеревался заключить мир с ирландцами, причем на совершенно иных условиях, то подобный шаг с его стороны был бы явной нелепостью! 22 октября, после того, как на него обрушились новые бедствия, король несколько смягчает

свои условия, хотя они по-прежнему остаются гораздо более жесткими, чем то, что предлагал Гламорган, — еще одно противоречие! См Carte, vol 3, p 411

5 Но существует совершенно неопровержимое доказательство того, что сам Гламорган прекрасно понимал, что не имеет полномочий на заключение договора на подобных условиях и без консультаций с наместником и даже не рассчитывал, что король утвердит эти статьи В момент подписания договора он, в присутствии ирландского совета, сделал следующую оговорку «Граф Гламорган отнюдь не предполагает, будто настоящие условия обязывают Его Величество к чему-либо, кроме того, что самому королю угодно будет сделать, когда он получит в свое распоряжение эти десять тысяч солдат в качестве залога и доказательства верности и лояльности упомянутых римских католиков Его Величеству, тем не менее, он, граф Гламорган, дает слово чести и клятвенно обещает ничего не сообщать Его Величеству об этой оговорке до тех пор, пока не сделает все, что в его силах, чтобы побудить Его Величество одобрить вышеуказанные статьи, когда же он, граф Гламорган, сделает со своей стороны все возможное, упомянутые комиссары должны будут освободить его совесть и честь от любых дальнейших обязательств по отношению к ним касательно настоящего договора, пусть даже Его Величество и не пожелает утвердить данные статьи, а упомянутый граф торжественно их заверяет, дает им слово чести и добровольно клянется, что до этого момента он без их согласия никому не сообщит о своей оговорке» (Dr Birch, p 96) Все, чего хотел Гламорган, — это набрать в Ирландии войска для короля без ущерба для собственной чести и для репутации его господина Удивительно здесь лишь то, почему сами ирландцы пошли на договор, который никого ни к чему не обязывал, и который — как, судя по всему, открыто признавал человек, его подписавший, — едва ли вообще мог быть утвержден Ирландцы, вероятно, рассчитывали, что на короля повлияет их помощь, и что впоследствии склонить Карла к утверждению договора уже заключенного будет легче, чем сейчас — добиться согласия на его утверждение 6 Я мог бы добавить, что участие наместника в подготовке договора являлось тем более необходимым, что без содействия Ормонда Гламорган не сумел бы обеспечить выполнение его условий, а ирландские войска нельзя было бы переправить в Англию, впрочем, совершенно очевидно, что даже при содействии Ормонда подобный договор, столь губительный для протестантской религии в Ирландии, невозможно было исполнить, так как этому решительно воспротивились бы тамошние фанатичные протестанты У всякого, кто внимательно изучит переписку Ормонда (см соч м-ра Карта), не останется в этом никаких сомнений Силу данного препятствия достаточно ясно сознавал сам король Судя по всему, только по этой причине Ормонд и возражал против заключения мира с ирландскими католиками на слишком выгодных для них условиях

Д-р Берч (p 300) опубликовал письмо короля к Гламоргану, где говорится «Можете не сомневаться я выполню все, о чем сказано в моих инструкциях, и что обещал я вам и папскому нунцию» Следует, однако, заметить, что данное письмо датировано 5 апреля 1646 года, а к этому моменту между Гламорганом и ирландцами начались новые переговоры и даже был заключен предварительный договор См Dr Birch, p 179 А значит ясно, что уверения короля относятся лишь к этому, последнему соглашению Прежний договор, от которого Карл уже давно отрекся, обе стороны считали недействительным

[323] Rushworth, vol 7, p 224

[324] Whitlocke, p 106, Rushworth, vol 7, p 260, 261

[325] Rushworth, vol 7, p 210

[326] Ibid , p 308

[327] Clarendon, vol 4, p 750, vol 5, p 16
[328] Rushworth vol 7, p 267
[329] Whitlocke, p 209
[330] Rushworth, vol 7, p 271, Clarendon, vol 5, p 23
[331] 2 Сам , гл 19, 41–43
[332] Whitlocke, p 234
[333] Clarendon, vol 5, p 30
[334] Rushworth, vol 6, p 293
[335] Ibid , p 309
[336] Idem , vol 7, p 319
[337] Rushworth, vol 7, p 339
[338] Rushworth, vol 7, p 326, Parl Hist , vol 15, p 236
[339] Parl Hist , vol 15, p 243, 244
[340] Burnet's Memoirs of the Hamiltons
[341] Ludlow, Herbert
[342] Clarendon, vol 5, p 39, Warwick, p 298
[343] Clarendon, vol 5, p 43
[344] Предполагалось оставить всего лишь четырнадцать тысяч солдат шесть тысяч пехоты, шесть тысяч кавалерии и две тысячи драгун
[345] Rushworth, vol 7, p 564
[346] Rushworth, vol 6, p 134
[347] Idem , vol 7, p 565
[348] Ibid , p 474
[349] Parl Hist , vol 15, p 342
[350] Ibid , p 344
[351] Rushworth, vol 7, p 457
[352] Parl Hist , vol 7, p 458
[353] Rushworth, vol 7, p 461, 556
[354] Ibid , p 468
[355] Ibid , p 474
[356] Rushworth, vol 7, p 485 Clarendon, vol 5, p 43
[357] Rushworth, vol 7, p 497, 505, Whitlocke, p 250
[358] Rushworth, vol 7, p 487
[359] Whitlocke, p 254, Walker, p 299
[360] Rushworth, vol 7, p 514, 515, Clarendon, vol 5, p 47
[361] Clarendon, vol 5, p 46
[362] «Clement Walker's History of the Two Juntos», предпосланная его же «History of Independency», p 8 Это смелый и умный автор, а так как сам он является рьяным сторонником парламента, то его свидетельства, несмотря на общий насмешливый тон, свойственный его произведениям, должны иметь особый авторитет Данная цифра, однако, кажется чрезмерно завышенной, в особенности потому, что во время войны секвестры не могли достигать таких размеров, как впоследствии
[363] Однако точно такая же сумма приводится в книге под названием «Royal Treasury of England», p 297
[364] Clement Walker's History of Independency, p 3, 166
[365] Ibid , p 8
[366] Ibid
[367] Ibid

[368] См Jonn Walker's Attempt towards recovering an Account of the Numbers and Sufferings of the Clergy Парламент утверждал, будто отставленное духовенство получало пятую часть прежних доходов, однако упомянутый автор достаточно убедительно доказывает, что даже это жалкое вспомоществование лишенным должностей священникам никогда регулярно не выплачивалось

[369] Clement Walker's History of Independency, p 5 Такую же картину парламентской тирании рисует Голлис, с той лишь разницей, что в отличие от Уокера ставит все это в вину не обеим партиям, но исключительно индепендентам Пресвитериане, которых называли обычно умеренной партией, вели себя, вероятно, менее возмутительным образом (См Rushworth, vol 7, p 598, Parl Hist , vol 15, p 230)

[370] Rushworth, vol 7, p 503, 547, Clarendon, vol 5, p 45

[371] Rushworth, vol 7, p 509

[372] Ibid , vol 7, p 567, 633, Ibid , vol 8, p 731

[373] Ibid , p 570

[374] Ibid , p 572

[375] Ibid , p 592

[376] Rushworth, vol 7, p 594, Whitlocke, p 259

[377] Rushworth, vol 7, p 593, 594

[378] Ibid , p 572, 574

[379] Clarendon, vol 1, p 51, 52, 57

[380] Когда король просил вернуть ему детей, палаты всякий раз отвечали, что об их телесном и духовном здоровье они смогут позаботиться в Лондоне ничуть не хуже, чем это можно сделать в Оксфорде (Parl Hist , vol 13, p 127)

[381] Rushworth, vol 7, p 590

[382] Warwick, p 303, Parl Hist , vol 16, p 40, Clarendon, vol 5, p 50

[383] Rushworth, vol 7, p 620

[384] Ibid , p 629, 632

[385] Ibid , p 641, 643, Clarendon, vol 5, p 61, Whitlocke, p 269, Cl Walker, p 38

[386] Rushworth, vol 8, p 760, Clarendon, vol 5, p 63

[387] Rushworth, vol 6, p 646

[388] Whitlocke, p 265

[389] Rushworth, vol 8, p 797 etc

[390] Ibid , p 810

[391] Салмонет, Лудлоу[393], Голлис и др Все эти лица, в особенности Голлис, были открытыми и непримиримыми врагами Кромвеля, и если они приводят какие-либо факты, способные в той или иной степени оправдать его насильственные и незаконные действия, то их свидетельства заслуживают тем большего доверия До нас дошел рассказ о том, как Кромвель перехватил однажды адресованное королеве письмо, в котором Карл якобы говорит, что сначала он намерен возвысить Кромвеля, а затем погубить его Но подобный замысел, как нам кажется, противоречил характеру короля, к тому же вся эта история совершенно не заслуживает доверия и по другим причинам Первым ее рассказал Роджер Кок, историк весьма пристрастный и недалекий, писавший уже при короле Вильгельме, т е в слишком позднюю эпоху, но даже он упоминает о ней лишь как о простом слухе, достоверный источник которого неизвестен Еще одну историю о перехваченном письме мы находим в мемуарах лорда Брогхилла, она заслуживает внимания в несколько большей степени и хорошо согласуется с представленным ниже повествованием Вот как излагает ее м-р Морис, капеллан Роджера, графа

Оррери[394] «Было это еще тогда, когда Оррери пользовался большим уважением в глазах Кромвеля, вскоре после того, как он оказал Кромвелю, попавшему в бедственное положение под Клонмелем, весьма своевременную помощь Так вот, однажды лорд Оррери, Кромвель и Айртон, выехав верхами из Югхолла, завели речь об обстоятельствах смерти короля Кромвель при этом несколько раз повторил, что если бы Карл руководствовался собственным умом и если бы его окружали одни только верные слуги, то он сумел бы их всех перехитрить, и что одно время они уже готовы были заключить с ним соглашение, но после того, как случилось некое событие, отказались от этого замысла Видя, что Кромвель и Айртон настроены весьма благодушно и что кроме него рядом с ними никого нет, лорд Оррери спросил, не явится ли с его стороны чрезмерной дерзостью желание узнать, почему они намеревались сблизиться с Его Величеством, однако не сделали этого Кромвель весьма непринужденно ответил, что охотно удовлетворит его любопытство по обоим этим вопросам Договориться с королем, сказал Кромвель, мы желали по следующей причине мы видели, что шотландцы и просвитериане становятся сильнее нас и вскоре могут заключить соглашение с Карлом, оставив армию в дураках Поэтому мы сочли необходимым их предупредить, первыми предложив королю разумные условия мира, но когда наши мысли были всецело заняты этим планом, пришло письмо от одного из слуг короля и нашего шпиона, где сообщалось, что в этот самый день решается наша окончательная судьба, что он не мог выяснить, что именно нас ожидает, однако мы сами сумеем это узнать, перехватив письмо короля к королеве, в котором Карл уведомляет ее о своем решении, что письмо будет зашито в седле, а человек, который должен его доставить, явится около десяти часов в постоялый двор «Синий вепрь» в Холборне, где возьмет лошадь, чтобы скакать в Дувр Сам посыльный ничего о письме в своем седле не знал, знали некоторые люди в Дувре Письмо от нашего шпиона, продолжал Кромвель, мы с Айртоном получили в Виндзоре и тотчас же решили, взяв с собой надежного человека и переодевшись в мундиры простых кавалеристов, отправиться в упомянутую гостиницу Так мы и сделали, оставив своего человека караулить у входа (там была лишь открытая калитка, через которую входили и выходили посетители) и велев дать нам знать, как только войдет кто-нибудь с седлом, мы прошли в питейную залу Мы пили там пиво примерно до десяти часов, когда караульный дал нам знак, что человек с седлом явился Мы сразу же встали и в тот самый момент, когда он выводил оседланную лошадь, подошли к нему с обнаженными шпагами и объявили, что нам поручено обыскивать всех входящих и выходящих, но поскольку он имеет вид человека честного, то мы лишь осмотрим его седло и отпустим его с миром Седло не было прикреплено, мы перенесли его в пивную залу и, распоров швы, нашли то, что искали Заполучив письмо, мы отдали этому человеку (с которым оставался наш часовой) его седло, сказали ему, что он честный малый, и велели отправляться по своим делам Он так и поступил, преспокойно продолжая свой путь и даже не догадываясь о потере В письме, как мы выяснили, Его Величество сообщал королеве, что его теперь усиленно обхаживают обе партии, шотландские пресвитериане и армия, что он намерен поддержать ту из них, которая сделает более выгодные предложения, однако скорее всего пойдет на союз с шотландцами После чего мы возвратились в Виндзор и, убедившись, что настоящий мир с королем едва ли для нас возможен, твердо решили делать отныне все, чтобы погубить Карла» «Этот рассказ хорошо согласуется с прочими событиями и обстоятельствами той эпохи, и потому, желая удовлетворить любопытство читателей, я включил его в мое повествование» (Carte's Ormond, vol 2, p 12)

[392] Clarendon, vol 5, p 76
[393] Rushworth, vol 8, p 871
[394] Ibid , p 79, 80 etc
[395] Вот его собственные слова «Ланарк, я с изумлением узнал, что иные из моих друзей (если это правда) говорят, будто для моих переговоров было бы гораздо больше пользы, если бы я отправился не сюда, а на Джерси Не вижу в этом ни малейшего смысла, и я бы не находился сейчас здесь, если бы счел разумным этот странный план и если бы не был уверен в успехе переговоров О своем решении я не жалею и, надеюсь, не стану жалеть впоследствии, ибо с каждым днем я все более доволен комендантом острова, а жителей его нахожу людьми добропорядочными, мирными и спокойными Я счел нужным отправить вам это ободряющее известие в надежде, что оно, по крайней мере, принесет пользу другим, пусть даже и не станет новостью для вас» (Burnet's Memoirs of Hamilton, p 326, Rushworth, part 4, vol 2, p 941) Все авторы той эпохи, за исключением Кларендона, изображают прибытие короля на остров Уайт как добровольный и заранее обдуманный акт Вероятно, король полагал, что вынужденный характер этой меры не делает ему особой чести, и предпочел взять всю ответственность за нее на себя, как за поступок совершенно добровольный, возможно, король считал, что сама мысль о том, что он доволен нынешним своим положением, внушит бодрость его сторонникам
[396] Rushworth, vol 8, p 845, 859
[397] Rushworth, vol 8, p 875, Clarendon, vol 5, p 87
[398] Clarendon, vol 5, p 92
[399] Любимейшим местом из Писания у фанатиков той эпохи было следующее «Да будут славословия Богу в устах их, и меч обоюдоострый в руке их, чтобы совершать мщение над народами, наказание над племенами, заключать царей их в узы и вельмож их в оковы железные, производить над ними суд писаный Честь сия — всем святым Его» (Пс 149, 6–9) Проповеди на эти слова часто произносил Хью Петерс, полоумный капеллан Кромвеля
[400] Rushworth, vol 8, p 880
[401] Clarendon, vol 5, p 88
[402] Walker, p 70
[403] Ibid
[404] Rushworth, vol 8, p 965, 967
[405] Ibid , p 998, Clarendon, vol 5, p 93
[406] Warwick, p 329
[407] Rushworth, vol 8, p 989
[408] Walker, p 80
[409] Clarendon, vol 5, p 101
[410] Whitlocke, p 305
[411] Clarendon, vol 5, p 137
[412] Whitlocke, p 248
[413] Clarendon, vol 5, p 180, Sir Edward Walker's perfect copies, p 6
[414] Ibid , p 8
[415] Ibid , p 8, 38
[416] Burnet's Memoirs of Hamilton
[417] Herbert's Memoirs, p 72
[418] Warwick, p 324
[419] Clarendon, Sir Edward Walker, p 319
[420] Walker, p 11, 12, 24

[421] Ibid , p 51
[422] Ibid , p 78
[423] Ibid , p 45
[424] Ibid , p 69, 77
[425] Ibid , p 56, 68
[426] Ibid , p 91, 93
[427] Ibid , p 29, 35, 49
[428] Ibid , p 65
[429] Ibid , p 78, 82, Rushworth, vol 8, p 1323
[430] Walker, p 71
[431] Король написал письмо к принцу, где подробно изложил весь ход этих переговоров, прибавив к своему рассказу несколько мудрых и в то же время чрезвычайно трогательных советов и размышлений В особенности замечательны слова, которыми завершает он это письмо «Из сказанного ты можешь видеть, как долго и упорно я добивался мира, не падай же духом и смело иди по моим стопам Используй все достойные средства, чтобы возвратить свои права, но отдавай предпочтение мирному пути Будь великодушен, старайся побеждать врагов скорее милостью, нежели наказанием Если бы ты видел, сколько недостойной христиан злобы и трусости в непримиримости наших противников, то непременно стал бы избегать подобного расположения духа Не осуждай меня за то, что я отрекся от весьма многих из наших прав Да, цена была высока, но ведь за нее мы могли получить безопасность, а наш народ — мир И я уверен, что следующий парламент вспомнит, как важна королевская власть для защиты народной свободы, от скольких полномочий отказался я ради того, чтобы мне и этим людям можно было когда-нибудь встретиться вновь и уже законным парламентским порядком установить границы прав государя и народа Поверь моему опыту, никогда не домогайся большего могущества и более широких прерогатив, чем те, которые в действительности способны послужить истинному благу твоих подданных, а не прихотям фаворитов Действуя так, ты никогда не будешь знать недостатка в средствах для того, чтобы быть добрым отцом для всех и щедрым государем для любого человека, которого угодно тебе будет отличить особенной своей милостью Тебе известно все люди без боязни вкладывают свои сокровища в то, из чего могут извлечь прибыль, и если государь, подобно морю, принимает все воды, которые несут ему реки, и возвращает их с лихвой, то реки уже ничего не пожалеют для моря, но с радостью сделают все, чтобы превратить его в океан Следуя этим правилам, ты сможешь стать столь же великим и сильным государем, сколь жалок и слаб ныне твой родитель, и положение твое будет столь же прочным, сколь шатким является мое Ибо подданные наши, осмелюсь предположить, уже уразумели, что их победы над государями суть их собственные поражения, а потому в будущем они не станут с прежней готовностью внимать речам о переменах Англичане — народ здравомыслящий, какая бы блажь ни владела их умами в настоящее время

Кто знает, быть может, сейчас я в последний раз обращаюсь к тебе и людям открыто Мне известно, в чьи руки я попал, и однако мне, благодаря Богу, доступны те духовные утешения, над которыми не властна вся злоба моих врагов Я научился удовлетворяться собственным обществом, уходя от мира и погружаясь в глубину своей души, и потому в силах выдержать все, что ниспошлет мне судьба, в твердой вере, что Промысел Божий обуздает мощь наших врагов и обратит их свирепость к вящей своей славе В конце скажу так если Господь дарует тебе успех, пользуйся им с великим смирением и беги всяких мыслей о мщении Если

же Он восстановит тебя в прежних правах на суровых условиях, исполни все, что бы ни пришлось тебе пообещать Эти люди, чьей обязанностью было сохранять те самые законы, которые они растоптали, еще увидят, сколько мучений и тревог принесет им нынешнее их торжество Ты же знай нет в мире цели, которой стоило бы добиваться бесчестными и несправедливыми средствами»

[432] 17 августа

[433] Whitlocke, p 360

[434] Guthry

[435] 18 августа

[436] Whitlocke

[437] Col Cooke's Memoirs, p 174, Rushworth, vol 8, p 1348

[438] Rushworth, vol 8, p 1364

[439] Whitlocke, p 369

[440] Ibid

[441] Rushworth, vol 8, p 1425

[442] Warwick, p 339

[443] Perinchef, p 85, Lloyde, p 319

[444] Burnet's History of his own Times

[445] Clement Walker's History of Independency

[446] *Herbert, p 135*

[447] Едва ли можно добиться того, чтобы обвинения в неискренности, возводимые на Карла, как и большинство злобных партийных выпадов, когда-либо совершенно прекратились, и все же здесь было бы, пожалуй, уместно кое-что сказать по этому поводу Во-первых, замечу, что обвинение это появилось, кажется, уже после его смерти и что даже враги Карла, обрушившие на него потоки клеветы, не настаивали на данном пункте Если не ошибаюсь, Лудлоу — чуть ли не единственный сторонник парламентской партии, который ставил королю в вину упомянутый порок, между тем всякому очевидно, насколько пристрастным является этот автор Ни Кларендон, ни кто-либо другой из роялистов никогда не защищали Карла от упреков в лицемерии, ибо сама возможность подобного обвинения не приходила им в голову Во-вторых, его поведение и характер в частной жизни были свободны от этого недостатка Карл был человеком сдержанным, гордым и холодным, сухим в обращении, откровенным в речах, непреклонным в принципах, равно далеким как от мягких, вкрадчивых манер своего сына, так и от словоохотливости своего отца, вечно всех поучавшего А значит, упреки в двоедушии основывались на каких-то его публичных действиях, которые мы и должны теперь рассмотреть Нижеследующие факты — единственные, которые, насколько мне известно, приводятся в подтверждение данного обвинения 1 Карл поручился за истинность рассказа Бекингема о переговорах в Испании Но разве не ясно, что он сам был обманут, иначе трудно понять, почему он пошел на ссору с Испанией? Приведу отрывок из письма лорда Кенсингтона, посла во Франции, к герцогу Бекингему (Cabbala, p 318) «Но Его Высочество (принц) заметил, что с их (испанцев) стороны было величайшей глупостью и безрассудством позволить ему уехать после того, как они так скверно с ним обошлись, и это были первые слова, которые произнес он, взойдя на корабль — Неужели он так и сказал? — спросила королева (Франции) — Уверяю вас, мадам, — ответил я, — свидетели тому — собственные мои уши — Она улыбнулась и сказала Да, я слышала, с ним дурно обошлись — Именно так, дело здесь, однако, не в оказанном принцу приеме, ибо он был настолько великолепен, насколько это вообще возможно в Испании, но в бессмысленных проволочках и в неразумных условиях, на которых

упорно настаивали испанцы, пользуясь тем, что особа принца находится в их власти» 2 Епископ Барнет в своей «Истории дома Гамильтонов» (р 154) сохранил для нас письмо короля к шотландским епископам, в котором Карл настоятельно им рекомендует уклониться от присутствия в парламенте, где их непременно принудят одобрить уничтожение их собственного сана «Ибо, — добавляет король, — настоящим мы уверяем вас, что одну из первейших наших забот мы по-прежнему будем видеть в том, чтобы упорядочить и привести в надлежащий вид управление шотландской церковью, а также возместить принесенный вами ущерб, и нам угодно, чтобы у вас не было на сей счет никаких сомнений» И в другом месте «Пусть даже теперь мы дадим свое согласие на то, что окажется вредным как для церкви, так и для нашей собственной власти, вы можете быть уверены мы не оставим мыслей о том, как со временем исправить зло и в том, и в другом отношении» Но разве король сказал здесь, что он намерен произвольным образом взять назад свои уступки? Разве, оставаясь беспристрастными, не должны мы сделать иное предположение, а именно король надеялся, что его влияние вновь усилится настолько, что он сможет законным путем получить согласие нации на восстановление епископата, в котором он видел столь важную часть как церковного, так и гражданского правления В самом деле, трудно понять, как мог бы он надеяться осуществить эту цель иным способом, нежели тот, который избрал его отец, т е через согласие парламента 3 У лорда Кларендона в одном месте сказано, что король с тем большей готовностью утвердил билль, исключавший епископов из палаты пэров, что этот акт, принятый под принуждением, не мог иметь, по его мнению, никакой законной силы Но ведь король, несомненно, сделал здесь правильный вывод Три четверти светских лордов не могли в то время посещать парламент из-за бесчинств черни, двенадцать епископов были заключены в Тауэр по несправедливому приговору общин, страх или прямое насилие не позволили участвовать в заседаниях многим членам самой нижней палаты, и даже король вынужден был покинуть Лондон Если все это не является принуждением, то никакого принуждения вообще не существует Однако упомянутые сомнения короля относятся лишь к двум биллям — об исключении епископов и против принудительных наборов Прочие конституционные законы, как и все билли, утвержденные в первый год заседаний Долгого парламента, принимались без малейшей видимости насилия, — кроме билля об опале Страффорда, отменить который было уже невозможно А значит, у парламента, даже если ему было известно мнение короля по данному вопросу, не могло на этом основании возникнуть никаких разумных причин для подозрений 4 Много шума вызвало письмо Карла, перехваченное после битвы при Незби Мы уже говорили о нем в одном из примечаний к главе XIV, и нет ничего более обыкновенного во всех государственных делах, чем подобного рода различия Так, после смерти Карла II Испанского послы короля Вильгельма стали титуловать королем Испании герцога Анжуйского, хотя в это самое время король Вильгельм тайно создавал союз с целью его свержения, а вскоре отказал ему в этом титуле, ссылаясь (и вполне справедливо) на то, что он никогда прямо не признавал прав герцога на испанский престол Между тем король Вильгельм заслуженно считается весьма честным и искренним государем, и упомянутые факты, по общему мнению, не бросают ни малейшей тени на его репутацию в данном пункте Во всех переговорах, предшествовавших Рисвикскому миру, французские послы неизменно обращались к Вильгельму как к «королю Англии», и однако в текст договора была включена специальная статья о том, что король Франции признает его таковым, — столь очевидно различие между простым употреблением титула по отношению к какому-либо государю и фор-

мальным признанием его прав на этот титул Замечу, кроме того, что, внося в протоколы упомянутый протест в присутствии своего совета, Карл, несомненно, полагал, что у него есть веские причины так поступать в совете было слишком много людей чести, чтобы решиться на явный обман К сказанному можно добавить, что если бы в своих суждениях о действиях этого государя люди склонны были проявлять столько же беспристрастия, сколько обнаруживают они строгости, то в данной предосторожности, т е во внесении в протокол особого протеста, они увидели бы скорее доказательство его безупречной честности король не желал, чтобы впоследствии, когда он вновь сочтет нужным объявить, что собрание в Вестминстере не является законным парламентом, его могли упрекнуть в нарушении слова 5 Еще один аргумент, приводимый в этой связи, — непризнание королем полномочий, якобы предоставленных им ранее Гламоргану Мы уже рассматривали данный вопрос в примечании к главе XIV Во всем этом деле не было ничего предосудительного Даже если бы король действительно поручил Гламоргану заключить этот договор, а затем сам его утвердил, то неужели в наше время какому-либо разумному человеку показалось бы странным то, что Карл, ради спасения собственной жизни, своей короны, своего семейства, своих друзей и своей партии, пошел на договор с папистами и сделал им весьма значительные уступки в области религии? 6 Обыкновенно толкуют еще об одном перехваченном письме короля, где он якобы говорит о своем намерении сначала возвысить, а затем погубить Кромвеля, но вся эта история, как мы уже успели заметить в предыдущем примечании к данной главе, есть выдумка, не имеющая под собой никаких оснований Одним словом, парламент, после того как он обратился к насилию, а тем более — после начала гражданской войны, имел веские причины для подозрений и недоверия, но только проистекали они из самого положения парламента и из общих свойств человеческой природы, а вовсе не из каких-либо недостатков в характере короля, который в смысле честности, прямодушия и искренности не уступал любому лицу, известному нам из истории Трудно, пожалуй, найти другого человека, столь же безупречного в этом отношении

Что же касается прочих его черт, вызывающих обычно наибольшее возмущение, и в частности деспотических принципов в управлении государством, то мы возьмем на себя смелость утверждать, что в долгом ряду его предшественников, от Нормандского завоевания до времени самого Карла, величайшие враги этого государя не смогут указать ни одного короля (кроме, пожалуй, его отца), чье правление не было бы более деспотическим и в меньшей степени подчиненным законам и чей образ действий могла бы рекомендовать Карлу в качестве образца для подражания сама же народная партия И не стоит говорить, что никакие примеры и прецеденты не в силах-де оправдать и узаконить зло примеры и прецеденты, старинные и единообразные, как раз и определяют характер любой конституции и полномочия властей при любой форме правления В самом деле, по какому же еще принципу можно твердо установить подобного рода границы или межевые столбы?

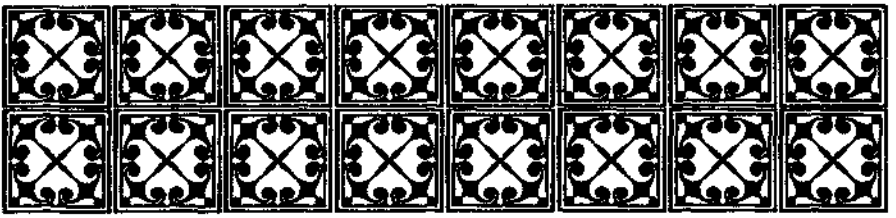
Удивительный парадокс в делах человеческих Генриха VIII англичане прямо-таки обожали при жизни, а после смерти глубоко чтили его память, тогда как Карла I всего лишь столетие спустя тот же самый народ отправил на позорную публичную казнь, а имя его без конца преследовали с тех пор клевета и поношение! И даже в наше время тот историк, который, побуждаемый своим бесстрашным великодушием, осмелится, хотя бы даже опираясь на самые достоверные и бесспорные факты, защищать репутацию этого государя, наверняка встретит та-

кой прием, который даже у самых смелых людей отобьет всякую охоту пускаться в столь рискованное, хотя и благородное предприятие.

[448] Walker's History of Independency, part 2.

[449] Суд Королевской скамьи стали называть судом Государственной скамьи. А некоторые республиканцы, как утверждают, выказывали по этой части столько щепетильной осмотрительности, что, читая молитву Господню, вместо *да приидет Царствие Твое* всякий раз произносили *да приидет Республика Твоя*.

[450] См., с одной стороны, «Аминтор» Толанда, а с другой — «Апологию короля-мученика» Уэгстаффа с «Прибавлениями» Янга. Можно отметить, что полное молчание, которое хранит на сей счет лорд Кларендон в своей столь подробной истории, написанной с прямой целью оправдать действия короля и защитить его репутацию, служит аргументом в пользу Толанда, аргументом, о котором последний ничего не знал, поскольку труды этого превосходного историка еще не были тогда опубликованы. Нужно согласиться, что свидетельства епископа Барнета против подлинности *Icon* также имеют известный вес.



ПРИМЕЧАНИЯ РЕДАКТОРА

В течение первой половины 1750-х гг Д Юм работал над историей Британских островов В основе первоначального замысла этого проекта было желание описать основные события английской истории, происходившие в стюартовскую эпоху Вышедшие в 1754 и 1757 гг отдельными изданиями два тома были посвящены XVII в , позднее они были объединены и опубликованы (The History of Great Britain under the House of Stuart / by David Hume, Esq V 1–2 London, MDCCLIX) Выход в свет этого двухтомника вызвал интерес не только у читателей и специалистов, Юм настолько глубоко погрузился в эпоху, что осознал необходимость создать более масштабный труд, в рамках которого история стюартовской Англии выглядела бы итогом длительной исторической эволюции Так появилась восьмитомная история, охватившая события — от завоеваний Цезаря до 1688 г При этом, как неоднократно подчеркивал сам Юм, XVII в продолжал оставаться для него «главной эпохой» Публикуемый перевод сделан по седьмому тому издания *Hume D* The History of England from the Invasion of Julius Caesar to the Revolution in 1688 Vol 1–8 London, 1822

[1] Юм воспроизводит достаточно распространенную кальку о так называемом «мирном завоевании» Англии Стюартами, реальное содержание которой небесспорно Наиболее характерное изложение концепции о «покорении Альбионы» Яковом I представлено в метрической хронике Уильяма Слэтайера *Slatyer W* The History Of Great Britanie from the First Peopling London, 1621 Тщательный анализ традиции *MacLean G* Time's Witness Historical Representation in English Poetry 1603–1660 Madison, 1990 P 64–127 Тюдоры (the House of Tudor) — королевская династия, сменившая династию Йорков (The House of York), правила в Англии с 1485 по 1603 гг ее представители Генрих VII (Henry VII, 1485–1509), Генрих VIII (Henry VIII, 1509–1547), Эдуард VI (Edward VI, 1547–1553), Мария I (Mary I, 1553–1558), Елизавета I (Elizabeth I, 1558–1603) Стюарты (The House of Stuart) — первоначально — родовое имя представителей шотландского королевского дома, затем британская королевская династия (1603–1714), ее представители Яков I (James I, 1603–1625), Карл I (Charles I, 1625–1649), Карл II (Charles II, 1660–1685), Яков II (James II, 1685–1689), Вильгельм Оранский и Мария (William of Orange & Mary, 1689–1702), Анна (Anne, 1702–1714)

[2] Маргарита Тюдор (Margaret Tudor, ум 1539) — английская принцесса, дважды побывавшая замужем сначала за Яковом IV (ум 1513) — королем Шотландии, а затем после его смерти за Арчибальдом Дугласом, графом Энгасом Сын Маргариты от первого брака унаследовал шотландский престол как Яков V (ум 1542), дочь от второго брака Маргарита вышла замуж за Матвея Стюарта, графа Леннокса

[3] Здесь явное упрощение Официальные религиозные убеждения Якова I Стюарта были неоднозначны и колебались от католицизма к умеренному протестантизму Скрытые симпатии короля всегда оставались близкими материнским Об этом неоднократно «проговаривается» и сам Юм Интересно, что задолго до смерти Елизаветы Тюдор Яков, претендуя на роль ее преемника, пытался заручиться поддержкой католических государей Европы и неоднократно писал с той же целью в Рим сначала Григорию XIV (1590–1591), а затем Клименту VIII (1592–1605) Подробнее об этом см *Mackie J W* The Secret Diplomacy of James VI in Italy prior to his Accession to the English Throne // Scottish Historical Review Vol xxi 1924 P 267ff, *Meyer A O* Clemens VIII und Jacob I von England Rome, 1904 Наиболее доступным свидетельством религиозных симпатий Якова I является опубликованная Д Акриггом переписка монарха, охватывающая период с середины 1570-х гг до декабря 1624 г Letters of King James VI & I / Edited, with an Introduction by G P V Akrigg London, 1984

[4] Речь идет о той генеалогической ветви, которая восходила к сестре Генриха VIII Маргарите, «отстранение» распространялось соответственно на сына Маргариты Якова V Стюарта и ее дочь Маргариту, рожденных от брака с шотландским королем Яковом IV и графом Энгасом соответственно, сюда следует отнести внучку Маргариты Марию Стюарт, появившуюся на свет от брака Якова V с Марией Гиз, внуков Генри Стюарта, лорда Дарнли и Чарльза, графа Леннокса — сыновей Маргариты и Матвея Стюарта, правнука Якова VI Стюарта — сына Марии Стюарт и лорда Дарнли и правнучку Арабеллу Стюарт — дочь Чарльза Леннокса

[5] В этом утверждении сказывается некоторая небрежность в изложении Юмом так называемых «проходящих» сюжетов судя по всему, он стремился давать однозначные суждения там, где второстепенные детали могли затруднить логическую стройность основного повествования Что касается решения о преемнике, то оно даже на смертом одре давалось Елизавете Тюдор с трудом, поскольку ее отношение к «племяннику» было далеко от родственного «Мой престол был всегда троном королеи, и никто не станет наследовать мне, кроме ближайшего по крови претендента» — фраза, которую Елизавета дважды произнесла *в Ричмонде накануне своей смерти, назвав Якова-«племянника» — в качестве* законного преемника только после изрядного давления со стороны членов Тайного совета

[6] Утверждение Юма небесспорно В личных бумагах государственного секретаря Роберта Сесила, будущего графа Солсбери, хранящихся в Хатфилде (см Calender oi the Manuscripts of the Most Honorable the Marquees of Salisbury, Preserved at Hatfield House, Herefordshire // Historical Manuscripts Comission 18 vols London, 1883–1940 V 15) сохранились меморандумы на трех потенциальных претендентов на английский трон, среди которых кроме шотландского короля Якова VI значились испанская инфанта и леди Арабелла Стюарт, приходившаяся родственницей как самой королеве, так и шотландскому королю Каждая из кандидатур имела свои положительные и отрицательные стороны, что не мешало, однако, придворным фракциям отстаивать интересы своего ставленника «Нация», таким образом, была далека от единства Наиболее влиятельные члены Таиного совета лорд-адмирал Говард, лорд-хранитель Эджертон и секретарь Сесил настаивали на кандидатуре Якова VI и находились, как известно, с ним в секретной переписке (Correspondence of King James VI of Scotland with Sir Robert Cecil and Others in England during the Reign of Queen Elizabeth / Ed by J Bruce Camden Society London, 1861, The Secret Correspondence of Sir Robert Cecil with

James VI King of Scotland / Ed by E Goldsmid 3 vols Edinburgh, 1887) Ликование простого люда было до известной степени условным организуемые по поводу приезда нового монарха пышные празднества и массовые гуляния были сопряжены с бесплатными развлечениями и едой Очень схожее описание оставили некоторые современники Якова I, в частности, Д Чемберлен Chamberlain to Sir Dudley Carlton, 3 March 1603 // The Letters of John Chamberlain / Ed by E McClure 2 vols Philadelphia, 1939 V 2 P 189

[7] Достаточно трудно судить, о какой прокламации идет речь По меньшей мере в двух прокламациях № 11 и 19 (по классификации Д Ларкина), выпущенных 29 мая и 6 июля 1603 г соответственно, говорится о необходимости пресекать скопление народа во время торжественных мероприятий Полный текст опубликован Stuart Royal Proclamations / Ed by J Larkin & P Hughes V 1 (Royal Proclamations of King James I 1603–1625) Oxford, 1973 P 21–22, 37–38

[8] Данные о рыцарских возведениях очень приблизительные Трудно судить, какие материалы или чьи работы были положены в основу представленной статистики В настоящее время наиболее точным остается издание *Shaw W* The Knights of England 2 vols London, 1906 Более вероятная цифра около 300

[9] Отмеченная Юмом особенность пэрской политики Якова I в последующем будет характерна и для его сына Карла I Стюарта В настоящее время статистика, связанная с беспрецедентной раздачей дворянских титулов, служит одним из основных аргументов для историков, отстаивающих тезис о так называемом «кризисе аристократии» Классическая работа *Stone L* The Crisis of the Aristocracy Oxford, 1967

[10] Приток шотландских придворных в Лондон был велик в первое десятилетие правления Стюартов, затем заметно сократился Юм неточен в определении истинных причин недовольства «иностранцами», поскольку значительная часть пожалований осуществлялась либо в самой Шотландии, либо, несколько позднее, в Ирландии Главным поводом для критики политики короны со стороны английского дворянства было настойчивое желание Якова I осуществить натурализацию своего ближайшего окружения Вплоть до середины второго десятилетия XVII в попытки монарха провести натурализацию шотландцев за редким исключением оказывались тщетными

[11] Тайный совет (Privy Council) — основной орган в системе центрального исполнительного аппарата Англии, история возникновения которого связывается одними исследователями с действовавшим еще во времена правления Ричарда II (1377–1399) королевским советом, другими — с учрежденным уже при Генрихе VIII в 1540 г так называемым советом 19-ти, объединившим наиболее влиятельных лиц королевства В годы правления Якова I Тайный совет претерпевает изменения, сказавшиеся как на его функциях, так и численном составе После смерти Роберта Сесила, графа Солсбери (1612), в Англии не осталось королевского фаворита, способного одновременно осуществлять руководство государственным аппаратом страны и обеспечивать монарха необходимыми рекомендациями как во внутренней, так и внешней политике Это приводит к образованию узкого круга советников (так называемый «кабинет»), занятых в основном решением дел, связанных с внешней политикой «Старый» совет по-прежнему «под председательством короля» осуществляет координацию внутренней политики в государстве с той только разницей, что основная тяжесть повседневной работы падает не столько на самих советников, сколько на учрежденные и возглавляемые членами Совета комитеты и комиссии Наиболее значительными при первых Стюартах были комитет по делам Ирландии, торговле и милиции, а с середины

1630-х гг — по плантациям и колониям, а также Высокая комиссия На протяжении всего правления Якова I Стюарта отмечается тенденция к количественному росту Совета Кроме 19-ти королевских чиновников, входивших в состав Совета на правах ex-officio (или по праву занимаемой должности), возрастает количество неординарных случаев, подразумевавших членство в Совете для представителей нижней палаты парламента, юристов и правоведов Кооптация шотландцев в состав Тайного совета была важным шагом в создании механизма «противовесов» старой елизаветинской знати и ее влиянию на государственную политику При Якове I Тайный совет и его члены постепенно сливаются с придворными институтами, образуя тем самым мощную систему властной альтернативы Об этом подробнее *Cuddy N* The Revival of the Entourage the Bedchamber of the James I, 1603–1625 / / The English Court from the Wars of Roses to the Civil War / Ed by D Starkey London, 1987 P 173–226 Перечисляемые Юмом аристократы составляли так называемый ближайший круг доверенных лиц Якова I Стюарта, из них был сформирован служилый штат личных покоев монарха еще при шотландском дворе Лодовик Стюарт (L Stuart, 1574–1624), герцог Леннокс, Джон Эрскайн (J Erskine, 1558–1634), граф Марр, сэр Джордж Юм (G Home, ум 1611), Александр Юм (A Home, 1566–1619), лорд Юм, Эдвард Брюс (E Bruce, 1549–1611), лорд Кинлос, сэр Джеймс Элфистоун (J Elphistone, 1552–1612)

[12] Здесь допущена неточность, поскольку прежде чем стать графом Данбаром (7 04 1605), Джордж Юм, лорд Юм, был возведен (7 07 1604) в баронское достоинство (Юм из Берика), а сэр Джон Рамси (J Ramsey, 1580?–1626), прежде чем обрел графское достоинство, стал виконтом Хаддингтоном (11 06 1606)

[13] Вряд ли следует переоценивать личное участие Якова I в судьбе елизаветинских вельмож, сохранивших свои посты при новом монархе Лорд-канцлер сэр Томас Эгертон (Egerton), лорд-казначей сэр Томас Саквилл (Sackville), два государственных секретаря — Роберт Сесил (Cecil) и Джон Герберт (Herbert), канцлер герцогства Ланкастерского — сэр Джон Фортескью (Fortescue), казначей Адмиралтейства — Фалк Гревилл (Greville) и ряд других сохранили высшие государственные посты только потому, что новый король был не в состоянии противостоять традициями елизаветинского управления

[14] Юм допускает некоторую небрежность в передаче результатов первого возведения Р Сесила 13 05 1603 сэр Роберт стал бароном Сесилом из Эссендена (Cecil of Essenden)

[15] Яков I реабилитировал и возвысил практически всех оставшихся в живых участников заговора Эссекса (1601), так называемого бунта «золотой» молодежи, милости монарха распространялись и на ближайших компаньонов графа, в период с 1603 по 1608 г были амнистированы, восстановлены в наследственных правах и продвинуты 13 человек Судьба «заклятых» врагов Эссекса оказалась трагичной сэр Уолтер Рэли (W Raleigh, 1552–1618) — елизаветинский фаворит оказался заточенным в Тауэр и провел там 13 лет (1603–1616), Томас Грей (T Grey, ум 1614), пятнадцатый лорд Грей из Уилтона, и Генри Брук (H Brooke, 1564–1619), одиннадцатый лорд Кобем, были обвинены в государственной измене и лишены всех титулов (18 11 1603)

[16] Генрих Фридрих Нассаусский — брат Морица, штатгальтер Соединенных провинций с 1625 г Великий пенсионарий — одна из двух высших государственных должностей Соединенных провинций, заместитель председателя Государственного совета, сочетавший функции руководства внешне- и внутриполитическими делами в стране, а также ее финансами, наряду со штатгальтером (председателем Государственного совета) обладал высшей военной властью

[17] Альберт (Albert, 1559–1621) — эрцгерцог Австрийский, правитель Южных Нидерландов (1598–1621), Аремберг Карл (K Aremberg, 1560–1616) — посол эрцгерцога Альберта в Лондоне (1604–1606), Вилла Медиана (Villa Mediana ум 1634), Хуан Таксис — граф, испанский посол в Лондоне (1603–1609) Сюлли Максимилиан де Бетюн (M Sully, de Béthune, 1560–1641) — герцог, фаворит Генриха IV (1589–1610), сюринтендант финансов, посетил Англию в качестве посла французского короля, оставив в своих мемуарах описание яковитского двора

[18] Габсбурги (австрийские и испанские) — императорская и королевская династии Филипп II (Philipp II, 1527–1598) — испанский король (1555–1598)

[19] Филипп III (Philipp III, 1578–1621) — испанский король (1598–1621) Лерма Франсиско (F Lerma, 1552–1623) — герцог, испанский государственный деятель, первый министр и фаворит Филиппа III (1598–1618)

[20] *восстание в Нидерландах* — здесь речь идет о событии, более известном у нас как революция

[21] Генеральные штаты — верховный представительный орган Соединенных провинций

[22] Арабелла Стюарт (A Stuart, 1575–1615) — дочь Чарльза Стюарта, графа Леннокса, внука Маргариты, старшей сестры Генриха VIII, и ее второго мужа Арчибальда Дугласа Бездетность Елизаветы давала ей право считаться второй претенденткой на английский престол после Якова VI Шотландского, сына старшего брата ее отца — лорда Дарнли и Марии Шотландской По завещанию Генриха VIII, в случае пресечения прямой линии наследников потомки его младшей сестры Марии приобретали преимущества по сравнению с родственной ветвью его старшей сестры Маргариты Вместе с тем в течение длительного времени Елизавета Тюдор видела в Якове VI и Арабелле двух в целом равнозначных претендентов на английский престол, ветвь ее младших кузенов Сеймуров была дискредитирована Лишь под давлением обстоятельств королева признала наследственные права Якова VI безусловными Однако многие елизаветинские политики продолжали рассматривать Арабеллу в качестве более предпочтительного кандидата на трон, ссылаясь при этом на ее английское происхождение

[23] Ленноксы (the Lennoxes) — старинный франко-шотландский дворянский род, находившийся в ближайшем родстве с правящим в Шотландии королевским домом Стюартов, до 1581 г графское, а затем — герцогское достоинство, основными представителями этого рода в конце XVI — начале XVII в являлись Эсме Стюарт (E Stuart, 1542–1583) — первый герцог Леннокс, барон Дарнли, Обиньи и Далкейт, Лодовик Стюарт (L Stuart, 1574–1624) — второй герцог Леннокс, позднее — граф Ньюкасл и герцог Ричмонд (17 05 1623)

[24] *«свободомыслящие»* — общее, часто неодобрительно-пренебрежительное (с оттенком «вольнодумцы») обозначение для мыслителей второй половины XVII — начала XVIII в , отступавших от ортодоксальных христианских воззрений, близки к деистам (Шефтсбери, Толанд и др)

[25] Государственный секретарь (secretary of State) — одна из высших должностей в центральном исполнительном аппарате Англии, ведает официальной перепиской монарха, а при Стюартах (1603–1612) — координацией внешней политики, возглавляет ближайшее окружение монарха (так называемый «кабинет»), входит в состав Тайного совета

[26] Эдуард Кок (E Coke, 1552–1634) — один из крупнейших английских юристов общего права, его систематизатор и комментатор Автор «Институций» (The Institutes of the Laws of England, Concerning the Jurisdiction of Courts), вышедших по частям в 1624 и 1644 гг , других трактатов историко-правового характера Ге-

неральный атторней (General Attorney) — верховное лицо в судебной системе Англии, главный консультант короны по правовым вопросам Как правило, выступает защитником интересов монархии, в некоторых случаях присутствует на заседаниях обеих палат парламента, в конце XVI — первой половине XVII в ему принадлежало право высшей юрисдикции в пределах трех судебных округов герцогства Ланкастерского, герцогства Корнуолл и графства Дарем, утраченное в начале XVIII в и затем заново восстановленное в 20-х гг XX в

[27] Речь идет о Тысячной петиции, получившей название, как полагали еще современники, по количеству подписавших ее заявителей

[28] Пресвитериане (от греч presbyteros — старейший) — протестантская деноминация кальвинистской ориентации, выступавшая за синодально-епископальный церковный строй Официальное оформление пресвитерианства в качестве самостоятельного движения за умеренную реформу церкви происходит почти одновременно как в Шотландии, так и в Англии и падает на 70-е гг XVI в Основы учения были изложены для шотландских пресвитериан Д Ноксом, а для английских — Т Картрайтом и Д Треверсом в начале 70-х гг в так называемых Книгах дисциплин Подробнее об этом *Штокмар В В* Очерки по истории Англии XVI века Л , 1957

[29] Basilicon Doron (Царский дар) — одно из центральных произведений Якова I *Стюарта, написанное в форме наставления, адресованного его сыну Карлу* Считается, что примером для подражания стало «Политическое предостережение», оставленное Карлом V своему сыну Филиппу, итальянский перевод которого был направлен Якову в 1592 г Джакомо Кастельветро

[30] *«пуританами»* (от лат purus — чистый) здесь следует считать определенную часть англиканского духовенства, недовольную результатами королевской реформации и выступавшую за дальнейшую радикализацию реформы в пределах, не нарушавших устоев государственной церковной организации

[31] *Le Roi s'avisera* (фр) — *Король подумает* — утверждение, почитавшееся в качестве традиционной формулы, которой сопровождалось отклонение монархом предложенного парламентом билля

[32] Лорд-канцлер (Lord-chancellor) — спикер палаты лордов, высшее судебное должностное лицо, является председателем юридической комиссии Тайного совета назначает мировых судей, считается главным советником короны по юридическим вопросам, хранит Большую государственную печать

[33] Конференция обеих палат — совместное заседание лордов и общин королевства, практиковавшееся на протяжении всего средневековья В отличие от основных парламентских комитетов (great или general committees), образуемых в начале парламентских сессий и предусматривавших полноправное участие представителей обеих палат, конференции обладали так называемой ограниченной юрисдикцией, т е их решения носили рекомендательный характер При Якове I практика созыва парламентских конференций была инициирована Робертом Сесилом, который видел в них эффективный способ контроля над палатой общин со стороны лордов Наиболее часто конференции собирались в период с 1606 по 1610 г , позднее инициатива межпалатного общения перешла к небольшим образуемым по этому поводу парламентским комитетам или группам

[34] Спикер (Speaker) — старшее должностное лицо в палате общин, выступает на всех заседаниях парламента от имени нижней палаты, председательствует на ее заседаниях, следит за соблюдением правил парламентской процедуры и порядком дебатов, избирается из числа членов палаты, не принимает непосредственного участия в голосовании, за исключением тех случаев, когда голоса делятся

поровну тогда его голос является решающим, на заседаниях носит специальную мантию (gown) и парик (full-bottomed wig), пост существует с 1377 г

[35] Ремонстрация (англ remonstrance) — увещевание, форма выражения протеста, используемая в парламентской практике

[36] Канцлерский суд (Court of the Chancery) — один из основных судов королевства, возникший при Генрихе II (1154–1189) одновременно с судами Казначейства и Королевской скамьи Первоначально канцелярия ведала основным делопроизводством и ее судебные функции вплоть до начала XIV в ограничивались рассылкой так называемых оригинальных приказов, скрепленных Большой королевской печатью и распределявших слушание дел в соответствующих судах Одновременно с оригинальными действовали приказы других судов, заверенные их собственной печатью В XV в канцелярия закрепляет за собой право издавать так называемые приказы о запрещении, согласно которым регулировалось последующее судопроизводство В конце XVI — начале XVII в авторитет канцелярии как особой судебной инстанции значительно возрастает благодаря деятельности Томаса Эллисмера, видевшего в расширении ее полномочий гарантии «права справедливости», противопоставляемого коррупции и засилию судей общего права

[37] Корнваллис Чарльз (Ch Cornwallis, ум 1629) — посол Якова I в Мадриде (1605–1609)

[38] «Всемирная история» У Рэли впервые напечатана в 1614 г

[39] Термин *«абсолютная монархия»* очень неохотно употреблялся как среди современников первых Стюартов, так и у более поздних авторов Культурно-исторический контекст, в рамках которого разворачивался смысл этого понятия, делал предпочтительным употребление термина «смешанная монархия», обозначавшего специфику англосаксонской модели в сравнении с континентальными формами государственности Подробнее Der Absolutismus — ein Mythos? Strukturwandel monarchischer Herrschaft / Herausgegeben von R Asch und H Duchhardt Wien, 1996

[40] «Девятнадцать предложений» (Nineteen propositions) — парламентская протестация, посланная королю 1 июня 1642 г , содержащая политическую программу оппозиции, она логически завершала знаменитую «памфлетную» войну и открывала перспективу либо мирного, либо вооруженного пути решения гражданского конфликта Английский текст опубликован *Kenyon J P* The Stuart Constitution Cambridge, 1966 P 244–247, русский перевод *Лавровский В М* Сборник документов по истории английской революции XVII века М , 1973 С 149–151, наиболее капитальное исследование *Mendle M* Dangerous Propositions Mixed Government, the Estates of Realm, & the Making of the Answer to Nineteenth Propositions Tuscaloosa, 1985

[41] Фортескью, сэр Джон (J Fortescue, 1395–1476) — виднейший английский юрист, политический и государственный деятель XV в Автор нескольких трактатов о природе королевской власти, самыми известными из которых являются «Похвала английским законам» (De Laudibus Legum Angliae) и «Управление Англией» (Governance of England) Утверждение Юма об идентичности современного ему значения «абсолютная монархия» и использованного Фортескью латинского понятия «dominium regale» («монархия королевская») вполне корректно

[42] Эдуард IV (Edward IV, 1461–1483) — английский король, представитель династии Йорков

[43] *quo warranto* (лат) — формула, дословно обозначающая *по какому праву, на каком основании* Writ quo warranto — специально издававшийся приказ, инициировавший проверку «депутатских» полномочий члена палаты общин или

состоятельность наследственного права английского пэра занимать соответствующее место в верхней палате парламента

[44] Упоминаемое Юмом *дело Томаса Шерли* не следует путать с делом доктора Томаса Шерли (Shirley vs Fagg), имевшим схожий контекст, но относящимся к 1675 г Подробнее об этом *Kenyon J P* The Stuart Constitution Cambridge, 1966 P 415, 419

[45] Френсис Бэкон (F Bacon, 1561–1626) — крупнейший английский философ, родоначальник английского материализма и методологии опытной науки, государственный деятель, лорд-канцлер Англии (1618–1621), Сендиз Эдвин (E Sandys, 1561–1629) — член палаты общин

[46] Мария I Тюдор (1516–1558) — английская королева (1553–1558), Эдуард VI Тюдор (Edward VI, 1537–1553) — английский король (1547–1553)

[47] Генрих VIII Тюдор (Henry VIII, 1491–1547) — английский король (1509–1547)

[48] В отличие от других западноевропейских государств, доктрина, оформившая так называемое *«абсолютное право»* (ius regium) английских королей, сложилась сравнительно поздно и не без участия самого Якова I Стюарта, написавшего ряд трактатов на эту тему В Шотландии до приезда в Англию он написал «Basilikon Doron» («Царский дар») и «The Trew Law of Free Monarchies» («Истинный закон свободных монархий»), об этих трактатах *Wormland J* James VI & I, Basilikon Doron & The Trew Law of Free Monarchies Scottish Context and English Translation // The Mental World of the Jacobean Court / Ed by L Peck Cambridge, 1991 P 36–55) Затем из под его пера вышли последовательно Triplici nodo, Triplex Cuneus, or an Apologie for the Oath of Allegiance (1608), An Apologie for the Oath of Allegiance together with a Premonition of His Majesties, to All Most Mightie Monarches, Kinges, Free Princes and States of Christendom (1609), Déclaration du serenissime roy Jacques I Pour le droit des rois & independance de leur couronnes, contre la harangue de l'illustrissime Cardinal du Perron prononcée en la chambre du tiers estat le xv de Ianvier 1615 (1615), которую позднее перевели на английский (1616) Литературные достоинства и композиция этих произведений исследованы *Wilson D* James I and His Literary Assistants // Huntington Library Quarterly 1944–1945 V 8 P 35–57 Общий историко-культурный контекст изложен *Sommerville J* Politics & Ideology in England 1603–1640 London, 1986

[49] Монопольные патенты — одно из средств, которое англииская корона активно использовала для регламентации торговли и иных видов коммерческой деятельности Подробнее о монополиях *Штокмар В В* Экономическая политика английского абсолютизма в эпоху расцвета Л , 1962

[50] Привилегированные компании — купеческие предприятия, имевшие королевские патенты, закреплявшие монопольное право на производство и реализацию определенных видов товара О привилегированном купечестве *Питулько Г Н* Английское купечество XVII столетия его место и роль в жизни общества // Англия XVII века социопрофессиональные группы и общество СПб , 1997

[51] Право королевской опеки — один из средневековых институтов, гарантировавших вмешательство короля во владельческие права английского дворянства При Стюартах делами по опеке ведал специальный суд — The Court of Wards & Liveries Председательствующий судья (master) был членом Тайного совета

[52] Поставщики двора (purveyors) — королевские слуги, как правило — выходцы из купеческих семей лондонского Сити, занятые в одной из хозяйственных служб королевского хаузхолда

[53] Утверждение Юма о том, что Уния двух королевств считается одним из самых амбициозных планов Якова I, не лишено оснований, поскольку Англия и Шотландия были различны, а в некоторых проявлениях несовместимы не только в историко-культурном, но и конфессиональном плане Несмотря на то что идея Унии была поддержана протестантской частью шотландского парламента, общество было далеко от всеобщего согласия Уже в начале 1620-х гг негативные последствия личной Унии стали особенно очевидными Отъезд короля в Лондон очень скоро сказался на функционировании властных структур в центральном управлении Шотландией Политика «пера», используемая Яковом для решения шотландских проблем, способствовала снижению авторитета страны во внешнеполитических вопросах и в конечном счете ставила ее в полную зависимость от общего курса, проводимого Уайтхоллом

[54] *king's dispensing power* — право освобождать от обязательств, возложенных законом, одна из средневековых прерогатив английского монарха, дававшая ему возможность отменять законодательные акты, принятые любым из его предшественников До 30-х гг XVI в практика использования этой прерогативы была весьма эпизодичной Генрих VIII Тюдор, а затем Елизавета стремились к ее активному использованию, обозначив тем самым известную перспективу для критики монархии со стороны юристов общего права

[55] Личная неприязнь Филиппа и Елизаветы была мотивирована тем, что Филипп приходился мужем покойной Марии Тюдор (1553–1558) — сводной сестры и предшественницы Елизаветы на английском престоле, существенными были основания, связанные с тем, что Филипп одно время рассчитывал на брачную партию с новой королевой, которая, как известно, всячески тому противилась

[56] Эдвард Сеймур (E Seymour, 1537–1621), девятый граф Гертфорд (восстановлен в наследственных правах 13 01 1559)

[57] Чарльз Говард (C Howard, 1536–1624), десятый граф Ноттингем и второй барон Говард из Эффингема, занимал должность лорда-адмирала с 1585 по 1619 гг Лорд-адмирал (Lord High Admiral или Lord-Admiral) — высшая военная должность в Англии, по традиции занимаемая пэром, который был ex-officio членом Тайного совета

[58] Законы против католиков представляли собой достаточно обширный комплекс мер и законодательных актов, инициированных Тюдорами против тех англичан, которые в той или иной степени поддерживали связь с римско-католической церковью Наряду с массовыми конфискациями земель и политическими преследованиями, начавшимися еще при Генрихе VIII Тюдоре, к этим мерам следует относить 1) исключение наиболее ревностных папистов из состава Тайного совета, предпринятое Елизаветой Тюдор еще в начале ее правления, 2) знаменитый Второй парламентский статут, получивший название «Акт о единообразии», вводивший наказание денежными штрафами и тюремным заключением на различные сроки за несогласие следовать в богослужении предписаниям Общего Молитвенника, 3) комплекс мер, связанных с принятием в 1571 г англиканского символа веры — «39 статей», грозивших преследованием всякому, кто противился восстановлению в Англии англиканской церкви и отказывался признать королеву ее главою, 4) расширение компетенции Высокой комиссии как судебного органа по церковным вопросам, 5) запрет на печатание сочинений, оскорбительных для господствующей церкви или поносящих англиканские облачения и обряды, 6) принятие парламентского акта «Об устранении некоторых беспорядков в отношении священнослужителей» и ряд других мероприятий

[59] Нортумберленды (the Northumberlends) — старинный английский дворянский род, графское достоинство, закрепленное за домом Перси (Percy), представителями этого рода в конце XVI — начале XVII в были Генри Перси (H Percy, 1532–1585), двенадцатый граф Нортумберленд и второй лорд Перси, Генри Перси (H Percy, 1564–1632), тринадцатый граф Нортумберленд и третий лорд Перси

[60] История Порохового заговора изложена Юмом лишь в общих чертах, более подробное изложение событий можно почерпнуть из *Gerard J* What Was the Gunpowder Plot? London, 1897

[61] После прибытия в Англию в 1580 г иезуиты неоднократно подвергались гонениям со стороны короны так, статут *27 Elizabeth, c 2 (1584)* предписывал всем иезуитам покинуть пределы страны в 40-дневный срок после закрытия парламентской сессии (т е после 21 декабря 1584 г), в последовавший за принятием статута период иезуиты действовали в Англии нелегально

[62] Здесь неточность присутствие на открытии парламентской сессии наследника престола — принца Генри Стюарта (H Stuart, 1593–1612) — противоречило регламенту, поскольку официальная инаугурация, предполагавшая последовательное возведение сначала в графский титул Честера (формальная кооптация в состав английского пэрства), а затем принца Уэльского, состоялась только 4 06 1610

[63] Здесь речь идет о будущем английском короле Карле I Стюарте (Charles I, 1600–1649), с 6 01 1605 по 4 11 1616 носившем титул герцога Йоркского

[64] Елизавета (Elizabeth, 1596–1662) — старшая дочь Якова I Стюарта и Анны Датской

[65] Сэр Джон Гаррингтон (J Harrington, ум 1613) был возведен в баронское достоинство Гаррингтона из Экстона 21 07 1603

[66] Речь идет о Джеймсе Паркере (J Parker, ум 1617), de jure лорде Монтигле его отец Эдвард Паркер (E Parker, 1550–1618), двенадцатый лорд Морли и de jure лорд Маршал, был женат в первом браке на Элизабет Стенли (E Stanley, ум 1585), de jure баронессе Монтигл, дочери Уильяма Стенли (W Stanley, ум 1581), третьего лорда Монтигла, скончавшегося без наследников по мужской линии Достоверность письма, на которое ссылается Юм, весьма сомнительна существует мнение, что оно было поздней подделкой

[67] Лорд-чемберлен (Lord-chamberlain) — главный камергер, первое лицо в службах Королевской палаты (Chamber), управляющий делами этого департамента (department) Вторая по значению должность при королевском дворе Входил в состав Тайного совета и подлежал утверждению лично королем Первоначально должность главного камергера была связана с управлением королевской казной Однако после выделения Казначейства (Exchequer) в самостоятельную структуру функции лорда-чемберлена сосредоточились исключительно на управлении королевским двором Он был ответственен за устройство особо важных государственных церемоний (коронации, королевской свадьбы, крестин и похорон членов королевской семьи) Начиная с Эдуарда II (1307–1327), главный камергер контролирует право доступа к королю Во время торжественных церемоний лорд-чемберлен стоит позади монарха и объявляет персону, приближающуюся к королевскому трону Он заведует деятельностью многих придворных департаментов и отвечает за назначения на многие придворные должности (королевского поэта, врача и т д) Начиная с правления Елизаветы Тюдор, особой функцией лорда-чемберлена становится контроль и лицензирование деятельности лондонских театров, предварительная цензура сценического репертуара Лорд-камергер имеет свои особые символы власти — белый жезл и золотой ключ,

инкрустированный драгоценными камнями *Подробнее Федоров С Е* Стюартовские придворные (некоторые особенности поведения и сознания общности) // Англия XVII века социопрофессиональные группы и общество СПб , 1997 Томас Говард (T Howard, 1561–1626), барон Говард из Уолдена, был возведен в графское достоинство Суффолка 21 07 1603 , он сменил на посту лорда-чемберлена Джорджа Кэри (G Carey, 1556–1603), лорда Хансдона, занимавшего этот пост с 1597 по 1603 гг

[68] Имеются в виду Генри Мордант (H Mordaunt, 1568–1609), четвертый лорд Мордант, и Эдвард Стортон (E Stourton, 1555–1633), десятый лорд Стортон

[69] Звездная палата (Star Chamber) — судебный орган, действовавший в Англии с XV до 1641 г , располагалась в Вестминстерском дворце Собственно судом палата стала в 1487 г До конца XVI в Звездная палата собиралась в сокращенном составе, затем количество заседавших было расширено, но в период с 1603 по 1641 гг не привышало 50 человек В ее состав входили все члены Тайного совета (максимально — 42, минимально — 20), лорд — главный судья суда Королевскои скамьи, лорд-судья суда Общих тяжб, генеральныи атторней и клерки В компетенцию суда входило слушание дел по финансовым преступлениям и коррупции

[70] Юм очень мягко обозначает склонность Якова к католицизму

[71] Соломон (Solomon, 961–922 гг до н э) — третий царь израильский, сын Давида, традиция обычно нарекает его «миролюбивым» Отождествление Якова I с Соломоном было общим местом для стюартовских публицистов, обеспечивших вхождение библейских атрибутов Соломона в символику яковитского правления

[72] Рекузанты (от лат recusare — отказывать, отклонять) — в узком значении — римско-католические священники, отказавшиеся признать «39 статей» — символ англиканской веры, впервые использован в 1552–1553 гг , в первой половине XVII в термин использовался и в широком значении в этом случае рекузантами считались все сознательные противники государственной церкви

[73] Центром крестьянских волнений были селения Рустон, Пигтсли и Гезелбич

[74] Мирный договор был подписан сроком на 12 лет 30 марта 1609 г По его условиям стороны отказывались от открытого противостояния, имевшего место в течение сорока двух лет Его сопровождал секретный протокол, разрешавший Соединенным провинциям торговлю в европейских владениях испанского короля, а также с другими государствами Специальный сертификат послов Англии и Франции гласил, что Соединенные провинции не могут торговать в портах, принадлежавших испанскому королю без его специального разрешения

[75] Лорд-казначей (Lord Treasurer) — первое лицо Казначейства (The Exchequer), формировавший наряду с баронами управленческий штат этого государственного департамента При Якове должность становится пэрской

[76] Речь идет о Ричарде Саквилле (R Sackville, род 1536), графе Дорсете (креация состоялась 13 03 1604), скончавшемся 19 04 1608

[77] Утверждение достаточно спорное, если иметь в виду, что именно в этот период появились первые проекты реформ по сокращению пышности королевского двора, общую направленность которых одобрял сам монарх Об этом подробнее *Aylmer G* Attempts at Administrative Reform // English Historical Review V 72 (1957) P 229–259

[78] Малая государственная печать (Privy Seal) — вторая (после Большой государственной печати) по значению государственная печать Англии, использовав-

шаяся в официальном делопроизводстве, обычно ею скреплялась личная корреспонденция монарха находилась у лорда-хранителя Малой государственной печати (Lord Privy Seal), при Якове I в 1603–1612 гг эта печать хранилась у государственного секретаря Р Сесила

[79] *одно дело — submittere principatum legibus* (лат) *— подчинять верховную власть законам, совсем другое — submittere principatum subditis*(лат) *— подчинять верховную власть подлогам*

[80] *non placet petitio, non placet exemplum* (лат) — не по душе притязание, не по душе прецедент (буквально — образец)

[81] Практика королевских прокламаций стала широко использоваться Елизаветой Тюдор (еще ее отец — Генрих VIII Тюдор добился уравнивания правового статуса королевских прокламаций с парламентскими статутами), а при Стюартах приобрела особый размах При всем желании короны изменить в свою пользу представления об источниках английского права результаты были ничтожны эффективность прокламаций оставалась достаточно низкой

[82] Частые упоминания о «конституции» свидетельствовали о возрождении традиций Великой хартии Вольностей и возросшим во второй половине XVI в интересом парламентской оппозиции к проблеме «исконных» прав подданных английской короны, немаловажное значение играли усилия юристов общего права по систематизации судебных прецедентов Подробнее *Кондратьев С В* Идея права в предреволюционной Англии Тюмень, 1997

[83] Согласно акту о супрематии (верховенстве) 1534 г , английский монарх был главою англиканской церкви

[84] Суд Высокой комиссии (High Commission Court) — один из органов королевской юрисдикции, разбиравший наряду с церковными судами конфессионально-правовые споры Регулярные заседания комиссии начинаются с 1580-х гг , но до 1625 г ее юрисдикционные полномочия были ограничены провинцией Кентербери Состав комиссии мог варьироваться, но ряд должностных лиц имели право обязательного присутствия Речь идет о членах Тайного совета, верховных судьях, епископах, деканах и архидиаконах провинции Кентербери, допускалось по мере необходимости присутствие юристов цивильного права и специально приглашенных пэров королевства Следует различать Суд высокой комиссии и Комиссию по религиозным делам, действовавшую в пределах северных провинций, в состав которой входили епископы, деканы и архидиаконы церковной провинции Йорка и юристы цивильного права Подробнее *User R* The Rise & Fall of the High Commission Oxford, 1913

[85] Коуэлл Джон (J Cowell, 1554–1611) — известный юрист цивильного права, преподавал римское право в Кембридже, ему принадлежит известный юридический словарь «Interpreter» («Толкователь»), изданный в 1607 г в Кембридже

[86] Арминий Якоб (J Arminius, 1560–1609) — голландский теолог, основатель арминианства Выступал против ортодоксального кальвинизма, отрицая прежде всего тезис о божественном предопределении Согласно его учению, человек обладает свободой воли, позволяющей ему преодолевать последствия первородного греха, что ставит спасение человека в зависимость от его поведения Одновременно с этим он подвергал критике традиционное для кальвинизма представление о церкви как институте надзора и наказания Здесь Юм переоценивает влияние кальвинизма на официальную доктрину англиканства, его суждения о линии противостояния с арминианством неточны

[87] Речь идет о войне 1594–1603 гг

[88] Брегонские законы, действовавшие в Ирландии до введения английского права, содержали старинный обычай уплаты вергельда за различные преступления Так, в 1554 г граф Килдар получил 340 коров в качестве эрика за своего убитого молочного брата

[89] Лорд-наместник (Lord-lieutenant) — почетная, как правило, пожизненная, предоставлявшаяся отпрыскам пэрских семей, должность, функции которои ограничивались представительными, фискальными и отчасти военными полномочиями, нерегламентировавшимися вплоть до второй половины XVI в Даже Елизавета предпочитала назначать специальных комиссаров (commissioners), уполномоченных собирать налоги В том варианте, в котором определялась компетенция лордов-наместников в первой половине XVII в , они были обязаны Нортумберленду, убедившему Елизавету превратить ее в постоянно действующий элемент системы государственного управления Именно тогда лорды-наместники начинают координировать порядок на местах, осуществлять постоянное представительство короны в городах и графствах, на правах ex-officio вводятся в состав Тайного совета Тогда же появляются должности лордов-наместников Уэльса и Ирландии Для последней равнозначными являются употреблявшиеся в 1603–1629 и 1633–1640 гг названия Lord Deputy, в 1633–1629 и 1641–1642 гг — Lords Justices, в 1640 г Lord Lieutenant Как следует из текста, Юм не учитывал этой специфики

[90] Шериф (sherif) — первоначально королевский чиновник, стоявший во главе графства Он председательствовал в собрании графства, ведал сбором королевских доходов, возглавлял ополчение, отчитывался ежегодно о своей деятельности Казначейству *При Елизавете* Тюдор и *Стюартах номинальные функции* шерифа остаются теми же, но его роль в общественной жизни графства резко снижается под давлением обстоятельств, связанных с учреждением должностных привилегий наместников

[91] Гавелькайнд (gavelkind) — правовои обычай Кента, предписывавший раздел земельного владения между всеми детьми, английские юристы применяли этот термин к кельтскому праву в Уэльсе и в Ирландии, поскольку там также отсутствовало право первородства

[92] О'Догерти, сэр Кэир (C O'Dogerthy, 1587–1608) — представитель старейшего клана, вождь Инисхоуэна События, о которых пишет Юм, происходили в г Дери 19 04 –15 07 1608

[93] Речь идет о территории шести графств Ольстера (около 500 тыс акров пригодной для обработки земли), колонизированных короной в 1610–1611 гг

[94] Юм допускает неточность только 273 ирландца-колониста получили небольшие участки площадью 40 акров и менее, около 6 тыс ирландцев были насильственно отправлены в Швецию на военную службу

[95] Утверждение Юма достаточно спорно англичане связывали с Генри большие надежды на будущее страны

[96] Брак английской принцессы Елизаветы с лидером Евангелической (Протестантской) унии Фридрихом V Пфальцским, состоявшийся 14 февраля 1613 г , внес в отношения между Англией и германскими протестантами, имевшими политико-конфессиональный характер, четко выраженный династический аспект

[97] Карр, сэр Роберт (R Carr, ум 1645) — один из самых влиятельных яковитских фаворитов, совершивших стремительный взлет по лестнице социальной иерархии, правда, уступавший сменившему его Вильерсу в веренице должностей 25 03 1611 он стал бароном Карром из Уинвика и виконтом Рочестером, а 3 11 1613 бароном Карром из Бронсепета (Broncepeth) и графом Сомерсетом После своего падения был лишен всех титулов, но 7 10 1624 в них восстановлен

[98] Орден Подвязки (Order of Garter) учрежден Эдуардом III (1327–1377) в 1348 г Согласно широко распространенной легенде, Эдуард III однажды, присутствуя на одном из придворных балов, поднял оброненную знатной дамой подвязку, не желая привлекать внимания гостей к случившемуся, он надел ее под колено, произнеся знаменитую фразу, ставшую затем девизом Ордена *Honni soit qui mal y pense* (фр) — *Да будет стыдно тому, кто дурно об этом подумает*

[99] Овербери Томас (T Overbury, 1581–1615) — выходец из семьи потомственных юристов Глостершира В 1598 г получив степень бакалавра в Куинз-колледже (Оксфорд), поступает в Иннер-Темпл (лондонское судейское подворье или судейская корпорация, занятая подготовкой барристеров), но вопреки мнению отца принимает решение получить, как тогда называли, основное образование и более не задерживаться в Лондоне В 1601 г покидает судейское подворье и отправляется в Италию, но вскоре прерывает путешествие, вняв просьбе Уильяма Корнваллиса — его университетского патрона Там же в Оксфорде Овербери впервые встречается с Робертом Карром, после чего начинается его придворная карьера

[100] Говарды (The Howards) — многочисленное семейство с почтенной родословной Юм имеет в виду Томаса Говарда из Уолдена, 21 07 1603 возведенного в графское достоинство Суффолка (Suffolk), лорда Генри Говарда, получившего 13 03 1604 титул барона Говарда из Марнхилла и графа Нортгемгона, и Томаса Говарда, востановленного 18 04 1604 в правах на титул графа Эрандела (Arundel) и Сарри (Surrey) Роберт Девере (R Devereux, 1591–1646) 18 04 1604 был восстановлен во всех отцовских титулах как (последовательно) барон Борчир (Bourchier), барон Феррейз из Чартли (Ferraes of Chartley), виконт Герефорд (Hereford) и граф Эссекс (Essex)

[101] Норфолки (The Norfolks) — герцогское достоинство и один из старинных пэрских титулов Англии Девятый по счету герцог — Томас Говард — был казнен 2 июня 1572 г , после чего родовые земли и сам титул перешел в распоряжение короны Под Норфолками Юм понимает Говардов, о которых говорится в примечании 100

[102] Коллегия почтенных матрон — архаичный институт, в компетенцию которого входило освидетельствование целомудрия благородных девиц, давших согласие на вступление в брак с равным по статусу молодым человеком При Стюартах функции коллегии матрон были в основном чисто формальными

[103] В занимательной истории с ядом в ней слишком много несоответствий Более подробно *Somerset A* Unnatural Murder Poison at the Court of James I London, 1997

[104] Существует несколько вариантов диагноза, однако более доказанным все-таки считается тот, согласно которому принц Генри умер от инфлюэнции

[105] Баронет (от лат — baruncullus или baronetus) — почетное личное достоинство, учрежденное в 1611 г для англичан, в 1619 и в 1621 гг для шотландцев и ирландцев соответственно По порядку следования, принятому к концу правления Якова I, баронеты имели право сидеть сразу за младшими сыновьями баронов, но впереди рыцарей-знаменосцев

[106] Согласно существовавшим в начале XVII в представлениям, король был главою государственного патроната, действие которого распространялось и на провинцию, средства влиять на исход выборов на местах были значительнее, чем считал Юм Подробнее *Peck L L* Court Patronage & Corruption in Early Stuart England London, 1991

[107] Плантагенеты (The Plantagenets, 1154–1399) — королевская династия в Англии, ее представители Генрих II (1154–1189), Ричард I (1189–1199), Иоанн (1199–1216), Генрих III (1216–1272), Эдуард I (1272–1307), Эдуард II (1307–1327), Эдуард III (1327–1377), Ричард II (1377–1399) Название династии происходит от лат planta genista — дрок, отец Генриха II, граф Анжуйский, обыкновенно украшал свой шлем веткой дрока

[108] Сам термин «английская конституция» имел в первой половине XVII в весьма условное значение Англия эпохи первых Стюартов, как и современное Объединенное королевство, не имела конституции в ее формальном политико-правовом значении Вместе с тем елизаветинские и яковитские юристы очень часто использовали этот термин, имея в виду комплекс гарантий, определявших *формально-правовой аспект взаимоотношений монархии и ее подданных* В начале XVII в в понятии конституции обычно доминируют два основных значения Конституция отождествляется либо с Великой хартией Вольностей и последующими подтверждающими ее положения правовыми актами, либо с комплексом правовых норм и прецедентов, определявшихся как «право Англии» Э Кок, расшифровывая это понятие, указывал следующие его составляющие право короны, право и привилегии парламента, естественное право, общее право Англии, статутное право, разумные обычаи, военное и рыцарское право, церковное, или каноническое право, цивильное право, лесное право, каперское право, торговое право, законы и обычаи островов Джерси, Гернси и Мэн, законы и привилегии оловянных рудников, законы Восточной, Западной и Средней марок

[109] В начале XVII столетия общее право — это фундаментальная часть английского права содержащая главные нормы, регулирующие принципы государственного устройства и подданства Э Кок дает следующее определение «общее право является лучшим и наиболее общим, приобретаемым с рождения правом, которое подданный использует для охраны и защиты не только своего имущества, земель и доходов, но и своей жены, детей, самого себя, своей репутации, а также своей жизни» (*Coke E* Institutes Pt I 142a)

[110] В начале XVII в гражданское право — это совокупность формул, максим и отчасти норм, заимствованных из римского гражданского (цивильного) права, имевших применение и хождение в так называемых прерогативных судах Церковное, или каноническое, право также было основано на нормах римского права Юристы, отстаивавшие необходимость использования достижений гражданского права, обычно именовались цивилистами

[111] Эдмунд Уоллер (E Waller, 1608–1687) — английский поэт, автор сатирических поэм и панегириков, первое прижизненное издание его произведений вышло в 1677 г (Divine Poems London, 1677) История, о которой идет речь, приведена в его «A Discourse on Gondibert» (Рассуждение по поводу Гондиберта)

[112] Сэр Джордж Вильерс (G Villiers, 1592–1628) — выходец из обедневшего дворянского рода, будущий могущественный фаворит Якова I и Карла I Стюартов

[113] Эббот Джордж (G Abbot, 1558–1633) — архиепископ Кентерберийский (1610–1633), примас англиканской церкви

[114] Виночерпий (англ cupbearer) — королевский слуга, разливавший вино и разносивший кубки, имел право участвовать в застольных беседах

[115] Тауэр (Tower) — подразделение (в некотрых случаях department — буквально ответвление) в центральном судебно-административном аппарате Англии, исполнявшее соответствующие приговоры судов, верховный по отношению к другим 9 крупным тюремным сооружениям департамент Возглавлял службы Тауэра при Стюартах управляющий (lieutenant), должность которого в условиях вой-

ны приравнивалась к lieutenant of the Ordnance (начальник артиллерии) Традиционный пост главы подразделения — констебля Тауэра (constable of the Tower) в первой половине XVII в оставался вакантным, за исключением короткого периода с конца 1641 по середину 1642 гг Специальная служба Тауэра, возглавляемая хранителем архива (keeper of the records), хранила старинные свитки и деловые бумаги всех государственных ведомств, включая судебные Только бумаги Канцелярии (Chancery) хранились в специально отведенном месте на Чансери Лэйн (Chancery Lane) в том же здании, где в настоящее время располагается Государственный архив Великобритании (Public Record Office)

[116] Должности Бекингема (Buckingham, 1592–1628), перечисляемые Юмом, означают шталмейстер (master of the horse) — глава департамента королевских конюшен, третья по значению придворная должность, дававшая право на членство в Тайном совете, круг формальных обязанностей шталмейстера определяли заботы, связанные с содержанием королевских лошадей и гончих собак, организация работы каретного гаража и придворного конезавода, поставка соколиных клеток и собачьих домиков (две последние обязанности были условными на деле этими поставками занимался gentleman of the Horse), шталмейстер участвовал во всех придворных церемониях и сопровождал короля во время загородных прогулок, главный судья выездной сессии суда (Юм опускает полное название Chief justice in eyre south of Trent между тем был Chief justice in eyre north of Trent) — судейская должность, ставшая при Стюартах почетной, жалуемой за заслуги, как правило, исполнялась пэрами, получавшими от нее приличный доход (до 5 тыс фунтов), главный клерк суда Королевской скамьи (Chief Clerk of King's Bench, но Юм ошибочно называет ее как master of the King's Bench office) — должность, исполняемая при Стюартах, как правило, через доверенных лиц (by deputy), считалась одной из наиболее доходных в штате этого суда, поскольку главный клерк ведал делопроизводством и финансовой документацией Бекингем сменил на этом посту Сомерсета, лорд-инспектор Пяти портов (Lord Warden of the Cinque Ports) — почетная, неоплачиваемая должность, стюард Вестминстера — исключительно почетная должность, не приносившая дохода, в компетенцию констебля входили обязанности по организации правопорядка на территории дворца в тех случаях, когда на заседаниях парламента присутствовал король, констебль Виндзорского замка — должность, вызывавшая многочисленные споры среди стюартовских придворных, поскольку вверенные ему обязанности дублировали полномочия дворецкого, контролировавшего двенадцатимильную зону вокруг замка в тех случаях, когда там находилась королевская семья

[117] Среди родственников Бекингема, облагодетельствованных либо по ходатайству самого фаворита, либо благодаря протекциям его матери, по справедливому замечанию французского посла Тильеза «имевшей обыкновение вмешиваться во все дела, причем так, что всегда был виден ее дьявольский нрав и дурные манеры», были кроме младшего брата Джона, самый молодой из Вильерсов — Кристофер, получивший титул графа Оглези (Aunglesy), сестра Сьюзан, породнившаяся с Филдингами, два сводных брата Уильям, приобретший (бесплатно) баронетское достоинство, и Эдвард, занявший пост начальника Монетного двора (Mint) с годовым доходом в 2000 фунтов, три дочери шурина Мэри, вышедшая замуж за сына маркиза Гамильтона, Энн, ставшая женою внука и наследника виконта Кэндона, Элизабет, связавшая брачными узами виконта Кинналмери, и многие другие

[118] Генеральная ассамблея — наряду с провинциальным синодом и церковной сессией — церковный суд в Шотландии Пертские статьи (полное название «Пять

статей Перта» — Five Articles of Perth) — конфессионально-правовой манифест установивший единообразие английской и шотландской церквей по церемониальным вопросам, главные из которых касались необходимости преклонять колено во время причастия, празднования Рождества и Пасхи Статьи были подписаны в шотландском городе Перт в 1618 г почти сразу же после известной поездки Якова в Шотландию (1617)

[119] Визитации — практика, используемая для инспектирования церковных приходов с целью выявления профессиональной пригодности возглавлявших их священников (викариев) Епископские визитации предполагали выезд главы епархии (не реже одного раза в два года) для проверки наполняемости приходов, те из них, которые собирали недостаточное количество прихожан, подлежали закрытию, а священник переводу в другой приход

[120] Шотландский парламент отличался от английского тем, что он был однопалатным, еще в начале XV в в рамках этого сословно-представительного органа создается так называемый комитет «лордов статей» (Lords of the Articles), наделенный правом вносить предложения для рассмотрения в парламенте, при первых Стюартах комитет становится непосредственным проводником политики короны в Шотландии, тогда же изменяется и процедура его избрания если до начала XVII в «лорды статей» избирались посословно, то при Якове I, а затем при Карле II английская корона начинает использовать традиционные противоречия между родовой знатью и протестантски настроенным клиром уже в 1633 г назначенные королем епископы выбирают восемь членов комитета из числа баронов, эти восемь — следующих восемь человек из числа епископов, восемь баронов и восемь епископов вместе выбирают восемь лордов и горожан соответственно, при этом король в праве присоединять к ним дополнительно восемь государственных чиновников

[121] Сармиенто де Акуна (Sarmiento de Acuna, ум 1638) Диего, граф Гондомар — испанский посол в Лондоне

[122] Александр VI (в миру — Родриго Борджа, 1431–1503) — кардинал (с 1456 г), вице-канцлер папского двора (с 1457 г), глава римской католической церкви 26 08 1492 — 18 08 1503 гг , в нескольких буллах 1493–1494 гг разграничил испанские и португальские владения в Новом Свете

[123] Вервенский договор (1595) — соглашение, подписанное во французском городе Вервене, по которому Филипп II признавал Генриха IV королем Франции

[124] По договору, подписанному 2 ноября 1614 г маркграфом Бранденбургским, графом Пфальцским и герцогом Неибургским, наследственные владения делились следующим образом маркграф Бранденбургский получил Клеве, Равенсбург и Равенштейн, герцог Неибургскии — Юлих и Берг (у Юма, видимо, ошибка)

[125] Матвеи (Mattias, 1557–1619) — австрийский эрцгерцог, император (1612–1619), Фердинанд II Габсбург (Ferdinand II, р 1578) — германский император (1619–1637)

[126] Мориц Оранскии (1567–1625) — штатгальтер Соединенных провинций

[127] Максимилиан Баварский (M Bavaria, 1578–1651) — герцог (1599), глава Католической лиги Бюкуа Шарль (C Bucquoy или Bucquoi, 1561–1621), граф Бонавентюр Лонгюваль — государственный и военный деятель, генерал

[128] Спинола Амброзио (A Espinola, 1569–1630), маркиз де Бальбазес — испанский генерал

[129] Здесь речь идет о князьях Вюртенберга, Пфальца-Нойбурга, Бранденбурга-Ансбаха и ряда других имперских городов на юге Германии

[130] Вер Горас (H Vere, 1565–1635) — стюартовский пэр, получивший баронское достоинство Вера из Тилбури (Tilbury) 24 07 1625

[131] Юм воспроизводит остающуюся и по сей день популярной бинарную модель английского общества начала XVII в , согласно которой централизаторские устремления королевских чиновников (двора — в широком смысле этого слова) почти всегда встречали сопротивление со стороны местных властей (провинции или страны) Разделенная таким образом на два враждующих лагеря Англия оказывалась неспособной преодолеть аналогичные тенденции в принципах и организации внутрипарламентских группировок, значительной оказывалась не только политическая, но и в широком смысле — социокультурная конфронтация Об этом подробнее *Fletcher A* Reform in the Provinces The Government of Stuart England New Haven, 1986. *Holmes C* Seventeenth-Century Lincolshire Lincoln, 1988

[132] Милиция (militia) — ополчение, собиравшееся на местах в графствах с целью поддержания порядка

[133] Вильерс, сэр Эдуард (E Villiers, ум 1657) — начальник Монетного двора (1619), сводный брат Бекингема по материнской линии, в судьбе которого могущественный фаворит принимал активное участие Дочери и сыну сэра Эдуарда выпала счастливая судьба Элизабет была выдана фаворитом замуж и стала графиней Монтроз Уильям стал президентом Манстера и вице-президентом Канота, а с 1616 по 1622 гг — наместником Ирландии В 1621 году ему был пожалован титул виконта Грандиссона из Лимерика (Grandisson of Limerick)

[134] Лорд-хранитель Большой королевской печати (Lord Keeper of the Great Seal — равнозначно — Lord Chancellor) — глава королевской канцелярии (Chancery) и канцлеровского суда (Court of the Chancery) В ведении лорда-хранителя находились одновременно все государственное делопроизводство и основной прерогативный суд королевства Большой королевской печатью (great seal) скреплялись документы государственной важности, королевские письма, внутренние финансовые бумаги удостоверялись личной печатью (или буквально — печаткой) короля (privy seal)

[135] В тексте — *impeachment* — под этим следует понимать процедуру привлечения к ответственности (суду) высших должностных лиц, восстановленную при Якове I Стюарте Средневековый механизм импичмента предполагал известную последовательность в вынесении окончательного решения Первоначально вопрос о привлечении к ответственности высшего должностного лица выносился на обсуждение парламентской конференции, объединявшей представителей обеих палат парламента, с привлечением авторитетных юристов и правоведов После предварительного обсуждения слушание дела передавалось последовательно в нижнюю и верхнюю палаты, и только затем выносился окончательный вердикт В зависимости от социального положения обвиняемого использовалась формула «Мы, именем общин королевства подвергаем импичменту » или «Лорды королевства подвергают импичменту » Регламент предусматривал личное присутствие привлекаемого к ответственности лица на всех стадиях обсуждения дела Процедура импичмента, имевшая место в 1621 г , была осуществлена без учета формальных требований, последующие вердикты были вынесены при полном соблюдении регламента

[136] Постановления об ошибках — первоначально — один из способов разрешения судебных конфликтов, средневековая практика подразумевала издание так называемых приказов «Odio et Alia», применявшихся в тех случаях, когда обвиняемый хотел доказать, что он обвинен несправедливо или из-за коварства и

ненависти если, возбудив иск по этому приказу, он доказывал это, то обвинение снималось

[137] В данном случае — крылатое выражение *Ne sutor ultra crepidam* (лат) — Сапожник, (суди) не выше сапога (источник *Плиний Старший* Естественная история XXXV 10, 36)

[138] Филипс Роберт (R Phelips или Philips, 1586–1638) — видный парламентский деятель, участник парламентских сессий 1603–1604, 1610–1611 и 1621 гг участвовал вместе с сэром Джоном Дигби (буд графом Бристолом) в переговорах в Испании (1615), Селден Джон (J Selden, 1584–1654) — видный английский юрист и антикварий, член палаты общин, автор известных трактатов «The Titles of Honor» и «Mare Clausum», Пим Джон (J Pym, 1584–1643) — один из лидеров парламентской оппозиции, Диггс Дадли (D Digges, 1583–1639) — член палаты общин, участник Ост-Индской компании, Рич Натаниэль (N Rich, ум 1701) — полковник парламентской армии Перрот Джеймс (J Perrot, 1571–1637) — известный елизаветинскии (позднее яковитский) политический деятель один из клиентов графа Пемброка, вице-адмирал

[139] Сэвилл, сэр Джон (J Saville, 1556–1630) — будущий стюартовский пэр 22 07 1628 Карл I возведет его, и он станет бароном Сэвиллом из Помфрета (Seville of Pomfret)

[140] Придворный инспектор (comptroller) — гофмаршал в его обязанности входило общее управление и контроль за снабжением дворцового хозяйства всем необходимым для повседневной жизни королевскои семьи Он отвечал за исполнение всех поручений лорда-гофмаршала (Lord Stewart) На эту должность назначались только пэры Англии или их сыновья В качестве атрибутов вверенной ему власти он носил белый жезл

[141] Минос (Minos) — легендарный царь Кноса, по преданию, первый на Крите законодатель, создатель могущественной морской державы Нума Помпилии (N Pompilius, 715–673/672 до н э) — согласно традиции, второй царь Древнего Рима Ему приписывается учреждение различных культов, создание жреческих коллегий, а также коллегий ремесленников

[142] Христиан Брауншвейгский (Christian der Jungere, 1599–1626) — герцог Брауншвейг-Люнебург-Вольфенбютельский, в 1621–1622 гг воевал на стороне Фридриха V Пфальцского, Георг-Фредерик Баден-Дурлахский (G F Baden Durlach 1603–1622) — герцог, лидер протестантов (1622), Эрнест, граф Мансфельд (E Mansfeld, ок 1580–1626) — германский полководец и военный деятель

[143] Жоан, граф Тилли (Tilly Johan Tzerclaez, 1559–1632) — видный полководец, общественный деятель генерал

[144] Филипп IV (Philipp IV, 1605–1665) — испанский король (1621–1665)

[145] Речь идет о Джоне Дигби (J Digby, 1580–1653), бароне Дигби из Шербурна, ставшем 15 10 1622 графом Бристолом

[146] Оливарес, Гаспар де Гусман (Olivarez Gaspar de Gusman, 1599–1661) — первый министр (1621–1643) и фаворит Филиппа IV, инициатор реформ государственного управления, проводник католонизации

[147] Коттингтон сэр Френсис (F Cottington, 1578–1652) — секретарь принца позднее (10 07 1631) — барон Коттингтон из Хэмворта (Hamworth) Портер Эндимион (E Porter, ум 1639) — постельничий, позднее один из фаворитов Карла I Стюарта в 1630-х гг один из деятельных участников (наряду с лордом Стенхоупом) реформы почтового ведомства Постельничий (Groom of the Stole) — обер камергер, глава департамента Королевской спальни, следующая за вице-чембер

леном должность Королевской палаты, получил свое название от королевской мантии (stoler), которую монарх надевал в особо торжественных случаях и за которую обер-камергер нес личную ответственность, был ее хранителем, личный слуга короля и в этом смысле — старший камергер, руководивший камергерами двора представлял монарху тех, кто получал право на личную аудиенцию, готовил документы на личную подпись монарха, в его почетные обязанности входило право ездить с королем в его личной карете, спать на специальном тюфяке в ногах у королевской постели, он был ответственен за качество постельного белья и лично надевал на короля его нижнюю рубаху Эту должность следует отличать от должности камергера (Gentleman of the Bedchamber) — спальника, который помогал обер-камергеру и замещал его в случае болезни или временного отсутствия, в его обязанности входили дежурство в спальне государя, сопровождение во время поездок, участие в церемониальных облачениях короля, обычно на эту должность назначали выходцев из числа знатной молодежи

[148] Эдуард Гайд (E Hyde, 1609–1674), граф Кларендон — член палаты лордов, один из наиболее видных историографов «Великого мятежа», ближайший советник Карла I

[149] Григорий XV (в миру — Алессандро Людовизи) — глава католической церкви, понтификат которого длился с 14 02 1621 по 8 07 1623 Урбан VIII (в миру — Маффео Барберини) — преемник Григория XV, понтификат занял период с 29 09 1623 по 29 07 1644

[150] Речь идет о Лайонеле Кранфилде (L Cranfield, 1575–1645), бароне Кранфилде из Кранфилда, получившем 16 09 1622 титул графа Миддлсекса

[151] Франциск I (1515–1547) — французский король

[152] Четверо молодых аристократов, упоминаемых Юмом, — это Роберт Девере (R Devereux, 1591–1646), граф Эссекс, Генри де Вер (H de Vere, 1593–1625), граф Оксфорд, Генри Райозли (H Wriothesley,1573–1624), восстановленный 21 07 1603 в титулах барона Райозли из Титчфилда (Titchfield) и графа Саутгемптона (Southampton), Роберт Берти (R Bertie, 1582–1642), барон Уиллогби из Эрезби (Willoughby of Eresby) Юм неточен в выборе эпитета «молодые» для двух последних персонажей

[153] Ришелье, Арман-Жан дю Плесси (Richelieu A J du Plessis, 1585–1642) — кардинал, фаворит французского короля Людовика XIII (1610–1643)

[154] Речь идет об Уильяме Кавендише (W Cavendish, 1617–1684), графе Ньюкасле, ставшем позднее маркизом Ньюкаслом (27 10 1643), и Уильяме Сэймуре (W Seymour, 1588–1666), графе Гертфорде, получившем титул маркиза Гертфорда (3 06 1641)

[155] Анна Датская (A of Denmark, 1574–1619) — дочь датского короля Фредерика II Суждения Юма относительно весьма скромных интеллектуальных запросов королевы не совсем корректны двор Анны был прибежищем для многих английских интеллектуалов, которых она очень умело опекала в этом смысле соперничество с окружением принца Генри — известного филантропа, было вполне реальным, более того, участие королевы в политических событиях страны также оказывалось небезуспешным, придворный патронат Анны открыл перспективы для многих будущих стюартовских пэров

[156] Кроме упомянутых Юмом детей Якова I и Анны Датской (Елизавета, Генри, Карл) следует назвать принца Роберта (ум 1602), двух принцесс Марию (1605–1606) и Софию, прожившую лишь несколько часов после своего рождения (22 06 1606)

[157] Юм достаточно осторожно намекает на сексуальную ориентацию английского короля Его гомосексуальные наклонности в отношении ближайшего окружения теперь не вызывают никакого сомнения (Эсме Стюарт, Эрран и Хантли — до приезда в Англию, Монтгомери, Карр, Бекингем — уже после прибытия) Вместе с тем, обсуждая этот вопрос, необходимо учитывать культурно-исторический фон, на котором формировались соответствующие симпатии монарха Шотландцы-воины, а, следовательно, «идеальные мужи» практиковали гомосексуальные отношения подобно тому, как это делали в свое время римские легионеры, рассматривая сексуальную близость между собой как форму поддержания мужского братства Различные формы гомосексуальных инициаций были характерны и для системы воспитания мальчиков и юношей, практиковавшейся кельтскими племенами Распространившаяся на Британских островах гуманистическая культура не смогла вполне изжить представление о порочности женской природы мужское начало продолжало трактоваться как более совершенное Возрождение различных форм древних культов, в рамках которых гомосексуальные отношения занимали особое место, способствовало закреплению определенных настроений, превращавших такие отношения в форму особой солидарности В частности, следует назвать известные обряды, связанные с почитанием Андрогина, объединявшего одновременно женское и мужское начала В поисках возможных параллелей чрезвычайно полезной окажется книга *Элиаде М* Мефистофель и Андрогин СПб , 1998

[158] Пэрство (peerage) — в широком смысле — привилегия титулованного дворянства, распространявшаяся в указанный период главным образом на принцев королевской крови, герцогов, маркизов, графов, виконтов и баронов Современники (У Сегар, Дж Селден, Э Кок и др) рассматривали эту привилегию в понятиях реальной собственности, распределяемой английским королем («низвергающим живительную влагу источником-фонтаном») между своими подданными и трактовали пэрство как нерасторжимую корпорацию Пэры пользовались известным иммунитетом и имели исключительные правовые привилегии, содержание которых могло видоизменяться, однако принципиальные гарантии оставались неизменными суд равных, свобода от ареста, освобождение от налогов и ряд других Подробнее об этом *Palmer F* The Peerage Law in England London, 1976, *Федоров С Е* Пэрское право особенности нормативной практики в Англии раннего нового времени // Правоведение 1996 № 2

[159] Очерк Юма о гражданской администрации — весьма приблизительный, выбор самого термина «гражданская администрация» — принципиально неудачен Правильнее будет использовать понятие «административно-судебная система», поскольку оно полностью соответствует специфике публично-правовых институтов, действовавших как в раннестюартовской Англии, так и в предшествующий период Эта система представляла собой сложное сплетение центральных и местных органов власти, совмещавших, как правило, исполнительные и судебные функции В разряд центральных судебно-исполнительных учреждений для этого времени входили сам король (The King) и Тайный совет (Privy Council), далее — департаменты королевского двора (Royal Household), связанные с так называемыми «верхними ступенями» (above stairs), а именно Королевская палата (The Chamber), департамент шталмейстера (The Stables), дворы королевы (The Queen's household) и королевских детей (Households of the Royal Children), департамент Большой королевской гардеробной (The Great Wardrobe), затем в соответствии с иерархией полномочий — Казначейство (The Exchequer), Канцелярия (Chancery), Палата королевских прошений (Requests), Звездная палата (Star

Chamber), парламент (Parliament), далее — суд по делам Опеки и Ливрей (The Court of Wards & Liveries), суд герцогства Ланкастерского (The Duchy of Lancaster), рыцарский суд (The Court of Chivalry), Совет Севера (Council of the North), Совет Уэльса (Council in the Marches of Wales), Суд Адмиралтейства (Court of Admiralty), суд по делам пограничья (Court of the Verge), далее — основные функционально значимые судебные инстанции суд Королевской скамьи (King's Bench), суд Общих тяжб (Common Pleas), Высокая комиссия (The High Commission), церковные суды Суд по разбору церковных жалоб (Court of Delegates), Арчский суд (Court of the Arches), прерогативный суд церковной провинции Кентербери (Prerogative Court of Canterbury), суд Главного викария архиепископа (Court of the Archbishop's Vicar-General), затем по мере значимости департамент почтмейстера (The Posts), департамент таможен (The Customs), Монетный двор (The Mint), артиллерийско-техническая служба (The Ordnance Office), Арсенал (The Armoury), Адмиралтейство (The Navy), Лондонский Тауэр (The Tower of London), департамент оловянных рудников (The Stannaries), ряд других мелких подразделений Наиболее авторитетным трудом по истории административно-судебной системы средневековой Англии остается *Tout T F* Chapters in the Administrative History of Medieval England 5 vols Manchester, 1920–1933 Для первой половины XVII века *Aylmer G E* The King's Servants The Civil Service of Charles I London, 1974

[160] Примас (primate) — официальный титул главы англиканской церкви — архиепископа Кентерберийского, учрежден Генрихом VIII Бэнкрофт Ричард (R Bancroft, ум 1610) — архиепископ Кентерберийский (1604–1610), глава англиканской церкви

[161] Суд Королевской скамьи (King's Bench Court) — наряду с судом Общих Тяжб (Common Pleas) и Казначейством (Exchequer) один из судов общего права Юрисдикция этого суда определялась его непосредственной связью с интересами короны, исключительное право разбирать уголовные преступления превращало этот институт в доминирующий среди судов общего права На протяжении XV–XVI вв в результате преобразований административно-судебной системы Англии его судьям были переданы полномочия, ранее принадлежавшие суду Общих тяжб В первой половине XVII в суд Королевской скамьи занимался разбором вполне тривиальных дел, а его авторитет стал постепенно падать

[162] Речь идет о Джоне Холлзе (J Holles, 1564–1637), бароне Хаутоне (Haughton), получившем 1 11 1624 титул графа Клэра (Clare), его адресат — сэр Томас Уэнтворт (T Wentworth, 1593–1641), сделает при Карле I стремительную карьеру, но будет казнен, графский титул Страффорда будет дарован ему 12 01 1640 после того, как он был возведен в баронское достоинство Уэнтворта из Уэнтворта (22 07 1628) и стал виконтом Уэнтвортом (10 12 1628)

[163] *lex loquens* (лат) — говорящий закон

[164] Бентивольо Гвидо (G Bentivoglio, 1577–1644) — кардинал, видный церковный деятель и дипломат

[165] Филипп де Коммин (P de Commines, 1445–1509 или 1511) — один из наиболее ярких представителей бургундской исторической школы, автор «Мемуаров», рисующих неповторимый портрет эпохи Людовика XI Наиболее полное французское издание *Commynes Ph De* Memoires, publies par J Calmette et G Durville Vv 1–3 Paris, 1924–1925 (М , 1986 Пер , статьи и прим Ю П Малинина)

[166] *Средь королей, которым этот век*
обязан главным украшеньем —

те, кто по Темзе и Тажу
прославили свои правленья
Но в этих столь спокойных областях,
где все владыки обожаемы народом,
честь скипетра законного
превозносима высоко,
возможно ль там считать оправданным то преступленье,
что состоит лишь в том, что
правят те владыки надзаконно

Малерб Франсуа (F Malherbe, 1555–1628) — один из крупнейших поэтов раннего Нового времени, основатель французского классицизма, мастер торжественной оды

[167] Макиавелли Никколо (N Machiavelli, 1469–1527) — итальянский общественный деятель, политический мыслитель, историк и военный теоретик (на русском языке опубликованы сочинения О военном искусстве М , 1939, История Флоренции Л , 1973, Государь М , 1997), «Рассуждения по поводу первой декады Т Ливия» («Il principe e Discorsi sopra la prima deca di Tito Livio») написаны между 1513 и 1519 гг

[168] Филмер Роберт (R Filmer, ум 1653) — политический писатель роялистской ориентации, автор трактатов, посвященных критике политических взглядов Аристотеля, Гуго Гроция, Гоббса и Мильтона

[169] Судя по всему, Юм имеет в виду специфическую ситуацию, которая сложилась в Англии в начале 1570-х гг , когда в рамках одной церковной организации уживались три церковные деноминации (англикане, лояльные католики и пуритане)

[170] Юм употребляет понятие «прочие протестанты» как синоним к сектантским движениям в рамках протестантской реформации Для первой половины XVII в , кроме названных им индепендентов, до начала 40-х гг сохранявших неформальный статус, сюда следует отнести самую многочисленную непуританскую секту — баптистов и ряд других мелких сект, число которых к началу гражданской войны приблизится к 200 наименованиям

[171] Гугеноты — название, данное католиками французским протестантам

[172] Янсенисты — конфессионально-правовое направление в западном католицизме, получившее название по имени лувенского теолога Корнелия Янсения (1585–1638), который в противоположность молинистам (Луис Молина (1535–1600) — испанский теолог, иезуит) всемерно подчеркивал неодолимую силу божественного предопределения, возвращаясь тем самым к августиновскому пониманию этого принципа, Считается, что доктринально янсенисты, не порывая с католицизмом, приближались к протестантизму

[173] Магометанство — вышедшее из употребления название ислама (мусульманства)

[174] Доктрина предопределения (от лат provideo — предвижу, предусматриваю) — согласно протестантским учениям, предустановленное Богом поэтапное развитие мировой истории, судеб отдельных народов и индивидов Под влиянием исканий теологов и проповедников пуританской ориентации постепенно складывается представление о существовании так называемого абсолютного (двойного) предопределения, предполагавшего не только ход заранее установленных событий, но и обусловливавшего все связанные с их течением осложнения и отклонения

[175] См примеч. 86

[176] Речь идет о «39 статьях», составивших символ веры англиканской церкви.

[177] Джентри — термин, обозначающий различные категории мелкопоместного дворянства. Этимология этого термина связана с латинским понятие generosus, означавшим «благорожденный», «высокородный». Наиболее раннее сознательное употребление этого термина относятся к первой половине XVI в., хотя спорадическое использование встречается и в памятниках более раннего периода. Именно тогда в общественном сознании англичан формируется четкое разделение английского дворянства на две составляющие — титулованное (nobilitas major — nobilitas nominata) и нетитулованное (nobilitas minor — nobilitas denominata). На этом фоне термин «джентри» приобретает характерное значение, облегчающее разграничение иерархии дворянских достоинств и титулов. Тогда же формируются основные составляющие этого понятия. В состав джентри начинают включать рыцарей (известны две основные категории: рыцари-знаменосцы и рыцари-бакалавры) и эсквайров, формируется своеобразная поясняющая их социальный статус черта: обычно доходы мелкопоместного дворянства не превышали в совокупности 500–700 фунтов годовых. Во второй половине XVI в. в результате перераспределения земельной собственности, вызванного реформационными преобразованиями, представление о социальных границах джентри начинают видоизменяться. Современники начинают включать в состав этой категории преуспевающих предпринимателей, пополнивших свое богатство земельными приобретениями: нижняя граница джентри постепенно размывается. Существенный сдвиг в представлениях о джентри происходит в связи с учреждением достоинства баронета, которое, как явствует из регламентов, определявших порядок следования, атрибутируется как принадлежащее к этой категории.

[178] Коронными землями при первых Стюартах считались прилегающая к королевским резиденциям территория как в Англии, так и в Шотландии (обычно 12-мильная зона), формально — графство Честер (со второй половины XVII в. — графство Дарем) и герцогство Ланкастерское, а также отходящие при объявлении выморочными дворянские поместья.

[179] Добровольные или патриотические пожертвования (англ. benevolences) — одна из своеобразных форм нефиксированного косвенного налога; наиболее ранней версией такого пожертвования были так называемые murragium — пожертвования на строительство и ремонт городских стен и защитных сооружений (см. Вестминстерский статут. XXXI)

[180] Юм имеет в виду достаточно распространенную при первых Стюартах практику, когда определенная группа торговцев выкупала право на сбор пошлин в определенной местности.

[181] Банкетный дом (Banqueting House) — дом для приемов, построенный в классическом стиле по проекту Иниго Джонса (1573–1652); один из шедевров яковитской архитектуры.

[182] Эдуард III (Edward III, 1313–1377) — английский король (1327–1377).

[183] Фальстаф — герой шекспировского «Генриха IV». Как персонаж исторической драмы, Фальстаф восходит к исторически реальному сэру Джону Олдкаслу, руководителю секты лоллардов и мученику, от которого Генрих V, став королем, отрекся, покончив тем самым с юношескими кутежами, душой которых был сэр Джон. В 1599 г. была поставлена пьеса «Правдивая история жизни сэра Джона Олдкасла», которая, как считают специалисты, была своеобразным ответом на пользовавшиеся огромным успехом фальстафовские сцены «Генриха IV».

[184] Полк гвардии (King's Guard) — полк королевской охраны. Постоянная военизированная охрана короля, назначалась из особо приближенных к нему лю-

дей При ГенрихеVIII Тюдоре становится постоянной придворной службой, возглавляемой, как правило, капитаном, функции которого очень часто выполнял обер-камергер двора Охранники — yeomen of the Guard — назначались из числа нетитулованного дворянства В начале XVI в численность охраны не превышала 50 человек, при Елизавете Тюдор количество гвардейцев возросло до 200 Кроме офицеров и охранников в штат входили знаменосец и хранитель списка лиц, допущенных ко двору, — clerk of the cheque Первоначально охрана имела достаточно широкие полномочия Она постоянно сопровождала короля с целью обеспечения его безопасности При Тюдорах под ее наблюдением готовилась королевская постель, каждая деталь которой тщательно проверялась После Порохового заговора (1605) в обязанности охранников вошел осмотр парламентских подвалов перед прибытием короля на заседание Очень часто они проводили дегустацию блюд, предназначавшихся для королевского стола, во время путешествий монарха составляли его конный эскорт Охрана имела свою дежурную комнату во дворце и носила строго предписанную форму Одежда состояла из красного цвета с широкими рукавами и длинными полами туники с пурпурной окантовкой и золотой тесьмой Эмблемой охраны была тюдоровская корона с ланкастерской розой Охрана была вооружена пиками и арбалетами — позже огнестрельными аркебузами

[185] Речь идет о Томасе Говарде (T Howard, 1586–1646) — елизаветинском пэре, восстановленном в титуле графа Эрандела и Сарри (Arundel & Surry) 18 04 1604

[186] Сведения, приводимые Юмом, не согласуются как с современными данными, так и с тем, что оставили нам современники Так, Томас Вильсон, описывая английский флот конца XVI в , писал «только на одной Темзе находятся 2000 кораблей, даже худший из которых может служить как военное, так и торговое судно Когда в Испанию был послан флот из 240 кораблей и тогда на Темзе на расстоянии четырех английских миль можно было встретить от 2 до 300 кораблей» (*Wilson T* The State of England A D 1600 London, 1936 P 37)

[187] Стоу Джон (Stow J , 1525–1605) — английский хронист, автор «Конспекта английских хроник», а также обширной хроники «От Брута до настоящего 1580 года»

[188] Речь идет о прокламации (№ 229), которая была издана 28 07 1622 Полный текст опубликован Stuart Royal Proclamations V 1 (Royal Proclamations of King James I 1603–1625) / Ed by J Larkin & P Hughes Oxford, 1973 P 545–549

[189] Купцы-авантюристы (англ merchants-adventures) — первая в Англии торговая компания, функционировавшая по типу регулируемого объединения, имевшая в начале XVII в годовой доход около 1 млн фунтов, возникла в начале XV в

[190] Испанская компания учреждена одновременно с Португальской торговой компанией в 1577 г

[191] Первые три попытки отыскать Северо-Западный пролив были предприняты еще в 1576 г

[192] Этот путь контролировала Ост-Индская компания, учрежденная в 1600 г

[193] Пенни (англ penny) — английский денарий, впервые чеканенный королем Мерсии Оффой (756–796) по образцу каролингских денариев, упоминаемые Юмом *медные полпенни* стали чеканиться короной в XVII в при Елизавете Тюдор известны только отдельные случаи выпуска таких монет, в частности медного полпенни, совместно чеканенного короной и городом Бристолем в конце 1560-х гг фартинг (англ — farthing) — монета, равная 1/4 англ пенни, впервые чеканена

Эдуардом I (1272–1307), со времени Якова I и до 1956 г чеканилась в меди или бронзе Токен (англ — token) — жетон, как правило медный или латунный, имевший денежную стоимость, распространение вызвано нехваткой мелкой разменной монеты, несмотря на свое частное происхождение, не запрещался официальными властями (примечательно указание Юма на свинец как материал, из которого изготовлялись токены, поскольку уже в XVIII в свинцовые жетоны считались несохранившимися и о них судили только по воспоминаниям современников в частности, Эразм Роттердамский, в своем время путешествовавший по Англии, писал о plumbum pecunia — свинцовых деньгах как о местной достопримечательности) *Мелкие серебряные пенсы* — здесь, видимо, речь идет о пенни с розой (англ rosepenny, rosehaefpence) — серебряной монете очень низкой пробы, чеканенной при Эдуарде IV (1547–1553) и Марии Тюдор (1553–1558) для Ирландии и Англии считается, что в конце 50-х гг эта монета была изъята из обращения

[194] Наиболее красочное описание Виргинии оставил Джон Смит (J Smith, 1580–1631), его «Карта Виргинии» (1612) опубликована Travels & Works of Captain John Smith / Ed by E Arber & A Bradley Edinburgh, 1912 P 56–61 (в этом же издании опубликованы все упоминаемые далее сочинения Смита)

[195] Более подробно см *Smith J* Advertisements for the Unexperienced Planters (1631)

[196] *О нем пишет Джон Смит в «Основах для всех молодых мореходов»* (An Accidence for all Young Seamen, 1626, в 1627 г это руководство выходит уже под другим названием — «Морская грамматика» (Sea Grammar))

[197] Речь идет о Томасе, бароне Весте (T West, ум 1618), 12-ом лорде Делавэре (принятая в XVII в форма написания — de la Warre)

[198] Эсхил (525–456 гг до н э) — великий греческий драматург (доступный перевод основных произведение опубликован *Эсхил* Трагедии / Пер С Апта М , 1971), Софокл (ок 496–406 гг до н э) — второй крупнейший греческий трагический поэт (русский перевод произведений *Софокл* Драмы / Пер С В Шервинского М , 1958), Еврипид (480–406 гг до н э) — греческий драматург, современник Софокла (русский перевод произведений *Еврипид* Трагедии / Пер Инн Анненского и С Шервинского Т 1–2 М , 1969)

[199] Теренций Публий (P Terentius Afer, около 190–159 гг до н э) — римский комедиограф Из шести известных его комедий четыре («Девушка с Андроса», «Сам себя наказывающий», «Евнух» и «Братья») основаны на произведениях Менандра (около 342–292 гг до н э), а остальные две («Свекровь» и «Формион») представляют собой обработки пьес Аполлодора Каристского (доступное русское издание *Теренций* Комедии / Пер А В Артюшкова М , 1934) Приводимая фраза *inceptio est amentium non amantium — эта затея безумных, а не влюбленных* позаимствована из комедии «Девушка с Андроса» (218)

[200] Аристотель (384–322 г до н э) — древнегреческий философ и ученый-энциклопедист, основатель перипатетической школы (переводы основных сочинений по риторике и поэтике опубликованы *Аристотель* Поэтика / Пер М Л Гаспарова // Аристотель и античная литература М , 1978, Риторика / Пер Н Платоновой // Античные риторики М , 1978)

[201] Цицерон Марк Туллий (M Tullius Cicero, 106–43 гг до н э) — римский оратор и политический деятель (русские издания *Цицерон* Речи / Пер В О Горнштейна, Три трактата об ораторском искусстве М , 1972) Публий Овидий Назон (P Ovidius Naso, 43 г до н э –18 г н э) — представитель младшего поколения элегических поэтов Рима (основные публикации произведений *Овидий* Элегии и малые поэмы М , 1973, Метаморфозы / Пер С Шервинского М , 1977)

Луций Анней Сенека (L Annaeus Seneca Tragicus, ум 65 г н э) — непревзойденный мастер так называемого «нового» стиля (основные переводы *Сенека* Нравственные письма к Луцилию / Пер С А Ошерова М , 1977) Марк Анней Лукан (M Annaeus Lucanus, 35–69 гг) — римский эпический поэт До нас дошел его неоконченный исторический эпос «О гражданской войне», или «Фарсалия» (русский перевод *Лукан* Фарсалия М , 1997) Марк Валерий Марциал (M Valerius Martialis, ок 42–101/104 гг) — мастер римской эпиграммы (основное издание *Марциал* Эпиграммы / Пер Ф Петровского и М Л Гаспарова СПб , 1997) Плиний Младший (C Plinius Caecilius Secundus (Junior), 61/62–около 114 гг), известный как Гай Плиний Цецилий Секунд — племянник Плиния Старшего, автора «Естественной истории», погибшего во время извержения Везувия в 79 г , был усыновлен дядей по завещанию и носил с тех пор его имя, известен как судебный оратор (основные публикации *Плиний Младший* Письма/ Под ред М Е Сергеенко и А И Доватура М , 1982, *Плиний Старший* Естественная история Кн XVII–XVIII // Катон, Варрон, Колумелла, Плиний О сельском хозяйстве М , 1957)

[202] Петрарка Франческо (F Petrarca, 1304–1374) — итальянский писатель, глава старшего поколения гуманистов (основные публикации сочинений Автобиография Исповедь Сонеты / Пер М Гершезона и В Иванова М , 1972) *Тассо Торквато (T Tasso, 1544–1595) — наряду с Ариосто крупнейший эпический* поэт итальянского Ренессанса (публикация переводов Освобожденный Иерусалим / Пер Д Мина СПб , 1900) Гварини Джамбаттиста (G Guarini, 1538–1612) — итальянский лирик и драматург, профессор красноречия в феррарском Атенее

[203] Вуатюр Венсан (V Voiture, 1598–1648) — французский поэт и писатель, его письма считались образцом эпистолярного стиля и находили много подражателей как во Франции, так и в Англии (Подробнее о нем *Magne E* Voiture et l'Hotel de Rambouillet Paris, 1930) Бальзак Гезом де (G Balzac, 1597–1654) — один из теоретиков классицизма, последователь Малерба большой популярностью пользовались его «Письма», первый выпуск которых увидел свет в 1624 г (Подробнее о нем *Yuossef Z* Polemique et litterature chez Guez de Balzac Paris, 1972) Корнель Пьер (P Corneille, 1606–1684) — один из крупнейших французских драматургов (О нем *Балашов Н И* Пьер Корнель М , 1956)

[204] Автора данной фразы и возможный источник установить не удалось, ясным остается одно, что она принадлежит одному из Плиниев, судя по всему, Юм пытался использовать ее в качестве крылатого выражения *invenire etiam barbari solent, disponere et ornare non nisi eruditus* (лат) — *только неучи имеют обыкновение идти напролом, в то время как образованные склонны выжидать и готовить все необходимое*

[205] Джонсон Бен (B Johnson, 1573?–1637) — английский драматург, крупнейший современник Шекспира, со смертью которого связывают конец английского Ренессанса Один из его непосредственных учеников Роберт Геррик (1591–1674) писал С тех пор как блистательный поэт // Бен Джонсон бренный сей покинул свет, // Котурн и сокк валяются в пыли, // И плачут музы бедные вдали (перевод О Румера)

[206] Ферфакс Эдвард (E Fairfax, ум 1635) — поэт и переводчик, автор первого английского перевода Тассо (1600) «Godfrey of Bulogne, or the Recoverie of Jerusalem done into English Heroical Verse»

[207] Гаррингтон, сэр Джон (J Harrington, 1561–1612) — елизаветинский поэт, придворный, переведший с благословения Елизаветы Тюдор знаменитую поэму в

октавах Ариосто. Ариосто Лодовико (L. Ariosto, 1474–1533) — великий итальянский поэт, автор «Неистового Роланда» (на русском языке существует полный перевод поэмы. *Л. Ариосто.* Неистовый Роланд / Пер. М. Л. Гаспарова. М., 1992).

[208] Спенсер Эдмунд (E. Spencer, 1552–1599) — английский поэт, автор лирических гимнов и аллегорических поэм; обогатил английское стихосложение так называемой «спенсеровской строфой»; поэма «Королева фей» (Faerie Queene) принесла ему громкую прижизненную славу.

[209] Донн Джон (J. Donne, 1572–1631) — один из крупнейших английских поэтов яковитской эпохи. Образный строй его произведений оказал серьезное воздействие на развитие искусства английской поэзии; с его именем связывают становление так называемой школы остроумия (school of wit), известной также как школа поэтов-метафизиков (Дж. Герберт, Г. Воган, Р. Крешоу, Ф Квэрлз).

[210] Дэвис Джон (J. Davies, 1565?–1618) — поэт, признанный мастер изящной словесности. Юм имеет в виду его сочинение «The Discovery of the Little World, with the Government thereof» (1603, второе изд. 1605), опубликованное вместе с сонетами автора, посвященными королю и королеве. Достаточно сложно судить о том, кого из Трогмортонов имеет в виду Юм, поскольку многие представители этого рода были одаренными в литературном плане писателями и поэтами. Судя по всему, речь идет о сэре Николасе Трогмортоне (N Trockmorton, 1515–1571) — елизаветинском дипломате, оставившем после себя поэму «The Legend of sir Nicholas Trockmorton consisting 229 stanzas of six line each». Упоминаемые Юмом письма Эссекса опубликованы: *Devereux W.* Lives and Letters of the Devereux, Earls of Essex. 2 vols. London, 1853; Кавендиш Джордж (G. Cavendish, 1500–1561) — английский историк, представитель так называемой придворной историографии. Его произведение «Жизнеописание кардинала Вулси» («Life of Cardinal Wolsey») было впервые опубликовано в 1641 г.; Гардинер Стефан (S. Gardiner, 1483?–1555) — епископ Уинчестера, религиозный писатель и историк; автор «De vera Obedientia oratio» (1535, второе издание 1612). Анна Болейн (A. Boleyn, ок. 1507–1536) — вторая жена Генриха VIII Тюдора, до замужества была фрейлиной его первой жены Екатерины Арагонской. Анна Болейн не оправдала надежд короля, озабоченного проблемой мужского потомства. Спустя два года после того, как она родила ему дочь — будущую королеву Елизавету Тюдор (1558–1603), король обвинил Болейн в прелюбодеянии и послал на эшафот. Судя по всему, Юм имеет в виду предсмертное письмо королевы.

[211] Галилей (1564–1642) — итальянский физик, астроном, математик и мыслитель, один из основателей современного экспериментально-теоретического естествознания, заложивший основы классической механики.

[212] Кеплер Иоганн (1571–1630) — немецкий астроном, физик и математик, поклонник пифагорейской философии.

[213] Коперник Николай (1473–1543) — польский астроном и мыслитель, сторонник гелиоцентризма.

[214] Кэмден Уильям (W. Camden, 1551–1623) — один из виднейших английских историков конца XVI – начала XVII в., собиратель древностей и публикатор, основатель Лондонского Антикварного общества. Упоминаемая Юмом «История» была обещана Кэмденом своему покровителю лорду Бэрли. Ее полное название: «Летопись событий в Англии и Ирландии в царствование Елизаветы до 1589 г.» (Annales rerum Anglicarum et Hibernicarum regnante Elizabetha ad annum salutis MDLXXXIX); опубликована впервые в 1615 г.

[215] Цезарь Гай Юлий (C Julius Caesar, 100 г — 44 г до н э) — римский государственный и политический деятель, писатель, диктатор с 49 г , Луций Септимий Север (L Septimus Severus, р 146 г н э) — римский император (193–211 г н э), основатель династии Северов

[216] Германик (Germanicus, ок 16 г до н э — 19 г н э) — римский полководец, представитель рода Клавдиев, племянник императора Тиберия Агриппина Младшая (Agrippina, убита 59 г н э) — дочь Германика и Агриппины Старшей, мать императора Нерона (ум 68 г н э)

[217] Речь идет о Дюперроне, Жаке Дави (J D Duperron, 1566–1618) — французском кардинале, чьи религиозно-политические взгляды были предметом критики со стороны Якова I Стюарта

[218] Судя по всему, речь идет о Ричарде Напире (R Napier или Napper, ум 1652) — английском враче и астрологе, имевшем обширную медицинскую практику и составлявшем свои астрологические прогнозы для именитых английских вельмож Ньютон Исаак (I Newton, 1643–1727) — английский физик, астроном и математик, основоположник классической и небесной механики

[219] Казобон Исаак (I Casaubon, 1559–1614) — представитель так называемой эрудитской историографии, с 1572 г профессор греческого языка и истории в Женевской академии, с 1610 г жил и работал в Англии

[220] Доминис Марк Антонио ди (M A di Dominis, 1560–1624) — архиепископ Спалатро (ныне — Сплит), видный политический деятель, дипломат

[221] *«пуританская партия»* — термин с оттенком модернизации, используемый обычно как синоним парламентской оппозиции

[222] Сеймур Френсис (F Saymour, 1590 ?–1664) — видный политический деятель умеренно-консервативной ориентации, шериф Уилтшира (1625–1626)

[223] Уэнтворт, сэр Томас (T Wentworth, 1593–1641) — стюартовский пэр, занимавший последовательно должности лорда-президента Северного совета и лорда-наместника Ирландии, возведен в баронский титул Уэнтворта из Вудхауза (22 07 1628), виконтское достоинство Уэнтворта (10 12 1628) и графский титул Страффорда (12 01 1640)

[224] Чума относилась современниками к числу стихийных бедствий, являвшихся следствием кары Господней на протяжении первой четверти XVII в в Лондоне неоднократно фиксировались вспышки заболевания Наиболее раннее упоминание о чуме, относящееся к началу правления Якова I Стюарта, датируется маем 1603 г в королевской прокламации (№ 11), регулирующей присутствие народа на торжествах по случаю приезда нового монарха, говорится о мерах предосторожности в связи с эпидемией (только в период с 26 по 30 мая 1603 г в Лондоне было зафиксировано 112 смертельных исходов), в 1611 г эпидемия была зафиксирована в центральных и восточных графствах Англии, 1614–1617 гг были относительно благополучными, но уже в 1618 г отмечается вспышка чумы в самой столице, на начало 1620-х гг приходится очередной рост заболеваний к 1625 г эпидемия достигла своего пика

[225] Эдуард Сесил (E Cecil, 1572–1638), виконт Уимблдон — стюартовский пэр, морской и военный деятель, племянник Роберта Сесила

[226] Речь идет о Роберте Дадли (R Dudley, 1532–1588), графе Лейстере — могущественном елизаветинском фаворите, представителе старинного рода Норфолков, лидере протестантской придворной фракции

[227] Томас Ковентри, барон Ковентри (T Coventry, 1578–1640) — стюартовский пэр, последовательно занимавший должности генерального солиситора, генерального атторнея и лорда-хранителя

[228] Канцлер Кембриджского университета — номинальный глава университетской конгрегации, руководящий в том числе и Большим попечительским советом, назначается пожизненно, присутствие в университете обязательно только в торжественных случаях

[229] Карлтон, сэр Дадли (D Carleton, 1573–1632) — стюартовский пэр, видный дипломат и общественный деятель, занимавший кроме указанной Юмом должности пост вице-чемберлена, а затем государственного секретаря (1628) Карла I, возведен последовательно в баронский титул Карлтона из Имберкорта (22 05 1626) и виконтское достоинство Дорчестера (25 07 1628)

[230] Речь идет о Мэри, леди Бомонт (M Beaumont, 1569–1632), получившей пожизненный титул графини Бекингем (1 07 1618)

[231] Судя по всему, Юм пишет о Ричарде Монтегю (R Montagu, 1577–1641) — известном богослове, занимавшем при Карле I сначала епископскую кафедру Чичестера (1628), а затем Нориджа (1638), его карьера началась при Якове I с должности настоятеля кафедрального собора в Герефорде (1616 г), некоторое время он был личным капелланом короля Р Монтегю был выходцем из клана Монтегю (Montagu) — одного из самых могущественных в ряду облагодетельствованных Стюартами, известны еще шестеро представителей этой фамилии, отличавшихся активностью в годы правления Карла I Речь идет о сэре Эдварде Монтегю, первом бароне Монтегю (E Montagu, 1562–1644), Генри Монтегю, первом графе Манчестере (H Montagu, 1563?–1642), Эдварде Монтегю, втором графе Манчестере (E Montagu, 1602–1671), Уолтере Монтегю (W Montagu, 1603?–1677), Эдварде Монтегю, втором бароне Монтегю (E Montagu, 1616–1684) и Роберте Монтегю, третьем графе Манчестере (R Montagu, 1634–1687)

[232] Сити (англ the City) — самоуправляющийся административный округ Лондона, его историческая часть

[233] Сибторп Роберт (R Sybthorpe, ум 1662) — роялистский духовный деятель, член конвокации (1625), получивший известность после прочитанной проповеди на сюжет Послания к Римлянам (13 5) *«И потому надобно повиноваться не только из страха наказания, но и по совести»* (его не следует путать с Робертом Сибторпом (ум 1649) — епископом Килфеноры и Лимерика) Манверинг Роджер (R Manwaring, 1590–1563) — епископ Сент-Дэвидза, ректор Сент-Джайлза, позднее — капеллан Карла I Стюарта (1626) Упоминаемая Юмом проповедь «*Of Apostolique Obedience*» (Об апостольском послушании) была произнесена Сибторпом 22 02 1626 Проповеди «Religion and Allegiance» (Религия и послушание) не существовало скорее всего речь идет о двух, читанных раздельно перед королем проповедях Манверинга «*On Religion*» (Офландс, 4 07 1627) и «On Allegiance» (Алдертон, 27 07 1627)

[234] В первой половине XVII в *Великая хартия Вольностей воспринималась* как начало английской конституции, борьба за восстановление утраченных свобод, восходящих к Хартии, была основным предметом политических и правовых спекуляций парламентской оппозиции

[235] Кру, сэр Рэндольф (R Crew, 1558–1646) — лорд главный судья суда Королевской скамьи (1624–1625), юрист общего права, выступал обвинителем по делу Иелвертона (1621) и Кранфилда (1624) Гайд, сэр Николас (N Hyde, ум 1631) — лорд главный судья суда Общих тяжб

[236] Хит, сэр Роберт (R Heath, 1575–1649) — видный юрист, занимавший последовательно должности генерального солиситора (1620), генерального атторнея, главного судьи суда Королевской скамьи, был участником процесса против Бристола

[237] Гленвилл Джон (J Glanville, ум 1643) — английский юрист, парламентский пристав, спикер палаты общин

[238] Имеются в виду Роган Анри, герцог де Роган (H Rohan, comte de, 1579–1638) — военный деятель, один из лидеров французских кальвинистов Мишель Роган (M Rohan, ум 1643), граф Субиз — брат герцога Рогана, титул которого современники относили к так называемым «псевдодостоинствам» и официально не признавали

[239] «высокий суд королевства» — достаточно распространенная в первой половине XVII в формула, обозначавшая главную функцию английского парламента, эта формула берет свое начало еще в XIII в ее возрождение накануне гражданских войн 1640-х гг было связано с деятельностью юристов общего права, считавших парламент, и в особенности его нижнюю палату, высшим судебным органом королевства

[240] Камбиз — второй из царей Персии (Cambys, 529–522 гг до н э), завоеватель Египта (525 г до н э), основатель 27-й династии фараонов Сюжет о «*камбизовых судьях*» использован, судя по всему, в переносном значении (см *Геродот* История, III, 80) и истолкован достаточно вольно судей как таковых не существовало, приводимые Геродотом высказывания Опаны о произволе, чинимом Камбизом над персидской знатью, свидетельствовали об известном недовольстве и осуждении со стороны его современников (Подробнее об этом см *Дандамаев М А* Политическая история Ахеменидской державы М , 1985 С 75 сл)

[241] Речь идет о сатурналиях (лат saturnalia) — празднествах в Древнем Риме, посвященных Сатурну Обыгрывая знаменитую идею о «золотом веке» Сатурна, римляне прекращали работу, знать прислуживала своим рабам, повсеместно устраивались пиры, игры, совершались карнавальные шествия с песнями, сложенными древним, так называемым сатурническим размером

[242] Кок, сэр Джон (J Coke, 1563–1644) — правовед, государственный секретарь Карла I

[243] *Statutum de tallagio non concedendo* (лат) — официальное название статута I Rich (1484) о недопущении требования от населения «добровольных приношений»

[244] Еще со времен классического средневековья английские короли стали усваивать себе право контроля над осуществлением всякого рода правосудия в стране В случае если кто-либо был подвергнут задержанию, в полномочия короля входила проверка основательности этого задержания При осуществлении юрисдикции лордов в Англии имелось много частных мест для заключения По просьбе арестованного король мог послать свой указ (writ) начальнику тюрьмы с требованием представить личность (corpus — тело, откуда указ и получил свое название) задержанного в королевский суд для рассмотрения правильности его задержания Постепенно описанная прерогатива короны стала рассматриваться как право, принадлежавшее самому подданному В позднее средневековье указ «Habeas corpus» стал выдаваться канцлером В дальнейшем выдача этого указа перешла к суду Королевской скамьи, и указ стал выдаваться в тех случаях, когда лицо было задержано по распоряжению государственных органов власти, включая самого короля или его совет В конце XVI в вопрос о возможности применения указа «Habeas corpus» к лицам, задержанным по распоряжению короля или его совета, был подвергнут широкому обсуждению, но окончательного решения так и не было достигнуто

[245] Ковентри, сэр Томас (T Coventry, 1578–1640) — видный государственный деятель, стюартовский пэр, занимавший должности генерального солиси-

тора (1616–1617), генерального атторнея (1620) и лорда-хранителя (1625), 10 04 1628 *был возведен в баронское достоинство Ковентри из Эйлесборо*

[246] Речь идет о сэре Джеймсе Лэе (J Lay, 1550–1629) — стюартовском пэре, возведенном в баронское достоинство Лэя из Лэя (31 12 1624), а затем ставшем графом Мальборо (5 02 1626), с 1621 г он занимает должность лорда главного судьи суда Королевской скамьи, в 1624 г становится лордом-казначеем и членом Тайного совета, в 1628 г он передает свой пост Ричарду Уэстону (его не следует путать с Джеймсом Лэем (1618–1665) — третьим графом Мальборо, приходившимся ему внуком)

[247] Речь идет о Генри Монтегю (H Montagu, 1563?–1642), виконте Мандевилле, возведенном в графский титул Манчестера 5 02 1626

[248] Юм имеет в виду Генри Сомерсета (H Somerset, 1577–1646), графа Вустера, уже 2 03 1643 он станет маркизом Вустером

[249] Речь идет о Генри Данверзе (H Danvers, 1573–1644), бароне Данверзе из Дантси, возведенном в графское достоинство Денби (Danby) 5 02 1626

[250] Речь идет о Роберте Берти (R Bertie, 1582–1642), бароне Уиллогби из Ресби, возведенном в графское достоинство Линдси 22 11 1616

[251] *Характеризуя английских пуритан, Юм следует принятой до начала нашего столетия схеме и не выделяет внутри самого движения индепендентов (конгрегационалистов), представлявших тогда небольшую секту, выступавшую за отмену церковной организации и отстаивавшую идею непосредственного общения со Всевышним Вместе с тем предпринятая им классификация, согласно которой* пуританское движение было представлено политическим и религиозным (доктринальным в определении Юма) аспектами, во многом предвосхитила более поздние построения

[252] Лод Уильям (W Laud, 1573–1645) — церковный реформатор, архиепископ Кентерберийский Нейл Ричард (R Naile, 1562–1640) — видный англиканский церковный деятель, архиепископ Йоркский (1631–1640)

[253] Кромвель Оливер (O Cromwell, 1599–1658) — будущий лорд-протектор (1653–1658), *один из главных вдохновителей «Великого мятежа»*

[254] Бароны Казначейства (Barons of Exchequer) — первоначально специально назначаемые чиновники (7–12 человек), выполнявшие фискально-надзирательные функции, заседавшие, как правило, в специально отведенной для них палате (Chamber of the Exchequer), позднее — почетный титул судей, образующих вместе с лордом-казначеем так называемый суд Казначейства (Court of the Exchequer)

[255] Уэстон Ричард (R Waston, 1577–1635) — стюартовский пэр, первый граф Портланд, занимавший с 25 04 1625 по 11 12 1625 пост казначея (не следует путать с сэром Ричардом Уэстоном (1572–1652) — бароном Казначейства)

[256] Элиот, сэр Джон (J Eliot, 1592–1632) — военный и государственный деятель

[257] Голлиз Дензил (D Holles, 1599–1680) — лидер пресвитериан в Долгом парламенте Валлентайн Бенджамин (B Valentine, ум 1653) — один из ближайших соратников Голлиза (1629), поддерживал продвижение Финча на пост спикера

[258] Густав II Адольф (Gustavus Adolphus, р 1594) — шведский король (1611–1632), известный своими военными реформами и преобразованиями

[259] Джеймс Гамильтон, граф Эрран, маркиз Гамильтон (J Hamilton, 1606–1649) — сын елизаветинского пэра, один из фаворитов Якова I и Карла I, позднее (12 04 1643) возведен в герцогское достоинство Гамильтона

[260] Северный совет (Council of the North) — региональный совет, возникший как одно из ответвлений Королевского совета, осуществлял верховную юрисдикцию по уголовным и гражданским вопросам на территории северных графств, становлению функций этого совета способствовали особенности судебно-административной системы Англии как в средние века, так и в раннее Новое время в частности, речь идет об отсутствии на северных территориях промежуточного звена между сферой деятельности Тайного совета и местным самоуправлением В тексте Юм использует термин «Council of York» — «Йоркский совет», употреблявшийся в первой половине XVII в как неофициальный аналог термина «Северный совет» (г Йорк был местом заседаний совета и основной резиденцией ее председателя)

[261] Хранитель судебного архива (master of the rolls) — вторая после лорда главного судьи (Lord Chief Justice) должность в суде справедливости, глава одного из подразделений Канцелярии, формально считался хранителем всех судебных свитков, однако на практике его полномочия ограничивались надзором за архивом Канцелярии, до 1636 г все хранители (Сизар, Диггс, Гримстон) были членами Тайного совета

[262] Генеральный солиситор (Solicitor General) — член Тайного совета, второй (после генерального атторнея) советник короны по правовым вопросам, фактически заместитель последнего, на протяжении XVI–XVII вв функции солиситора оказывались сходными с теми, что выполнялись атторнеем современники иногда отождествляли две должности, объединяя их общим понятием «Generalship» (при Якове I и Карле I этот пост занимали Бэкон, Ковентри, Литтлтон, Хит, Херберт, Сент-Джон и Шелдон)

[263] Принн Уильям (W Prynne, 1600–1669) — пуританский памфлетист и общественный деятель

[264] Линкольнз-инн (Lincoln's Inn) — корпорация барристеров, один из четырех лондонских иннов (Inner Temple, Middle Temple, Grey's Inn), осуществляющих подготовку барристеров и защищающих их интересы, в XVII в выпускники этого инна направлялись преимущественно на работу в Канцлерский суд Не следует путать с так называемыми канцлерскими иннами (Chancery Inns) — корпорациями солиситоров

[265] Майские деревья — атрибут, сопутствующий так называемым майским играм (May ales или May games), символизирующим приход лета, обычно майское дерево, украшенное цветами и лентами, водружалось в центре поместья на самом людном месте и вокруг него начинались танцы и веселье, в конце XVI — начале XVII в подобные игры были формой коллективного общения в рамках одного или нескольких приходов, сопровождавшегося выступлением викария и денежными пожертвованиями

[266] Нерон — римский император (54–68 гг н э), известный своей жестокостью и гонениями на христиан Протестантская традиция активно использовала греко-римские примеры с тем, чтобы проводить прямые параллели с современностью в данном случае Нерон, любивший театрализованные зрелища, не мог быть благочестивым императором, а следовательно, его отстранение было закономерным и неизбежным

[267] Самсон (Samson) — легендарный герой, представитель рода Дана, согласно легенде, его дом располагался рядом с г Бет-Шемеш (Beth-shemesh), название которого в буквальном переводе означает «дом, полный солнца», на этом основании имя Самсон ошибочно переводят как «солнце» или «солнечный», проводя прямую аналогию с др -евр shimshon — солнце действительная этимология это-

го имени не идентифицирована История Самсона, о которой идет речь в приводимой цитате, изложена в Кн Судей 13–16 Филистимляне — один из народов, населявших Палестину, происходит от Каслухима и Кафторима, сынов Мицраима, сына Хамова, родоначальника египтян (см Быт 10 14, Вт 2 23, I Пар 1 12, Иер 47 4, Амос 9 7)

[268] Маршальский суд (Marshal's Court) — один из прерогативных судов, формально входивших в Коллегию герольдов (College of Arms), основанный в 1483 г, он вплоть до 1672 г находился под опекой герцогов Норфолков (в XVII в — Говардов), которые рассматривали должность графа-маршала (главного церемониймейстера) — председателя суда как наследственную, суд вел разбирательство по геральдическим казусам и рассматривал дела о наследовании пэрских титулов

[269] Бартон Томас (T Burton, ум 1681–1682) — духовный деятель, капеллан принца Руперта Баствик Джон (J Bastwick, 1593–1654) — врач и богослов пресвитерианского толка, автор «Elencus Religionis Papisticae», «Flagellum Pontificis» (1633–1634), «Apologeticus ad Psasules Anglicanos»(1636)

[270] Суд Казначейства (Court of Exchequer) — один из наиболее ранних судов общего права, представленный двумя входившими в него подразделениями верхняя (Upper), или аудиторская (Audit), палата ведала государственной казной и денежными поступлениями, за исключением тех, что проходили по ведомству Суда по опеке и герцогства Ланкастерского, т е примерно 98,5% всех поступлений, нижняя (Lower), или платежная (Receipt), палата занималась платежными поручениями и государственным кредитом

[271] Гезельриг, сэр Артур (A Heselrig, ум 1661) — один из лидеров индепендентского движения

[272] Лильберн Джон (J Lilburne, 1618–1657) — будущий лидер левеллерского движения

[273] По всей видимости, речь идет об Эдварде Саквилле (E Sackville, 1591–1652), четвертом графе Дорсете (первый граф Дорсет скончался в 1608 г)

[274] Валаамова ослица — библейская аллегория справедливости (Чис 22 21–30) — говорящая ослица, первой увидевшая ангела, посланного воспрепятствовать Валааму, направлявшемуся с проклятием к сынам Израилевым

[275] Стюарт, сэр Джон (J Stewart, ум 1652), лорд Стюарт из Траквера был возведен в графское достоинство Траквера (Traquair) 23 06 1633

[276] Речь идет о Джеймсе, лорде Юме, втором графе Юме (равнозначное употребление — J Hume или Home, ум 1652) — сыне известного яковитского фаворита Александра Юма (ум 1619)

[277] Достаточно сложно судить о том, кого из рода Аргайлов (Argyll) Юм имеет в виду, из трех, известных к тому времени отпрысков этого дома (кстати, все трое носили имя Арчибальда), один был маркизом Аргайлом, а двое — только графами, судя по всему, речь идет об Арчибальде Кембелле, маркизе Аргайле и восьмом графе Аргайле (A Campbell, 1598–1661) Юм недостаточно корректен в передаче полного титула, поскольку по существовавшей практике более высокое достоинство поглощало нижестоящий титул

[278] Под носителями графских достоинств подразумеваются Лотиана (Lothian) — Уильям Керр (W Cerr, 1605–1675), Роутса (Rothes) — Джон Лесли (J Leslie, 1600–1641), Монтроза (Montrose) — Джеймс Грехам (J Graham, 1612 — 1650), лордами (кроме упоминавшегося Линдси) следует считать Лаудоном (Loudon) — Джона Кембелла (J Campbell, 1598–1663), Балмерино (Balmerino) — Джона Элфистоуна (J Elphistone, ум 1649), лорда Йестера (Yester)

не существовало Юм скорее всего имеет в виду Джона, лорда Хэя из Иестера (J Hay, ум 1652), будущего графа Твиддэйла (Tweeddale)

[279] Речь идет о Джордже Гордоне, маркизе Хантли (J Gordon, 1562–1639), виконте Эбоине (Aboyne)

[280] Речь идет о Генри Риче (H Rich, 1590–1649), бароне Кенсингтоне, ставшем графом Голландом (Holland) 24 09 1624

[281] Известны два одноименных персонажа Генри Вэн-старший (H Vane-senior, 1589–1655) и Генри Вэн-младший (H Vane-junior, 1613–1662) Здесь речь идет о первом, занимавшем пост государственного секретаря

[282] Ламбетский дворец (Lambeth Palace) — лондонская резиденция архиепископа Кентерберийского

[283] Кроме упоминавшихся ранее Эссекса, Голланда и Бристола, носителями графских достоинств в данном случае являются Гертфорд (Hertford) — Уильям Сеймур (W Seymour, 1588–1666), Бедфорд (Bedford) — Френсис Рассел (F Russell, ум 1652), Беркшир (Berkshire) — Томас Говард (T Howard, ум 1649), Солсбери (Salisbury) — Уильям Сесил (W Cecil, 1589–1645) Среди перечисленных лордов — бароны Кимболтон (Kimbolton) — сэр Генри Монтегю (H Montagu, 1563–1642), Уортон (Wharton) — Филипп Уортон (P Wharton, 1593–1644), Дансмор (Dunsmore) — Френсис Лей (F Leigh, ум 1653), Полет (Poulett) — Джон Полет (J Poulett, 1586–1649), Сэвил (Savile) — Томас Сэвил (T Savile, ум 1652), Пэджет (Paget) — Уильям Пэджет (W Paget, 1609–1678), с баронским титулом Брука (Brook), по-видимому, допущена ошибка сэр Джон Брук (J Brook, ум 1672) — внук опального лорда Кобема, никогда не настаивал на использовании указанного Юмом титула, поскольку во всех официальных бумагах писал о себе как о de facto бароне Кобеме, он добился формального (de jure) восстановления в наследственных правах только 3 01 1645

[284] Первые пять упоминаний об епископате в Новом Завете относятся к 1 Тим 3 1–7 и Тит 1 7–9, в настоящее время известно, что в качестве самостоятельного института епископы выделились раньше всего в Малой Азии и Сирии, новозаветный текст достаточно противоречив в определении статуса раннего епископата (Деян 20 28), несмотря на это, святоотеческая традиция, защищавшая его властные полномочия, была очень обширной, среди наиболее ранних поднимавших эту тему сочинений — восемь писем Игнатия — епископа Антиохии (II в)

[285] Речь идет о Луциусе Кери (L Carey, ум 1643), втором виконте Фолкленде, брате покойного Генри Кери, первого виконта Фолкленда (ум 1633)

[286] Джон Финч (J Finch, 1584–1660), барон Финч из Фордуика — стюартовский пэр, начавший свою карьеру атторнеем королевы, а затем ставший лордом-хранителем Большой королевской печати

[287] Уайндбэнк, сэр Френсис (F Windebank, ум 1645) — секретарь Карла I

[288] Гримстон, сэр Харботтл (H Grimston, 1603–1685) — судья общего права, спикер палаты общин

[289] Делинквенты (англ delinquent — правонарушитель) — в данном случае — сторонники Карла I

[290] Речь идет о сэре Оливере Сент-Джоне (O St John, 1598–1673) — юристе общего права, главном судье суда Общих тяжб, его не следует путать с представителем основной линии йоркширского рода баронов Сент-Джонов — Оливером, бароном Сент-Джоном из Блесто (O St John of Blesto, 1596–1673), ставшем графом Болинброком 28 12 1624

[291] Видимо, речь идет о сэре Артуре Кейпеле (A Capell, ум 1649), ставшем 8 08 1641 бароном Кейпелом из Хедема

[292] По всей видимости, здесь — Гайд, сэр Роберт (R Hyde, 1595–1665) — судья, *юрист общего права, генеральный атторней*

[293] Силли Джерси Гернси — в административно-судебном отношении субдепартаменты Тауэра, тюрьмы, располагавшиеся на островах, управлялись специально назначаемыми бэйлифами

[294] Лейтон Александр (A Leighton, 1568–1649) — радикальный богослов и полемист

[295] Саруйя — по одним сведениям сводная, по другим — родная сестра Давида, мать его военачальника Иоава (II Цар 2 18, I Пар 2 16), а также Авессы и Азаила (I Пар 2 16) За вспыльчивость и дерзость Давид называл всех братьев *«сыновьями Саруйи»* (II Цар 3 39, 16 10, 10 22)

[296] Церковь Св Маргариты (St Margaret's Church) — с 1614 г приходская церковь палаты общин, построена в 1514–1523 гг

[297] Клерк верхней палаты — должность, обычно занимаемая клерком не ниже протонатария, на нем сосредоточена вся рутинная работа

[298] «Искусство любви» (Ars amatoria) Овидия — пародийно-дидактическая поэма в стихотворной форме элегии (подлинные дидактические поэмы составлялись в гексаметрах), произведение состоит из трех частей первая определяет предмет любви, вторая наставляет, как добиться любви, третья учит как эту любовь удержать, *наставления даются сначала для мужчин* (кн I–II), *затем для женщин* (кн III)

[299] В данном случае — намек на заговор против Цезаря изложение событий можно найти у Светония (Божественный Юлий 80–82)

[300] Мировой судья (Justice of the Peace) — судья, обычно рассматривающий *мелкие гражданские и уголовные дела, обыкновенно не имеет специального юридического образования*, наряду с шерифами, констеблями, церковными старостами (churchwardens) — неоплачиваемая должность

[301] Бейлиф (bailiff) — управляющий именнем, в некоторых случаях бэйлифами называли судебных приставов трех английских тюрем, расположенных на островах Силли, Джерси и Гернси

[302] Речь идет об Уильяме Финнзе (W Fiennes, 1582–1662), бароне Сэе и Силе, возведенном 7 07 1624 в виконтское достоинство Сэе и Сила

[303] Кимболтон (Kimbolton) — один из титулов сэра Генри Монтегю, дарованный ему Яковом I 19 12 1620

[304] Председатель суда по Королевской опеке и ливреям (Master of Wards & Liveries) — официальный глава одноименного суда и финансового департамента (наряду с Казначейством и герцогством Ланкастерским) При Тюдорах и ранних Стюартах процедурный регламент допускал совмещение этой должности с функциями лорда-казначея — главы департамента Казначейства (так было в 1550–1554, 1572–1598, 1608–1612 и 1621–1623 гг , в период с 1635 по 1641 гг лорд Коттингтон совмещал этот пост с должностью канцлера Казначейства)

[305] Рэдклифф, сэр Джон (J Radcliffe или Ratcliffe, 1593–1657) — юрист, олдермен и рекордер Честера (см сн 391)

[306] Лофтус, сэр Эдам (A Loftus, 1568–1643), первый виконт Лофтус из Элая — канцлер Ирландии

[307] Аннесли, сэр Френсис (F Annesly, 1585–1660), был возведен в баронское достоинство Маунтнорриса из Маунтнорриса 8 02 1629

[308] Речь идет о Хью Перси, графе Нортумберленде, Джордже Горинге, графе Нориче, сэре Уильяме Джермине, сэре Дэниэле О'Ниле, сэре Питере Уилмоте, сэре Уильяме Полларде и сэре Джоне Эшбернеме

[309] Балфур, сэр Уильям (W Balfour, ум 1660) — комендант Тауэра (1628), генерал парламентской армии (1643)

[310] Первый парламент реставрации заседал с 25 04 1660 по 24 12 1660

[311] Совет Уэльса (Council in the Marches of Wales) — региональный совет, исполнительный и судебный орган, осуществлявший и контролировавший выполнение королевской воли на территории уэльских графств Объем судебной юрисдикции этого совета во многом был схож с теми функциями, которые были характерны для центральных судов общего права, но в процедурном отношении рассмотрение уголовных и гражданских дел осуществлялось в соответствии с регламентами Звездной палаты Служебная иерархия совета была достаточно проста его возглавлял президент, в отсутствии которого выполнение основных функций переходило к его заместителю — вице-президенту, вся рутинная работа исполнялась четырьмя оплачиваемыми клерками Кроме основных функций совет кооординировал деятельность органов местной администрации четырех «пограничных» графств (Шропшира (Салопа), Герефордшира, Глостершира и Вустершира) К началу XVII в в компетенцию совета был включен ограниченный контроль над судебными инстанциями 12 уэльских графств (четыре судебных округа) и графства Честер Наиболее основательной обобщающей работой по этому вопросу остается *Skeel C A* The Council in the Marches of Wales London, 1904

[312] Рассел Френсис (F Russell, 1593–1642), граф Бедфорд, Говард, сэр Уильям (W Howard, 1614–1680) он был последовательно возведен сначала в баронское достоинство Стаффорда (12 09 1640), а затем стал виконтом Стаффордом (11 11 1640), Степлтон, сэр Филипп (Ph Stapleton или Stapylton, 1603–1647) — военный и парламентский деятель, сторонник пресвитериан, Эрмин, сэр Уильям (W Armine, 1593–1651) — видный парламентский деятель, Гемпден Джон (J Hampden, 1594–1643) — один из лидеров парламентской оппозиции

[313] Гендерсон Александер (A Genderson, 1583–1646) — пресвитерианский богослов и дипломат Гилеспи Джордж (G Gillespie, 1613–1648) — шотландский богослов и проповедник

[314] Френсис Лей (F Leigh, ум 1653), барон Дансмор, был возведен в графское достоинство Чичестера 3 06 1644

[315] Магир Коннор (C Maguire, 1616–1645), барон Иннискиллен (Enniskillen) — ирландский пэр, О' Мор Роджер, или Рори (R O'More, ум 1652) — ирландский военный предводитель и бунтарь О'Нил Фелим (F O'Neill, ум 1649) — один из многочисленных отпрысков знаменитого Хью О'Нила, графа Тирона (1540–1616)

[316] Английский Пэйл (English Pale) — средневековая колония Англии на территории Ирландии с центром в Дублине, существовала с XII по конец XVI в

[317] Речь идет о Роберте Сидни (R Sidney, 1595–1677), втором графе Лестере, он был назначен наместником Ирландии 14 06 1641

[318] Имеется в виду Джеймс Батлер (J Butler, 1610–1688), третий граф Ормонд и Оссори

[319] Речь идет о Джоне Престоне (J Preston, ум 1653), шестом виконте Горманстоне

[320] Рашуорт, сэр Джон (J Rushworth, 1612–1690) — историк-эрудит, клерк палаты общин (1640), секретарь Ферфакса (1643), член военного совета, Мильтон Джон (J Milton, 1608–1674) — выдающийся английский поэт и писатель, общественный деятель, латинский секретарь Республики (1649)

[321] Речь идет о Джоне Монтегю (J Montagu, ум 1656), лорде Кимболтоне, старшем сыне Генри Монтегю (H Montagu, 1563–1642), первого графа Манчестера

[322] Бедлам — первоначально лондонская больница Марии Вифлеемской, позднее известна как больница для душевнобольных

[323] Речь идет о сэре Эдварде Герберте (E Herbert, ум 1653)

[324] Речь идет о леди Люси Хэй (L Hay, 1599–1660) — дочери Генри Перси, девятого графа Нортумберленда и Дороти — дочери Уолтера Девере, графа Эссекса, в свое время вдовы сэра Томаса Пэррота, леди Люси была замужем за Джеймсом Хэем, бароном Хэем из Соули

[325] Лорд-мэр (Lord Mayor) — почетный титул главы муниципалитета лондонского Сити, а начиная с конца XVII в также некоторых крупных городов Англии и Уэльса

[326] Гилдхолл (Guildhall) — здание ратуши лондонского Сити, построено в 1411 г

[327] Ровоам (Rehoboam) — иудейский царь, сын Соломона и аммонитянки Наамы Приводимая цитата «*по шатрам своим, Израиль!*» (русский синодальный перевод III Цар 12 16,) «*to your tents, O Israel*» (английская Библия (авторизованный перевод), на текст которой, по всей видимости, ссылался автор I Цар 12 16)

[328] Скиппон Филипп (Ph Skippon, ум 1660) — военный деятель, отказался участвовать в суде над королем, участник двух парламентов Протектората

[329] Фекой (Tekoa) — город в шести милях от Вифлеема, место рождения пророка Амоса—пастуха фекойского (Амос 1 1)

[330] Готэм, сэр Джон (J Hotham, ум 1645) — комендант крепости Гулль

[331] Лунсфорд, сэр Тобиас (T Lunsford, 1610–1653?) — комендант Тауэра, полковник роялистской армии

[332] Байрон, сэр Джон (J Byron, ум 1652) — барон Рочдейл, Коньерз, сэр Джон (J Conyers, ум 1662) — барон Конниерз

[333] Будущие английские монархи Карл II и Яков II Стюарты

[334] Астли, сэр Джейкоб (J Astley, 1579–1652), будет возведен в баронское достоинство Астли из Ридинга 4 11 1644

[335] Речь идет о Томасе Райозли (T Wriothesly, 1607–1667), втором графе Саутгемптоне, сэре Джоне Колпеппере (J Culpeper, ум 1651), будущем бароне Колпеппере из Торесвэя (21 10 1644)

[336] *Привратник* (англ usher) — *парламентский служащий, охраняющий вход* в палату общин, он контролирует доступ на заседания по специальному списку (list of cheque), следит, чтобы во время сессионных заседаний парадные двери палаты были закрыты

[337] Речь идет о сэре Джордже Горинге (G Goring, 1583?–1663), бароне Горинге из Харст-Пирпойнта, будущем графе Нориче (28 11 1644)

[338] Речь идет об Уильяме Сеймуре (W Seymour, 1588–1661), графе Гертфорде, ставшем маркизом Гертфордом 3 06 1641

[339] Сеймур, сэр Френсис (F Seymour, 1590–1664), был возведен в баронское достоинство Сеймура из Троубриджа (Trowbridge) 19 02 1641, Джон Поллет (J Poullet, 1586–1649) был возведен в баронское достоинство Поллета (Poullet) из Хинтон Сент-Джорджа 23 06 1627

[340] Хоули, сэр Френсис (F Hawley, ум 1657), будущий барон Хоули из Данканнона (8 07 1645)

[341] Хоптон, сэр Ральф (R Hopton, 1598–1652), станет бароном Хоптоном из Стратгона 4 09 1643

[342] Руперт (Rupert, 1619–1682) — принц, сын курфюрста Пфальцского Фридриха V, племянник Карла I Стюарта, 24 01 1644 был инаугурирован в состав

английского пэрства как граф Холдернесс (Holderness) и герцог Камберленд (Cumberland)

[343] Астон, сэр Артур (A Aston, ум 1649) — полковник, затем генерал на службе у русского царя

[344] Хейдон, сэр Джон (J Heydon, ум 1649) — лейтенант артиллерии

[345] Речь идет о Бернарде Стюарте (B Stewart, ум 1653), лорде Блантире

[346] Киллигру, сэр Уильям (W Killigrew, ум 1648) — сначала капитан (1642), а затем полковник (1643) королевской армии

[347] Фортескью, сэр Фейсфула (F Fortescue, ум 1648) — член комиссии по делам Ирландии (1639–1641), затем капитан парламентской армии (1642)

[348] Речь идет о Фалке Гревилле (F Greville, 1608–1643), первом бароне Бруке

[349] Уоллер, сэр Уильям (W Waller, 1597?–1668) — один из создателей армии «новой модели», генерал

[350] Генри, барон Грей из Гроби (H Grey of Groby, 1599–1673), был возведен в графское достоинство Стамфорда (Stamford) 26 03 1628

[351] Джон Мохен (J Mohun или Mohun, 1592–1643) был возведен в баронское достоинство Мохена из Оукхэмтона (Mohun of Okehampton) 15 04 1628

[352] Речь идет об Элджерноне Перси (A Percy, ум 1654), десятом графе Нортумберленде, Эдварде Конвее (E Conway, ум 1652), втором виконте Конвее из Конвей Касл

[353] Чаллонер, сэр Томас (T Challoner, 1595–1661) — сын известного елизаветинского дипломата — сэра Томаса Чаллонера-старшего, участник процесса над королем, зять лорда Ферфакса

[354] Юм имеет в виду Джона Голлиса (J Holles, ум 1653), второго графа Клэра, Джона Ловласа (J Lovelace, 1616–1670), второго барона Ловласа из Харли

[355] Речь идет о Генри Спенсере (H Spencer, 1610–1643), бароне Спенсере из Вормлингтона, ставшем графом Сандерлендом (Sunderland) 8 06 1643, и Роберте Дормере (R Dormer, ум 1643), бароне Дормере из Уинга, ставшем графом Карнавоном (Carnarvon) 2 08 1628

[356] Речь идет о Томасе Ферфаксе (T Fairfax, 1612–1671), втором бароне Камероне и втором виконте Ферфаксе из Эммели (ирландский титул)

[357] Восточная ассоциация — военно-политический союз парламентских сил, созданный на основе восточных и отчасти центральных графств Англии (Норфолк, Суффолк, Эссекс, Кембриджшир, Гетингтоншир и Гертфордшир) не позднее весны 1643 г

[358] См примеч 313

[359] В тексте у Юма *and his brother the earl of Laneric* Графский титул Ланерика не существовал и тем более не принадлежал братьям герцога Гамильтона судя по всему, Юм имеет в виду брата герцога Гамильтона Уильяма, унаследовавшего (1649) титул в качестве четвертого маркиза и второго герцога и до вступления в наследственные права носившего титул графа Ланарка (Lanark)

[360] Ратленд (Ruthland) — графский титул Френсиса Маннерза, барона Росса (Ross или Rous)

[361] Джеймс Мор (J Mooge, ум 1652), второй виконт Мор из Дрогеды, сэр Уильям Сент-Леджер (W S -Leger, ум 1654) — выходец из почтенного, старинного клана Сент-Леджеров (Сев Шотландия), сэр Фредерик Гамильтон (F Hamilton, ум 1669) — племянник маркиза Гамильтона

[362] Джеймс Батлер (J Butler, 1610–1688), граф Ормонд и Оссори стал маркизом Ормондом 30 08 1642

[363] Брередон, сэр Уильям (W. Brereton, 1604–1661) — военный и политический деятель; отказался участвовать в суде над королем.

[364] Патрик Рутвен (P. Ruthven, 1573–1651), граф Форт, был возведен в английское пэрство как граф Брентфорд (Brentford) 27. 05. 1644.

[365] Гренвил, сэр Ричард (R. Grenville, ум. 1653) — младший сын Фалка Гревилла (1554–1628).

[366] Речь идет о сэре Джеймсе Бальфуре (J. Balfour, 1600–1657), лорде Бальфуре и бароне Глиноули (Glenawley).

[367] Миддлтон, сэр Джон (J. Middleton, 1619–1674) — полковник, а затем генерал шотландской армии.

[368] Еще в 90-е гг. XVI в. значительная часть индепендентских конгрегаций была физически уничтожена, а уцелевшие были вынуждены покинуть страну; только в 1620-е гг. индепендентские собрания начинают восстанавливаться как в Лондоне, так и в ряде других городов Англии: в этот период само движение носит скорее религиозно-философский характер, а высказывания индепендентских проповедников еще очень далеки от «революционных»; вместе с тем общий настрой, подпитываемый функционировавшими конгрегациями, способствовал распространению основных положений индепендентской доктрины не только на религиозную практику тех лет, но и на отличные от сугубо духовной сферы деятельности человека: массовый рост популярности индепендентской «философии» привел к окончательному обособлению индепендентов от других пуританских толков: в 1644 г. был издан трактат «Appologetical Narration», который по существу стал началом самостоятельного периода в истории движения.

[369] Имеются в виду: Роберт Рич (R. Rich, 1587–1658), барон Рич, получивший графское достоинство Уорика (Warwick) 6. 08. 1618., и Данверз, сэр Джон (J. Danvers, 1588–1655) — младший брат и наследник Генри Данверза, графа Денби; из оставшихся персонажей, ранее не упоминавшихся в комментарии, следует назвать Мейнарда, сэра Уильяма (W. Maynard, ум. 1647), который был возведен в баронское достоинство Мейнарда из Уиклоу (Wicklow) 30. 05. 1620, а затем 14. 03. 1628. инаугурирован в состав английского пэрства как барон Мейнард из Эстайнза и Туррима (Estaines & Turrim); Глинн Джон (J. Glynne, 1603–1666) — один из лидеров пресвитериан в Долгом парламенте.

[370] Барристер (англ. barrister) — первоначально надзиратель за перегородкой (bar), отделявшей обвиняемого от присутствовавшей на заседании публики; позднее — судебный служащий, имевший право выступать в высших судах; член одной из судебных корпораций (иннов).

[371] Нааман (Naaman) — талантливый военный предводитель Бен-Хадата — дамасского царя — завоевателя Израиля. Легенда гласит, что заболевший лепрой Нааман был исцелен женщиной-нудейкой, после чего уверовал во всемогущество Ягве.

[372] Грэхам Джеймс (J. Graham, 1612–1650), граф Монтроз; он станет маркизом Монтрозом 6. 05. 1644.

[373] Напир, сэр Арчибальд (A. Napier, 1575–1645), стал лордом Напиром из Мерчинстоуна 4. 05. 1627.

[374] Гордоны (the Gordons) — один из могущественных шотландских дворянских кланов, весьма преуспевших в годы правления первых Стюартов: известны по меньшей мере три ветви этого семейства; речь идет о сэре Джоне Гордоне (G. Gordon, ум. 1644), возведенном одновременно в баронское достоинство Эбоина (Aboyne) и маркиза Мэлгама (Melgum) 20. 10. 1627, и его наследниках:

Джордже Гордоне, 6-м графе Хантли и 1-м маркизе Хантли (G Gordon, 1562–1636), ставшем в дополнение к своему титулу виконтом Эбоином 20 04 1632, его сыне — Джеймсе Гордоне, 2-м виконте Эбоине (J Gordon, ум 1649), а также о Джоне Гордоне-младшем (J Gordon, 1599–1639), возведенном одновременно в баронское достоинство Лочинвана (Lochinvan) и виконтское достоинство Кенмара (Kenmure) 8 05 1633, и его наследниках

[375] Речь идет о Джеймсе Огилви (J Ogilvy, 1599–1666), лорде Огилви из Эрли, возведенном в графское достоинство Эрли 2 04 1639

[376] Огилви, сэр Давид (D Ogilvy, ум 1679) — старший сын Джеймса Огилви, графа Эрли (Airlie)

[377] Кеннет Макензи (K Mackenzie, ум 1651), второй граф Сифорт

[378] См примеч 374

[379] Чарльз Джерард (Ch Gerard, ум 1694) был возведен в баронское достоинство Джерарда из Брэндона 8 11 1645

[380] Айртон Генри (H Ireton, 1611–1651) — один из лидеров индепендентов

[381] Уильям Дуглас (W Duglas, 1589–1660), граф Энгас (Angus), стал маркизом Дугласом 13 06 1633, Джон Мюррей (J Murrey, ум 1646), виконт Аннанд (Annand), был возведен в графское достоинство Аннандейла (Annandale) 13 03 1625, Джеймс Джонстон, лорд Джонстон из Локвуда (J Johnston, ум 1667), был возведен в графское достоинство Хартфилла (Hartfell) 18 03 1643, лорды Джон, второй лорд Флеминг (J Fleming, ум 1651), лорда Сетона (Seton) не существовало скорее всего речь идет о Чарльзе Сетоне (Ch Seton, ум 1671), втором графе Данферлине (Dunferline) Джеймс Драммонд (J Drummond, ум 1673), второй лорд Мадерти, Джон Карнеги (J Carnegie, ум 1653) стал лордом Луром (Lour) 20 04 1639 (позднее — 1 11 1647 — он станет графом Эти (Ethie))

[382] См примеч 376

[383] Уильям Мюррей (W Murrey, ум 1646) был вторым сыном Патрика Мюррея, графа Туллибардина (возведение в графское достоинство состоялось 30 01 1628)

[384] Речь идет о Филиппе, лорде Герберте (P Herbert, 1584–1650)

[385] В русском синодальном переводе цитируемый текст соответствует эпизоду во II Цар 19 41–43

[386] Псалом, назначенный пресвитерианским проповедником — 51 3 (рус) 52 1 (англ), псалом, который запел король — 55 2 и 56 1 (соответственно)

[387] Речь идет о Филиппе Герберте (P Herbert, 1584–1650), графе Пемброке, и Монтгомери — лорде-наместнике Монмута (1642)

[388] Флитвуд Чарльз (Ch Fleetwod, ум 1692) — полковник (1644), затем генерал парламентской армии (1651), лорд-наместник Ирландии (1653)

[389] Малигнанты (англ malignants, от лат malignare — злоумышлять на кого-либо) — до начала XVII в термин, используемый для обозначения религиозных или политических групп, выступавших против церковных или светских авторитетов, в 1641–1660 гг был типичен для парламентской оппозиции, употреблявшей его для характеристики своих противников

[390] Речь идет о ветхозаветной истории, изложенной в Быт 47 13–22

[391] Олдермен (англ olderman) — член городского совета Лондона, а также ряда крупных городов Англии

[392] Мартин Генри (H Marten, 1602–1680) — полковник парламентской армии, радикал

[393] Лудлоу Эдмунд (E Ludlow, 1617–1692) — полковник парламентской армии, командующий парламентскими войсками в Ирландии, радикальный республиканец, известный мемуарист

[394] Речь идет о Ричарде Бойле (R. Boyle, 1621–1679), графе Оррери.

[395] Легг Роджер (R. Legg, ум. 1650) — капитан парламентской армии.

[396] Кэмбелл Джон (J. Campbell, 1598–1663), лорд Лаудон — стюартовский пэр; возведен в графское достоинство Лаудона (Loudoun) 12. 05. 1633. Мэйтланд Джон (J. Maithland, 1606–1682), виконт Лодердейл — стюартовский пэр; возведен в графское достоинство Лодердейла 14. 03. 1624.

[397] Из перечисленных офицеров Роуланд Лэнгхорн (Langharne) был генералом, Джон Пойер (Poyer) и Уильям Пауэл (Powel) — капитанами.

[398] Кейпл, сэр Артур (A. Capell, ум. 1649) — стюартовский пэр, возведенный в баронское достоинство Кейпла из Хэдэма (Hadham) 8. 08. 1641.

[399] Хортон Томас (T. Horton, ум. 1649) — полковник парламентской армии (1643), участник судебного процесса над Карлом I.

[400] Ламберт Джон (J. Lambert, 1619–1683) — один из героев гражданской войны, видный государственный деятель Протектората, член Государственного совета; назван среди авторов «Орудия управления».

[401] Лайвси, сэр Майкл (M. Livesey, 1611–1663) — позднее — один из судей, приговоривших Карла I к смерти.

[402] Байрон, сэр Джон (J. Byron, ум. 1652) — стюартовский пэр: возведен в баронское достоинство Байрона из Рочдейла (Rochdale) 24. 10. 1643.

[403] Прайд Томас (T. Pride, ум. 1658) — полковник парламентской армии. О происхождении ничего не известно. Образование получил в Грей-инне. В 1644 г. стал капитаном в армии нового образца, а с 1645 г. — полковником. Государственная деятельность началась после избрания в 1649 г. в состав Гос. совета; с 1655 г. — шериф Сарри; в 1655–1656 гг. — член различных парламентских комиссий; в 1656–1658 гг. заседал в парламенте от Райгита.

[404] Грей Гроби Томас (T. Grey of Groby, 1623–1657) — барон; сын яковитского пэра Генри Грея из Гроби; в 1643 г. был назначен командующим войск центральных графств; в 1649 г — член Гос. совета.

[405] В первой половине XVII в. политическая фразеология интенсивно пополнялась различного рода аналогиями, в том числе и физиологического характера: в этом смысле очищающий и вместе с тем оздоровляющий эффект «слабительного» прекрасно подходил к тому, что современники видели в предпринятых Томасом Прайдом мероприятиях. В современной отечественной литературе используемый в XVII в. термин «purge» переводится как «чистка», что по понятным соображениям несколько искажает реальный смысл, который вкладывали в него современники.

[406] Юм ошибается, называя Джона Копли (J. Copley) генералом: он сумел дослужиться только до чина полковника.

[407] Бредшоу Джон (J. Bradshaw, 1602–1659) — видный юрист, председатель суда над Карлом I; Дорислау Исаак (I. Dorislaus, 1595–1649) — видный дипломат, представитель Долгого парламента в Гааге; Стил Уильям (W. Steele, ум. 1680) — член суда над королем; лорд-канцлер Ирландии (1656); Эск Ричард (R. Ask, ум. 1659) — военный деятель, капитан, участник процесса над королем; Кук Джон (J. Cook, ум. 1660) — видный юрист, член суда над королем.

[408] Елизавета (Elizabeth, 1636–1653) — принцесса, дочь Карла I. Генри Стюарт, герцог Глостерский (H. Stuart, 1640–1660) — младший сын Карла I. Яков Стюарт, герцог Йоркский (J. Stuart, 1633–1701) — старший сын Карла I, будущий король Яков II.

[409] Речь идет о низложении Нерона римским сенатом (68 г. н. э.) — случае беспрецедентном в римской истории. Подробное описание происходившего можно найти у Светония (Нерон, 40–46).

[410] Мария Оранская (M of Orange, 1631–1660) — принцесса, дочь английского короля Карла I

[411] Генриетта-Анна Орлеанская (H -A of Orlean, 1644–1670) — принцесса, дочь Карла I

[412] Мортон Альбертус (A Morton, 1584?–1635) — государственный секретарь (1613–1623), происходил из старинного рода Мортонов из Милдред Сент-Эндрью (Дорсет), один из представителей которого — Джон Мортон (J Morton, 1420–1500), был архиепископом Кентерберийским

[413] Николас, сэр Эдуард (E Nicholas, 1593–1669), государственный секретарь Карла I (1616) и Карла II

[414] Проблема авторства «EIKON BASILIKE» («Царский лик») остается и по сей день до конца нерешенной часть историков по-прежнему настаивают на том, что трактат был написан епископом Д Гауденом (J Gauden), хотя и не отрицают, что непосредственным заказчиком выступал сам король (среди работ этого плана наиболее показательны *Trevor-Roper H R* «Eikon Basilike» the problem of the king's book // History Today V I (Sept 1951) P 7–12, *Sirluck E* Eikon Basilike, Eikon Alithini and Eikonoklastes // Modern Language Notes V LXIX (1954) P 497–502) Напротив, ряд специалистов полагает, что правильнее говорить о безымянном переписчике «черновых набросков» самого Карла I, сохранившем не только основную логику монарха, но и характерный для его письма лексический аппарат, стиль и ритм До начала 90-х гг эту точку зрения наиболее четко высказывал M Хьюз (*Hughes M* Milton's Eikon Basilike // Calm of Mind / Ed by J Wittreich Cleveland, 1971 P 1–24) После выхода в свет капитального исследования K Шарпа (*Sharpe K* The Personal Rule of Charles I London, New Haven, 1992) стало ясно, что у M Хьюза появились единомышленники Кроме своих доводов K Шарп ссылается на неопубликованную статью Джона Кеньона (*Kenyon J P* Charles I and the Eikon Basilike), в которой доказывается, что трактат представляет собой запись, сделанную со слов самого Карла и затем им же выверенную (*K Sharpe* Ibid P 179)

[415] Завещание Цезаря не сохранилось о его содержании можно судить по пересказам Плутарха (Цезарь, 56, 58) и Светония (Божественный Юлий, 83) Аналогия, приводимая Юмом, взята из трактата Джона Мильтона «Иконоборец» (Eikonoklastes, 1649), который был прямым ответом на упоминавшееся уже сочинение «Eikon Basilike»

СОДЕРЖАНИЕ

Глава I 5
Глава II 24
Глава III 44
Глава IV 64
Глава V 83
Царствование Якова I. Приложение 105
Глава VI 132
Глава VII 156
Глава VIII 182
Глава IX 209
Глава X 237
Глава XI 276
Глава XII 321
Глава XIII 355
Глава XIV 382
Глава XV 407
Примечания к главам I–VI 455
Примечания к главам VII–X 482
Примечания к главам XI–XV 496
Примечания редактора 520

Директор издательства:
О. Л. Абышко
Главный редактор:
И. А. Савкин

Художественный редактор:
Н. И. Пашковская

Корректоры:
Н. П. Дралова,
Л. А. Абышко

Оригинал-макет:
Е. Н. Ванчурина

ИЛ № 064366 от 26.12.1995 г.

Издательство «Алетейя»:
193019, Санкт-Петербург, пр. Обуховской обороны, 13
Телефон издательства: (812) 567-2239
Факс: (812) 567-2253
E-mail: aletheia@spb.cityline.ru

Сдано в набор 11.05.2000. Подписано в печать 10.11.2000.
Формат 60×88/16. 36 п. л. Тираж 2000 экз. Заказ № 3635

Отпечатано с готовых диапозитивов в Академической типографии «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

Printed in Russia